ПРАВОСЛАВНЫЙ

ПАЛЕСТИНСКІЙ СБОРНИКЪ

43-й ВЫПУСКЪ

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1895

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКІЙ СБОРНИКЪ

Томъ XV

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Киршбаума, въ д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1895

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 7 Ноября 1895 г.
Цензоръ, Протоіерей *А. Автономовъ*.

СНОШЕНІЯ

ІЕРУСАЛИМСКИХЪ ПАТРІАРХОВЪ

СЪ РУССКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

съ половины XVI до конца XVIII столѣтія

—...—

Н. Каптеревъ

СНОШЕНІЯ

ІЕРУСАЛИМСКИХЪ ПАТРІАРХОВЪ

СЪ РУССКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

Настоящій очеркъ сношеній Іерусалимскихъ патріарховъ съ Русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи такъ-называемыхъ *Греческихъ и Турецкихъ дѣлъ и статейныхъ списковъ,* хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Другіе источники, какими намъ приходилось пользоваться, указаны въ самомъ текстѣ.

При написаніи очерка сношеній Іерусалимскихъ патріарховъ съ Русскимъ правительствомъ мы имѣли въ виду объективно и строго документально изложить историческій ходъ этихъ сношеній, представить, какъ было дѣло за взятое нами время почти исключительно словами самыхъ документовъ, не вдаваясь въ критику, въ какіе-либо особые выводы и обобщенія, почему на нашъ очеркъ слѣдуетъ смотрѣть почти какъ на сборникъ по данному предмету рукописныхъ документовъ, доселѣ почти неизданныхъ, доселѣ мало или совсѣмъ еще неизвѣстныхъ.

1 Ноября 1895 г.

Н. Каптеревъ.

I

Сношенія патріарховъ Германа и Софронія съ русскимъ правительствомъ

Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ начались около половины XVI столѣтія. До этого времени встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ и актахъ только короткія упоминанія объ отдѣльныхъ случайныхъ лицахъ, которые иногда приходили изъ Палестины на Русь для сбора милостыни. Такъ, подъ 1371 годомъ наша лѣтопись говоритъ: „пріиде изъ Ерусолима нѣкоторой митрополитъ, именемъ Германъ, на Русь, милостыня ради и искупленія длъга, понеже бо много имъ насиліе отъ поганыхъ сарацинъ“. Подъ 1376 годомъ говорится: „пріиде нѣкоторый митрополитъ, имянемъ Марко, отъ Святыа Богородица изъ Синайскіе горы на Русь милостыня ради. Потомъ же въ то же лѣто пріиде изъ Іерусалима архимандритъ, именемъ Нифонтъ, изъ монастыря Архангела Михаила. иже въ Іерусалимѣ, на Русь, такоже милостыня ради и паки, собравъ милостыни, отъиде и ста тѣмъ на патріаршество іерусалимское“ [1]. Прежде 1462 года встрѣчается отпустительная грамота іерусалимскаго патріарха Іоакима великому князю Василію Васильевичу, въ которой патріархъ пишетъ: „разумѣваемъ о господарствѣ ти, еже еси человѣкъ благочестивый и православенъ и

[1] Полн. собр. русск. лѣт., т. VIII, стр. 18 и 24.

православнымъ и христолюбивымъ родителемъ наслѣдникъ и въспріятель, и ближній сынъ и другъ святыя Христовы церкви. И сего ради еже еси явился всегда послушающимъ къ ней вѣрою и покорениемъ и честію, и того ради и мы имѣемъ тя благословенна отъ Бога и прощенна“ [1]. Подъ 1464 годомъ въ лѣтописи встрѣчается такое извѣстіе: „Марта 4 Ѳеодосій митрополитъ поставилъ нѣкоего іерусалимлянина, Іосифа именемъ, брата патріарха іерусалимскаго, въ митрополиты въ Кесаріа Филиповы; а и той братъ его, патріархъ, пошелъ былъ на Москву милостыня ради, понеже бо истома бѣ имъ отъ египетскаго салтана, и недошедъ преставился въ Кафѣ; и той Осифъ восхотѣ быти на его мѣсто, и тако поставися здѣ отъ митрополита нашего и отъ епископъ земля рускіа, поиде назадъ, много събравъ милостыни, и недоиде своеа земля“ [2].

О пришествіи въ Москву брата іерусалимскаго патріарха Іосифа и поставленіи его въ митрополиты кесарійскіе, болѣе подробно разсказываетъ дошедшее до насъ посланіе московскаго митрополита Ѳеодосія къ новгородцамъ и псковичамъ о милостынѣ на искупленіе Гроба Господня. Митрополитъ Ѳеодосій писалъ, что пришелъ на Русь протосингелъ іерусалимскаго патріарха Іосифъ, нареченный своимъ братомъ, патріархомъ, митрополитомъ Кесаріи Филипповой, и извѣстилъ и повѣдалъ намъ о страшномъ землетрясеніи въ Іерусалимѣ и о паденіи купола въ храмѣ Воскресенія. Египетскій султанъ, которому подчинена Палестина, хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы окончательно разрушить храмъ Воскресенія и на мѣстѣ его построить мечеть. Тогда патріархъ Іоакимъ предложилъ

[1] Акт. ист., т. I, № 72. — [2] Полн. собр. русск. лѣт., т. VIII, стр. 151.

султану выкупъ за храмъ и султанъ потребовалъ было 10,000 золотыхъ венеціанскихъ, а потомъ съ трудомъ согласился на шесть съ половиною тысячъ, въ чемъ предъ султаномъ поручилось много христіанъ и кромѣ того въ закладъ отдана церковная утварь. Не зная гдѣ добыть необходимую на уплату долга сумму денегъ и въ виду того, что греческая, сербская и болгарская земли, изъ которыхъ ранѣе шла милостыня Св. Гробу, порабощены были невѣрными, патріархъ Іоакимъ обратилъ свои взоры на православную Россію. „Слышавъ (патріархъ), говоритъ посланіе, нашу святую вѣру непорушную, юже отъ богопросвѣщеннаго Владимера въ русскихъ земляхъ отъ многихъ лѣтъ провозсіявшю, и въ Божіей воли исполнену, и благочестіемъ цвѣтущю, якоже и свѣтъ солнечьный, и тако уповая отъ сихъ на благое, и подщався, Господа ради, самъ пойде въ землю нашу, хотя намъ, по вышней ему силѣ благодати святаго Духа, дати свое благословеніе отъ рукы своея и прощеніе грѣховъ даровати, иже вѣрою къ нему исповѣдавшимся; и тако святыя милостыня просити къ живодавному Христову Гробу, на съзиданіе святыя тоя Божіа церкви на искупленіе иже отъ поганаго“. Но пріѣхавъ въ Кафу патріархъ заболѣлъ и умеръ. Къ великому же князю и къ нему, митрополиту, патріархъ, умирая, послалъ свои грамоты съ благоволеніемъ своимъ и съ просьбою о милостынѣ Св. Гробу, на искупленіе святыя церкви и на созиданіе св. храма и о поставленіи на Руси посылаемаго имъ въ Россію протосингела Іосифа въ митрополиты Кесаріи Филипповой, что митрополитъ Ѳеодосій и исполнилъ, поставивъ Іосифа съ русскими епископами въ митрополиты Кесаріи. Затѣмъ митрополитъ обращается къ новгородцамъ и псковичамъ, чтобы они „съ богобоязньствомъ и великою вѣрою и

любовію“ подали „безсумнѣніа“ милостыню Іосифу, каждый по своей силѣ „на искупленіе Христова Гроба и на съзиданіе святые матере церквамъ, еже есть Сіонъ, отъ него же изыде радость и свѣтъ Христосъ“. При этомъ митрополитъ Ѳеодосій замѣчаетъ: „послахомъ сію свою грамоту къ вамъ прославляя и возвеличая имя Господне, иже въ русскыхъ нашихъ земляхъ провозсіявшаго благочестія“ [1]. Въ дошедшей до насъ настольной грамотѣ, данной митрополитомъ Ѳеодосіемъ, отъ 4 апрѣля 1464 года, поставленному имъ въ митрополиты Кесаріи Филипповой Іосифу говорится, что прежде своего поставленія Іосифъ произнесъ православное исповѣданіе вѣры, что онъ всячески отрекся флорентійскаго собора, отвергъ въ конецъ всѣ его богоненавистныя и нечистыя преданія, и что все ученіе Исидора и ученика его Григорія „мерзостно ему вмѣнися“. „и того ради, говоритъ настольная грамота, обрѣтохомъ его православна и честна старца и разумна человѣка, могуща снабдѣти и устроити и украсити престолъ кесарійскія церкви божественнымъ ученіемъ, по преданію св. апостолъ, и исправляти все священное Божіе церковное исплъненіе“ [2].

Въ 1480 году встрѣчается еще одинъ документъ изъ сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ Россіей до половины XVI вѣка,— это посланіе іерусалимскаго патріарха Іоакима московскому митрополиту Геронтію. Въ этомъ посланіи патріархъ говоритъ, что нѣкто Григорій Русинъ, купецъ, былъ въ Іерусалимѣ, откуда направился въ Египетъ и здѣсь нашелъ его, патріарха, пріѣхавшаго по своимъ дѣламъ къ египетскому султану. Явившись къ патріарху, Григорій „просилъ и молился

[1] Акт. ист., т. I, № 78.—[2] Истор. библ., т. VI, № 135, стр. 927—928.

намъ, дабы есмя дали свое благословеніе и писаніе къ твоему святительству, въ порадованіе и пріятельство. И отъ того есмя слышали о тебѣ величайшу похвалу и мужьство благодати, яко твориши и учиши свою паству, христоименитое людство много: ибо хвалу той Григорей явилъ и премудрости, и слова, и добродѣтели и разума. И того ради святительству твоему посылаемъ благодать и благословеніе и съ твоею паствою православною, съ христоименитымъ людствомъ, благодать и милость со всѣми вами, аминь“ [1].

Вотъ и все то немногое, что дошло до насъ о сношеніяхъ іерусалимскихъ патріарховъ съ Россіей до половины XVI вѣка. Очевидно изъ этого только одно: если изъ Палестины до половины XVI вѣка иногда и попадали на Русь нѣкоторые лица, то такія явленія были совершенно случайны и крайне рѣдки, и что объ нихъ, вслѣдствіе неполноты и отрывочности дошедшихъ извѣстій, даже трудно составить намъ какое либо опредѣленное представленіе; что какихъ нибудь правильныхъ или постоянныхъ сношеній между русскимъ правительствомъ и іерусалимскими патріархами тогда вовсе не существовало [2].

[1] Акт. ист., т. I, № 89. — [2] Подъ 1376 годомъ наша лѣтопись, какъ мы видѣли, говоритъ, что пришелъ на Русь за сборомъ милостыни іерусалимскій архимандритъ Нифонтъ, который, собравъ милостыню, возвратился назадъ „и ста тѣмъ на патріаршество іерусалимское“. Но просматривая списки патріарховъ іерусалимскихъ, мы вовсе не находимъ въ нихъ имени Нифонта. Въ 1464 году, по просьбѣ умершаго въ Кафѣ іерусалимскаго патріарха Іоакима „на Москѣ ставятъ въ митрополиты Кесаріи Филипповой его брата, протосингела Іосифа. Но въ это время въ Іерусалимѣ патріарха по имени Іоакима не было и кромѣ того, непонятнымъ совсѣмъ остается, зачѣмъ бы ему понадобилось послать своего брата для поставленія въ митрополиты въ далекую и мало знаемую Москву. Въ 1480 году опять Іоакимъ, патріархъ іерусалимскій, присылаетъ свое благословеніе митрополиту Геронтію. Но если уже одинъ патріархъ Іоакимъ дѣйствительно въ 1464 году умеръ въ Кафѣ, то другаго іерусалимскаго патріарха въ это время и съ этимъ именемъ несомнѣнно болѣе не было.

Указанное явленіе, съ одной стороны, объясняется тѣмъ, что іерусалимскіе патріархи-арабы, зависѣвшіе отъ египетскихъ султановъ, относившихся къ нимъ подозрительно, не имѣли свободы сноситься нетолько съ отдаленною и мало вѣдомою имъ Москвою, но даже и съ ближайшими къ нимъ единовѣрными греками имперіи, которые въ это время, вслѣдствіе подозрительности египетскихъ правителей, почти совсѣмъ не являлись на поклоненіе св. мѣстамъ. Съ другой стороны Россія, до конца XV вѣка, то терпѣвшая иго татаръ, то раздираемая внутренними усобицами князей, не могла представляться отдаленнымъ іерусалимскимъ патріархамъ-арабамъ такою страною, съ которою бы они имѣли какія либо особыя побужденія стремиться установить близкія и правильныя сношенія. Если со стороны русскаго паломника того времени было подвигомъ побывать въ Іерусалимѣ, то такимъ же чрезвычайнымъ подвигомъ было тогда и добраться изъ Іерусалима до Москвы. Положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи совершенно измѣнилось, когда турки овладѣли Палестиной и когда, вслѣдъ за тѣмъ, іерусалимская патріаршая каѳедра стала замѣщаться выходцами греками. Теперь посѣтить большую часть православныхъ странъ для іерусалимскихъ патріарховъ значило невыходить изъ предѣловъ той же турецкой имперіи, прибыть въ Молдовлахію значило прибыть почти уже къ самымъ границамъ Россіи, такъ что путешествія іерусалимскихъ патріарховъ за сборомъ милостыни теперь не могли уже встрѣчать прежнихъ, почти неодолимыхъ препятствій. Съ другой стороны и положеніе Московскаго государства къ этому времени тоже рѣшительно измѣнилось. Въ лицѣ великаго князя Іоанна III Русь окончательно низвергла татарское иго и въ то же время великій мо-

сковскій князь, а потомъ царь, сдѣлался единодержавнымъ правителемъ всей сѣверовосточной Руси, гдѣ такимъ образомъ сложилось сильное православное царство. Іоаннъ III женился на Софьѣ Палеологъ и сдѣлался какъ бы преемникомъ греческихъ византійскихъ императоровъ, такъ что московскіе государи стали съ этого времени смотрѣть на себя какъ на единственныхъ теперь представителей и защитниковъ всего вселенскаго православія, и всегда готовы были проявить это свое новое призваніе покрайней мѣрѣ денежными нескудными дачами на поддержку православія на востокѣ, терпящаго тамъ отъ постоянныхъ притѣсненій иновѣрныхъ. И вотъ уже съ конца XV и начала XVI столѣтія въ Москву начали пріѣзжать съ православнаго востока просители милостыни изъ разныхъ аѳонскихъ монастырей и родственной Сербіи, изъ отдаленнаго Синая и другихъ мѣстъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивался притокъ всевозможныхъ просителей, такъ какъ въ Москвѣ всѣхъ ихъ принимали очень радушно, надѣляли нескудною милостынею какъ лично самихъ просителей, такъ и представляемые ими монастыри или архіерейскія каѳедры. Вполнѣ естественно было, что и іерусалимскіе патріархи, постоянно нуждавшіеся въ деньгахъ, обратили свое вниманіе на тороватую Москву, и, вслѣдъ за другими просителями милостыни, стали обращаться къ московскимъ государямъ съ просьбами о помощи св. Гробу. Первый іерусалимскій патріархъ изъ грековъ — Германъ первый и завязалъ прямыя сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ московскимъ правительствомъ.

Въ первый разъ патріархъ Германъ обратился къ московскому правительству не съ просьбою о милостынѣ, а съ просьбою возвратить на востокъ находя-

щагося въ Москвѣ извѣстнаго Максима Грека, причемъ грамота объ этомъ была писана собственно не имъ, а константинопольскимъ патріархомъ, Германъ же, случившійся тогда въ Константинополѣ, только подписался подъ ней. Затѣмъ патріархъ Германъ обратился чрезъ своихъ нарочныхъ, посланныхъ уже съ спеціальною просьбою къ московскому государю о милостынѣ Св. Гробу. Но эта первая просительная грамота Германа не дошла до насъ, равно какъ и отвѣтъ на нея государя. Въ 1550 году въ Іюнѣ мѣсяцѣ въ Москву прибыли два старца—Даніилъ и Гавріилъ и привезли государю грамоту іерусалимскаго патріарха, писанную имъ въ 1548 году. Въ ней Германъ, послѣ обычнаго титула и привѣтствій, посылаетъ государю благословеніе отъ живодавнаго Св. Гроба, къ которому для поклоненія ежегодно приходятъ христоименитые люди всякаго званія и положенія. А такъ какъ государь не могъ самъ посѣтить лично и видѣть св. мѣста, то онъ показалъ свою любовь къ нимъ и усердіе тѣмъ, что позаботился о сооруженіи сихъ св. мѣстъ, когда съ посланнымъ къ нему инокомъ Арсеніемъ и другими, бывшими съ ними, прислалъ ему, патріарху, шубу отца своего Василія. Германъ далѣе заявляетъ, что имена государевыхъ родителей ежедневно поминаются на литургіяхъ, утреняхъ и вечерняхъ, и что только государскою помощію они спасаются отъ многихъ скорбей и тѣсноты, которыя терпятъ отъ иноплеменныхъ. Затѣмъ патріархъ пишетъ: „и паки пріиде на насъ Божіе посѣщеніе свыше и прежнихъ, славнѣйшій государь, еже бысть трясеніе земли страшно и веліе зѣло, еже и небысть таково и въ страсть Христову, въ вольное Его распятіе: разсѣдеся даже Божіи церкви и келіи наша и ограда распадошась и самосущее воскресеніе Господа

нашего І. Христа надъ гробомъ (т. е. кувуклій) разсѣдеся по мѣстомъ, и колокольница распадеся и иные прочія церкви въ Геѳсиманіи и въ Виѳліемѣ стоятъ пусты. И аще не будетъ ваше презрѣніе и поможеніе, и намъ убо нѣтъ силы отъ вседневнаго нахожения нечестивыхъ иноплеменникъ и насиліа, отъ тяжести ихъ и безпрестаннаго питаніа ихъ“ [1]. Въ заключеніе патріархъ проситъ государя быть ктиторомъ, сооруднтелемъ и помощникомъ святаго Гроба, и поминаніе о немъ будетъ вѣчно, какъ и о приснопамятныхъ царяхъ Константинѣ и Еленѣ, „ибо нѣтъ намъ другаго помощника, кромѣ Бога и твоего царствія; прислали мы и малое поминовеніе твоей свѣтлости: елей отъ кандила Гроба Господняго и отъ святаго мѣста Голгоѳы и иныя вещи, какія тебѣ подадутъ наши посланцы. Сотвори намъ милость, дабы милость Божія сохранила твою державу“.—Государь на этотъ разъ послалъ милостыню небогатую: 30 р. патріарху, Гробу Господню на свѣчи и ладанъ 50 р., старцамъ велѣлъ дать на платье по 2 р. и милостыни по 10 р., причемъ послалъ патріарху и свою отвѣтную грамоту, въ которой извѣщаетъ о посылкѣ къ нему милостыни и проситъ молиться о немъ—царѣ, женѣ его, дѣтяхъ и братѣ и всемъ православномъ христіанствѣ, и записать въ синодикъ имена его родителей, о чемъ уже ранѣе онъ просилъ патріарха въ своей грамотѣ, посланной къ нему съ инокомъ Арсеніемъ (которая до насъ не дошла) [2].

[1] Досиѳей объ этомъ землетрясеніи говоритъ: «при Германѣ во время землетрясенія упалъ куполъ башни мѣднаго колокола т. е. колокольня Св. Гроба на близь находящійся храмъ Воскресенія—и разрушила куполъ сего храма, что и до сихъ поръ остается въ томъ же видѣ. Отъ сего же землетрясенія упала колокольня Св. Виѳліема, какъ и теперь видимъ». (Кн. XI, гл. VII, пар. 3). — [2] Греческіе статейные списки № 1, л. 43—50.

Въ Сентябрѣ 1559 г. государь Іоаннъ Васильевичъ послалъ на востокъ софійскаго архидіакона Геннадія и купца Василія Позднякова съ тѣмъ, чтобы архидіаконъ побывалъ у всѣхъ восточныхъ патріарховъ и во всѣхъ святыхъ мѣстахъ и описалъ все, что онъ увидитъ тамъ. Съ ними посланы были царскія грамоты ко всѣмъ патріархамъ и милостыня. Патріарху Герману Іоаннъ писалъ, что услышавъ отъ старцевъ Синайской горы о скорби, какую они терпятъ отъ насилія турецкаго, посылаетъ къ нему съ архидіакономъ Геннадіемъ рухляди на четыреста золотыхъ, съ бархатною шубою на соболяхъ; да живоносному Гробу посылаетъ рухляди на четыреста золотыхъ и на двѣсти золотыхъ въ церковь на Голгоѳѣ (т. е. всего на 1000 золотыхъ, кромѣ бархатной шубы для патріарха) и проситъ его возжечь неугасаемое кандило ради его державы надъ Гробомъ Господнимъ и Голгоѳою, а также и молиться о его здравіи и о упокоеніи его родителей. На эту присылку богатой милостыни патріархъ Германъ такъ отвѣчалъ государю грамотою, писанною въ Іюлѣ 1560 года: „Господу небеса приклонишася и снизшелъ Господь въ Іерусалимъ. Все, что внутри его, есть стяжаніе нашему спасенію, ибо страшное въ немъ совершилось таинство: воскресеніе и божественное вознесеніе, пришедшаго къ намъ на вольную, пречистую и ужасную страсть. Тутъ живоносный Гробъ его и Голгоѳа съ прочими святыми мѣстами, тутъ же и пречистая стопа его ноги, гдѣ онъ ступилъ, и камень, на который благоутробно положенъ былъ снятый со креста. Всякій день созерцаемъ мы всѣ сіи святыя, славныя и неизреченныя мѣста и, ради ихъ, приходятъ отовсюду на поклоненіе христолюбивые люди, по морю и по землѣ, отъ конецъ ся до конецъ вселенной. И отъ вашихъ странъ многіе

къ намъ приходятъ, съ веселыми лицами и со всякимъ достояніемъ, похвально преплывая безчисленную пучину водъ. Твоя христолюбивая милостыня также преплыла моря, ибо и ты истинный подражатель милостиваго великаго Царя, Христа Бога нашего. По сему возсылаемъ велегласно славу Господу о царствіи твоемъ, дабы укрѣпилъ и утвердилъ тебя силою своею въ исполненіи божественныхъ его заповѣдей, на похвалу и пользу и помощь нашему роду, единокровнымъ тебѣ христіанамъ". Сказавъ затѣмъ, что получилъ царскую милостыню, изъ которой однако до него не дошло 400 р., съ которыми невѣдомо что учинилъ синайскій попъ Іосифъ, проситъ царя впредь, если онъ вздумаетъ послать милостыню, посылать ее только съ патріаршими чернецами. Далѣе патріархъ заявляетъ, что онъ не можетъ достаточно передать писаніемъ, какія напасти и бѣды, плѣненія и темницы претерпѣваютъ обрѣтающіеся тамъ христіане отъ сыроядцевъ, обладающихъ ими. Въ заключеніе патріархъ проситъ обновить святые сосуды и прислать ему митру, „ибо многіе здѣсь у Св. Гроба носятъ митры: армяне и хабези (т. е. абиссинцы) и прочіе, только мы одни ее не имѣемъ!" [1]

Приведенною грамотою и заканчиваются всѣ сношенія Германа съ московскимъ правительствомъ. Очевидно онѣ носили еще случайный характеръ и Германъ не думалъ объ установленіи болѣе правильныхъ и постоянныхъ сношеній съ нашимъ правительствомъ. Объ этомъ позаботился преемникъ Германа—Софроній.

Государь Ѳедоръ Іоанновичъ, вступивъ на престолъ, чрезъ своего посла Бориса Благого увѣдомилъ объ этомъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ. Занявшій мѣсто

[1] Греч. стат. списки № 1, л. 159—165.

Германа Софроній поспѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы завязать сношенія съ новымъ московскимъ государемъ. Онъ прислалъ царю грамоту, въ которой писалъ: „да подастъ (Господь) благородствію ти благій разумъ и доброразсуженіе, да устрояеши Богомъ врученное ти парство, яко есть годно царемъ благочестивымъ, въ семъ еси долженъ отвѣтъ дати на второмъ пришествіи Христовѣ. Потому сотворяй добродѣтельная своя дѣла, елико належитъ православней и непорочней вѣрѣ христіанстей, и соблюдай опасно и держи прямо вся, елика суть писано во святемъ евангельи святыми апостолы, елика суть предана святей Божіи церкви святыми архіереи и богоносными отцы, иже по благодати Св. Духа, семи соборными заповѣдьми и уставы просвѣтиша и утвердиша сія заповѣди Господня евангельская и соборная. И елика писахъ къ твоему благовѣрію, да будеши всегда имѣти крѣпко и богобоязненно, и благодать святаго Духа да будетъ на тебѣ всегда, и сохранитъ тя и соблюдетъ отъ всѣхъ враг твоихъ видимыхъ и невидимыхъ во вся лѣта, и умножитъ Господь Богъ царствіе твое во всяцемъ блазѣ. Ты же буди благотворя такъ, яко блаженный отецъ твой царь Іванъ; и буди праведенъ и милосердъ къ посланнымъ ти, и не буди злосердъ и завистливъ на чужая доброты и соблюдайся отъ всякаго грѣха, да будешь честенъ и славенъ отъ всѣхъ людей, почтенъ будешь во второмъ пришествіи Христовѣ, егда раздаетца комуждо по дѣломъ его. Тако же есть лѣпо, боговѣнчанный царь, помнити всегда нищихъ и убогихъ и нужныхъ и сотворити милостину, имѣти любовь къ святымъ церквамъ и ко святымъ монастыремъ и къ святому и животворному Гробу Господа нашего І. Христа, идѣже горятъ два паниканьдила ради многолѣтнаго и богодарнаго,

честнаго и славнаго, Богомъ соблюдаемаго имени царствія твоего, и молимъ за твое царствіе во дни и въ ноши на священныхъ литоргіяхъ и во всякихъ божественныхъ службахъ....“

Царицѣ Иринѣ Софроній прислалъ разрѣшительную грамоту, въ которой писалъ: „смиренія нашего молитва и благословеніе, по благодати Господа нашего данней намъ древле св. Духомъ и по заповѣди Спасителя нашего І. Христа, еже рече своимъ ученикомъ и апостоломъ глаголя: пріимите Духъ святъ, имъ же отпустите грѣхи, отпустятца имъ, и имъ же держите, держатся имъ, и елико аще свяжете на земли, связано будетъ и на небесѣхъ“. Затѣмъ патріархъ пишетъ: „буди прощена о св. Дусѣ дщерь наша царица Ирина, елика аще въ чемъ согрѣшила предъ Богомъ яко человѣкъ: словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ и всѣми чувствы душевные и тѣлесне... и отъ тѣхъ всѣхъ согрѣшеній прощаемъ и разрѣшаемъ отъ всякаго вязанія изволеніемъ и благодатію всекрѣпкаго и прещедраго Бога и споклоняемаго во Троицѣ св. Духа, да проститъ и всемилостивый Господь Богъ во всемъ, елика предъ нимъ нисогрѣшила“.

Царь, выслушавъ патріаршія грамоты, привезенныя патріаршимъ архимандритомъ Іоасафомъ, „приговорилъ къ іерусалимскому патріарху и въ монастыри его области послати милостыни девятьсотъ рублевъ“, а къ патріарху Софронію, съ его архимандритомъ Іоасафомъ послано двѣ царскихъ грамоты. Въ первой изъ нихъ государь извѣщаетъ патріарха о посылкѣ ему 900 р., которые онъ и поручаетъ ему раздать по росписи на всѣ церкви и монастыри его патріархіи съ тѣмъ, чтобы во вседневныхъ службахъ поминали бы государевыхъ отца, мать и брата, и молились бы о его царскомъ

здравіи и побѣдѣ на враговъ. Въ другой грамотѣ царь писалъ патріарху о трехъ неугасаемыхъ кандилахъ, именно: что онъ послалъ съ архимандритомъ Іоасафомъ 82 р. и четыре алтына съ деньгою съ тѣмъ, чтобы патріархъ устроилъ два кандила у гроба Господня и одно на Голгоѳѣ, и чтобы эти кандилы горѣли тамъ день и ночь, пока тѣхъ денегъ станетъ на масло, за его царское здравіе и чадородіе его царицы, въ наслѣдіе царства. Кромѣ того, по просьбѣ архимандрита Іоасафа, патріарху Софронію и его преемникамъ послана была царская жалованная грамота о свободномъ проѣздѣ старцевъ, которыхъ будетъ посылать въ Москву Софроній и его преемники. Въ ней обычно прописывалось, чтобы пріѣхавшихъ на рубежъ патріаршихъ посланныхъ воеводы свободно пропускали, давали имъ кормъ, подводы до Москвы, провожатыхъ и т. под. [1].

Въ 1592 году, послѣ присылки отъ константинопольскаго патріарха и собора утвердительной грамоты на учрежденіе въ Россіи патріаршества, государемъ послана была на востокъ, съ послами Григоріемъ Нощокинымъ и подъячимъ Андреемъ Ивановымъ, богатая милостыня, причемъ въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ по различнымъ монастырямъ и церквамъ велѣно было раздать, сообразно составленной росписи, 2544 золотыхъ. Самому патріарху Софронію послано было 500 золотыхъ, митра, золотая чаша для святой воды, убрусецъ низанъ жемчугомъ дробнымъ и четыре сорока соболей. Въ тоже время послалъ богатую милостыню въ Іерусалимъ къ патріарху и Борисъ Годуновъ вмѣстѣ съ своею грамотою, въ которой писалъ, что послалъ отъ себя съ келаремъ, старцемъ Дамаскинымъ, живоносному Гробу Христову и его воскресенію потиръ

[1] Греческіе статейные списки № 2, лл. 108—110. 112 об.—113, 115—120.

хрустальный, обложенъ золотомъ, съ яхонтами и лалами и изумрудами, да три блюда золотыя и кандило ко гробу Господню золотое, съ яхонтами и изумрудами, да кадило золотое, да на масло четыре сорока соболей. Въ Геѳсиманію—сосуды церковные: потиръ, дискосъ и кадило серебряные, да пятьсотъ золотыхъ, чтобы купить виноградъ или село и впредь бы устроить въ Геѳсиманіи у пречистыя Богородицы вседневную службу и свѣчу неугасимую. Если же село или виноградъ будутъ стоить больше пятисотъ золотыхъ, то патріархъ пусть ему напишетъ объ этомъ и онъ пришлетъ недостающее. Въ заключеніе Борисъ пишетъ: „послалъ я къ тебѣ сорокъ соболей отъ себя, и жена моя Марія тебѣ, великому господину, челомъ бьетъ ширинку, сынъ мой Ѳедоръ кубокъ золоченый, дочь моя Оксинья икону Спасовъ образъ, да ширинку: и тыбы то отъ насъ принялъ въ любовь, чтобы ради святыхъ молитвъ, сотворилъ надъ нами Господь по милости своей, какъ вѣсть его святая воля“ [1].

Эти подарки Бориса были конечно очень пріятны для патріарха Софронія почему онъ и поспѣшилъ, когда Борисъ сдѣлался царемъ, привѣтствовать его своею грамотою, писанною отъ 6 Сентября 1602 года, которую въ Іюнѣ 1603 года привезъ въ Москву архимандритъ монастыря Саввы Освященнаго Григорій. Въ ней Софроній пишетъ Борису: „вѣдомо вамъ буди, самодержавный царь, что здѣся, въ святыхъ мѣстехъ, многіе скорби и нужи и гладъ неизрѣченный, каковъ небывалъ во днехъ нашихъ, и арапскаго роду умножилось и насъ нуждятъ повсядневно, что мало есмя не погибли отъ здѣшняго святаго и преславнаго мѣста.“ Затѣмъ патріархъ ходатайствуетъ предъ царемъ за

[1] Муравьевъ. Снош. съ вост. ч. 1, стр. 262—277.

лавру Саввы Освященнаго, которая, вслѣдствіе голода, не могла прокормить сосѣднихъ арабовъ, терпя отъ которыхъ, иноки заложили входъ въ лавру, а сами всѣ удалились въ Іерусалимъ въ тамошній свой архангельскій монастырь, пока не минетъ нужда и опасность отъ арабовъ. Онъ проситъ царя быть новымъ сооружителемъ погибающей отъ нужды славной обители [1]. Посылая эту первую грамоту царю съ саввинскимъ архимандритомъ Софроній рѣшилъ въ тоже время снарядить въ Москву спеціальное торжественное посольство. во главѣ котораго сталъ архимандритъ Θеофанъ, будущій патріархъ, преемникъ Софронія.

9 Августа 1603 года черниговскіе воеводы доносили государю, что въ Черниговъ пріѣхали изъ Іерусалима греческіе старцы: архимандритъ Θеофанъ, а съ нимъ келарь Іоакимъ, да два дьякона—Θеодосій и Никодимъ. а ѣдутъ отъ іерусалимскаго патріарха въ Москву за милостынею. Они везутъ съ собою отъ Св. Гроба бѣлый мраморный камень, который высѣкъ изъ животворящаго Гроба еще прежній патріархъ Германъ и написалъ на немъ царскія имена: Іоанна Васильевича, Θеодора Іоанновича и Бориса Годунова, а теперешній патріархъ Софроній надписалъ на камнѣ свое имя. По повелѣнію Государя просители отправлены были въ Москву, куда прибыли 3 Декабря и поставлены были на подворьи рязанскаго владыки.

Въ граматѣ патріарха, которую привезъ Государю архимандритъ Θеофанъ, Софроній, послѣ благословенія и благихъ пожеланій царю, его семьѣ и всему его царству, пишетъ: „вѣдомо буди державѣ царствія ти, что тутъ послахомъ къ святому царствію своихъ иноковъ, рабовъ и сослужебниковъ святаго и живодареннаго Гроба и

[1] Греческія дѣла 7111 г. № 2.

чада о Христѣ возлюбленнаго, смиреннѣйшаго преподобнаго священноинока и духовнаго отца господина Ѳеофана, великаго архимандрита патріаршества нашего (съ спутниками), да пріимеши ихъ любезно противъ нашего лица и сотвори имъ для имяни Святаго Гроба по обычаю дающею милостину отъ христолюбиваго царствія такожъ, какъ давали прежнія блаженныя православныя цари; имена ихъ воспоминаются всегда отъ насъ. Вѣдаешь благочестія любительный царь, что вседневный нашъ неизсчетный расходъ и поношенія отъ агарянъ и напраслины, страждемъ и терпимъ отъ нихъ здѣсь во святыхъ мѣстахъ для ради Христа, а развѣе Бога инаго помощника не имѣемъ, и заступника и покровителя развѣе святаго тебя царя государя нашего во днехъ сихъ, и на тя держимъ упованіе и надежду и къ тебѣ прибѣгаемъ. Да еще въ нынѣшнихъ послѣднихъ вѣцехъ востали великіе войны вездѣ, и для того во днехъ сихъ ниоткуды небывало нимало милостынамъ, и одолжалъ святой Гробъ болши десяти тысящь золотыхъ. И въ такомъ убожествѣ пребываемъ, — столь нужно, что и пищею скудны есмя, — Богъ вѣсть. А все то терпимъ для имени Христова, такожде терпимъ, яки прежніе мученики—тѣ день, два или три, а мы во вся дни мучимся для святыхъ мѣстъ. Вѣдомо буди Христолюбивый царь, что въ прошлыхъ лѣтехъ послалъ есми тутъ своихъ мниховъ, въ лѣтехъ при блаженномъ царѣ государѣ князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, да пріимутъ святую вашу милостину во имя Святаго Гроба, что дается по обычаю; а нынѣ не вѣдаю, что дѣлу помѣха, что толикое время тутъ живутъ, и не вѣдаемъ живы или мертвы, и пребываемъ во многихъ скорбехъ и тѣснотѣ отъ тягостей великаго долгу, что впалъ Святой Гробъ. И послалъ есми въ другой — Кесаріи

Филиповы митрополита,—нынѣ четыре года, да и тотъ необъявился... Нужно добрѣ пребываемъ и да не изнудится Святой Гробъ и необладался бъ до основанія отъ агарянъ во днехъ нашихъ, да возрадуется врагъ вѣры нашея и будемъ въ поношеніе и въ посмѣшество его, для того страждемъ и терпимъ близь смерти до вѣка. Посемъ извѣщаемъ святому ти царствію: заступи насъ, способствуй и помоги, какъ тебя просвѣтитъ благодать Св. Духа, и буди царствіе ти новый сооружитель живодарованному Гробу, какъ приснопамятный и великій царь Константинъ, отмѣтаемый сребра тлѣннаго и погибшаго вѣчнаго ради житія, и воспріимеши семьдесять седмерицею въ вышнемъ Іерусалимѣ во вѣки и наслѣдишь царствіе небесное. А пять елей неугасимыхъ горятъ во дни и въ нощи въ честь и во имя богохранимаго ти царствія и въ память вѣчную блаженныхъ и приснопамятныхъ царей Ивана Васильевича и Ѳедора Іоанновича". Въ заключеніе Софроній проситъ государя пожаловать, прислать купить виноградникъ Св. Гробу съ масличными древами, для вина церковнаго и масла, и посылаетъ государю отъ себя благодать, великую милость, благословеніе и прощеніе.

25 Декабря, на Рождество Христово, государь повелѣлъ Ѳеофану быть у него государя на дворѣ. Царь Борисъ принялъ его въ золотой подписной палатѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Ѳеодоромъ, причемъ Ѳеофанъ поднесъ государю отъ патріарха Софронія святыни: образъ, обложенный серебромъ, мощи св. апостола Варнавы—часть отъ ноги правые, мощи св. Меркурія—часть отъ ноги лѣвые, мощи св. Пантелеймона—часть отъ ноги лѣвые, мощи св. великомученицы Ѳеклы—часть отъ руки, мощи св. мученика Прокопія—ручка правая, мощи св. священномученика Анѳима — часть

отъ ноги, камень мраморъ Гроба Господня, мѣра свѣчи Святаго Духа, змирно, святая вода изъ рѣки Іордана, древо жезла Моисеева. Архимандриту Ѳеофану на представленіи дано было царское жалованье: 6 образовъ, 60 р. деньгами, сорокъ соболей въ 25 р. и другой сорокъ въ 20 р., два сорока куницъ, мѣхъ несцовый черевей, лисья шуба въ 10 р. и 1000 бѣлокъ [1].

7 Февраля (1604 г.), по указу государя вмѣстѣ съ другими бывшими тогда въ Москвѣ просителями милостыни, Ѳеофанъ съ старцами представлялся патріарху Іову, который велѣлъ имъ сѣсть и распрашивалъ, какъ они шли въ Москву и какъ они пребываютъ подъ властію невѣрныхъ агарянъ. Ѳеофанъ отвѣчалъ, что многую нужду, бѣды и тѣсноту терпятъ, и еслибы не милосердіе царя Бориса Ѳеодоровича всея Руси, то бы они до конца погибли. Потомъ патріархъ одарялъ просителей образами, деньгами, соболями, причемъ „приказалъ патріархъ съ архимандритомъ іерусалимскимъ

[1] Государь вмѣсто стола у себя послалъ архимандриту и старцамъ его на подворье: «хлѣбецъ, калачь крупитчатый, осетрина длинная, плотица цѣлная, стерлядь цѣлная, пироги кислые, щука отварная, четь коровая цѣлнаго, сельди паровые, икра осенняя, икра паюсная, пироги подовые, пироги фряженые съ везигою, пироги фряженые съ горохомъ, караси, щука, полголовы осетрины свѣжія, щука колодка, теша бѣлужья, звѣно осетрины на троицкое дѣло, тѣло бѣлужье, сигъ, лодуга, звѣно ростовое. Питья: кружка романеи, кружка бастру, кружка ренскова, четверть меду вишневаго, четверть малиноваго, полведра отборнаго, 2 ведра паточнаго, 4 ведра цѣженаго. На сборное воскресенье государь послалъ Ѳеофану съ его старцами великопостныхъ кушаньевъ: хлѣбецъ крупичатой, хлѣбецъ черной, 2 полосы дынные, вишни въ патокѣ, шепталы 15 ягодъ, наливу 15 яблокъ, сѣруту 15 яблокъ, кузминскія 15 яблокъ, патыка сженая съ перцемъ, патыка съ имбиремъ, патыка съ гвоздикою, патыка простая, капуста сладкая, рѣпа сладкая, маслины съ перцомъ, маслины съ шафраномъ, маслины съ имбиремъ, каша сладкая, развары со пшеномъ да съ изюмомъ, ягоды винные, молоко миндальное, ядра миндальныя, пастила малиновая, пастила смородиновая, пастила черемховая, пастила земляничная, пастила черничная, пастила брусничная, рѣпа въ патокѣ, шишки ядеръ орѣховыхъ, кисель съ шафраномъ, кисель съ перцомъ, три кваса медвенныхъ по полуведру».

*

къ патріарху іерусалимскому Софронію челобитье", а самому Ѳеофану далъ образъ, 4 р. денегъ, ширинку и затѣмъ отпустилъ просителей къ себѣ на подворье,ославъ имъ туда отъ себя почетный кормъ на мѣсто приглашенія къ столу у себя.

4 Марта Ѳеофанъ вмѣстѣ съ саввинскимъ (т. е. монастыря Саввы Освященнаго) келаремъ Дамаскинымъ (который прибылъ въ Москву еще въ 1590 году и съ тѣхъ поръ жилъ въ Москвѣ) былъ у государя „на отъѣздѣ". „И какъ архимандритъ и келарь пришли ко государю и государь ихъ пожаловалъ спросилъ о здоровье: во спасеніе-ли пребываютъ? И архимандритъ Ѳеофанъ и келарь Дамаскинъ били челомъ на государевѣ жалованье, на милостынѣ и на кормѣхъ, а говорили: Божіею милостію и вашими великаго государя, царя и великаго князя, Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи самодержца жалованьемъ пребываемъ здорово, и вашимъ царскимъ жалованьемъ всѣмъ покойны". Тогда государь обратился къ архимандриту Ѳеофану съ такою рѣчью: „архимандритъ Ѳеофанъ! пріѣзжалъ еси къ намъ, къ великому государю, царю и великому князю Борису Ѳеодоровичу всея Руси самодержцу, и къ сыну нашему, царевичу князю Ѳеодору, отъ іерусалимскаго патріарха Софронія съ граматою бить челомъ о милостынѣ, а въ граматѣ своей къ намъ Софроней патріархъ писалъ о своихъ скорбяхъ и утѣсненьи отъ иновѣрныхъ, и что одолжалъ великимъ долгомъ, а ниоткуда помощи не имѣетъ развѣе Бога да насъ великаго государя. И мы нынѣ васъ отпускаемъ къ патріарху Софронею, а съ вами посылаемъ къ живоносному гробу Господа нашего І. Христа и святаго Его Воскресенія Евангеліе греческое письмо на престолъ въ церковь Воскресенія Господа нашего І. Христа, да къ патріарху Софронею

посылаемъ сосуды церковные, да репиды, да два пояса къ стихарем, да нашіе царскіе заздравныя милостыни— шубу соболью подъ бархатомъ, да жена моя царица и великая княгиня Марья къ патріарху жъ сулокъ саженъ, да ширинку, да 300 золотыхъ угорскихъ. А прежъ сего послалъ есми къ патріарху съ кесарійскимъ митрополитомъ Германомъ, да съ архимандритомъ Дамаскинымъ нашея заздравные милостыни 60 сороковъ соболей, 12,000 бѣлокъ, 1,000 золотыхъ угорскихъ. И Софроней бы патріархъ, то принявъ, молилъ Господа Бога и Спаса нашего І. Христа у живоноснаго Гроба чтобъ Господь Богъ по неизреченному своему милосердію и человѣколюбію и для его молитвъ даровалъ намъ душевное спасеніе и тѣлесное здравіе, и послалъ бы намъ милость свою: помощь и одолѣніе на вся враги видимыя и невидимыя". — А изговоря государь рѣчь архимандриту молвилъ: „архимандритъ Ѳеофанъ! какъ будешь у Софронея патріарха и ты отъ насъ патріарху поклонись", и поклонился государь объ руки и приказалъ архимандриту, чтобъ онъ потому жъ патріарху поклонился до долу. Да государь же архимандриту молвилъ: „посылаетъ сынъ мой, царевичь князь Ѳеодоръ, къ Софронею патріарху милостыни 2000 золотыхъ угорскихъ, и Софроней бы патріархъ о насъ и о нашемъ царевичѣ, князѣ Ѳеодорѣ, многолѣтномъ здравье молилъ Господа Бога и пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ благоугодившихъ, чтобъ Господь для ради молитвъ его отпустилъ намъ грѣхи и даровалъ душевное спасеніе и тѣлесное здравіе, а мы, великій государь, и сынъ нашъ, царевичъ князь Ѳеодоръ, учнемъ впредь къ Софронею патріарху наше жалованье держати наипаче прежняго". Послѣ этихъ словъ государь отпустилъ архимандрита Ѳеофана и келаря Дамаскина на подворье, давъ имъ.

сверхъ обычной дачи на отпускѣ, архимандриту сорокъ соболей въ 20 р. и сорокъ куницъ, а келарю сорокъ соболей въ 16 рублей.

Съ архимандритомъ Ѳеофаномъ государь Борисъ Ѳеодоровичъ послалъ къ патріарху Софронію свою царскую грамоту, въ которой писалъ, что слышавъ о ихъ скорбяхъ и утѣсненіи отъ иновѣрныхъ, какъ агнцевъ посреди волковъ, не мало о томъ пожалѣли, что святѣйшій патріархъ и всѣ православные христіане въ тѣхъ странахъ пребываютъ въ такомъ великомъ гоненіи и утѣсненіи отъ агарянъ. „Тебѣ же отцу нашему, писалъ царь, пастырю и учителю православныхъ велѣній, во всѣхъ сихъ приключившихся скорбяхъ, подобаетъ быть какъ непобѣдимому страстотерпцу, крѣпкимъ и мужественнымъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ утверждать и утѣшать, и надежды не отпадать, а молить всещедраго и премилостиваго человѣколюбца Бога, Господа нашего І. Христа, пречистую его Матерь, христіанскаго рода защитницу, и всѣхъ святыхъ, чтобы скорбь вашу на радость преложили и отъ насилія безбожныхъ освободили“. Въ заключеніе граматы, перечисливъ милостыню, посланную ранѣе съ кесарійскимъ митрополитомъ Германомъ и архимандритомъ Дамаскинымъ, государь проситъ патріарха Софронія молить Бога и Спаса нашего І. Христа у живоноснаго его Гроба о спасеніи и здравіи царя и его семьи, о побѣдѣ на враговъ видимыхъ и невидимыхъ и о мирномъ устроеніи его царства [1].

Ласковый и почетный пріемъ, оказанный архимандриту Ѳеофану въ Москвѣ царемъ и патріархомъ, богатые подарки, какіе онъ получилъ здѣсь для себя лично, то высокое уваженіе, какое царь публично выражалъ къ

[1] Греческія дѣла 7111 г № 3.

іерусалимскому патріарху, то глубокое искреннее благочестіе и благоговѣніе, съ какими царь Борисъ относился къ св. мѣстамъ, то желаніе облегчить участь страждущихъ въ Палестинѣ православныхъ отъ агарянскихъ притѣсненій, необходимо должны были произвести на Ѳеофана сильное впечатлѣніе, внушить ему представленіе о русскихъ, какъ о народѣ очень благочестивомъ, всецѣло преданномъ православію, горячо сочувствующемъ своимъ страждущимъ подъ игомъ невѣрныхъ собратьямъ, всегда готовымъ помочь имъ и съ которыми, поэтому, іерусалимскому патріаршему престолу слѣдуетъ находиться въ возможно постоянныхъ и близкихъ отношеніяхъ [1].

Въ 1605 году прибылъ въ Москву синайскій архимандритъ Іосафъ, съ которымъ патріархъ Софроній писалъ государю, рекомендуя посланныхъ синаитовъ, чтобы имъ дана была царская милостыня, такъ какъ

[1] Мы назвали подарки, данные царемъ архимандриту Ѳеофану богатыми, хотя на первый взглядъ они намъ и не покажутся такими. На представленіи государю при пріѣздѣ Ѳеофанъ получилъ подарковъ, по сдѣланной тогда оцѣнкѣ, на 115 р., да 6 образовъ, два сорока куницъ и 1000 бѣлокъ, которые мы оцѣниваемъ въ 35 тогдашнихъ рублей. На «отъѣздѣ» Ѳеофанъ получилъ столькоже. Значитъ всего отъ государя онъ получилъ на 300 р.—сумма повидимому небольшая. Но если мы примемъ во вниманіе, что рубль второй половины XVI вѣка равнялся приблизительно нынѣшнимъ 70 рублямъ (см. В. О. Ключевскаго: Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему, стр. 34, 35 и 47), то окажется, что государь лично Ѳеофану пожаловалъ подарковъ, по современной оцѣнкѣ, на 21,000 рублей. А такъ какъ Ѳеофанъ получилъ еще подарки отъ патріарха, а затѣмъ по обычаю его дарили еще и нѣкоторые архіереи, монастыри и московская знать, то окажется, что Ѳеофанъ лично для себя получилъ въ Москвѣ подарковъ на наши деньги болѣе чѣмъ на 25,000 рублей. Къ этому нужно прибавить и то обстоятельство, что просители милостыни, отправляясь въ Москву, везли обыкновенно съ собою товары, которые они безпошлинно и отъ самой границы на казенныхъ подводахъ привозили въ Москву, гдѣ ихъ выгодно продавали и затѣмъ, накупивъ на мѣстѣ московскихъ товаровъ, отвозили ихъ, опять же на казенныхъ подводахъ, заграницу. Отъ этой операціи просители выручали не малыя суммы. Все содержаніе ихъ, со дня вступленія въ московскіе предѣлы, давалось имъ отъ царя.

синайская обитель на всякій день имѣетъ нужду и терпитъ плѣненіе отъ арабовъ, находится въ великомъ убожествѣ отъ дани агарянской, ея церковные сосуды и ризы заложены за четыре тысячи золотыхъ, и иноки не имѣютъ теперь ни откуда помощи, и потому пусть царь будетъ вторымъ создателемъ обители, въ которой ежедневно поминается его имя [1].

Когда въ Польшѣ появился Лже-Дмитрій, то Софроній, конечно неподозрѣвавшій въ немъ самозванца, поспѣшилъ особою граматою привѣтствовать его и выразить пожеланіе ему благополучно и успѣшно утвердиться на престолѣ своего отца, причемъ просилъ его не забывать своею милостынею св. Гроба. „Мы, пишетъ самозванцу Софроній, съ сильнымъ огорченіемъ узнали о кончинѣ покойнаго царя Ѳеодора, блаженной памяти вашего брата, и проливали горькія слезы при полученіи сего печальнаго извѣстія; но мы забыли всѣ наши бѣдствія, когда увѣдомились объ открытіи, сдѣланномъ въ особѣ вашего царскаго величества. Сіе извѣстіе исполнило радостію и веселіемъ весь Палестинскій край. Вельможи и простолюдины, мущины и женщины, всѣ поспѣшили возсылать благодарственныя мольбы къ Всевышнему, которому угодно было, чтобы ваше величество опять было найдено, подобно сокрытому и драгоцѣнному кладу. Мы и всѣ архіепископы, равно какъ и все духовенство, находящееся съ нами, и наша паства, возсылаемъ къ небу мольбы, дабы ваше величество въ скоромъ времени наслѣдовало престолъ своего родителя, блаженныя памяти царя Ивана Васильевича, и дабы домъ вашихъ предковъ царствовалъ на престолѣ царей во вѣки вѣковъ. Богъ мира, сердцевѣдецъ, сокрушающій и возстановляющій, любящій пра-

[1] Греч. д. 7112 г. № 2.

вотуи справедливость, по божественной своей силѣ, можетъ даровать вашему царскому величеству престолъ вашихъ предковъ безъ войны и безъ всякаго кровопролитія. Но когда милостію Господа нашего І. Христа воспріимите престолъ, тогда вспомяните о святомъ Гробѣ Господнемъ и о Святой землѣ и о другихъ мѣстахъ, освященныхъ присутствіемъ Спасителя. Подражайте благотворительности и великодушію, оказаннымъ св. Гробу Господню, августѣйшимъ вашимъ родителемъ, царемъ Иваномъ Васильевичемъ и вашимъ братомъ, царемъ Ѳеодоромъ, который освободилъ патріаршій престолъ антіохійскій, а потомъ и цареградскій, отъ долговъ, коими они были обременены, окажите ту же милость монастырю Св. Гроба Господня, дабы удовлетворить нашихъ заимодавцевъ, ибо утѣсненія турокъ принудили монастырь Св. Гроба вступить въ долгъ. Сей долгъ простирается до пяти тысячъ червонцевъ и мы платимъ по сорока процентовъ... Посланнымъ поручили отправиться въ Россію къ вашему царскому величеству въ случаѣ, если исполнятся теплыя наши молитвы и вы вступите на прародительскій вашъ престолъ. Если отцы поѣдутъ въ Россію, то просимъ васъ принять ихъ милостиво, какъ бы меня самого, и прислать Св. Гробу Господню такое подаяніе, какое заблагоразсудите, дабы мы могли заплатить нашъ долгъ, коимъ монастырь обремененъ“ [1]

Такимъ образомъ уже патріархъ Софроній хорошо понялъ и оцѣнилъ важное значеніе Россіи, какъ тароватой благотворительницы св. мѣстамъ, почему онъ всячески старался войти въ болѣе близкія сношенія съ московскими царями Ѳеодоромъ и Борисомъ и, что особенно любопытно, поспѣшилъ еще въ Польшѣ привѣт-

[1] Муравьевъ. Сношен. съ вост. ч. 1, стр. 325—328.

ствовать Самозванца, какъ истиннаго царевича, конечно въ надеждѣ пріобрѣсти его особое расположеніе, когда ему удастся возсѣсть на московскій царскій престолъ. Однако особенно близкія и частыя сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ московскимъ правительствомъ начались только съ патріаршества Θеофана.

II

Сношенія патріарха Θеофана съ русскимъ правительствомъ

Въ такъ называемое смутное у насъ время сношенія съ іерусалимскими патріархами, какъ и вообще съ востокомъ, прекратились и возобновились только уже въ 1619 году, благодаря пріѣзду въ Москву самого іерусалимскаго патріарха Θеофана, преемника Софронія. Къ сожалѣнію „дѣло“ о пріѣздѣ Θеофана въ Москву не дошло до насъ, и намъ приходится о его пребываніи въ Москвѣ говорить только на основаніи тѣхъ отрывочныхъ извѣстій, какія случайно сохранились объ этомъ у современниковъ и ближайшихъ къ нимъ лицъ.

Любопытно, какъ нѣкоторые русскіе посмотрѣли на пріѣздъ Θеофана въ Москву. Іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, увѣряли они, пріѣхалъ въ Москву не за милостынею, его пріѣздъ далеко не былъ случайнымъ и безотносительнымъ къ тогдашней еще совсѣмъ неоправившейся отъ смуты русской жизни. Въ одномъ хронографѣ, по поводу постановленія въ патріархи Филарета Никитича, говорится: „въ то время промысломъ всѣмъ дающаго животъ изліяся боготочная благодать Св. Духа въ сердца благочестивыхъ четверочисленныхъ вселенскихъ патріарховъ: цареградскому и александрѣйскому и антіохійскому и іерусалимскому, что великая соборная и апостольская церковь Божія, Матере честнаго и славнаго ея Успенія русскія митрополіи, вдовствуетъ не

малое время, не имѣя пастыря, еже есть патріарха. Подвигшижеся отъ Св. Духа четверочисленный ликъ вселенскихъ патріархъ и совѣщашажеся между себѣ послами, чтобы имъ отъ своего четверочисленнаго и благочестиваго лика послати единаго въ царствующій градъ Москву ко благочестивому царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи, чтобы, по ихъ благословенію и прошенію, неумедлилъ избрати мужа честна и преподобна и во всѣхъ добрыхъ дѣлехъ совершенна, и возвелъ бы на патріаршескій великій престолъ, чтобы Божія церкви рускія митрополіи не вдовствовала, и имѣла бы окормляющаго ю во своемъ ея божественныхъ догматъ благочестіи. Избраша же онъ, четверочисленный и богоносный полкъ, своего сверстника, мужа честна преподобна", іерусалимскаго патріарха Ѳеофана [1]. Въ житіи преподобнаго Діонисія, архимандрита Троицкой лавры, принадлежащемъ извѣстному Симону Азарьину, говорится: „бысть смотрѣніе Божіе о умиреніи рускія земли сицевымъ образомъ: слышно бо бысть восточнымъ церквамъ како стражетъ бѣднѣ великая Россія отъ зміеваго гоненія, отъ папы римскаго изблеванною скверною водою, Растригою и Жигимунтомъ нарекаемыми царевичами, ядовитыми сими гады, уже 14 лѣтъ страждетъ. Святіи отцы, четыре патріархи вселенстіи невознерадѣша о останкахъ, въ погибели бывающихъ исчадіяхъ россійскихъ сѣменъ, и, посовѣтававше между собою и со всѣми восточными церквами, еже бы помощи во время лютыя отчаянныя напасти, двигнувшеся отъ престолъ своихъ и дошедше Гроба Господня, молиша Царя царемъ, и Господа господемъ Іисуса Христа Бога Вседержителя, да недастъ одолѣти жезлу грѣшныхъ

[1] А. Попова: Изборн. слав. и рус. соч. и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, стр. 205—206.

своего жребія. Избраша убо воеводу крѣпка, и сильна исполина, могуща тещи путь отъ востока до запада, которой неимѣлъ ни оружіеносцовъ, ни броней мужескихъ, но токмо едино слово Божіе во устѣхъ имуща, могущее розорити тверди не одолѣваемыя, святѣйшаго патріарха Ѳеофана, прекраснаго душею и тѣломъ, и оградивше его многими молитвами, вмѣсто жертвъ благовонныхъ, наполниша его слезъ духовныхъ, ихже бы принести ему въ пищу гладнымъ всякаго хлѣба, слова Божія лишеннымъ въ Россіи велицѣй“ [1].

Такимъ образомъ по представленію нѣкоторыхъ русскихъ первой половины XVII вѣка пріѣздъ Ѳеофана въ Москву былъ дѣломъ Божественнаго промысла, возбудившаго четырехъ вселенскихъ патріарховъ позаботиться о поставленіи верховнаго пастыря для осиротѣвшей русской церкви, былъ слѣдствіемъ особой заботливости старшихъ восточныхъ церквей о младшей дочери ихъ— церкви русской, пережившей столь тяжелыя и грозныя для нея времена въ смутную эпоху. Мысль, что господство поляковъ-католиковъ въ самомъ московскомъ кремлѣ, осквернѣніе ими народныхъ завѣтныхъ святынь, вызывала въ представителяхъ восточной церкви не осужденіе, а только горячее сочувствіе, конечно была особенно пріятна для тогдашнихъ русскихъ, сильно смущенныхъ событіями смутнаго времени. Въ дѣйствительности же Ѳеофанъ пріѣхалъ въ Москву по своей собственной иниціативѣ, безъ всякаго совѣщанія и предварительнаго сношенія съ другими восточными патріархами, и цѣлію его поѣздки было не поставленіе на Москвѣ патріарха, а полученіе отъ русскаго царя милостыни, которую онъ дѣйствительно и получилъ, не

[1] Изд. 1884 г. стр. 103—104.

смотря на раззореніе государства и бѣдность царской казны, очень нескудно [1].

[1] Въ приказныхъ записяхъ о милостынѣ Ѳеофану значится: «во 127 году былъ въ Москвѣ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и ему дано на пріѣздѣ отъ государя: кубокъ серебряный золоченый съ кровлею, вѣсомъ 8 гривенокъ (гривенка полфунта) 47 золотниковъ, портище бархату чернаго гладкаго добраго, портище бархата рытаго вишневаго добраго, два портища камокъ багровой да вишневой добрыхъ же; сорокъ соболей въ 70 рублей, сорокъ соболей въ 30 рублей, денегъ 200 рублей и всего на 400 рублей. Да емужъ на поставленіе Филарета Никитича дано отъ государя послѣ стола: кубокъ серебряный золоченый съ покрышкою въ 7 гривенокъ—35 рублей, стопа серебряная въ 4 гривенки—20 рублей, бархатъ гладкій черный—15 рублей, бархатъ гладкій зеленый — 15 рублей, камка черная—10 рублей, камка багровая чешуйчатая—10 рублей, объяри багровы—10 рублей, сорокъ соболей въ 80 рублей, денегъ 200 рублей, всего на 400 рублей. Да къ патріарху послано, что было постилано въ соборной церкви на царскомъ и патріаршемъ мѣстѣ: 2 половинки и 5 аршинъ сукна щарлату червчатаго цѣна 112 рублей, три половинки сукна аглицкаго темносиняго цѣна 57 рублей, три атласа турецкихъ цѣна 267 рублей съ полтиною. Послѣ поставленія и обѣда у Филарета Никитича послѣднимъ дано Ѳеофану: образъ обложенъ серебромъ чеканомъ, кубокъ серебряный золоченый съ кровлею въ 5 гривенокъ—25 рублей, стопа серебряная въ полтри гривенки—13 рублей, бархатъ гладкій черный—15 рублей, камка черная—10 рублей, камка багровая чешуйчата—10 рублей, сорокъ соболей въ 80 рублей, денегъ 150 рублей всего на 300 рублей опричь образа. На отпускѣ дано было Ѳеофану отъ государя: кубокъ серебряный золоченый съ кровлею въ 5 гривенокъ—25 рублей, портище бархату гладкаго смирнаго—10 рублей, 2 портища камки багровые да вишневые—20 рублей, сорокъ соболей въ 70 рублей, а всего 275 рублей. Отъ Филарета Никитича Ѳеофану на отпускѣ дано было: образъ обложенъ серебромъ чеканенъ, кубокъ серебряный золоченый съ кровлею въ 4 гривенки—20 рублей, бархатъ черный гладкій—10 рублей, камка черная куетерь 10 рублей, сорокъ соболей въ 50 рублей, денегъ 100 рублей, а всего 190 рублей. Да отъ государыни инокини Маѳы, когда Ѳеофанъ былъ у нея на пріѣздѣ, ему было дано: образъ пречистыя Богородицы обложенъ серебромъ чеканенъ, въ вѣнцѣ каменья яхонты и бирюзы, бархатъ гладкій—15 рублей, камка багровая 10 рублей, два сорока соболей въ 100 рублей, денегъ 100 рублей, а всего 225 рублей. Всего патріарху дано отъ государя, патріарха и государыни на пріѣздѣ и на отпускѣ 1800 рублей, опричь образовъ и ставленнаго мѣста, а и съ тѣмъ что дано ставленное мѣсто 2236 рублей съ полтиною». Принимая во вниманіе то обстоятельство, что рубль 1613—1636 года равнялся нынѣшнимъ никакъ не менѣе 14 рублямъ (см. В. О. Ключевскаго: Русскій рубль XVI—XVIII в. къ его отношеніи къ нынѣшнему, стр. 72), окажется, что Ѳеофанъ получилъ въ Москвѣ подарковъ отъ царя, Филарета Никитича и государыни инокини Маѳы болѣе чѣмъ на 30,000 рублей нынѣшнихъ. Но кромѣ царя, царицы-матери и Филарета Никитича, Ѳеофану давали милостыню власти, бояре и монастыри

До насъ дошла въ высшей степени любопытная и характерная записка современника очевидца о томъ, „какъ служилъ Θеофанъ, патріархъ іерусалимскій, съ русскими митрополиты съ казанскимъ Матвѣемъ и со архіепископы“, выпукло рисующая, какъ нѣкоторые русскіе іерархи относились тогда къ тѣмъ особенностямъ церковнаго чина и обряда, какіе у насъ были не согласны съ тогдашними греческими чинами и обрядами. Записка именно повѣствуетъ, что когда Θеофанъ пришелъ въ московскій Успенскій соборъ и, послѣ обычной встрѣчи, хотѣлъ встать въ церкви на свое мѣсто, спасскій дьяконъ Діонисій замѣтилъ ему: „поиде государь во олтарь, тамъ-де приложишься ко Евангелію, и крестомъ себя благословишь и властей служащихъ“. Θеофанъ исполнилъ это указаніе дьякона и уже потомъ сталъ на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ его архимандритъ и архидьяконъ вошли въ алтарь, стали въ простыхъ рясахъ предъ престоломъ и положили было на престолъ принесенные ими служебники, ризы и стихари. Тогда казанскій митрополитъ Матвѣй „учалъ имъ говорити, чтобъ они служебники и ризы и стихари съ престола сняли, и впредь бы не клали, а стали-бъ на обычномъ мѣстѣ и служебники и ризы и стихари клали, гдѣ пригодится, а не на престолѣ“. Когда греки

Когда, напримѣръ, Θеофанъ посѣтилъ Троицкую лавру, то особымъ царскимъ указомъ предписывалось троицкимъ властямъ поднести патріарху, «образъ Богородицы чеканенъ съ пеленою изъ старыхъ образовъ, образъ Сергіево видѣніе обложенъ серебромъ, кубокъ серебряный въ 7 гривенокъ, братина серебряная въ 10 рублей, атласъ смирный, камка адамашка синея или багровая, объярь, если есть, сорокъ соболей въ 40 рублей, денегъ 50 рублей, два полотенца троицкихъ, 5 братинъ троицкихъ съ вѣнцы хорошихъ, ставники троицкіе, ковшъ троицкій, судки столовые деревянные подписаны, стопа блюдъ большихъ подписанныхъ, братина великая съ покрышкою подписаная, кувшинецъ писаной немалъ». (Греч. дѣла 7133 г. № 5 и 7157 г. № 7). Кромѣ самаго патріарха и вся его свита точно также ото всѣхъ получала подарки соотвѣтственно рангу каждаго лица.

не исполнили этого требованія, митрополитъ велѣлъ было своему дьякону снять служебники, ризы и стихари съ престола и положить ихъ куда слѣдуетъ, но греки снова положили ихъ на престолъ. Тогда казанскій митрополитъ, рязанскій архіепископъ Іосифъ и пришедшій въ соборъ мѣстоблюститель патріаршаго престола, крутицкій митрополитъ Іона, стали говорить уже самому Ѳеофану: „великій господинъ, святѣйшій Ѳеофанъ патріархъ! наша истинная православная христіянская церковь не приняла сего чина: пришелъ твой архимандритъ и архидьяконъ во олтарь и стали предъ престоломъ въ однихъ рясахъ безъ ризъ и стихарей, и положили на престолъ служебники и ризы и стихари, а у насъ кромѣ того не ведется, что на престолѣ Евангеліе и крестъ, а иного ничего не кладутъ. А предъ престолъ приходишь ты, да сослужебницы твои митрополиты, архіепископы и епископы въ своихъ манатьяхъ, а кромѣ того ни архимандриты, ни игумены, ни протопопы просто не приходятъ, точію въ ѳелоняхъ и стихаряхъ“. На это Ѳеофанъ отвѣтилъ: „то де учинилося спроста, а впредь де того не будетъ“. Вслѣдъ затѣмъ наши іерархи кстати замѣтили патріарху, что у нихъ (грековъ) и ризы и стихарь устроены не совсѣмъ такъ какъ бы слѣдовало, на что патріархъ отвѣтилъ: „Бога ради-де указывайте намъ по своему, какъ-де у васъ чинъ ведется, а я-де радъ слушать“. Въ самомъ совершеніи службы Ѳеофаномъ русскіе подмѣтили нѣкоторые, по ихъ мнѣнію, отступленія отъ истиннаго христіанскаго чина, что опять вызвало съ ихъ стороны замѣчанія патріарху. Напримѣръ они говорили ему: „какъ-де ты, государь, служилъ прежде сего и ты-де просвиры заздравные вынималъ въ херувимскую пѣснь, а у насъ того чину не ведется, и тебѣ-бъ, государь,

тако жъ нынѣ вынимати заздравные просвиры въ подобно время съ нами, а не въ херувимскую пѣснь". На это замѣчаніе патріархъ отвѣтилъ: „и я-де стану дѣйствовати по вашему чину, а впредь-де тово у меня не будетъ". Къ счастію Θеофана въ это время въ соборъ пришелъ уже давно жившій въ Москвѣ и хорошо знавшій всѣ особенности русской церковной службы грекъ Арсеній, архіепископъ суздальскій, который и сталъ руководить служившимъ патріархомъ. Служба пошла было послѣ этого гладко. Но когда Θеофанъ началъ возглашать: *твоя отъ твоихъ* „и въ тѣ поры архидіаконъ ево руку правую положилъ на лѣвую и коснулся ко святыни дискосу подвинулъ по престолу впредь правою рукою, а потиръ лѣвою рукою подвинулъ". Это дѣйствіе архидьякона вызвало новое замѣчаніе нашихъ властей патріарху. Они говорили: „у насъ-де того дьяконъ не дѣйствуетъ, то-де ерейская служба", причемъ составитель записки замѣчаетъ: „и они (греки) въ томъ прощеніе получили, а ни въ чемъ непререковали, потому что у нихъ, по грѣху, позакоснѣли отъ перваго преданнаго (чина)". По окончаніи службы Θеофанъ, обращаясь къ сопровождавшимъ его до кельи русскимъ архіереямъ, говорилъ: „просвѣтили-де вы меня своимъ благочестіемъ и напоили-де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ-де вамъ много челомъ бью" [1].

Простодушныя хотя и настойчивыя замѣчанія Θеофану со стороны русскихъ властей, вытекавшія изъ убѣжденія большинства тогдашнихъ русскихъ, что

[1] Эта записка современника-очевидца находится въ рукописномъ Сборникѣ библіотеки Моск. Духовн. Академіи № 202 и напечатана въ Чт. общ. ист. и древн. 1883 г., кн. II и въ нашей книгѣ „Патріархъ Никонъ", стр. 32—34 въ примѣчаніи.

„греки, по грѣху, позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина“, и что въ чистомъ неизмѣнномъ видѣ онъ сохранился только у русскихъ, а не у грековъ, необходимо произвели на іерусалимскаго патріарха тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Изъ этихъ замѣчаній онъ увидѣлъ не только то, что русскій церковный чинъ и обрядъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, въ существѣ правда очень мелочныхъ и неважныхъ, разошелся съ тогдашнимъ греческимъ, но что ради этого русскіе свысока смотрятъ на современныхъ грековъ, какъ уже на утерявшихъ нѣчто изъ древняго преданнаго имъ чина. На этотъ разъ Θеофанъ не счелъ удобнымъ вступать въ какія либо пререканія и препирательства съ русскими властями, а ограничился однимъ только ироническимъ замѣчаніемъ: „просвѣтили-де вы меня своимъ благочестіемъ, и напоили-де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ-де вамъ много челомъ бью“, которое русскіе приняли за чистую монету. Но совсѣмъ этого дѣла Θеофанъ не оставилъ; онъ рѣшилъ поднять въ глазахъ русскихъ церковный авторитетъ современныхъ грековъ, воздѣйствуя на поставленнаго имъ патріарха Филарета Никитича.

Въ житіи преподобнаго Діонисія говорится, что Θеофанъ отправился въ Россію „наполняя всѣхъ мира и любве, о правой вѣрѣ и о дѣлахъ по евангелію Божію созидая, утверждалъ обои предѣлы, т. е. великую Россію и малую. Къ сему же соединяя укрѣплялъ единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія, и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“ [1]. Въ виду того что, документы о пріѣздѣ въ Москву и пребываніи здѣсь Θеофана до насъ не дошли, мы не можемъ точно указать,

[1] стр. 105.

по какому именно частному случаю Ѳеофанъ счелъ необходимымъ убѣждать русскихъ „единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ неотлучатися“, и что именно въ тогдашней русской церковной практикѣ онъ находилъ несогласнымъ съ старыми законами греческаго православія и другими уставами четырехъ патріаршествъ. У насъ имѣются подъ руками только два дѣйствія Ѳеофана въ этомъ направленіи.

На пути въ Москву Ѳеофанъ, проѣзжая южною Русью, нашелъ въ тамошней церкви такой обычай: „въ причащеніи пресвятыхъ и животворящихъ таинъ трикратное податіе съ отдѣленіемъ именъ Божіихъ: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ численіемъ“, каковой обычай, на возвратномъ пути изъ Москвы, онъ подвергъ въ окружной своей граматѣ осужденію, какъ обычай чуждый православной церкви и не благочестивый [1]. Но, будучи въ Москвѣ, Ѳеофанъ нашелъ и здѣсь тотъ же самый неправый обычай трикратнаго подаянія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи, почему онъ и обратился къ Филарету Никитичу и государю, чтобы они уничтожили этотъ неправый обычай, замѣнивъ его единократнымъ подаяніемъ св. даровъ, какъ это дѣлается согласно у всѣхъ четырехъ патріарховъ. Настоянія Ѳеофана имѣли успѣхъ: „тамошній московскій архіепископъ, говоритъ онъ въ другой своей окружной граматѣ къ южноруссамъ, за благочестивымъ царемъ тотъ трикратный обычай покинуть обѣщались“ [2]. — Другой случай.

Предъ пріѣздомъ Ѳеофана въ Москву произведено было, по повелѣнію государя, исправленіе Потребника

[1] Архивъ Юго-Запад. Россіи, т. V, стр. 7. — [2] Рукоп. Сборн. библ. Москов. Рум. музея № 712, л.л. 204 об.—206.

*

въ Сергіевомъ Троицкомъ монастырѣ его архимандритомъ Діонисіемъ, старцемъ Арсеніемъ Глухимъ и клементьевскимъ священникомъ Иваномъ Насѣдкою. Исправители въ молитвѣ на освященіе воды въ Богоявленіе зачеркнули слово *и огнемъ* (освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ *и огнемъ*), какъ незаконную приставку, по невѣжеству внесенную въ печатный Потребникъ. Книжныя исправленія указанныхъ справщиковъ и особенно упраздненіе прилога *и огнемъ*, возбудило противъ исправителей цѣлую бурю. Справщиковъ обвиняли въ злостной порчѣ книгъ и даже въ еретичествѣ, такъ что преп. Діонисій подвергся заключенію въ темницѣ и истязаніямъ. Прибывъ въ Москву Ѳеофанъ вступился въ это дѣло, добился освобожденія преп. Діонисія изъ заточенія и, послѣ поставленія въ патріархи Филарета Никитича, постарался оправдать въ его глазахъ сдѣланныя Діонисіемъ книжныя исправленія и особенно уничтоженіе слова *и огнемъ*, какъ незаконнаго прилога. Онъ обѣщалъ Филарету Никитичу навести объ этомъ точныя справки въ имѣющихся на востокѣ древнихъ греческихъ рукописяхъ, что потомъ (въ 1625 г.) и исполнилъ, послѣ чего Филаретъ Никитичъ приказалъ уничтожить прилогъ *и огнемъ* во всѣхъ Потребникахъ. Но освобожденіемъ и оправданіемъ преп. Діонисія Ѳеофанъ не ограничился, а постарался выразить къ преп. Діонисію свое особое уваженіе и расположеніе нѣкоторымъ особеннымъ и чрезвычайнымъ актомъ.

Посѣтивъ Троицко-Сергіевъ монастырь, гдѣ онъ былъ встрѣченъ и принятъ по царски, Ѳеофанъ, предъ оставленіемъ монастыря, отслужилъ торжественный молебенъ и, подойдя къ ракѣ преп. Сергія, снялъ свой клобукъ, окропилъ его св. водою „и отре тѣмъ клобукомъ колѣна и голени, плеснѣ и подошвы ногъ у чудо-

творца Сергія и, во гробъ святаго приникнувъ, подъ плеснѣ святыхъ ногъ его подложилъ, и со многими слезами долгое время моляшеся; а Діонисію повелѣ стояти откровенною главою безъ клобука. И вземъ свой клобукъ изъ подъ плесней у ногъ чудотворца Сергія, и цѣлова его, и повелѣ Діонисію цѣловати, и приклонивши главу Діонисіеву, возложи на него руку, а архидіакону своему повелѣ возгласити — вонмемъ. И архимандритъ Синайскія горы трижды воспѣлъ: Господи помилуй, по гречески — Киріе элейсонъ; Ѳеофанъ же, держа рукою своею клобукъ на Діонисіевѣ главѣ, глаголалъ молитву на возложеніе клобука и, по молитвѣ, благословилъ Діонисія въ клобукѣ, и цѣловавъ его въ уста, рече: се во имя Отца, и Сына и Св. Духа, дахъ ти благословеніе, сыне мой! и назнаменахъ тя въ велицей Россіи по средѣ братіи твоей, да будеши первый въ старѣйшинствѣ надъ иноки многими по нашему благословенію; такожде и по тебѣ, аще кто будетъ, да носитъ въ мѣстѣ семъ святемъ наше благословеніе, величающеся и хвалящеся нашимъ смиреніемъ, и отвѣтъ да творитъ радостенъ сице: се знаменіе намъ дано, яко патріархи восточніи поклонницы суть святому мѣсту сему, и честь свою предъ святою Троицею оставили, съ главы своея снявъ по себѣ въ память, и положиша подъ нозѣ великому стражу и блюстителю великому и богоносному Сергію чудотворцу. Потомъ повелѣ на обоихъ клиросахъ во святѣй церкви воспѣть: спаси Христе Боже отца нашего архимандрита Діонисія, трижды. И обратився ко братіи, всѣмъ глагола: запишите себѣ сіе все, еже содѣяхъ о отцѣ вашемъ архимандритѣ и впредь, егда кто отъ братіи нашей, аще будетъ на поклоненіе здѣ, тогда буди нашего смиренія изволеніе вѣдомо впредь по насъ сущимъ родамъ, да и

выбы наше смиреніе и любовь незабывали, и въ молитвахъ своихъ памятовали бы, и паки прослезися; братія же и вси людіе поклонишася ему до земли“ [1].

При чтеніи этихъ извѣстій невольно возникаетъ вопросъ: какія побужденія заставили иностранца Θеофана вмѣшаться въ чисто внутреннее и притомъ очень щекотливое дѣло книжныхъ исправленій въ Москвѣ, и почему онъ счелъ нужнымъ рѣшительно и торжественно выразить преп. Діонисію не просто свое покровительство и защиту, но и особое, чрезвычайное свое расположеніе? Конечно Θеофанъ могъ руководствоваться во всемъ этомъ дѣлѣ естественными желаніями защитить и оправдать человѣка несправедливо обвиненнаго и невинно страдавшаго, оправдать правое дѣло противъ несправедливыхъ на него нападеній, хотѣлъ почтить знаменитую и высоко чтимую всѣми русскими обитель преп. Сергія; но, думается намъ, тутъ кромѣ того были и другія побужденія, имѣвшія для Θеофана особенно важное значеніе.

Мы уже видѣли какъ во время службы Θеофана въ московскомъ Успенскомъ соборѣ съ русскими іерархами, послѣдніе дѣлали Θеофану внушительныя замѣчанія, что и онъ самъ и служившіе съ нимъ греки то-то и то-то совершаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ и что имъ, грекамъ, истинному церковному чину слѣдуетъ поучиться у русскихъ, которые сохранили его у себя во всей чистотѣ и неизмѣнности. Θеофанъ увидалъ, что нѣкоторые русскіе смотрятъ на современныхъ грековъ свысока, какъ на утерявшихъ древній церковный чинъ и обрядъ, и рѣшилъ поднять въ глазахъ русскихъ авторитетъ современныхъ грековъ, показать, что именно у русскихъ, а не у грековъ, не все обстоитъ благопо-

[1] Житіе преп. Діонисія, стр. 135—137.

лучно относительно церковныхъ чиновъ и обрядовъ. Мы видѣли, что онъ обратилъ вниманіе царя и Филарета Никитича на существовавшій у насъ обычай трикратнаго подаянія св. даровъ въ евхаристіи, и успѣлъ убѣдить ихъ не въ правотѣ этого обычая и въ необходимости замѣнить его единократнымъ подаяніемъ св. даровъ, какъ это дѣлается во всѣхъ четырехъ патріаршествахъ, т. е. у тогдашнихъ грековъ. Царь и патріархъ обѣщались ему отмѣнить указанный старый русскій обычай, который дѣйствительно съ этого времени начинаетъ постепенно исчезать изъ нашей церковной практики. Вѣроятно, что Θеофанъ обращалъ вниманіе Филарета Никитича и на какія либо другія церковныя особенности тогдашней московской Руси и настаивалъ на согласованіи ихъ съ тогдашнимъ греческимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ. По крайней мѣрѣ Филаретъ Никитичъ въ одной изъ своихъ граматъ къ Θеофану (въ 1625 г.) писалъ: „да ваше святительство писалъ къ намъ и прислалъ переводы съ греческихъ древнихъ потребниковъ о освященіи богоявленскіе воды о прилогѣ огня *и о иныхъ духовныхъ дѣлехъ*, о которыхъ мы, по совѣту сына нашего великаго государя и великаго князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи самодержца, *совѣтовали съ тобою*, какъ еси былъ у насъ на Москвѣ, и мы то приняли вашего святительства любительно и о прилогѣ исправили и утвердили *по вашему совѣту* во вѣки неподвижно“ [1]. Очевидно, что уже Филаретъ Никитичъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ и убѣжденій Θеофана, производилъ частичное согласованіе русскихъ чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими. Но особенное вниманіе Θеофанъ, въ своихъ цѣляхъ, долженъ былъ обратить и дѣйствительно обратилъ на

[1] Греч. дѣло. 7133 г. № 5.

дѣло преп. Діонисія и на самую личность сего послѣдняго.

Преп. Діонисій былъ горячимъ убѣжденнымъ почитателемъ преп. Максима Грека, вполнѣ понималъ и одобрялъ произведенныя имъ книжныя исправленія и переводы съ греческаго, самъ ими пользовался и заботился объ ихъ распространеніи. Составитель житія преп. Діонисія Симонъ Азарьинъ говоритъ: „до сего Діонисія въ дому Сергія чудотворца мало любили Максима Грека книгъ, также и переведенныя отъ ученика его Селивана ни во что полагали книги, и въ соборѣ въ торжества уставщики недавали ихъ чести“, но Діонисій перемѣнилъ это положеніе дѣлъ, „повелѣ хорошимъ доброписцамъ написати книги различныя (между прочимъ переведенныя Максимомъ и его ученикомъ Селиваномъ); и идѣже бѣ годно ему, тамо разсылаше въ монастыри многія, пачеже въ соборныя храмы“, между другими и въ Москву [1]. Очевидно преп. Діонисій не только заботился объ исправленіи книгъ, но особенно цѣнилъ книги исправленныя Максимомъ Грекомъ и его ученикомъ Селиваномъ съ греческихъ, и тѣмъ самымъ признавалъ нужду исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ съ греческихъ. Въ виду этого вполнѣ естественно было, что когда царемъ преп. Діонисію поручено было исправленіе Потребника, то онъ въ затруднительныхъ случаяхъ, для провѣрки неисправныхъ и испорченныхъ славянскихъ переводовъ, обращался къ греческому тексту венеціанскихъ, вѣроятно, изданій. Въ своей рѣчи къ собору объ исправленіи Потребника преп. Діонисій прямо заявлялъ, что прилога: *и огнемъ* нѣтъ въ старыхъ славянскихъ спискахъ, „такожъ и *въ греческихъ печатныхъ* нѣтъ же“. Заявляя, что „мы никое

[1] Стр. 119—121.

дарованіе Духа Святаго на водоосвященіе призываемъ, но самаго того Духа Святаго", замѣчаетъ, что о томъ свидѣтельствуютъ всѣ старыя книги, „о томъ же свидѣтельствуетъ *и въ греческихъ книгахъ*". Или, напримѣръ, онъ спрашиваетъ: „что ради не писано въ старыхъ переводѣхъ и въ харатейныхъ *и въ греческихъ* и огнемъ, но Духомъ Твоимъ Святымъ?" Свой принципіальный взглядъ на отношеніе славянскаго текста къ греческому онъ выражаетъ, между прочимъ, въ словахъ: „а еже рещи Духомъ Святымъ и огнемъ, *то съ греческими переводы достоитъ справитися*" [1]. Сотрудникъ преп. Діонисія въ исправленіи Потребника старецъ Арсеній Глухой въ своей оправдательной рѣчи говоритъ: „*и въ греческихъ переводѣхъ* у Арсенія, архіепископа суздальскаго, *четырехъ патріарховъ въ четырехъ переводѣхъ*, не писано же и огнемъ". Арсеній свидѣтельствуетъ, что преп. Діонисій пользовался переводами Максима Грека. Указывая въ своей рѣчи на одинъ частный случай, онъ замѣчаетъ: „тотъ похвальный канонъ написалъ (преп. Діонисій) съ Максимова переводу Грека, Максимъ же грекъ инокъ благочестивъ былъ и премудръ и словеснаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навыклъ, ибо святая божественная списанія его явѣ свидѣтельствуютъ о немъ, и о премудрости и о разумѣ, и смыслѣ и видахъ". И въ другомъ мѣстѣ рѣчи о себѣ замѣчаетъ: „аще бы бѣдный азъ нищей чернецъ отъ неразумія что и худо написалъ, но съ переводу писалъ и не собою замыслилъ, но и съ пресловутаго еще мужа переводу писалъ и многого премудрости инока Максима Грека" [2].

[1] Рукоп. Сборникъ изъ книгохранилища Погодина № 1574, гдѣ рѣчь преп. Діонисія приведена полнѣе, нежели въ рукоп. Сборникѣ Троицко-лавр. библ. № 700, хотя и въ погодинскомъ сборникѣ она безъ конца.

[2] Рукоп. Сборникъ Троицко-лавр. библ. № 700.

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ ясно, что преп. Діонисій былъ почитателемъ Максима Грека, считалъ русскія церковныя книги испорченными, считалъ необходимымъ, при ихъ исправленіи, обращаться къ тексту греческихъ печатныхъ книгъ и греческимъ провѣрять правоту или неправоту русскаго, т. е. онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ въ то время у насъ грекофиламъ и свое грекофильство онъ сверхъ того выражалъ вѣроятно особенно радушнымъ пріемомъ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ всѣхъ тѣхъ грековъ просителей милостыни, которые пріѣзжали въ Москву, и потомъ обязательно посѣщали Троицко-Сергіевъ монастырь. Въ виду этого понятнымъ становится, почему патріархъ Θеофанъ такъ энергично вступился за преп. Діонисія, всячески старался добиться оправданія нетолько его лично, но и признанія правоты совершенныхъ имъ книжныхъ исправленій, почему онъ, будучи въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, такъ торжественно и необыкновенно выразилъ свое чрезвычайное уваженіе и расположеніе къ преп. Діонисію. Онъ видѣлъ въ немъ сторонника и почитателя грековъ, сторонника того направленія, которое заявляло, что не греческое провѣряется русскимъ, а русское греческимъ, что нормы истиннаго и праваго церковнаго чина и обряда, въ случаѣ возникновенія сомнѣнія, нужно искать и можно находить не у русскихъ, а у грековъ. Поддержать и поощрить это очень слабое тогда направленіе среди русскихъ, Θеофанъ, какъ грекъ, считалъ своею прямою непремѣнною обязанностію. Недаромъ, конечно, современный событіямъ составитель житія преп. Діонисія замѣчаетъ о патріархѣ Θеофанѣ: „дивный патріархъ Θеофанъ учинилъ въ Россіи многи сыны православныя греческія книги писать и глаголать, и фи-

лософство греческихъ книгъ до конца научилъ вѣдать“ [1]. Конечно это замѣчаніе біографа преп. Діонисія о характерѣ дѣятельности патріарха Θеофана на Руси болѣе относится къ юго-западной Руси, но могло имѣть нѣкоторое отношеніе и къ Руси московской, гдѣ въ то время были знавшіе и греческій языкъ. Въ Полинодіи Захарія Копистинскаго говорится, что въ Москвѣ есть люди мудрые и богословы православные „языкъ греческой знаючи и о чемъ намъ святый отецъ патріарха іерусалимскій киръ Θеофанъ повѣдалъ“, а онъ былъ на Москвѣ [2]. Очень можетъ быть, что подъ этими мудрыми и православными богословами въ Москвѣ, знающими и греческій языкъ, Θеофанъ разумѣлъ именно преп. Діонисія и Арсенія Глухаго и очень вѣроятно, что Θеофанъ и москвичей старался поощрить къ изученію греческаго языка между прочимъ и для того, чтобы они могли составить себѣ болѣе правильное представленіе о тѣхъ особенностяхъ церковнаго чина и обряда, какія тогда существовали у русскихъ по сравненію съ греческими.

Важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ, дѣйствіемъ Θеофана въ Москвѣ было поставленіе имъ въ московскіе патріархи отца государя Филарета Никитича, только что возвратившагося изъ польскаго плѣна. Въ настольной граматѣ, данной имъ Филарету Никитичу, Θеофанъ говоритъ, что по прибытіи въ Москву онъ встрѣченъ былъ самимъ государемъ „любезно, человѣколюбно и милосердо“, что за это „надлежитъ и намъ всею душею и мыслію святому и великому его царствію служити и услуги показывати, и нетокмо нынѣ, но и во все время жизни нашея вседушно благодарити и многія благодаренія

[1] Стр. 125. — [2] Опис. рукоп. моск. синод. библ. II. 3, стр. 342—343.

воздавати". Затѣмъ Ѳеофанъ говоритъ: „когда его благочестивѣйшаго и мирнѣйшаго царя Михаила Ѳеодоровича, самодержца всероссійскаго, мѣрность наша собственными очами увидѣвши, и о данномъ и дарованномъ отъ горняго Божія промысла великому его царствію разширенiи и умноженiи увѣрившися, то праведно и благопристойно разсудили, что токмо единъ есть нынѣ на земли великій и православный царь, а другій, по истинѣ, никтоже, якоже онъ во всей вселеннѣй подъ небесемъ и подъ солнцемъ". Въ виду же того, что московская церковь оставалась безъ пастыря, собранъ былъ, по повелѣнію государя, соборъ архіереевъ въ Москвѣ для избранія патріарха". И на семъ соборѣ всѣ, проникнутые Духомъ Божіимъ, единогласно, едиными устами и сердцемъ, праведнымъ нареченіемъ нарекли и избрали преосвященнаго митрополита, господина Филарета ростовскаго и ярославскаго, мужа воистинну достойнаго, праведнаго, добродѣтельнаго, мудруго, святаго и боголюбивѣйшаго, и неволею призвали на высочайшій здѣшній престолъ соборныя и апостольскія церкви, а потомъ, по правиламъ св. апостолъ и по преданіямъ св. отецъ, также и прежде насъ бывшихъ патріарховъ, какъ братій и сослужителей нашего смиренія, мы, наименованіемъ и призваніемъ пребезначальнаго Отца и содѣйствіемъ Св. Духа, возложивъ руки и совершивъ надъ нимъ подобающее служеніе, нарекли его святѣйшимъ патріархомъ великія Христовы и каѳолическія церкви, въ царствующемъ градѣ Москвѣ и наименовали сослужебникомъ нашего смиренія и прочихъ патріарховъ, съ которыми ему числиться и поминаться" [1].

[1] Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 46.

Поставленіе Θеофаномъ въ московскіе патріархи отца государя Филарета Никитича, оказало самое рѣшительное вліяніе на послѣдующія сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ. Благодаря этому обстоятельству, Филаретъ Никитичъ, какъ ставленникъ Θеофана, всегда относился къ нему съ особеннымъ вниманіемъ и предупредительностію, исполняя по возможности всѣ его просьбы и ходатайства, вслѣдствіе чего между іерусалимскими патріархами и московскимъ правительствомъ установились близкія и постоянныя сношенія, непрекращавшіяся до самой смерти Θеофана, а потомъ продолженныя его преемниками. Къ обозрѣнію этихъ сношеній мы теперь и перейдемъ.

Отъ 12 Марта 1621 года Θеофанъ писалъ Филарету Никитичу: „Вѣдомо буди тебѣ пресвѣтлый владыко, что мы, вашими святыми молитвами и милостью благочестиваго царя и помощію всеблагаго Бога, освободилися есми отъ супротивныхъ вѣрѣ нашей. Вмѣстѣ съ воинскими людьми кіевлены проводили насъ до рубежа Волосскаго; малымъ сказаніемъ объявляемъ, что нынѣ пребываемъ въ Волохѣхъ, славлючи и величаючи державу царствія вашего. А издѣ. государствуетъ благочестивый Александръ воевода, а пониже того, въ Мутьянѣхъ, сидитъ Михны воеводы сынъ, Радулъ — воевода благочестивъ, который прежде сего владѣлъ и государствомъ — Мутьянскою землею восемь лѣтъ, а оттолѣ послѣ былъ въ Волохѣхъ три года, да опять нынѣ въ Мутьянѣхъ, а сажаетъ ихъ турской. А про турскаго и про литву про ихъ недружбу похотите вѣдати, и они и межъ собою въ недружбѣ, а что небьется — турской цесаревъ посолъ помирилъ, а еще неутвержено. А во Царѣградѣ патріархъ Кириллъ, а Тимоѳея нестало, а во Александріи

патріархъ Герасимъ, а въ Антіохіи патріархъ Кириллъ, а иные сказываютъ — Христофоръ, а стараго Аѳонасія нестало. А мнѣ и здѣ годовать до великаго дни, что государь меня неотпуститъ, и я послалъ архимандрита своего, да митрополита виѳліемскаго, что заѣхалъ его есми здѣсь въ вотчинѣ Св. Гроба. съ вашею царскою милостынею, да заплатитъ долгъ, елико силъ станетъ; потомъ и я зъ послѣ великаго дни поѣду“ [1].

Въ 1622 году Ѳеофанъ опять писалъ Филарету Никитичу съ силистрійскимъ митрополитомъ Іоакимомъ, пріѣзжавшимъ въ Москву за милостынею: „просили есмя преже всего дважды и трожды нужу свою и иныя многія, аще будетъ дошли (граматы); еще нынѣ невелико пишемъ съ преосвященнымъ митрополитомъ силистрійскимъ господиномъ Іоакимомъ, съ братомъ и сослужебникомъ нашимъ, обрѣли есмя его во время, какъ идти, и онъ всѣмъ радѣньемъ хотѣлъ придти (въ Москву), а вамъ челомъ ударити, и про насъ и о иныхъ дѣлехъ будетъ вамъ извѣстити вся подлинно. Аще будетъ время оттолѣ — изъ Мутьянскіе земли, будемъ писати“ [2].

Въ Апрѣлѣ 1625 года въ Москву прибыло торжественное посольство отъ Ѳеофана, состоявшее изъ его племянника архимандрита Кирилла, келаря Акакія, дьякона Митрофана, бѣльца — патріаршаго человѣка Іосифа, архимандрита монастыря Саввы Освященнаго Григорія со старцами. Архимандритъ Кириллъ привезъ государю граматы отъ Ѳеофана, вивліемскаго митрополита Аѳанасія, а архимандритъ Григорій отъ братіи монастыря Саввы Освященнаго.

Патріархъ Ѳеофанъ писалъ въ своей граматѣ государю: „вѣдомо ти буду велелѣпный царю: мы, молеб-

[1] Греч. д. 7130 г. № 1. — [2] Греч. д. 7131 г. № 1.

ники царствія твоего, пребывающіе здѣ во святыхъ и богостепенныхъ мѣстахъ Господа нашего Іисуса Христа, идѣже ему погребшуся и воскресшу и всему міру спасенныя страсти и чудеса показавшу — во святомъ градѣ Іерусалимѣ, тѣмъ подобіемъ терпимъ и мы днесь безчисленные нужды, и налоги имѣемъ неизвѣстны и неповинно заключаемы бываемъ отъ иноплеменныхъ еретиковъ, и всякое безчестіе многое для любви Христовы терпимъ, еликожъ и писати невозможемъ проторей всѣхъ и великихъ долговъ, что наложили на великую церковь Христову и святый и животъдарованный Гробъ и на насъ: до пятидесяти тысячь золотыхъ по счету, и оттого въ великое убожество впадохомъ и въ нужду. И николи жъ не престанутъ намъ дати покоя зломышленники, наругаяся хрестьянской вѣрѣ, и всегда хотять насъ изгнати вонъ отъ Св. Гроба и отъ Лобнаго мѣста, идѣже распяша Господа нашего Іисуса Христа. А мы силою Христовою о Богѣ надѣяся, что пресвѣтлое лицо царствія твоего видѣхомъ и милостину пріяхомъ, и впередъ отъ державы царствія твоего помощи чаемъ, противъ ихъ всегда стоимъ и недадимъ имъ, нечистымъ псомъ, завладѣти и потѣснити живодарованнаго Гроба Христа Бога нашего“. Далѣе патріархъ проситъ государя принять посланныхъ его „пресвѣтлымъ лицемъ противъ нашего лица“, увѣдомляетъ о полученіи отъ царя присланной съ Иваномъ Гавриловымъ и Тихономъ Васильевымъ (нашими послами въ Турціи) заздравной милостыни и особой — на поминъ по князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Мстиславскомъ и проситъ, чтобы государь „прислалъ ко Св. Гробу на высвобожденіе отъ тяжкаго долгу милостины; а мы развѣе Бога и васъ, великаго государя, иного помощника и теплаго заступника ко церкви Христовой

неимѣемъ. Буди свободитель и покажи милосердіе святаго самодержавнаго царствія своего отъ насъ къ посланнымъ нашимъ для любви святаго и живодарованнаго Гроба и свободитель будеши роду нашему".

Въ другой граматѣ Θеофанъ просилъ государя сотворить милостыню монастырю св. Саввы Освященнаго. «зане же они (иноки этого монастыря) великою нуждою пребываютъ въ той святой обители, занеже арапляня во дни и въ нощи ихъ нудятъ. И пречудно есть во днехъ сихъ, какъ они въ пустыняхъ пребываютъ и держатъ ту святую лавру, потому что прежъ сего было близь Іерусалима и въ пустыни іерданской 300 монастырей, а нынѣ только они остались, и днесь пребываютъ со многими труды и помощію твоею царскою, что пріяша твою царскую милостыню, во дни и въ нощи молятъ безпрестанно Бога о твоей святой царской державѣ, да сохранитъ вовѣки царствіе твое, а не имѣютъ ни откуда помощи, развѣе отъ Бога и отъ твоей царской державы, и то пустынное мѣсто и св. лавру св. Саввы держатъ насилу".

Писалъ Θеофанъ, съ архимандритомъ Кирилломъ, и къ боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому о нуждахъ и бѣдахъ, претерпѣваемыхъ христіанами на востокѣ отъ враговъ вѣры Христовой. „Вѣдомо буди честнѣйшій, пишетъ патріархъ боярину, что нужды и бѣды вседневно принимаемъ отъ враговъ вѣры нашея св. Гроба, что невозможно и писати къ тебѣ отъ великихъ бѣдъ и отъ тяжкаго долгу, что есть на великіе Христове церкви; а мы все терпимъ для любви Христовой, и для того послахомъ ко благочестивому великому царю" архимандрита Кирилла для милостыни, „прими и ты ихъ милостиво и боголюбиво и милостину достойну сотвори имъ, что тебѣ благій Богъ подаро-

валъ для любви Христовой и для Божья и живодаровaннаго Гроба". Такія же просительныя письма о помощи писалъ Ѳеофанъ къ Ивану Никитичу Романову, къ князю Ивану Михайловичу Воротынскому и къ Ѳедору Ивановичу Шереметьеву.

Виѳліемскій митрополитъ Аѳанасій въ особой граматѣ государю указывая на великую важность Виѳліема, куда волхвы съ востока принесли золото, ливанъ и смирну, о которомъ православные древніе блаженные цари радѣли и куда они „присылали множество казны", извѣщаетъ, что посланную ему милостыню принялъ, а теперь снова посылаетъ инока Германа да приметъ милостыню отъ царя, „занеже намъ многіе налоги и убытки отъ иноплеменныхъ дѣлаются, да ктомужъ обрушилась отъ многолѣтства во святомъ Виѳліомѣ у церкви одна сторона и мы молимъ, да поможеши намъ своею государскою милостынею, и мы церковь починимъ по прежнему". Въ заключеніе проситъ, чтобы государь прислалъ отъ казны своея, что вамъ Богъ извѣститъ, „якоже и персидскіе цари принесоша ко святому Виѳлеому о рожествѣ Христовѣ дары", „занеже, поясняетъ митрополитъ, неимѣемъ нигдѣ главы приклонити, развѣ святыя державы царствія твоего".

Царскимъ указомъ приказано было посланнымъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана архимандритамъ и ихъ старцамъ перваго Мая быть у государя. „И того дни у государя архимандриты и старцы были. А посланъ по нихъ на подворье съ лошадьми и ѣхалъ съ ними въ городъ приставъ ихъ Тимоѳей Оладьинъ, а лошади по нихъ посланы съ конюшни (царской); а келари и строители и черные попы и старцы шли въ городъ пѣши. А пріѣхавъ архимандриты въ городъ, ссѣли съ лошадей у Посольской палаты и шли въ Посольскую

палату и дожидалися государева выходу въ Посольскомъ приказѣ, а келари и строители и черные попы и иные старцы сидѣли въ передней палатѣ. А какъ они въ городѣ были и въ то время были въ городѣ стрѣльцы въ цвѣтномъ платье безъ пищалей. А вверхъ ко государю въ золотую палату изъ Посольскаго приказа съ архимандриты и старцы шелъ Тимоѳей Оладьинъ. А государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Руси въ то время былъ въ золотой середней въ подписной палатѣ въ опашенкѣ въ золотной. А при государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всеа Руси были бояре и околничіе и думные люди въ опашенкахъ нарядныхъ съ кружевы и въ черныхъ шапкахъ, а въ сѣнехъ проходныхъ и по крыльцу были дворяне и дьяки и подъячіе всѣхъ приказовъ въ чистомъ платьѣ. А какъ архимандриты и старцы вошли ко государю въ палату и явилъ государю челомъ ударить посольской думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, а молвилъ: великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ, всея Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, ерусалимскаго патріарха Ѳеофана архимандритъ Кириллъ, да Саввинскаго монастыря архимандритъ Григорей, и келарь и старцы вамъ, великому государю, челомъ ударили. И архимандритъ Кириллъ правилъ государю отъ патріарха челобитье и подали архимандриты грамоты. И государь велѣлъ грамоты принять думному дьяку Ивану Грамотину и велѣлъ государь спросить архимандритовъ о спасенье и велѣлъ призвать къ рукѣ. А послѣ того явилъ государю поминки думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, а молвилъ: великій государь царь и великій князь Михайлю Ѳедоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! ерусалимскаго

патріарха Ѳеофана архимандритъ Кириллъ привезъ къ тебѣ, великому государю: мощи великаго чудотворца Николы въ серебряномъ ковчежцѣ, мощи св. великомученика Георгія Побѣдоносца, 2 свѣчи отъ Гроба Господня, мѣру Гроба Господня, вода св. Іордана рѣки, въ ней же Христосъ крестися; до отъ виѳліомскаго митрополита: мощи св. мученика Меркурія; Саввина монастыря архимандритъ Григорей привезъ къ тебѣ великому государю: мощи св. Іоанна Златоуста, мощи св. апостола Нассона, свѣчи отъ Гроба Господня, вода іорданская. И государь велѣлъ мощи принять казеннымъ дьякамъ и велѣлъ государь сказать архимандритамъ свое государево жалованье и отпустилъ на подворье".

Послѣ пріема у царя, подобный же пріемъ посланнымъ Ѳеофана былъ устроенъ и у патріарха Филарета Никитича. Особенности этого пріема отъ царскаго заключались въ слѣдующемъ: „а великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи сидѣлъ въ крестовой палатѣ въ бархатной манатьѣ и въ клобукѣ съ саженными херувимы; а отъ государя святѣйшаго патріарха по лѣвой сторонѣ въ лавкѣ сидѣли крутицкій митрополитъ Кипреянъ, а подъ нимъ сидѣли бояринъ князь Андрей Васильевичъ Хилковъ, да думной дьякъ Иванъ Грамотинъ. А по другой сторонѣ сидѣли архимандриты: чудовской Іосифъ, да Спаса-Новаго монастыря Іосифъ, да симоновскій Левкій, да андронниковской Геннадей, да богоявленскій игуменъ Илья, да архидіаконъ Діонисій, да казначей Сергій Ладыженскій. А на лавкѣ у дверей сидѣли государевы святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всеа Русіи приказные люди". Когда архимандриты вошли въ патріаршую палату, „явилъ

ихъ государю святѣйшему патріарху челомъ ударить посольской думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, а молвилъ: „великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, ерусалимскаго патріарха Ѳеофана архимандритъ Кириллъ, да саввинскаго монастыря архимандритъ Григорей и келари и старцы вамъ, великому государю, святѣйшему патріарху челомъ ударили, пріѣхали отъ вашея государскіе святительскіе руки приняти благословеніе и бити челомъ о милостынѣ“.

Затѣмъ племянникъ Ѳеофана архимандритъ Кириллъ „правилъ великому государю святѣйшему патріарху отъ ерусалимскаго патріарха Ѳеофана, да отъ александрійскаго патріарха Герасима челобитье и подалъ грамоты. И государь святѣйшій патріархъ спросилъ о патріархове Ѳеофанове и Герасимове спасеніи и здоровье, вставъ, а молвилъ: о святемъ Дусѣ братію нашу Ѳеофана патріарха іерусалимскаго и Герасима патріарха александрійскаго какъ Богъ милуетъ, во спасеніи-ль пребываютъ? А грамоты велѣлъ принять думному дьяку Ивану Грамотину“, послѣ чего они были отпущены на подворье.

Точно такимъ же образомъ посланные Ѳеофана приняты были государемъ на прощальной аудіенціи „на отъѣздѣ“, какъ тогда говорилось, причемъ думный посольскій дьякъ Иванъ Грамотинъ отъ лица государя обратился къ архимандритамъ съ такою рѣчью: „архимандриты Кириллъ и Григорій! Великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ вамъ говорити: Пріѣзжали есте къ нашему царскому величеству и къ отцу нашему великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Русіи бити челомъ о милостынѣ, и мы, великій

государь, и отецъ нашъ, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, пожаловавъ васъ нашимъ жалованьемъ, велѣли васъ отпустить назадъ къ святѣйшему Ѳеофану патріарху, а съ вами посылаемъ мы и отецъ нашъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, и мать наша благородная государыня инока Марѳа Ивановна, въ даръ ко Гробу и къ распятію Господню золотыя и иная потребная церкви Божіи, о чемъ къ намъ писалъ патріархъ Ѳеофанъ въ грамотахъ своихъ. Да и къ патріархамъ іерусалимскому и александрійскому и въ Саввинъ монастырь посылаемъ съ вами нашего и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всеа Русіи жалованья милостыни. И вы отъ насъ то жалованье патріархомъ отвезите, а патріархибъ, александрійской и іерусалимской, молилибъ Бога и пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ о нашемъ царскомъ многолѣтномъ здравіи и о отцѣ нашемъ, великомъ государѣ святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ московскомъ и всеа Русіи, и о матери нашей благородной государынѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ о спасеніи и о здравіи, и о нашей женѣ царицѣ Евдокѣе о здравіи, чтобъ милосердый Богъ царство наше устроилъ мирно и подаровалъ бы намъ благородные чада въ наслѣдіе государствъ нашихъ“. Точно такъ же архимандриты приняты были „на отъѣздѣ“ и точно такую рѣчь выслушали отъ патріарха Филарета Никитича, причемъ и царь и патріархъ послали отъ себя съ архимандритомъ Кирилломъ грамоты къ Ѳеофану, въ которыхъ одинаково извѣщали его о посылаемыхъ ему дарахъ, просили его молитвъ и только въ грамотѣ Филарета Никитича находится такая приписка: „да ваше святительство

писалъ къ намъ и прислалъ переводы съ греческихъ съ древнихъ потребниковъ о освященіи богоявленскіе воды, о прилогѣ огня и о иныхъ духовныхъ дѣлехъ, о которыхъ мы, по совѣту сына нашего великаго государя... совѣтовали съ тобою, какъ еси былъ у насъ на Москвѣ, и мы то приняли отъ вашего святительства любительно и о прилогѣ и исправили и утвердили по вашему совѣту во вѣки неподвижно", и затѣмъ пишетъ, что данная ему въ Москвѣ Ѳеофаномъ настольная грамота сгорѣла во время пожара, почему и проситъ его прислать новую на мѣсто сгорѣвшей.

Государева и патріаршаго жалованья всего дано было „на пріѣздѣ": архимандриту Кириллу, кромѣ образовъ, на 140 руб.; саввинскому архимандриту Григорію на 120 р., келарямъ двумъ человѣкамъ по 64 р. человѣку, іерусалимскому дьякону 44 р., человѣку патріарха Ѳеофана 38 р. и саввинскому старцу 20 р. На „отъѣздѣ" дано было: архимандриту Кириллу на 40 р., саввинскому Григорію на 35 р., келарямъ по 20 р., іерусалимскому дьякону на 12 руб., саввинскому старцу на 8 рублей. Всего посольство Ѳеофана лично для себѣ только отъ царя и патріарха получило подарковъ на 625 р., что, принимая тогдашній рубль за четырнадцать нынѣшнихъ, будетъ около 8,000 нынѣшнихъ рублей. Кромѣ того, за все время пребыванія въ Россіи оно пользовалось ежедневнымъ царскимъ содержаніемъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, „поденнаго корма" давалось: архимандритамъ Кириллу и Григорію по 3 алтына на день, да питья: по 3 чарки вина, по 3 кружки меду, по 3 кружки пива; келарямъ ихъ по 10 денегъ, саввинскому старцу да патріаршу человѣку по 8 денегъ, а питья имъ давалось: по 3 чарки вина, по 2 кружки пива и по 2 кружки меду.

Въ докладѣ Посольскаго приказа (который вѣдалъ всѣхъ пріѣзжихъ въ Москву иностранцевъ, въ который послѣдніе обязательно являлись немедленно по прибытіи въ Москву и гдѣ они подвергались допросамъ) государю о пріѣздѣ архимандрита Кирилла говорится, что патріархъ Ѳеофанъ проситъ государя о милостынѣ вообще и, кромѣ того, проситъ еще серебряную чашу для освященія воды „рублей въ 200 и болши и иная потребная ко святынѣ сотворить, елико имъ, государемъ, Богъ извѣститъ". Кромѣ того, Ѳеофанъ проситъ у государыни инокини Марѳы образъ въ родѣ того, какой она пожаловала ему, когда онъ былъ въ Москвѣ, а также елей серебряный, да на масло деревянное, какъ Богъ извѣститъ.

По этому случаю сдѣлана была въ Приказѣ выписка о тѣхъ дачахъ, какія до сего времени уже получилъ отъ русскаго правительства іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. Изъ этой выписки оказывается, что лично Ѳеофану, когда онъ былъ въ Москвѣ, всего дано подарковъ отъ государя, патріарха и государыни инокини Марѳы на 2,236 р. съ полтиною. Съ нашимъ посломъ въ Турціи Кондыревымъ въ 1622 году Ѳеофану лично послано было соболей на 120 руб.; да къ Воскресенію Христову ко Гробу Господню въ даръ 100 золотыхъ; въ предѣлъ Распятія, что на Голгоѳѣ, 30 золотыхъ; саввинскому и вмѣстѣ архангельскому игумену 3 золотыхъ, келарю 2, двумъ человѣкамъ попамъ, да двумъ дьяконамъ по золотому человѣку; на братію на 60 человѣкъ 30 золотыхъ; виѳліемскому митрополиту 20 золотыхъ. Въ 1624 году съ посломъ Иваномъ Бегичевымъ патріарху Ѳеофану было послано соболей на 120 руб., къ Воскресенію ко Гробу Господню 50 золотыхъ, въ предѣлъ Распятія на Голгоѳѣ 15 золотыхъ, архангель-

скому игумену 2 золотыхъ, келарю одинъ золотой, двумъ попамъ да двумъ дьяконамъ по полузолотому человѣку, да на братью на 60 человѣкъ по чети золотого на человѣка и того 19 золотыхъ съ полузолотымъ, виѳліемскому митрополиту 10 золотыхъ, церкви Рождества 10 золотыхъ.

Теперь съ архимандритомъ Кирилломъ Ѳеофану послано было отъ государя и патріарха соболями на 350 руб., да отъ царицы Маріы лампада серебряная и сверхъ того 100 р. на масло. Кромѣ того, государь послалъ Ѳеофану „чашу серебряную съ поддонникомъ для освященія воды“, а Филаретъ Никитичъ рукомойникъ да лахань серебряные позолоченые, ширинка сажена жемчуги съ кистьми; въ лахани вѣсу 17 гривенокъ 34 золотника, а по цѣнѣ деньгами 88 р. 18 алтынъ; въ рукомойникѣ вѣсу 14 гривенокъ 6 золотниковъ, а по цѣнѣ деньгами 70 р. 21 алтынъ; всего въ лохани и и рукомойникѣ вѣсу 31 гривенка (т. е. около 16 фунтовъ) 40 золотниковъ, а стоятъ на деньги 159 р. 6 алтынъ; ширинка въ счетъ не положена“. Съ архимандритомъ Кирилломъ еще послано было: къ Воскресенію ко Гробу Господню 100 золотыхъ, въ предѣлъ къ Распятію на Голгоѳѣ 30 золотыхъ, архангельскому и вмѣстѣ саввинскому игумену 3 золотыхъ, келарю 2 золотыхъ, двумъ попамъ и двумъ дьяконамъ по золотому, на братью 60 человѣкъ 30 золотыхъ, виѳліемскому митрополиту 20 золотыхъ, въ церковь Рождества 20 золотыхъ. А послана эта милостыня для того, „что турскіе люди наложили на церковь Христову и святой градъ Господень многую дань и многую тягость учинили“.

Іерусалимское посольство было возвращено назадъ необычнымъ путемъ чрезъ Путивль и Польшу, а моремъ на Архангельскъ, чрезъ Англію, причемъ государь по-

слалъ съ нимъ къ англійскому королю особую грамоту, въ которой объясняетъ, что іерусалимское посольство онъ велѣлъ отпустить „на ваше англійское королевство для того, что имъ на иные государства въ Іерусалимъ проѣхать не мочно: въ польской и литовской землѣ греческой вѣрѣ отъ латынъ неистовство многое, и чрезъ польскую и литовскую землю не пропускаютъ и тѣсноту имъ чинятъ многую", въ виду чего проситъ короля по содѣйствовать имъ на кораблѣ переправиться въ Іерусалимъ, „а мы, великій государь, вамъ, брату нашему, потому жъ будемъ воздавати нашею государскою любовію, гдѣ будетъ намъ пригоже и возможно" [1].

Отправивъ въ Москву своего племянника архимандрита Кирилла Ѳеофанъ между тѣмъ, воспользовавшись случаемъ, снова писалъ государю и Филарету Никитичу отъ 15 Сентября 1625 года, съ синайскимъ архимандритомъ Малахіею, отправлявшимся въ Москву, жалуясь на притѣсненія армянъ и латинянъ, почему и просилъ оказать милость посланному имъ въ Москву архимандриту Кириллу. „Многіе печали и тѣсноты въ нынѣшнихъ днехъ пріимаемъ, писалъ онъ государю, и пребываемъ въ нуждахъ и печалехъ отъ иноплеменныхъ враговъ—отъ арменъ и отъ латынъ, которые имѣютъ у себя многое богатство и хотятъ у насъ отнять Св. мѣста изъ рукъ нашихъ на похуленіе православнымъ хрестьяномъ. А мы въ томъ надежды не имѣемъ опричь вашіе государскіе милости, и сего ради молимъ: да поможете намъ и милостину пошлете съ нашими людьми, которыхъ послали есмя къ вамъ прежъ сего (разумѣетъ архимандрита Кирилла), а мы во дни и въ нощи надежду и упованіе на святую державу твою имѣемъ, да освободимся отъ враговъ своихъ." Въ грамотѣ къ Филарету

[1] Греч. д. 7133 г. № 5.

Никитичу писалъ между прочимъ объ отпускѣ изъ Москвы его архимандрита Кирилла съ милостынею для того, „что Св. Гробъ и иные многіе Св. мѣста нужды принимаютъ отъ еретикъ иновѣрныхъ, и чтобъ ихъ латыня и армена своимъ богатствомъ необладали и благовѣрнымъ христьяномъ позорища не было, потому что иные надежды и помощи развѣе вашего царствія не имѣемъ и сего ради молимъ: сотворите милость!“ [1]

Въ концѣ 1629 года въ Москву прибыло новое посольство изъ Іерусалима: виѳліемскій митрополитъ Аѳанасій, іерусалимскій архимандритъ тоже Аѳанасій и монастыря Саввы Освященнаго архимандритъ Исаія. Съ митрополитомъ Аѳанасіемъ Ѳеофанъ прислалъ государю грамоту, писанную отъ 28 Іюля 1629 года, въ которой онъ извѣщаетъ царя о полученіи милостыни и подарковъ, посланныхъ къ нему съ архимандритомъ Кириллomъ, благодаритъ за нихъ и затѣмъ пишетъ, „что злый недругъ нынѣ, нѣкоторый князь нечестивый тиранъ пришедъ и воспріялъ Св. Градъ Іерусалимъ безъ указу и безъ изволенія царскаго и великій убытокъ намъ учинилъ, не только едино къ намъ, но и къ природнымъ своимъ нечестивымъ языкомъ агаряномъ, болѣ штидесять тысячь ефимокъ намъ учинилъ онъ—отъ Бога проклятый князь... два года держалъ святой градъ Іерусалимъ и нечего было намъ ему сотворити и индѣ прибѣгнути“, въ виду чего и обращается къ государю съ просьбою о милостынѣ. Въ грамотѣ къ государынѣ Евдокіѣ Лукьяновнѣ Ѳеофанъ пишетъ, чтобы она, подобно святой царицѣ Еленѣ, соорудившей многія церкви и назиравшей Св. мѣста, обновила церковь Воскресенія. Къ государынѣ инокинѣ Марѳѣ Ѳеофанъ между прочимъ пишетъ: „сотвориши имъ милостыню, яко же и

[1] Греч. д. 7134 г. № 17.

преже того насъ миловала еси, яже тою святою иконою (которая дана была государынею Ѳеофану, въ бытность его въ Москвѣ), что есть творитъ нынѣ многіе чудеса и здравіе падаетъ и всякъ, ее видя, честь и хвалу воздаетъ, что есть даяніе отъ рукъ царскихъ". Привезъ митрополитъ Аѳанасій отъ Ѳеофана и новую ставленую грамоту Филарету Никитичу. На этотъ разъ милостыня къ Ѳеофану была послана не великая. Такъ какъ въ 1629 году нашими послами въ Турціи, Яковлевымъ и Евдокимовымъ, дано было Ѳеофану пять сороковъ соболей на 170 р., то теперь (въ 1630 г.) къ Ѳеофану послано было на милостыню съ виѳліемскимъ митрополитомъ только два сорока соболей на 100 р., о чемъ царь и патріархъ извѣстили Ѳеофана особою грамотою [1].

Посылая въ Москву виѳліемскаго митрополита Аѳанасія Ѳеофанъ разсчитывалъ получить чрезъ него отъ русскаго правительства большую богатую милостыню, а получилъ только 100 р., т. е. на наши деньги 1400 р. Ѳеофанъ былъ обиженъ, увидѣлъ въ этомъ нерасположеніе къ себѣ русскаго правительства, которое, по его мнѣнію, поддалось зловредному вліянію нѣкоего враждебнаго ему, проживавшаго тогда въ Москвѣ, веррійскаго митрополита Аверкія, противъ котораго и рѣшился теперь ополчиться Ѳеофанъ. Дѣло тутъ заключалось въ слѣдующемъ.

[1] Греч. д. 7138 г. № 80. 5 Мая 1630 г. послы Яковлевъ и Евдокимовъ возвратились изъ Константинополя и привезли грамоту Ѳеофана отъ 25 Февраля 1629 года, въ которой онъ писалъ государю: «вѣдомо буди самодержавному твоему царствію о семъ, державный царю, что есмы богомольцы святаго твоего царствія, пришли есми въ то время отъ святаго града Іерусалима въ Константинъ градъ и обрѣли есми пословъ царствія твоего... и были у нихъ и благословили ихъ и приняли отъ нихъ изъ рукъ... милостыню пять сороковъ соболей. И монастырь святый градъ Іерусалимъ до днесъ цѣлъ и нерушимъ» (Греч. д. 7138 г. № 23).

Θеофанъ, уѣзжая изъ Москвы, послѣ поставленія въ патріархи Филарета Никитича, оставилъ въ Москвѣ своего старца Іоанникія на вѣчное житье здѣсь. Этотъ Іоанникій сталъ называться у насъ новоспасскимъ келаремъ грекомъ Іоанникіемъ и пользовался особымъ расположеніемъ царя и патріарха. Въ лицѣ Іоанникія Θеофанъ хотѣлъ имѣть при московскомъ дворѣ преданнаго ему агента, который бы служилъ въ Москвѣ представителемъ и надежнымъ истолкователемъ патріаршихъ нуждъ и интересовъ и, что особенно важно, который бы направлялъ щедрую русскую милостыню главнымъ образомъ въ Іерусалимъ. Іоанникій дѣйствительно сдѣлался въ Москвѣ радѣтелемъ интересовъ іерусалимскаго патріарха, который не разъ, въ своихъ письмахъ къ Іоанникію, проситъ его устроить то или другое дѣло и особенно, указывая на его вліяніе при дворѣ, проситъ похлопотать о милостынѣ Св. Гробу. Іоанникій, конечно, хлопочетъ объ этомъ, хлопочетъ и по другимъ дѣламъ Θеофана. И не только самъ Θеофанъ обращался къ Іоанникію, прося его содѣйствія при московскомъ дворѣ по тому или другому случаю, но и разные просители милостыни, отправляясь въ Москву, старались запастись рекомендаціей къ Іоанникію, какъ сильному и вліятельному въ Москвѣ, отъ котораго много зависитъ успѣхъ ходатайства просителя о милостынѣ. Дѣйствительно Іоанникій успѣлъ пріобрѣсти въ Москвѣ сильное вліяніе на раздачу милостыни просителямъ, такъ какъ наше правительство обращалось къ нему за свѣдѣніями относительно пріѣзжавшихъ въ Москву просителей милостыни и относительно разныхъ греческихъ монастырей. По просьбѣ Филарета Никитича Іоанникій даже написалъ особую докладную записку о монастыряхъ, имѣющихся въ Цареградѣ, Іерусалимѣ и во всей греческой

землѣ. Когда персидскій шахъ прислалъ въ даръ Михаилу Ѳеодоровичу ризу Господню, то въ Москвѣ остереглись сразу повѣрить въ подлинность этой ризы и между прочимъ обратились за справками къ келарю Іоанникію, не знаетъ ли онъ чего про „Христову срачицу“ и про иныя святыни, гдѣ они и въ которомъ государствѣ, не слыхалъ ли онъ чего объ этомъ въ Греціи, когда былъ тамъ? [1]

Между тѣмъ въ Іюлѣ 1628 года прибылъ въ Москву и остался здѣсь на житье веррійскій митрополитъ Аверкій. Тоже сдѣлали митрополиты селунскій Паисій, пріѣхавшій въ Москву въ 1629 году, и севастійскій Іосифъ, пріѣхавшій въ 1630 году. Эти три іерарха, поселившись въ Москвѣ, жили при дворѣ, пользовались у царя и патріарха почетомъ и вліяніемъ. По мысли русскаго правительства выѣзжіе іерархи должны были быть посредниками между просителями милостыни съ востока и правительствомъ: они должны были давать правительству свѣдѣнія о личности просителя, о монастырѣ или епархіи, представителемъ которой проситель является, о дѣйствительныхъ нуждахъ и потребностяхъ епархіи или монастыря, должны были разоблачать обманы и продѣлки разныхъ самозванныхъ просителей милостыни и т. под. Очевидно, что роль ихъ въ этомъ отношеніи была очень важна и вліятельна, такъ что дѣло раздачи милостыни просителямъ почти исключительно перешло въ ихъ руки. Самымъ виднымъ и вліятельнымъ лицомъ изъ этихъ трехъ іерарховъ былъ митрополитъ веррійскій Аверкій, скоро пріобрѣтшій сильное расположеніе къ себѣ Филарета Никитича и полное его довѣріе, которымъ онъ впрочемъ восполь-

[1] Греч. д. 7135 г. № 19; 7136 г. № 11; 7137 г. № 22; Дворц. разряды т. II, стр. 768 и 788.

зовался исключительно въ видахъ личной наживы. Какъ и слѣдовало ожидать Аверкій неужился ни съ своими сотоварищами, выходцами іерархами, ни тѣмъ болѣе съ келаремъ Іоанникіемъ, ранѣе тоже сильнымъ и вліятельнымъ при московскомъ дворѣ. И вотъ Аверкій начинаетъ инсинуировать: „на него-де всякое зло умышляетъ спасскій бывшій келарь Іоанникій, вмѣстѣ съ селунскимъ митрополитомъ Паисіемъ, всегда съ митрополитомъ сходятся и пьютъ, а на Аверкія умышляютъ, какъ бы его чѣмъ опозорить и отъ государскія святѣйшаго патріарха милости отлучить своими лживыми доносами". Аверкій заявлялъ еще, „что селунскій митрополитъ Паисій, умысля съ Іоанникіемъ, севастійскаго митрополита наговариваютъ, чтобы съ ними жъ въ совѣтѣ былъ и звалъ его къ себѣ селунскій митрополитъ дважды и съ нимъ о томъ говорилъ, чтобы съ ними жъ былъ въ совѣтѣ на него Аверкія. И севастійскій митрополитъ Іосифъ у селунскаго митрополита былъ, а онъ, Аверкій, опасается отъ нихъ всякаго дурна, и великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Руси про то было бы извѣстно". Въ этой затѣявшейся борьбѣ между выѣзжими греками изъ за вліянія при московскомъ дворѣ Аверкій оказался сильнѣе своихъ противниковъ. Въ 1631 году ему удается сослать на Соловки племянника Іоанникія чернаго дьякона Іоасафа, что указываетъ на упадокъ вліянія при дворѣ келаря Іоанникія, который впрочемъ, вскорѣ послѣ ссылки своего племянника, „умеръ скорою смертію безъ приказу (духовной) и безатходныя". Теперь у Аверкія остался одинъ противникъ, селунскій митрополитъ Паисій, но съ нимъ соединился скоро другой, всѣхъ болѣе опасный и вліятельный въ Москвѣ—самъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ.

Θеофанъ, какъ сказали мы выше, имѣлъ въ Москвѣ, въ лицѣ келаря Іоанникія, безусловно преданнаго ему человѣка, который являлся всегда ходатаемъ и представителемъ интересовъ іерусалимскаго патріарха предъ царемъ и Филаретомъ Никитичемъ. Но съ появленіемъ въ Москвѣ веррійскаго митрополита Аверкія, авторитетъ и вліяніе Іоанникія значительно пали; Аверкій враждебно столкнулся съ Іоанникіемъ, одержалъ надъ нимъ побѣду и тѣмъ самымъ необходимо возбудилъ противъ себя Θеофана. Послѣдній скоро увидѣлъ, что въ Москвѣ пользуется вліяніемъ уже не его креатура — Іоанникій, а другой человѣкъ, который не имѣлъ причинъ направлять русскую милостыню въ Іерусалимъ или на лицъ, рекомендуемыхъ главнымъ образомъ іерусалимскимъ патріархомъ. Когда поэтому отправленный Θеофаномъ въ 1629 году въ Москву виѳліемскій митрополитъ Аѳанасій привезъ ему милостыни только 100 рублей, то Θеофанъ увидѣлъ въ этомъ слѣдствіе пагубнаго вліянія при московскомъ дворѣ Аверкія и рѣшился дѣйствовать. Въ письмѣ къ селунскому митрополиту Паисію въ 1630 году Θеофанъ проситъ его словомъ и дѣломъ ходатайствовать за просителей монастыря св. Анастасіи, благодаритъ его, „что прислалъ намъ икону и не забываешь св. Гроба“, а про Аверкія говоритъ, что слышалъ будто онъ отсѣкъ милостыню отъ св. Гроба, за что грозитъ ему наказаніемъ въ будущемъ вѣкѣ и анаѳемою отъ седми соборовъ св. отецъ.

Писалъ Θеофанъ отъ 12 Іюля 1630 года особое письмо къ самому Аверкію, въ которомъ, благодаря его, съ одной стороны, за любовь, писалъ далѣе: „съ другой стороны показалъ ты зѣльную кручину, словеса непріязненныя къ патріарху и царю, и отсѣкъ милостыню къ святому Гробу, такъ что возвратился назадъ

праздным митрополитъ виѳліемскій, издержавъ болѣе, нежели сколько привезъ съ собою милостыни, вопреки нашему чаянію. Къ намъ писалъ царь, чтобы прислали за милостынею, и мы прислали, надѣясь что обрѣтетъ помощь св. Гробъ, ибо погибаетъ отъ великаго долга и еретиковъ; вѣдаешь ты самъ, что никогда не пребываютъ въ благѣ благочестивые христіане; а ты, если такъ учинилъ, достоинъ анаѳемы, какую произносили на недруга, супостата церковнаго Арія и прочихъ, святые отцы седми соборовъ. Не мнѣ учинилъ ты зло, но церкви Божіей, которой покланяется вся вселенная и всѣ православные христіане; всѣхъ ты обидѣлъ и милостыню у насъ отнялъ, сказавъ, будто я милостыню христіанскую или царскую здѣсь христіанамъ отдалъ и учинилъ своихъ митрополитами; ничего такого не бывало, все, что собрали, послалъ я въ церкви Божіи. Если сказано про тебя несправедливо, буди тебѣ благословеніе и молитва; но виѳліемскій пришелъ порожнимъ и кто не услышалъ о томъ, дивился, ибо принесъ отъ царя и отъ патріарха только два сорока соболей, да сто рублей денегъ св. Гробу. А мы надежду имѣемъ истинно и нынѣ, ради того еще написали къ царю и пресвятѣйшему патріарху, чтобы хотя немного прислали; мы и о томъ благодаримъ". Въ концѣ граматы находится такая приписка: „Святый веррійской! Хотѣли есми много еще говорити и писати, а нынѣ молчимъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣста будемъ въ Константинѣградѣ, увидимъ и разсудимъ, что какъ ты тутъ у царя и наговариваешь и доводишь того-сего, да ихъ напраснишь и обманываешь царя, а онъ того не вѣдаетъ. А мы начаялись и ждали покаянія отъ злыхъ дѣлъ твоихъ, а нынѣ на старости твоей не будемъ покрывати злоразуміе твое многое. Многихъ въ напасть ввелъ

еси! Полно окаянне! близь еси смерти! Началъ еси хотѣньемъ своимъ и показалъ еси невѣріе ко многимъ“ [1].

Наконецъ Ѳеофанъ въ томъ же 1630 году прислалъ объ Аверкіѣ особую грамату и Филарету Никитичу, въ которой писалъ: „Святѣйшій братъ по духу! да знаеши, яже не скорблю о царствіи вашемъ малыя ради милостыни, яко присласте съ митрополитомъ виѳліемскимъ господиномъ Аѳанасіемъ, елико скорблю о нѣкоемъ Аверкіѣ, нѣкогда митрополитѣ веррійскомъ, о немъ же слышахъ, яко ложно глаголетъ о мнѣ къ вашей пресвятости, его же и слушаеши и вѣруеши ему. Обаче, аще восхощете, да познаете лжа его, се первее: повину царство ваше писати къ намъ и сотвори себѣ нѣкоего братанца, и онъ нѣсть ему братанецъ, точію есть единъ купецъ, иже пріиде тамо, да купитъ купля, яже суть соболи“ и будто бы самъ Аверкій имѣлъ виноградники въ Константинополѣ; но онъ не только не имѣлъ здѣсь виноградниковъ, но ради нищеты своей и лукавства уже двадцать лѣтъ какъ изгнанъ изъ епархіи веррійской, и около десяти лѣтъ какъ переселился въ молдовлахійскую [2]. Стыдно говорить все то, что онъ сдѣлалъ: по его клеветѣ удержалъ воевода Александръ у меня тысячу златницъ и часть той милостыни, которую вы

[1] Греч. д. 7138 г. № 31. — [2] Ѳеофанъ разумѣетъ здѣсь слѣдующія обстоятельства: Аверкій, вкравшись въ Москвѣ въ довѣріе царя и патріарха, наговорилъ имъ, что у него на родинѣ есть вотчины и виноградники, которые-де онъ принужденъ былъ заложить. Изъ Москвы онъ посылалъ нѣкоего грека Дементія, ложно назвавъ его своимъ племянникомъ, для выкупа своихъ имѣній и виноградниковъ и для продажи ихъ, причемъ царь и патріархъ помогали ему не только деньгами, но и рекомендательными граматами къ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису. Въ дѣйствительности же у Аверкія въ Константинополѣ вовсе не было никакихъ имѣній и виноградниковъ, все это онъ придумалъ съ цѣлію выманить у царя и патріарха побольше денегъ, на которыя онъ покупалъ товары и посылалъ ихъ для продажи въ Константинополь, то съ своимъ келаремъ Пахоміемъ, то съ купцомъ грекомъ Дементіемъ, котораго онъ ложно выдавалъ въ Москвѣ за своего племянника.

мнѣ дали. Посему и пришелъ я сюда въ влахійскую область, чтобы взыскать утраченное, которое мнѣ возвратили, и чтобы озаботиться устроеньемъ подворьевъ св. Гроба, которыя здѣсь имѣю. Не подобадо бы мнѣ о немъ или о комъ либо другомъ что разсказывать, но поелику слышали, что онъ началъ ложно говорить о насъ вашему царствію, не могли мы сего перенести. Или не довольно ему, сколькихъ онъ ввелъ въ напасть, и что научаетъ царствіе ваше заточенію неповинныхъ? и вотъ еще хочетъ смущать патріарховъ между собою, а не сидитъ спокойно, благодаря Бога, который привелъ его въ такое христіанское царство, гдѣ обрѣлъ и честь и покой, и гдѣ бы могъ мирно проводить дни свои, заботясь о томъ, что полезно душѣ его, дабы пребывала она въ покаяніи; но однако зло его не оставляетъ и онъ не памятуетъ о своей смерти, и что еще буду о немъ писать? — И еще да знайте, яко елицы приходятъ и приношаютъ отвсюду къ вашему царскому величеству посланія, онъ, съ Борисомъ преводникомъ, протолковаютъ якоже сами хочутъ, непоказующе царству вашему истину, и нищіе исходятъ отъ царства вашего оскорблени отъ нихъ, яко вами данную имъ милостыню взимаютъ, и сему (Аверкію) не подобаетъ ниже епитрахиль, ниже омофоръ возложити. Прочее ваша пресвятость возми и самаго сего келейника нашего посланнаго къ вамъ—Мелентія инока тай въ клѣть свою и исповѣсть ти вся. Прочее же святѣйшій патріарше господине брате Филарете, аще речетъ кто отъ врагъ нашихъ, яко милостыня царствія вашего не доходитъ на Гробъ Божій и сосуди, иже посласте, не пришли, послите нѣкоего вѣрнаго архимандрита вашего съ двѣма или съ тремя старцы, иже да облекутся во одежды здѣшнихъ инокъ и да пріидутъ да поклонятся

мѣстомъ святымъ и помолятся о благоздравіи и спасеніи царскомъ и о вашей пресвятости, и да нетокмо яже до нынѣ вашимъ тамо прислася царствомъ увидитъ, но и яже отъ древнихъ святопочившихъ царей, дѣдовъ и прародителей вашего царства, отъ блаженнаго Θеодора царя и прочихъ, ибо и до днесь есть едино Евангеліе и митра едина, яже достохвальнѣйшія суть вещи; долгъ бо аще и имамы, добрѣ тако есть, имамы бо доволенъ, якоже и писахомъ вамъ. А сосуды царскія церковныя, глаголю, никакоже изнуреваемъ, но и зѣло опасно сохраняемъ ихъ на память сотворшихъ я царей. О вышереченномъ же Аверкіи вѣсно буди вашей пресвятости, како посла онъ нѣкогда ко мнѣ моленіе, купно и съ дары, коеже простити его, и абіе получи прощеніе отъ смиренія нашего. Нынѣ же паки слышавъ оболгательная его, еже о мнѣ, словеса къ царскому величеству и вашей пресвятости, вѣжды святѣйшій брате, яко паки оскорбихся нань".

На эту обвинительную противъ Аверкія грамату Θеофана отвѣчалъ ему оправдательною граматою Филаретъ Никитичъ. Въ ней дословно повторивши всю грамату Θеофана онъ затѣмъ пишетъ: „Азъ же, Филаретъ патріархъ, отвѣща убо о семъ нашимъ писаніемъ о томъ митрополитѣ Аверкіѣ: ей! ей! глаголю о Христѣ, не лжу, по своему святительству въ правду, не слыхалъ есми отъ Аверкія про ваше святительство, великаго господина, брата нашего и сослужебника, никакого зла, развѣе хвалился твоимъ благословеніемъ и духовною о Христѣ любовію. А о малой милостыни, что прислана къ тебѣ отъ царскаго величества и отъ насъ, патріарха, съ виѳліемскимъ митрополитомъ, и о томъ ни царь, ни азъ, патріархъ, во истину отъ Аверкія, митрополита веррійскаго, не слыхали ничего, а

учинилася та отъ насъ малая милостина по самой нуждѣ, что недругъ нашъ и супостатъ польской король, по умышленью папы римскаго, хочетъ царства нашего доступить и до конца его погубить, и вѣру нашу истинную христіанскую православную, греческаго закона, разорить и свою папежскую еретическую вѣру ввесть и утвердить. И мы готовимся противъ недруговъ своихъ, и казну многую роздали многимъ ратнымъ людямъ и ты, господине-брате, на насъ о томъ не подиви, безхитростно учинилось, а не отъ Аверкія. А про большую милостыну, которая послана отъ царя и отъ насъ съ архимандритомъ Кирилломъ вашимъ и съ келаремъ Акакіемъ, и будто тотъ же Аверкій, ссориваючи насъ патріарховъ говорилъ про тое большую милостыню, что будто ты патріархъ той милостыни большой въ предыдущіе годы въ свою казну сохранно не положилъ и нынѣ де тое большой милостыни въ вашей казнѣ нѣтъ, и мы отъ Аверкія того не слыхали же, и ни отъ кого того не слыхали же, и вѣримъ тому, что та большая милостыня, посланная отъ насъ къ животворящему Господню Гробу, въ вашей казнѣ и нынѣ цѣла, а и въ предъидущіе годы будетъ сохранена цѣла. А что писано отъ тебя про Аверкія, что онъ изгнанъ изъ своей веррійской митрополіи отъ нищеты его и отъ лукавства его двадцать лѣтъ, а того имянно не написано: отъ мірскихъ людей, или отъ духовнаго собора за его недостойное житіе изгнанъ. А что Аверкій извѣщалъ намъ на гречинъ, на двухъ Григорьевъ архимандритовъ и на Константина Ларева, да и иные гречане намъ извѣщали, что они нашему царству недоброхоты и многую хотѣли смуту чинить и похвалялись всякимъ лихомъ; и мы, сыскавъ ихъ воровство, разсылали по городамъ, ни въ заточенье, ни въ тюрьму, развѣе для

смиренья.... И азъ патріархъ Филаретъ мню себѣ, что общій нашъ врагъ діаволъ между насъ смуту учинилъ, возненавидѣвъ нашу духовную любовь и азъ, господине-брате, о томъ вельми оскорбляюсь....“ [1]

Очевидно Аверкій пользовался въ это время такимъ большимъ довѣріемъ Филарета Никитича, что даже донось на него самого Θеофана не произвелъ въ Москвѣ ожидаемаго впечатлѣнія, Филаретъ Никитичъ оправдываетъ Аверкія отъ всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій. Но Аверкій продолжалъ злоупотреблять своимъ вліятельнымъ положеніемъ въ Москвѣ, такъ что Филаретъ Никитичъ принужденъ былъ наконецъ, неизвѣстно по какому частному случаю, предпринять противъ него самыя рѣшительныя мѣры, именно: снять съ него митрополичій санъ и въ качествѣ простого чернеца сослать на житье въ костромской Ипатьевскій монастырь, откуда, по ходатайству константинопольскаго патріарха Кирилла веррійскаго, онъ былъ взятъ и отправленъ за границу.

Вмѣшательство Θеофана въ дѣло Аверкія едва-ли могло произвести въ Москвѣ благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ побужденія, руководившія въ этомъ случаѣ Θеофаномъ, были не особенно высокія,—это подозрѣніе, что ему, подъ вліяніемъ Аверкія, прислана скудная милостыня, тогда какъ онъ расчитывалъ на полученіе большей. По этому только побужденію Θеофанъ рѣшается раскрыть московскому патріарху глаза на Аверкія и всѣ его продѣлки, о которыхъ онъ зналъ ранѣе, но о которыхъ умалчивалъ, пока не счелъ себя обиженнымъ Аверкіемъ. Впрочемъ этотъ случай не оказалъ никакого замѣтнаго вліянія на дальнѣйшія сношенія Θеофана съ русскимъ правительствомъ.

[1] Греч. д. 7139 г. № 7.

Отъ 7 Іюля 1632 года Ѳеофанъ извѣщаетъ государя, что посланная съ русскими послами въ Турціи—Прончищевымъ и Бормосовымъ отъ царя и патріарха милостыня 6 сороковъ соболей имъ получена, причемъ благодаритъ царя, что онъ не забываетъ Св. мѣстъ и посылаетъ ему разныя благожеланія [1].

Отъ 29 Іюня 1633 года Ѳеофанъ писалъ Филарету Никитичу: „буди вѣдомо, что въ нынѣшнихъ временехъ отъ великихъ тѣснотъ невозможно человѣку въ здѣшнихъ странахъ въ покои пребывати, и подобаетъ всякими дѣлы и покорнымъ сердцемъ просити помощи и облегченія отъ тяготы своея... А въ здѣшнихъ странахъ нашихъ до сего дни погибаютъ, аки въ огни горяще отъ вседневнаго насильства и налоговъ отъ нечестивыхъ агарянъ и отъ ихъ гоненія, и не имѣемъ гдѣ главы своея приклонити“ [2].

Въ граматѣ къ государю отъ 25 Января 1634 года, присланной съ подъячимъ Лазаревымъ, Ѳеофанъ пишетъ: „буди вѣдомо державный царю и христолюбезный сыну нашего смиренія, что мы случилися пребывати въ Константинополѣ для нѣкихъ причинъ: учинилися во святыхъ мѣстехъ отъ нѣмецъ, роду латинскаго, многіе бѣды и споры съ ними для ради святыя пещеры святаго Виѳліома, гдѣ Іисусъ Христосъ родися для нашего спасенія, и хотѣли насъ совсѣмъ оттолѣ отставить, и денежные многіе протори учинились намъ съ ними. Только Божіе просвѣщеніе далося въ сердцѣ многолѣтному царю салтанъ Мурату, учинилъ намъ крестьяномъ праведно, а нѣмецъ много опозорилъ и къ царствію твоему многую помощь и любовь оказуетъ, а полякамъ весьма страхъ воздалъ. А послы царствія вашего, Яковъ Оксентьевичъ да Матвѣй Михаиловичъ,

[1] Греч. д. 7140 г. № 9. — [2] Греч. д. 7142 г. № 2.

разумно живутъ здѣсь и досужи и царь въ доброй чести имѣетъ, и, скончавши дѣла царствія вашего, поѣдутъ по Божіей милости, и мы съ ними пошлемъ нашихъ людей и тогда отпишемъ, что надъ нами учинилось." Къ Филарету Никитичу, отъ 1 Февраля, Ѳеофанъ писалъ: „буди вѣдомо святѣйшій владыко, что бѣды и нужи чинятца и терпимъ всегда отъ недруговъ вѣры нашея святаго ради Гроба и святаго Виѳліома, и болши отъ гордыхъ еретиковъ роду папежскаго, похваляются и надѣются на богатство свое, а мы всегда прибѣгаемъ къ Божіей силѣ и къ надеждѣ и къ помощи и къ благочестивому самодержцу Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси... А здѣсь видимъ царство турецкое добро вамъ помогаетъ: Абазу пашу послалъ и великую страсть полякомъ воздалъ съ воеводами съ волоскимъ и съ мултянскимъ, и шелъ большой посолъ литовской и послалъ воротить ево назадъ, и то есть помочь царствію вашему. А съ которыми съ великими людьми знаемся, и мы всегда ихъ понужаемъ на помощь царствію вашему, и видимъ что въ доброту пошло дѣло" [1].

Особою граматою отъ 28 Февраля 1634 года государь извѣщалъ патріарха Ѳеофана о кончинѣ отца своего патріарха Филарета Никитича 1 Октября 1633 года, о поставленіи на его мѣсто въ московскіе патріархи псковскаго архіепископа Іосафа, причемъ пишетъ, чтобы имя Филарета Никитича было записано во всѣ синодики для вѣчнаго поминовенія, „понеже его святительство бысть въ жизни своей къ вашему крайнему святительству о Христѣ и по духу во всемъ присный собесѣдникъ, и всѣмъ святымъ мѣстамъ великія Палестины твоея святыя паствы бысть незабытный и щедрый назиратель". Эта извѣстительная царская грамата отправ-

[1] Греч. д. 7142 г. № 7.

лена была съ послами Коробьинымъ и Матвѣевымъ, съ которыми отправлена была и царская милостыня: къ Воскресенію Христову ко Гробу Господню въ даръ 50 золотыхъ, да въ придѣлъ къ Распятію Господню 15 золотыхъ, да на поминъ по Филаретѣ Никитичѣ 25 золотыхъ; въ іерусалимскіе монастыри (13) 88½ золотыхъ въ Виѳліемъ къ пещерѣ Рождества Христова 10 золотыхъ, да митрополиту 10 золотыхъ, въ четыре монастыря около Виѳліема 21½ золотой, архіепископу лидскому 8 золотыхъ, газскому митрополиту 8 золотыхъ, въ Синайскую гору 34½ золотыхъ; да столькоже было роздано указаннымъ лицамъ и мѣстамъ на поминъ Филарета Никитича. Самому патріарху Ѳеофану послано по душѣ Филарета Никитича соболями на 500 р., да на милостыню 150 р. соболями [1].

Между тѣмъ въ началѣ 1635 года въ Москву прибылъ. ранѣе уже бывшій въ ней, племянникъ Ѳеофана архимандритъ Кириллъ. Съ нимъ Ѳеофанъ прислалъ грамату государю, въ которой писалъ, что „учинилась у нихъ въ Іерусалимѣ великая смута и изтязаніе межъ православныхъ христіанъ и латинъ тамо живущихъ о божественной, святой и великой Пещерѣ, въ ней же плотію родися Господь нашъ Іисусъ Христосъ и о иныхъ же святыхъ мѣстехъ, и видя де они то, что не мочно тѣхъ дѣлъ тамъ докончати, пріѣхали въ Царьгородъ и многажды съ латыни и иными роды въ царскомъ диванѣ судились, а то де и государевы первые послы — Аѳонасій Прончищевъ да дьякъ Тихонъ Бормосовъ и другіе послы — Яковъ Дашковъ да дьякъ Матвѣй Сомовъ, видѣли. И Муратъ салтанъ посылалъ въ Іерусалимъ людей своихъ, и велѣлъ ключи святой Пещеры у враговъ ихъ взять и привести въ Царьго-

[1] Греч. д. 7142 г. № 6.

родъ; и тѣ де ключи въ Царьгородъ привезены и отданы ему, патріарху, въ руки, и во всемъ де они враговъ своихъ одолѣли. А учинились де въ Іерусалимѣ и въ Царьградѣ имъ въ томъ многіе и великіе протори и убытки, а помогали де имъ въ тѣ протори христіане, которые тамъ живутъ, ктожъ по своей силѣ. Да онижъ де заняли для тѣхъ же дѣлъ 25,000 рублевъ у иноплеменныхъ іудеевъ въ великіе росты, а заплатить де имъ того долгу нечѣмъ, и для того послалъ онъ, патріархъ, къ государю бити челомъ о освобожденіи Гроба Господня и Святой Пещеры и иныхъ святыхъ мѣстъ для милостыни архимандрита Кирилла... И государь бы пожаловалъ къ тѣмъ святымъ мѣстомъ велѣлъ дати милостыню, чтобъ имъ освободиться отъ долгу, и былъ бы въ тѣхъ мѣстахъ новый соорудитель, яко же св. царь Константинъ и мати его царица Елена, которые тѣ святые мѣста сооружали.“ О томъ же Θеофанъ писалъ и къ Филарету Никитичу, но его уже не было въ живыхъ. Государь указалъ послать Θеофану съ архимандритомъ Кирилломъ милостыни на 150 р., да на освобожденіе Гроба Господня соболями на 1000 р. [1]

Въ началѣ того же 1635 года воротились въ Москву царскіе послы изъ Турціи — Иванъ Коробьинъ и дьякъ Семенъ Матвѣевъ и привезли съ собою грамату Θеофана къ государю, писанную 1 Ноября 1634 года, въ которой Θеофанъ подробно разсказываетъ о послѣднихъ событіяхъ въ Іерусалимѣ. „Воздаемъ вѣдомо, пишетъ онъ, державному твоему царствію: въ то время какъ имѣли многіе нужи и обиды отъ невѣрныхъ латынъ, которые хотѣли насильствомъ отнять Св. Гробъ и Виѳлеемъ, какъ есми писали прежъ сего съ архимандритомъ Кирилломъ съ товарищи, и вамъ о томъ есть

[1] Греч. д. 7143 г. № 1.

вѣдомо, что есми и проторились проторми великими и несмѣтными, и посемъ святый Богъ послалъ помощь свою и осилили есмя ихъ опять и взяли ключи Св. Гроба и Виѳліема. И посемъ, пришедъ не большое время, нашла иная бѣда и нужа отъ арменъ еретиковъ, и тѣ арменя обнищали въ щетѣ своемъ, и потеряли пасхалью свою и разговѣлися въ Ѳомину недѣлю. И то вѣдаючи еретики преже того отъ позору и неимѣютъ что дѣлати и затворили Св. Гробъ силою иноплеменныхъ, и не пропустили православныхъ христіанъ по старому закону сотворити во святую и великую субботу сподобитися и видѣти свѣтъ Господень. И въ тѣ поры было слезолитія отъ православныхъ христіанъ, только праведный Богъ, что любитъ всегда правду, милости не оставилъ на многое время, и помилова рабъ своихъ, уповающихъ на него. И такъ иноплеменные берегли со оружіемъ съ надворья, а двери были запечатаны, а хрестьяны отгонены отъ церкви стояли въ скорби со слезами, и въ тотъ часъ учинилось яко нѣкій гласъ и земное трясеніе, а святый огнь явися отъ щелей кровли Св. Гроба и освѣтилъ всю церковь и враговъ ослѣпилъ, и людіе иноплеменные берегли и водою заливали, чтобъ огнь не выходилъ, и невозмогли учинити ничего, а выходилъ огнь трожды. Только одна жена старая прилучилася близко, и свѣщи имѣла въ рукахъ, и тѣ свѣщи загорѣлися собою. И въ тѣ поры враги хотѣли тое жену убить и у нихъ великая помѣшка учинилась межъ собою. И въ тѣ поры христіане съ радостію и со слезами къ Богу возопіяли: Господи помилуй! а иноплеменные и еретики, которые православныхъ христіанъ прочь отъ церкви отгоняли саблями и ослопы, всѣ ослѣплены быша. И потомъ видячи арменя, что Господь яви св. огнь и они, покрываючи позоръ свой,

роздавали деньги мѣшками иноплеменнымъ, чтобъ никто въ поносъ не сказывалъ, что св. огнь явися, яко жъ іудеи хотѣли дарми утаити воскресеніе Христово. Тѣмъ же державный и боговѣнчанный царю, никто же возможе разсказати вся истину, яко жъ они свидѣтельствуютъ, которые были на поклоненіе и тѣ всѣ сказываются христіане и мы возрадовались. И арменья, помнячи таковой межъ собою срамъ, учали сердитовати, и не имѣли что иное сдѣлать, только мздою надъ нами злополучаютъ, и учали искушати всю анатолійскую страну и по всему Черному морю церкви христіанскія позатворили и поколебали, и бѣдъ и пакостей неизреченно чинили всѣмъ православнымъ христіаномъ, что весь свѣтъ вострепеталъ отъ ихъ дѣлъ." Затѣмъ разсказываетъ, что армяне явились въ Адріанополь къ султану со многими дарами, чтобы отнять у грековъ св. Гробъ, но султанъ, объ о всемъ распросивъ, отказалъ армянамъ, а велѣлъ по прежнему владѣть православнымъ, „и отдали намъ ключи и всю власть". Но армяне не успокоились. Прибывъ вмѣстѣ съ султаномъ въ Константинополь, заручились здѣсь благоволеніемъ Абаза паши, „собрались на царскій дворъ и воскликнули веліимъ гласомъ, а хотятъ прежней судъ пересудити." Султанъ потребовалъ патріарховъ цареградскаго и іерусалимскаго „и снова судъ былъ и распросъ царской былъ." Султанъ повелѣлъ „казнити двухъ поповъ арменскихъ и они отошли съ срамотою и со страхомъ," а греки получили султанскія грамоты на владѣніе. „И намъ, замѣчаетъ Θеофанъ, протори великіе сталися и одолжали есмя великимъ долгомъ для ради православной вѣры" [1].

Отправивши свою грамату къ государю, писанную 1-го Ноября 1634 года, съ царскими послами, Θеофанъ

[1] Греч. д. 7142 г. № 6.

почти сейчасъ же посылаетъ государю вторую грамату отъ 25 Ноября того же 1634 года съ грекомъ Иваномъ Петровымъ, сдѣлавшимся тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ. Въ этой граматѣ Ѳеофанъ прежде всего сообщаетъ государю разныя политическія вѣсти. „Буди вѣдомо многолѣтный царю, пишетъ онъ, что дѣлалось въ здѣшной странѣ о литовскомъ царствѣ походѣ: пошолъ царь салтанъ Муратъ въ Ядринской городъ и тамъ собралъ и изготовилъ войско, и съ войсками послалъ Муратъ пашу, и приказалъ ему быти надъ войскомъ первымъ человѣкомъ. И переѣхалъ Дунай на волоской рубежъ, былъ готовъ на поляковъ, только ждалъ вѣсти отъ царствія твоего по вашему слову, что есте имѣли между собою. И ему пришла вѣсть, что есте помирилися съ Литвою, и онъ тому не повѣря и хотя провѣдать подлинно, посылалъ отъ себя въ Литву Шаис-пашу за посла мѣсто, и тамъ ему сказали, что есте помирилися. И они тожъ у царя просили, чтобъ турской царь съ ними помирился и велѣлъ войску воротиться въ Царьградъ. И въ тожъ время пріѣхали послы царствія вашего, Иванъ Гавриловичъ да Сергѣй Матвѣевичъ, и съ пріѣзду царь велѣлъ принять добрѣ честно. А какъ послѣ провѣдали подлинно, что есте помирились съ Литвою, и царь то поставилъ въ великую кручину, что есте не поддержали на словѣ, что вы, великіе государи, имѣли, и такъ произволилъ пословъ царствія вашего изъ Царягорода отпустить на кораблѣ вскорѣ Ноября 1-го; 5 число и выѣхали послы царствія вашего, постоявъ на губѣ за погодою. И послѣ пришла вѣсть съ Кафы, будто ходили многіа казаки и билися и хотѣли Азовъ взять. И слыша то царь раскручинился гораздо и для того будутъ имѣти послы царствія вашего боязнь, покамѣстъ проѣдутъ Азовъ. А здѣ безпрестанно царь

готовилъ войско на персидскаго на весну, а того подлинно не вѣдаемъ: самъ ли пойдетъ или нѣтъ. А съ Литвою турской царь помирился, только того не вѣдомо, на сколько лѣтъ. А здѣсь царь владѣетъ, и страхъ великій объявляетъ и лихіе люди не имѣютъ силы и не смѣютъ дѣлати никакого зла и во всемъ Царегородѣ смирно. Самъ царь, перемѣняя свое платье, ходитъ по всему Царюгороду и досматриваетъ и мучитъ лихихъ супротивниковъ." Сообщивъ политическія вѣсти Ѳеофанъ переходитъ къ разсказу о своей борьбѣ съ армянами изъ за св. мѣстъ, причемъ почти буквально повторяетъ все то, что уже ранѣе онъ писалъ государю въ граматѣ, присланной съ царскими послами. Свой разсказъ Ѳеофанъ заканчиваетъ заявленіемъ, что борьба съ армянами „стала намъ больши пятидесять тысячь ефимковъ, и отъ того мы, нищіе, не имѣли гдѣ голову приклонити, только поспѣшила милостина великаго твоего царствія, и тѣмъ есми искупилися и обрѣли освобоженіе, яко есми нищіе и бѣдные и безпомощные, и молимъ Господа Бога день и нощь о многолѣтномъ здравіи державнаго твоего царствія." Затѣмъ говоритъ, что когда узнали о смерти Филарета Никитича, „о томъ вельми оскорбилися всѣ малые и великіе христіане, потому что едино солнце свѣтлое отъ роду христіанскаго и столпъ милостивый зайде." Въ заключеніе патріархъ проситъ государя: „да пожалуешь произволишь бояромъ и княземъ царствія твоего, чтобъ воздали милостыню къ Гробу Господню всякой по силѣ для ради любви и вѣры Христовой, чтобъ намъ оплатитися отъ того великаго долгу и да возрадуютца православные христіане." Ѳеофану послано было съ грекомъ Иваномъ Петровымъ соболями на 150 р. [1]

[1] Греч. д. 7143 г. № 7.

Въ 1636 году въ Москву прибыли посланные іерусалимскаго патріарха игуменъ Паисій, будущій патріархъ, и грекъ Иванъ Петровъ. Съ игуменомъ Паисіемъ отъ 1 Декабря 1635 года Θеофанъ писалъ царю, благодаря его за присланную съ грекомъ Иваномъ Петровымъ милостыню, „чтобы государь не оставлялъ его своею милостію и впредь", „а бѣды наши іерусалимскіе не какъ цареградскіе (константинопольскому патріарху было послано съ грекомъ Иваномъ Петровымъ соболей на 250 р., а Θеофану только на 150 р., на какую разницу въ посылкѣ милостыни онъ теперь и намекаетъ), что имѣли отъ еретиковъ армянъ и отъ латынъ, мы ихъ ничѣмъ незамаемъ, только они насъ избижаютъ денежною силою и хотятъ отняти Св. Гробъ. И о томъ обо всемъ писали есми къ тебѣ государю съ твоими государевы послы и съ нашимъ архимандритомъ Кирилломъ, что се учинилась у насъ съ латынями и съ арменами и пострадали отъ нихъ, и благодатіею Божіею одолѣли мы ихъ, только намъ долгу получилось, и того ради посылали есми нашего архимандрита Кирилла къ царствію твоему, имѣючи надежду получить великую помощь отъ обиды еретиковъ. Они похваляются своими, а мы похваляемся царствіемъ твоимъ. И какъ былъ нашъ архимандритъ у твоего царскаго величества, и было не время и милостыни ему не сотворили (?) и къ намъ не прислали своего царскаго жалованья [1], а архимандритъ еще и по ся мѣсто небывалъ и имѣемъ великую кручину... А нынѣ опять посылаемъ священноинока игумена Паисія", чтобъ имѣть силу противиться

[1] Это заявленіе Θеофана, что съ архимандритомъ Кирилломъ «милостины ему не прислали... и царскаго жалованья» является нѣсколько страннымъ, такъ какъ съ Кирилломъ было послано къ Θеофану на 1150 р., т. е. на наши деньги болѣе 16,000 р.

еретикамъ церкви Христовой. Съ грекомъ Иванъ Петровымъ Ѳеофанъ писалъ государю, „что которое жалованье — четыре сорока соболей на 150 р., послано было къ нему съ тѣмъ грекениномъ Иванъ Петровымъ, и то до него дошло, и чтобъ государю пожаловати его и впредь къ нему послати своего жалованья милостины, какъ ему Богъ извѣститъ. Да къ немуже бы прислати къ Гробу Господню на поминокъ 1200 ефимковъ, что заняли въ Царѣгородѣ государевы послы Яковъ Дашковъ да дьякъ Матвѣй Сомовъ у греченина у Осипа Зиновьева, и тѣ ефимки ему не заплачены и онъ себя самъ для того съ кручины убилъ и по немъ бы то прислати на поминъ“. По произведенному розыску оказалось, что греку Осипу дѣйствительно недоплачено до 600 р., каковые немедленно и были посланы Ѳеофану, вмѣстѣ съ царскою граматою и милостынею при ней соболями на 150 р. [1].

Отъ 15 Іюня 1636 года Ѳеофанъ писалъ государю: „буди вѣдомо тихомирный царю, что честную и святую вашу грамату приняли съ радостію и съ веселіемъ отъ нашего игумена господина Паисія и отъ Ивана Петрова. Да онижъ привезли мнѣ восемь сороковъ соболей Іосифа Зиновьева, а у меня того Осипа живетъ здѣсь племянникъ его. А игуменъ Паисій да Иванъ Петровъ поѣхали въ Царьгородъ покупать товару, что есте приказали имъ, а какъ возвратятся оттолѣ, а мы ихъ пошлемъ, какъ къ намъ писано отъ царствія вашего, и тогда отпишемъ обо всемъ“ [2].

3 Ноября 1636 года пріѣхалъ въ Путивль игуменъ Паисій и объявилъ, что онъ посланъ въ Москву къ государю отъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана нарочно „съ листы и съ дары“ о царскомъ дѣлѣ противъ

[1] Греч. д. 7144 г. № 9. — [2] Греч. д. 7144 г. № 19.

прежнихъ государевыхъ граматъ, каковы были посланы ему съ Москвы. 3 Декабря онъ прибылъ въ Москву и подвергся здѣсь обычному допросу въ Посольскомъ приказѣ относительно разныхъ вѣстей. Въ граматѣ государю, привезенной Паисіемъ, Ѳеофанъ проситъ и ходатайствуетъ за нѣкоторыхъ бѣдныхъ гречанъ, разоренныхъ турками. Прислалъ Ѳеофанъ особую грамату и патріарху Іоасафу, въ которой онъ описываетъ положеніе дѣлъ въ Іерусалимѣ. „Наша Іерусалимская церковь, пишетъ Ѳеофанъ, всегда отъ еретиковъ арменъ и отъ иныхъ всякихъ народовъ имѣетъ обиды для ради поклоняемаго и святаго мѣста, ибо ветхій и новый завѣтъ отуда исшелъ во всю вселенную и Христова всякая тайна тамъ есть, и сего ради всѣ народы пріѣзжаютъ туда для поклоненія и всѣ любятъ тѣ мѣста. Только недруги благочестивыхъ христіанъ ненавидятъ, и денежною силою, при нынѣшнихъ агарянехъ туркахъ, добиваются того мѣста изъ нашихъ рукъ и всѣми святыми поклонными мѣстами они хотятъ завладѣть. И всегда многажды терпѣли есмы отъ еретиковъ, и про то наше терпѣніе царю вѣдомо, что есми прежъ сего писали къ державному и ко благочестивому государю и великому князю царю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, и про ту нашу тѣсноту всегда и святительству твоему вѣдоможъ, и силы и помощи просили отъ великаго и превысочайшаго государя царя, чтобъ надъ еретиками и недруги нашея благочестивые и православные христіанскіе вѣры имѣть верхъ, и былобъ чѣмъ даже еретиковъ утолить, чтобъ православный родъ въ срамоту и позоръ и бѣдствіе не ввести. И сего ради докучаемъ и прибѣгаемъ къ страннолюбивымъ и православнымъ христіаномъ помощи ради, чтобъ намъ возможно было беречь то святое и честное мѣсто отъ со-

противныхъ, и посылали есмя нашего архимандрита Кирилла съ братьею къ превысочайшему и великому государю царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу всея Русіи для помощи, что имѣли нужду велію и споры съ еретиками. Дай Господи чтобъ Государь царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ вся Русіи здравъ былъ на многія лѣта и милостина его неотстала отъ насъ всегда! А въ тѣ поры еще была надобна такова великаго государя царя помощь для святаго и живодавнаго Гроба и для святаго Виѳлеема, гдѣ родился владыка Христосъ для спасенія міра. А мы всѣгда во имя царствія его похваляемся и утверждаемся и на недруговъ еретиковъ возмогаемся и побѣждаемъ ихъ. И нынѣ паки посылаемъ игумена киръ Паисія съ келаремъ киръ Даніиломъ, роду московскаго, понеже бо они пріѣзжаютъ службою царскою, какъ имъ было приказано пріѣхати. И сего ради молимся пресвятительству твоему, да попечалуешися боговѣнчанному, самодержавному царю, яко да сотворитъ помощь ко святому и живодавному Гробу отъ безчисленнаго долгу, что имѣемъ до днесь". Указомъ государя отъ 7 января (1637 г.) велѣно послать Θеофану за присланные имъ подарки (четыре объяри по серебренной землѣ) четыре сорока соболей на 150 р. и 11 Января игуменъ Паисій былъ отпущенъ изъ Москвы [1].

15 Декабря 1637 года въ Москву прибыли греки Романъ Савельевъ и Исаія Николаевъ, и привезли съ собою грамату къ государю отъ патріарха Θеофана, который писалъ: „пишемъ и объявляемъ, что дѣетца въ Цареградѣ и о томъ у насъ бываетъ великій страхъ, о томъ бо есть и вамъ вѣдомо, только наша великая любовь и для благочестія твоего и для милостыни, что

[1] 7145 г. № 5.

имѣете къ намъ, понуждаетъ насъ писати и объявляти. Буди вѣдомо, что прежній крымской царь какъ поднялся съ великимъ войскомъ на Кантемира, а сказываютъ, что было съ нимъ 180 тысячъ ратныхъ людей, и въ то время былъ у нихъ бой и Кантемиръ побѣжалъ съ дѣтьми въ Царьгородъ, а братъ его и сродичи поклонились крымскому царю, и въ Кантемирово мѣсто посадилъ крымскій царь своего брата и отшелъ оттолѣ прочь. И не во многіе дни убилъ Кантемировъ братъ крымскаго царя брата и дву его сродичей, и въ тѣ поры у крымскаго царя силы нестало, потому что были въ разъѣздѣ. А турской царь какъ услышалъ, что поднялся съ такою великою силою и еще слухъ былъ, будтося съ нимъ 10,000 казаковъ, и оттого добрѣ устрашился, чтобы не переѣхали чрезъ Дунай до Едрина города, и собралъ великое войско и послалъ ихъ Едринскому городу на сбереженье, и въ тѣ поры вскорѣ послалъ иного царя съ каторгами въ Крымъ. И какъ Кантемиръ пріѣхалъ въ Царьгородъ къ царю и царь де его сперва пожаловалъ; и послѣ того, мѣсяцъ спустя, опалился на него и казнилъ сына его, а самаго посадилъ въ тюрьму. И прежней крымской царь видя, что брата его казнилъ Кантемировъ братъ, а въ его мѣсто пришелъ иной царь, пошелъ и самъ въ Царьгородъ, надѣяся пощады у царя. И въ тѣ поры какъ пріѣхалъ въ Царьгородъ, призвалъ его царь и распрошалъ, а распрося его велѣлъ удавить Іюня въ 26 день. И въ тѣ дни пришли вѣсти, что донскіе казаки Азовъ взяли, и о томъ турской царь добрѣ поскорбѣлъ и роскручинился; и въ тѣ поры говорилъ турской царь, что будто твоимъ царскимъ повелѣніемъ казаки Азовъ взяли, и велѣлъ крымскому царю идти воевати твою царскую землю. И для сего извѣщаемъ и пишемъ, а которой

вамъ привезетъ сію грамату, и тотъ вамъ будетъ сказывати изустъ все сполна.“ (Грамата писана 1 Іюля 1637 года и въ Москву попала, значитъ, довольно поздно).

10 Августа 1638 года прибылъ въ Москву грекъ Дмитрій Филипповъ и привезъ грамату Θеофана къ государю, писанную еще 29 Сентября 1637 года. Въ ней Θеофанъ пишетъ: „писали есмы прежъ сего о здѣшнихъ вѣстяхъ и нынѣче пишемъ съ нѣкоторыми хрестьяны съ господиномъ Порфирьемъ Θонасьевымъ, да съ господиномъ Дмитріемъ Филипповымъ, которые пріѣдутъ къ царствію твоему, и тѣ есть люди наши добрые и они будутъ сказать обо всемъ наизусть о здѣшномъ царствѣ вѣстей: что турской царь хотѣлъ ѣхать Кизылбашскую землю воевать, — такъ славитца здѣсь, а подлинно невѣдомо, только велѣли татарамъ итти воевать украйну царствія твоего, и украйну бъ царствія твоего оберегалъ великимъ береженьемъ. А которые намъ быти невозможно писати къ царствію твоему, и тѣ вѣсти будутъ сказати тѣ христіане царствію твоему наизусть, и еще что они вѣдаютъ, а послѣ того что здѣсъ объявитца въ царствѣ нашемъ, и мы будемъ про то писати къ царствію твоему.“ Затѣмъ Θеофанъ переходитъ къ разсказу о своихъ іерусалимскихъ дѣлахъ. „А что имѣли мы не дружбу, пишетъ онъ, съ еретиками съ арменами о святыхъ мѣстехъ для святаго Гроба Господня и для святаго Виѳлеема, слышалъ царствіе твое прежъ сего.“ Когда онъ находился по дѣламъ Св. Гроба въ Молдовлахіи, „нѣмцы посулили Байрамъ пашѣ и инымъ начальникомъ тайно сто тысячь ефимковъ и турской царь, невѣдаючи ихъ неправды, далъ имъ наказъ, чтобъ имъ отнять у насъ ево жалованную грамату, которая была намъ дана. И какъ мы услышали

*

про то, и мы ждали времени, какъ царю выходъ будетъ, и былъ царю выходъ въ Воздвиженье день, и я послалъ къ нему бити челомъ пять старцевъ съ челобитною, и ту нашу челобитную смотрѣлъ турской царь самъ и послалъ тотчасъ капычейскаго голову къ каймакану къ Магметъ пашѣ, чтобъ онъ пришелъ къ царю тотчасъ. И въ тѣ поры турской царь насъ пожаловалъ, велѣлъ по прежнему дати свою жалованную грамоту и ту грамоту написавъ велѣлъ положить предъ себя, и ту грамоту намъ отдалъ и послалъ своего человѣка съ моими старцы въ Іерусалимъ и отняли у тѣхъ еретиковъ все, что было отняли они у насъ. Такъ пребываемъ мы здѣсь, всегда недружбу имѣемъ съ еретиками въ Іерусалимѣ, и всегда убытки и долги отъ насъ неотставаютъ, только нынѣ намъ немного убытковъ стало, потому что турскому царю ничего не дали."

Отъ 10 Августа 1638 года Ѳеофанъ пишетъ государю: „пишемъ и извѣщаемъ благочестивѣйшій царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи о томъ, что писалъ есмя, какъ турской царь на самый свой праздникъ, Февраля въ 7 день, велѣлъ удавить брата своего, а нынѣ пишемъ, что преже того, какъ пошолъ турской царь въ Кизылбаши, Марта въ 1 день, и послѣ себя велѣлъ задавить дву братовъ своихъ, чтобъ ихъ не посадили на ево мѣсто. А сказываютъ, что еще у него остался меньшой братъ,—а своихъ дѣтей у него небыло, одинъ сынъ и тотъ умеръ" [1].

Съ грекомъ Иваномъ Петровымъ Ѳеофанъ писалъ государю отъ 20 Сентября 1638 года, извѣщая его о насильственной смерти константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса. Онъ такъ описываетъ смерть знаменитаго константинопольскаго первосвятителя: „ста-

[1] 7146 г. № 5 и 9.

раго патріарха Кирилла поклепали и огласили визирю Байрамъ пашѣ, будто онъ измѣнникъ. И тотъ визирь, Байрамъ паша, будучи совѣтникъ веррійскому митрополиту Кириллу (извѣстному врагу Лукариса и претенденту на константинопольскій патріаршій престолъ) донесъ турскому царю и турской царь далъ имъ наказную грамоту къ каймакану. И какъ они ту наказную грамоту принесли во Царьгородъ и взяли потомъ патріарха стараго и засадили его на бѣломорской башнѣ. И послѣ того не во многіе дни предали его смерти и вкинули его въ морѣ, а море его на берегъ выкинуло. И нѣкіе православные христіане, сыскавъ тѣло его, похоронили, а бывшаго веррійскаго митрополита Кирилла совѣтники его насильствомъ на патріаршествѣ посадили. А мы были въ тѣ поры въ Брусѣ городѣ для дѣла святаго живодавцева гроба, а александрійскій патріархъ Митрофанъ былъ въ тѣ поры здѣсь, и онъ, видя такую его напрасную смерть, тому удивился. И тотъ бывшій веррійскій митрополитъ прислалъ по насъ, чтобъ намъ съ нимъ вмѣстѣ служить, и мы не хотѣли съ нимъ служить, и онъ учалъ на насъ грозиться нечестивыми агаряны.“ Затѣмъ Ѳеофанъ переходитъ къ сообщенію разныхъ политическихъ вѣстей. „И въ тѣ дни вскорѣ пришли вѣсти, пишетъ онъ, что Байрамъ паши не стало, а о томъ намъ невѣдомо своею ли смертію или отъ царя умеръ. А царь салтанъ Муратъ нынѣ воюетъ предъ Богдатомъ, а сказываютъ, будто онъ возметъ Богдатъ, а подлинно невѣдомо для того, что нынѣ зачинаетца война вначалѣ. И еще буди вѣдомо царствію твоему, что веницѣйскаго агента въ великомъ береженье держатъ для того, что ходили 18 каторгъ барбарейскихъ подъ веницѣйскую землю и разорили многія села, а побрали живьемъ полону 6 тысячъ

и больши; и какъ провѣдали веницѣйскіе каторги малые и большіе, и они за ними гонялись до города Авлона, и отбили у нихъ подъ Авлономъ городомъ полонъ свой и каторги у нихъ взяли. А изъ города по нихъ изъ наряду стрѣляли и веницѣйскіе люди напротивъ по городу стрѣляли и городовую стѣну попортили и прочь отъѣхали. И послѣ, ихъ люди барбарѣйскіе, пріѣхавъ въ Царьгородъ, и били челомъ на веницѣйскихъ нѣмецъ и по ихъ челобитью писали къ царю. И какъ услышалъ Турской царь зѣло роскручинился о томъ, что они по городу стрѣляли и городовую стѣну порозбили, а каторги побрали, потому что они имѣли между собою записи отъ прежнихъ царей въ томъ, буде поймаютъ барбарейскихъ людей за рубежемъ, и имъ было вольно ихъ казнить и въ полонъ имати, такожъ и барбарейскимъ людемъ надъ вѣницѣйскими. А о томъ намъ подлинно провѣдати не возможно, какъ турской царь самъ пріѣдетъ и о которыхъ намъ вѣстяхъ писать невозможно, и о тѣхъ будетъ разсказывать наизусть Иванъ Петровъ.—И аще произволитъ вѣдати царствіе твое о св. гробѣ и о Виѳліемѣ—и Виѳліомомъ турской царь всѣмъ насъ пожаловалъ". [1]

Отъ 4 Апрѣля 1641 года Ѳеофанъ писалъ государю съ грекомъ Ѳомою Ивановымъ: „азъ еще пребываю въ Царѣградѣ для нѣкіихъ дѣлъ, что имѣемъ для святаго живодавцова Гроба, и объявился намъ отъ васъ честный господинъ Ѳома и сказалъ намъ о многолѣтномъ здравіи великаго вашего царствія, и мы возрадовались есми зѣло. И посемъ сказалъ есми, что онъ хочетъ ѣхать къ вашему царствію о многихъ нуждахъ и дѣлехъ объявити великаму вашему царствію, и напи-

[1] 7147 г. № 7.

сали есми сію грамату, а о множествѣ писати неможно, а разскажетъ онъ изустно, что онъ видѣлъ, и мы ему наказывали о всемъ. Еще нѣкій архимандритъ Амфилохій, что имѣлъ я его прежде сего у св. Гроба и онъ, отъ меня сбѣжавъ, присталъ къ прежнему патріарху Кириллу (Лукарису) и посылалъ его двожды къ вашему царствію, а нынѣ онъ ни у цареградскаго патріарха, ни со мною у св. Гроба. Еще онъ пишетъ и посылаетъ къ вамъ Государю грамоты отъ насъ обѣихъ патріарховъ съ ложью многою, и емубъ не вѣрити, а сказываютъ, что еще отъ него пострадалъ Иванъ Петровъ и иные многіе и онъ есть недобрый человѣкъ.— Да оберегайте и призирайте ваши дальныя украинныя мѣста, многіе измѣнники идутъ до вашея украйны до самаго Терека, а вы оберегайтеся неоплошно и нынѣ о семъ пишу“ [1].

13 Ноября 1643 года прибылъ въ Москву бить челомъ государю о милостынѣ архимандритъ іерусалимскаго патріарха Θеофана Анѳимъ съ патріаршимъ племянникомъ архидьякономъ Неофитомъ и съ старцами. Въ присланной съ архимандритомъ граматѣ, Θеофанъ

[1] 7149 г. № 12. Оговоръ Θеофаномъ архимандрита Амфилохія основанъ на какомъ-то недоразумѣніи. Амфилохій былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданныхъ нашихъ тайныхъ политическихъ агентовъ въ Константинополѣ. Онъ былъ довѣреннымъ лицомъ знаменитаго константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса въ его сношеніяхъ и съ Москвою и съ нашими послами въ Турціи, не разъ пріѣзжалъ въ Москву въ качествѣ довѣреннаго лица отъ Лукариса съ тайными отъ него наказами къ нашему правительству, онъ присылалъ и отъ себя въ Москву очень обстоятельныя извѣстія о положеніи дѣлъ въ Турціи, почему онъ пользовался особымъ вниманіемъ и расположеніемъ московскаго правительства, которое правильно посылало ему въ Константинополь извѣстныя суммы, въ награду за его усердную службу. Вполнѣ естественно было, что въ Москвѣ не повѣрили оговору Θеофана, такъ что и послѣ этого Амфилохій по прежнему пользовался полнымъ довѣріемъ нашего правительства, на службѣ котораго онъ и оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей уже въ 1653 году.

писалъ государю: „что они отъ народовъ, ихъ держащихъ, пребываютъ повседневно въ дачахъ, а только имъ не учнутъ давать, и они имъ не дадутъ святыхъ и божественныхъ мѣстъ держати. И отъ еретиковъ они многіе бѣды приняли, и протори имъ учинилися многіе, и писали де они къ нему государю, бити челомъ посылали людей своихъ—архимандрита Кирилла тому лѣтъ съ десять, и тогда де имъ ничево недано (?), и окупилъ де ихъ молдавскіе земли князь Василей, прислалъ къ нимъ 45,000 ефимковъ. Да аще они и окупилися, токмо св. мѣстамъ надобна милостина и помощь отъ великіе державы царскаго величества. Сего ради посылаетъ онъ своего архимандрита Анѳима съ иными, и молитъ и проситъ у государя, чтобъ его царскому величеству ихъ воспріяти и возрить милосердно для любви и святаго живодавцова Гроба Господня, подати ему милостину, какъ ему государю Богъ извѣститъ. И еще имѣютъ они о святомъ Виѳлеомѣ долгу 20,000 ефимковъ, а старое строеніе отъ древнихъ лѣтъ, — стѣны попортилися и кровли ихъ погнили, а чтобъ имъ отъ царскаго величества помощь и обновленіе видѣти, и вѣчное воспоминаніе будетъ царствію его. И чтобъ государь позволилъ архимандриту его со иными попросить помощи у бояръ и у князей и у архіереевъ и у архимандритовъ и у прочихъ въ міру пребывающихъ въ державѣ царскаго величества“. Въ другой граматѣ Ѳеофанъ писалъ царицѣ Евдокіѣ Лукьяновнѣ, которую онъ также молитъ о помощи и милостынѣ св. Гробу. Кромѣ того съ архимандритомъ Анѳимомъ Ѳеофанъ прислалъ святыни государю: мощи великомученика Пантелеймона, ладонъ черный іерусалимскій, 4 свѣчи да 3 мѣры Гроба Господня, воду освященную іорданскую, персть отъ Виѳліема и отъ иныхъ

святыхъ мѣстъ спущено со святою водою іорданскою, мыла іерусалимскаго 20 печатей; государынѣ онъ прислалъ: часть мощей св. великомученика Кирика, ладанъ іерусалимскій и пр.

Архимандритъ Анѳимъ обычно представлялся государю и получилъ обычную для архимандритовъ милостыню: камку смирную добрую, сорокъ соболей въ 30 р. и денегъ 30 р., а племянникъ Ѳеофана архидьяконъ Неофитъ: камку смирную добрую, сорокъ соболей въ 20 р. и денегъ 15 р. Послѣ представленія Анѳимъ билъ челомъ государю отъ имени Ѳеофана и своего, чтобъ государь пожаловалъ велѣлъ написать въ Іерусалимъ ко Гробу Господню десять образовъ мѣстныхъ большихъ и тѣ иконы обложить серебромъ, да патріарху сдѣлать святительскую шапку, ибо прежняя его шапка сгорѣла въ Царьградѣ во время пожара. По государеву указу десять образовъ мѣстныхъ большихъ, по размѣру указанному Анѳимомъ, написано и серебромъ обложенны изъ его государевой казны басменые съ окладомъ, а вѣнцы у образовъ чеканные и рѣзные. Образа же написаны: Спаса на престолѣ— длина доскѣ 2 аршина 5 вершковъ, ширина 2 аршина безъ 3 вершковъ; Пречистые Богородицы Одигитріи— одной мѣры съ предыдущимъ; Воскреселія Христова— длина доски 2 аршина пол-6 вершковъ, ширина одинъ аршинъ 5 вершковъ; Архангела Михаила мѣрою какъ и Воскресенія; царя Константина и матери его Елены— длина 2 аршина пол-6 вершковъ, ширина одинъ аршинъ 6 вершковъ; св. апостола Іакова, брата Господня— одной мѣры съ предыдущимъ. Мѣстные образа къ царскимъ дверямъ по обѣ ихъ стороны: Спаса Вседержителя на престолѣ во архіерейской одеждѣ; Пречистыя Богородицы Страстныя со архангелы; Іоанна Пред-

течи; царя Константина и матери его Елены,—всѣ эти иконы одной мѣры—по 2 аршина безъ полу-2 вершка длины и по 1 аршину 4 вершка ширины. На всѣ иконы изъ государевой казны было затрачено всего 637 р. 28 алтынъ 3 деньги. Кромѣ того патріарху сдѣлана была святительская шапка: дробницы всѣ золотые съ чернью и финифтью и съ каменьями—съ яхонты, съ лалы и съ изумруды, и жемчугомъ обнизана. Цѣна той святительской шапкѣ и съ влагалищемъ 880 руб. 29 алтынъ [1]. Въ новой челобитной государю Анѳимъ

[1] «На окладъ на тѣ иконы пошло ефимочнаго серебра, которое взято изъ сибирскаго приказу пудъ 8 гривенокъ и 25 золотниковъ, цѣна по 7 рублевъ фунтъ, и того 337 рублевъ 27 алтынъ 3 деньги. Да на тотъ же окладъ пошло листоваго золота 7300 листовъ, цѣна по 9 рублевъ, по 24 алтына, по 2 деньги тысяча, и того 71 р. 6 денегъ. Да на вѣнцы и на подписи взято изъ казны 44 золотыхъ, по рублю золотой, и того 44 рубли. Да серебрянымъ мастерамъ отъ того иконнаго окладу отъ дѣла дано 65 рублевъ. Всего на иконной окладъ изошло 517 рублевъ, 28 алтынъ, 3 деньги, опричь того, что дано отъ письма иконописцамъ, а съ тѣмъ 637 рублевъ, 28 алтынъ, 3 деньги».

Сдѣлана святительская шапка. «Въ тое шапку золота пошло и съ угаромъ 2 фунта, 82 золотника съ ползолотникомъ, цѣна по 40 алтынъ золотой. Да въ тоежъ шапку поставлено каменья, а взято изъ мастерскіе палаты: 2 яхонта лазоревыхъ сережныхъ, цѣна 70 рублевъ, и тѣ яхонты растерты на два и сдѣлано четыре яхонта и огранены, да четыре яхонта лазоревыхъ въ гнѣздахъ золотыхъ, цѣна по 8 рублевъ яхонтъ; да изъ приказу золотаго дѣла взято: яхонтъ червчатой въ гнѣздѣ золотомъ, цѣна 6 рублевъ камень; 4 изумруда вставочныхъ, по 12 рублевъ изумрудъ; 3 изумруда сережныхъ, по 10 рублевъ изумрудъ, да изумрудъ же сережный 18 рублевъ; 5 яхонтовъ червчатыхъ по 20 алтынъ яхонтъ; 20 искорокъ изумрудныхъ, цѣна 5 алтынъ по 2 деньги искорка; 8 яхонтиковъ червчатыхъ, по полтинѣ камешокъ. Да въ тое-жъ шапку поставлено на дробницы налпни 44 зерна бурминскихъ, по рублю зерно; да на обнизку около дробницъ пошло женчугу 51 золотникъ съ четью, цѣна по 4 рубли золотникъ. Въ тоежъ шапку пошло аршинъ атласу, цѣна 30 алтынъ, поларшина камки вишневой, цѣна 15 алтынъ; 2 аршина тафты лазоревой на рубль на 13 алтинъ 2 деньги; поларшина сукна темновишневаго на одинъ рубль, 6 алтынъ, 4 деньги; 2 аршина киндяку лазореваго на 6 алтынъ 4 деньги; 8 горностаевъ по 2 алтына съ деньгою горностай; да на оболочку лагалища пошло 2 сафьяна зеленыхъ, цѣна рубль, 6 алтынъ, 4 деньги; да полтора золотника шолку бѣлаго и лазореваго на 10 денегъ; поларшина полотна бѣлаго на 6 денегъ; бумаги хлопчатой кругъ вѣнца фунтъ—3 алтына; да отъ лагалища и за дерево дано отъ

заявлялъ, „что писалъ къ нему, государю, надѣясь на его царскую неизрѣченную премногую милость, іерусалимскій патріархъ свою святительскую грамату о милостынѣ, чтобъ ему будучи въ такомъ святомъ мѣстѣ — въ градѣ Іерусалимѣ отъ еретиковъ и отъ агарянъ было чѣмъ окупиться, и отъ того святаго мѣста не отженутися и вѣры христіанскіе не порушить. А прежъ сего въ Іерусалимъ градъ была его государская неизреченная милость—давано имъ на милостыну и отъ агарянъ на окупленіе“. Въ виду этого, согласно просительной граматѣ и самаго Ѳеоѳана, архимандритъ Анѳимъ и проситъ государя, чтобы онъ „о милостынѣ велѣлъ свой государевъ указъ учинить, какъ ему Богъ извѣститъ“. По указу государя архимандриту Анѳиму вручены были приготовленные для патріарха Ѳеофана 10 иконъ, святительская шапка и пять сороковъ соболей на 200 рублей и затѣмъ повелѣвалось отпустить его изъ Москвы [1].

Въ Февралѣ 1645 года въ Москву явился, съ граматою Ѳеофана, грекъ Ѳома Ивановъ. Въ присланной грамотѣ Ѳеофанъ рекомендуетъ государю грека Ѳому Иванова какъ вѣрнаго слугу и радѣтеля царскаго, пишетъ, „что приказали есмя тайно объявити изъ устъ о подлинной истинѣ—о лукавомъ воинствѣ, что хотятъ воевать ко святому Господню стаду“, заявляетъ, что чего было невозможно ему „писати и объявити подлинно“, то онъ поручилъ устно передать посланному имъ Ѳомѣ Иванову. Это была послѣдняя грамата въ Москву патріарха Ѳеофана. Привезшій ея грекъ Ѳома

дѣла 36 алтынъ, 2 деньги. И всего той шапкѣ цѣна 880 рублевъ, 29 алтынъ». Шапка и иконы выданы были архимандриту Анѳиму изъ Посольскаго приказа съ росписью (греч. д. 7152 г. № 3; 7202 г. № 20. Греческіе статейные списки № 12, листы незанумерованы).

[1]) 7152 г. № 3.

Ивановъ заявилъ въ посольскомъ приказѣ, „что іерусалимскій патріархъ Θеофанъ далъ ему къ великому государю грамату Декабря въ 10 день, а пріѣзжалъ іерусалимскій патріархъ во Царьградъ къ турскому Ибрагимъ султану для обновленія граматъ и граматы у него обновилъ, а стало де ему за обновленіе 9000 ефимковъ. А какъ онъ, Θома, изъ Царяграда поѣхалъ, Декабря въ 11 день, и послѣ того пришла вѣсть изъ Царьграда въ молдавскую землю, что того іерусалимскаго патріарха Θеофана въ Царѣградѣ нестало, а представился онъ Декабря въ 15 день, и о томъ де, чаю, писалъ ко государю александрійскій патріархъ (александрійскій патріархъ Никифоръ дѣйствительно извѣщалъ государя о смерти Θеофана), а кому де быть во Іерусалимѣ патріархомъ на Θеофаново мѣсто, про то де еще не вѣдомо. А приказъ-де отъ Іерусалимскаго патріарха Θеофана былъ нынѣшнему цареградскому патріарху Парѳенію, да молдавскому владѣтелю и воеводѣ Василію, чтобъ они послѣ его, Θеофановой, смерти учинили соборъ, собравъ многихъ властей, и съ собору бо выбрали на его мѣсто въ патріархи духовнаго чину добраго пастыря“.

Скоро получены были въ Москвѣ извѣстія и отъ другихъ лицъ, подтвердившія сказанное о смерти Θеофана грекомъ Θомою Ивановымъ. Такъ тайный русскій политическій агентъ въ Константинополѣ, Халкидонскій митрополитъ Даніилъ, извѣщалъ государя, что Θеофанъ представился въ Константинополѣ 15 Декабря (1644 г.) „а въ 16 день погребли его въ халкиданской области въ Богородицкомъ монастырѣ, возлѣ Іеремія патріарха“. Іерусалимскій архидіаконъ Макарій, извѣщая государя о смерти Θеофана, дѣлаетъ такое курьезное замѣчаніе: „иного еще непоставили, а надѣемся

поставить въ патріархи митрополита Симона [1], что пріѣхалъ къ намъ отъ вашего царствія съ граматою. Мы послали граматы въ Іерусалимъ (изъ Константинополя) къ нему, буде онъ захочетъ быть патріархомъ, но къ намъ еще вѣстей отъ него небывало". Виѳліемскій митрополитъ Аѳанасій, съ своей стороны, писалъ государю: „услыша молдавскій воевода господинъ Василій про смерть блаженнаго патріарха, повелѣлъ изобрати изъ вотчинъ св. Гроба изъ монастырей строенья Петра воеводы и бурновскаго воеводы игуменовъ, а изобравъ поставити властью и послати въ Іерусалимъ. А мы, добавляетъ Аѳанасій, на ево Васильево повелѣнье полагаемся". Наконецъ пріѣхавшій въ Москву грекъ Исаія Остафьевъ сообщилъ, что Василій воевода и иные избрали въ Іерусалимскіе патріархи архимандрита Паисія, который жилъ въ Яссахъ, въ вотчинахъ св. Гроба [2].

Θеофанъ не только самъ часто обращался въ Москву съ просьбами о милостынѣ Св. Гробу, но нерѣдко ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ и за другихъ просителей милостыни, которые, зная о вліяніи и значеніи Θеофана въ Москвѣ, старались заручиться его рекомендаціею, благодаря которой они встрѣчали въ Москвѣ радушный пріемъ и получали достаточную милостыню.

Особеннымъ расположеніемъ Θеофана, исключая палестинскіе собственно монастыри, пользовалась прежде всего знаменитая Синайская обитель, которую онъ считалъ принадлежащею къ его патріархату и за которую онъ не разъ ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ.

[1] Сербскій скопійскій митрополитъ Симеонъ на всегда поселившійся въ Россіи, въ 1644 г. ѣздилъ изъ Москвы на поклоненіе св. мѣстамъ и послѣ былъ у насъ казанскимъ митрополитомъ. — [2] 7153 г. № 21, 30, 36; 7154 г. № 6.

Въ первый разъ синаиты обращались въ Москву съ просьбою о милостынѣ еще въ 1519 году при великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ, который очень радушно принялъ прибывшихъ въ Москву двухъ синайскихъ старцевъ, посланныхъ игуменомъ Даніиломъ, и послалъ съ ними въ монастырь милостыню: „шестьсотъ золотыхъ вещми, собольми и бѣлкою и зубомъ рыбьимъ и лисицами“. Во второй разъ синаиты пріѣзжали за милостынею при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1558 году съ рекомендательною граматою александрійскаго патріарха Іоакима, знаменитаго своимъ долголѣтіемъ и святостію жизни. Тогда царь послалъ въ монастырь „рухляди на восемьсотъ золотыхъ угорскихъ“, да синайскому архіепископу „шубу соболью подъ бархатомъ“. Въ 1571 году царь послалъ архіепископу Евгенію на поминъ царицы Анастасіи 100 р., да на поминъ своего брата 50 р. съ особою граматою, въ которой замѣчаетъ: „а послали есмя нынѣ къ тебѣ по нихъ милостыню несполна для нынѣшняго путнаго дальнего шествія... а еже дастъ Господь Богъ впередъ для вѣчнаго поминанія большую свою милостыню къ вамъ по нихъ пришлемъ“. Это обѣщаніе Грознаго исполнилъ уже сынъ его Ѳеодоръ, который послалъ на Синай милостыни 850 р., причемъ граматою просилъ архіепископа Евгенія устроить двѣ неугасаемыя лампады, одну—у неопалимой купины, другую—надъ мощами великомученицы Екатерины, на что особо послалъ 54 рубля съ тѣмъ, „чтобъ тѣ кандила (лампады), покамѣста тѣхъ денегъ на масло станетъ, горѣли день и нощь непрестанно за наше здравіе и нашей царицы и о чадородіи нашемъ въ наслѣдіе царствія нашего“. Въ то же время царь Ѳеодоръ далъ синаитамъ свою жалованную грамату, по которой они безъ всякихъ препятствій и задержекъ могли всегда

пріѣзжать въ Москву за милостынею. Въ 1593 году, по случаю учрежденія въ Москвѣ патріаршества, когда на востокъ была послана большая милостыня, Синайская обитель получила 430 золотыхъ. Пріѣзжали синаиты въ Москву за милостынею и въ 1605 году, такъ что между Москвою и Синайскимъ монастыремъ установились вообще опредѣленныя добрыя отношенія, которыя однако при Θеофанѣ подверглись разъ опасности нарушиться.

Въ 1623 году въ Москву пріѣхалъ за милостынею такъ называемый въ тогдашнихъ приказныхъ дѣлахъ синайскій митрополитъ Іеремія съ просительною граматою къ государю о милостынѣ отъ всей братіи Синайской горы и всего собора Палестины и съ рекомендательною граматою патріарха Θеофана. Послѣдній писалъ государю: „вѣдомо буди самодержавный царю, что родъ нашъ обладанъ бысть агарянскими языки, многую нужду терпитъ и труды для православной вѣры; и святые монастыри здѣсь имѣютъ и терпятъ великую нужду и харчи великія чинятъ. Да больши иныхъ всѣхъ монастырей терпитъ Синайская Богоявленская, и неимѣетъ нигдѣ главы приклонити и прибѣгнути и милости обрящити. Прибѣгаютъ къ тебѣ милостивому, къ милосердному царю, потому что вѣдаемъ царствіе твое и потому послали есмя сего преосвященнаго митрополита, *брата и сослужебника смиренія своего* господина Іеремія, что бывалъ прежъ сего въ Радосѣ градѣ, *мужа вѣрна и любезна* святые горы Синайскіе, посланъ бысть отъ епископа боголюбиваго и отъ всего собора къ тебѣ государю для милостыни и помощи. О томъ молимъ къ тебѣ, государю, да пріимешь его“. Въ грамотѣ къ Филарету Никитичу Θеофанъ также рекомендовалъ Іеремію и просилъ патріарха, чтобы онъ, съ своей стороны, хо-

датайствовалъ предъ государемъ о неоставленіи милостынею бѣдствующаго Синайскаго монастыря.

Благодаря рекомендаціи Θеофана Іеремія былъ принятъ Филаретомъ Никитичемъ съ особенною честію и одаренъ имъ щедрѣе, чѣмъ другіе греческіе митрополиты, бывшіе тогда въ Москвѣ. Поощренный этимъ первымъ успѣхомъ, Іеремія, конечно въ видахъ получить еще большее, подалъ Филарету Никитичу любопытную челобитную, въ которой говорится слѣдующее: „молимъ Богу и весь порабощенный родъ греческой, чтобы намъ сподобилъ Богъ видѣть на вселенскомъ константинопольскомъ престолѣ царя царей, великаго государя царя и великаго князя Михаила Θедоровича всея Русіи самодержца, да и мы обрящемъ покой и легкость". Затѣмъ, благодаря патріарха за милостыню ему митрополиту, проситъ ему пожаловать еще три образа, „да отвезу ихъ къ тремъ патріархамъ: константинопольскому, александрійскому и іерусалимскому, занеже путное наше шествіе будетъ мимо ихъ, и имъ буду разсказывать, что тѣ иконы я на нихъ выпросилъ". Далѣе Іеремія повѣствуетъ въ челобитной: „да въ мѣсяцѣ Октябрѣ въ сновидѣніи видѣлъ я смиренный грѣшникъ: явился мнѣ святой Сергій, какъ бы я съ нимъ былъ на горѣ Хоривѣ, идѣже видяше Илія пророкъ Божіе видѣніе, и рекъ ми и указуя пещеру: тутъ де былъ Стефанъ чудотворецъ, занеже тутъ пустынничалъ. И азъ грѣшный и недостойный невозмогъ есми съ святителемъ поговорити, (здѣсь Іеремія сильно прошибся, онъ, очевидно, непозаботился навести болѣе точныя справки о преп. Сергіѣ и потому неудачно назвалъ его святителемъ), зряще величество его и страшное зрѣніе, только палъ на землю безгласенъ. По семъ молю много-много для любви Христовой и для любви

святителевой, отпустите меня, да облобызаю и поклонюсь святому сему Сергію, да ми проститъ согрѣшеніе мое, а большая мзда да будетъ на святительствѣ твоемъ."—Очевидно Іеремія былъ ловкій бывалый человѣкъ, смѣло пускавшій въ ходъ всѣ средства для своей наживы. Испрашивая иконы для поднесенія восточнымъ патріархамъ, онъ основательно расчитывалъ, что эти иконы должны быть, какъ царскій подарокъ, очень цѣнны, такъ что отъ продажи ихъ онъ можетъ выручить себѣ порядочную сумму. Его разсказъ о видѣніи ему преп. Сергія, былъ разчитанъ на то, что ради этого обстоятельства богатый Троицко-Сергіевъ монастырь, куда онъ отправлялся, окажетъ ему особую щедрость, такъ какъ самъ преп. Сергій явилъ къ нему небывалую, относительно грековъ, милость—удостоилъ его, еще на Синаѣ, своего видѣнія.

Все это такъ смѣло и повидимому удачно веденное Іереміею дѣло, совершенно неожиданно рушилось. На него послѣдовалъ доносъ со стороны сопровождавшихъ его синаитовъ, архидіакона Неофита и старца келаря Паисія, которые заявили, что Іеремія патріаршимъ соборомъ былъ лишенъ митрополитства и ему запрещено служить, что послѣ запрещенія онъ былъ въ Римѣ, служилъ съ папою, цѣловалъ его въ ногу и вообще отпалъ отъ православія, но потомъ вернулся изъ Рима въ синайскую обитель, которой онъ былъ постриженникомъ, и слезно просилъ архіепископа и братію снова принять его въ монастырь. Въ надеждѣ на его раскаяніе и исправленіе его приняли и потомъ послали въ Россію, придавъ къ нему ихъ, старцевъ, для наблюденія за нимъ. Дорогою они сбирали милостыню, но Іеремія скрывалъ ея отъ нихъ и обращалъ въ свою пользу. Получивъ въ Москвѣ милостыню, онъ не хочетъ теперь возвращаться

въ монастырь и задумалъ убить ихъ въ литовской землѣ. Поэтому они просятъ отпустить ихъ изъ Москвы отдѣльно отъ митрополита и отобрать у него все, принадлежащее монастырю.

Доносъ долженъ былъ произвести сильное и удручающее впечатлѣніе на царя и патріарха. Митрополитъ, котораго патріархъ Ѳеофанъ называлъ своимъ сослужебникомъ, мужемъ вѣрнымъ и любезнымъ, котораго, ради этой рекомендаціи Ѳеофана, приняли въ Москвѣ съ особою честію, который, конечно за свою добродѣтельную и святую жизнь, удостоился будто бы видѣнія преп. Сергія, въ дѣйствительности оказывается лишеннымъ сана, папежникомъ, какимъ-то пройдохою. Кому же и чему послѣ этого вѣрить?... Пришлось произвести допросъ съ очными ставками, причемъ Іеремія заявилъ, что 19 лѣтъ тому назадъ онъ былъ поставленъ митрополитомъ въ Родосъ, но чрезъ три года добровольно удалился на Синай, не желая давать трехъ тысячъ золотыхъ константинопольскому патріарху Рафаилу, которые тотъ просилъ у него, „а если сыщется, что онъ отъ митрополитства отставленъ, то онъ уже не будетъ у государя и патріарха просить пощады“. Затѣмъ Іеремія показывалъ, что изъ Синая онъ ѣздилъ въ Индію, потому что португальская королева Екатерина оставила въ Индіи для Синайской горы, на поминъ своего мужа, 500 золотыхъ, которые онъ, вмѣстѣ съ другою собранною имъ милостынею, и привезъ въ Синайскій монастырь и затѣмъ былъ посланъ въ Испанію. Въ Римѣ онъ дѣйствительно былъ по слѣдующему случаю: даетъ-де испанскій король въ Синайскую гору по 500 золотыхъ, и такъ какъ тѣ золотыя онъ неприсылалъ, то соборъ синайскихъ старцевъ послалъ его и еще четырехъ старцевъ съ нимъ въ Испанію за тѣми золотыми.

Въ Испанію они отправились чрезъ Римъ, и были у тогдашняго папы Павла V, но отъ греческой вѣры не отставали и съ папою онъ, какъ его ложно обвиняютъ, не служилъ, тѣмъ болѣе что папа со властями никогда не служитъ, а всегда одинъ. Папа писалъ къ королю испанскому о выдачѣ тѣхъ золотыхъ, да и самъ послалъ отъ себя въ Синайскую гору 500 золотыхъ, на что есть у него листы. Были затѣмъ они во французской землѣ, а французскій король посылаетъ въ Синайскую гору ежегодно 1000 золотыхъ,—эти присылки отъ французскаго короля начались уже лѣтъ съ двадцать. Всего за милостынею онъ ходилъ лѣтъ съ пять. Это совсѣмъ неожиданное и очень соблазнительное для русскихъ показаніе Іереміи о милостынѣ Синаю со стороны папы и католическихъ королей, оспаривалось бывшимъ тогда въ Москвѣ силистрійскимъ митрополитомъ и обвинителями синаитами, которые заявляли, что папа и короли испанскій и французскій въ греческую землю, ни въ какія мѣста, никогда ничего неприсылали, что отъ всѣхъ греческихъ патріарховъ то заклято, чтобы не только отъ папы, но даже и отъ всякаго простаго человѣка папежскія вѣры милостыни ни одной деньги не принимать и ни въ чемъ съ ними не сообщаться. Но Іеремія, въ доказательство справедливости своего показанія, представилъ листы: одинъ отъ папы римскаго въ Синайскую гору, другой—отъ англійскаго короля, третій—отъ испанскаго. Іеремію поспѣшили отправить въ Константинополь, „чтобы онъ тамъ очистился отъ всего предъ тамошнею властію... А въ Римъ къ папѣ и въ аглицкую и во французскую землю ему не ѣздить; а буде онъ въ тѣ невѣрныя государства поѣдетъ, и онъ будетъ проклятъ въ семъ вѣцѣ и будущемъ“ [1].

[1] 7131 г. № 5.

Какъ сильно смутило и огорчило царя и патріарха дѣло Іереміи видно изъ того, что Филаретъ Никитичъ рѣшился писать объ немъ особую грамоту самому вселенскому константинопольскому патріарху, съ подробнымъ изложеніемъ всего прискорбнаго дѣла. „Буди вѣдомо вашему святительству, пишетъ онъ въ грамотѣ: изъ давнихъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ греческую власть захватили измаильскіе внуки, обычай имѣютъ приходить къ благочестивымъ и христолюбивымъ царямъ россійскимъ, греческой области святѣйшіе патріархи, и митрополиты, и архіепископы и прочіе священные иноки милостыни ради и искупленія св. мѣстъ, захваченныхъ турками, и до нынѣ приходятъ. Мы таковыхъ принимать привыкли, и дарами и милостынею не только ихъ обогащать, но и святымъ мѣстамъ потребное посылать, и тѣмъ плачущихъ и оскорбляемыхъ утѣшать и, такимъ образомъ, почтивши приходящихъ къ намъ, отпускали во свояси. Нынѣ же пришелъ къ намъ отъ святой горы Синайской митрополитъ Іеремія, объявляя, что прежде былъ родосскаго острова митрополитъ, милостыни ради, съ нимъ же вмѣстѣ и другіе пришли. Мы, по обычаю нашему, человѣколюбно приняли ихъ, ибо они принесли съ собою грамоты отъ блаженнаго Ѳеофана патріарха іерусалимскаго, котораго, какъ говорятъ, встрѣтили въ Константиноградѣ. Потомъ, не знаю какой ради вины, Іеремія началъ враждовать съ пришедшими съ нимъ, называя ихъ чуждыми христіанскаго званія и житія недостойнаго, истиннаго же свидѣтельства о томъ противъ нихъ привести не могъ. Они же, видя его злые поступки, возстали противъ него и во многомъ обвинили“. Затѣмъ онъ подробно сообщаетъ самыя обвиненія и произведенные по поводу ихъ допросы [1].

[1] 7132 г. № 3.

Въ 1625 году, 15 Сентября прибыло въ Москву новое синайское посольство, съ архимандритомъ Малахіею во главѣ, долженствовавшее изгладить то дурное впечатлѣніе, какое ранѣе произвело въ Москвѣ посольство митрополита Іереміи. И это посольство привезло съ собою рекомендательныя грамоты Θеофана, которому впрочемъ и необходимо было такъ или иначе объясниться съ московскимъ правительствомъ относительно посольства митрополита Іереміи. Дѣйствительно въ грамотѣ къ Филарету Никитичу Θеофанъ пишетъ: „прежде сего присылали къ вашему святительству изъ Синайскіе горы нѣкотораго бывшаго родосскаго митрополита и съ иными монастырскими людьми, *незнаючи его дѣла и разума, что онъ за злой свой разумъ отставленъ отъ патріарха*“, а теперь посылаютъ вѣрныхъ царскихъ богомольцевъ архимандрита Малахію съ другими старцами, которыхъ проситъ принять милостиво. „И сего ради пишемъ, продолжаетъ Θеофанъ, что Синайская святая гора подъ нашею іерусалимскою областію, и архіепископъ того монастыря поставляетца у насъ въ Іерусалимѣ, и что есть нынѣ архіепископъ господинъ Іосафъ писалъ къ намъ совсѣмъ соборомъ святаго монастыря, моля насъ, чтобъ мы отписали къ великому государю царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу всея Русіи и твоему святому великому святительству съ моленіемъ, чтобъ вамъ ихъ приняти милостивно, понеже бо раби и богомольцы ваши истинные, а они отъ беззаконныхъ араповъ многіе нужды и харчи терпятъ“. Въ грамотѣ государю Θеофанъ проситъ его милостиво принять посланныхъ отъ синайскаго архіепископа Іосафа и отъ всего святаго собора отъ царскіе обители, которая создана отъ царя Устиніяна, который воздвигъ св. Софію премудрость Божію“. Русское пра-

вительство желая показать, что оно уже забыло дѣло Іереміи и не придаетъ ему болѣе никакого значенія, не только очень радушно приняло новое посольство синаитовъ, но и одарило его съ большею на этотъ разъ щедростію, чѣмъ обычно [1].

Въ 1629 году прибылъ въ Москву за милостынею синайскій архимандритъ Исаія, съ которымъ Θеофанъ писалъ государю, чтобы онъ оказалъ милость посланнымъ въ Москву синаитамъ, „понеже они съ великою нужею и бѣдностію исправляютъ святый монастырь сей въ пустынѣ той великой межъ многихъ араплянъ“, которымъ они платятъ постоянную дань. — Въ граматѣ отъ 15 Іюня 1636 года, присланной въ Москву съ синайскимъ архимандритомъ Паисіемъ, Θеофанъ пишетъ государю о синаитахъ: „нынѣ пишемъ, что пріѣхали отцы святые синайскіе горы преподобный архимандритъ господинъ Паисій, вмѣстѣ съ келаремъ Евгеніемъ и съ товарищи, а ѣдутъ къ святому и къ державному и превысочайшему твоему царствію милостыни ради. По своему царскому обычаю пожалуеши ихъ, милостивой царю, для святаго и царскаго монастыря, а тотъ монастырь подъ нашею областію и престоломъ. Сію благодать воздаемъ и свидѣтельствуемъ истинно и праведно, что имѣютъ они великіе протори, и о томъ молимъ и просимъ твоего царскаго величества, да воспріимеши ихъ въ тихомъ образѣ и помощь сотворишь имъ [2]“.

Покровительствовалъ Θеофанъ и нѣкоторымъ аѳонскимъ обителямъ, о которыхъ онъ посылалъ въ Москву рекомендательныя граматы. Такъ въ 1623 году прибылъ въ Москву за милостынею аѳонскаго Ватопедскаго мо-

[1] 7134 г. № 17. — [2] 7138 г. № 12; 7144 г. № 19.

настыря игуменъ Никодимъ, съ которымъ Θеофанъ отъ 10 Іюня 1622 года писалъ государю: „посланъ есть по святую милостыню преподобный отецъ Никодимъ, игуменъ святогорской Ватопедской, зане многая нужная потреба монастырская понуди его, неточію же — но и долги и безчисленныя напасти агарянскія; еще нынѣ и гладъ у нихъ есть. Тѣмъ же азъ знаючи мѣсто тое святое и его честную особу, прилежно молю, да усерднымъ сердцемъ и благословенною рукою изобильно подайте руку помощи и святую милостыню“.—Въ 1631 году прибыли въ Москву за милостынею просители изъ аѳонской лавры св. Аѳанасія, за которыхъ Θеофанъ просилъ царя и патріарха, свидѣтельствуя о бѣдственномъ состояніи лавры и о необходимости для ея существованія царскаго вспоможенія. Изъ этого же монастыря въ 1641 году пріѣзжалъ въ Москву за милостынею архимандритъ Іосифъ съ старцами, причемъ Θеофанъ писалъ государю, что когда онъ, Θеофанъ, былъ въ томъ монастырѣ, то старцы просили у него рекомендательной граматы къ государю. „И мы нынѣ, заявляетъ Θеофанъ, пишемъ къ великому твоему царствію, молимъ и просимъ, да пожалуешь пріимеши ихъ въ милостивомъ образѣ и воздашь имъ милостыню, да будешь новый соорудитель для того, что они имѣютъ великую налогу отъ иноплеменныхъ держащихъ насъ и имѣютъ неоплатный долгъ... Посемъ молимъ и мы великаго твоего царствія, да воспреимиши ихъ, что они люди добрые и вѣрные отъ святаго и славнаго монастыря, да пожалуй имъ свою царскую жалованную грамату, чтобы имъ держать въ монастырѣ для памяти вашего царскаго величества жалованья“. Въ томъ же 1641 году Θеофанъ ходатуйствуетъ предъ государемъ за посланныхъ аѳонскаго Благовѣщенскаго Филоѳеева монастыря,

чтобы государь далъ имъ свою милостыню „и на монастырское строеніе, чѣмъ имъ кельи починить, и оплатить долгъ“ [1].

И за другіе греческіе монастыри нерѣдко ходатайствовалъ Θеофанъ предъ русскимъ правительствомъ. Въ 1630 году въ Москву пріѣхалъ Парѳеній, архимандритъ Никольскаго Пагоянинскаго монастыря. Съ нимъ Θеофанъ писалъ государю, что монастырь иже во святыхъ отца нашего Николая архіепископа мирликійскаго чудотворца „пребывалъ въ добрѣ въ рукахъ греческихъ и въ богатствѣ, и нынѣ навожденіями лукаваго діавола раззорили агаряне многіе пречудные церкви Божіи и монастыри въ мѣстѣ томъ. И нынѣ такимъ же дѣломъ сей монастырь раззорился отъ безбожныхъ агарянъ до конца,—тому есть лѣтъ сто какъ раззоренъ. А еже всеблагій и милосердый Господь, всѣмъ церквамъ глава, что есть далъ по божественному своему поревнованію сему архимандриту господину Парѳенію, смысломъ своимъ и разумомъ, опять соорудилъ и воскресилъ отъ основанія, и обновилъ и украсилъ, якоже по прежнему, и собралъ до 30 человѣкъ братіи. Но ненавистникъ всякой добродѣтели діяволъ вложилъ мысль нѣкоему вельможѣ агарянскому опять раззорить до основанія святую обитель. Только 60,000 денегъ, обѣщанныхъ безбожному вельможѣ, спасли монастырь отъ уничтоженія. Вслѣдствіе сего обѣщанія архимандритъ задолжалъ и теперь прибѣгаетъ къ его царскому величеству за помощію и милостынею на освобожденіе отъ того тяжкаго долга“. Въ 1644 году 26 Октября Θеофанъ писалъ государю рекомендательную грамату объ архимандритѣ Іереміи морейскаго Успенскаго монастыря.

[1] 7131 г. № 4; 7140 г. № 3; 7149 г. № 15 и 20.

Въ ней онъ говоритъ: „промежъ двухъ областей—Коринѳы и Палеопатры пребываетъ славный монастырь во имя пресвятыя Богородицы въ великой пещерѣ, строеніе блаженнаго и благочестиваго царя бывшаго—Андроника Палеолога, и въ немъ пребываетъ св. икона, что писалъ апостолъ и евангелистъ Лука, образъ пресвятыя Богородицы, своею рукою, и многіе чудеса творитъ, исцѣляетъ всякихъ немощныхъ и недужныхъ, которые прибѣгаютъ къ ней съ вѣрою по сей день. И ненавистникъ роду христіанскому научилъ нѣкоторыхъ злыхъ людей и зажгли около монастыря и монастырь весь сгорѣлъ, только Богъ сохранилъ одну божественную церковь и учинился имъ великій изъянъ и протори. И се та церковъ отъ многихъ лѣтъ развалилась и они, отцы, съ великими долги и трудами изнова ту церковь отъ основанія всю каменную со сводами для крѣпости ото всякаго страху построили, и отъ того тотъ монастырь одолжалъ неизреченнымъ долгомъ, и, сверхъ того, въ проторѣхъ на всякъ день отъ пріѣзжихъ стояльщиковъ. И они, тамо пребывающіе братія, хотя отъ такого долгу оплатиться, заложили святыя церковные сосуды и невозмогли оплатиться отъ такаго долгу, усмыслили промежъ себя, избрали и посылаютъ къ великой вашей царской милости преподобнаго архимандрита господина Іеремія помощи ради“. Затѣмъ Ѳеофанъ проситъ государя дать милостыню бѣдствующей обители въ размѣрѣ, какъ ему заблагоразсудится [1].

Между рекомендательными граматами Ѳеофана встрѣчаются и такія, которыми онъ ходатайствовалъ предъ государемъ и патріархами за отдѣльныхъ какихъ либо

[1] 7138 г. № 17; 7153 г. № 26.

лицъ. Такъ въ 1630 году пріѣхалъ въ Москву греческій архимандритъ Григорій, о которомъ Ѳеофанъ писалъ государю: „извѣщаю самодержавному твоему царствію, яко писаніе се о священно мнихѣ о господинѣ Григоріѣ, архимандритѣ великія церкви: отъ Бога удалося, освободилъ (Григорій) двухъ невольниковъ—бѣгали отъ стороны измаильскія и взялъ ихъ доѣдучи въ молдавской землѣ, и прибѣжали за ними хозяева ихъ, и поймали и посадили въ тюрьму, и ограбили житіе его все и хотѣли его казнить. И нѣкоторые христіане о немъ тружалися, окупили его отъ безбожныхъ агарянъ и изъ тюрьмы освободили за 28,000 турецкихъ денегъ, а взяти имъ того долгу негдѣ, и головы своей приклонити не имѣютъ нигдѣ,—пріѣдуть къ благоутробному царствію твоему и призри его милосерднымъ своимъ окомъ и пресвѣтлымъ лицомъ, яко подобаетъ, и милостину ему подай, како благоизволишь, чтобъ возможно было ему тяжкій долгъ свой оплатить—28,000 денегъ“. Въ томъ же году Ѳеофанъ писалъ государю объ архіепископѣ македонскомъ изъ погоянинскаго Петропавловскаго монастыря Софроніѣ, что онъ раззорился отъ тяжкаго долга, наложеннаго на него агарянами, которымъ онъ заложилъ всѣ сосуды церковные и священныя одежды, чтобы тѣмъ хотя сколько нибудь облегчить свое бѣдственное положеніе, почему Ѳеофанъ и проситъ государя помочь бѣдному архіепископу освободиться отъ долга и тѣмъ избѣжать тѣсноты агарянской. Въ граматѣ къ Филарету Никитичу, извѣщая его о горькой участи Софронія, проситъ неоставить достойнаго архіерея ходатайствомъ предъ государемъ и дарованіемъ ему отъ себя милостыни. Въ томъ же году въ Москву прибыло два грека, о которыхъ Ѳеофанъ писалъ государю, „что сперва они были благодатны и

покойны, но нечестивые и безбожные агаряне, яко суть всегда они недруги и ругатели вѣры нашей, ограбили ихъ нощію разбойническимъ обычаемъ и всѣ животы ихъ побрали и, сверхъ того, дву изъ дѣтей обусурманили въ свою нечестивую вѣру и ушли. Было у нихъ иные четверо дѣтей, и они заложили ихъ у безбожныхъ въ рукахъ за 40,000 денегъ, и нынѣ имъ долгу оплатить нечѣмъ—взять негдѣ и головы свои приклонити неимѣютъ нигдѣ, прибѣгаютъ къ милосердому святому твоему царствію, просящи помощи. И сего ради молимъ великому твоему царствію, призри ихъ". Въ томъ же году Θеофанъ прислалъ въ Москву своего служителя Андрея съ граматою къ государю, въ которой проситъ его дать Андрею милостыню на окупъ его родителей, которые арестованы турками. Или, напримѣръ, Θеофанъ такъ пишетъ о нѣкоемъ грекѣ Константинѣ: „сей крестьянинъ, именемъ Константинъ, жилъ въ Царьградѣ на Калатѣ, ремесломъ серебряный мастеръ. И скорымъ дѣломъ учинился пожаръ и выгорѣла одна сторона на Калатѣ и сгорѣла у него лавка совсѣмъ товаромъ, что имѣлъ дѣла чужіе—боярскіе и тѣ дѣла растопилися, а иные разграбили серебряное и золотое—счетомъ на двѣ тысячи ефимковъ. И потомъ сей Константинъ, продавъ все свое имѣніе—домъ и виноградъ, и заплатилъ 1200 ефимковъ, а осталось еще 800 ефимковъ. И заложилъ жену свою и дѣтей въ иноплеменныхъ рукахъ у турченъ и неимѣя, гдѣ прибѣгнути", обращается за помощію къ царю [1].

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что далеко не всѣ рекомендательныя грамоты, писанныя отъ имени Θеофана и привозимыя въ Москву разными про-

[1] 7138 г № 5, 7, 17, 24; 7156 г. № 20.

сителями милостыни, въ дѣйствительности принадлежали патріарху Θеофану. Между этими граматами несомнѣнно немало было и подложныхъ, сфабрикованныхъ разными проходимцами въ Молдавіи, гдѣ умѣли поддѣлывать и патріаршія подписи и самыя патріаршія печати. А такъ какъ патріархъ Θеофанъ былъ особенно почитаемъ и уважаемъ въ Москвѣ и его рекомендаціи имѣли здѣсь особенно вѣское значеніе, то и злоупотребленія его именемъ были поэтому особенно часты. Это хорошо зналъ и самъ Θеофанъ, почему онъ и рѣшился предостеречъ отъ наглыхъ обманщиковъ русское правительство. Въ 1636 году прибылъ въ Москву грекъ Иванъ Петровъ, который отъ имени Θеофана сдѣлалъ въ Посольскомъ приказѣ на имя государя такое заявленіе: „молитъ (патріархъ Θеофанъ) великому твоему царствію: которые пріѣзжаютъ съ грамотами къ великому твоему царствію монастырскіе старцы и бѣльцы, и вамъ бы имъ невѣрить, потому что блаженнѣйшій патріархъ грамотъ никому недаетъ, только своимъ людямъ о милостынѣ“ [1]. Что злоупотребленія патріаршимъ именемъ со стороны разныхъ проходимцевъ, являвшихся въ Москву въ качествѣ бѣдствующихъ просителей милостыни съ подложными рекомендательными патріаршими грамотами, были дѣйствительно значительны, это видно не только изъ приведеннаго заявленія Θеофана, но и изъ того, что преемникъ Θеофана патріархъ Паисій, вскорѣ по вступленіи на патріаршій престолъ, счелъ необходимымъ предпринять противъ этого сильно распространившагося зла особыя мѣры, вполнѣ справедливо полагая, что наглые обманщики своими продѣлками и недостой-

[1] 7144 г. № 9.

нымъ поведеніемъ въ Москвѣ, могутъ дескредировать въ глазахъ московскаго правительства какъ настоящихъ, дѣйствительно заслуживающихъ помощи просителей милостыни, такъ и самихъ патріарховъ, именемъ которыхъ они прикрываются. Въ этихъ видахъ въ 1646 году, патріархъ Паисій писалъ государю: „извѣщаю великому и державному и святому вашему царствію о нѣкоторыхъ торговыхъ людяхъ и черньцѣхъ: что они научилися составлять ложныя печати и пишутъ грамоты будто отъ меня и привозятъ къ царствію вашему, и за то имъ подобаетъ великое наказаніе и поученіе, чтобы необманывали народъ христіанскій, такоже и царей. И сего ради посылаю сіе мое знамя (печать), чтобы вамъ впередъ было вѣдомо и вѣрно: которые люди учнутъ впередъ пріѣзжати отъ насъ съ двумя печатями — большая печать по достоянію внизу грамоты подъ подписью, а меньшая печать поверхъ грамоты съ правой руки у титла,— потому учнете узнавать впередъ тѣ наши грамоты“ [1].

Такимъ образомъ, сами патріархи указывали русскому правительству на существующія злоупотребленія со стороны просителей милостыни, внушали ему осторожность и разборчивость въ отношеніи къ нимъ, предпринимали и съ своей стороны нѣкоторыя мѣры, чтобы предохранить московское правительство отъ возможныхъ обмановъ со стороны недобросовѣстныхъ просителей милостыни. Но нашему правительству очень трудно однако было разобраться въ массѣ просителей, чтобы отличить между ними настоящихъ отъ обманщиковъ и уличить послѣднихъ, такъ какъ всѣ просители обыкновенно старательно прикрывали другъ друга, и

[1] 7154 г. № 18.

наше правительство неимѣло средствъ, а часто и охоты заниматься раскрытіемъ обмановъ со стороны нѣкоторыхъ просителей милостыни. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда просители, неполадивъ почему либо между собою, подавали правительству жалобы другъ на друга съ взаимными обличеніями, оно поневолѣ начинало разслѣдованіе этихъ жалобъ, и уличенныхъ въ обманахъ и разныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ или высылало заграницу, или посылало на смиреніе въ какой либо русскій монастырь, пока неисправятся.

Представленный очеркъ сношеній іерусалимскаго патріарха Θеофана съ русскимъ правительствомъ приводить къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Послѣ паденія Константинополя, Θеофанъ былъ первый греческій патріархъ, который получилъ возможность оказать, и дѣйствительно оказалъ вліяніе на внутреннюю русскую церковную жизнь въ смыслѣ ея сближенія съ тогдашнею греческою церковною жизнію. Благодаря ему у насъ были оправданы и признаны правильными книжныя исправленія, совершенныя преп. Діонисіемъ подъ вліяніемъ книжныхъ исправленій преп. Максима грека и отчасти при помощи греческимъ печатныхъ книгъ; благодаря Θеофану измѣнены были у насъ нѣкоторые старые неправые церковные обычаи въ родѣ трикратнаго раздаянія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи и вѣроятно другіе, такъ какъ государь и Филаретъ Никитичъ совѣтывались съ Θеофаномъ о разныхъ духовныхъ дѣлахъ и руководствовались его внушеніемъ „древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ неотлучатися“. Благодаря этому обстоятельству, со времени пребыванія Θеофана въ Москвѣ, русская церковная жизнь, современи паденія Константинополя, почти совсѣмъ было отстранившаяся отъ тогдаш-

ней греческой церковной жизни, начинаетъ сново замѣтно подчинятся греческому вліянію, которое развивается затѣмъ въ полной силѣ уже при патріархѣ Никонѣ.

Со времени пришествія въ Москву Θеофана, устанавливаются самыя близкія и постоянныя сношенія между іерусалимскими патріархами и русскимъ правительствомъ, которое, благодаря постоянно присылаемымъ въ Москву патріаршимъ граматамъ и устнымъ разъясненіямъ въ Москвѣ патріаршихъ посланныхъ, знакомится съ тогдашнимъ положеніемъ св. мѣстъ, изъ за которыхъ шла упорная борьба православныхъ съ католиками и армянами, причемъ русское правительство начинаетъ принимать хотя и косвенное, но всетаки дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, посылая іерусалимскому патріарху болѣе или менѣе значительные подарки и денежныя дачи на искупленіе и поддержаніе святыхъ мѣстъ въ Палестинѣ. Эта именно сторона въ сношеніяхъ нашего правительства съ Θеофаномъ составляетъ центральный пунктъ этихъ сношеній въ виду того, что Θеофану, во время его патріаршества, дѣйствительно пришлось вести продолжительную и упорную борьбу изъ за св. мѣстъ то съ католиками, то съ армянами, почему онъ постоянно нуждался въ денежной помощи. Въ 1629 году католики овладѣли было св. Пещерою и Голгоѳою и даже искали убить самого Θеофана, который только благодаря счастливой случайности избѣжалъ смерти. Ему однако удалось выхлопотать у султана фирманъ, возвращавшій православнымъ отнятыя было у нихъ св. мѣста. Въ 1634 году латиняне снова возобновили борьбу съ православными и, благодаря подкупу турецкихъ властей, овладѣли было св. мѣстами; но православные перенесли дѣло на разсмотрѣніе верховнаго

суда и остались побѣдителями. И сильные своимъ богатствомъ армяне точно также задумали было въ 1633 году отнять у грековъ первенство при св. Гробѣ, опираясь на расположеніе къ нимъ визиря и на подкупъ одного паши, друга султана. Бѣда угрожала православнымъ серьезная, тѣмъ болѣе, что армяне тратили на подкупъ огромныя суммы (до 160 тысячь флориновъ). Но и на этотъ разъ греки нашлись и ловко съумѣли обратить дѣло въ свою пользу, такъ что султанъ приказалъ даже казнить своего подкупленнаго армянами друга пашу, а также важнѣйшихъ армянъ, зачинщиковъ этого дѣла [1]. Борьба съ латинянами и армянами потребовала большихъ денежныхъ затратъ, такъ что Θеофану приходилось закладывать и утварь Св. Гроба и свою собственную митру, приходилось занимать деньги подъ большіе обременительные проценты, вслѣдствіе чего у патріархіи явились большіе долги, которые нужно было уплачивать. Этимъ тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ іерусалимскаго патріархата и объясняется, почему Θеофанъ чуть не въ каждой граматѣ, посланной имъ государю, жалуется обыкновенно на бѣды и тяжелое положеніе іерусалимскаго патріаршаго престола, особенно вслѣдствіе притѣсненій и несправедливостей, какія тогда приходилось терпѣть православнымъ отъ происковъ латинянъ и армянъ; почему онъ чуть не въ каждой граматѣ проситъ и молитъ государя о присылкѣ милостыни Св. Гробу, постоянно твердитъ о томъ, что безъ царской поддержки и милостыни они могутъ окончательно погибнуть подъ натискомъ невѣрныхъ и иновѣрныхъ; этимъ же объясняется и то обстоятельство, почему Θеофанъ такъ ревниво-подозрительно отнесся къ вер-

[1] Досиѳ., кн. XII, гл. I, § 3, 6 и 9.

рійскому митрополиту Аверкію, предположивъ въ немъ враждебнаго ему человѣка, способнаго умалить посылаемую изъ Москвы милостыню Св. Гробу. Русское правительство, съ своей стороны, всегда очень внимательно относилось ко всѣмъ просьбамъ и ходатайствамъ іерусалимскаго патріарха, выражало полное сочувствіе его бѣдственному положенію и оказывать посильную денежную помощь бѣдствующимъ св. мѣстамъ стало считать. съ этого времени, своею прямою, непремѣнною обязанностію.

Наконецъ, съ Θеофаномъ выступила и совершенно новая сторона въ сношеніяхъ іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, какой вовсе не было ранѣе при патріархахъ Германѣ и Софроніѣ,—Θеофанъ первый изъ іерусалимскихъ патріарховъ дѣлается тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Турціи, сообщающимъ въ Москву разныя политическія вѣсти, касающіяся тогдашняго положенія дѣлъ въ Турціи. Уже въ настольной граматѣ Филарету Никитичу Θеофанъ заявляетъ, что имъ, восточнымъ іерархамъ, пользующимся милостями царя, „надлежитъ всею душею и мыслію святому и великому его царствію служити и услуги показывати“, хотя практически онъ началъ служить русскому правительству въ качествѣ его тайнаго политическаго агента значительно позднѣе. Русское правительство неимѣло тогда при иностранныхъ дворахъ постоянныхъ пословъ, которые бы на мѣстѣ слѣдили въ той или другой странѣ за теченіемъ политическихъ дѣлъ, а между тѣмъ знаніе современнаго положенія этихъ дѣлъ, особенно въ Турціи, имѣло для нашего правительства исключительную важность, почему оно и завербовало съ конца XVI вѣка къ себѣ на службу въ качествѣ тайныхъ политическихъ агентовъ разныхъ гре-

ковъ, начиная съ патріарховъ и другихъ духовныхъ особъ и кончая простымъ грекомъ купцомъ. Эти агенты обязывались внимательно слѣдить за всѣмъ, что происходило въ Турціи, и о всемъ, что узнаютъ, немедленно увѣдомлять Московское правительство чрезъ особыя вѣстовыя письма, которыя пересылались въ Москву съ вѣрными людьми. Наше правительство сильно дорожило этими вѣстями, идущими прямо изъ Турціи, и всячески поощряло и награждало за это ревностныхъ и опытныхъ агентовъ, умѣвшихъ сообщать въ Москву и свѣжія и болѣе или менѣе важныя вѣсти. Θеофанъ увидѣлъ, какую большую цѣну придаютъ въ Москвѣ сообщаемымъ изъ Турціи политическимъ вѣстямъ и какимъ особымъ расположеніемъ московскаго правительства пользуются его тайные политическіе агенты въ Турціи, и потому рѣшилъ поступить въ ихъ число, чтобы этимъ пріобрѣсти еще большія милости и расположеніе русскаго правительства. Въ граматѣ къ Филарету Никитичу въ 1634 году, Θеофанъ пишетъ: „а съ которыми великими людьми знаемся, и мы всегда ихъ понуждаемъ на помощь царствію вашему“, и тѣмъ даетъ понять, что онъ, пользуясь своими связями, готовъ оказывать политическія услуги нашему правительству. И дѣйствительно, съ этаго года Θеофанъ начинаетъ болѣе или менѣе правильно присылать въ Москву такія граматы, въ которыхъ, наряду съ просьбами о милостынѣ и извѣстіями о дѣлахъ Св. Гроба, сообщались и разныя политическія вѣсти, хотя правда, очень неважныя и почти всегда запоздалыя по сравненію съ вѣстями, присылаемыми другими агентами. Побужденія, которыя въ этомъ случаѣ руководили Θеофаномъ, онъ самъ довольно откровенно высказываетъ въ одной изъ своихъ граматъ къ государю (въ 1638 г.): „пишемъ и объявляемъ, что дѣетца въ

Цареградѣ, и о томъ у насъ бываетъ великій страхъ,— о томъ бо есть и вамъ вѣдомо. Только наша великая любовь и для благочестія твоего *и для милостыни, что имѣешь къ намъ*, понуждаетъ насъ писати и объявляти".

Такимъ образомъ въ лицѣ Ѳеофана іерусалимскіе патріархи знакомятся съ русскою церковною жизнію и оказываютъ на нее нѣкоторое вліяніе, успѣваютъ укрѣпить въ Московскомъ правительствѣ убѣжденіе, что оно обязано оказывать матеріальную помощь и поддержку св. мѣстамъ и, наконецъ, сами патріархи поступаютъ на службу къ русскому правительству въ качествѣ его тайныхъ политическихъ агентовъ въ Турціи.

III

Сношенія патріарха Паисія съ русскимъ правительствомъ

Перваго Декабря 1645 года въ Москву прибылъ сербскій митрополитъ Симеонъ, который привезъ государю извѣстительную грамату отъ новаго іерусалимскаго патріарха Паисія, писанную 18 Іюля 1645 года. Эта грамата Паисія начинается такъ:

„Трисолнечная и свѣтоначальная Троица Богъ нашъ: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, всю тварь премудростію сотвори неизчетною своею благостію, Его же славятъ немолчными устнами со страхомъ и трепетомъ многоочитая херувимъ и шестокрыльная серафимъ и всѣ небесные силы; тожъ и мы на земли, вкупѣ съ ними, недостойными устами поемъ и благословляемъ и кланяемся, славословимъ и глаголемъ: сей есть Богъ нашъ и мы людіе его, яко умножи милость свою на насъ и воспрія насъ неизчетными человѣколюбія чудесы и показа намъ путь спасенію, о немъ же живемъ и движемся и есмы, Ему слава и держава во вѣки аминь отъ Бога Вседержителя и Господа нашего Іисуса Христа“.

Послѣ такого вступленія Паисій извѣщаетъ государя о смерти Ѳеофана, „оставившаго святѣйшій и апостольскій престолъ безъ наслѣдника, безъ пастыря

и учителя", вслѣдствіе чего, согласно древнимъ преданіямъ св. отцевъ и церковному чину, составился соборъ изъ преосвященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, преподобныхъ архимандритовъ и игуменовъ для выбора и поставленія новаго патріарха. „Святый архіерейскій весь соборъ, милостію всеблагаго Бога, избрали и нарекли по закону и церковному преданію меня, богомольца святаго великаго вашего царствія— инокосвященника Паисія, бывшаго игумена въ божественной и государской обители у Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, пребывающаго въ молдавской землѣ въ Яссахъ, по повелѣнію благочестиваго и пресвѣтлаго государя Василія воеводы всея молдавскіе земли, о Духѣ сына возлюбленнаго нашего смиренія и вѣрнаго друга святаго великаго вашего царствія. И благодатію пресвятаго Духа сталъ есми патріархомъ природнымъ на святомъ и апостольскомъ престолѣ св. града Іерусалима, мѣсяца Марта въ 23 день, въ воскресной день, въ божественной и государской обители иже во святыхъ отецъ нашихъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, отъ экзарха преосвященнаго митрополита св. митрополіи Ларсы господина Григорія, и тутошніе молдавскіе земли преосвященнаго митрополита господина Варлаама и отъ боголюбезнаго епископа господина Анастасія роудицкаго, и господина Лаврентія косандрѣйскаго, по повелѣнію святѣйшаго и вселенскаго патріарха господина Парѳенія, о св. Дусѣ возлюбленнаго брата и сослужителя нашего смиренія,—и почтили всѣ меня, Паисія, богомольца великаго вашего царствія, природнымъ и истиннымъ патріархомъ св. града Іерусалима и всеа Палестины. И сего ради благочестивый, державный и великій государь князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Руси,

объявляемъ и мы, богомольцы къ великому и святому вашему царствію, сею нашею смиренною патріаршескою граматою, сіе наше законное восхожденіе и поставленіе ко святому и апостольскому сему престолу". Затѣмъ Паисій заявляетъ о своей непремѣнной обязанности, какъ всегдашняго царскаго богомольца, непрестанно молить Бога о царѣ, царицѣ и всей царской семьѣ, извѣщаетъ о полученіи царской граматы и милостыни, что была послана государемъ съ архимандритомъ Аѳеимомъ. Въ заключеніе граматы новый патріархъ пишетъ: „Мы, богомольцы ваши, здѣсь пребываемъ на нашемъ патріаршескомъ престолѣ, терпимъ повсядневно великіе нужи и труды, и протори неизчетные имѣемъ, и погибаемъ зѣло обидимы отъ безбожныхъ еретиковъ, что всегда они ищутъ времени отнять у насъ нѣкоторые поклонные святые мѣста и стоятъ съ денежною силою и иноплеменными людьми... А мы, богомольцы великаго вашего царствія стоимъ преже Божіею помощію, а потомъ силою и помощію вашего царскаго величества, и всякимъ радѣньемъ и любовію большою, покамѣста живемъ, да соблюдаемъ святые и божественные мѣста, якоже соблюли и прежъ меня святѣйшіе патріархи, имѣючи надежду и упованіе на великое и святое ваше царствіе, что всегда распространяешь благочестивую и высокую святую державу и царскую десницу ко святому и живодавному Гробу Христову, соблюдати отъ всякія измѣны сопротивныхъ враговъ. Посемъ неимѣемъ гдѣ восприбѣгнути и помощи получити во многихъ нашихъ бѣдахъ и напастехъ, токмо къ человѣколюбію и къ милосердію царствія вашего благочестивый святый царю. Посемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ да воздастъ побѣду и державу на враговъ видимыхъ и невидимыхъ, да распространитъ и умножитъ державу

великаго вашего царствія въ сіе земное временное царствіе, потомъ сподобитъ небесному и безконечному царствію“ [1].

Эта первая грамата Паисія вмѣстѣ съ тѣмъ есть и первая извѣстительная грамата, какія съ этого времени уже обычно стали посылать въ Москву всѣ новые послѣдующіе іерусалимскіе патріархи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она показываетъ, что Паисій, уже ранѣе два раза бывшій въ Москвѣ, позаботился немедленно по вступленіи на патріаршій престолъ войти въ сношенія съ московскимъ правительствомъ въ видахъ полученія отъ него на будущее время милостыни и поддержки для іерусалимской патріархіи. Наконецъ эта грамота интересна и въ историческомъ отношеніи, такъ какъ въ ней самъ патріархъ Паисій говоритъ о томъ, гдѣ, кѣмъ и при какихъ условіяхъ произведены были выборы и поставленіе его въ патріархи іерусалимскіе.

Смерть царя Михаила Ѳеодоровича и вступленіе на царскій престолъ Алексѣя Михаиловича дали поводъ патріарху Паисію послать въ Москву, съ грекомъ Ѳеофиломъ Ивановымъ, новую грамату, писанную имъ отъ 21 сентября 1645 года, въ которой онъ заявляетъ по поводу смерти Михаила Ѳеодоровича: „слышали есми, что весь благочестивый народъ имѣли его (Михаила Ѳеодоровича) единопохвальную и единодуховную славу и много неисчетное веселіе, якоже да былъ Богомъ вѣнчанный православный царь на посрамленіе еретикомъ и отпадшимъ; но и паки къ бѣдныхъ и обидимымъ отъ нечестивыхъ—ко архіереомъ и къ архимандритомъ и ко всѣмъ церковнымъ и къ мірскому житію и чину—къ благочестивымъ греческимъ христіяномъ, тоже и мы и апостольскій и святой нашъ престолъ святаго града

[1] 7154 г. № 6.

Іерусалима со всѣмъ нашимъ святымъ соборомъ святаго и живодавцова Гроба о Христѣ съ братіею — едино имѣли его великаго поборника и утвержденнаго сильнаго столпа и теплаго помощника ко всякой нуждѣ и надобью ко святому и живодавному Гробу". Новаго государя патріархъ Паисій проситъ умножить милостыню ко Св. Гробу и за это Господь его прославитъ, какъ нѣкогда прославилъ Соломона, соорудившаго храмъ въ Іерусалимѣ. Заявляетъ, что онъ, патріархъ, пребываетъ въ великихъ долгахъ, „и то намъ чинятъ еретики наиболѣ арменя и латыни, и тѣ арменя учинили намъ великіе протори и для тѣхъ проторей мучуся нынѣ въ Царѣградѣ", и въ заключеніе пишетъ, что по умершемъ государѣ не только самъ служитъ сорокоустъ, но и далъ приказъ въ Іерусалимѣ, чтобы тамъ ежедневно служили не сорокъ дней, а цѣлый годъ.

Въ другой граматѣ отъ 25 Сентября 1645 года Паисій благодаритъ государя за всѣ тѣ милости, какія явилъ Св. Гробу его отецъ: „милость ваша царская богатодарная аки солнце восіяетъ и свѣтитъ во всю вселенную и къ теплости его движутца и живутъ всячески; такожде и святое ваше царствіе воскаплетъ едину каплю росы отъ милости вашей неизреченные и напоитъ всѣхъ". Затѣмъ говоритъ въ граматѣ о торговыхъ людяхъ и чернецахъ, что являются въ Москву съ подложными патріаршими грамотами, почему онъ указываетъ признаки, по которымъ московское правительство на будущее время всегда можетъ отличить его подлинныя граматы отъ возможныхъ поддѣльныхъ [1].

Патріархъ Паисій, ранѣе уже два раза бывшій въ Москвѣ, въ качествѣ посланца патріарха Ѳеофана, съумѣлъ понять и оцѣнить великую важность все болѣе

[1] 7154 г. № 18.

усиливавшагося московскаго царства для всего православнаго востока, почему онъ и рѣшился войти съ московскимъ правительствомъ въ близкія сношенія не чрезъ граматы только, но чрезъ личное посѣщеніе Москвы въ санѣ патріарха, какъ это уже сдѣлалъ его предшественникъ Ѳеофанъ, причемъ Паисій имѣлъ въ виду не одну только получку богатой милостыни въ Москвѣ, но и иныя цѣли. Такъ какъ „дѣло“ о пріѣздѣ въ Москву патріарха Паисія дошло до насъ, то мы и опишемъ это важное во многихъ отношеніяхъ событіе съ возможною подробностію.

1 Декабря 1648 года въ Москву пріѣхали Аѳонской горы, Зографскаго великомученика Георгія монастыря, черные попы: Петроній, да Палладій, да Сильвестръ бить челомъ государю о милостынѣ, по имѣющейся у нихъ жалованной граматѣ. На допросѣ въ Посольскомъ приказѣ аѳонскіе старцы объявили, „что они изъ молдавскіе земли поѣхали Октября во 2 день вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и пріѣхали Октября въ 19 день въ литовскую землю до города Веницы, и въ томъ городѣ патріархъ остался для того, что изъ молдавскіе земли посылалъ онъ, патріархъ, къ гетману Хмельницкому, а для чего посылалъ и кого посылалъ, про то они невѣдаютъ. А послѣ того гетманъ Хмельницкій прислалъ въ Молдавскую землю къ патріарху Паисію полковника и онъ, патріархъ, съ тѣмъ полковникомъ поѣхалъ изъ молдавскіе земли въ литовскую землю и пріѣхали въ Веницу, а изъ Веницы полковникъ поѣхалъ къ гетману Хмельницкому, а патріархъ въ томъ городѣ Веницѣ остался,—дожидается вѣсти отъ гетмана Хмельницкаго, а какой вѣсти дожидается и о чемъ межъ ними ссылка была, про то они не вѣдаютъ. И съ тѣмъ іерусалимскимъ патріархомъ ѣдутъ старцы и

бѣльцы человѣкъ съ тридцать; а слышали они отъ патріарха, что онъ будетъ къ великому государю къ Москвѣ для милостыни, и въ Путивль хотѣлъ быти вскорѣ".

Въ тотъ же самый день, когда аѳонскіе старцы заявили въ Посольскомъ приказѣ, что въ Москву ѣдетъ іерусалимскій патріархъ Паисій, прислалъ въ Москву государю донесеніе и путивльскій воевода Плещеевъ съ извѣстіемъ, что одинъ пріѣзжій грекъ на допросѣ сказалъ ему, „что въ Кіевѣ объѣхалъ онъ іерусалимскаго патріарха Паисія, а ѣдитъ онъ, патріархъ, къ великому государю въ Москву челомъ ударити его царскому величеству и въ Путивль де будетъ онъ вскорѣ. Въ виду этого воевода спрашивалъ государя: „какъ іерусалимской патріархъ въ Путивль пріѣдитъ, какъ его принимать и почему ему корму давать, и изъ Путивля его къ Москвѣ отпускать-ли, и сколько подводъ и въ дорогу корму дать?" Вслѣдствіе этого донесенія воеводы къ нему немедленно, 2 Декабря, послана была въ Путивль государева грамата, въ которой ему приказывалось: „какъ іерусалимскій патріархъ въ Путивль пріѣдитъ, и его велѣно принять и поставити на добромъ дворѣ, и въ разговорѣ съ нимъ поговорити про царегрдскіе и про литовскіе вѣсти, и отпустить его совсѣмъ къ государю къ Москвѣ съ приставомъ, выбирая изъ путивльцевъ изъ лучшихъ людей сына боярскаго добраго, а кормъ и подводы дать, какъ имъ мочно подняться" [1]: О времени прибытія патріарха въ Путивль, о томъ, когда онъ выѣдетъ изъ Путивля, сколько ему дано было корму и подводъ, велѣно было съ нарочитымъ гонцомъ

[1] Корму патріарху отъ Путивля до Москвы велѣно было дать по 5 алтынъ на день, да питья: по 3 кружки меду, по 3 кружки пива на день; архимандриту и келарю по 10 денегъ на день человѣку, архидьякону 9 денегъ, дьякону и простымъ старцамъ по 8 денегъ, людямъ патріаршимъ по 6 денегъ человѣку на день.

прислать немедленно отписку въ Москву, а посланному съ нимъ приставу немедленно прислать вѣсть въ Москву, лишь только патріархъ пріѣдетъ въ Калугу, гдѣ онъ долженъ побыть до царскаго указа.

Сдѣланы были и другія предварительныя распоряженія на случай пріѣзда въ Москву патріарха Паисія. Такъ, 10 Декабря приказалъ государь послать въ Калугу „его государева жалованья — двѣ шубы, въ чемъ ему, патріарху, ѣхать изъ Калуги до Москвы: одну соболью подъ камкою, а другую песцовую подъ тафтою противъ прежняго, каковы были посланы изъ Москвы въ Тулу ко прежнему іерусалимскому патріарху Ѳеофану". Между тѣмъ въ Москвѣ „19 Декабря допрашивали аѳонскихъ монаховъ Петронія и Палладія о іерусалимскомъ патріархѣ Паисіѣ: изъ котораго монастыря взятъ онъ на патріаршество и въ которомъ году и каковъ онъ собою ростомъ?[1]. И Зографскаго монастыря черные попы Петроній и Палладій сказали: іерусалимскій патріархъ Паисій былъ напередъ сего въ молдавской землѣ въ монастырѣ Успенія Пречистыя Богородицы архимандритомъ и изъ того монастыря взятъ въ Іерусалимъ на патріаршество, а въ которомъ году того они подлинно не упомнятъ, а ростомъ тотъ патріархъ Паисій среднимъ, а въ плечахъ широкъ[2]. Указомъ государя отъ 29 Де-

[1] Странный на первый взглядъ допросъ о томъ, изъ какого монастыря взятъ въ патріархи Паисій, въ какомъ году и какого онъ роста, когда Паисій ранѣе два раза былъ въ Москвѣ и ранѣе прислалъ въ Москву обстоятельную грамату о времени и обстоятельствахъ своего избранія въ патріархи, просто объясняется тѣмъ, что эта инструкція о допросѣ была составлена еще при пріѣздѣ въ Москву патріарха Ѳеофана и, по тогдашнему обычаю, механически воспроизведена была, когда отъ приказа потребовали составить инструкцію для встрѣчи и пріема патріарха Паисія.—

[2] Досиѳей говоритъ про патріарха Паисія, «что онъ ростомъ малъ, съ бородою длинною, смуглъ, общителенъ, мужествененъ, правдолюбивъ, сановитъ». Досиѳей передаетъ ходившій про него, Паисія, разсказъ, что будто бы «онъ одинъ повергъ на землю двадцать человѣкъ (напавшихъ на него) разбойниковъ и лошадей ихъ взялъ». (Кн. XII, гл. 1, § 10).

кабря велѣно было послать въ Калугу патріарху Паисію съ дворца разной рыбы и питьи, что давать ѣдучи отъ Калуги до Москвы патріарху „въ почесть“, т. е. сверхъ положенной ежедневной дачи корму и питій.

Между тѣмъ путивльскій воевода извѣщалъ государя, что 5 Января 1649 года въ Путивль пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Паисій, въ свитѣ котораго, кромѣ духовныхъ лицъ, было еще „патріаршихъ дѣтей боярскихъ и слугъ 25 человѣкъ“, въ которыхъ воевода призналъ хорошо ему извѣстныхъ греческихъ купцовъ. Воевода спрашивалъ-де патріарха, чтобы онъ „сказалъ именно про торговыхъ людей“, такъ какъ де въ 1648 году состоялся царскій указъ, чтобы гречанамъ торговымъ людямъ подводы подъ себя и подъ товары нанимать на свой счетъ и поденнаго корму имъ въ дорогу недавать. Но патріархъ про сопоровождавшихъ его торговыхъ людей заявилъ воеводѣ, что они „хотя и были прежде сево торговые люди, только де нынѣ служатъ ему патріарху“.

10 Января патріархъ Паисій былъ отпущенъ изъ Путивля въ Москву и въ тотъ же день государь отправилъ въ Калугу для встрѣчи тамъ патріарха Ѳедора Мякинина, который долженъ былъ поступить по слѣдующему наказу: пріѣхавъ въ Калугу и отдавъ тамъ воеводѣ государеву грамату о патріаршемъ отпускѣ, Ѳедоръ тотчасъ же долженъ былъ идти на подворье къ патріарху и здѣсь сказать ему „отъ государя рѣчь: Божіею милостію великій государь, царъ и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всеа Русіи самодержецъ (слѣдуетъ полный царскій титулъ)... тебѣ святѣйшему Паисію патріарху святаго града Іерусалима велѣлъ поклонитися и велѣлъ тебя о здоровьи спросить: здорово-ли еси дорогою ѣхалъ?—А послѣ того говорить: Божіею мило-

стію великій государь и великій князъ Алексѣй Михаиловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ мнѣ тебя встрѣтити въ Калугѣ, и велѣлъ мнѣ съ тобою ѣхати къ Москвѣ и кормъ тебѣ давати. Да къ тебѣ жъ, святѣйшему патріарху, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всеа Русіи самодержецъ, прислалъ для дорожнаго проѣзда платья: двѣ шубы, одна соболья подъ камкою, другая песцовая подъ тафтою, да сани съ полостью и санникомъ, въ чемъ тебѣ дорогою ѣхать. А изговоря рѣчь, то государево жалованье ему, патріарху, дати, да ѣхати съ патріархомъ и съ архимандритомъ его и со старцы и со всѣми служебники, которые съ ними, къ Москвѣ". Кромѣ того Мякинину наказывалось: „дорогою береженье къ патріарху и къ архимандриту и къ старцомъ и ко всѣмъ служебникомъ держать великое, чтобъ имъ въ дорогѣ ни отъ кого безчестья никакого небыло, и развѣдывать, что и нынѣ онъ, патріархъ, патріаршество іерусалимское держитъ-ли. нѣтъ-ли кого на его мѣсто иного, и для чего онъ къ государю ѣдитъ—для милостыни или для иныхъ какихъ дѣлъ, и есть-ли съ нимъ какой приказъ къ государю ото всѣхъ вселенскихъ патріарховъ?" Сверхъ того Ѳедору Мякинину приказано было распросить про Хмельницкаго и вообще про дѣла малороссійскія и польскія, „а провѣдовати Ѳедору приказано было про то опознався съ нимъ (патріархомъ) гораздо въ разговорѣхъ, а не явно". Въ Калугу съ Мякининымъ послано было для встрѣчи патріарха 10 стрѣльцовъ.

Отъ 25 Января Ѳедоръ Мякининъ доносилъ государю, что 24 Января, въ первомъ часу дня, онъ встрѣтилъ за 50 верстъ отъ Калуги патріарха Паисія, и 25 Января распрашивалъ его по наказу царскому, и патріархъ го-

ворилъ въ распросахъ, что патріаршество іерусалимское держитъ онъ самъ, а въ Москву ѣдитъ онъ „на твоихъ великихъ и преславныхъ государствахъ россійскаго царствія поздравити и благословити, а отъ вселенскихъ патріарховъ къ тебѣ, государю, никакого приказу съ нимъ нѣтъ“. Вмѣстѣ съ этимъ Ѳедоръ Мякининъ, извѣщая царя, что 26 Января патріархъ будетъ ночевать уже подъ Москвою, въ селѣ Семеновскомъ, на подхожемъ стану, спрашивалъ, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ относительно въѣзда въ Москву.

Въѣздъ патріарха въ Москву назначенъ былъ на 27 Января. По указу государя патріарха долженъ былъ встрѣтить за городомъ князь Евѳимій Мышецкій и проводить его до самаго Чудова монастыря, гдѣ Паисію назначено было жить во время пребыванія въ Москвѣ. При встрѣчѣ князю наказано было говорить патріарху: „милостію Божіею и государское имянованье съ полною титлою, а послѣ того править отъ государя патріарху поклонъ и о здоровьи спросити. А послѣ того молвить государское имянованье и что велѣлъ государь его, патріарха, ему, князю, встрѣтить и на дворъ ѣхать, гдѣ ему, патріарху, стоять. А какъ патріархъ пріѣдитъ къ Чудову монастырю, встрѣтить его во святыхъ воротѣхъ чудовскому архимандриту Кириллу со всѣмъ соборомъ въ ризахъ, съ крестомъ и кандилы. И какъ патріарха встрѣтятъ и патріархъ, вземъ у архимандрита крестъ, приложится напередъ ко кресту самъ; потомъ архимандриту и всѣму собору отъ патріарха благословитися, и пойдетъ патріархъ въ соборную церковь архистратига Михаила и ко Алексѣю чудотворцу, и учнетъ прикладываться къ образамъ и къ чудотворцовъ ракѣ и слушать ему литоргіи соборные, и служить архимандриту самому, а съ ними священникомъ и діакономъ, а отъ

церкви патріарху идти въ келью, гдѣ ему велѣно стоять".

Князю Мышецкому данъ былъ затѣмъ наказъ, какъ онъ долженъ былъ вести себя при отправленіи имъ должности пристава при патріархѣ. Наказъ говоритъ: „а князю Евфиму (вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Мякининымъ) къ патріарху береженье держать, и надъ переводчики и надъ дѣтьми боярскими надсматривать, чтобъ патріарху и архимандриту его и старцемъ и всѣмъ его служебникомъ кормъ давати сполна по росписи[1]. А чего патріархъ и въ запросъ попроситъ, и имъ про то сказывать въ Посольскомъ приказѣ, и береженье имъ во всемъ къ патріарху держать великое, и къ нему приходить честно и его чтити потомужъ, какъ и первопрестольника россійскаго государства, святѣйшаго патріарха московскаго. Да и того князю Евѳимію и Ѳедору беречи, чтобъ къ патріарху никто не приходилъ гречанъ и турчанъ и иныхъ никакихъ иноземцовъ, и его людей никого съ монастыря неспущати; а что отъ патріарха

[1] Лично патріарху, во все время пребыванія его въ Москвѣ, велѣно было выдавать на каждый день: «прутъ бѣлые рыбицы, прутъ семжины, да блюдо икры паюсные, на блюдо осетрины, на блюдо бѣлужины, на два блюда пироговъ пряженыхъ, щука колодка, двѣ ухи разныхъ перемѣняясь, калачь крупичатой». Питья лично патріарху выдавалось на день: «кружка меду вишневаго или малиновато, кружка меду боярскаго, кружка квасу медвянаго, полведра меду паточнаго, ведро меду княжего. Да изъ Большого приходу на мелкое: на лукъ, на чеснокъ, на масло, на яйца, на крупы, на соль по 5 алтынъ на день». Всѣмъ лицамъ патріаршей свиты кормы и питья выдавались каждому отдѣльно, причемъ количество ихъ для разныхъ лицъ было различно,—болѣе получали высшія лица свиты и значительно менѣе низшія лица. По особымъ случаямъ, какъ самъ патріархъ, такъ и вся его свита, сверхъ обычной ежедневной дачи, получали еще отъ государя особыя кормы и питья. Такъ, напримѣръ, патріарху и всей его свитѣ «на пріѣздѣ» было послано «государева жалованья въ почесть корму и питья: 3 кружки меду вишневаго, ведро меду обарнаго, ведро меду паточнаго, ведро меду цѣженаго, ведро квасу медвянаго, калачь крупичатой, три калача смѣсныхъ, да людемъ ихъ по калачу, на 18 блюдъ ѣствы добрые».

и отъ митрополитовъ и отъ иныхъ властей московскихъ почнутъ приходить съ кормомъ, — и князю Евфимію и Ѳедору тѣхъ людей съ кормомъ пущати велѣти. А хто иноземцовъ учнетъ къ патріарху проситься, а патріархъ ихъ велитъ къ себѣ пущати, или патріархъ про которыхъ иноземцовъ учнетъ говорити, чтобъ къ нему пущати,—и князю Евфимію о томъ патріарху говорить, что онъ про то скажетъ государевымъ бояромъ и посольскому думному дьяку, а безъ боярскаго вѣдома такихъ людей иноземцовъ пущати онъ не смѣетъ, покамѣста онъ, патріархъ, у государя будетъ. А буде патріархъ спроситъ о лѣтехъ и возрастѣ великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи, и имъ говорить: великій государь нашъ, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи самодержецъ, его царское величество, нынѣ въ совершенномъ возрастѣ — двадцать лѣтъ, и дородствомъ и разумомъ и красотою лица и милосердымъ нравомъ и всѣми благими годностьми всемогущій Богъ украсилъ его, великаго государя нашего, его царское величество, хваламъ достойнаго, паче всѣхъ людей, и ко всѣмъ людемъ, къ подданнымъ своимъ и къ иноземцамъ, его царское величество милостивъ и щедръ, и наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму ученью навыченъ, и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣніе держитъ большое, по своему государскому чину и достоянію. А нынѣ Богъ подаровалъ ему, великому государю нашему, его царскому величеству, сына, а нашего государя благовѣрнаго царевича и великаго князя Димитрія Алексѣевича, и намъ всѣмъ, царскаго величества подданнымъ, радость и веселье веліе!“ А если патріархъ спроситъ: въ какихъ отношеніяхъ государь теперь находится со всѣми окрестными государями, говорить,

что въ дружбѣ. А если патріархъ спроситъ о такихъ дѣлахъ, про которые не сказано въ наказѣ, „то отвѣтъ держати по дѣлу и говорити посольскими рѣчьми учтиво и остерегательно, чтобъ государеву имяни было къ чести“; а если приставу вовсе не слѣдуетъ о чемъ либо говорить патріарху, то въ такихъ случаяхъ онъ долженъ заявлять, что былъ въ дальной службѣ, возвратился недавно и тѣхъ дѣлъ не знаетъ.

27 Января совершился въѣздъ патріарха Паисія въ Москву согласно съ составленнымъ ранѣе церемоніаломъ, а 29 Января приказалъ государь послать къ нему спросить его отъ имени государя о здоровьи и поговорить съ нимъ о дѣлахъ думнаго дьяка Михаила Волошенинова. Послѣдній, пришедши къ патріарху, говорилъ: „Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всеа Россіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, его царское величество, воздаючи честь тебѣ святѣйшему Паисію, патріарху святаго града Іерусалима и всеа Палестины, прислалъ своего царскаго величества думнаго дьяка меня, Михайла Волошенинова, и велѣлъ тебя спросить о твоемъ здоровьи: здорово-ли еси дорогою ѣхалъ, и здѣ во здравіи-ль и во спасеніи пребываешь?“ „И патріархъ говорилъ, что онъ милостію Божіею и великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи, жалованьемъ въ дорогѣ ѣхалъ и здѣ въ Москвѣ живетъ далъ Богъ въ добромъ здоровьи, да и въ Іерусалимѣ де онъ жилъ его государскимъ милостивымъ заступленіемъ и призрѣніемъ“. „И билъ челомъ государю патріархъ, чтобъ государь его пожаловалъ, велѣлъ ему быть у себя, государя, и видѣть свои царскаго величества очи“. Въ то же время патріархъ просилъ Волошенинова, чтобы его изъ Чудова монастыря, гдѣ онъ угараетъ и гдѣ ему со сви-

тою тѣсно, перевели на Кирилловское подворье, что и было исполнено.

„Патріархъ говорилъ разговоромъ: „пріѣхалъ де онъ къ великому государю для того, что въ Іерусалимѣ Гробъ Господень въ великомъ долгу, а оплатиться нечимъ, и онъ де для искупленія Гроба Господня — для милостыни пріѣхалъ бить челомъ государю... И онъ де патріархъ, ѣдучи въ Польской землѣ въ Винницѣ и въ Шарѣ городѣ и въ иныхъ городѣхъ и до Кіева поляковъ крестилъ многихъ (?), и имъ говорилъ, чтобъ они впередъ на православную христіанскую вѣру непосягали. И какъ де онъ, патріархъ, былъ въ Кіевѣ и приказывалъ отъ себя гетману Хмельницкому, что онъ человѣкъ крестьянскіе вѣры, а сложась съ бусурманы, многіе христіанскіе крови пролилъ, а ему де было о томъ мочно сослаться съ царскимъ величествомъ. И гетманъ де писалъ къ нему, патріарху, что ему о помощи писать было неколи, а покамѣсто было имъ о помочи писать, и ляхи-бъ ихъ всѣхъ побили и вѣру искоренили, и онъ де по ссылкѣ съ татары сложася, противъ поляковъ за православную христіанскую вѣру стоялъ. Да гетманъ же Хмельницкій писалъ къ нему патріарху, что онъ ко государю о помочи писалъ, чтобъ онъ, государь, ему, гетману, на поляковъ помощь велѣлъ учинить и войною на нихъ съ своей стороны послалъ и свои городы, которые отъ Московскаго государства къ нимъ, полякамъ, отошли, ихъ поималъ; и онъ де, гетманъ, съ своей стороны, съ войскомъ на поляковъ пойдетъ же и ему государю помогати учнетъ; а толькобы де государь на то изволилъ, что свои государевы городы у поляковъ отымать, и онъ-бы де гетманъ всѣ городы и до Смоленска подъ государеву руку подвелъ, и онъ-де, великій государь, помощи имъ черкасомъ

учинити и городовъ у нихъ взяти неизволилъ. А нынѣ они, гетманъ и все войско запорожское, велѣли ему, патріарху, бить челомъ царскому величеству, чтобы онъ, великій государь, изволилъ войско запорожское держать подъ своею государскою рукою, а они черкасы, будутъ ему, государю, какъ есть каменная стѣна, и чтобъ онъ, государь, имъ помощь учинилъ ратными людьми, а они черкасы, ему государю, впередъ будутъ надобны. И онъ-де патріархъ Хмельницкому говорилъ, чтобъ они всегда искали царскіе милости. И гетманъ говорилъ, что онъ весь въ его государевѣ волѣ; какъ государь велитъ, такъ онъ и дѣлать радъ. И о томъ де у гетмана будетъ сеймъ, а съ сейму пришлетъ ко государю пословъ, а что на сеймѣ приговоритъ и съ какимъ дѣломъ ко государю гетманъ пословъ пришлетъ, того де онъ не вѣдаетъ. Да онъ де, патріархъ, какъ у нихъ черкасовъ былъ, и онъ всю ихъ мысль видалъ, что они подъ государевою рукою быти желаютъ". Заявилъ патріархъ при разспросахъ и слѣдующее: „а то де онъ, патріархъ, слышалъ у Хмельницкаго: какъ они черкасы съ поляки помирятся и имъ, сложась съ крымскими татары, итти многими людьми на турскаго чрезъ волоскую и мутьянскую землю, а волоской и мутьянской будутъ съ нимижъ, а только де волоскому и мутьянскому съ ними на турскаго нейти и имъ самимъ отъ нихъ черкасъ и отъ татаръ опасенье большое, потому что нынѣ у нихъ малолюдно, многіе побиты отъ венеціана и межъ себя междоусобіе".

О себѣ и о дѣлахъ св. Гроба патріархъ заявилъ: „онъ учинился во Іерусалимѣ въ патріарсѣхъ на патріархово на Ѳеофаново мѣсто тому нынѣ 4 года; а какъ онъ нынѣ поѣхалъ изъ Іерусалима, и онъ де приказалъ послѣ себя вѣдать духовныя дѣла виѳліомскому митро-

политу, а мірскія дѣла инымъ своимъ приказнымъ людямъ. А поставляютъ-де іерусалимскихъ патріарховъ вселенскіе патріархи, — буде коли который патріархъ прилучится, а коли патріарха неслучитца, ино іерусалимскіе питріархи поставляемы бываютъ отъ виѳліомскаго митрополита и отъ иныхъ властей".

„А православнымъ христіаномъ ко Гробу Господню приходити повольно, а кому-де у Гроба Господня случитца помолиться и съ нихъ емлютъ турки по 7 ефимковъ съ человѣка. А на Гробъ де Господень благодать св. Духа небеснымъ огнемъ сходитъ по прежнему въ великую субботу: стоитъ-де у Гроба Господня 800 кандилъ, и турки де тѣ кандила всѣ погасятъ въ великую пятницу, а въ великую субботу на вечерни отомкнутъ турки Гробъ Господень, а съ него, патріарха, снимутъ сакъ и коруну, и какъ на вечерни учнутъ пѣти литію и въ то время входитъ патріархъ ко Гробу Господню, а турки тутъ же входятъ и осматриваютъ Гроба Господня—сшелъ-ли на Гробъ Господень огнь съ небеси, и будетъ еще не сшелъ, отъ Гроба Господня выходятъ и ожидаютъ, какъ на Гробъ Господень огнь съ небеси сойдетъ. А какъ огнь съ небеси сойдетъ, и перво-де отъ того огню засвѣтится въ паникадилѣ христіанскомъ, которое стоитъ надъ Гробомъ Господнимъ, свѣча, а потомъ на камени, что на Гробѣ Господни, а потомъ по всему Гробу Господню разсыплется, что краплины, и оттого-де огня онъ, патріархъ, засвѣчаетъ свѣчи и даетъ во весь міръ. И было-де единова, что Софронія патріарха іерусалимскаго, какъ онъ изъ Царягорода пріѣхалъ, турки въ великую субботу не хотѣли пустить въ церковь, а просили у него за то подарковъ большихъ, и онъ имъ въ томъ отказалъ и подарковъ ничего недалъ,—и онъ де то видѣлъ и внѣ церкви, какъ огнь

съ небеси въ церковь на Гробъ Господень сшолъ. Да въ нѣкое де время прилучилось быть армянскому празднику—великому дню вмѣстѣ съ христіанами, и они де дали туркамъ 20,000 ефимковъ, чтобъ имъ отпечатать Гробъ Господень, чтобъ огнь съ небеси сшелъ на Гробъ Господень при нихъ—армянахъ. И какъ де Гробъ Господень отпечатали, и огнь де съ небеси при нихъ на Гробъ Господень не сшелъ, а сшелъ на руки и засвѣтило свѣчи у нѣкоторой инокини, которая прилучилась въ то время въ церкви Воскреснія Христова[1]. И во

[1] Русскіе сильно интересовались небеснымъ іерусалимскимъ огнемъ и его свойствами, хотя относительно послѣдняго очевидцы и разногласили. Такъ, русскій паломникъ Василій Гагара (1634—1637 гг.) говоритъ: «огнь же небесный багровиденъ, а некакъ прочій огнь естественъ отъ земнаго огня. Азъ же, Василій, у митрополита зажегъ въ едину руку двадцать свѣчь и нача браду свою палити тѣмъ огнемъ, и не единъ отъ власъ брады моя погибе и несгорѣ; и азъ грѣшный токмо увѣровалъ, что небесный огнь есть, како не сожгло брады моея отъ огня какова бываетъ отъ естественнаго огня, что многія вещи пожигаетъ; также и въ другорядь и въ третій палилъ браду свою, и никакоже прикоснулся огнь власомъ моимъ. Азъ же, Василій, прощенія просилъ у митрополита въ томъ, что невѣрованіемъ одержимъ былъ, чаяхъ, что греки тотъ огнь составляютъ своимъ умышленіемъ, а не небесный огнь сходитъ съ небеси». (Сказанія русск. народа—Сахарова, т. II, стр. 120). Іона Маленькій, вмѣстѣ съ Арсеніемъ Суховымъ посѣтившій Іерусалимъ (въ 1652 г.) и видѣвшій весь обрядъ при схожденіи небеснаго огня, замѣчаетъ только: «а того не вѣдомо, какъ у него (патріарха Паисія) тѣ свѣщи засвѣтятся: огнь вещественъ, какъ есть огнь». Самъ Арсеній Суховъ, описывая церемонію небеснаго огня, не говоритъ того, какъ онъ появляется и каковы его свойства (Арсеній Суховъ—С. А. Бѣлокурова, т. I, стр. 290). Когда въ 1653 году жившій въ Москвѣ сербскій митрополитъ Михаилъ отправился на поклоненіе св. мѣстамъ, то ему дано было порученіе развѣдать относительно небеснаго іерусалимскаго огня все пообстоятельнѣе. Воротившись въ Москву 16 Сентября 1657 года, Михаилъ далъ такое показаніе о своихъ развѣдкахъ относительно небеснаго іерусалимскаго огня: въ великую субботу передъ вечернею, какъ пришло время идти въ самый Гробъ Господень, намѣстникъ патріаршій (а самаго патріарха не было) и онъ, митрополитъ, ходили около палатки трижды съ незажженными свѣчами. Намѣстникъ вошелъ внутрь Гроба, и хотя давалъ митрополитъ почесть немалую турчину, чтобы ему войти въ Гробъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ, но онъ заказалъ турчанамъ, чтобы опричь его не пускать во Гробъ ни митрополита, ни кого либо иныхъ, и далъ имъ за то почесть большую. Намѣстникъ войдя внутрь Гроба одинъ, затворилъ за собою двери, былъ

Іерусалимѣ-де есть люди десяти разныхъ вѣръ, только де они, православные христіане, съ ними совѣту не имѣютъ и церковь христіанская ихъ непріемлетъ". Кромѣ того патріархъ говорилъ, что въ отсутствіе его изъ Іерусалима во время Пасхи, на вечеріи Свѣтлаго Христова Воскресенія, огнь съ небеси на Гробъ Господень сходитъ таковъ, какъ и при немъ.

О своихъ отношеніяхъ къ другимъ патріархамъ Паисій объявилъ, „а вселенскіе-де три патріарха, александрійской, антіохійской и онъ, іерусалимскій, межъ себя совѣты держатъ, покамѣста и свѣтъ стоитъ, и межъ себя ссылаются, а у цареградскаго-де патріарха съ своими властьми живетъ временемъ смута и почасту ему живетъ перемѣна. А папа-де напередъ сего къ іерусалимскимъ патріархомъ присылывалъ, да какъ отняли у него, папы, Виѳліомъ и съ тѣхъ-де мѣстъ у папы съ ними, патріархи, ссылка перестала". Въ заключеніе патріархъ Паисій предъявилъ привезенную имъ для государя, государыни и всей царской семьи святыню[1].

тамъ полчаса и вынесъ съ собою свѣчи зажженныя, говоря, что онѣ засвѣтились отъ Гроба Господня дѣйствіемъ св. Духа и раздавалъ свѣчи сіи митрополиту, армянскому патріарху и прочимъ людямъ. «И митрополитъ де Михаилъ того огня испытывалъ, и отъ него-де жаръ и палитъ также, какъ и отъ прочего вещественнаго огня»; а какимъ образомъ у намѣстника патріаршаго возжегся огнь у Гроба Господня, онъ невѣдаетъ, потому что его, митрополита, туда непустили, а уже только по выходѣ намѣстника входилъ онъ и прочіе люди для поклоненія (Греч. дѣла 7166 г. № 3).

[1] Патріархъ Паисій привезъ съ собою святыню и подарковъ для государя: «складни—писано Спасовъ образъ, а на другой сторонѣ Богородица съ предвѣчнымъ младенцемъ, а позади Никола чудотворецъ на золотѣ; крестъ рѣзной древянъ со многими праздники; мощи св. Меркурія, мощи св. Пантелеймона, мощи св. Ѳеклы; изъ разныхъ мѣстъ святая земля: отъ святаго Виѳліема, гдѣ Христосъ родился, земля отъ Іордана рѣки, отъ горы, гдѣ постился Христосъ 40 дней, отъ святыя Голгоѳы, отъ св. Гроба Господня; чертежъ святаго града Іерусалима со всѣми святыми мѣсты; свѣчи—святаго огня схожденіе; поясы—мѣра св. Гроба; святая вода изъ Іордана рѣки; ладанъ росной, четки отъ святыхъ мѣстъ неранжевые; водка свероборинная, водка неранжевая; бархатъ веницейской цвѣтной

4 Февраля государь назначилъ быть у себя іерусалимскому патріарху Паисію со свитою, да изъ Іерусалима же монастыря св. Саввы Освященнаго архимандриту Неофиту, да Македонскія земли Никольскаго монастыря архимандриту Гавріилу.

Представленіе патріарха государю совершилось по опредѣленному, ранѣе составленному церемоніалу. Государь ожидалъ пришествія Паисія въ золотой палатѣ на своемъ царскомъ мѣстѣ въ царскомъ платьѣ, діадимѣ со скипетромъ въ рукахъ, а около него бояре, окольничіе и дворяне большіе были въ золотномъ платьѣ. Въ проходной палатѣ дворяне и дьяки изъ различныхъ приказовъ были также въ золотномъ и цвѣтномъ платьѣ равно какъ и дворяне и дѣти боярскіе и подъячіе всѣхъ приказовъ, стоявшіе по крыльцу до благовѣщенской паперти. А у собора Благовѣщенія стрѣльцы трехъ приказовъ въ чистомъ платьѣ стояли въ кремлѣ безъ ружья—отъ благовѣщенской паперти до соборной церкви Успенія Богородицы и по мосту до Кирилловскаго подворья и святыхъ воротъ, гдѣ надлежало идти патріарху. Когда патріархъ входилъ на крыльцо, то, по государеву указу, его вышли встрѣтить, изъ проходной палаты противъ средней лѣстницы, окольничій князь Василій Ахамашуковъ—Черкасскій и дьякъ Мина Грязевъ, а при входѣ патріарха въ царскую палату, явилъ патріарха государю окольничій князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій. Государь вставъ встрѣтилъ патріарха отъ мѣста съ полсажени, и благословилъ патріархъ государя, причемъ патріархъ поцѣловалъ

серебряной; два полотенца шиты золотомъ волоченымъ; сорочка тонкая турская; полотенцо большое; масло отъ Іерихона града лечебное; мыла большіе; сахару леденцу двѣ коробки; два вѣнчика венецейскихъ». Государынѣ и членамъ царской семьи патріархъ также привезъ отъ святыхъ мѣстъ воду, землю, свѣчи, а затѣмъ мыла, атласы и т. под.

государеву руку, а государь спросилъ патріарха о спасеніи. Послѣ этаго патріархъ сказалъ государю слѣдующую рѣчь:

„Благочестивому, православному, Богомъ вѣнчанному, державному, милостію Божіею великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу, всеа Русіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, смиреніе наше молитъ вседержителя Бога и святаго и живодавцова Гроба Господа нашего Іисуса Христа, да подасти вашему царскому величеству здравіе, благоденствіе, умноженіе на всякое благое, державу и побѣду на враговъ видимыхъ и невидимыхъ, душевное спасеніе и тѣлесное здравіе въ безконечные вѣки аминь.

„Слышачи малъ и великъ достохвальное имя мудрости и великолѣпіе и добродѣяніе, аще и юнъ сый въ возрастѣ своемъ царь Соломонъ, но велію благодать дарова ему Царь царей и Господь, восприбѣгали ото всего свѣту съ великою радостію и желаніемъ видѣти и воспріяти преевѣтлое лице его и слышати гласа его, и то имѣли великое дарованіе себѣ. Такожде благочестивый, христіанскій Богомъ почтенный царю и самодержцу Московскій и всеа Руси, государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, слыша и мы, богомольцы ваши, преславное и похвальное имя, добродѣтельное, разумное и Богомъ дарованное, имъ же никтоже не украшенъ, токмо святое ваше царствіе бысть, и сего ради мы неустрашилися путныхъ трудовъ, не побоялись погибели морскіе, разбойниковъ, ни воинскихъ людей, но пріѣхали есми съ великою радостію получити (видѣти?) Богомъ почтенное лице державнаго вашего царствія въ юнѣ возрастѣ, а въ старости смышленаго разума, аки Соломонъ отъ святости подорованъ. Хри-

стіанскій царю! ино вамъ даровалъ великодарный Господь толикой даръ милости и благословити васъ, якожъ и преже мене блаженные патріарси бывшихъ благочестивыхъ царей и самодержцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ превысочайшаго вашего царствія, благословили. Пресвятая Троица — Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, едино царство и господство, благословитъ державное ваше царствіе, да умножитъ васъ превыше всѣхъ царей и покажетъ васъ побѣдителемъ и одолѣтелемъ на сопротивныхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, якоже и древнихъ и новыхъ царей—царя Давида, царя Езекія и великаго царя Константина, да утвердитъ васъ и умножитъ лѣта во глубинѣ старости, благополучно сподобитъ васъ воспріяти вамъ превысочайшій престолъ великаго царя Константина, прадѣда вашего, да освободишь народъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ отъ нечестивыхъ рукъ, отъ лютыхъ звѣрей, что поѣдаютъ немилостиво; да будеши новый Моисей, да освободиши насъ отъ плѣненія, якоже онъ освободилъ сыновъ израилевыхъ отъ фараонскихъ рукъ жезломъ, знаменіемъ честнаго животворящаго креста. Якоже соблюлъ Господь невредимо трехъ отроковъ отъ пещи огненной и пророка Даніила отъ лютыхъ львовъ, такоже соблюдетъ и святое ваше царствіе отъ всякаго зла и ото всякаго видимаго и невидимаго врага, да подастъ вамъ всякое благое небесное и земное, и потомъ во глубокой старости сподобитъ васъ святому его царствію и въ ликъ благочестивыхъ и православныхъ царей праотцевъ вашихъ, якоже и великаго царя Константина, что онъ бысть первый сорудитель и освободилъ святый и живодавный Гробъ Господа нашего Іисуса Христа нетокмо супротивныхъ православные христіанскіе вѣры, и еще отъ ненавистниковъ и еретиковъ и агарянъ, и сего

ради нарекся отъ святыхъ отецъ равноапостоломъ. О семъ молимъ державной силѣ Господней, такожъ и великое ваше царствіе, воспомянеши и призриши прежнихъ дѣяній, и какъ нынѣ пребываетъ сія святая наша церковь, мати всѣмъ церквамъ, изобижена и попираема отъ безбожныхъ насильниковъ агарянъ и супротивныхъ еретиковъ, для своей славы, и сего ради великое ваше царствіе покажеши и объявиши милость и помощь къ сей божественной нашей церкви, получиши и будеши имѣти такоеже имя равноапостоломъ царя Константина".

Послѣ рѣчи окольничій князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій явилъ государю отъ патріарха святыню, перечисленную нами выше. Государь приказалъ принять сіи священные дары казеннымъ дьякамъ, а патріарха пригласилъ сѣсть на лавкѣ на правой сторонѣ отъ себя межъ оконъ. Затѣмъ явлено было патріарху государево жалованье чрезъ того же окольничего Волконскаго: „кубокъ серебрянъ золоченъ, бархатъ чернъ, бархатъ вишневъ рытой, атласъ гвоздиченъ, атласъ таусикъ, камка зелена, камка вишнева, два сорока соболей, денегъ 200 рублей", а всего патріарху дано на 426 рублей[1]. Когда патріархъ пошелъ изъ царской палаты, государь провожалъ его до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣтилъ, а бояре и окольничіе и думные люди провожали патріарха изъ палаты въ сѣни до дверей, что на красное крыльцо и у патріарха благословлялись всѣ; а встрѣчники провожали до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали.

Отъ себя государь указалъ идти патріарху въ соборную церковь Успенія Богородицы къ святѣйшему Іосифу, патріарху московскому и всея Россіи. Патріархъ

[1] На наши деньги нѣсколько болѣе шести тысячъ.

Іосифъ въ то время готовился къ служенію въ соборѣ и уже былъ во всемъ святительскомъ облаченіи на устроенномъ мѣстѣ, какъ чинъ ведется въ службѣ; а отъ патріарха къ амвону по обѣ стороны стояли митрополиты, архіепископы и епископы въ святительскихъ облаченіяхъ. Архимандриты, игумены, протопопы, попы и дьяконы были въ саженыхъ ризахъ. Патріархъ іерусалимскій, пришедъ въ соборъ, прикладывался къ образамъ и чудотворцевымъ гробамъ и, обойдя всю церковь, дошелъ до ризы Господней, къ которой и приложился, а затѣмъ подошелъ къ Іосифу патріарху, который встрѣтилъ его сшедъ съ своего мѣста на сажень, и межъ собою во Христѣ цѣловались. Іосифъ спрашивалъ іерусалимскаго патріарха о здоровьи, молвивъ: „святѣйшій патріархъ Паисій святаго града Іврусалима и всеа Палестины во здравіе-ли и во спасеніе пребываешь“? Послѣ сего ходили къ іерусалимскому патріарху принять благословеніе митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, протопопы и попы, которые съ патріархомъ Іосифомъ въ соборной церкви къ службѣ были готовы. Пѣвчіе были государевой большой станицы. Паисію приготовлено было особое мѣсто: по правую сторону задняго столпа положены были коверъ и орлецъ. Когда начали служить обѣдню, патріархъ Паисій „говорилъ переводчику Ивану Боярчикову, что онъ, патріархъ, той же православной христіанской вѣры и чтобъ ему въ литургію стояти въ олтарѣ и службы посмотрити“. Объ этомъ желаніи Паисія доложили Іосифу патріарху. „И по выходѣ съ евангеліемъ Іосифъ патріархъ выслалъ изъ алтаря по іерусалимскаго патріарха дьяконовъ и поддьяконовъ, а велѣлъ іерусалимскаго патріарха взяти къ себѣ въ алтарь царскими дверьми, а во алтарѣ построено ему мѣсто у царскихъ

дверей отъ алтаря съ правой стороны, и на томъ мѣстѣ іерусалимскій патріархъ стоялъ во всю обѣдню на орлецѣ". Послѣ обѣдни Паисій опять прикладывался къ образамъ, къ ризѣ Господней, къ чудотворцевымъ гробамъ и, простясь со святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ, пошелъ изъ церкви къ себѣ, а провожали его до саней патріаршій бояринъ Василій Ѳедоровичъ Яновъ, да дьякъ, да пречистенскій (соборный) ключарь.

22 Февраля, вслѣдствіе просьбы патріарха Паисія, государь велѣлъ его отпустить со всею его свитою въ Троицкій Сергіевъ монастырь помолиться. У Троицы царь указалъ сдѣлать Паисію такую же встрѣчу, какую обыкновенно оказываютъ тамъ московскимъ патріархамъ т. е. „архимандритъ, попы и дьяконы, говоритъ царскій наказъ, былибъ въ саженыхъ ризахъ и пѣлибъ вечерню и всенощное, учиня которому святому празднество, и почесть бы патріарху учинили противъ прежняго іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, также и архимандритомъ, и старцомъ и всѣмъ служебникомъ, которые съ нимъ, патріархомъ, будутъ, любовь и пріятельство показали; а на завтреебъ учинити на патріарха столъ большой и ѣству велѣти ставить на серебряныхъ блюдахъ, а питье въ кубкахъ и братинахъ серебряныхъ, чтобъ имъ во всемъ оказаться довольствомъ стола". Кромѣ того царскій наказъ повелѣваетъ троицкимъ властямъ одѣлить патріарха и всю его свиту дарами, какіе даны были прежде патріарху Ѳеофану.

Предъ наступленіемъ великаго поста патріархъ Паисій прислалъ въ Посольскій Приказъ листъ, въ которомъ, разсуждая о важности поста, желаетъ Государю провести его „здраво и радостно и невредимо" и „соверша чисто сей святый путь, потомъ видѣти свѣтъ Святаго Воскресенія". Въ концѣ своего разсуж-

денія патріархъ пишетъ и слѣдующее: „еще пребываючи азъ при вашей милости въ прошлые дни, говорилъ есми со преподобнымъ архимандритомъ спасскимъ Никономъ, и полюбилась мнѣ бесѣда его; и онъ есть мужъ благоговѣйный и досужъ и вѣрный царствія вашего; прошу да будетъ имѣти повольно приходити къ намъ бесѣдовати подосугу, безъ запрещенія великаго вашего царствія". Послѣ поставленія архимандрита Никона въ новгородскіе митрополиты, Паисій снова прислалъ въ Посольскій приказъ письмо, въ которомъ восхвалялъ государя за такой удачный выборъ. „Похваляемъ благодать, пишетъ Паисій царю, что просвѣти васъ Духъ Святый и избрали есте такого честнаго мужа, преподобнаго инокосвященника и архимандрита господина Никона, и возведе его великое ваше царствіе на святый престолъ святые митрополіи Новгородскіе, и онъ есть достоинъ утверждати церковь Христову и пасти словесныя овца Христова, якоже глаголетъ апостолъ: таковъ намъ подобаше архіерей, и будетъ молити Бога о многолѣтномъ здравіи великое ваше царствіе". Въ заключеніе Паисій выражаетъ желаніе, если позволитъ государь, подарить Никону одну мантію отъ святыхъ мѣстъ.

Не съ однимъ только Никономъ велъ бесѣды Паисій по разнымъ церковнымъ вопросамъ, но и съ самимъ государемъ, а также и съ патріархомъ Іосифомъ онъ „учинилъ соглашеніе". Въ письмѣ отъ 15 Февраля Паисій пишетъ государю: „Относительно святой четыредесятницы царствіе твое изволило послать своего боярина спросить насъ, чтобы мы относительно ея учинили соглашеніе со святѣйшимъ патріархомъ, братомъ и сослужителемъ; и я сказалъ, что въ продолженіе всего года должна совершаться божественная литургія въ два

часа, а въ святую и великую четыредесятницу, которой научилъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, должно поститься до отпуста вечерни, такъ какъ она есть одесятствованіе всего года, дабы исповѣдывались христіане для заглажденія грѣховъ и очищенія душъ, если что они содѣяли во весь годъ. И, какъ говорятъ божественные законы и уставъ, мы не должны ни прибавлять, ни исключать что либо изъ установленій св. апостоловъ и св. отцевъ. Я же, долгоденствующій царь, сказалъ твоему боярину, чтобы было такъ, какъ рѣшено тобой, ибо въ праздникъ святаго я спросилъ твое царствіе о литургіи, и ты приказалъ, какъ пишетъ уставъ. И мы его неуклонно держимся, а новшества отвергаемъ; и святую четыредесятницу мы должны соблюдать по мѣрѣ силъ. Если народы, не имѣющіе закона, дѣлаютъ законное, то тѣмъ болѣе мы, православные, должны дѣлать это. И я, услышавъ царское твое слово, что указалъ слѣдовать уставу, очень возрадовался; и по этому-то я и сказалъ: какъ твое изволеніе, такъ-какъ мы должны содержать не иное что, какъ то, чему научили насъ св. апостолы и что узаконили соборы св. отцевъ.

2 Марта патріархъ Паисій прислалъ въ Посольскій приказъ грамату къ государю, въ которой писалъ: „съ надеждой помыслилъ писати державному вашему царствію, благочестивый царю, яко ты еси похвала и слава всѣмъ благочестивымъ христіанамъ всего свѣта, и славу благочестиваго великаго вашего царствія имѣемъ якоже солнце освѣщающее весь міръ своими лучами. Единый человѣкъ, многолѣтный царю, да воспроситъ единый даръ отъ Бога съ молитвою, со слезами и съ моленіемъ, и то есть возможно воспріяти прошеніе его; такоже и азъ восприбѣгаю къ милости

и милосердію великаго вашего царствія: мочь имѣете освободити сію святую великую церковь, что погибаетъ отъ еретиковъ и по вся дни поборающе дарами ко агаряномъ, для взятія святыхъ поклонныхъ мѣстъ отъ нашихъ рукъ; а мы труждаемся день и ночь, да небудетъ посрамленія православнымъ христіаномъ. Сего ради молимъ державному великому вашему царствію, да неотбудетъ великая ваша милость отъ тѣхъ святыхъ и богостепенныхъ мѣстъ, да тутъ бысть спасеніе наше: тутъ прорекоша пророцы воплощеніе Христа Бога нашего, ту во всякомъ Виѳлеемѣ родися и во Іордани крестися и на Елеонской горѣ вознесеся, и въ сей божественной церкви распяся и погребенъ и воскресе, и туже паки пріидетъ вторый и страшный Его судъ и воздаяніе всякое по дѣламъ его, и ту будетъ воспріяти благая своя. Воспомяни великое ваше царствіе великаго царя Константина и его матерь св. Елену, что они соорудиста св. Гробъ и св. Виѳлеемъ и всѣ поклоняемыя святыя мѣста и монастыри, и нынѣ, во времяни вашего великаго царствія, да освободите св. Гробъ и церковь Христову, да наречешися и будешь воспомяненъ новый царь Константинъ, да услышишь и сподобишися гласа Господня: пріидите благословеніи Отца моего! да возмогу и азъ ѣхати къ престолу моему на упокой и буду молити Бога день и нощь о здравіи и о спасеніи царствія вашего. Еще молимъ и о семъ: аще будетъ произволеніе великаго вашего царствія, да повелите святымъ архіереемъ и святымъ монастыремъ и пресвѣтлымъ вельможамъ, да воспомянути св. Гробу, понеже великое ваше царствіе речетъ—и бысть, да будете имѣти славу и похвалу отъ всего міра».

Обращался патріархъ съ просьбою о милостынѣ и къ членамъ царской семьи. Царицѣ Паисій писалъ:

„покажи милость свою... какъ вамъ Богъ извѣститъ— ризами или церковными сосуды по вашему произволенію". Царевнѣ Иринѣ Михаиловнѣ патріархъ предлагалъ на выборъ одарить его „ризами или иконами, или сосуды церковными, какъ вамъ Богъ извѣститъ". Царевну Анну Михаиловну просилъ пожертвовать „хотя ризы ерейскіе или архіерейскіе, или инымъ, и сосуды церковными, какъ вамъ Богъ извѣститъ". Иконъ, ризъ и сосудовъ церковныхъ просилъ Паисій и у царевны Татьяны Михаиловны.

Послѣ Пасхи патріархъ Паисій прислалъ въ Посольскій приказъ челобитную государю о своемъ отпускѣ въ Іерусалимъ: „потому что, писалъ онъ, еретики тѣхъ мѣстъ насъ ненавидятъ и неперестанутъ нечестивые тѣхъ нашихъ св. мѣстъ обижать повседневно, потому что нынѣ имъ непомѣшка во всемъ [изобижати тѣхъ нашихъ святыхъ мѣстъ для того, что я оттоды давно отъѣхалъ, и того для нынѣ имъ во всемъ пространно стало изобижать тѣхъ нашихъ св. мѣстъ... Только для утѣсненія и долгу и обидъ и налогъ еретическихъ, яко выше сего писано, поспѣшаю ѣхати". Вслѣдствіе этой челобитной указомъ 5 Мая государь приказалъ быть у него на другой день патріарху Паисію на отпускѣ, который и состоялся 6 Мая. Государь принималъ патріарха въ золотой палатѣ со скипетромъ въ рукахъ, въ діадимѣ и царскомъ платьѣ, при той же обстановкѣ и при соблюденіи тѣхъ церемоній, какія были и при пріемѣ патріарха „на пріѣздѣ". Думный дьякъ Михаилъ Волошениновъ отъ имени государя говорилъ между прочимъ: „а яже о насиліи святымъ мѣстомъ отъ безбожныхъ турокъ содѣваемая, и сіе съ болѣзнію душа и сердца нашего слышимъ, но воли Божіей противитися никто же можетъ, той бо вѣсть, яже

ко спасенію нашему устрояти. Обаче же непрестанно попеченіе о семъ имѣемъ, чтобъ Господь Богъ свой праведный гнѣвъ отвратилъ и св. Гробъ, о немъ же и святый градъ Іерусалимъ, возвратилъ въ руцѣ благочестивыхъ царей, еже и уповаемъ на щедроты Его, яко, по наказаніи, восхощетъ паки помиловати люди своя, и очи наши возведетъ на первообразное. А нынѣ мы великій государь, по вашему прошенію, тебя, святѣйшаго патріарха Паисія, отпускаемъ во святой градъ Іерусалимъ. А мы, великій государь, васъ, отцовъ и богомольцевъ нашихъ, въ забвеніи не учинимъ, и нашимъ царскимъ жалованьемъ милостыню, ажъ дастъ Богъ, впередъ неоставимъ". Затѣмъ дьякъ объявилъ патріарху государево жалованье „на милостыну и на искупленіе святому животворящему Гробу Господню собольми на 4000 рублей". Лично же самому патріарху Паисію на отпускѣ дано было государемъ разныхъ подарковъ столькоже, сколько и на пріѣздъ т. е. на 427 рублей, Кромѣ того „Паисѣю же патріарху дано въ трехъ столехъ, какъ былъ у государя и великъ день и на ево государевы и на царицыны имянины, на 274 рубли, на 20 алтынъ, 3 деньги".

Какъ мы видѣли, еще 29 Января патріархъ Паисій заявилъ въ Посольскомъ приказѣ, что гетманъ Хмельницкій и все войско казацкое уполномочили его просить государя, чтобы онъ оказалъ имъ помощь войскомъ въ борьбѣ съ поляками и чтобы принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Когда 6 мая Паисій былъ на прощальной аудіенціи у государя, онъ, вышедъ изъ царской палаты, послалъ пристава князя Мышецкаго просить государя, чтобы государь прислалъ къ нему своего боярина, которому онъ объявитъ „государево тайное великое дѣло". Государь выслалъ къ Паисію боярина

дворецкаго Алексѣя Михайловича Львова и думнаго дьяка Михаила Волошенинова. Паисій заявилъ посланнымъ, чтобъ ему объявлено было рѣшеніе, относительно привезеннаго имъ предложенія о казакахъ. 9 Мая Львовъ и Волошениновъ были у патріарха Паисія и говорили ему, что они доносили дѣло государю и тотъ указалъ имъ передать патріарху, „что его царскому величеству своихъ государевыхъ ратныхъ людей на помочь войску запорожскому завѣчнымъ докончаньемъ дати и войска запорожскаго съ землями въ царскаго величества сторону принять нельзя, и вѣчнаго докончанья никакими мѣрами нарушить немочно. А будетъ гетманъ Хмельницкій и все запорожское войско своею мочью у короля и у пановъ рады учинятца свободны, и похотятъ быти въ подданствѣ за великимъ государемъ нашимъ, за его царскимъ величествомъ, безъ нарушенья вѣчнаго докончанья, и великій государь нашъ, его царское величество, его, гетмана, и все войско запорожское пожалуетъ, подъ свою царскаго величества высокую руку принять велитъ“.—„И патріархъ говорилъ: прото-де, что у царскаго величества съ короли польскими и великими князи литовскими и съ Польшею и Литвою вѣчное докончанье ему, патріарху, было не вѣдомо; а коли-де межь обоими великими государи и ихъ великими государствы вѣчное докончанье, и онъ де, патріархъ, и самъ то знаетъ, что ему великому христіанскому государю, его царскому величеству, того вѣчнаго утвержденья по дѣлу нарушить не мочно, а надобно остерегати. А казаки де запорожскіе люди простые, говорятъ незнаючи ничего“. „И патріарху говорено: а будетъ черкасомъ за православную христіанскую вѣру учинитца тѣснота и гоненіе, а пойдутъ они за царскаго величества сторону, и великій государь

нашъ, его царское величество, для православные христіанскіе вѣры, ихъ пожалуетъ, велитъ принять безъ земель, потому что послѣ вѣчнаго докончанья съ обѣ стороны переходить повольно".—„И патріархъ на государевѣ жалованьи билъ челомъ, что де царское величество пожаловалъ, велѣлъ ему о вѣчномъ докончаньи объявить, и онъ на государевѣ жалованьи бьетъ челомъ, и какъ будетъ въ войскѣ запорожскомъ и онъ имъ про то скажетъ".

21 Мая патріархъ Паисій прислалъ въ Посольскій приказъ грамату къ государю, въ которой извѣщаетъ, что пріѣхалъ къ нему, патріарху, старецъ изъ Іерусалима, который привезъ къ нему письмо о томъ, какія смуты происходятъ на христіанскомъ востокѣ отъ еретиковъ, таже и о долгахъ іерусалимскихъ, причемъ патріархъ писалъ между прочимъ: „аще владыко нашъ вопросишъ о царьградскихъ вѣстяхъ и о турскомъ салтанѣ, и онъ есть въ юне возрастѣ и будетъ великая побѣда во днехъ его, потому что на великій ихъ байрамъ ѣздилъ молитца ко святѣй Софѣи, и пришедъ нѣкіе христіане, предъ нимъ сняли шапки и кинули,— невозмогли терпѣть обидъ великихъ и налогъ, что творятъ надъ ними, и говорили: побосурманите де насъ! И такъ испужалась лошать подъ салтаномъ, и упала съ него чалма и съ перомъ, и всѣ турки тому удивилися и возопили: Боже, Боже! и рекли, что царству турецкому вскорѣ погибнуть. Еще и слыша про московскаго царя, зѣло страшны пребываютъ: чаютъ про казаковъ, что они дѣлаютъ царскимъ повелѣніемъ вся сія....".

27 Мая патріархъ Паисій былъ на прощаньи у государя въ селѣ Покровскомъ, причемъ государь пожаловалъ велѣлъ дать патріарху своего государева жало-

ванья—соболей на 300 рублей, да отъ государыни ему дано было соболей на 300 рублей, да отъ царевенъ соболей на 400 рублей.

10 Іюня патріархъ Паисій выѣхалъ изъ Москвы въ сопровожденіи пристава Ивана Юрьевича, причемъ на дорогу до рубежа ему велѣно было дать на кормъ деньгами 50 рублей, да множество всевозможныхъ припасовъ—рыбы, хлѣбовъ, питій. Всѣ его спутники получили также на дорогу деньги, кормы и питья, и подобно патріарху, казенныя подводы до рубежа. Вмѣстѣ съ Паисіемъ отправились изъ Москвы во Іерусалимъ и русскіе люди: извѣстный Арсеній Сухановъ, Троицко-Сергіева монастыря черный діаконъ Іона Маленькій, Чудова монастыря черный попъ Лукьянъ и клирики: Евфимій, Паѳомій, Акила Босой и подъячій Васька Кудринъ.

Съ перваго же стана отъ Москвы патріархъ Паисій прислалъ государю грамату въ которой пишетъ: „существовалъ древній обычай у іерусалимскихъ патріарховъ, чтобы когда божественный промыслъ хотѣлъ и бывало Божіе вѣнчаніе (на царство) православнѣйшаго царя, (разумѣется Константинопольскаго), считалъ за нужное и обрѣтавшійся тогда Іерусалимскій патріархъ пойти для поклоненія новому царю, для молитвъ за него и для благословенія его. А такъ какъ божественному промыслу и Божіей премудрости, по благодати пресущественной, животворящей и нераздѣльной Троицы, угодно было отъ имени Бога вѣнчать благочестивѣйшаго, могущественнѣйшаго, православнѣйшаго великаго государя, царя и великаго князя, господина Алексѣя Михаиловича, сына по духу вожделѣннѣйшаго нашего смиренія и самодержца всей Россіи,—то по внушенію св. Духа удостоился и я, богомолецъ великаго,

святаго и могущественнаго его царствія, придти и поклониться новому царю и благословивши его и помоливпись, какъ надлежало, за него и за всю палату и воинство его. И онъ явилъ милость и принялъ и весьма почтилъ меня и явился новымъ ктиторомъ, подобно великому между государями Константину, помощникомъ и милостивымъ защитникомъ святѣйшей великой церкви святаго и живодавнаго Гроба". Въ заключеніе патріархъ посылаетъ свои пожеланія царю и всей царской семьѣ здравія, благополучія и т. п.

По прибытіи въ Путивль патріархъ Паисій прислалъ государю (отъ 1-го Іюля) грамату, въ которой сообщаетъ нѣкоторыя цареградскія вѣсти, полученныя имъ отъ одного полоняника, о ходѣ борьбы между казаками и поляками, заявляетъ, что „откуды ни поѣду и что ни услышу, буду писати къ царствію вашему", что онъ готовъ вообще на всякую службу государю, и за тѣмъ въ особой припискѣ пишетъ слѣдующее: „еще буди вѣдомо благочестивый царь, про Арсенія, который остался въ царствіи вашемъ, да распросите его добрѣ, понеже онъ неутвержденъ въ вѣрѣ своей благочестивой христіанской, а онъ былъ прежде инокъ и священникъ, и, шедъ, бысть бусурманъ; и потомъ бѣжалъ къ ляхамъ и бысть у нихъ учинился уніатомъ, и имѣетъ всякое злое на себѣ бездѣліе, и распросите его добрѣ и будете обрѣсти вся. А тѣ старцы, которые пришли отъ гетмана, мнѣ все сказали подробну, и велите распросить великое ваше царствіе, што мнѣ тѣ старцы расказывали и люди Матвѣя воеводы (волошскаго): есть-ли будетъ такъ или нѣтъ потому, что я писалъ къ патріарху господину Іосифу, брату и сослужителю. Утишите притчю ту лучши, что онъ самъ есть, штобъ небыло развратa церковнаго, и паки азъ буду

провѣдати подлинно и буду писать къ великому вашему царствію, понеже есми долженъ что ни услышу, то извѣщати и писати, потому что не подобаетъ въ нивѣ терну пребывати, чтобъ ненаполнилась нива вся терніемъ, и надобно отженуть такожде и тѣхъ, которые имѣютъ ересь и есть двоеличны въ вѣрѣ. Я его обрѣлъ въ Кіевѣ, и зная онъ (Арсеній) тотъ (русскій) языкъ, говорилъ съ полковникомъ (т. е. былъ переводчикомъ между патріархомъ и сопровождавшимъ его гетманскимъ полковникомъ) и я взялъ его, а онъ не мой старецъ, какъ есми сказалъ я приставу. О беззаконіи, что имѣете, я невѣдалъ, а нынѣ есми провѣдалъ и пишу къ великому вашему царствію, да будете соблюдатися отъ таковыхъ человѣкъ, чтобы не осквернялн церквей Христовыхъ такіе поганые и злые люди". Арсеній грекъ, на котораго доносилъ патріархъ Паисій, явился въ Москву въ свитѣ Паисія какъ его дидаскалъ, съ согласія Паисія былъ оставленъ въ Москвѣ въ качествѣ учителя реторики, но вслѣдствіе приведеннаго доноса патріарха, былъ подвергнуть допросу, подтвердившему справедливость извѣта, почему грекъ Арсеній и сосланъ былъ на Соловки подъ крѣпкое начало, а впослѣдствіи взятъ былъ Никономъ и сдѣланъ имъ книжнымъ справщикомъ [1].

Изъ Путивля Паисій прислалъ грамату и государынѣ, въ которой писалъ: „для храма живодавнаго Гроба твое царствіе явилась новой ктиториссой, благодаря великой твоей милости и священнымъ сосудамъ, подареннымъ тобой, чѣмъ ты явила знакъ великаго благочестія подобно боговѣнчанной царицѣ святой Еленѣ. О еслибы Господь нашъ Іисусъ Христосъ, подобно тому, какъ

[1] См. нашу статью: «Слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ грекѣ», Чтен. общ. любит. дух. просв. 1881 г. Іюнь.

ты всѣмъ средцемъ и душей пожаловала и облагодѣтельствовала великую церковь іерусалимскую, и тебя Онъ удостоилъ отъ росы небесной свыше и земныхъ плодовъ, а ты увидѣла въ плодѣ чрева своего государя боговѣнчаннаго на престолѣ великаго царя Константина, чтобы возликовало твое сердце, какъ у св. Елены. И да удостоитъ тебя Богъ, чтобы ты всегда жаловала и заступала живодавный Гробъ Христа. Много нуждается эта церковь въ твоемъ царствіи и да благословитъ тебя Богъ укрѣпить ее, подобно св. Еленѣ, которая воздвигла его изъ основанія. Еще объ одномъ прошу твое царствіе между многими прочими милостями, а именно: приготовить одинъ покровъ для святаго и живодавнаго Гроба, чтобы и эта милость была съ другими для вѣчной памяти о тебѣ. А священные покровы, посланные тобой намъ, мы получили въ г. Сѣвскѣ. Такъ какъ любовь и готовность твоя никогда не убываютъ по отношенію къ святымъ мѣстамъ, то мы возблагодарили и помолились Богу о долгоденствіи твоей жизни".

Прислалъ патріархъ Паисій грамоту изъ Путивля и думному дьяку Михаилу Волошенинову съ доносомъ на переводчика Посольскаго приказа Ивана Боярчикова. Паисій между прочимъ писалъ: „удивляюся сему тому проклятому переводчику Ивану—дьяволъ и измѣнникъ есть многолѣтнаго нашего царя, чтобъ хлѣбъ его убилъ, что онъ ѣстъ! И ходя оглашаетъ и говоритъ изъ устъ своихъ нечистыхъ—отъ патріарховъ не прощенный,—и тайныхъ дѣлъ царскихъ нехранитъ, яже ходитъ по рядомъ съ единомышленными ворами, которыхъ онъ любитъ, и словеса имъ сказываетъ, что онъ хочетъ. Коли то бывало предъ и нынѣ, что тайна царева бысть явственна въ міру! И той есть не человѣкъ, но сатана и дьяволъ!" Въ объясненіе этого энергическаго доноса

Боярчиковъ заявилъ, что патріархъ Паисій еще въ Москвѣ былъ сердитъ на него по слѣдующему обстоятельству: Патріархъ, будучи на Москвѣ, билъ челомъ за кормовыхъ московскихъ гречанъ, которые постоянно ходили къ нему, чтобъ ихъ поверстали помѣстьями, и то дѣло несостоялось, хотя послѣ, по патріархову челобитью, этимъ гречанамъ прибавили поденнаго корму. Причину неудачи перваго челобитья гречане видѣли и указывали патріарху въ Боярчиковѣ, почему „патріархъ въ Москвѣ на него шумѣлъ“ и не велѣлъ было вовсе ходить къ нему, но потомъ простилъ его, взялъ къ себѣ въ провожатые до Путивля, гдѣ даже далъ ему, за своею рукою, прощальную грамоту. Кромѣ то Боярчиковъ заявилъ: „пріѣзжаютъ де къ Москвѣ многіе гречане бѣльцы, а надѣваютъ на себя чернеческое платье и привозятъ съ собою о милостынѣ отъ патріарховъ ложныя грамоты, а не за прямыми печатьми. И онъ де, Иванъ, узнавъ ихъ воровство, прежь сего сказывалъ про то думнымъ дьякомъ Григорію Львову и Назарью Чистого и тѣ де гречане за то на него, Ивана, рьятца, и оглашаютъ его патріарху всякимъ дурномъ“. Но всѣ старанія Боярчикова оправдать себя были напрасны, онъ долженъ былъ отправиться въ ссылку.

12 Іюля патріархъ Паисій прибылъ въ Кіевъ, откуда прислалъ грамоту государю. Въ ней онъ писалъ: „Мы, долгоденствующій мой царь и самодержецъ... пишемъ. согласно своему обѣщанію, твоему великому царствію, чтобы ты обо всемъ узналъ и находился въ вѣдѣніи относительно казаковъ и ляховъ. Въ день св. Владиміра взялъ насъ митрополитъ въ св. Софію и угощалъ насъ со всѣми начальниками и полковниками. Въ тотъ день пришли отъ гетмана семь человѣкъ съ грамотами гетмана о томъ, чтобы послать порохъ и ядра и свинецъ

для войска, и было послано 12 бочекъ пороху и свинцу и премного ядеръ". Затѣмъ патріархъ сообщаетъ о положеніи армій казацкой и польской, о побѣдахъ казаковъ вмѣстѣ съ татарами надъ польскими отрядами и потомъ пишетъ: „если, дастъ Богъ мы будемъ здоровы, то не преминемъ извѣстить царство твое обо всемъ, что ни случится. Я жду отъ гетмана отвѣта на письмо, которое было передано мной полковнику и которое я писалъ для отвѣта, чтобы, какъ условились мы съ нимъ, возвѣстить его отвѣтъ твоему великому царствію. И для сего писалъ я объ отвѣтѣ этомъ гетману и сказалъ ему, что обо всемъ подробно говорилъ съ посломъ царства твоего. Написалъ я гетману и всѣ слова, которыя говорило мнѣ великое твое царствіи, что немогло быть отвѣчено иначе, и относительно этаго я написалъ ему: знаешь ты, гетманъ, что долгоденствующій царь имѣетъ великую любовь къ милости твоей. Но не понравились имъ слова долгоденствующаго царя: не призвали меня сперва для этаго дѣла, хотя мое царство, благодаря Бога, изобилуетъ и людьми и средствами; я способенъ вмѣстѣ съ ними разрушить и Ляхію и другія царства; но онъ, гетманъ, взялъ себѣ татаръ, турокъ и другой сбродъ, потому-то я, блаженнѣйшій, и не подалъ имъ помощи; цари когда намѣреваются воевать, ведутъ съ непріятелями войну собственными силами, а не посредствомъ сброда; поэтому-то я и не посылалъ. Но да ниспошлетъ Богъ побѣду гетману съ христіанами, да побѣдитъ своихъ враговъ; и, если онъ опасается чего нибудь, то пусть не безпокоится: я ему помогу, такъ какъ я обязанъ охранять христіанъ и въ особенности ихъ, которыхъ я считаю какъ бы своими сыновьями, сосѣдями и сродниками своими; поэтому скажи гетману, что бы онъ мужался и боролся съ вра-

гами вѣры; въ случаѣ нужды я готовъ подать помощь для защиты христіанъ, да не утратятъ они и другія многія блага... Опять напишемъ твоему царствію въ подробности о томъ, что узнаемъ; у меня наготовѣ люди, для того, чтобы ихъ послать сей-часъ же, если что либо случится. Уповаю на Бога, что все случится по желанію твоего великаго царствія. И опять напиши мнѣ, благоденствующій царь, если нужно тебѣ еще что нибудь. Пошли намъ письмо, чтобы оно нашло насъ здѣсь, въ Кіевѣ... Извѣщай насъ, долгоденствующій царь, нужно-ли тебѣ еще что нибудь, мы опять все исполнимъ".

Патріархъ Паисій пріѣзжалъ въ Москву съ цѣлію получить отъ государя милостыню на искупленіе св. Гроба. Милостыня дана была ему отъ государя и царской семьи нескудная: ему пожаловано было государемъ на искупленіе св. Гроба 4.000 рублей соболями, да самому патріарху лично дано было разныхъ подарковъ въ разное время на 2.000 рублей, а сверхъ того къ Гробу Господню съ нимъ посланы были церковные сосуды, ризы, иконы и покровы отъ царицы и царевенъ. Но кромѣ царя и царской семьи патріарху давали на милостыню власти, т. е. русскіе іерархи, начиная съ патріарха Іосифа, монастыри, бояре и разныя богатыя лица, такъ что всего Паисій вывезъ изъ Москвы на наши деньги тысячъ на полтораста. Его многочисленная свита получила особые дары, соотвѣтственно положенію и рангу каждаго отдѣльнаго лица. Но, кромѣ полученія милостыни, при посѣщеніи Москвы патріархъ Паисій преслѣдовалъ и другую цѣль.

Удачное возстаніе Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ произвело сильное впечатлѣніе на православномъ востокѣ, и болѣе пылкіе умы посмотрѣли на это

дѣло какъ на начало имѣющаго скоро наступить освобожденія всѣхъ православныхъ народовъ изъ подъ турецкаго ига. Казаки своими отважными набѣгами на всѣ побережья Чернаго моря наводили сильный страхъ и на татаръ и на турокъ, почему православныя народности востока видѣли въ казакахъ ту грозную силу, которая способна была нанести туркамъ рѣшительный ударъ, особенно еслибы казаки соединились съ единовѣрною Москвою, образовавъ изъ себя одно государство. Для достиженія этой послѣдней цѣли нѣкоторые греческіе іерархи добровольно взяли на себя роль посредниковъ между московскимъ правительствомъ и казаками, стараясь привести ихъ къ взаимному соглашенію. Однимъ изъ такихъ посредниковъ между царемъ и Хмельницкимъ, возлагавшимъ на ихъ союзъ очень большія надежды въ интересахъ всего православнаго востока, былъ и патріархъ Паисій. На пути въ Москву онъ видѣлся въ Кіевѣ съ гетманомъ Хмельницкимъ, благословилъ его на рѣшительную борьбу съ поляками, убѣждалъ его принять подданство московскаго царя и вызвался хлопотать въ Москвѣ предъ государемъ, чтобы онъ принялъ казаковъ подъ свою высокую царскую руку и оказалъ имъ помощь войсками въ борьбѣ съ поляками. Значитъ Паисій отправился въ Москву въ качествѣ уполномоченнаго отъ Хмельницкаго, который отправилъ съ нимъ и своего полковника Силуяна Мужеловскаго. Но посредническая миссія Паисія въ Москвѣ, какъ мы видѣли, потерпѣла неудачу. Московское правительство мало довѣряло казакамъ, союзникамъ ненавистныхъ въ Москвѣ татаръ, и рѣшительно отказалось изъ за казаковъ разорвать миръ съ поляками, о чемъ оффиціально и заявило Паисію. Послѣдній былъ очень недоволенъ такимъ исходомъ своей миссіи, и не стѣ-

снялся открыто выражать свое недовольство сопровождавшему его изъ Москвы старцу Арсенію Суханову. Но эта неудача не охладила однако участія Паисія къ дѣлу казаковъ и не измѣнила его убѣжденія, что казаки должны принять подданство московскому царю, чтобы потомъ общими силами дѣйствовать противъ турокъ. У Паисія были широкія политическія планы, отъ выполненія которыхъ онъ не думалъ отказываться. По возвращенію изъ Москвы Паисій долго проживалъ въ Молдавіи, и здѣсь ему удалось склонить господарей молдавскаго и валахскаго вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ Хмельницкимъ и Москвою для совмѣстной борьбы съ турками. Но для этого необходимо было прежде всего устроить прочное соглашеніе между Москвою и Хмельницкимъ, къ чему Паисій и направлялъ, какъ мы видѣли, свои усилія, посредничая между царемъ и гетманомъ. Съ этою цѣлію Паисій послалъ изъ Яссъ, куда онъ прибылъ изъ Кіева 7 Сентября, въ Москву старца Арсенія Суханова, грека Ѳому Иванова, съ которыми послалъ государю двѣ граматы.

Въ первой граматѣ государю отъ 4 Ноября 1649 г. пишетъ, что посылаетъ къ государю честнѣйшаго мужа грека Ѳому Иванова, „человѣка вѣрнаго величайшему твоему царствію, вмѣстѣ съ преподобнѣйшимъ строителемъ господиномъ Арсеніемъ, чтобы они устно сообщили все то, о чемъ слышали и что видѣли. ...А здѣсь, долгоденствующій царь, Арсеній намъ сказалъ, что онъ имѣетъ отъ твоего царствія приказанія: если онъ узнаетъ что въ Ляхіи и Богданіи, то пусть возвратится назадъ и донесетъ царствію твоему; и потому я отправилъ его съ вѣрнымъ человѣкомъ. Онъ даже оставилъ у насъ часть своей рухляди, сказавъ, чтобы я его ждалъ здѣсь“. Во второй граматѣ, отъ 10 Ноября, опять пишетъ о

посылкѣ къ государю строителя Арсенія и за тѣмъ: „да пожалуете, изволите прислати къ намъ святую вашу грамату о какихъ дѣлехъ изволите, а мы готовы о тѣхъ дѣлехъ радѣть и работать, якоже реклися великому вашему царствію; что ни услышимъ, будемъ всегда вѣдомо чинить, да будеши вѣдать друговъ своихъ и недруговъ... А будетъ Арсеній поизмѣшкаетца у васъ, и намъ бы вы прислали честную и святую вашу грамату великаго вашего царствія, и мы опять какихъ дѣлъ ни провѣдаемъ, и учинимъ о томъ вѣдомо своими людьми". Прислалъ Паисій свою грамату и патріарху Іосифу, но она недошла до насъ.

Арсеній Сухановъ прибылъ въ Москву 11 Декабря 1649 г. и въ тотъ же день докладывалъ въ Посольскомъ приказѣ: „а приказывалъ де съ нимъ Іерусалимскій патріархъ словесно, а велѣлъ извѣстить государю: прежде де сего писалъ онъ ко государю, что турской царь велѣлъ крымскому царю итти на Русь войною, а нынѣ де въ совѣтѣ волоской воевода Василій съ мутьянскимъ воеводою Матвѣемъ и съ запорожскими черкесы, и хотятъ на лѣто итти на Царьгородъ. И патріархъ велѣлъ государю о томъ объявити, чтобъ онъ, великій государь, велѣлъ съ своей царскаго величества стороны итти моремъ, хотя малыми людьми. И въ то время, слыша про то, пойдутъ подъ Царьгородъ сербяне и гречане и волоской и мутьянской воеводы со всѣми людьми, а нынѣ де турскаго сила изнемогаетъ, потому что венеціане одолѣваютъ. А приказывалъ де онъ про то объявить слышавъ подлинно: говорятъ-де всѣ христіане, чтобъ имъ то видѣть, чтобъ Царемъ градомъ владѣти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу нежели нѣмцамъ" [1].

[1] Греч. дѣла 7157 г. №№ 6, 7, 8, 22, 7158 г. № 1. Нѣкоторыя граматы патріарха Паисія напечатаны въ приложеніи въ книгѣ С. А. Бѣлокурова: Арсеній Сухановъ.

26 Января 1650 года Арсеній Сухановъ отправился изъ Москвы въ Молдавію къ патріарху Паисію съ грамотою государя, который извѣщалъ патріарха, что получилъ его граматы, присланныя съ грекомъ Ѳомою Ивановымъ и строителемъ Арсеніемъ, что Сухановъ выполнилъ данное ему патріархомъ порученіе и что онъ посылаетъ ему два сорока соболей добрыхъ и проситъ Паисія радѣть о государевыхъ дѣлахъ и обо всемъ увѣдомлять его, государя, обѣщая за это не полагать патріарха „въ забвеніи“. Получивъ эту грамату отъ Арсенія, Паисій писалъ государю: „хотимъ ѣхать ко святымъ мѣстамъ и приняли есми честную и премудрую вашу царскую грамату и милостыню отъ господина Арсенія—два сорока соболей; и принявъ вашу царскую грамату, по подобію поклонилися и благодарили есми вельми. Аще и мы у васъ не пребываемъ, но всегда насъ незабываете своею царскою милостынею, понеже первое Богъ, а потомъ ваша царская милостыня держитъ и хранитъ св. мѣста“.

8 Декабря 1650 года въ Москву прибылъ назаретскій митрополитъ Гавріилъ и въ Посольскомъ приказѣ заявилъ, что на свѣтлой недѣлѣ 1650 года онъ посланъ былъ отъ Іерусалимскаго собора къ патріарху Паисію провѣдать, гдѣ онъ находится и зачѣмъ медлитъ, такъ какъ вѣсть о немъ учинилась, будто нестало его въ живыхъ. Митрополитъ въ Царьградѣ былъ проѣздомъ только три дня и узнавъ, что патріархъ Паисій въ Молдавіи, поспѣшилъ къ нему. Патріархъ Паисій свѣдавъ, что гетманъ Хмельницкій вмѣстѣ съ татарами готовится напасть на россійское государство, помня къ себѣ государеву милость, тотчасъ же послалъ къ нему его, митрополита, со старцемъ Арсеніемъ (Сухановымъ) и писалъ къ Хмельницкому и изустно наказывалъ со

многими прошеніемъ и клятвою, чтобы отнюдь недерзалъ ходить войною на благочестиваго государя христіанскаго, а если на сіе рѣшится, то чуждъ будетъ христіанства. Когда митрополитъ пріѣхалъ въ Чигиринъ, Хмельницкій тотчасъ же пришелъ къ нему пѣшій, принялъ патріаршую грамоту и выслушалъ словесный приказъ, затѣмъ велѣлъ всѣхъ выслать и старца Арсенія также, но я удержалъ старца говоря, что онъ посланъ отъ государя и вѣдаетъ о чемъ будемъ говорить. Хмельницкій говорилъ съ клятвою, что онъ приказу отца своего духовнаго, блаженнѣйшаго патріарха Паисія, ни въ чемъ не преслушаетъ, только-бы благочестивый великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, самодержецъ всея Руси, ихъ челобитье и прошеніе не призрѣлъ и изволилъ-бы держать подъ своею высокою государскою рукою, а ему Хмельницкому, на государствѣ быть непристойно, — не тое природы человѣкъ; а великій де государь, его царское величество, издавна государскаго благочестиваго корени природный государь отъ колѣна благочестиваго великаго князя Владиміра Мономаха, и ими владѣть ему, государю, пристойно, понеже великій христіанскій государь благочестивый подъ солнцемъ единъ. И они ему, великому государю, поклоняются и хотятъ раби его быти, и чтобъ де великій государь для подлиннаго увѣренія изволилъ къ нимъ прислать кого нибудь съ своею царскою грамотою съ милостивымъ указомъ, чтобъ какъ на его государеву милость быти надежнымъ, и велѣлъ-бы послати къ нимъ въ полкъ свое государево знамя, а они де въ его, государевѣ, во всемъ повелѣніи быти готовы и его государеву указу ожидаютъ съ радостію. А какъ де его государевъ указъ о томъ къ нимъ будетъ, и онъ де, Хмельницкій, во всѣхъ тѣхъ

городѣхъ, которыми нынѣ владѣетъ, посадитъ воеводъ отъ царскаго величества и крѣпости всякія въ городѣхъ учнетъ чинити". Это показаніе назаретскаго митрополита Гавріила было усилено показаніемъ грека Исаіи Остафьева, который пріѣхалъ въ Москву 3 Января 1651 года и въ Посольскомъ приказѣ заявилъ, что когда онъ былъ въ Молдавіи, призывалъ его къ себѣ, въ городѣ Торговищѣ, патріархъ Паисій, и велѣлъ ему объявить въ Москвѣ, чтобы царское величество гетмана Хмельницкаго и войско его жаловалъ. Съ тѣмъ же грекомъ Исаіею патріархъ Паисій прислалъ за своею печатью письмо Ильѣ Даниловичу Милославскому и приказалъ сказать словесно, что прежде сего, когда предъ волошскою войною крымскій ханъ хотѣлъ идти на московское государство и гетманъ писалъ къ патріарху, что ханъ проситъ у него себѣ людей на помощь, то патріархъ отвѣчалъ гетману, что буде онъ на московское государство начнетъ давать помощь крымскому хану, то всѣ они, вселенскіе патріархи, собравшись учинятъ соборъ и предадутъ проклятію и христіаниномъ называть его небудутъ, и что бы онъ, гетманъ, съ своимъ войскомъ царскому величеству всеконечно покорность учинилъ и поклонился, потому что христіанскій государь подъ солнцемъ единый" [1].

Такимъ образомъ, патріархъ Паисій пребывая, по возвращеніи изъ Москвы, въ Молдавіи, внимательно слѣдилъ оттуда за ходомъ дѣлъ въ Малороссіи. Онъ поддерживалъ постоянныя сношенія и съ гетманомъ Хмельницкимъ и московскимъ правительствомъ, всячески склоняя обѣ стороны къ союзу и къ окончательному соединенію, устраняя, по возможности, въ ихъ отношеніяхъ все, что могло вести къ недоразумѣніямъ или

[1] Греч. дѣла 7159 г. № 11

разрыву между ними. Когда же планы Паисія съ этой стороны стали осуществляться: гетманъ Хмельницкій и все войско казацкое дѣйствительно сдѣлались подданными царя московскаго и вмѣстѣ съ нимъ начали счастливую войну съ поляками, то Паисій пошелъ далѣе въ видахъ достиженія своей цѣли: усилить московское государство присоединеніемъ къ нему разныхъ православныхъ народностей, чтобы создать изъ него силу, способную окончательно разгромить турокъ. Онъ хотѣлъ, чтобы вслѣдъ за Малороссіей подданство московскому царю приняла-бы и Молдавія, благодаря чему Россія прочно стала бы на Дунаѣ, вошла бы отсюда въ непосредственную связь и сношенія со всѣми другими порабощенными турками православными народностями и, опираясь на ихъ содѣйствіе, окончательно бы уничтожила турокъ. Въ пользу своихъ плановъ Паисій, проживая въ Молдавіи, успѣлъ склонить самого молдавскаго воеводу, который уполномочилъ его вступить по этому дѣлу въ сношенія съ московскимъ государемъ, вслѣдствіе чего Паисій, отъ 8 Октября 1655 года, прислалъ въ Москву, съ грекомъ Мануиломъ Константиновымъ, грамату государю Алексѣю Михайловичу съ просьбою о принятіи въ покровительство и оборону молдавскаго владѣтеля со всею его землею, которую агаряне часто набѣгами своими опустошаютъ, святые храмы оскверняютъ и христіанъ берутъ въ полонъ [1]. Въ слѣдующемъ 1656 году, какъ извѣстно, послѣдовало и оффиціальное предложеніе, привезенное молдавскимъ митрополитомъ Гедеономъ, принять, подобно Хмельницкому, и молдавскаго владѣтеля въ подданство Россіи. Подъ просительною грамотою подписался между прочимъ и антіохійскій патріархъ Макарій, который при этомъ свидѣтельство-

[1] Реэстръ греческимъ грамотамъ № 137, 8 окт. 1656 г.

валъ, что и іерусалимскій патріархъ Паисій одобряетъ это дѣло [1]. Но, какъ извѣстно, не только Молдавія неприсоединилась къ Россіи, а и Малороссію на первое время удалось присоединить не всю. О войнѣ же съ турками, для освобожденія отъ ихъ ига православныхъ народностей, о чемъ мечталъ патріархъ Паисій и ради чего онъ такъ дѣятельно и горячо вмѣшался въ тогдашнія политическія дѣла и отношенія, Россія въ то время немогла и думать.

Посѣщеніе Москвы іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ неосталось безслѣднымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Въ это время русское правительство занято было мыслію учредить въ Москвѣ греческую школу, преподаваніемъ въ которой завѣдывалъ бы вполнѣ надежный, православный грекъ, пріисканіемъ котораго оно въ то время и занималось. Между тѣмъ въ свитѣ пріѣхавшаго въ Москву патріарха Паисія оказался его дидаскалъ, старецъ Арсеній, человѣкъ ученый и къ томуже знавшій русскій языкъ, что было особенно важно. Съ согласія патріарха Паисія, государь оставилъ Арсенія въ Москвѣ „для риторическаго ученія“. Но пріѣхавъ въ Путивль, Паисій, какъ мы видѣли, прислалъ на Арсенія извѣстный намъ доносъ, вслѣдствіе котораго Арсеній вмѣсто школы попалъ на Соловки подъ строгій началъ. Тогда государь поручилъ патріарху Паисію пріискать на востокѣ другаго православнаго учителя, который бы „не имѣлъ никакого пороку въ благочестивой вѣрѣ и былъ бы далече отъ еретиковъ“. Паисій обѣщалъ исполнить это требованіе царя и въ 1653 году, какъ увидимъ, прислалъ въ Москву греческаго учителя.

Пріѣздъ въ Москву патріарха Паисія выдвинулъ у насъ съ особою силою и другой въ высшей степени

[1] Полн. собр. закон. № 180.

важный вопросъ: о разности нѣкоторыхъ русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими. Какъ извѣстно, русскіе съ теченіемъ времени порознились съ греками въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, самыя богослужебныя книги ихъ, какъ печатавшіяся съ списковъ неодинаковыхъ и не одного времени, оказались также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ между собою не сходными. На это обстоятельство обращали вниманіе и русскіе и пріѣзжавшіе въ Москву за милостынею греческіе іерархи. Нѣкоторые изъ послѣднихъ старались внушить русскимъ, чтобы они держались одинаковыхъ съ греками церковныхъ чиновъ и обрядовъ. Такъ еще предшественникъ Паисія патріархъ Θеофанъ, будучи въ Москвѣ, убѣждалъ здѣсь „единомудрствовати: о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ неотлучатися“. Въ этомъ же направленіи и съ особою энергіею и успѣхомъ дѣйствовалъ въ Москвѣ и патріархъ Паисій. Онъ велъ бесѣды съ самимъ государемъ о постѣ въ св. четыредесятницу, а съ патріархомъ Іосифомъ „учинилъ соглашеніе“ объ этомъ, подавалъ свое мнѣніе о времени совершенія литургіи и, вѣроятно, по другимъ вопросамъ. Но особенно важно и богато было своими послѣдствіями знакомство Паисія съ Никономъ, тогда еще архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, а потомъ митрополитомъ новгородскимъ. Паисій, съ разрѣшенія государя, нерѣдко сталъ видаться съ Никономъ, много съ нимъ бесѣдовалъ, причемъ обращалъ вниманіе Никона на нѣкоторыя особенности русскихъ обрядовъ, несогласныя съ тогдашними греческими, и убѣждалъ его привести русскіе обряды въ полное соотвѣтствіе съ тогдашними греческими. Эти бесѣды съ патріархомъ Паисіемъ произвели на Никона глубокое

впечатлѣніе и возбудили въ немъ намѣреніе и рѣшимость, если онъ сдѣлается патріархомъ Московскимъ, произвести исправленіе русскаго церковнаго обряда, въ видахъ его соглашенія съ греческимъ. Никонъ дѣйствительно сдѣлался московскимъ патріархомъ. Между тѣмъ патріархъ Паисій, возвращаясь изъ Москвы, прибылъ въ Молдавію въ сопровожденіи старца Арсенія Суханова, который, въ присутствіи патріарха Паисія, затѣялъ извѣстныя пренія съ греками о вѣрѣ, всячески усиливаясь доказать, что русскіе именно сохранили у себя неизмѣнными весь древній церковный чинъ и обрядъ, современные же греки въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ отступили отъ священной старины и ввели у себя разныя непозволительныя новшества, почему теперь не греки, а русскіе должны считаться истинными хранителями и представителями чистаго православія. Патріархъ Паисій, самъ принимавшій нѣкоторое участіе въ преніяхъ, необходимо обратилъ вниманіе на воззрѣнія, такъ рѣзко и рѣшительно высказанныя Сухановымъ во время преній съ греками о вѣрѣ, понялъ, что онѣ грозятъ серьезною опасностію единенію церкви русской съ греческою вселенскою, и потому рѣшился дѣйствовать — напомнить Никону о своихъ московскихъ бесѣдахъ съ нимъ. Онъ послалъ въ Москву назаретскаго митрополита Гавріила, который долженъ былъ посредничать между гетманомъ и московскимъ правительствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ побудить Никона позаботиться о приведеніи русскаго церковнаго обряда въ полное соотвѣтствіе съ тогдашнимъ греческимъ. Исполняя порученіе патріарха Паисія, митрополитъ Гавріилъ дѣйствительно бесѣдовалъ въ Москвѣ съ Никономъ, стараясь укрѣпить его въ рѣшимости произвести исправленіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ,

поскольку они были несогласны съ тогдашними греческими. Самъ Никонъ потомъ торжественно заявлялъ: „зазирали иногда моему смиренію, мнѣ Никону патріарху приходящіе къ намъ въ царствующій градъ Москву, своихъ ради потребъ, святыя восточныя церкви святители: вселенскій патріархъ Аѳанасій и Паисій святаго Іерусалима и Гавріилъ святаго Назарета и прочіе, и осуждали меня много за неисправленіе божественнаго писанія и за другія церковныя вины, изъ коихъ одна, что мы неправильно изображаемъ крестное знаменіе двумя перстами... И мы, Никонъ патріархъ, не только ища пользы себѣ, но и прочимъ, по апостолу, дабы имъ спастись, возбужденные такимъ обличеніемъ, разсмотрѣвъ, рѣшились произвести церковныя исправленія“ Такимъ образомъ, по собственному сознанію Никона, на исправленіе русскихъ чиновъ и обрядовъ, въ чемъ они несогласны были съ тогдашними греческими, побудили его греческіе іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву за милостынею, и между ними первое мѣсто принадлежитъ, какъ мы видѣли, іерусалимскому патріарху Паисію и назаретскому митрополиту Гавріилу, дѣйствовавшему въ Москвѣ по наказу Паисія.

Но посылкою въ Москву назаретскаго митрополита Гавріила Патріархъ Паисій не ограничился. Изъ преній Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ онъ увидѣлъ, какое важное значеніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторые русскіе, придаютъ своимъ обрядовымъ особенностямъ, что ради нихъ они готовы подвергнуть сомнѣнію Православіе современныхъ грековъ. Въ виду этаго настояла неотложная необходимость послать въ Москву такое авторитетное и свѣдующее лицо, уполномоченное патріархами, которое бы разъяснило русскимъ ошибочность ихъ взгляда на значеніе особенностей ихъ обряда,

полную несправедливость ихъ подозрительнаго отношенія къ благочестію современныхъ грековъ, и которое бы убѣдило ихъ въ необходимости привести русскій церковный обрядъ въ полное соотвѣтствіе съ тогдашнимъ греческимъ. Патріархъ Паисій нашелъ и подходящее лицо, которое, казалось, съ успѣхомъ могло выполнить возложенную на него миссію; побудить русскихъ исправить свой обрядъ сообразно съ тогдашнимъ греческимъ обрядомъ. Это былъ митрополитъ Навпакта и Арты Гавріилъ Власій, человѣкъ ученый, знавшій языки греческій и славянскій, ранѣе уже хорошо извѣстный въ Москвѣ, такъ какъ онъ присылалъ въ Москву книги, писанныя на греческомъ и славянскомъ языкахъ и, кромѣ того, неразъ присылалъ въ Москву тайныя отписки съ разными политическими вѣстями. При этомъ Гавріилъ Власій былъ уже знакомъ съ тѣми церковными вопросами и недоумѣніями, рѣшеніемъ которыхъ ему приходилось заняться въ Москвѣ, такъ какъ онъ не только былъ свидѣтелемъ преній Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ, но и самъ принималъ въ нихъ участіе. Въ разсказѣ Суханова объ этомъ событіи говорится: „патріархъ Паисій говорилъ Арсенію: скажи мнѣ, кто тебѣ надобенъ, съ кѣмъ тебѣ говорить: дасколъ Лигаридіи или дасколъ митрополитъ Власій? — Арсеній говорилъ: владыко святый, дай мнѣ кого изъ своихъ архимандритовъ, кого изволишь, а тѣ люди науки высокой, были во Цареградѣ и во Александріи и въ Римѣ и многіе ереси заводили и того ради и царство ваше раззорилося... Митрополитъ Власій Арсенію говорилъ: Арсеніе, о крестномъ знаменіи ни евангелисты, ни апостолы никто не писалъ, какъ персты складать: то есть самоизвольное, но токмо подобаетъ крестообразно кресты чтити, а то все добро и ереси и хулы на Бога

никакой въ томъ нѣтъ“... Значитъ, изъ бесѣдъ съ Арсеніемъ Сухановымъ въ Молдавіи митрополитъ Гавріилъ Власій уже успѣлъ познакомиться и съ тѣми церковными вопросами и недоумѣніями, рѣшать которые ему придется въ Москвѣ, и съ тѣми пріемами, какіе практиковали въ подобныхъ случаяхъ русскіе книжные люди, такъ что онъ уже ранѣе былъ нѣсколько подготовленъ къ своей особой миссіи въ Москвѣ.

Въ Октябрѣ 1652 года митрополитъ Навпакта и Арты Гавріилъ Власій прибылъ въ Москву. Съ нимъ патріархъ Паисій прислалъ государю грамату, въ которой писалъ о Гавріилѣ, что онъ древній другъ и богомолецъ блаженныя памяти приснопамятному отцу вашему великому государю, и часто къ нему присылано было царское жалованье, еще до поставленія его на митрополію, и вашему царствію прислалъ онъ двѣ книги: одна Мелетія патріарха александрійскаго противъ іудеевъ, а другая грамматика, „и въ тѣхъ книгахъ писано на одной сторонѣ еллинскимъ письмомъ, а на другой по словенски“. Затѣмъ патріархъ Паисій пишетъ: „повелѣли намъ, богомольцу вашему, радѣти и обрѣсти единаго учителя премудраго и православнаго, и не имѣлъ бы никакого пороку во благочестивой вѣрѣ и былъ бы далече отъ еретиковъ, и послати бъ намъ іво ко святому вашему царствію поклонитися, да учинитъ учительство и учитъ еллинскій языкъ, яко же она есть древня отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ инымъ. И сего ради избрали есми достойнаго о такомъ дѣлѣ, яко сего преосвященнаго митрополита Навпакта и Арты, пречестнаго экзарха всея Италіи (Этоліи?), премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы, о святомъ Духѣ возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смиренія, господина Га-

вріила Власія, якоже такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не во многихъ обрѣтаетца. И будучи въ такомъ дѣяніи и мудрости и разумѣ, почтилъ его блаженнѣйшій патріархъ александрійскій Іоанникей, о святомъ Духѣ возлюбленный брате и сослужитель нашего смиренія, а мы почли іво и намѣстникомъ учинили со властію: *въ которомъ мѣстѣ небудетъ, отвѣщати за насъ во всѣхъ благочестивыхъ вопросахъ, православныя нашея вѣры.* И объявляючи боголюбезную мысль святаго вашего царствія, понудили его пріити для великаго вашего царствія, аще труды понести и многіе убытки приняти и погибель живота своего, токмо идетъ на поклоненіе со прочими своими, видѣти ваши царскіе очи и совершити дѣло съ великимъ радѣніемъ, что желаетъ святое ваше царство — и великаго достоинства. Посемъ бьемъ челомъ великому вашему царствію, да воспріемлеши его съ отверстыми нѣдрами любительно и человѣколюбно и почтиши его, яко намѣстника нашего — двухъ патріарховъ. А какову честь ему учините. и та честь намъ воздается, и для небеснаго и превышняго Бога пожалуйте его, какъ Богъ извѣститъ великому вашему царствію, не яко иныхъ, но болѣ того. потому что иной такой митрополитъ преже сего въ ваши страны непріѣзживалъ. А только будетъ произволите ваше царствіе быть учительству, яко же выше сего рекли есми, и онъ готовъ есть побыти, колико время ему возможно, а мы ему также обѣщалися, что ему имѣти волю свою, а будете благодарить великое ваше царствіе. И онъ побудитъ и многое время, покамѣста ученики отъ него отойдутъ и противлятися будутъ съ еретиками и отвѣтъ будутъ давать обо всякомъ вопросѣ, и будетъ благодаритися великое ваше царствіе, и всѣ бояре и князи, и будети оставите вѣчное воспомина-

ніе въ похвалу и славу отъ всѣхъ царствъ икоролевствъ. А будетъ неизволитъ царствіе ваше быть учительству и бьемъ челомъ, чтобы ему побыть, пакамѣста онъ похочетъ, а святое ваше царствіе пожалуйте его своимъ царскимъ жалованьемъ милостынею, чтобъ ему вашимъ царскимъ жалованьемъ пріѣхати къ себѣ и покой свой получити и легость обрѣсти отъ долговъ своихъ, что имѣетъ; а онъ да будетъ долженъ всегда молити всемогущаго Бога о вашемъ царскомъ многолѣтномъ здравіи, якоже и прочіи архиреи". По просьбѣ Паисія писалъ государю рекомендательную грамату о митрополитѣ Гавріилѣ Власіѣ и бывшій константинопольскій патріархъ Іоанникій, который заявлялъ, что Гавріилъ „и богословъ и православный въ родѣ нашемъ, *и что произволитъ великое ваше царствіе отъ него вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ отвѣтъ будетъ держати благочестно и православно, якоже воспріяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь.* Также и блаженнѣйшіе о Св. Духѣ возлюбленніи братья и сослужители нашего смиренія: александрійскій патріархъ господинъ Іоанникій и еросалимскій господинъ Паисій избрали его намѣстника своего и въ граматѣ о томъ объявленъ. И того ради молимъ великаго вашего царствія, да воспріемлете его любительно отверстыми нѣдры и честь ему повелите воздати не тако, яко инѣмъ, которые завсегда приходятъ къ вашему царскому величеству, но того ради, что онъ посланъ отъ насъ и отъ прочихъ двухъ блаженнѣйшихъ патріарховъ — александрійскаго и еросалимскаго и есть вѣрный и древній другъ и богомолецъ теплый блаженной памяти отцу вашему".

Изъ приведенныхъ граматъ патріарховъ іерусалимскаго Паисія и бывшаго константинопольскаго Іоанни-

кія видно, что митрополитъ Гавріилъ Власій былъ посланъ въ Москву Паисіемъ между прочимъ и съ особою, спеціальною цѣлію: отвѣчать отъ богословія и изысканія церковнаго" на тѣ вопросы, какіе, предполагалось, ему будутъ предложены въ Москвѣ. Ради именно этой цѣли, чтобы придать отвѣтамъ митрополита большій авторитетъ въ глазахъ русскихъ, онъ и сдѣланъ былъ намѣстникомъ двухъ патріарховъ — іерусалимскаго и александрійскаго, вслѣдствіе чего его отвѣты на церковные вопросы русскихъ должны были быть какъ бы отвѣтами самихъ патріарховъ, или что тоже: отвѣтами всей православной греческой церкви на вопросы церкви русской. Какъ митрополитъ Гавріилъ выполнилъ эту свою миссію въ Москвѣ мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Онъ подавалъ государю докладную записку о положеніи политическихъ дѣлъ въ Турціи, о своихъ переговорахъ съ гетманомъ Хмѣльницкимъ, причемъ онъ ни слова не говоритъ о дѣлахъ церковныхъ. Не упоминаетъ объ нихъ и въ своей рѣчи, которую онъ говорилъ на представленіи государю. Очевидно государь ничего не вопрошалъ Гавріила отъ богословія и изысканія церковнаго, такъ какъ рѣшеніе разныхъ церковныхъ вопросовъ въ это время уже взялъ въ свои мощныя и властныя руки святѣйшій патріархъ Никонъ. Съ Никономъ, какъ представителемъ русской церкви, митрополитъ Гавріилъ вѣроятно и велъ бесѣды „отъ богословія и изысканія церковнаго", относительно особенностей русскаго обряда и чина, о необходимости ихъ немедленнаго приведенія въ полное соотвѣтствіе съ тогдашними греческими чинами и обрядами, особенно въ виду того, что эти обрядовыя разности подаютъ поводъ нѣкоторымъ русскимъ подозрительно или даже и прямо отрицательно относиться къ православію современныхъ грековъ. Вѣроятно эти

бесѣды съ митрополитомъ Власіемъ, человѣкомъ ученымъ и уже ранѣе основательно подготовившимся къ такимъ бесѣдамъ, вызвали въ патріархѣ Никонѣ окончательную рѣшимость заняться исправленіемъ русскаго церковнаго чина и обряда, тѣмъ болѣе, что Гавріилъ Власій явился въ Москву въ качествѣ уполномоченнаго отъ трехъ патріарховъ, которые ручались не только за основательность его знаній, но и за то, что онъ „отвѣты будетъ держать благочестно и православно, якоже воспріяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь“. По крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Москвы митрополита Гавріила Власія (онъ выѣхалъ въ Февралѣ 1653 года) Никонъ, въ виду наступившаго великаго поста, издалъ извѣстное свое распоряженіе: „по преданію св. апостолъ и св. отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны; еще и тремя бы персты есте крестились“, такъ что съ пріѣздомъ въ Москву митрополита Гавріила можно связывать начало дѣятельности Никона, направленной на приведеніе русскаго церковнаго чина и обряда въ полное согласіе съ тогдашними греческими [1].

19 Декабря 1652 года въ Москву прибылъ архимандритъ іерусалимскаго патріарха Іоасафъ, съ которымъ Паисій прислалъ граматы государю и государынѣ писанныя отъ 10 мая. Въ граматѣ государю Паисій писалъ, что онъ посылаетъ архимандрита Іоасафа, „ради милостины и помощи и молимъ конечно твоей кротости, да пріемлеши ихъ невозбранно въ тихомъ образѣ, показуя милосердіе и любовь ко святымъ мѣстамъ; а мы, услышавъ и милость видячи, будемъ благословляти державу великаго вашего царствія, якоже и нынѣ непре-

[1] 7161 г. № 5.

стаемъ, дабы воспомяновенно было великое ваше имя въ молитвахъ и моленіяхъ нашихъ, что достигли есми ко святымъ мѣстамъ съ великимъ вашимъ жалованьемъ. А тѣ бѣдные старцы безъ насъ во многихъ налогахъ и утѣсненіи пребывали, и мы о семъ радѣли пріѣхати вскорѣ, а было мнѣ задержанье въ Мутьянской землѣ въ немощехъ моихъ [1]. А милость великаго вашего цар-

[1] Патріархъ Паисій, будучи въ Москвѣ, въ особой челобитной просилъ государя поскорѣе отпустить его въ Іерусалимъ, потому что мѣстные еретики, пользуясь долгимъ отсутствіемъ патріарха, сильно обижаютъ православныхъ, почему ему и необходимо немедленно ѣхать въ Іерусалимъ. Но, прибывъ въ Яссы, Паисій не поѣхалъ въ Іерусалимъ, а прожилъ въ Молдавіи цѣлыхъ два года. Въ граматѣ государю изъ Яссъ отъ 4 Ноября 1649 года Паисій свою остановку въ Молдавіи объяснялъ тѣмъ, что у него будто бы «имѣются нѣкоторыя дѣла на короткое время въ святогробскихъ подворьяхъ здѣсь и во Влахіи». Въ другой граматѣ, отъ 10 Ноября, государю онъ объясняетъ дѣло такъ: „а мешканье мое се бо есть потому, что въ здѣшней землѣ имѣемъ монастырь свой; а здѣсь въ монастырѣ жили и ожидали отъ иныхъ монастырей податей... а потомъ силою Божіею поѣдемъ ко святымъ и богостепеннымъ мѣстамъ". Теперь же патріархъ заявляетъ, что причиною его задержанія въ Молдавіи были его немощи. Въ дѣйствительности же причина его продолжительнаго пребыванія въ Молдавіи заключалась въ его особыхъ отношеніяхъ къ тогдашнему константинопольскому патріарху Парѳенію младшему. Досиѳей объ этомъ разсказываетъ слѣдующее: „Когда Паисій іерусалимскій при Парѳеніѣ младшемъ былъ рукоположенъ въ Яссахъ и пришелъ въ Византію, чтобы оттуда отправиться въ Іерусалимъ, Парѳеній требовалъ отъ него денегъ, какъ предшественникъ его отъ александрійскаго, но Паисій, ясно увидѣвши въ немъ симонію, недалъ ему ни обола. Послѣ сего, когда Паисій изъ святаго града Іерусалима отправился въ Москву для милостины, Парѳеній чрезъ письмо клеветалъ на него славному самодержцу Алексію Михаиловичу, но лукавство Парѳенія не имѣло никакихъ послѣдствій. Но какъ скоро Паисій, возвращаясь изъ Москвы въ Іерусалимъ, прибылъ въ Византію, Парѳеній обвинилъ его какъ злоумышленника противъ правительства предъ диваномъ Капиджи-паши, визиря султана Ибрагима. Визирь, призвавъ къ себѣ Паисія, допросилъ его, и увѣрившись что онъ человѣкъ справедливый, отпустилъ его съ миромъ, только взялъ съ него четыре тысячи флориновъ. Но когда Паисій опять изъ святаго града отправился въ Валахо-Молдавію, патріархъ Парѳеній снова началъ преслѣдовать его, и кромѣ правительственной Порты клеветалъ на него правителю Молдавіи Василію и Матвѣю, правителю Валахіи. Чтожъ потомъ случилось? Правители съ помощію друзей и денегъ обвинили Парѳенія предъ Портою и удушили. Тѣмъ и кончились бѣдствія, постигшія святую Христову церковь, и тиранскіе насильственные поступки". (Кн. XI, гл. 10, пар. 10). Этотъ разсказъ

ствія яки солнце сіяетъ по всему свѣту, согрѣваетъ и оживляетъ всяческая, такоже и къ намъ милость великаго вашего царствія". Въ граматѣ къ царицѣ Маріи Ильиничнѣ патріархъ Паисій писалъ: „если какому либо христіаннѣйшему лицу приличествуетъ оное пророческое слово царя и пророка Давида: Господи! Возлюбихъ благолѣпіе дома твоего и мѣстоселенія славы твоея; то это изреченіе приличествуетъ именно великому твоему царствію, потому что по истинѣ ты украсила св. градъ Іерусалимъ драгоцѣнными сосудами, которые ты подала къ сему животворящему святому гробу; видя ихъ всѣ племена и народы дивятся и ублажаютъ тріипостаснаго Бога, что онъ удостоилъ великое твое царствіе за твое врожденное благочестіе высочайшаго престола царской власти. И стала ты другой святой новой Еле-

Досиѳея о враждѣ между патріархами Паисіемъ и Парѳеніемъ подтверждается и тѣми извѣстіями, какія доходили объ этомъ до нашего правительства, хорошо знавшаго истинную причину продолжительнаго пребыванія Паисія въ Молдавіи. Въ 1650 году прибылъ изъ Молдавіи въ Путивль старецъ Чудова монастыря Пахомій, выѣхавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ Паисіемъ, и заявилъ воеводѣ, что іерусалимскій патріархъ „въ Іерусалимъ опасается ѣхать, боясь опалы отъ султана, за что — не знаетъ, да за старую недружбу цареградскаго патріарха Парѳенія опасается запрещенія ѣхать, и потому долго думаетъ прожить въ Мутьянахъ — до самой смерти Парѳенія". Іеродіаконъ Іона Маленькій, отправившійся изъ Москвы въ Іерусалимъ вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ, о причинахъ замедленія патріарха въ Молдавіи говоритъ: „патріарху же коснящу страха ради турскаго, овоже бояся патріарха цареградскаго, занеже между собою велію вражду имуще". И Арсенію Суханову патріаршіе старцы сообщали, что Паисій изъ Молдавіи не поѣдетъ въ Іерусалимъ, „если Парѳеній патріархъ цареградскій живъ будетъ". (—7158 г. № 9. Сказ. рус. нар. Сахарова, 11, 161 и 190). Это нелюбье двухъ патріарховъ привело къ тому, что Паисій, какъ ходила тогда общераспространенная молва, послалъ въ Константинополь значительную сумму денегъ, чтобы низвергнуть своего недруга съ патріаршаго престола, въ чемъ ему оказали дѣятельную помощь воеводы молдавскій и волошскій. Парѳеній нетолько былъ низвергнутъ, но и убитъ. Въ Октябрѣ 1651 года ѳессалійскій архіепископъ Даніилъ въ особой отпискѣ государю сообщалъ объ убіеніи патріарха Парѳенія, причемъ замѣчаетъ: „грѣхъ ради нашихъ сказываютъ, что іерусалимскій патріархъ прислалъ денегъ немало тутъ же на помощь, чтобъ ево, патріарха Парѳенія, сослали, потому что они имѣли межь себя недружбу". (—7160 г. № 3).

ной, украшающей святѣйшій алтарь матери церквей, почему какъ та всегда и безпрерывно въ этихъ святыхъ и богошественныхъ мѣстахъ, такъ и благочестивое царствіе твое получило вѣчное поминовеніе въ будущемъ вѣкѣ и напечатлѣно въ книгу живота св. и божественнаго предложенія. Я очень хорошо помню, какъ боговѣнчанная твоя глава укоряла насъ, печалуясь за то, что мы непродолжили пребыванія и незамедлили болѣе въ благословенныхъ предѣлахъ вашего царствія, гдѣ мы пользовались и почестями и большимъ вниманіемъ. Но, христіаннѣйшая царица, бѣдствія нашего престола чрезвычайно умножились и онѣ-то хотя-нехотя понудили насъ уѣхать для строенія нуждъ бѣднѣйшей жалкой нашей каѳедры. Я бы желалъ пробыть у васъ годы и времена и, пожалуй, всю свою жизнь. Однакоже милость великаго вашего царствія мы никогда не въ силахъ забыть, и какъ? Скорѣе мы забудемъ самихъ себя, чѣмъ предадимъ забвенію крайнюю милость вашего царствія, потому что ею оберегается и утверждается св. Гробъ". Затѣмъ Паисій проситъ государыню милостиво принять и ущедрить милостію посланныхъ имъ, ради управленія св. Божіей церкви, несклоняя слуховъ къ злоязычнымъ людямъ, которые стремятся злословить и клеветать, только чтобы получить доступъ къ великому вашему царствію. И особенно Арсеній (Сухановъ), о которомъ одинъ Богъ знаетъ какъ мы пеклись, и который однакоже оказался неблагодарнымъ Іудою, не признающимъ великаго благодѣянія, которое мы ему оказали, и всего, что мы для него сдѣлали. Мы слышали нѣкоторыя пустыя слова, которыя онъ говорилъ противъ меня, и онъ здѣсь отрицалъ ихъ съ клятвою, клятвопреступникъ; однакоже святый назаретскій (митрополитъ Гавріилъ) удостовѣ-

рилъ насъ, что онъ Арсеній говорилъ. Но мы радуемся когда клевещатъ на насъ, потому что весьма многіе святые неправедно и безпричинно были оклеветаны. Объ одномъ только, царица моя, мы опечалились и огорчились, что онъ обманулъ справедливѣйшаго царя и, обманывая царя, обманулъ Бога, намѣстникъ котораго на землѣ есть онъ (царь). И не убоялся онъ, тренесчастный, чтобы земля неразверлась и не поглотила его, какъ Даѳана и Авирона. Но божественное правосудіе отмститъ ему какъ ему, такъ и всякому другому злу; какъ солнце не можетъ спрятаться, хотя его лучи облаками и закрываются на нѣкоторое время, такъ и правда обнаруживается, дѣлается извѣстной со временемъ, почему она и называется, спутницею Бога всяческихъ. На сей разъ довольно. И если мы отягчили слухъ великаго вашего царствія, то непокручиньтесь, потому что одна только правда побудила насъ написать это".

Грамата патріарха Паисія государынѣ показываетъ, что благочестивая Марья Ильинична отнеслась въ Москвѣ къ Паисію съ особымъ радушіемъ и благосклонностію, что она уговаривала іерусалимскаго патріарха подолѣе побыть въ Москвѣ и послала съ ними ко гробу Господню очень богатые церковные сосуды. Этимъ расположеніемъ къ нему государыни и рѣшился теперь воспользоваться Паисій, чтобы подорвать въ Москвѣ значеніе показаній извѣстнаго Арсенія Суханова, который отправился изъ Москвы на востокъ вмѣстѣ съ Паисіемъ, съ спеціальнымъ порученіемъ отъ правительства составить „описаніе святыхъ мѣстъ и греческихъ церковныхъ чиновъ". Сухановъ очень неблагосклонно отнесся къ грекамъ вообще и ихъ обычаямъ и даже заподозрилъ самое ихъ благочестіе, что онъ нестѣсняясь

и выразилъ въ своихъ знаменитыхъ „преніяхъ съ греками о вѣрѣ“, почему греки естественно должны были отнестись къ Суханову очень враждебно. Но Сухановъ, кромѣ порицанія грековъ вообще, доносилъ правительству что-то очень неблагопріятное и лично про патріарха Паисія и, вѣроятно, между прочимъ, объяснилъ истинную причину продолжительнаго пребыванія Паисія въ Молдавіи, заключавшуюся во враждѣ Паисія къ константинопольскому патріарху Парѳенію, къ которому очень расположено было наше правительство, какъ къ своему вѣдомому доброхоту. Обратиться съ своими жалобами на Арсенія прямо къ царю Паисій нерѣшился, а предпочелъ дѣйствовать чрезъ государыню, очевидно предполагая въ ней большую нежели у государя воспріимчивость къ жалобамъ его—Іерусалимскаго патріарха. Изъ послѣдующаго однако невидать, чтобы обвиненія Паисія имѣли какія либо послѣдствія для Суханова.

Съ архимандритомъ Іоасафомъ патріарху Паисію было послано милостины соболями на 1500 рублей (на наши деньги тысячь на двадцать пять рублей) и царская грамата, въ которой государь извѣщаетъ патріарха, что онъ и царица приняли его посланныхъ и грамоты и что онъ посылаетъ патріарху „заздравные милостины двѣнадцать сороковъ соболей добрыхъ, да отъ царицы нашей... шесть сороковъ добрыхъ же“, просить его молить Бога о всей царской семьѣ „и о нашихъ государскихъ дѣлехъ радѣти и вѣдомо нашему царскому величеству чинити, а у насъ... и впередъ ваше святительство въ забвеніи не будетъ“. Архимандриту Іоасафу, сверхъ обычной дачи „на пріѣздѣ“ и „на отъѣздѣ“, дано еще было сто рублей (на наши деньги 1700 р.). Эта чрезвычайная дача Іоасафу вѣро-

ятно объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: Іоасафъ подалъ государю особую челобитную, въ которой заявляетъ, что онъ пять лѣтъ состоитъ игуменомъ Іерусалимскаго въ Цареградѣ Георгіевскаго монастыря, откуда патріархъ и послалъ его въ Москву, что онъ „знаемъ всѣмъ начальнымъ турскимъ людямъ и о всякомъ твоемъ государевѣ дѣлѣ тебѣ государю служить и работать я, богомолецъ твой, могу", почему теперь и проситъ государя: „вели мнѣ, богомольцу твоему, служити и работати всякимъ твоимъ государевымъ дѣломъ", проситъ, когда онъ ради государевыхъ дѣлъ, будетъ посылать въ Москву разныхъ добрыхъ грековъ, то чтобы ихъ безпрепятственно пропускали въ Путивлѣ, на что и должна быть ему выдана особая государева грамата. Такая грамата была дана Іоасафу и онъ такимъ образомъ поступилъ въ число нашихъ тайныхъ политическихъ агентовъ въ Турціи, обязанныхъ обо всемъ, что въ ней дѣлается, немедленно извѣщать наше правительство особыми отписками, посылаемыми въ Москву съ вѣрными людьми [1].

Въ 1654 году патріархъ Паисій прислалъ государю съ халкидонскимъ архимандритомъ Матвѣемъ грамату, въ которой писалъ: „мы, царю мой многолѣтный, ходимъ отъ мѣста на мѣсто ко благочестивымъ христіаномъ малыя ради милостыни за святыя и богоходимыя мѣста, идѣже на всякъ день искушенія, иждивенія и исходы неоскудѣваютъ, частію отъ агаряновъ, частію отъ проклятыхъ еретиковъ арменовъ, и имамы обиды на всякъ день. Обаче со благословенною милостію великаго царствія твоего и благочестивыхъ православныхъ христіанъ стоимъ, и мы боримся съ дикими

[1] 7161 г. № 10; С. А. Бѣлокуровъ: Арсеній Сухановъ, приложеніе.

звѣрьми", и затѣмъ рекомендуетъ государю одного грека [1].

Въ 1657 году путивльскіе воеводы доносили государю, что 2 Іюня въ Путивль прибыли Іерусалимскаго патріарха архимандритъ Германъ, келарь Аѳанасій, да патріаршій человѣкъ Дмитрій. Воеводамъ архимандритъ Германъ сказалъ, что ѣдетъ къ государю и святѣйшему патріарху Никону съ грамотами Іерусалимскаго патріарха Паисія „наскоро, тайно", „а писаны де (граматы) о вашихъ государевыхъ великихъ дѣлахъ, а вѣстей за собою никакихъ несказалъ". Указомъ государя велѣно было воротить архимандрита назадъ изъ Путивля, давъ ему милостыню, примѣняясь къ Путивльскимъ дачамъ. Но архимандритъ Германъ прислалъ изъ Путивля челобитную, въ которой заявлялъ, что онъ пріѣхалъ съ патріаршими грамотами, которыя патріархъ велѣлъ „подати въ руцѣ святому вашему царствію, и какъ я пріѣхалъ въ Путивль и взялъ меня силою воевода, который здѣся, и спрашивалъ меня: для чего ѣдешь къ твоему святому царствію? И я ему сказалъ: да отпуститъ меня поклонитися царствію вашему, какъ приказано мнѣ отъ патріарха, разсказати изъ устъ всякую бѣдность и всякой долгъ, что учинили проклятые арменья; и онъ неотпустилъ меня". Архимандритъ проситъ государя приказать пропустить его въ Москву, такъ какъ безъ царской грамоты и милостыни онъ боится возвращаться къ патріарху; тѣмъ болѣе что они исхарчились и возвратиться имъ назадъ неначто. Отвѣта на эту челобитную непослѣдовало и архимандритъ былъ возвращенъ назадъ изъ Путивля [2].

[1] 7163 г. № 1. — [2] 7165 г. № 21.

Прибывшій въ Москву 24 Апрѣля 1658 года грекъ Исаія Остафьевъ въ посольскомъ приказѣ заявлялъ, что Іерусалимскій патріархъ Паисій просилъ его, Исаію, взявши съ него въ томъ присягу, извѣстить великаго государя, чрезъ боярина Илью Михаиловича, что у Іерусалимскаго патріарха есть ближній человѣкъ у султана, бывшій родомъ грекъ, а патріарху другъ и совѣтникъ, имя ему—Шаптамъ-ага, который говорилъ патріарху: у турокъ есть помышленіе перемѣнить господарей: венгерскаго Ракоція, валахскаго Константина и молдавскаго Стефана за то, что они держатъ между собою совѣтъ за одно и съ казаками сочетаются; и если ихъ несмѣнить и неказнить, то султану невозможно будетъ послать ратныхъ своихъ людей, а какъ поставитъ новыхъ князей, то можно будетъ ему идти на казаковъ, ибо тогда небудетъ гетману никакихъ вѣстей ни письменно, ни словомъ и небудетъ гетманъ въ силѣ. Обо всемъ этомъ писалъ султану крымскій ханъ, а также и о томъ, что король литовскій учинится ему данникомъ и будетъ платить ему ежегодно по 3000 ефимковъ, лишь бы султанъ прислалъ ему помощь съ новыми воеводами. О всемъ этомъ велѣно было патріархомъ доложить государю чрезъ ближняго боярина словесно". — Въ томъ же году 6 Іюня пріѣхалъ въ Москву грекъ Иванъ Анастасовъ и въ расспросѣ заявилъ между прочимъ, что султанъ, почелобитью армянъ, велѣлъ было убить Іерусалимскаго патріарха, потому что армяне давали за то визирю и пашамъ 200,000 ефимковъ; но визирь про то розыскивалъ, и велѣлъ побить тѣхъ покупщиковъ армянъ, Іерусалимскаго пашу и иныхъ всѣхъ заводчиковъ, и церкви греческія, которыя были за армянами, всѣ отданы попрежнему Іерусалимскому патріарху.—Болѣе обстоя-

тельныя извѣстія прислалъ въ Москву объ этомъ событіи архимандритъ Іоасафъ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ 1652 года и поступившій на службу нашего правительства въ качествѣ тайнаго политическаго агента въ Турціи. Теперь онъ писалъ государю (въ Ноябрѣ 1658 года): „объявляю великому вашему царствію страшное смутное дѣло, которое учинилось: блаженнѣйшій патріархъ нашъ Паисій хотѣлъ починить корону свою, и огласилось сіе армянами и другими злыми людьми ближнему цареву человѣку и визирю. Они отдали патріарха подъ стражу Гасанъ-пашѣ и Юсуфъ-пашѣ, сирѣчь земскимъ боярамъ, и сковавъ его весьма мучили, а корону его взявъ отослали въ Адріанополь къ визирю съ великимъ человѣкомъ Юсуфъ-агою. Потомъ ночью, взявъ патріарха, отвели его туда, гдѣ былъ замученъ и конецъ принялъ Парѳеній, патріархъ вселенскій, и хотѣли и его тутъ-же повѣсить, а потомъ отвели его къ адріаницкимъ воротамъ, чтобы больше денегъ посулилъ, и мучили его страшно, и многихъ купецкихъ людей, — учинился великій страхъ и трепетъ... Укрылись всѣ купецкіе люди и только я, рабъ вашего царскаго величества, да иные четыре человѣка старцевъ, тайно ходили въ Адріанополь и видѣлись съ визиремъ. Изволеніемъ Божіимъ визирь то наше дѣло доложилъ султану и царь о томъ спросилъ визиря: носятъ ли де патріархи вѣнцы?—Визирь ему сказалъ: пожаловали патріарху носить вѣнцы, какъ евангеліе чтутъ, дѣдъ вашъ.—И царь приказалъ: пусть де онъ, патріархъ, носитъ про мое здорове, и тотъ часъ прислалъ человѣка съ наказною граматою, да небудетъ никто противъ патріарха и всѣхъ тѣхъ людей освободили по сему наказу, только отъ того патріарху много убыли стало и Св. Гробу. Патріарха мучили горько и ожидалъ смерти всякій часъ, только

лишь неказнили... Богомолецъ святаго вашего царствія патріархъ хотѣлъ объявить письмомъ о великихъ своихъ нуждахъ и бѣдахъ и повсядневномъ заключеніи... но нынѣ турки съ французскимъ брань имѣютъ, для того и смотрятъ всякія письма. Патріархъ отъ великихъ долговъ бѣжалъ Чернымъ моремъ и думалъ быть въ иверской землѣ, а меня оставилъ на свое мѣсто прикащикомъ, въ великой погибели, въ монастырѣ на подворьи, и приказалъ мнѣ писать вашему царствію о всякихъ дѣлахъ и статьяхъ съ вѣрнымъ рабомъ вашего царствія Иваномъ Юрьевымъ, и онъ, Иванъ, смышлено будетъ объявлять вашему царствію изъ устъ своихъ. Сего ради пишу съ великимъ страхомъ и трепетомъ, ибо негадаю и нечаю доѣхать рабу сему до вашего царствія!! [1].

8 Ноября 1659 года греки Дементій Петровъ и Дмитрій Юрьевъ привезли въ Москву государю грамату отъ патріарха Паисія (самой грамоты въ дѣлѣ не имѣется), въ которой онъ извѣщалъ государя, что до него дошло царское жалованье, посланное въ прошломъ году съ грекомъ Дементіемъ, и увѣдомляя за тѣмъ о тѣснотѣ своей и мученіяхъ отъ безбожныхъ турокъ, снова проситъ государя прислать ему милостыню. Паисію послано было, по примѣру посылокъ прежнихъ лѣтъ, на 100 рублей соболями [2]. Это была послѣдняя грамата патріарха Паисія къ русскому правительству, чрезъ годъ съ небольшимъ, именно: 2 Декабря 1660 года онъ скончался.

Подобно своему предшественнику Θеофану и Паисій патріархъ иногда обращался къ государю съ ходатайствами за разныхъ просителей милостыни. Такъ, 1 Октя-

[1] 7166 г. № 11 и 63; 7167 г. № 3. — [2] 7168 г. № 8.

бря 1650 года прибылъ въ Москву сербскаго Крушедолова Благовѣщенскаго монастыря архимандритъ Амфилохій, о которомъ Паисій писалъ государю: „буди вѣдомо державному христіанскому царю, что въ нынѣшнихъ временахъ показалъ тя Господь нашъ І. Христосъ, яко великаго и древняго царя Константина — утвержденіе благочестивой вѣрѣ нашей, и ревнитель ты еси его во всемъ: строиши и распространяеши церковь Христову, яко же Христосъ строилъ своею кровію, и по всей вселенней славна великая ваша царская милостыня, что еси всегда творишь монастыремъ и всѣмъ церквамъ Божіимъ; и сего ради прибѣгаетъ всякъ поручить милость отъ царствія вашего—глаголю убо межъ звѣрей дикихъ и имъ покореннымъ будучи агарянскимъ дѣтемъ—равнымъ звѣремъ. Такожде и сей архимандритъ Анѳилоѳей сказалъ намъ, что онъ имѣлъ у себя двѣ жалованныя граматы—царя Бориса и царя Василья, въ ихъ обители въ Кросодолѣ, во области сербскіе, и тѣ де жалованные граматы агареня изъ монастыря пограбили. А того монастыря соорудители были Максимъ архіепископъ, да два короля: блаженные Иванъ да Стефанъ съ матерію ихъ Ангелиною. И для ради подлинной достовѣрности билъ намъ челомъ сей архимандритъ съ братіею, чтобъ намъ послать къ великому вашему царствію молитва и благословеніе и прощеніе и подлинно вѣдомо учинить, что они добраго и святаго монастыря и постоянно поминаютъ благовѣрныхъ чинъ. Посему прибѣгаютъ они бѣдные и покланяются къ великому вашему царствію, и просятъ милостыну отъ великаго вашего царствія, и пожалуй ихъ, какъ тебѣ всемилостивый Богъ извѣститъ“. — Отъ 6 Апрѣля 1651 года Паисій писалъ государю относительно архимандрита Евѳимія, пріѣхавшаго въ Москву за мило-

стынею съ ларисскимъ архіепископомъ Каллистомъ: „Поелику многіе благочестивые христіане: архіереи, игумны и вельможи прибѣгаютъ со стороны восточной къ богодарованной его державѣ съ патріаршими граматами, и получаютъ утѣшеніе въ печалехъ и, возвращаясь въ свои области, молятъ Бога о его царскомъ здравіи, то и сей священноинокъ пріѣзжалъ съ свидѣтельствованными граматами, что онъ обиженъ отъ агарянъ, которые хотѣли раззорить его монастырь, и потому патріархъ молилъ о дарованіи ему милостыни“. Встрѣчаются и еще подобныя граматы патріарха Паисія, хотя ихъ, сравнительно съ количествомъ рекомендательныхъ граматъ патріарха Ѳеофана, и очень немного [1].

Обзоръ сношеній іерусалимскаго патріарха Паисія съ русскимъ правительствомъ показываетъ, что эти сношенія имѣли важность прежде всего для русской церковной жизни, на которую онѣ оказали очень замѣтное вліяніе. Русскіе порознились съ современными имъ греками въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, почему уже патріархъ Ѳеофанъ, находясь въ Москвѣ, настаивалъ предъ царемъ и Филаретомъ Никитичемъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ на Руси, въ виду ихъ несогласія съ обычаями, практиковавшимися во всей греческой церкви. Гораздо далѣе Ѳеофана пошелъ въ этомъ дѣлѣ патріархъ Паисій. Во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ велъ переговоры по церковнымъ вопросамъ съ государемъ, учинялъ соглашеніе съ патріархомъ Іосифомъ, но главное, что особенно важно, велъ бесѣды съ Никономъ, сначала архимандритомъ, а потомъ новгородскимъ митрополитомъ, указывая ему на разность нѣкоторыхъ церков-

[1] 7159 г. №№ 3, 39, 42; 7161 г. № 16.

ныхъ обрядовъ у русскихъ сравнительно съ тогдашними греческими и на необходимость ихъ согласованія въ томъ смыслѣ, чтобы русскія особенности были исправлены по образцу греческихъ. Эти бесѣды, на которыхъ Паисій „зазиралъ“ Никона, привели послѣдняго къ сознанію необходимости произвести церковныя исправленія въ широкихъ размѣрахъ, въ видахъ согласованія русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими. Чтобы поддержать рѣшимость Никона дѣйствовать въ указанномъ направленіи Паисій, по отъѣздѣ изъ Москвы, посылалъ сюда изъ Молдавіи двухъ митрополитовъ: назаретскаго Гавріила и навпактскаго Гавріила Власія, которые, по порученію Паисія, укрѣпляли Никона въ его рѣшимости начать церковную реформу, такъ что извѣстная и богатая своими послѣдствіями для дальнѣйшей нашей церковной жизни дѣятельность Никона, во многомъ обязана, и своимъ началомъ и своимъ общимъ направленіемъ, именно іерусалимскому патріарху Паисію. Побужденія, которыя руководили въ этомъ случаѣ патріархомъ Паисіемъ понятны: онъ увидѣлъ какъ многіе русскіе, благодаря именно своимъ тогдашнимъ церковнымъ особенностямъ, неблагопріятно стали смотрѣть на современныхъ грековъ, готовы были видѣть въ нихъ отступниковъ отъ древняго церковнаго чина и обряда, народъ, православіе котораго очень сомнительно, какъ они относились поэтому къ современнымъ грекамъ съ замѣтнымъ пренебреженіемъ, какъ къ низшимъ себя въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Дальнѣйшее развитіе и усиленіе этого направленія въ русской жизни, могло въ будущемъ угрожать даже разрывомъ русской церкви съ вселенскою греческою, а грекамъ окончательною потерею всякаго вліянія и значенія у русскихъ. Инте-

ресы вселенскаго православія и національныя греческія интересы, которые у Паисія всегда стояли не на послѣднемъ планѣ, и побудили его энергично позаботиться о поддержаніи и возвышеніи на Руси греческаго церковнаго авторитета, а вмѣстѣ и престижа грековъ вообще въ глазахъ русскихъ, къ чему дѣйствительно прямо и вела церковная реформа Никона, возникшая и потомъ проведенная подъ вліяніемъ и дѣятельномъ участіи грековъ.

Подобно своему предшественнику патріарху Θеофану Паисій усиленно заботился поддерживать близкія сношенія съ московскимъ правительствомъ, чтобы пользоваться его милостынею для поддержанія бѣдствующихъ Св. мѣстъ, для борьбы съ католиками и армянами, которая и при немъ, какъ и при Θеофанѣ, велась съ напряженіемъ и иногда принимала настолько острый характеръ, что самой жизни мужественнаго патріарха грозила серьезная опасность. Въ видахъ полученія богатой милостыни отъ московскаго правительства Паисій, вскорѣ по вступленіи на патріаршій престолъ, лично отправился въ Москву. Но онъ, въ этомъ случаѣ, преслѣдовалъ и другія цѣли, именно: политическія, которыя играли очень выдающуюся и характерную роль въ его сношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ. Онъ вошелъ въ близкія сношенія съ гетманомъ Хмельницкимъ, поднявшимъ очень удачное возстаніе противъ поляковъ и, благословляя его на борьбу, сдѣлался посредникомъ между нимъ и московскимъ правительствомъ, имѣя въ виду привести ихъ къ взаимному соглашенію, къ признанію казаками подданства московскому царю. Затѣмъ Паисій вошелъ въ тѣсныя сношенія съ господарями Молдавіи и Валахіи, и употреблялъ всѣ усилія привести ихъ, съ одной стороны, въ соглашеніе съ

Хмельницкимъ, а съ другой съ Москвою, долженствовавшей, по его мысли, сдѣлаться опорою и главою цѣлаго союза православныхъ народностей, которые, подъ верховнымъ руководствомъ московскаго царя, начнутъ потомъ рѣшительную борьбу съ турками въ видахъ своего освобожденія изъ подъ ихъ ига. Такимъ образомъ патріархъ Паисій увидѣлъ и призналъ въ московскомъ государствѣ ту политическую силу, которая съ теченіемъ времени должна была сдѣлаться орудіемъ для низверженія турецкаго господства и возстановленія свободы православныхъ народовъ и, конечно, главнымъ и первымъ дѣломъ грековъ. Именно для достиженія этой конечной цѣли Паисій и отважился на очень рискованную для его положенія и самой жизни роль: посредника-примирителя между Москвою, казаками и Молдо-Влахіей.

IV.

Сношенія патріарха Нектарія съ русскимъ правительствомъ.

Преемникомъ патріарха Паисія на Іерусалимской патріаршей каѳедрѣ сдѣлался Нектарій, который былъ посвященъ въ патріархи 9 Апрѣля 1661 года въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ и прожилъ первый годъ своего патріаршества и только въ 1662 году отправился въ Константинополь, откуда въ Сентябрѣ 1663 года прибылъ въ Яссы. Нектарій былъ человѣкъ очень болѣзненный, мало энергичный и предпріимчивый, болѣе склонный къ спокойной и кабинетной дѣятельности — за время своего патріаршества онъ невступалъ даже въ обычную для другихъ патріарховъ борьбу съ католиками и армянами. Изъ имѣющихся у насъ подъ руками документовъ не видно, чтобы Нектарій, сдѣлавшись патріархомъ, извѣщалъ о своемъ избраніи и постановленіи московское правительство особою граматою, и чтобы онъ, подобно своимъ предшественникамъ, стремился войти въ близкія сношенія съ московскимъ правительствомъ, заботился пріобрѣсти его особое расположеніе въ видахъ полученіе милостыни, и уже вовсе не помышлялъ о тѣхъ политическихъ затѣяхъ, которымъ такъ горячо былъ преданъ его предшественникъ Паисій. Но и при своемъ осторожномъ и сдержанномъ отношеніи

къ русскому правительству, Нектарій всетаки волей неволей долженъ былъ принять участіе въ тогдашнихъ смутныхъ русскихъ церковныхъ событіяхъ, именно: въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ.

Въ Іюлѣ 1658 года святѣйшій патріархъ Никонъ неожиданно оставилъ патріаршій престолъ и удалился въ построенный имъ Воскресенскій монастырь, нежелая въ тоже время окончательно отказаться отъ патріаршества. Это послѣднее обстоятельство поставило правительство въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ выборъ новаго патріарха былъ невозможенъ, пока оставался нерѣшеннымъ вопросъ о Никонѣ. Въ 1660 году въ Москвѣ былъ собранъ соборъ, который долженъ былъ разсмотрѣть и порѣшить дѣло о Никонѣ. Соборъ сдѣлалъ такое постановленіе: „чужду быти Никону патріаршескаго престола и чести, вкупѣ и священства и ничѣмъ не обладать“. Послѣ такого категорическаго рѣшенія о Никонѣ, повидимому оставалось только приступить къ избранію и постановленію новаго патріарха. Но на такой шагъ не рѣшилось правительство, такъ какъ самъ Никонъ открыто и рѣшительно отрицалъ право подчиненныхъ ему епископовъ судить его—своего главу, признавая это право только за константинопольскимъ патріархомъ, и такъ какъ архимандритъ полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ, а затѣмъ и извѣстный Епифаній Славинецкій, тоже высказались противъ права собора 1660 года судить Никона. Въ виду этихъ обстоятельствъ правительство принуждено было признать соборъ 1660 года неудавшимся и отказаться отъ исполненія состоявшагося на немъ опредѣленія относительно Никона, вслѣдствіе чего вопросъ о Никонѣ по прежнему остался открытымъ, по прежнему правительство незнало что ему дѣ-

лать съ бывшимъ патріархомъ. Тогда за рѣшеніе этого дѣла взялся извѣстный газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, прибывшій въ Москву 12 Февраля 1662 года по приглашенію бывшаго патріарха Никона, который думалъ найти въ немъ своего сторонника, а нашелъ самаго заклятаго врага.

Паисій Лигаридъ былъ человѣкъ образованный и даже ученый, человѣкъ ловкій, находчивый и при этомъ, какъ воспитанникъ іезуитовъ, нравственно очень гибкій и податливый грекъ, способный приладиться ко всякой средѣ и обстановкѣ, умѣвшій сдѣлаться нужнымъ и необходимымъ для тѣхъ, которые были нужны ему самому, отъ кого онъ надѣялся получить какія либо для себя выгоды. Прибывъ въ Москву и осмотрѣвшись здѣсь, онъ сразу понялъ, что дѣло Никона окончательно проиграно, что дѣйствовать въ пользу Никона для него—Лигарида нѣтъ ни малѣйшей выгоды, и потому онъ сейчасъ же рѣшительно сталъ на сторону враговъ Никона, сдѣлался ихъ душею и руководителемъ, причемъ быстро съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе и довѣріе самаго царя, уже нравственно измученнаго продолжительнымъ столкновеніемъ съ Никономъ, искавшаго опоры, успокоенія, оправданія своему поведенію относительно бывшаго „собиннаго друга“. Лигариду, этому вкрадчивому и льстивому греченину, удалось такъ подѣйствовать на царя, что тотъ, по словамъ Никона, сталъ слушать Паисія какъ „пророка Божія“. По совѣту этого „пророка Божія“ рѣшено было пригласить восточныхъ патріарховъ, или лично прибыть въ Москву, или прислать сюда экзарховъ для суда надъ Никономъ. Въ этомъ смыслѣ 28 Декабря 1662 года и написаны были отъ имени государя пригласительныя граматы ко всѣмъ четыремъ восточнымъ

патріархамъ, съ которыми и отправленъ былъ на востокъ единомышленникъ Лигарида, его соотечественникъ и другъ, проживавшій въ Москвѣ грекъ іеродіаконъ Мелетій. Прибывъ въ Константинополь Мелетій вручилъ царскую грамату константинопольскому патріарху Діонисію, а также іерусалимскому Нектарію, который въ то время находился въ Константинополѣ Эти пригласительныя граматы государя поставили обоихъ патріарховъ въ очень затруднительное положеніе. Дѣло въ томъ, что Мелетій, прибывъ въ Константинополь, неосторожно обнаружилъ здѣсь цѣль своего пріѣзда. т. е. отъ него узнали, что онъ пріѣхалъ добыть отъ патріарховъ осужденіе Никона, и что въ этомъ дѣлѣ главную роль играетъ Паисій Лигаридъ. Эти распространившіяся по Константинополю вѣсти произвели сильное волненіе между греками, такъ что нѣкоторые изъ нихъ не только публично поносили Лигарида и Мелетія, но и искали убить послѣдняго. Причины волненія грековъ и сильнаго ихъ негодованія на Лигарида и Мелетія понятны. Патріархъ Никонъ до крайности любилъ все греческое и самихъ грековъ, другаго подобнаго греколюбца небывало на Руси, это прямо признавали сами греки и даже личные враги Никона, какъ напримѣръ, Паисій Лигаридъ. Вся извѣстная церковная дѣятельность Никона имѣла строго грекофильскій характеръ, совершалась по указаніямъ и при содѣйствіи грековъ; имъ онъ всячески покровительствовалъ, всюду выдвигалъ ихъ церковный авторитетъ на первый планъ, возвышалъ греческое даже въ явный ущербъ русскому, онъ строилъ свои монастыри по образцу греческихъ, приглашалъ въ Москву греческихъ учителей пѣнія, грековъ мастеровъ серебрянаго дѣла и т. под. Естественно, что каждый истый грекъ симпа-

тизировалъ Никону, такъ какъ видѣлъ въ немъ своего поборника и защитника, человѣка, который стоитъ въ Москвѣ на стражѣ греческихъ интересовъ. И вотъ о низверженіи и конечномъ осужденіи этого-то горячаго радѣтеля грековъ и всего греческаго, усиленно хлопочатъ теперь сами же греки, живущіе въ Москвѣ. Такъ они поступаютъ конечно только потому, что дали подкупить себя врагамъ Никона и конечно только съ помощію денегъ они думаютъ теперь добыть отъ патріарховъ осужденіе благодѣтеля грековъ Никона. Понятно отсюда почему горячо заволновались греки, узнавъ о цѣли пріѣзда Мелетія въ Константинополь, понятно также и то затруднительное положеніе восточныхъ патріарховъ, въ какое ихъ поставили царскія граматы. Ѣхать самимъ въ Москву или послать туда экзарховъ, чтобы осудить почитателя и благодѣтеля грековъ, чтобы стать на одну доску съ такими своекорыстными интриганами, какъ Лигаридъ и Мелетій, патріархи конечно нежелали, уважая свое достоинство и какъ патріарховъ и какъ грековъ. Но, съ другой стороны, они не могли рѣшительно отказать и домогательствамъ русскаго правительства, расположеніемъ котораго имѣли всѣ причины дорожить. Въ виду этого патріархи Діонисій константинонольскій и Нектарій іерусалимскій избрали средній путь. Подъ предлогомъ боязни турокъ они рѣшительно отказались ѣхать въ Москву сами или послать туда своихъ экзарховъ, а въ замѣнъ послали въ Москву съ Мелетіемъ составленныя ими примѣнительно къ дѣлу Никона общія опредѣленія о власти царской и патріаршей, на основаніи и руководствуясь которыми соборъ русскихъ іерарховъ могъ бы самъ порѣшить съ дѣломъ Никона, безъ всякаго ближайшаго или непосредственнаго участія въ

этомъ восточныхъ патріарховъ. Въ этомъ смыслѣ патріархъ Нектарій и сдѣлалъ въ концѣ свитка о власти царской и патріаршей, подписаннаго всѣми восточными патріархами, особую приписку лично отъ себя, въ которой говоритъ, что правильно собранный соборъ имѣетъ право судить всякаго епископа, митрополита и патріарха. Если же патріархъ будетъ противиться суду такого собора (что и было съ Никономъ) говоря: яко не судимъ и не управляемъ есмь епископами и митрополитами, зане превышаетъ ихъ саномъ; да познаетъ сицевъ мужъ, яко и митрополитъ судитъ и низлагаетъ патріарха, собирающъ и прочихъ архіереевъ, еликимъ мощно прибыти". Приведя тому историческіе примѣры Нектарій заключаетъ: „сего ради всякая церковная персона отъ коеяждо церковныя персоны правима есть, съ настоящимъ слогомъ святыхъ правилъ" [1].

Восточные патріархи, и въ частности іерусалимскій Нектарій, отославши въ Москву свитки о власти царской и патріаршей, думали, что теперь щекотливое дѣло Никона будетъ окончательно рѣшено соборомъ мѣстныхъ русскихъ іерарховъ. Но въ дѣйствительности этого не случилось. 23 Апрѣля 1664 года въ Москву прибылъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій, какъ онъ заявилъ, „съ тайнымъ дѣломъ къ многолѣтному царю", отъ своего дяди константинопольскаго патріарха Діонисія. Будучи принятъ государемъ на другой же день по пріѣздѣ своемъ въ Москву, Аѳанасій говорилъ государю, что пославшій его константинопольскій патріархъ Діонисій „челомъ бьетъ твоему царскому величеству, чтобъ помиритися со святѣйшимъ патріархомъ московскимъ господиномъ Никономъ: якоже Господь

[1] Собр. госуд. гр. и дог. т. IV, № 27, стр. 117; Гиббенета. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, т. II, стр. 661—578.

нашъ Іисусъ Христосъ пришелъ на землю и реклъ святымъ апостоломъ: миръ вамъ; тако молитъ твоему царскому величеству вселенскій патріархъ Діонисій: что де намъ говорятъ турки и жиды, яко имѣютъ на Москвѣ христіанскаго царя, а отженулъ патріархъ; о томъ молитъ твоему царскому величеству, чтобы быти миру съ патріархомъ". Но такъ какъ Аѳанасій не привезъ съ собою никакихъ граматъ отъ патріарха, то государь „поусумнился" въ его миссіи. Это сомнѣніе еще болѣе усилилось, когда въ маѣ мѣсяцѣ возвратился съ востока іеродіаконъ Мелетій, привезшій съ собою извѣстные отвѣты патріарховъ на вопросы о власти царской и патріаршей, осуждавшіе Никона. Аѳанасію были предъявлены патріаршіе отвѣты, прямо противорѣчившіе его заявленіямъ. Но, разсказываетъ Паисій Лигаридъ, „сѣятель плевелъ и великій сопротивникъ истины побудилъ иконійскаго назвать подписи (патріарховъ на свиткахъ) подложными. Онъ подтверждалъ это тѣмъ, что самъ нарочно посланъ отъ вселенскаго патріарха и дяди своего по матери Діонисія ходатайствовать о вожделѣнномъ между царемъ и Никономъ мирѣ". При ближайшемъ разсмотрѣніи присланныхъ свитковъ, Аѳанасій однако призналъ, что подпись константинопольскаго патріарха Діонисія дѣйствительно подлинная, но за то онъ рѣшительно отрицалъ подлинность подписей трехъ другихъ патріарховъ. Въ присутствіи царя и синклита между Аѳанасіемъ и Мелетіемъ произошли горячія и долгія пренія о подлинности привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ свитковъ, неприведшія однако ни къ какому несомнѣнному заключенію. Какимъ образомъ Аѳанасій иконійскій могъ заподозрить подлинность привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ свитковъ, несомнѣнно подписанныхъ патріархами, объясняется очень

просто. Аѳанасій иконійскій, еще будучи въ Константинополѣ, уже сильно интересовался тамъ дѣломъ Никона, вполнѣ сочувствовалъ ему и нежелалъ его осужденія. Когда въ Константинополѣ сдѣлалась извѣстна цѣль пріѣзда іеродіакона Мелетія—добыть у патріарховъ осужденіе Никона, то Аѳанасій явился къ самому патріарху Діонисію и спрашивалъ его: далъ-ли онъ граматы Мелетію, осуждающія Никона? Патріархъ Діонисій отвѣчалъ, что никакихъ граматъ Мелетію онъ не давалъ. Діонисій отрицательно отвѣтилъ на вопросъ Аѳанасія въ видахъ сохранить тайну, но Аѳанасій принялъ его отвѣтъ за чистую монету и потому былъ увѣренъ, что патріархъ Діонисій граматъ Мелетію, осуждающихъ Никона, недавалъ. Направившись изъ Константинополя въ Москву, Аѳанасій въ Яссахъ встрѣтилъ іерусалимскаго патріарха Нектарія, съ которымъ также имѣлъ разговоръ о патріаршихъ граматахъ, которыя желалъ добыть Мелетій. Самъ Нектарій говорилъ потомъ о своемъ свиданіи съ Аѳанасіемъ слѣдующее: „а что-де иконійскій митрополитъ назвался экзархомъ и константинопольскому патріарху племянникомъ, и тѣмъ онъ великаго государя хотѣлъ оболгать; онъ де экзархомъ не посылованъ и константинопольскому не племянникъ. А про правила-де, чаетъ, онъ, митрополитъ, сказалъ для того: какъ іерусалимскій патріархъ пришелъ въ молдавскую землю въ Яси, и онъ-де, митрополитъ, приходилъ къ нему почасту и спрашивалъ: у Мелетія-де государевы граматы и милостину константинопольскій патріархъ и онъ, іерусалимской, приняли-ль и отвѣтъ ему дали-ль, и руки свои подписали-ль? И онъ-де патріархъ ему сказалъ, что государевы граматы и милостину у Мелетія приняли, а отвѣту ему никакого недали и рукъ своихъ ни къ какому

письму не подписывали. А сказалъ-де ему для того, чтобъ не всякій про то вѣдалъ потому де, что у нихъ страшно, турокъ де того и смотритъ, какъ бы Божія церкви разорить и православныхъ христіанъ погубить". Такимъ образомъ, Аѳанасій иконійскій, оказывается, и отъ іерусалимскаго патріарха Нектарія получилъ тоже увѣреніе, что и отъ константинопольскаго патріарха— будто они никакихъ граматъ Мелетію не давали и ни къ какимъ письмамъ рукъ своихъ не прикладывали. Во время своихъ частыхъ посѣщеній Нектарія въ Яссахъ, Аѳанасій конечно не разъ бесѣдовалъ съ нимъ объ интересовавшемъ его дѣлѣ Никона и изъ этихъ бесѣдъ могъ вынести ту твердую увѣренность, что Нектарій не сочувствуетъ осужденію Никона, желаетъ его возстановленія на патріаршей каѳедрѣ, что и константинопольскій патріархъ осуждаетъ происки враговъ Никона. Въ виду этого Аѳанасій имѣлъ, съ своей точки зрѣнія, полное основаніе заподозрить въ Москвѣ подлинность привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ свитковъ и усиленно склонять царя къ примиренію съ Никономъ, чего, какъ онъ хорошо зналъ, желали константинопольскій патріархъ и, въ особенности, іерусалимскій, а также всѣ лучшіе и благонамѣренные греки. Скоро Московскому правительству пришлось убѣдиться, что покрайней мѣрѣ іерусалимскій патріархъ Нектарій, не смотря на свою подпись подъ патріаршими свитками, осуждающими Никона, въ дѣйствительности желаетъ возвращенія Никона на патріаршій престолъ [1].

Въ Февралѣ 1664 года патріархъ Нектарій подписалъ патріаршіе свитки о власти царской и патріар-

[1] Греч. д. 7172 г. № 14; Сочиненіе Паисія Лигарида о судѣ надъ патріархомъ Никономъ, переводъ котораго находится въ рукописи библ. моск. дух. академіи. Гиббенета: т. II, стр. 706, 761—764, 802, 805.

*

шей, осуждающіе Никона, а отъ 20 Марта уже пишетъ государю по дѣлу Никона особую спеціальную грамату, въ которой является сторонникомъ и доброжелателемъ Никона, ищетъ примирить его съ царемъ и снова возвратить на оставленную имъ патріаршую каѳедру. „Достопочтеннѣйшую грамату священной десницы вашей, пишетъ Нектарій, мы приняли отъ іеродіакона Мелетія съ благоговѣніемъ и достодолжною почестію, а вмѣстѣ и милостыню, которою вы почтили святый и живопріемный Гробъ Господень. Въ сей граматѣ мы не нашли причины удаленія святѣйшаго патріарха вашего киръ Никона, сослужителя и брата о Христѣ нашего смиренія, ни другой какой вины противъ него, кромѣ пятилѣтняго его отсутсвія. Отъ іеродіакона же Мелетія мы многое слышали, который, какъ говоритъ, слышалъ сіе изъ устъ вашего величества, показывая намъ нѣкоторое письмецо, данное ему вмѣсто памятника, заклинающее его Богомъ, дабы онъ сказалъ все, что знаетъ о киръ Никонѣ и его противникахъ. Что касается до тѣхъ противниковъ, то, по сказанію его, немногія и недостойныя вниманія приводятъ они причины противъ Никона; о Никонѣ же сказалъ нѣкоторыя важныя дѣла, почти неизвинительныя, кои всѣ суть нововведенія, которыя намъ кажутся не очень достовѣрными“. Сказавъ затѣмъ, что такъ какъ ни онъ самъ лично не можетъ прибыть въ Москву, ни послать туда своего экзарха, какъ желалъ царь того, то они и рѣшились съ константинопольскимъ патріархомъ „нѣкоторымъ инымъ образомъ поправить сіе дѣло“, т. е. послать извѣстные свитки о власти царской и патріаршей, такъ какъ „объявить рѣшительное мнѣніе по тѣмъ словомъ, кои говорилъ Мелетій, было бы несправедливо, тѣмъ паче, что и по церковнымъ правиламъ и по гражданскимъ за-

конамъ не дозволяется произнесть приговора надъ патріархомъ по свидѣтельству одного и притомъ человѣка низшей степени". Затѣмъ Нектарій пишетъ царю: „намъ кажется, что вы мирнымъ образомъ можете успокоить сіе дѣло, и снова однажды или дважды пригласить киръ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ, показавъ ему статьи положенія для точнаго соблюденія: и ежели онъ окажется сперва преступившимъ оныя, а потомъ раскается и дастъ обѣщаніе соблюдать, то достоинъ прощенія; ибо часто случалось весьма много таковаго и еще важнѣйшаго въ церкви, и все поправлено для мира и тишины. Итакъ просимъ мы священное ваше величество, чтобы вы не приклоняли слуха своего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія, а наипаче-если таковые будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ россійской церкви соблазны..... Несогласіе и возмущеніе въ церкви страшнѣе всякой войны, ибо раздираетъ нешвенную одежду Христову, которую не раздѣлили и жестокосердые воины во время страданія Христова; раздрать же одежду Христову есть явный знакъ погибели душъ, за которыя Христосъ умеръ. Вы невѣдаете, что въ теперешнемъ положеніи, когда наша церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ потопляемымъ безпрестанными бурями отъ разныхъ притѣсненій языческихъ, и одну вашу россійскую церковь видѣли, подобно второму Ноеву ковчегу, служащею спасеніемъ отъ всякаго языческаго потопа и сохраняющею въ себѣ неистлѣнными сѣмена благочестія. Нынѣ же кто внушилъ вамъ отвращеніе отъ сего блага мира? Для чего такъ жестоко отметаете отъ себя первое достояніе!... Итакъ, миролюбивѣйшій государь, послѣ-

дуй кротости Давида, воспріими ревность по вѣрѣ православной и постарайся со тщаніемъ паки возвести законнаго патріарха вашего на престолъ его, дабы вовремя твоего священнаго царствія небыло положено злаго и гибельнаго начала смѣнять православныхъ и правомыслящихъ о догматахъ вѣры патріарховъ вашихъ. Сіе есть начало разрушенія церкви въ Константинополѣ; оно послужило и до нынѣ служить источникомъ многихъ золъ, и содѣлало насъ посрамленными предъ западною церковію. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у васъ не обратилось въ гибельную привычку. Ежели Никонъ говоритъ, что онъ не отрекался отъ престола, но отъ непокорныхъ, то ясно, что онъ обличаетъ непокорность народа. Итакъ покажите къ нему достодолжное повиновеніе, какъ къ строителю благодати: повиновеніе, говорю, не необыкновенное въ церквахъ Божіихъ, но каковое предписываютъ божественные законы. Отреченіе же его, которое онъ, какъ говорятъ, сдѣлалъ отъ церкви, можетъ быть принято снисходительнѣе, для соблюденія тишины, тѣмъ болѣе, что онъ киръ Никонъ, какъ мы сказали, отрекся отъ непокорнаго народа, а не отъ престола; но еслибы онъ и письменно отрекся отъ престола, то и сіе извинительно, ибо часто и отреченіе бываетъ недѣйствительно“. Приведя въ доказательство справедливости этой мысли разные примѣры изъ исторіи церкви, Нектарій продолжаетъ убѣждать царя: „изъ всѣхъ обстоятельствъ явствуетъ, что отреченіе Никона недѣйствительно и состоитъ только въ его словахъ, и должно вамъ, какъ я прежде сказалъ, снова призвать его. Съ симъ вмѣстѣ пишу я и къ нему, братски увѣщевая его, что ему неприлично было оставить столицу и жить внѣ оной. Ежели соизволите, ваше священное величество, то перешлите къ нему помяну-

тое писаніе... Предлагаемъ вашему величеству и то, что если киръ Никонъ, по вторичному приглашенію, не согласится возвратиться на свой престолъ, то извольте поступить по правиламъ положенія, что будетъ совершенно правосудно; ибо неприлично столичному городу быть безъ духовнаго пастыря. Итакъ непремѣнно должно или его возвратить, или другаго возвести на его мѣсто; однакожъ лучше вашему величеству возвратить его по вышеприведеннымъ причинамъ“ [1].

Грекъ Савелій Дмитріевъ, привезшій грамату Нектарія въ Москву, съ своей стороны показывалъ здѣсь, что іерусалимскій патріархъ наказалъ ему говорить Никону: „для чего онъ попрежнему на патріаршій свой престолъ нейдетъ и тѣмъ великаго государя кручинитъ?... Да то де онъ отъ еросалимскаго патріарха слышалъ, что опричь Никона патріарха на престолъ иному никому быть немочно, для того, что вины ево никакой нѣтъ“. Съ своей стороны и архидіаконъ Нектарія, потомъ преемникъ его на патріаршей каѳедрѣ, Досиѳей, писалъ Паисію Лигариду, укоряя его за неправыя, соблазнительныя и недостойныя пастыря дѣйствія по дѣлу Никона. „Слава пріиде, пишетъ онъ Паисію, нѣкая хульная, рожденіе же воистину діаволе яко вы не право граматы переводите, но иная полагаете, иная отъ среди изъемлете, иная оставляюще; аще пріидетъ туды патріархъ—будетъ о томъ истязовати, и въ томъ, совѣтую твоей святыни, буди далече отъ сего, да будеши воленъ отъ сихъ безчествованій, и намъ явишися истины поборникъ и оборонитель, зане нѣсть мала вещь злѣ переводити. Тоже, елико можеши, о належащихъ къ миру церкве стой крѣпко, зане возвестися намъ,

[1] Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, № 37, стр. 134.

яко твоя святыня, могій соблазномъ вредити, не глаголеши о мирѣ" [1].

Такимъ образомъ оказывается, что патріархъ Нектарій хотя и подписалъ извѣстные свитки о власти царской и патріаршей, осуждавшіе Никона, имѣя въ виду показанія іеродіакона Мелетія, но подписалъ ихъ съ большимъ сомнѣніемъ въ справедливости всего, что разсказывалъ о Никонѣ Мелетій. Когда же онъ изъ Константинополя пріѣхалъ въ Молдавію, гдѣ всегда было много грековъ, поддерживавшихъ съ Москвою постоянныя сношенія, то постарался отъ нихъ собрать о дѣлѣ Никона болѣе обстоятельныя свѣдѣнія и узналъ, что серьезныхъ причинъ къ осужденію и низверженію Никона въ дѣйствительности нѣтъ, что все это дѣло раздуто личными врагами Никона съ помощью нѣкоторыхъ крайне неблагонадежныхъ грековъ, вродѣ Паисія Лигарида. Тогда Нектарій и поспѣшилъ послать къ царю приведенную выше грамату, съ цѣлью убѣдить его примириться съ Никономъ и снова возвратить его на патріаршій престолъ. Грамата къ царю написана была очень сильно, убѣдительно и настойчиво, съ тою сдержанною властностію, какая и подобаетъ верховному архипастырю, ратующему за правое дѣло, имѣющему въ виду только миръ и интересы церкви Христовой, а не получку за сомнительную послугу богатой царской милостыни. Въ томъ же примирительномъ духѣ писалъ было Нектарій и грамату Никону, но она не была ему передана. Съ своей стороны архидіаконъ Нектарія Досиѳей пытался подѣйствовать въ духѣ примиренія и на главнаго дѣятеля изъ числа враговъ Никона—Паисія Лигарида, въ надеждѣ усовѣстить этого проженнаго совѣстію человѣка и побудить его дѣйство-

[1] Гиббенетъ т. II, стр. 771—773, 779, 893,

вать въ интересахъ правды и мира. Но эти хлопоты Нектарія и его архидіакона не достигли цѣли,—московское правительство уже не могло примириться съ Никономъ, оно добивалось его конечнаго осужденія во чтобы то ни стало, и потому съ крайнимъ неудовольствіемъ встрѣтило примирительную попытку патріарха Нектарія. Патріаршій посолъ Савелій Дмитріевъ былъ задержанъ въ Москвѣ и содержался подъ строгимъ надзоромъ, не имѣя возможности вступить съ Никономъ въ непосредственныя личныя сношенія. Впрочемъ онъ нашелъ возможность переписываться съ Никономъ, и этимъ путемъ сообщать ему нужныя свѣдѣнія и указанія. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ Никону: „владыко мой! Аще позовутъ тя, пріиди на соборъ; пріиди не сотвори инако и обезчестивъ нашъ соборъ, того ради не ино добро. Тако мнѣ есть приказано (разумѣется—отъ патріарха Нектарія) отвѣтъ дати; того ради повѣмъ: надѣюся на Бога, яко неимутъ найти никакого порока, во всемъ свидѣтельство твое премудро и благочестиво; и что какой порокъ хотятъ найти? Рекутъ, что оставилъ еси престолъ твой и отшелъ еси, и то нѣсть рѣчь: занеже когда архіерей оставитъ престолъ свой и отъидетъ въ чужое мѣсто, то есть зло, добрѣ знаете и святительство твое. Ты же и сошелъ еси съ Москвы, не пошелъ еси въ чужой миръ, но такоже въ престолѣ своемъ еси, и неимутъ учинити о семъ ни единаго же слова въ соборѣ. И о томъ молюся пресвятительству твоему: едино о семъ часѣ не объяви, да не речеши, како ти послалъ блаженный (т. е. іерусалимскій патріархъ) грамату и задержали ее въ верху бояре, и объявится дѣло, что услышалъ еси отъ меня, и мнѣ лихо сотворятъ, Едино пріимеши, да пріидеши веліимъ смиреніемъ, и буди, яко незнаешь ничего и небоязненъ,

занеже неимутъ тебѣ учинити ни чтоже". Савелій Дмитріевъ былъ задержанъ въ Москвѣ до прибытія восточныхъ патріарховъ, которые и выхлопотали ему у царя освобожденіе. По этому поводу самъ царь на соборѣ говорилъ: „сидѣлъ онъ, Савелій, за то, что онъ привезъ отъ еросалимскаго патріарха грамату, и въ той граматѣ писано многое къ ссорѣ" [1].

Примирительная попытка Нектарія въ дѣлѣ Никона не могла имѣть успѣха не только потому, что она противорѣчила намѣреніямъ и желаніямъ московскаго правительства, но и потому, что и самая грамата Нектарія пришла въ Москву очень поздно, когда дѣло съ Никономъ зашло уже слишкомъ далеко. Грамата Нектарія получена была въ Москвѣ вѣроятно только въ первыхъ числахъ Декабря 1664 года, а къ этому времени наше правительство уже сдѣлало новые важные шаги по дѣлу Никона.

23 Апрѣля 1664 года въ Москву прибылъ извѣстный намъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій, который заявилъ въ Посольскомъ приказѣ, что іерусалимскій патріархъ Нектарій находится въ Яссахъ и обѣщалъ пріѣхать къ государю, когда въ заднѣпровскихъ городахъ ратныхъ людей не будетъ, но съ какимъ дѣломъ онъ ѣдитъ, о томъ митрополиту неизвѣстно. Чрезъ нѣсколько дней послѣ иконійскаго Аѳанасія въ Москву прибылъ грекъ Исаія Евстафьевъ и заявилъ здѣсь: когда онъ былъ въ Рашковѣ, то пріѣзжалъ изъ Яссъ іерусалимскаго патріарха архидіаконъ къ дочери волошскаго владѣтеля, которая была за Тимоѳеемъ Хмельницкимъ и сказывалъ, что патріарху за войною проѣхать къ Москвѣ нельзя, и отъ турскаго султана присланъ ему указъ, чтобы изъ Яссъ никуда ему не ѣхать, и потому

[1] Русскій архивъ 1873 г. № 9, стр. 1626—1640; Гиббенетъ. II, 1054.

патріархъ хотѣлъ ѣхать по монастырямъ въ мутьянскую землю. Но онъ, Исаія, писалъ къ нему съ архидіакономъ, чтобы подождалъ въ Яссахъ, какъ бы ему можно было пріѣхать къ царскому величеству. Получивъ эти вѣсти, правительство уже распорядилось было, на случай пріѣзда Нектарія, принять его точно также, какъ ранѣе принимали въ Москвѣ патріарха Паисія. Но такъ какъ Нектарій не пріѣзжалъ, то 12 Іюля 1664 года въ Молдавію посланы были два грека, Василій Ивановъ и Кондратъ Дмитріевъ, съ граматою государя, въ которой онъ писалъ патріарху: „въ лѣтѣ предворшемъ 1663-мъ преблаженство твое нашими царскими письмены молихомъ, да въ митрополію градовъ нашеа богохранимыя державы пречестное твое архіерейство возлюбленною особою твоею путь сотворивши, и явившаяся здѣ недоумѣнная разрѣшиши; но по настоящій часъ святѣйшее и вожделѣнное намъ твое лицо, еже тощнѣ ожидахомъ, видѣти не улучихомъ, не малое духа стуженіе ощутихомъ“. Теперь же царь узналъ, что Нектарій находится въ Яссахъ и потому онъ проситъ его „во славную державы нашея митрополію самоличнѣ прибыти“.—Между тѣмъ въ Сентябрѣ того же 1664 года изъ Москвы на востокъ отправилось новое посольство, во главѣ котораго стояли іеродіаконъ Мелетій грекъ и называвшій себя въ Москвѣ племянникомъ константинопольскаго патріарха Діонисія грекъ Стефанъ Юрьевъ. Они должны были пригласить въ Москву всѣхъ восточныхъ патріарховъ для суда надъ Никономъ и устроенія русскихъ церковныхъ дѣлъ. Только въ Январѣ 1665 года послы прибыли въ Молдавію, гдѣ находился Нектарій и звать его въ Москву взялся грекъ Стефанъ Юрьевъ, а не Мелетій. Явившись къ Нектарію вмѣстѣ съ подъячимъ Оловен-

никовымъ, Стефанъ говорилъ: „великій государь проситъ и молитъ тебя, чтобъ ты изволилъ потрудиться для христіанскаго дѣла—пошелъ въ московское государство“. Нектарій отвѣчалъ: „Ко всѣмъ намъ прежде присланъ былъ отъ великаго государя Мелетій грекъ, и онъ знаетъ, что я затѣмъ и пріѣхалъ въ молдавскую землю, чтобы отсюда идти въ Москву, но за войною мнѣ никакъ нельзя было тогда проѣхать. Съ Мелетіемъ мы послали къ великому государю правила (извѣстные свитки о власти царской и патріаршей), и по нимъ почему до сихъ поръ ничего не сдѣлано?“ Тогда подъячій Оловенниковъ объяснилъ патріарху, какъ Аѳанасій иконійскій заподозрилъ было подлинность привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ свитковъ, и хотя потомъ сомнѣнія относительно ихъ уничтожились, однако правительство нерѣшается собирать соборъ и судить Никона безъ вселенскаго патріарха, тѣмъ болѣе, что въ русской церкви теперь происходятъ и другія многія нестроенія, для уврачеванія которыхъ необходимо присутствіе въ Москвѣ патріарховъ. Нектарій сначала заявилъ было рѣшительно: „пойду, хотя бы мнѣ и смерть принять, потому что я считаю великаго государя царемъ вселенскимъ, онъ единственный царь христіанскій, единственная наша надежда и похвала“. Но затѣмъ Нектарій сталъ колебаться, а когда получилъ какія-то письма изъ Константинополя, то и окончательно отказался отъ поѣздки въ Москву, такъ какъ-де ему не позволено ѣхать на сѣверъ [1].

Причины колебаній патріаха Нектарія относительно поѣздки въ Москву понятны: изъ своихъ сношеній съ посланными московскаго правительства и другими гре-

[1] Греч. д. 7172 г. №№ 14, 15, 18; Гиббенетъ. II, 712—721 и слѣд.

ками, имѣвшими сношенія съ Москвою, онъ убѣдился, съ одной стороны, въ томъ, что московское правительство всячески старается объ осужденіи и низверженіи Никона; съ другой стороны, что достаточныхъ причинъ къ осужденію и низверженію Никона въ дѣйствительности нѣтъ. Въ виду этого Нектарію, еслибы онъ поѣхалъ въ Москву, пришлось бы или стать на сторону пригласившаго его правительства и, согласно его настояніямъ, осудить Никона, или же, слѣдуя самому существу дѣла, своему убѣжденію и личнымъ симпатіямъ, стать сторонникомъ Никона, добиваться его возвращенія на каѳедру, и тѣмъ вызвать къ себѣ нерасположеніе московскаго правительства, вражду всѣхъ враговъ Никона и въ результатѣ все-таки вѣроятно ничего несдѣлать для послѣдняго. А между тѣмъ Нектарій, послѣ посылки имъ граматы царю отъ 20 Марта 1664 года, настаивавшей на возвращеніи Никона на каѳедру, и лично въ Москвѣ могъ конечно дѣйствовать только въ томъ же духѣ—мира и всепрощенія. Въ виду этого Нектарій — опасаясь за полную неудачу въ Москвѣ своихъ примирительныхъ дѣйствій, послѣ нѣкоторыхъ колебаній наконецъ рѣшительно отказался ѣхать въ Москву. На эту его рѣшимость вѣроятно повліяло и то обстоятельство, что онъ доселѣ неполучалъ никакого отзыва изъ Москвы на свою примирительную грамату отъ 20 Февряля, откуда онъ могъ заключить, что она принята была въ Москвѣ неблагопріятно. Этотъ отвѣтъ на его грамату отъ 20 Февраля былъ написанъ къ нему только въ началѣ 1665 года и вполнѣ подтверждалъ его опасенія, что его примирительныя стремленія по дѣлу Никона въ Москвѣ не были приняты и вызвали въ правительствѣ только неудовольствіе. Въ своей отвѣтной граматѣ Нектарію государь заявляетъ, что за-

боты патріарха о примиреніи его, государя, съ Никономъ дѣло самое желательное, но только „то твоего благословенія теплое прошеніе зѣло поздо поспѣ“. Оно пришло уже послѣ полученія подписанныхъ всѣми восточными патріархами свитковъ, которыми Никонъ рѣшительно осуждается, почему справедливѣе было слѣдовать голосу всѣхъ, нежели одного, такъ какъ „большую крѣпость глаголется имѣти всѣхъ разумъ, жребій же единаго прилагательно въ малѣй цѣнѣ почитается“. Указавъ затѣмъ на то, что отреченіе Никона было не словесное только, но и письменное, на которомъ имѣется его руки подпись: „николи дѣла не имѣти до патріаршества“, царь указываетъ на новый самовольный поступокъ Нокона: на его неожиданный пріѣздъ въ Московскій Успенскій соборъ съ 17 на 18 Декабря 1664 года, къ которому царь относится съ величайшимъ негодованіемъ. „Еда сіе нѣсть, пишетъ онъ, мучительное навѣтованіе, явное отступство, неправильное насилованіе человѣка навѣтующа и непризвана къ вышнему престолу, кромѣ правилъ, силою и нуждею, узаконенія святыхъ отрѣвающаго и попирающаго. Убо сіе новое дѣло превышаетъ всѣ первыя мимошедшія дѣла, отъ него бывшія, се есть: своевольное отреченіе и семилѣтное отшествіе, мятежи и тайныя ссылки, яже чести ради оставимъ, патріаршеское достоинство почитающе. Сія во умѣ имѣя, блаженнѣйшій, и симъ подобная помышляя, поучаетъ въ свою очередь царь Нектарія, достойный жребій принеси, держа прямо вѣсъ, ниже мнѣ, ниже ему наровя, но прямо разсѣкая правды борозду“. Затѣмъ царь выражаетъ желаніе лично видѣть и говорить съ Нектаріемъ, а если это невозможно, то проситъ прислать вмѣсто себя въ Москву „намѣстника благоискусна и благоразумна“, за что обѣщаетъ ему

„по совершеніи дѣла“, прислать свою милостыню на уплату долговъ св. мѣстъ“ [1].

Изъ приведенной грамоты государя и изъ того, что его посолъ въ Москву, Савелій Дмитріевъ, задержанъ русскимъ правительствомъ, Нектарій окончательно убѣдился въ полной неудачѣ его примирительныхъ дѣйствій въ дѣлѣ Никона, почему онъ рѣшительно устранился отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ. Но московское правительство само нуждалось въ Нектаріѣ и потому не разъ обращалось къ нему съ своими просьбами и домогательствами.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Москвѣ въ дѣлѣ Никона былъ, какъ мы видѣли, газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, заклятый врагъ Никона, всѣми мѣрами добивавшійся его конечнаго осужденія. Отъ преданныхъ ему грековъ, Никону удалось разузнать прошлое Паисія, и онъ написалъ противъ него цѣлую книгу, по словамъ самаго Лигарида, „безчествующу и истощающу великія кривды мерзкія, а вящшіе, яко есмь еретикъ и волхвъ“. Въ дѣйствительности сущность обвиненій Никона противъ Паисія сводилась къ тому, что Паисій какъ воспитанникъ іезуитовъ и латинскій ставленникъ, неможетъ считаться православнымъ, и его нельзя допускать, поэтому, къ участію въ дѣлахъ православной русской церкви; что Паисій не настоящій, а запрещенный архіерей, лишенный сана іерусалимскимъ патріархомъ. Этотъ извѣтъ Никона на Лигарида былъ потомъ подтвержденъ и константинопольскимъ патріархомъ Діонисіемъ, который наказывалъ бывшему у него Чудова монастыря келарю Саввѣ, въ качествѣ посла, доложить государю, что Лигаридъ „лоза не константинопольскаго престола и я (т. е. Діонисій) православнымъ его не

[1] Зап. рус. и слав. археол. общ. т. II, стр. 597—600.

нарицаю, что слышу отъ многихъ, что онъ папежинъ и лукавъ человѣкъ... А что газскій Паисій Лигаридій рукоположенецъ папинъ и по многихъ лятскихъ костелехъ служилъ за папу литургію... и истинно отвержется и прокленетъ предъ соборомъ всю папежскую ересь и исповѣдуетъ символъ православія, и онъ въ соборъ пріятъ будетъ". Наше правительство, конечно, никакъ не могло игнорировать обвиненія Лигарида въ латинствѣ самимъ константинопольскимъ патріархомъ, въ виду той важной и дѣятельной роли, какую игралъ Лигаридъ во всемъ дѣлѣ Никона, хотя самъ Паисій и отрицалъ справедливость взводимыхъ на него обвиненій. Когда въ 1667 году въ Константинополь отправился царскій посолъ Аѳанасій Нестеровъ, государь поручилъ ему обратиться за достовѣрными свѣдѣніями о Паисіѣ Лигаридѣ къ самому іерусалимскому патріарху Нектарію, вѣдѣнію котораго подлежалъ Паисій какъ митрополитъ газскій. 29 Іюля 1668 года въ Москвѣ получена была грамота патріарха Нектарія о Паисіѣ Лигаридѣ, въ которой онъ пишетъ государю: „дѣло се есть сказать вамъ про Лигарида, который у васъ ближній во святомъ вашемъ царствіи", и затѣмъ говоритъ, что онъ отлученъ и проклятъ еще патріархомъ Паисіемъ, про что здѣсь всѣмъ вѣдомо и о чемъ ему было послано тогда письменное извѣстіе въ волошскую землю, гдѣ тогда находился Лигаридъ. „И буди тебѣ, великому государю вѣдомо, за что его отставилъ (патріархъ Паисій): за то, что въ своемъ словѣ не стоялъ, а письмо его рукою писано, кабала, по которой онъ не уплатилъ и ушелъ въ мутьянскую землю". Послѣ смерти киръ Паисія, пишетъ Нектарій, бывали мы въ его епархіи (т. е. газской), а онъ ко мнѣ, Про-Лигаридій, небывалъ и со мною невидался, ни граматы намъ не послалъ, и не

проситъ отъ насъ прощенія и благословенія, а поѣхавъ онъ изъ волошской земли пришолъ въ черкаскую землю и тамъ писалъ грамоты ложныя, съ чѣмъ прійти къ тебѣ великому государю; а хто тѣ граматы ему въ черкаскихъ городѣхъ писалъ, тотъ нынѣ человѣкъ у насъ, а у него онъ былъ архимандритомъ, имя ево Леонтій". Пошелъ было Лигаридъ изъ своей епархіи на шесть мѣсяцевъ, а теперь отсутствуетъ уже 14 лѣтъ; пошелъ онъ для того, чтобы найти средства для уплаты долга, который лежитъ на христіанахъ его епархіи, „а онъ имъ ни грамотою, ни словомъ не приказалъ, какъ пошолъ, и когда онъ забылъ свою область, то нынѣ онъ не пастырь ни архіерей, ни епископъ — тому Богъ свидѣтель!" Христіане его епархіи крайне утѣснены и ему, патріарху, приходится платить по кабалѣ, какую Паисій написалъ своею рукою. Тѣ деньги, которые государь далъ Паисію для уплаты долга епархіальнаго и іерусалимскому патріарху, онъ съ своимъ племянникомъ все отослалъ на свою родину — Хіосъ [1]. „Мы, замѣчаетъ

[1] Нектарій говоритъ совершенно справедливо о томъ, что Лигаридъ получалъ отъ царя крупныя дачи будто бы на уплату долговъ своей епархіи. Немедленно по прибытіи въ Москву Паисій проситъ въ челобитной государя откупить христіанъ его области отъ турокъ, съ которыми де онъ уговорился давать имъ окупу за христіанъ ежегодно по 500 ефимковъ и проситъ вручить ему эту сумму, «что бъ мнѣ, богомольцу твоему, изъ области своей изгнану не быть, и православныхъ христіанъ моея области нечестивые турки не обратили-бъ въ свою турскую вѣру». (7170 г. № 11). Въ слѣдующемъ году Паисій заявляетъ въ челобитной государю, что онъ пріѣхалъ въ Москву просить милостыни «на уплату съ епархіи моей податей іерусалимскому патріарху Нектарію и туркамъ и себѣ на пропитаніе», но что онъ живетъ, по царскому указу, на Москвѣ уже три года «и нынѣ мнѣ, богомольцу твоему, вѣдомо учинилось, что еросалимскій патріархъ на меня зѣло гнѣвенъ за то, что я многое время, оставя епархію, живу на Москвѣ, а безъ меня епархіи моей пасти некому; да ему, патріарху, и турку никакіе подати въ епархіи моей не плачены, да живущіе въ епархіи моей заняли на нужные расходы многіе деньги», почему онъ и проситъ государя выдать ему золотомъ 1700 ефимковъ, которые должна его епархія. Ему выдано было «850 золотыхъ червонныхъ одинокихъ» (7172 г. № 1).

патріархъ, хотѣли было отнять, но не отняли для того, чтобъ не слыть намъ сильниками и лихими, и посему то мы все стерпѣли великій государь, чтобы не смутить церковныхъ дѣлъ. Нынѣ, что тутъ онъ пребываетъ, а дѣла его вѣдомы стали. Даемъ подлинную вѣдомость, что онъ отнюдь не митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что онъ только лѣтъ отсталъ и по правиламъ св. отецъ есть онъ подлинно отставленъ и всякаго архіерейскаго чину лишенъ, только имянуетца Паисѣй. Да и бывшей патріархъ Паисѣй отказалъ, и не подобаетъ ему быть въ нашей сторонѣ и нигдѣ. И называется онъ съ православными православенъ; а онъ свидѣтельствуется ото многихъ своей руки грамотъ, которыя здѣсь у насъ есть; а латыни свидѣтельствуютъ и называютъ своимъ, и папа римскій емлетъ отъ него на всякой годъ по 200 ефимковъ... А что онъ имѣлъ милостыми для престола св. церкви, то онъ, лютый волкъ, послалъ къ племянникамъ своимъ, а не къ церкви, и подобаетъ то ему назадъ отдать, или вѣрному человѣку церковному у него взять и отослать. — Все сіе мы писали не для похвалы, но для того, чтобы Богъ на насъ за сіе непрогнѣвался; пишемъ все правду, чтобы наша вѣра не была осуждена и св. отецъ преданіе не нарушено было". Въ заключеніе грамоты Нектарій пишетъ: „а буде изволите великій государь, о насъ вѣдать, и мы отъ великихъ долговъ бываемъ въ великой печали. Я засталъ на святѣйшемъ престолѣ 14.000 ефимковъ долгу, а отъ великихъ смутъ армянскихъ послать къ твоему свѣтлому лицу и пріѣхать самъ не смѣлъ. Воспомяни, какъ тебѣ Богъ извѣститъ, а намъ гречане, торговые люди, пріѣзжая съ Москвы, про твою царскую милость сказываютъ". Въ концѣ граматы находится особая просьба

патріарха къ царю: съ торговыхъ гречанъ впредь пошлинъ брать государь бы не велѣлъ [1].

Приведенная грамата патріарха Нектарія должна была произвести сильное впечатлѣніе на московское правительство и окончательно уничтожить Паисія. Личность его теперь стала ясна: это былъ лишенный сана архіерей, авантюристъ, который явился въ Москву съ подложными граматами и, выдавая себя здѣсь за дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивая у царя милостыню для бѣдствующей своей паствы, дерзко и нагло обманывалъ царя, какъ относительно своей личности, такъ и употребленія тѣхъ денегъ, которые онъ получалъ отъ царя на покрытіе долговъ своей мнимой епархіи. Но и этого мало: являясь въ Москвѣ въ роли строгаго ревнителя православія, уставовъ и положеній православной церкви, которые будто бы дерзко нарушилъ новаторъ Никонъ, Паисій въ дѣйствительности былъ латынникомъ,—папежникомъ призналъ Паисія открыто и оффиціально его собственный іерусалимскій патріархъ, папежникомъ его призналъ и константинопольскій патріархъ. Казалось, что для Лигарида оставалось только одно мѣсто—Соловки, но этого не случилось. Русское правительство не могло рѣшиться открыто признать, что человѣкъ, отъ котораго исходили всѣ совѣты и указанія по дѣлу Никона, на котораго доселѣ смотрѣли въ Москвѣ какъ на образованнѣйшаго и авторитетнаго представителя православнаго востока, въ мудрость и компетентность котораго всѣ вѣрили, котораго самъ царь слушалъ „какъ пророка Божія“, — что этотъ человѣкъ былъ запрещенный архіерей, обманщикъ и латынникъ, ловко разыгравшій предъ довѣрчивыми русскими роль судьи въ ихъ церковныхъ дѣлахъ, роль ревнителя чуждыхъ

[1] 7175 г. № 2. Гиббенетъ II, стр. 892—894.—7176 г. № 22.

для него интересовъ православія. Съ своей стороны и Паисій, въ виду патріаршихъ на него обличеній, постарался выставить ихъ предъ царемъ дѣломъ, внушеннымъ патріарху многочисленными личными врагами Паисія, нехотѣвшими ему простить его участіе въ дѣлѣ осужденія Никона. Какъ бы то ни было, но только грамата Нектарія повидимому нисколько не повредила Паисію въ мнѣніи и расположеніи царя, и даже принесла ему несомнѣнную пользу. Алексѣй Михайловичъ, естественно видѣвшій въ осужденіи Паисія какъ бы осужденіе всего, что было сдѣлано по совѣтамъ и указаніямъ Паисія въ дѣлѣ Никона, рѣшился хлопотать предъ іерусалимскимъ патріархомъ о возстановленіи Паисія въ его прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита, тѣмъ болѣе что и другія обстоятельства требовали тогда отъ московскаго правительства особыхъ сношеній съ патріархами константинопольскимъ и іерусалимскимъ, при которыхъ удобно было попутно устроить и дѣло о Паисіѣ Лигаридѣ.

Патріархи константинопольскій и іерусалимскій рѣшительно отказались и сами ѣхать въ Москву и послать туда своихъ экзарховъ для суда надъ Никономъ, не сочувствуя этому, по ихъ мнѣнію, несправедливому и во всѣхъ отношеніяхъ печальному для церкви явленію. Иначе поступили патріархи александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій. Въ чаяніи полученія богатой милостыни отъ русскаго правительства для своихъ бѣдствующихъ каѳедръ они лично отправились въ Москву, куда и прибыли въ концѣ 1666 года, такъ что въ Москвѣ могъ наконецъ состояться окончательный судъ надъ Никономъ при личномъ участіи двухъ восточныхъ патріарховъ, чего такъ давно и съ такими усиліями добивалось наше правительство, тѣмъ болѣе что пріѣхавшіе

въ Москву патріархи заявили, что они явились сюда будто бы съ согласія патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, почему они судили и окончательно осудили Никона отъ лица всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ. Но въ дѣйствительности патріархи Паисій и Макарій вовсѣ не имѣли согласія, а тѣмъ болѣе какихъ либо полномочій на поѣздку въ Москву для суда надъ Никономъ отъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, какъ это хорошо видно изъ ихъ собственныхъ писемъ изъ Москвы къ Нектарію и Парѳенію константинопольскому, имѣвшихъ въ виду оправдать ихъ поѣздку въ Москву и образъ дѣйствій здѣсь. Въ письмѣ къ Нектарію Паисій и Макарій говорятъ, что они отправились въ Москву только послѣ того, какъ „узрѣвше писаньице твое, извѣщающее, яко твое блаженство имѣ умышленіе въ сіа страны путьшествовати. Пачеже грамотоносецъ устнѣ извѣща намъ, яко вселенскій патріархъ хотяше послати своего экзарха". Въ виду именно такихъ вѣстей, т. е. что Нектарій самъ ѣдетъ въ Москву, а константинопольскій посылаетъ туда своего экзарха, они и рѣшились отправиться въ путь, чтобы такимъ образомъ въ Москвѣ были всѣ четыре патріарха. Извѣщаютъ Нектарія, что они послѣ соборныхъ допросовъ нашли Никона виновнымъ во многихъ преступленіяхъ, „ихъ же не подобаетъ предавати писанію, занеже епистолія не имѣетъ въ себѣ что либо тайно". Но не смотря на такую оговорку, они всетаки считаютъ нужнымъ указать Нектарію на одну вину Никона: „въ такое напыщеніе, пишутъ они, пріиде гордостный Никонъ, якоже самъ ся хиротониса патріархомъ новаго Іерусалима,—монастырь бо, егоже созда, нарече новымъ Іерусалимомъ со всѣми окрестъ лежащими: именуя святый Гробъ, Голгофу, Виѳліемъ, Назаретъ, Іорданъ". Пишутъ,

что они оказали услугу Нектарію, освободивъ отъ заключенія его посланца Савелія. Подобнаго же рода письмо отправлено было и къ константинопольскому патріарху. Очевидно, что побужденіемъ къ написанію этихъ писемъ Паисіемъ и Макаріемъ служило опасеніе, что ихъ поѣздка въ Москву, безъ согласія и одобренія патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, что осужденіе ими Никона, этого друга и покровителя грековъ, вызоветъ на востокѣ сильное неудовольствіе и порицаніе и можетъ причинить имъ, по возвращеніи на востокъ, много непріятностей. Это опасеніе было тѣмъ болѣе основательно, что іерусалимскій патріархъ, какъ имъ хорошо было извѣстно, открыто стоялъ на сторонѣ Никона, желая его возстановленія на патріаршей каѳедрѣ, а константинопольскій патріархъ Парѳеній свое отношеніе къ дѣлу Никона очень ясно и опредѣленно выразилъ въ томъ своемъ дѣйствіи, что лишилъ Паисія и Макарія ихъ патріаршихъ каѳедръ за то, что они поѣхали въ Москву, чтобы судить и, конечно, осудить Никона, такъ что нашему правительству пришлось потомъ хлопотать предъ высокою Портою о возстановленіи патріарховъ Паисія и Макарія на ихъ каѳедрахъ.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ и московское правительство, съ своей стороны, было озабочено тѣмъ, чтобы патріархи Паисій и Макарій, по своемъ возвращеніи на востокъ, были приняты тамъ своими собратьями, патріархами константинопольскимъ и іерусалимскимъ, вполнѣ дружественно, а также чтобы ими приняты и утверждены были дѣянія большаго московскаго собора относительно низложенія Никона и другихъ статей. Съ этой цѣлію государь отправилъ къ патріархамъ константинопольскому и іерусалимскому, съ грекомъ іеродіа-

кономъ Мелетіемъ, свою грамату, писанную отъ 13 Іюля 1669 года, въ которой онъ въ тоже время проситъ патріарховъ и о разрѣшеніи Паисія Лигарида. Въ граматѣ къ патріарху Нектарію (такая же грамата слово въ слово была послана и патріарху константинопольскому) царь проситъ его принять съ честію и веселіемъ патріарховъ Паисія и Макарія—„какую честь учините имъ, и то учините нашему царскому величеству". Относительно дѣяній большаго московскаго собора проситъ Нектарія: „еще просимъ и о здѣшнемъ соборномъ, что уложено и совершено, всѣмъ желаемъ явлено быти и улажити улаженье въ великой Христовой церкви", на память и наученіе будущимъ поколѣніямъ. Относительно „патріарха Никонова изверженья, соборнѣ просимъ подписати, яко по правдѣ, по правиломъ законнымъ, по освященнымъ уложеньемъ и соборныхъ правилъ и патріаршихъ томосъ (т. е. извѣстныхъ патріаршихъ свитковъ о власти царской и патріаршей) познанъ бысть и осуженъ преже и потомъ всѣмъ соборомъ". Въ доказательство полнаго согласія „догматовъ и ученья русскія церкви съ восточные церкви, питательные матери нашей", говоритъ грамата „хощемъ имѣти совѣтъ соборнымъ вашимъ письмомъ чрезъ нашего священнаго діякона Мелетія". Къ этому царь прибавляетъ: „мы же паки милость и жалованья матери нашей восточной и питательной великой церкви не будемъ въ забвеньи никогда, токмо и побольшіе призирати будемъ". Въ заключеніе граматы государь, прося молитвъ и благословенія патріарха, ходатайствуетъ предъ нимъ за Паисія Лигарида. „Возвѣщаемъ, пишетъ царь, о митрополитѣ гаскомъ Паисѣя, котораго имѣемъ въ царскомъ нашемъ дворѣ яко велія учителя и переводчика нашего, чтобы имѣлъ первую честь и славу также и по прежнему, понеже

нѣкіе злорадочники отъ зависти своей зазлословили ко святительству вашему и въ безщестіи извергнули и оставили его, и о томъ зѣло—зѣло опечаловалися мы, вѣдучи незлобія его и благодатства его, яко много тружался и постился въ странѣ нашей на соборѣ и о смиреніи (исправленіи) Христовой церкви труждался словомъ и дѣломъ вельми, ежебы пріяти честь, но получилъ безчестье и срамоту. И сего ради просимъ и молимъ отписать, чтобъ ему пріяти прежнюю его честь, яко намъ вѣдомо житіе его и пребываніе его и свидѣтельствуемъ архіереемъ добрымъ и честное житіе раба, а которые иноки его оглашали и предали, не дружа сказали, очи бо ушей вѣрнѣе. Тако молимъ просимъ, да обрящемъ прошеніе наше, вѣдучи, яко сколько не учинилося, и то учинилося съ зависти и по недружбѣ человѣка".

Московскій патріархъ Іоасафъ, съ своей стороны, тоже писалъ патріарху Нектарію грамату отъ 4 Іюня 1669 года, въ которой ходатайствовалъ предъ нимъ о прощеніи и разрѣшеніи Паисія Лигарида. Еще съ посломъ Нестеровымъ патріархъ Іоасафъ извѣщалъ Нектарія о своемъ вступленіи на патріаршую московскую каѳедру, причемъ послалъ ему 100 золотыхъ, сорокъ соболей и 10 аршинъ бархату. Съ своей стороны Нектарій тогдаже отвѣтилъ Іоасафу присылкою особой граматы, которая, впрочемъ, недошла до насъ. Теперь Іоасафъ прежде всего благодаритъ Нектарія за присылку ему граматы. „Веліимъ о Христѣ Господѣ сердце наше разпирися веселіемъ и умъ неизреченною исполнися радостію, егда пріемше отвѣтное вашего преблаженства на мѣрности нашея посланіе писаніе, обрѣтохъ въ немъ истинную, якоже подобаетъ ученикомъ Христовымъ имѣти, любовь... Азъ благодарей сый всячески обѣщанія вашего, еже сотвори блаженство ваше, о мо-

литвахъ святыхъ мѣрности нашей, о блаженной жизни нашей временнѣй же и вѣчнѣй... Увѣщаніе ваше братолюбное о мирномъ строеніи церкве и о добромъ пасеніи словеснаго стада Христова, любезно цѣлуя твердымъ незабвенія ваяломъ изваахъ на скрижалѣхъ сердца моего... На пресланіи архипастырскаго ти благословенія всему стаду Христову, жезломъ правимому мѣрности нашея, духовнымъ же и мірскимъ, велимъ же и малымъ, немалое но великое, якоже достоитъ великаго Бога великому архіерею, именемъ всѣхъ пресылаемъ поклоненіе, съ лобзаніемъ десницы та благословящія". Послѣ этаго вступленія патріархъ переходитъ къ самому дѣлу, по поводу котораго онъ собственно обращается къ Нектарію съ граматою. „О всѣхъ писанныхъ къ намъ вами, заявляетъ онъ, радуемся, точію едина печаль, аки даждь вовремя жатвы, ущербляетъ ведро веселія нашего: еже есть о запрещеніи и отлученіи отъ всякаго священнодѣйствія Паисія Лигаридіа [1]. О семъ какъ и гдѣ прежде живяше, нѣсть намъ извѣстіе совершенно, но отнелѣже пришедша его въ царствующій и богоспасаемый градъ Москву, познахомъ за девять лѣтъ и ничесоже видѣхомъ по немъ неистово и безчинно,— пачеже премногіе его труды премудріи многую пользу церкви великороссійстей принесоша, ихъ же мы благодарни суще, надежно молимъ братолюбіе ваше, да непрезриши прошенія мѣрности нашей, даруеши ему оставленіе вины его, кая либо есть предъ святостію вашею, и благоволиши прислати ему писаніемъ своимъ архипастырскимъ прощеніе и благословеніе, занеже

[1] Соблазнъ отъ запрещенія Паисія Лигарида усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, не смотря на свое запрещеніе, дозволялъ себѣ въ Москвѣ участвовать въ качествѣ архіерея, въ церковныхъ священнодѣйствіяхъ. Такъ въ 1667 году онъ участвовалъ въ отпѣваніи архіепископа тобольскаго Игнатія.

всяческое являетъ по себе смиреніе и благопокорство къ твоему преблаженству, яко законному архипастырю своему, и молилъ есть со многократнымъ стужаніемъ благочестивѣйшаго самодержца о отпущеніи къ святительству твоему ради взысканія прощенія, яко же устнѣ предостовѣрный свидѣтель, святѣйшій и всеблаженнѣйшій Паисій патріархъ великаго града Александріи и судія вселенскій, о всѣхъ можетъ извѣстити. Но благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій великій государь царь и великій князь Алексій Михаиловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, благоволилъ его удержати благословныхъ ради винъ, сирѣчь, совершенія ради зачатаго толкованія нужнѣйшихъ нѣкихъ тайнописаній и обѣщалъ ему къ вашему святительству ходатай быти о прощеніи. Тѣмъ же азъ молю твое преблаженство, поминающе Христово слово: будите милосерды якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть, и ону молитву повсядневную: и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ,—сотвори съ нимъ, всячески смиренно твоему жезлу архипастырскому преклоняющимся, отеческое милосердіе и остави долгъ его, дарующе прощеніе и благословеніе; будетъ отцу небесному благопріятно, царю благочестивѣйшему радостно, и всей церкви россійстей душеполезно. О семъ прилежное наше многократно усугубляюще прошеніе, да исполнену и совершенну нашу радость соверши, имамы незабывати преблаженства вашего у престола царя небеснаго о милости, у земнаго же о милостыни, пособствія ради“ [1].

Эти граматы государя и патріарха о Паисіѣ Лига-

[1] Подлинное дѣло о судѣ надъ патр. Никономъ, рукопись библ. моск. духовн. Академіи, л. л. 270 об.—272; Греч. дѣла 7177 г. № 27; Рукоп. сборникъ моск. синод. библ. № 130 л. л. 39—41.

ридѣ были получены уже не Нектаріемъ, отказавшимся отъ патріаршества, а его преемникомъ Досиѳеемъ, вступившимъ на патріаршую Іерусалимскую каѳедру 23 Января 1669 года.

Патріахъ Нектарій, въ своихъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, занимаетъ особое положеніе, сравнительно съ своими предшественниками. Если послѣдніе употребляли всѣ усилія заручиться особымъ расположеніемъ русскаго правительства, чтобы извлечь отсюда елико возможно большія выгоды для бѣдствующей Іерусалимской патріаршей каѳедры, то патріархъ Нектарій не только не употреблялъ къ тому ни малѣйшихъ усилій, но даже ни разу не обратился къ русскому правительству съ спеціальною просьбою о милостынѣ на искупленіе долговъ Св. Гроба, которые однако при немъ не уменьшались, а возрастали, такъ что нужда въ помощи и нужда настоятельная у него была. Это обстоятельство заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что Нектарій имѣлъ полную возможность пріобрѣсти особое расположеніе московскаго правительства и получить отъ него исключительно богатую милостыню—стоило только ему поѣхать въ Москву, куда его такъ усиленно не разъ приглашали, и тамъ принять участіе въ дѣлѣ Никона, конечно въ томъ духѣ и направленіи, какъ это было желательно для московскаго правительства и какъ дѣйствовали въ Москвѣ патріархи Паисій и Макарій, — тогда исключительно богатая милостыня отъ московскаго правительства ему была бы обезпечена. Но патріархъ Нектарій предпочелъ неѣхать въ Москву, и выступить защитникомъ Никона, смѣлымъ ходатаемъ предъ царемъ за возвращеніе Никона на патріашую каѳедру, рѣшительнымъ и безпощаднымъ изобличителемъ Паисія Лигарида, которымъ такъ сильно дорожило мо-

ковское правительство. При такихъ отношеніяхъ Нектарія къ дѣлу Никона ему конечно уже неудобно было обращаться къ московскому правительству съ спеціальными просьбами о помощи и милостынѣ. Только разъ, и то очень осторожно, Нектарій дозволилъ себѣ, въ одной изъ своихъ граматъ царю, написанной по особому дѣлу, сдѣлать въ концѣ такую приписку: „а буде изволите, великій государь, о насъ вѣдать, и мы отъ великихъ долговъ бываемъ въ великой печали. Я засталъ на святѣйшемъ престолѣ 14,000 ефимкомъ долгу, а отъ великихъ смутъ армянскихъ послать къ твоему свѣтлому лицу и пріѣхать самъ не смѣлъ. Воспомяни, какъ тебѣ Богъ извѣститъ".. и только.

И въ другомъ отношеніи Нектарій, въ своихъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, тоже занимаетъ особое положеніе, сравнительно съ своими предшественниками. Патріархъ Ѳеофанъ, ради пріобрѣтенія расположенія и милостыни отъ московскаго правительства, сдѣлался тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Турціи и посылалъ въ Москву или отписки съ политическими вѣстями или наказывалъ передавать ихъ устно въ Москвѣ своимъ довѣреннымъ посыльнымъ людямъ. Что же касается патріарха Паисія, то онъ былъ самымъ завзятымъ добровольцемъ политиканомъ, сносившимся и съ Москвою, и съ Хмельницкимъ, и съ Молдо-Влахійскими воеводами, причемъ Москва, по его представленію, должна была сдѣлаться главою и руководительницею движенія всѣхъ православныхъ народностей съ цѣлію ниспроверженія турецкаго господства. И патріарха Нектарія московское правительство приглашало служить ему „въ государевыхъ дѣлехъ". Такъ въ 1667 году съ посломъ въ Турціи Аѳанасіемъ Нестеровымъ государь писалъ Нектарію: „да мы же, великій

государь, наше царское величество, приказали посломъ нашимъ, будучи въ Царѣ-городѣ, приходить къ вашему святительству къ благословенію, и о нашихъ государевыхъ дѣлехъ, о чемъ доведетца, вамъ докладывати; и вашему-бъ святительству о тѣхъ нашихъ царскаго величества дѣлехъ порадѣти и мысль своя посломъ нашимъ подавати, а мы великій государь, наше царское величество, и впредь ваше святительство въ забвенье полагати не будемъ“ [1]. Но ни откуда не видно однако, чтобы патріархъ Нектарій когда либо сообщалъ московскому правительству вѣсти „о турецкимъ поведеніяхъ“ въ отпискахъ-ли, или въ устныхъ наказахъ съ своими посылными; невидать и того, чтобы онъ радѣлъ о государевыхъ дѣлехъ предъ нашими послами въ Турціи и покакому либо случаю подавалъ имъ свою мысль, какъ того желалъ государь. Очевидно занятіе политикой патріархъ Нектарій не считалъ своимъ дѣломъ и потому рѣшительно устранился отъ всякаго участія въ такъ называемыхъ „государевымъ дѣлехъ“, поскольку они несоприкасались прямо съ дѣлами церковными.

---

[1] Турецкіе статейные списки № 9, л. л. 23—25.

V.

Сношенія патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и царевнѣ Софьѣ. (1669—1690 г.г.).

Преемникъ Нектарія на іерусалимской каѳедрѣ патріархъ Досифей (1669—1707 г.) принадлежалъ къ числу выдающихся восточныхъ іерарховъ XVII столѣтія. По своему характеру это былъ человѣкъ въ высшей степени живой, подвижной и впечатлительный, на все отзывчивый и необыкновенно дѣятельный, способный съ увлеченіемъ и всецѣло отдаться разъ излюбленному дѣлу, готовый всячески отстаивать, защищать то, что онъ считалъ правымъ или полезнымъ для православія. Досиѳей былъ прекраснымъ знатокомъ всего православнаго востока, съ жизнью котораго онъ былъ хорошо знакомъ не только изъ книгъ, собирать, читать и изучать которыя онъ любилъ, но и изъ своихъ непосредственныхъ наблюденій, такъ какъ еще въ качествѣ спутника своихъ предшественниковъ, патріарховъ Паисія и Нектарія, онъ посѣтилъ большую часть православныхъ странъ востока. Сдѣлавшись патріархомъ Досиѳей мало бывалъ въ Іерусалимѣ, а послѣдніе восьмнадцать лѣтъ не былъ въ немъ даже ни разу; онъ постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто, проживая то въ Константинополѣ, то въ Адріанополѣ, то въ Мол-

давіи и Валахіи, то путешествуя, ради сбора милостыни, изъ одной страны въ другую, благодаря чему онъ прекрасно зналъ современное положеніе разныхъ православныхъ церквей, ихъ мѣстныя нужды и потребности, грозившія гдѣ либо православію бѣды и опасности. Въ тоже время, среди своихъ современниковъ, Досиѳей былъ и выдающійся ученый, обладавшій основательными и обширными познаніями въ Св. Писаніи, въ церковной исторіи, въ области церковнаго права; онъ хорошо зналъ и изучилъ греческихъ церковныхъ писателей, сочиненія которыхъ, особенно полемическія, тщательно собиралъ, чтобы потомъ напечатать ихъ. Какъ ученый онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій, которыя хотя не отличаются тщательностью обработки матеріала и научною самостоятельностію, не рѣдко страдаютъ растянутостію и уклоненіемъ въ сторону отъ разсматриваемаго предмета, но за то поражаютъ громадною начитанностью автора, разнообразіемъ и обширностію познаній, удивительнымъ ученымъ трудолюбіемъ и своею особою цѣлію. Ученыя работы, цѣлыя громадныя книги пишетъ Досиѳей не въ видахъ открыть отвлеченную научную истину, а съ исключительною цѣлію выяснить и доказать истину православія, неправоту и заблужденія его враговъ, т. е. онъ работаетъ исключительно съ практическою цѣлію—доставить торжество православію надъ всѣми его противниками, почему даже такое чисто историческое его сочиненіе, какъ „Исторія патріарховъ іерусалимскихъ“ носитъ повсюду довольно яркій полемическій характеръ. Какъ патріархъ, Досиѳей былъ весь преисполненъ самыми высокими представленіями объ обязанностяхъ и призваніи патріарховъ, въ особенности о призваніи и обязанностяхъ патріарховъ іерусалимскихъ. Они, какъ

лично и часто посѣщающіе, ради сбора милостыни, почти всѣ православныя страны, преимущественно предъ другими патріархами призваны быть стражами православія повсюду, неустанными борцами съ иновѣріемъ, учителями и наставниками всѣхъ православныхъ, ревностными охранителями во всемъ православномъ мірѣ древнихъ церковныхъ чиновъ и обычаевъ, которые въ іерусалимской церкви всегда сохраняются неизмѣнно и ненарушимо. И Досиѳей дѣйствительно всегда готовъ былъ словомъ и дѣломъ поддержать всюду бѣдствующихъ и угнетаемыхъ православныхъ братій своихъ, воодушевить ослабѣвающихъ изъ нихъ, такъ или иначе помочь борющимся съ иновѣрцами, всегда готовъ былъ преподать всѣмъ нужное пастырское наставленіе и ученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ обличить и вразумить заблуждающихся въ чемъ либо, или уклонившихся отъ церковныхъ правилъ и обычаевъ, малѣйшее отступленіе отъ которыхъ было всегда ему особенно ненавистно и всегда вызывало съ его стороны иногда суровыя и рѣзкія обличенія. Чуть не каждая православная помѣстная церковь испытала на себѣ заботы Досиѳея объ ея благосостояніи и процвѣтаніи, или объ огражденіи ея отъ иновѣрныхъ козней и притѣсненій. Такъ въ Трансильваніи Досиѳей хлопочетъ удержать румынъ отъ уніи и преподаетъ рядъ церковныхъ наставленій новопоставленному трансильванскому митрополиту Аѳанасію; заботится о церковномъ благоустройствѣ Грузіи, старается предостеречь ея отъ враговъ православія, возстановить иверскіе монастыри, пришедшіе въ запустѣніе; пишетъ особое посланіе къ членамъ южнорусской церкви, въ которомъ убѣждаетъ ихъ твердо держаться православія, бѣгать мірской суетной мудрости и еретиковъ, съ терпѣніемъ переносить го-

ненія и напасти и т. под. Но особенное вниманіе Досиѳеей обращаетъ на Россію, которая занимала въ его представленіи исключительное положеніе и вызывала къ себѣ съ его стороны особыя отношенія. Это потому, что Россія была для него тою именно страною, на которой почили самыя дорогія и завѣтныя его надежды на освобожденіе православныхъ народовъ отъ турецкаго ига, на возстановленіе дорогаго ему царства благочестивыхъ греческихъ императоровъ, на торжество и побѣду православія надъ тѣснившимъ его и угнетавшимъ западнымъ иновѣріемъ. Только одна Россія, по мнѣнію Досиѳея, можетъ быть единственною освободительницею православныхъ народовъ отъ турецкаго ига, твердою опорою и вѣрною защитою всего вселенскаго православія, прочнымъ непреоборимымъ оплотомъ для него противъ всѣхъ покушеній иновѣрцевъ, только одинъ русскій царь есть истинный защитникъ и покровитель всѣхъ православныхъ, такъ какъ онъ есть прямой законный преемникъ и наслѣдникъ благочестивыхъ греческихъ императоровъ, преемникъ и продолжатель ихъ великаго и святаго призванія—служить опорою и защитою всему вселенскому православію. Въ силу такого взгляда Досиѳея на значеніе для всего православнаго міра Россіи и русскаго царя онъ постарался войти въ самыя близкія сношенія съ московскимъ правительствомъ и принять въ русской жизни, не только церковной, но и государственной, самое живое и дѣятельное участіе. Эти близкія и постоянныя сношенія Досиѳея съ русскимъ правительствомъ, давшіе потомъ возможность Досиѳею высказывать свое мнѣніе и сужденіе не только по поводу тѣхъ или другихъ явленій въ русской церковной жизни, но и въ жизни общественной и государственной, воз-

никли конечно не вдругъ, а слагались постепенно и своего полнаго всесторонняго развитія достигли только въ царствованіе Великаго Петра, вѣрнымъ преданнымъ слугою котораго и почитателемъ былъ Досиѳей.

23 Января 1669 года Досиѳей вступилъ на патріаршій іерусалимскій престолъ и уже въ тотъ же день поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ московское правительство особою граматою, которой сохранился только отрывокъ. Въ ней онъ пишетъ, что принялъ попеченіе о св. престолѣ іерусалимскомъ, обремененномъ многими долгами, которыхъ лежитъ на немъ до 109 тысячъ талеровъ, что онъ имѣетъ намѣреніе пространнѣе писать обо всемъ государю чрезъ нѣкоторое время. Дѣйствительно 23 Сентября того же 1669 года въ Москву прибылъ архимандритъ Досиѳея Прохоръ съ двумя патріаршими граматами. Въ первой изъ нихъ, писанной въ Маѣ 1669 года, Досиѳей жалуется на громадные долги, отъ которыхъ страдаетъ патріархія, на многія бѣды и напасти, которыя повсядневно постигаютъ ихъ, и только „когда слышимъ о мирѣ вашемъ, котораго васъ сподобилъ Богъ, и какъ у васъ неподвижно доселѣ соблюдается Богомъ дарованная вѣра Христова, упокоеніе нѣкоторое пріемлетъ сердце наше и воздаемъ Богу благодареніе и съ вами получаемъ радость, какъ бы въ единомъ тѣлѣ“. Во второй граматѣ отъ 1-го Ноября 1669 г. говоритъ, что онъ получилъ царское посланіе, написанное еще къ Нектарію, „и прочитали въ немъ о газскомъ митрополитѣ, чтобы мы его простили и что будто не имѣетъ вины на себѣ; а онъ, Лигаридъ, имѣетъ многія великія вины и согрѣшенія, которыя написавъ, послалъ было къ тебѣ великому государю свидѣтельства ради; только стыдъ недопустилъ насъ послать, отчего и возвратили. Только

единое говоримъ, что киръ Нектарій патріархъ нетаковскій, чтобы писать или говорить ложно, но такой онъ въ правилѣ, что нынѣ иной такой архіерей разумный и богобоязненный не будетъ. Но нынѣ державное ваше царствіе пишете, чтобы мы простили его, а онъ пишетъ къ нѣкоторымъ еретикамъ, каковъ и самъ есть, которыхъ мы и здѣсь не имѣемъ ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ... Лигаридовыхъ друзей, которымъ онъ пишетъ и которыми стращаетъ насъ, мы считаемъ ни во что. А что онъ пишетъ къ своимъ друзьямъ, изволь царствіе ваше принять одну его грамату и прочесть, и выразумѣй какъ онъ патріарха своего хулитъ и бранитъ, и за то ему слѣдуетъ быть отлученнымъ отъ архіерейскаго достоинства [1]... Онъ пишетъ и бранитъ

[1] Это было письмо Лигарида къ логофету константинопольской церкви, въ которомъ Паисій писалъ: Еще прежде сего писали мы за великую дружбу къ твоей честности, объявляя тебѣ про страданіе и печаль и труды мои, и нынѣ также пишу тебѣ всѣ дѣла сперва съ краткословіемъ. Послѣ неправедныхъ и страшныхъ отлученій и проклятій господина Парѳенія (?), что на меня наложилъ неправедно, послѣдовало и господина Нектарія больши напраснословія, неправедный на меня судъ и оглашеніе и конечное отлученіе, будто есмь душегубитель, разбойникъ и беззаконникъ, и такъ, безъ всякаго распросу и безъ достойно вѣрныхъ свидѣтельствъ и безъ двунадесяти архіереевъ, но все въ тайнѣ учинили—единъ Досиѳей, и тотъ мнѣ незнакомъ, который нынѣ наслѣдникъ учинился престола іерусалимскаго. И какъ мнѣ не возглашать о божественныхъ законовѣдѣніяхъ когда оставили церковь Божію вдовою, безъ пастыря, какъ горлицу пустынную, безъ покрова и безъ мужа, не обрящется жениху совокупиться; не будучи бо мужу во Іерусалимѣ, воцарилась Девора жена... Ни Бога ни бояся, ни людей срамясь, клевещутъ на меня въ зависти своей, чтобы получили желаніе свое, дѣлами отрицаяся вышняго и божественнаго, котораго тонкими словами исповѣдуютъ и вѣруютъ страха ради человѣческаго. Буди достоинство ихъ, гдѣ суда не чаютъ, какъ мертводушные, а я возлюбилъ душевное безмолвіе и мірской мятежъ отринулъ... Ни единаго благоденствія невидѣлъ я отъ нихъ, только навыворотъ, съ лукавымъ помышленіемъ писали было письма сперва на меня ремесла творя, слова сплетая, и тѣ ремесла были отъ многихъ лѣтъ. Нынѣ же явлено безстыдно пишутъ къ державному царю и треблаженнымъ патріархамъ такими словами оглашая, будто я измѣнникъ св. церкви, порочнаго житія дѣлатель, иноплеменный епископъ, чужеславникъ. Если я чужеславенъ, пусть приведутъ свидѣтельство достовѣрное, ибо я трудо-

*

насъ и называетъ мертводушными и нечестивыми, и отца нашего Нектарія называетъ забвеннымъ и безумнымъ и многія иныя (писалъ) неподобныя словеса", за которыя онъ долженъ бы былъ подвергнуться наказанію. Но такъ какъ за него ходатайствуетъ самъ царь, то Досиѳей прощаетъ его и разрѣшаетъ отъ наложенныхъ на него клятвъ и запрещенія. Въ виду того, что царь просилъ о разрѣшеніи Лигарида и константинопольскаго патріарха, Досиѳей очень рѣшительно заявляетъ по этому поводу свои воззрѣнія на отношенія константинопольскаго патріарха къ другимъ патріаршимъ престоламъ. „А вселенскій, пишетъ онъ государю, неимѣетъ никакаго дѣла до іерусалимскаго престола и надъ архіереями учинить ничего не можетъ. Только отлученіе и гнѣвъ Божій для согрѣшенія нашего: былъ вселенскаго престола патріархъ Парѳеній, человѣкъ ненаказанный и неученый, неразумѣющій ни номоканона и соборныхъ правилъ, ни церковныхъ чиновъ; распространилъ онъ руку свою, гдѣ ему недано было, и престолы апостольскіе и патріаршіе—александрійскій и антіохійскій и смутилъ и помѣшалъ, и такъ себя превозносилъ, что хотѣлъ искусить и бывшаго патріарха іерусалимскаго блаженнѣйшаго Нектарія. Сего ради пришелъ на него гнѣвъ Божій и воздалъ ему по сердцу его и весь совѣтъ его исполнилъ. А газскій митрополитъ отъ вселенскаго патріарха не имѣетъ никакого докучанія, ибо вселенскій патріархъ по святымъ законамъ не имѣетъ власти въ іерусалимской области;

любивая пчела, а не трутень... Затѣмъ, оправдываясь отъ обвиненій въ латинствѣ и еретичествѣ указаніями на то, что онъ латинскимъ повелѣніямъ не повинуется и не мыслитъ по латински, «а только въ ученіи ихъ общникомъ былъ», Паисій проситъ логофета заступиться за него и ходатайствовать словомъ и дѣломъ предъ патріархами о его скорѣйшемъ прощеніи. (7178 г. № 27).

не только архіереевъ, но и діаконовъ не можетъ ни отлучить, ни простить; а что онъ, Парѳеній учинилъ газскому митрополиту, учинилъ, яко не наученый и не грамотный“ Въ той же граматѣ отъ 1-го Ноября Досиѳей молитъ государя о присылкѣ милостыни св. Гробу, безъ которой они могутъ окончательно погибнуть. „А я, богомолецъ твой, пишетъ Досиѳей, нынѣ пребываю здѣсь въ Филиппѣ-градѣ и въ иныхъ городахъ близко Дуная рѣки до свѣтлаго воскресенія, и потомъ помышляю ѣхать къ мултянскому и волошскому государямъ помощи ради малей. А нынѣ волошскій воевода Дука, добрый нашъ пріятель и святаго града пособникъ, монастырь строитъ св. Гробу и ожидаемъ архимандрита нашего Прохора съ твоею царскою неизреченною милостію, въ которой все упованіе и утѣшеніе наше и больше скажемъ: если ты великій государь помощи не учинишь намъ, пропали мы отъ лица земли и въ Іерусалимъ нельзя намъ будетъ ѣхать отъ многихъ долговъ, а прибѣжища и покрова индѣ неимѣемъ, кромѣ твоего пресвѣтлаго царствія. Отъ многаго долга хотятъ бусурманы великую церковь святаго града въ еретическія руки заложить, и боимся, чтобы не отошла отъ рукъ нашихъ. Сего ради припадаемъ до лица земнаго, просимъ и молимъ милосердія и благоутробія твоего державнаго, да пришлешь помощь къ св. Гробу Господню и неизреченную милость ради здравія своего и благородныхъ чадъ твоихъ, сестеръ и дщерей, и для блаженной памяти родителей своихъ, царицы Маріи Ильиничны и царевича Симеона. Буди, владыка тишайшій, милость твоя на насъ, якоже уповахомъ на тя, и какъ получимъ милость твою, надѣемся идти во святой градъ Іерусалимъ молить Господа о здравіи твоемъ до конца жизни, и если облегчимся мало отъ тягости долга, по-

мощію Божіею начнемъ строить монастырь св. Виѳліемъ Великаго царя—есть гробъ и распятіе и рождество, строеніе перваго царя, что царствовалъ надъ первыми христіанами. Кому же иному подобаетъ пособить и порадѣть о Гробѣ Царя царствующихъ, кромѣ христіанскаго царя, каковъ есть святое твое царствіе, благодатію Божію перворожденный единородный всѣхъ православныхъ христіанъ, похвала и утѣшеніе, свѣтъ и отдыханіе, не только царь прекрасный, но и многими дѣлами украшенный паче діадимы, большую имѣю похвалу крестомъ, нежели скиптромъ, отецъ сиротамъ и предстатель повсюду божественнымъ церквамъ. И такъ призри тишайшій самодержецъ; если всякія церкви строитъ человѣкъ, то праведно есть, да строитъ тѣ мѣста, гдѣ ступала нога Христова, мѣсто украшенное кровію Христовою. И кто хочетъ помогать со стороны крайней нужды, то это намъ, поелику сперва оттолѣ началось раззореніе христіанское и нечестивыхъ враговъ много, неусыпаемыхъ и гордыхъ и богатыхъ, а благочестивыхъ весьма немного и тѣ безсильны... Подобно и праведно есть милосердствовать царствію твоему св. Гробу, потому что царь преславнѣйшій и именитый“.

Въ грамматѣ Досиѳея находится и еще одна любопытная его просьба къ царю, именно онъ пишетъ: „еще просимъ и молимъ тебя, великій государь, о богоненавистныхъ пошлинахъ, да велишь при своемъ блаженномъ времени съ бѣдныхъ грековъ ихъ не взимать, и такія помощи въ казну свою не принимать, ибо, православный царь, сіе не есть ино, токмо навоженіе діавольское, да искушаетъ многихъ бѣдныхъ, которые имѣютъ не великій отдыхъ и покой отъ твоей державной власти“. Высказавъ такой оригинальный взглядъ на государ-

ственныя пошлины съ иностранныхъ товаровъ, Досиѳей далѣе объясняетъ причину, которая заставляетъ его хлопотать объ освобожденіи греческихъ товаровъ отъ пошлинъ. „Торговые люди (разумѣется православные греки), пишетъ онъ, что пріѣзжаютъ къ Москвѣ и по инымъ землямъ, все не своими деньгами торгуютъ, но есть въ Царьградѣ многіе благородные и честные люди, и что у нихъ имущества осталось, даютъ торговымъ людямъ, и сколько приторгуютъ даютъ съ той прибыли къ св. гробу со всякаго сорока соболей по левку. Если какой либо гречанинъ неистовъ и золъ, то для одного да не накажутся всѣ, для чего Іуда одинъ согрѣшилъ, а не всему апостольскому лику поношеніе было. Въ такой бѣдности бѣдные греки, что имѣютъ отъ нечестивыхъ подати великія, только отъ твоего царствія имѣли покой. Преславное московское царство Богъ хранитъ своимъ покровомъ отъ всякаго врага, и впредь такое Богъ сохранитъ, только не вели злата со свинцомъ мѣшать, да не омрачится свѣтлость злата, — такъ молимъ рабски ради любви Христовой“.

На это обширное посланіе Досиѳея государь съ своей стороны отвѣчалъ двумя грамматами. Въ первой изъ нихъ, извѣщая патріарха о полученіи отъ него посланія и о пріемѣ присланнаго имъ архимандрита Прохора, пишетъ: „послали къ вашему святительству милостыни на искупленіе св. гроба съ присланнымъ твоимъ архимандритомъ Прохоромъ соболями на 800 руб., да по челобитью газскаго митрополита Паисія на 300 рублей“, и проситъ молить Бога о немъ, государѣ, и о всей царской семьѣ. Во второй граматѣ государь выражаетъ свое сочувствіе бѣдствующей іерусалимской каѳедрѣ, обремененной по различнымъ причинамъ столь великимъ долгомъ, и затѣмъ пишетъ: „и мы различными

нуждами одержимы и безчисленные оклады выдаемъ на бѣдныхъ людей нужды и на искупленія плѣненыхъ. чего ради въ настоящее время не возмогли щедрѣйшею рукою милостыни послать сколько желали въ Іерусалимъ, всѣхъ церквей матери. Нынѣ же посланное дарованіе благоговѣйнымъ и любезнымъ сердцемъ изволь принять, имѣя впредь добрую надежду иное и большее воспріять, когда сбудутся наши желанія о газскомъ митрополитѣ, о коемъ молили уже чрезъ два писанія, да пріиметъ миръ архіерейской и на прежнее будетъ возвращенъ достоинство, и разрѣшеніе совершенное получитъ оный митрополитъ, добрѣ намъ заслуженный Паисій Лигаридій. Явно мы познали, что нѣкоторые злые люди сѣютъ куколь между тѣми весьма учеными архіереями, сирѣчь, между имъ, Нектаріемъ, и газскимъ Паисіемъ. Случилось отъ малой искры великому огню разгорѣться съ толикимъ безчестіемъ и соблазномъ архіерейскимъ и не единый обрѣлся мужъ разумный, дабы толикое пламя во время угодное угасить и утоленное истребить. Но поелику бывшее уже не бывшимъ быть неможетъ, временемъ понуждаемся оставить вещи дѣлаться, какъ дѣлаются сами, и молчаніемъ покрыть всяческая размыслили... Въ теченіе столькихъ лѣтъ, которые въ нашемъ царствѣ пожилъ Паисій Лигаридій, съ назиданіемъ и пользою, ни единаго не сотворилъ преступленія, достойнаго низложенія архіерейскаго. Очные свидѣтели преодолѣваютъ на судѣ, а не слышавшіе, отсюда и оттуда ловящіе словеса суетныя,—коихъ ради винъ мы его возлюбили. Наипаче же весь соборъ и синклитъ нашъ возлюбилъ его за ученіе, труды и вѣрность теплѣйшую и надѣялись мы, что твое святѣйшество пришлетъ, послѣ восьмнадцатилѣтняго удержанія отъ священнодѣйствія, правильное разрѣшеніе чрезъ архимандрита Прохора

милостыни собирателя, ради прошенія нашего о Паисіѣ митрополитѣ писаннаго. Но прельстила насъ надежда, ибо не единаго ни гласа, ни послушанія неуслышали, и терпѣливо такое отреченіе понесли". Теперь государь желаетъ, чтобы дѣло о Паисіѣ было кончено чрезъ архимандрита Прохора, съ которымъ онъ посылаетъ свои граматы и милостыню, тѣмъ болѣе, что Паисій „былъ весьма достойный посредникъ и ходатай между столь великими архіереями восточными, двумя свѣтильниками и двумя маслинами всего востока". Затѣмъ царь выражаетъ желаніе, „чтобы и бывшій патріархъ Нектарій равно обвинительныя какъ и доброхотныя словеса написалъ къ намъ о митрополитѣ Паисіѣ, ради совершеннаго и послѣдняго удовлетворенія нашего, ибо свидѣтельствуемъ, что Лигаридъ всегда ублажалъ Нектарія и первое мѣсто премудрости между патріархами своего времени всегда держащимъ его исповѣдалъ—вотъ и смерть толчетъ въ двери и старость настоитъ обоимъ архіереямъ. Добрѣ вѣдаемъ мы, что духовныя сіи несогласія и взаимныя вязанія никогда доброй кончины неимѣли, какъ явно сіе въ исторіи Епифанія съ божественнымъ Златоустомъ" [1].

26 Февраля 1670 года получена была въ Москвѣ разрѣшительная грамата Лигариду, въ который Досиѳей писалъ, что ради просьбы государя и ради любви царскаго величества имѣемъ его прощеннымъ и освобожденнымъ отъ всякаго проклятія и запрещенія по письму бывшаго господина іерусалимскаго Нектарія, и быть ему въ святительскомъ чинѣ, гдѣ хочетъ по прежнему, и молить бы, чтобы онъ былъ прощенъ отъ всѣхъ согрѣшеній отъ Бога. Но это разрѣшеніе Паисію дано

[1] 7177 г. № 27. 7178 г. № 6, 27. Записки рус. и слав. археол. рус. археол. общ. т. II, стр. 600.

Досиѳеемъ однако очень неохотно, только ради настоятельныхъ просьбъ государя, какъ это хорошо видно изъ его письма Лигариду. „Еслибъ не было ходатайства святаго царева, пишетъ Дисиѳей Паисію, увѣдалъ бы святительство твое, Лигаридій, что есть Девора и кто есть мертводушные? и кто только именемъ вѣруетъ въ божественный промыслъ: тотъ-ли кто работаетъ для папежей хійскихъ и оставилъ 15 лѣтъ паству безъ пастыря, или кто полагаетъ душу свою за овцы? Да, увидѣлъ бы ты варвара и слѣпня. Однако на тебѣ кончаются Езоповы басни, гдѣ говорится, какъ козелъ бранилъ волка съ высокаго мѣста, ибо ты нестолько великъ, сколько глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ, только мѣсто, гдѣ пребываешь, есть дворъ царскій; однако уцѣломудрись хотя отнынѣ впредь“. Но этаго мало. Мы не знаемъ по какимъ причинамъ, но только не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ разрѣшенія Лигарида, какъ онъ снова былъ запрещенъ Досиѳеемъ и царь снова хлопочетъ о его разрѣшеніи при посредствѣ пріятеля Досиѳея, волошскаго воеводы Іоанна Дуки. „Понеже намъ, нашему царскому величеству, пишетъ царь воеводѣ, въ другорядь къ святѣйшимъ патріархамъ притещи о проценіи его, митрополитѣ, не къ чести показался“, то поэтому онъ и проситъ уже воеводу порадѣть о дѣлѣ Лигарида предъ патріархами, и выражаетъ надежду получить отъ воеводы скорый и пріятный отвѣтъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ Паисію. Но эти надежды царя неоправдались; Досиѳей уже несоглашался болѣе разрѣшать Паисія, который такъ и умеръ въ Кіевѣ (24 Августа 1678 г.) подъ запрещеніемъ [1].

[1] Наша книга: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 199–206.

25 Февраля 1672 года въ Москву прибылъ сербъ Михаилъ Богдановъ, посланный Досиѳеемъ къ государю съ письмами (которыхъ при дѣлѣ неимѣется), но чрезъ два мѣсяца, по повелѣнію государя, былъ сосланъ въ Сибирь за его „неистовство“, такъ какъ, ѣдучи къ Москвѣ, въ малороссійскихъ городахъ, во время шатостей и измѣны гетмана Демьяна Игнатова, говорилъ непристойныя рѣчи. Объ этомъ дано было знать Досиѳею, который уже до самой смерти царя Алексѣя Михаиловича не обращался болѣе ни съ какими грамотами и присылками въ Москву [1].

Очевидно, что между московскимъ правительствомъ и патріархомъ Досиѳеемъ, въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, не установились, да и не могли установиться сколько нибудь близкія, а тѣмъ болѣе сердечныя и постоянныя сношенія. Досиѳей былъ сторонникомъ Никона, желалъ его примиренія съ царемъ и возвращенія на патріаршую каѳедру, и въ этомъ смыслѣ воздѣйствовалъ на Нектарія, который, по завѣренію самого Досиѳея, все веденіе дѣла о Никонѣ передалъ въ руки его, Досиѳея [2]. Слѣдовательно, уже по одному этому Досиѳей не могъ быть пріятнымъ лицомъ какъ для самаго государя, такъ и особенно для многочисленныхъ и вліятельныхъ тогда въ Москвѣ враговъ Никона. Но этимъ дѣло не ограничилось. Ставъ на сторону Никона, Досиѳей по этому самому необходимо долженъ былъ столкнуться съ Паисіемъ Лигаридомъ, къ которому однако, за его особыя услуги, московское правительство питало особое расположеніе. Какъ чело-

[1] 7180 г., № 28. — [2] Въ грамотѣ къ московскому патріарху Іоакиму Досиѳей въ 1686 г. писалъ: егда пріѣзжалъ іеродіаконъ Мелетій (по дѣлу Никона), работали мы тогда съ прилежаніемъ, понеже елико бысть тогда. совершишася все рукаю нашею, зане блаженныя памяти бывшій патріархъ (т. е. Нектарій) боящеся вступити на сія. (Арх. Юго-Зап. Рос. V, 144).

вѣкъ прямой и правдивый, Досиѳей не щадилъ Лигарида, о которомъ былъ самаго дурнаго мнѣнія, и если потомъ, уступая настойчивымъ ходатайствамъ царя, и соглашался простить его, но соглашался очень неохотно, съ обидными для Лигарида и непріятными для царя оговорками. Вынужденное ходатайствомъ царя разрѣшеніе Паисію, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ. Досиѳей беретъ назадъ, что заставляетъ государя искать вторичнаго разрѣшенія Лигарида уже чрезъ волошскаго воеводу, такъ какъ вторичное непосредственное обращеніе къ самому Досиѳею, при недостаточной увѣренности въ успѣхѣ ходатайства, государь считаетъ несогласнымъ съ своимъ достоинствомъ. Дѣйствительно Досиѳей, не смотря на заманчивое обѣщаніе, за податливость въ дѣлѣ Лигарида, получитъ въ будущемъ богатую милостыню, не давалъ болѣе разрѣшенія Паисію, почему и дальнѣйшія его сношенія съ московскимъ правительствомъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ становились уже невозможными.

Съ воцареніемъ государя Ѳеодора Алексѣевича, воспитаннаго подъ вліяніемъ лицъ антигреческаго направленія, грекамъ вообще воспрещенъ былъ даже въѣздъ въ Москву въ виду того, говоритъ царскій указъ, что ранѣе „пріѣзжали греческія власти изъ Палестинъ, а съ собою привозили многоцѣлебные мощи и чудотворные иконы“, а торговые греки привозили добрые товары, „а нынѣ, говоритъ указъ, духовнаго чина никто не пріѣзжаетъ“, а торговые греки стали привозить плохіе товары и при торговлѣ дозволять себѣ всевозможные обманы [1]. А такъ какъ въ Москвѣ всегда жило много грековъ, то 10 Сентября 1676 года государь указалъ и бояре приговорили: „гречанъ всѣхъ,

[1] Ак. эксп. IV, № 214.

которые на Москвѣ, выслать въ свою землю и впредь имъ пріѣзжать и всякими товары торговать въ Путивлѣ, во всемъ противъ того, какъ было со 155 (1647) года, а къ Москвѣ имъ ѣздить не велѣно“ [1]. Такъ рѣзко заявленная новымъ московскимъ правительствомъ нелюбовь его къ грекамъ вообще, необходимо отбивала всякую охоту и у Досиѳея входить въ какія либо сношенія съ такимъ грекофобскимъ правительствомъ. Но такой разрывъ вѣковыхъ сношеній Россіи съ православнымъ востокомъ былъ слишкомъ насильственнен и произволенъ, былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудобенъ и даже прямо невыгоденъ для самой Россіи, и потому не могъ быть продолжителенъ. Неудобства прекращенія сношеній съ православнымъ востокомъ особенно были ощутительны въ церковной сферѣ, гдѣ въ это время возникли горячія пренія по разнымъ вопросамъ (наприм. по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ), для рѣшенія которыхъ нуженъ былъ авторитетъ восточныхъ патріарховъ, ранѣе всегда готовый къ услугамъ московскаго правительства. Затѣмъ, въ это время назрѣвалъ очень важный въ церковномъ и политическомъ отношеніи вопросъ о присоединеніи кіевской митрополіи къ московскому патріархату, чего опять нельзя было сдѣлать безъ согласія константинопольскаго патріарха. Въ виду этого, московскій патріархъ Іоакимъ, 18 Марта 1678 года, обратился къ государю съ челобитьемъ, чтобъ государь „пожаловалъ его, велѣлъ греческихъ монастырей властей, которые по жалованнымъ предковъ его государскихъ... грамотамъ учнутъ пріѣзжать, также и грековъ всѣхъ, для единые православные христіанскіе вѣры, въ московское государство пропускать по прежнему, потому что власти

[1] 7185 г., № 2.

пріѣсживали въ московское государство со святынею, а греки привозятъ единовѣрныхъ православныхъ христіанъ, которые пребываютъ въ бусурманской неволѣ, полоненниковъ и всякіе узорочные товары". По поводу этого челобитья патріарха государь указалъ: „греческіе палестины пестрымъ и чернымъ властемъ по жалованнымъ грамотамъ, въ указной годъ, съ причетники ихъ, пріѣзжать, а гречанъ съ окупными полоняники и съ товары пропускать противъ прежняго, а заповѣдныхъ товаровъ не провозить" [1]. Такимъ образомъ, благодаря вмѣшательству и настоянію патріарха Іоакима, снова возстановились сношенія Россіи съ православнымъ востокомъ, такъ неожиданно и насильственно было прерванныя, благодаря вліянію на молодаго государя нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ, отличавшихся антигреческимъ направленіемъ и особою расположенностію къ латинскому западу.

Досиѳей воспользовался измѣнившимся отношеніемъ московскаго правительства къ грекамъ, чтобы вступить въ сношеніе съ царемъ и московскимъ патріархомъ. Въ Константинополѣ въ 1679 году находился царскій посолъ Василій Даудовъ, для заключенія съ турками мира, о чемъ усиленно хлопотало тогда наше правительство, напуганное не особенно удачною для насъ войною съ турками изъ за Украйны. Съ Даудовымъ Досиѳей отправилъ свою грамоту къ государю, писанную отъ 27 Іюля 1679 года. Это было со стороны іерусалимскаго патріарха поученіе и наставленіе новому и молодому русскому государю, относительно его обязанностей какъ царя православнаго и благочестиваго, поученіе, написанное въ строгомъ библейско-византійскомъ духѣ. „Подобаетъ благочестію твоему, поучаетъ Досиѳей царя, воз-

[1] 7187 г., № 7.

дать благодареніе Богу, сподобившему тебя возсѣсть на отеческомъ престолѣ, соблюдая сперва: да останутся нерушимо всѣ дѣла церковныя и вѣры, не уклоняясь ни къ десной сторонѣ подъ предлогомъ большаго благочестія, ни къ шуіей, но царскимъ ходя путемъ, по слову апостола, и сохраняя крѣпко въ малыхъ и большихъ вещахъ велѣніе, еже положиша отцы твои. Просящихъ церковныхъ о составленіи церквей добромъ утѣши, а соблазняющихъ или церковныя вещи себѣ присвояющихъ, по мірски отомсти; и царь есть и болѣе архіерей... Да сохранишь себя неприкосновеннымъ отъ мірскихъ прохлажденій, какъ многіе нынѣ въ міру начальствующіе творятъ, ибо думаютъ, что владѣемое ими дано имъ въ даръ... Читай святое писаніе часто, да просвѣщенъ будешь отъ свѣта правды и твори благо и благоугодно; бди и молись Богу, да дастъ тебѣ силу разсудить добро отъ зла и ложь отъ правды, ибо съ симъ разсужденіемъ творится всякое исправленіе. Если всякій человѣкъ, то наивысшее слово, царскій умъ, подобенъ есть Божію, и хочетъ самъ Богъ, да какъ Онъ заботится о самыхъ малыхъ вещахъ (какъ говорится въ Евангеліи, что власы главы сочтены отъ Бога), такъ и царь да печется и скорбитъ, и молится и бдитъ и спрашиваетъ, читаетъ и учится, да разумѣетъ добро всѣхъ начальниковъ своихъ и да будетъ во истину образъ Божій и жилище блаженное много хвалимой Троицы... Такъ, добропобѣдное мое чадо Ѳеодоре, вѣруй, устрояй паству твою достойно, не такъ, чтобы самому быть безопасну; но какъ солнце достигаетъ свѣтлостію своею во всю подсолнечную, такъ и ты самъ острымъ разумомъ и промысломъ пекись о молящихся и нуждныхъ и обидимыхъ, о чести и славѣ благихъ и конечномъ спасеніи всѣхъ правдивыхъ и неправдивыхъ, разумныхъ и неразумныхъ, ибо ты долженъ,

какъ Павелъ былъ долженъ іудеямъ и еллинамъ, мудрымъ и неразумнымъ. Ибо что есть благочестивый царь какъ не апостолъ Іисуса Христа, помазанникъ Божій, помазанный Духомъ Сына его, имѣющій въ себѣ царское священство, печалующійся о всѣхъ спасеніи, довольствѣ, умиреніи, о покоѣ душевномъ и тѣлесномъ по силѣ человѣческой"...

Съ тѣмъ же Василіемъ Даудовымъ писалъ Досиѳей (отъ 24 Іюля 1679 г.) особую граммату и московскому патріарху Іоакиму, съ намѣреніемъ вступить съ нимъ въ постоянную переписку, которую онъ считалъ очень полезною даже для самой вѣры, такъ какъ частая переписка даетъ возможно обмѣниваться переписывающимся взглядами по поводу разныхъ церковныхъ событій, только нужно писать другъ другу просто, безъ всякихъ пышныхъ условныхъ титуловъ, какъ и велась обыкновенно переписка между древними іерархами церкви, въ доказательство чего Досиѳей и приводитъ примѣры. Сообщивъ затѣмъ подробно о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Іерусалимѣ и выразивъ пожеланіе получить отъ Іоакима подобныя же обстоятельныя свѣдѣнія о дѣлахъ русской церкви, Досиѳей начинаетъ поучать и московскаго патріарха относительно исполненія имъ его патріаршихъ обязанностей, какъ онъ поучалъ и московскаго государя. „Не можемъ повѣдати, пишетъ онъ Іоакиму, какъ желаемъ, молимъ же Господа нашего І. Христа, яко подастъ вамъ разумъ во всемъ и можете править стадо его въ преподобности и правдѣ, молимъ же и мы вашей любви, яко да посѣтите мирнаго состоянія святыя церкви, образы бывающе благихъ дѣлъ и созиждуще всякаго словомъ Евангелія; и наипаче о томъ потщитеся, чтобъ не учинилось въ церкви какихъ новыхъ образцовъ, но и въ малѣйшихъ повелѣніяхъ и

чинахъ и обычаяхъ послѣдуйте слѣдами отцовъ вашихъ и внимайте съ великимъ прилежаніемъ, чтобъ никто изъ вѣрныхъ, такъ отъ великихъ, такъ и отъ малыхъ, чтобъ не чли и отнюдь бы не держали у себя такія книги, въ которыхъ содержится скверное и безбожное ученіе папиныхъ поклонниковъ, или безбожное и скверное ученіе Лютеровъ и Кальвиновъ, понеже наполнены суть лести и лукавства и въ притвореніи благочестія имѣютъ ученіе безбожства. И будите ревнители божественнаго Павла, бдите, трудитеся и посѣтите тѣмъ, что оный учитъ о епископахъ, яко да наставите увѣренное вамъ стадо въ путь спасенія, достойни будете вѣнца правды въ день Господень....“ [1].

Такъ, послѣ длиннаго перерыва, Досиѳей снова сдѣлалъ съ своей стороны шагъ, чтобы вступить въ сношенія съ московскимъ правительствомъ, которое однако не спѣшило отозваться на учительныя грамоты Досиѳея и тѣмъ поощрить его къ дальнѣйшимъ сношеніямъ. Только чрезъ два года, именно въ Іюлѣ 1681 года, въ Турцію отправились наши послы Чириковъ (который дорогою умеръ) и Возницынъ, съ которыми государь послалъ свою грамоту Досиѳею, съ просьбою, чтобы Досиѳей молилъ Бога о царскомъ здоровьѣ и посылалъ ему только одинъ сорокъ соболей, т. е. милостыню очень скудную. Съ послами отправилъ свою грамоту къ Досиѳею и патріархъ Іоакимъ, котораго онъ въ 1679 году такъ энергично приглашалъ къ частой-запросто обсылкѣ грамотами. Іоакимъ въ объясненіе того, почему онъ такъ долго не отвѣчалъ Досиѳею и почему не считаетъ возможнымъ для себя

[1] Турецкіе статейные списки № 18, л.л. 222 — 225. Греч. дѣла 7186 г. № 3. Наша книга: Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ, приложеніе № 14.

вступить съ нимъ въ частую переписку, пишетъ, что получивъ грамоту Досиѳея „и прочетше писанное, обрѣтохъ въ немъ глаголъ твой возвѣстительный, яко нѣсть отъ насъ къ твоему блаженству писанія по частѣ, и о семъ да не имаше на ны никоего мнѣнія, ибо мы вамъ писати готовы есмы съ любовію, но сумнительны быхомъ ради владѣющихъ вашими странами, да не вину кую дамъ писаньми нашими содержащимъ васъ, и сотворимъ какимъ либо случаемъ вашему жительству поврежденіе, тѣмъ же и не писахомъ доселѣ". А такъ какъ государь теперь посылаетъ своего посла въ Константинополь (для окончательнаго заключенія мира съ турками), то Іоакимъ и проситъ Досиѳея, „что ежели сей посолъ востребуетъ отъ твоего святительства какого вспоможенія, о чемъ онъ отъ царскаго величества посланъ — слова потребнаго или добраго совѣта, благоволи ради любве Христовой, яко вѣдущій тамошнія обычаи, ему помощь въ томъ творити". Затѣмъ пишетъ, что посылаетъ Досиѳею два сорока соболей и только. А между тѣмъ посолъ былъ отправленъ въ Константинополь не только дле заключенія мира съ турками, но вмѣстѣ и по спеціально церковному дѣлу ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ: просить ихъ прислать разрѣшеніе бывшему патріарху Никону. Вотъ что, между прочимъ, говорилось объ этомъ въ царской инструкціи посламъ: „а буде вселенскіе патріархи по нашимъ великаго государя грамотамъ учинить того (разрѣшить Никона) не похотятъ, и вы-бъ, наши великіе послы, домогались о томъ у нихъ всякими мѣрами чрезъ кого возможно, и сверхъ того нашего великаго государя жалованье, которое на милостыню съ вами къ нимъ послано, дали-бъ имъ, или съ кѣмъ послали нашего великаго государя жалованье особно отъ того изъ нашея

великаго государя казны, которая съ вами въ запасъ послана, или у грековъ занявъ — по двѣсти по пятидесяти рублевъ патріарху, только бъ конечно того домогаться, чтобъ они, вселенскіе патріархи, для нашего государскаго прошенія о томъ, по нашимъ великаго государя грамотамъ учинили и свои о томъ грамоты къ намъ великому государю съ вами, нашими великими послы, послали... И есть-ли крѣпко и упорно станутъ и не похотятъ того учинить и, по самой конечной мѣрѣ, дать по пяти сотъ рублевъ патріарху; а буде и по тому предложенію вашему не учинятъ и, по самой нужѣ, дать по тысячѣ рублевъ человѣку, только бъ учинили и въ грамотахъ написали имянно“ [1]. Если Іоакимъ въ своей грамотѣ Досиѳею вовсе умалчиваетъ о данномъ послу порученіи выхлопотать у восточныхъ патріарховъ разрѣшеніе Никону, то это его умолчаніе просто объясняется тѣмъ, что Іоакимъ сильно не сочуствовалъ разрѣшенію Никона, и потому вовсе устранился отъ всякаго участія въ этомъ непріятномъ для него дѣлѣ.

Посолъ Возницынъ, прибывъ въ Константинополь, по дѣлу о разрѣшеніи Никона, рѣшилъ обратиться прежде всего къ іерусалимскому патріарху Досиѳею, о которомъ извѣстно было, что онъ принадлежалъ къ числу сторонниковъ Никона и ранѣе не одобрялъ тѣхъ, которые добивались конечнаго осужденія и низверженія Никона, почему онъ могъ особенно сочувственно отнестись къ миссіи посла и оказать ему въ этомъ дѣлѣ нужное содѣйствіе. Разсчеты посла вполнѣ оправдались: Досиѳей очень охотно взялся устроить все дѣло о разрѣшеніи Никона и прямо говорилъ послу, чтобы онъ „всѣ тѣ дѣла положилъ на него, патріарха“, „что онъ то дѣло къ совершенію приведетъ и братью свою—

[1] Тогдашній рубль равнялся нынѣшнимъ семнадцати.

антіохійскаго и александрійскаго патріарховъ о томъ чрезъ письмо свое будетъ просить". Взялся Досиѳей переговорить о дѣлѣ и съ самимъ константинопольскимъ патріархомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ написать и самые образцы разрѣшительныхъ грамотъ. Такимъ образомъ все дѣло о разрѣшеніи патріарха Никона совершилось при посредствѣ Досиѳея, который былъ главнымъ дѣятелемъ и устроителемъ этого дѣла: онъ велъ предварительные переговоры съ константинопольскимъ патріархомъ, списывался съ патріархами антіохійскимъ и александрійскимъ, онъ же писалъ и «образцовое письмо, каковымъ быть прощальнымъ грамотамъ", такъ что, свидѣтельствуетъ Возницынъ, „только радѣніе въ томъ и служба къ великому государю святѣйшаго Досиѳея іерусалимскаго патріарха" помогли ему благополучно устроить все это дѣло, къ которому другіе восточные патріархи отнеслись не особенно сочувственно, ибо, по замѣчанію Возницына, только „по многой докукѣ отдали тѣ прощальныя грамоты" и притомъ только уже предъ самымъ отъѣздомъ посла.

Досиѳей не только помогъ послу выхлопотать у восточныхъ патріарховъ разрѣшительные грамоты Никону, но и оказался самымъ ревностнымъ помощникомъ и совѣтчикомъ нашего посла и въ дѣлахъ политическихъ, сообщая ему нужныя свѣдѣнія, давая ему полезныя совѣты и указанія, которымъ самъ Возницынъ придавалъ очень большую цѣну и значеніе. Вотъ что, напримѣръ, онъ пишетъ „къ отцу и благодѣтелю Ларивону Ивановичу", т. е. къ думному дьяку Посольскаго приказа: „тебѣ, государю, извѣщаю, что іеросалимскій патріархъ непрестанно ко мнѣ присылаетъ и истинно службу свою великому государю во всемъ кажетъ, и противъ здѣшнихъ вопросовъ какъ отвѣтъ учинить, въ

чемъ мочно, я ево спрашиваюсь, и онъ мнѣ способы добрые и здравые дастъ. И есть-ли, государь, кому велитъ Богъ и дѣло великаго государя здѣсь дѣлать, должно ево во всемъ спрашиватись, понеже человѣкъ преразумный и Богу и великому государю нашему истинный слуга; а которые ему, великому государю, служатъ лестно, и отъ тѣхъ остерегаетъ. Только я съ нимъ не видался, потому что мнѣ съ нимъ видиться и говорить нельзя, да и для того, что великаго государя грамотъ и жаловатья отдать не смѣю; а царегородской, государь, патріархъ, боясь подозрѣнія, ничѣмъ ко мнѣ до сего времени не отозвался". Съ своей стороны и самъ Досиѳей заявилъ послу, что онъ готовъ служить государю и на будущее время. Въ Статейномъ спискѣ Возницына записано: „Маія въ 13 день (1682 г.) были у дьяка у Прокофья (т. е. у него—Возницына) святѣйшіе патріархи: александрійскій, да іерусалимскій, и ерусалимскій говорилъ ему, Прокофью, въ тайнѣ чтобъ онъ великому государю донесъ: есть-ли прилучиться о какихъ дѣлехъ великому государю писать, и великій бы государь указалъ къ нему писать безъ имяни ево, и граматы складывать малы и печать какою малою печатью, чтобъ того нихто не зналъ, а онъ де потомужъ чинить станетъ и о всякихъ дѣлехъ, о которыхъ потребно писать учнетъ. И дьякъ Прокофѣй Возницынъ говорилъ ему, что онъ о всемъ томъ извѣстно учинитъ, а онъ бы, святѣйшій патріархъ, по благочестію своему великому государю послужилъ и о дѣлехъ, которые потребны и належать вѣдать великому государю его царскому величеству, писалъ, а радѣніе его у великаго государю забвенно не будетъ" [1].

[1] 7189 г. № 9; Рукоп. сборн. Спб. синод. библ. № 473 л. 16—17; Турецкіе статейные списки № 20, лл. 385—386, 468 об., 574 и 720; № 21, л. 202; Турецкія дѣла 1681 г., св. 22, № 4.

Такимъ образомъ, посолъ Возницынъ не только все веденіе дѣла о разрѣшеніи Никона отдалъ въ руки Досиѳея, но и при веденіи съ турецкою портою дѣлъ государственныхъ пользовался доставляемыми ему Досиѳеемъ свѣдѣніями, при отвѣтахъ на турецкіе запросы руководствовался его совѣтами и указаніями. И такъ какъ Досифей всегда давалъ послу совѣты „добрые и здравые“, и такъ какъ онъ вообще „человѣкъ преразумный и Богу и великому государю истинный слуга», то Возницынъ и рекомендуетъ Посольскому приказу имѣть Досиѳея въ виду и на будущее время какъ надежнаго, преданнаго и полезнаго совѣтника и пособника во всемъ нашимъ посламъ въ Турціи. Такъ, благодаря своимъ сношеніямъ съ посломъ Возницынымъ и тѣмъ услугамъ, которыя онъ успѣлъ оказать ему, Досиѳей сдѣлался хорошо извѣстенъ московскому Посольскому приказу, гдѣ съ этого времени стали смотрѣть на него, какъ на человѣка всецѣло преданнаго интересамъ Россіи, готоваго на всякія услуги, на вѣрность и преданность котораго всегда можно положиться.

Съ посломъ Возницынымъ Досиѳей отправилъ къ государю грамоту, писанную въ Маѣ 1682 года, въ которой онъ заявляетъ: „о прощеніи киръ Никона мы, по нашей силѣ, радѣхомъ и грамоты всѣхъ изобразихомъ... радѣли правды ради и познашася у Бога и человѣковъ православное и доброе ваше произволеніе“ (разрѣшить Никона). Затѣмъ Досиѳей дѣлаетъ такое обращеніе къ царю: „радуемся зѣло, яко ваше державство церковью дѣйствуетъ церковная, и молимся совершеннѣйшимъ духовнымъ дерзновеніемъ, яко и впредь всякое дѣло церковное недѣйствовати кромѣ мысли церкви: аще будетъ малое дѣло, дѣйствовати соборною мыслію тамошнія святыя церкви, аще же великое,

мыслію великихъ архіереевъ восточныхъ дѣйствовати, во еже быти всѣмъ церковнымъ дѣламъ безъ обновленія, безъ претворенія и непоколебимо... Нигдѣ же во всемъ царствіи вашемъ да неповолиши быти никакому обновленію противъ православной вѣры и напротивоглаголющихъ отомстися". Досиѳей далѣе поясняетъ, почему ему потребовалось напомнить русскому царю о его первой и священнѣйшей обязанности—хранить непоколебимо православную вѣру и недопускать въ ней никакихъ перемѣнъ: „нѣкіе Русы изъ Литвы уніяты, дьявольскіе органы, преобразившися во ангела свѣта, проходятъ, яко православные, и лицемѣріемъ и сладкими своими словесами прельстятъ сердца простыхъ, о нихъ же глаголаше блаженный Павелъ: имѣютъ образъ благочестія, а силы его отрицаются. О тѣхъ же просимъ, да укажете великимъ повелѣніемъ, да невходятъ въ предѣлы вашего святаго царствія; сіе дѣло, о немъ же молимся, святый царю! есть дѣло древнее и святымъ царемъ свойственное, еже дѣйствуя, царствіе ваше сочтенъ будеши отъ жениха церкви владыки Христа во апостольскомъ ликѣ". Послѣ этого Досиѳей переходитъ къ своей службѣ послу Возницыну, о которомъ и дѣлаетъ свой отзывъ: „Великому послу вашего святаго царствія, пишетъ онъ, въ чемъ поспѣшествовали, самъ да свидѣтельствуетъ; но и онъ великій посолъ, сирѣчь Прокопій, постоя, яко никто иный, поборяя и подвизаяся, во еже пріимати конецъ благополучный повелѣнія вашего, разумный и честный человѣкъ и по истинѣ почти службу себѣ врученную, и немоществовавшу ему, яко человѣку. Константинъ Христофоровъ переводчикъ, яко познавахомъ здѣ, рода честнаго и имѣетъ жительство зѣло православное и добродѣтельное, сице постоя во всякой службѣ святаго вашего самодержавства при-

лѣжно и вседушно". Затѣмъ Досиѳей касается въ своей граматѣ и еще одного очень важнаго предмета: устройства въ Москвѣ греческой школы. „Благодаримъ Господа Бога, пишетъ онъ, яко во дни святаго вашего царствія благоволи быти въ царствующемъ вашемъ градѣ еллинской школѣ: еллинскимъ языкомъ писано Евангеліе и Апостолъ, еллини бяше святіи отцы, еллински написашеся Дѣяніе святыхъ соборовъ и святыхъ отцевъ списаніе и всѣ святыя церкви книги. И сіе есть божественное дѣло, еже учити христіаномъ еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры, яко же писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно, и наипаче: дабы отдалени были отъ латинскихъ, иже исполнени суть лукавства и прелести, ереси и безбожства. Благодаримъ убо Бога и о семъ и молимъ блаженную и святую душу вашу, во еже утвердити и умножити, да пребудетъ вѣчная ваша и безсмертная память у Бога и у человѣкъ".

Прислалъ Досиѳей грамату и патріарху Іоакиму и опять въ учительномъ тонѣ, не смотря на тотъ видимо холодный пріемъ, какой встрѣтила у Іоакима его первая грамата (1679 г.). „Нынѣ молимъ тя, пишетъ Досиѳей Іоакиму, потщися себя правити предъ Господемъ дѣлателя искусна, право правяще слово истины, и яко убо свѣтъ просвѣщай церковь со писаніемъ и схолами и ученіемъ Евангелія мира; яко соль, имѣй слово солію растворенно, къ тебѣ бывающимъ о согрѣшеніяхъ, буди вскорѣ милостивъ, отъ бывающихъ же ко Богу согрѣшеніяхъ ко кающимся буди сострадателенъ; аще злость пребываетъ и наказуема наругается, буди страшенъ и любовинителенъ. Еще же и вѣра христіанская нынѣ пріяла всякое преданіе святыхъ отцевъ, и кто положитъ когда или выложитъ отъ обычай церковныхъ, иже со-

борная церковь держитъ, по первомъ и второмъ наказаніи да наказуется достойно ради безчинія его". Послѣ этихъ общихъ наставленій Досиѳей переходитъ къ спеціальнымъ наставленіямъ: о необходимости Іоакиму оберегать свою паству отъ вліянія на нее гибельнаго латинскаго ученія, находящагося въ латинскихъ книгахъ. „Храни, храни стадо Христово чисто, пишетъ онъ, отъ латинскаго письма и книгъ, яко все въ нихъ есть ученіе антихристово, понеже есть полны новосѣченія, полны хулы; въ нихъ бо есть безбожіе кальвиново и лютерово,—довлѣетъ благолѣпіе и красота святыя Христовы церкви; не мѣшайтеся соблудники, глаголаше апостолъ, блудники же есть еретики и книги ихъ. Великій царь Константинъ и Ѳеодосій и Устиніанъ законоположиша Порфиріа и Манента книги да необрѣтаются, идѣже обрящутся, да сожгутся, и елицы ея хоронятъ, смертію да казнятся. Тако сотворите и вы о латинскихъ книгахъ, яко есть лестныя и прелестныя. Философскія наши книги научили насъ вначалѣ нечестію, Евангеліе же даде намъ спасеніе,—довлѣетъ сіе. Сице васъ нѣцыи оклеветуютъ яко неученыхъ, рцыте съ Павломъ: несрамляемся Евангеліемъ Христовымъ, сила бо есть всякому вѣрующему во спасеніе, и паки: нѣсть сія мудрость сходящая отъ Бога, но земная, душевная и учительная, глаголетъ другій апостолъ. И Павелъ паки: вѣра наша не въ премудрости человѣческой, но въ силѣ Божіей, понеже да неиспразднится крестъ Христовъ. И аще кто ученія ищетъ еллинскому языку, учитеся, а не другому, яко же пространнѣе написахомъ іеромонаху Тимоѳею" (начальнику типографскаго училища въ Москвѣ). [1]

[1] 7191 г. № 2; Собр. госуд. грам. и дог. IV, 417—423; Сношен. Дос. съ рус. прав. прих. № 15.

Приведенныя грамматы Досиѳея по своему характеру, тону и содержанію очень рѣзко отличаются отъ грамматъ его предшественниковъ—патріарховъ, и ясно говорятъ о тѣхъ особыхъ отношеніяхъ, въ какія желалъ войти Досиѳей съ московскимъ свѣтскимъ и духовнымъ правительствомъ. Въ нихъ мы невстрѣчаемъ обычныхъ вѣчныхъ жалобъ на притѣсненія и обиды отъ еретиковъ, на тяжелые налоги и неоплатные долги, на свою крайнюю бѣдность и скудость, въ нихъ нѣтъ обычныхъ просьбъ о помощи и милостынѣ. Досиѳей ни на что не жалуется, ничего не проситъ для себя и самый тонъ его грамматъ не искательно просительный, не смиренно-угодливый, имѣющій въ виду расположить къ болѣе щедрой подачкѣ, а авторитетно - назидательный тонъ учительнаго верховнаго архипастыря, имѣющаго въ виду только интересы вѣры, интересы вселенскаго православія — онъ только поучаетъ, совѣтуетъ, предостерегаетъ и царя и патріарха, вовсе не заботясь о томъ, понравится имъ это или нѣтъ. Самыя его поученія и назиданія не общія только мѣста, онѣ неотвлеченны и безпредметны, а имѣютъ ближайшее отношеніе къ совершавшемуся тогда въ русской жизни, съ чѣмъ, какъ видно, Досиѳей изъ своего далека былъ знакомъ однако хорошо, потому что все происходившее тогда на Руси онъ считалъ не чуждымъ и далекимъ, а близкимъ себѣ, къ чему онъ хотѣлъ стать въ опредѣленныя отношенія. Если онъ поучаетъ царя твердо хранить завѣты отцовъ и всѣ церковные обычаи, не допускать въ нихъ ни малѣйшихъ даже перемѣнъ и какихъ либо нововведеній, если онъ предостерегаетъ царя отъ юго-западныхъ русскихъ выходцевъ, по большей части воспитанниковъ латинскихъ школъ, и совѣтуетъ ему даже совсѣмъ запретить имъ въѣздъ въ мос-

ковское государство, если онъ похваляетъ царя за устройство въ Москвѣ именно греческой школы и энергично наставляетъ московскаго патріарха всѣми мѣрами охранять свою паству отъ латинскихъ книгъ и всякаго иновѣрнаго западнаго вліянія; то все это было строго соображено съ происходившимъ тогда въ Москвѣ. Здѣсь шла въ то время ожесточенная борьба латинскаго и греческаго направленій, которая напряженно велась и по поводу церковныхъ вопросовъ (напримѣръ о времени пресуществленія св. даровъ), и по поводу устройства въ Москвѣ школы (вопросъ шелъ о томъ какой языкъ долженъ преобладать въ московской школѣ—греческій или латинскій, на который представители греческаго и латинскаго направленій отвѣчали различно), и по поводу нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ (напр. о пользованіи латинскою библіею). Досиѳей какъ видно, хорошо былъ освѣдомленъ обо всемъ этомъ, и потому своими грамотами цюрю и патріарху онъ имѣлъ въ виду поддержать и подкрѣпить греческую въ Москвѣ партію, доставить ей перевѣсъ надъ латинствующими кіевлянами, ихъ учениками и послѣдователями въ Москвѣ. Это Досиѳей и выразилъ въ своихъ грамотахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сразу далъ понять въ Москвѣ, что онъ не намѣренъ и на будущее время быть безучастнымъ только зрителемъ къ происходящему въ Москвѣ, особенно въ церковной сферѣ, что онъ не простой только слуга русскаго правительства и покорный ревностный исполнитель всѣхъ его предначертаній и желаній, а одинъ изъ верховныхъ архипастырей вселенской церкви, къ голосу и мнѣніямъ котораго должно прислушиваться и московское правительство. Разъ поставивъ себя въ такое отношеніе къ московскому правительству и русской церковной жизни, Досиѳей твердо держался его и вовсе послѣдующее

время, не стѣсняясь при случаѣ высказывать по тому или другому поводу свое мнѣніе и сужденіе, хотя бы оно могло и очень не понравиться кому либо въ Москвѣ. Это вскорѣ показалъ онъ самымъ дѣломъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, вообще мало расположенный къ грекамъ, но послу котораго въ Турціи — Возницыну Досиѳей всетаки успѣлъ оказать очень важныя услуги, умеръ 27 Апрѣля 1682 года и власть въ Москвѣ перешла въ руки царевны Софіи, которая хотѣла явить себя православному востоку царицею, пекущеюся о поддержаніи и процвѣтаніи св. мѣстъ, столь дорогихъ для каждаго православнаго христіанина. Въ правленіе царевны Софіи Досиѳей явился такимъ же доброхотомъ и слугою Россіи, какимъ онъ уже заявилъ себя при Ѳеодорѣ, и московское правительство уже прямо обращалось къ нему за содѣйствіемъ въ нужныхъ случаяхъ.

Послѣ присоединенія къ Москвѣ Малороссіи неизбѣжно самъ собою возникъ вопросъ и о подчиненіи кіевской митрополіи, зависѣвшей отъ константинопольскаго патріарха, патріарху московскому, о чемъ думалъ уже Никонъ. Когда же между московскимъ правительствомъ и гетманомъ Самойловичемъ рѣшено было сдѣлать кіевскимъ митрополитомъ Гедеона Четвертинскаго съ тѣмъ, чтобы онъ поставленъ былъ московскимъ патріархомъ, тогда, въ Декабрѣ 1684 года, въ Константинополь отправленъ былъ спеціальный посолъ грекъ Захарій Ивановъ или Софиръ просить у патріарха отпустительную грамоту на кіевскую митрополію. Но патріархъ отказался совершить это дѣло безъ вѣдома и согласія визиря, къ которому де и должно прежде всего обратиться московское правительство [1]. Но оно

[1] Турецкіе статейные списки № 25, лл. 329—336; № 26, лл. 36—39.

поступило иначе. Съ согласія гетмана Самойловича Гедеонъ Четвертинскій былъ поставленъ въ митрополиты въ Москвѣ патріархомъ Іоакимомъ, которому онъ далъ обѣщаніе во всемъ зависѣть отъ него, послѣ чего рѣшились обратиться къ константинопольскому патріарху, чтобы получить отъ него формальное утвержденіе уже совершившагося факта. Съ этою цѣлію въ Ноябрѣ 1685 года въ Константинополь былъ отправленъ особый посолъ, дьякъ Никита Алексѣевъ, къ которому въ Малороссіи присоединился и особый посолъ отъ гетмана, Иванъ Лисица. Съ Алексѣевымъ посланы были дары константинопольскому патріарху и 200 золотыхъ Досиѳею, причемъ въ наказѣ Алексѣеву было написано, „чтобы домогатись ему у іерусалимскаго патріарха, чтобъ онъ, для царскаго величества милости, съ константинопольскимъ патріархомъ совѣтовалъ, чтобъ царскаго величества по грамотѣ о кіевской митрополіи константинопольскій патріархъ къ великимъ государямъ отпустительную грамоту съ нимъ, Никитою, послалъ, и у той грамоты и евобъ іерусалимскаго патріарха рука подписана была; и какъ потому совѣту іерусалимскаго патріарха константинопольскій патріархъ отпустительную грамоту дастъ, и Никитѣ іерусалимскому патріарху великихъ государей милостыню тѣ двѣсти червонныхъ золотыхъ отдать и къ великимъ государемъ взять листъ“. Исполняя данную ему инструкцію Никита Алексѣевъ, прибывъ въ Адріанополь, гдѣ тогда находился турецкій дворъ и Досиѳей, прежде всего обратился къ послѣднему и сталъ ему говорить, по наказу, объ отпускѣ кіевской митрополіи. Досиѳей отвѣчалъ, что объ этомъ дѣлѣ онъ уже знаетъ, такъ какъ константинопольскій патріархъ Іаковъ, ранѣе получившій объ этомъ грамоту государей чрезъ грека

Софира, не могъ ничего учинить безъ совѣта съ другими патріархами, „потому что, говорилъ Досиѳей, въ правилехъ св. отецъ написано, что архіерею изъ подъ своей епархіи въ иную паству благословенія и отпущенія иному никому не подавать, и въ томъ онъ, патріархъ Досиѳей, константинопольскому Іакову патріарху совѣтывать и наговаривать не будетъ“. Тогда Никита сталъ разъяснять Досиѳею, что поставленіе Гедеона кіевскимъ митрополитомъ въ Москвѣ совершилось съ согласія гетмана, генеральной войсковой старшины и всего причта духовнаго, что это сдѣлано въ интересахъ православія, чтобы не допустить до управленія праздною кіевскою митрополіею отступника и уніата епископа Шумлянскаго. На это Досиѳей отвѣчалъ: „какъ де то учинили великіе государи, такъ они и вѣдаютъ, а они де нынѣ благословенія своего не дадутъ для того: напредъ до сего бывало, что митрополиты кіевскіе пріѣзживали для поставленія въ Царьградъ и принимали благословеніе отъ константинопольскаго патріарха, а и нынѣ изволили бъ великіе государи писать къ нимъ о поставленіи кіевскаго митрополита, и они бъ благословеніе дали, что въ Кіевъ вольно обрать и поставить святѣйшему московскому патріарху, а не вѣчно быть той епархіи за нимъ. А нынѣ де прислали просить благословенія, а ужъ и поставили, что есть церкви восточной раздѣленіе; — что де хотя ужъ поставили въ Кіевъ митрополита, то де дѣло доброе, только бъ для благословенія они напредъ присылали, и нынѣ онъ совѣтывать съ константинопольскимъ патріархомъ не будетъ и такаго отпустительнаго благословенія конечно не дадутъ“. Алексѣевъ снова принялся убѣждать Досиѳея въ пользу „святаго дѣла“ и между прочимъ привелъ и такой доводъ, что за это „ему свя-

тѣйшему патріарху, также и константинопольскому, прислано ихъ великихъ государей жалованье, а впредь ихъ царская милость отъ нихъ отъемлема не будетъ". Но и этотъ вѣскій аргументъ не подѣйствовалъ. Досиѳей говорилъ, „что онъ въ то дѣло конечно вступаться не будетъ и какъ де о томъ хочетъ константинопольскій патріархъ; а ему бъ хотя бъ была дана и великая казна, то бъ онъ такова дѣла не учинилъ, а и константинопольскому патріарху тово дѣла чинить, созвавъ митрополитовъ, безъ визирскаго указу невозможно". Не достигнувъ своей цѣли у Досиѳея, Алексѣевъ принужденъ былъ обратиться съ своимъ дѣломъ къ визирю, который, ради своихъ цѣлей, охотно согласился оказать требуемую услугу московскому правительству, именно онъ сказалъ Алексѣеву: „призоветъ де онъ патріарха (константинопольскаго) къ себѣ и прикажетъ ему: что царскому величеству надобно, то бы онъ учинилъ по волѣ ихъ царскаго величества и о всемъ писалъ". Заручившись согласіемъ визиря Алексѣевъ снова отправился къ Досиѳею и, сообщивъ ему отвѣтъ визиря, опять просилъ его ходатайствовать предъ константинопольскимъ патріархомъ объ отпускѣ кіевской митрополіи. На этотъ разъ Досиѳей повелъ уже другія рѣчи. „Въ правилехъ я пріискалъ, говорилъ онъ, что вольно всякому архіерею отпустить изъ своей епархіи и подать благословеніе иному архіерею, и о томъ онъ будетъ патріарха Діонисія (константинопольскаго) наговаривать, чтобъ онъ учинилъ по воли царскаго величества и самъ онъ, Досиѳей, къ царскому величеству и къ святѣйшему патріарху московскому писать будетъ особо и благословеніе отъ себя подастъ, а не вмѣстѣ съ Діонисіемъ". Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого (13 Апрѣля 1686 г.) Досиѳей призвалъ къ себѣ Никиту

Алексѣева и гетманскаго посла и заявилъ имъ, что завтра онъ ѣдетъ въ мутьянскую землю и посылаетъ отъ себя великимъ государямъ, патріарху Іоакиму и кіевскому митрополиту грамоты, „и Діонисій де патріархъ, говорилъ Досиѳей, по его совѣту хотѣлъ все учинить по воли великихъ государей, ихъ царскаго величества". Въ тотъ же день Досиѳей прислалъ послу свои грамоты, а тотъ послалъ ему царское жалованье— двѣсти золотыхъ. Вскорѣ и константинопольскій патріархъ прислалъ свою отпустительную грамоту на кіевскую митрополію, за что и получилъ теперь царское жалованье — тоже двѣсти золотыхъ, хотя уже и ранѣе Алексѣевъ тайно послалъ ему три сорока соболей [1].

Такимъ образомъ Досиѳей принималъ живое и дѣятельное участіе въ отпускѣ кіевской митрополіи вслѣдствіе особаго обращеннаго къ нему по этому случаю приглашенія московскаго правительства. Послѣднее очевидно видѣло въ Досиѳеѣ не только человѣка преданнаго Россіи, всегда готоваго дѣйствовать въ русскихъ интересахъ, но и человѣка очень вліятельнаго на православномъ востокѣ, отъ котораго во многомъ зависитъ такой или иной исходъ возбужденнаго дѣла о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху. Конечно поэтому наше правительство желало, чтобы подъ отпустительною грамотою на кіевскую митрополію, на ряду съ подписью константинопольскаго патріарха, была и подпись Досиѳея, какъ лица особенно авторитетнаго и уважаемаго на всемъ православномъ востокѣ. Но Досиѳей, какъ мы видѣли, очень неохотно соглашался на подчиненіи кіевской митрополіи москов-

[1] Турецкіе статейные списки № 26, л.л. 43, 53—61, 78—79, 87—90, 94 об.—98.

скому патріарху и наконецъ, съ трудомъ согласившись, послалъ отъ себя особыя грамоты и царямъ и патріарху Іоакиму, въ которыхъ откровенно и прямо высказалъ свой истинный взглядъ на это дѣло.

Въ грамотѣ государямъ Досиѳей одобряетъ самый фактъ поставленія московскимъ патріархомъ кіевскаго митрополита, но рѣшительно не одобряетъ и не похваляетъ того обстоятельства, что московскій патріархъ, посвятивъ кіевскаго митрополита, въ то же время подчиняетъ его со всею митрополіею своей власти, включаетъ кіевскую митрополію въ свой патріархатъ. „Во первыхъ, пишетъ Досиѳей, слѣдуетъ довольствоваться своимъ, а не на всякій день новое изыскивать, какъ сіе обычно и въ иныхъ искательствахъ, за коими слѣдуетъ мало по малу киченіе и пренебреженіе братіи, какъ и папамъ сіе приключилось по гордости. Когда же отложены бываютъ отеческія правила, появляются новыя, въ коихъ есть и суетное, посему и говоритъ писаніе: непреложиши предѣлы вѣчные, яже положиша отцы твои. Во вторыхъ, до такой степени мнится порочнымъ въ церкви желаніе чужихъ епархій и для первыхъ іереевъ, что и антіохійскій патріархъ отъ вселенскаго третьяго собора, когда хотѣлъ хиротонисать кипрскаго архіепископа, весьма укоренъ былъ и осудилъ его самолюбіе ликъ оный святыхъ отцевъ“. Но мало того, что подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху не согласно, по мнѣнію Досиѳея, съ церковными правилами, самый способъ, какъ оно было достигнуто, казался Досиѳею неправильнымъ, предосудительнымъ и даже опаснымъ. Русское правительство, заявляетъ Досиѳей, должно было не просить патріарховъ объ отпускѣ кіевской митрополіи, а требовать этого отъ нихъ, „если сіе не противно зако-

намъ и если отъ сего не послѣдуетъ что либо противное или непристойное". Но особенно огорчаетъ Досиѳея тотъ пріемъ, съ помощію котораго московскій посолъ старался получить отпустительную грамоту отъ константинопольскаго патріарха. Отпуска кіевской митрополіи слѣдовало, говоритъ Досиѳей, „не просить чрезъ деньги, но просто ради вѣры и пользы вѣрныхъ, не такъ какъ нынѣ, когда честнѣйшій вашъ посланникъ извѣщалъ намъ: что если дадимъ грамоту, дастъ и милостыню; а если не дадимъ,—не дастъ.... И подобаетъ ли, съ горечью пишетъ Досиѳей, сей апостольской церкви великія Москвы просить у матери своей, восточной церкви, духовныхъ дарованій за деньги? Неужели грамота оная, которую пріемлетъ честность его отъ константинопольскаго и такаго рода прошенія, ради денегъ, праведна? И достоинство имѣетъ ли такая грамата?" [1] Затѣмъ Досиѳей указываетъ на ту опасность, какая угрожаетъ православію отъ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху, именно: нѣкоторые православные въ Польшѣ и на Украйнѣ могутъ сдѣлаться непослушны кіевскому митрополиту, какъ не хиротонисанному константинопольскимъ патріархомъ, отчего послѣдуетъ схизма и словопреніе и даже еще худшее; недовольные могутъ обратиться къ константинопольскому патріарху съ требованіемъ поставить имъ отдѣльнаго митрополита, и патріархъ „ради малыхъ де-

[1] Самъ Досиѳей принялъ однако царскую милостыню, которая ему была назначена именно за хлопаты по дѣлу кіевской митрополіи. По этому поводу Досиѳей пишетъ князю Василію Голицыну, что посолъ Алексѣевъ далъ ему «двѣсте червонныхъ золотыхъ, милость святыхъ и державныхъ царей Св. Гробу, которое мы въ такомъ времени и въ такомъ дѣлѣ не хотѣли мы взяти—ниже много ниже мало, паипаче же, что мы имѣемъ иную надежду къ святѣйшему дому самодержавнѣйшихъ царей; токмо помышляя, да непоказуемся тяжки и да не подадимъ нѣкій знакъ лакомства въ насъ, воспріяли есмы и послали въ святой градъ Іерусалимъ». (Греч. дѣла 7195 г. № 3).

негъ“ рѣшится поставить имъ митрополита, отчего послѣдуетъ „соблазнъ и развратъ“. Заканчивая свои доводы въ пользу той мысли, что кіевская митрополія не должна бы быть епархіей московскаго патріарха, Досиѳей говоритъ въ заключеніе: „сихъ ради и таковыхъ причинъ не похваляемъ мы начинаніе брата нашего (т. е. п. Іоакима), однако похвалили желаніе державнѣйшаго и святаго вашего царствія только посѣщенія ради, но паки говоримъ по божественному апостолу: аще непщеваніемъ ими истинно Христосъ возвѣщается. И такъ, хотя бы ради самолюбія церковниковъ, или ради иной вины, быть можетъ и благословной, такъ случилось, радуемся, что Кіевъ имѣетъ митрополита и хиротонію его пріемлемъ и, прочая оставляя, молимся Владыкѣ Христу, да дастъ ему силу править благо и благоугодно“.

Изъ заключительныхъ словъ граматы Досиѳея къ царямъ видно, что виною подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху онъ считалъ „самолюбіе церковниковъ“, другими словами, самолюбіе патріарха Іоакима, который устроилъ все это, по мнѣнію Досиѳея, очень прискорбное дѣло. Этотъ свой взглядъ онъ прямо и высказалъ въ особой граматѣ къ патріарху Іоакиму, писанною въ Апрѣлѣ 1686 года. „Нѣкій верхъ злыхъ пишетъ Досиѳей, насъ сокрушаетъ и насъ сушатъ церковныя смущенія и бури, самолюбное же и зарватное, и не сытостъ славы, и желаніе чуждихъ, которое зло не токмо нынѣ здѣ преизлишествуетъ, но достигнуло даже и до васъ... Что вина да оттерзаете чуждую епархію? не есть-ли стыдъ отъ людей, не есть-ли грѣхъ отъ Бога! Да присылаете деньги и изъ ума людей выводите, берете граматы сопротивны церкви и Богу. Сказывалъ намъ посланникъ вашъ; яко письма отъ васъ

не привезъ, токмо приказали ему дати намъ милостыню, аще ему дадимъ письмо, яко же хощетъ; и аще не дадимъ ему, и онъ намъ да не дастъ. И аще бы нѣчто нуждно быти сему, еже просите, мы и Іерусалимъ бы сотворили епископіею, и ноги бы ваша мыли, яко же Христосъ сотворилъ ко устроенію церкви. Но кромѣ нужды для чего да движутся предѣлы отеческія? И кто можетъ сія да простить. Близь насъ стоялъ посланникъ вашъ; и приходилъ къ нему нѣкоторый архимандритъ святогорскій отъ страны Діонисія патріарха, и просилъ денегъ отъ посланника и послѣ да дастъ ему граматы. И посланникъ отвѣщалъ, яко прежде да дастъ ему граматы, и потомъ да возметъ деньги отъ него. И бяше удобнѣе, да поставите митрополита безъ благословенія, неже присылаете деньги и просите прощенія, яко есть явная симонія; и ниже прощеніе есть прощеніе, ниже граматы суть граматы, аще ищете по Богѣ, понеже единъ не прощаетъ, наипаче же и съ деньгами, токмо вси; но и вси паки не просто прощаютъ, но егда суть нужда. Но здѣ нужды нѣсть, явно есть лихоиманіе и во уничиженіе восточныя церкви. Довольно бы было братской твоей любви, да еси намѣстникъ константинопольскаго патріарха, да испытываеши того кіевскаго митрополита, и да повелѣваеши ему, и да судиши его, и предразсуждаеши. яко присный домостроитель; и была бы честь ваша, и преданія церковныя невредимы бы были, и христіане бы были тоя митрополіи мирны. И тако совѣтуемъ, и сіе есть праведное и непорочное въ церкви Христовѣ и въ день Господень, и да негнѣвается и Богъ въ такихъ вещахъ. И аще хощете имѣти хотѣніе свое, вѣдайте, яко церковная воля не есть, яко же и мы нехощемъ, да не причастимся сему грѣху; такожъ нехощемъ ниже васъ. да будете подлежими въ

семъ грѣхѣ... Братская твоя любовь! аще есть сіе дѣло отъ тебя—хощеши да тебѣ имя останется послѣ на Москвѣ, како сотворилъ еси такое дѣло? Но праведно и благословно есть въ семъ настоящемъ вѣцѣ въ церкви и въ будущемъ на судище Божіи да имѣли бы вы имя: како храните церковныя предѣлы и како послѣдуете церковнымъ законамъ, како не уничтожаете тѣхъ отъ нихъ же имѣете тое иже есте".

Такъ прямо и рѣзко высказывалъ Досиѳей свое полное неудовольствіе и неодобреніе дѣлу подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху, скорбѣлъ и негодовалъ по поводу самаго характера веденія этого дѣла. Конечно имъ руководила въ этомъ случаѣ ревность о сохраненіи церковныхъ установленій и обычаевъ, нарушенныхъ, по его мнѣнію, фактомъ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху, конечно въ немъ говорила и гордость греческаго іерарха, оскорбленная слишкомъ открытымъ торгашескимъ пріемомъ московскаго посла. Но, съ другой стороны, у него могли быть и иныя побужденія дѣйствовать именно такъ, а неиначе. Онъ, въ данномъ случаѣ, могъ имѣть въ виду тѣ возможныя отношенія, какія въ недалекомъ, по его мнѣнію, будущемъ могутъ открыться между все болѣе усиливающеюся Россіею и между все болѣе слабѣющею и видимо начинающею разлагаться Турціею. Досиѳей искренно и горячо сочувствовалъ развитію политическаго могущества Россіи, желалъ, чтобы она расширялась особенно на счетъ Турціи, въ чемъ онъ видѣлъ залогъ будущей свободы грековъ; онъ желалъ, вмѣстѣ съ другими греками, чтобы русскій царь сдѣлался преемникомъ византійскихъ императоровъ, изгнавъ предварительно турокъ изъ Константинополя. Но въ то же время Досиѳей вовсе не желалъ того, чтобы вмѣстѣ съ развитіемъ по-

литическаго могущества Россіи, все шире и шире развивалась и сфера ея церковнаго вліянія и власти въ предѣлахъ Турціи. Если Москва, подчиняя себѣ разные православные народы политически, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ подчинять ихъ себѣ и церковно, какъ это уже случилось съ Малороссіей, то въ концѣ концовъ окажется, что московскій патріархъ подчинитъ своей церковной власти большинство православнаго міра. Досиѳею хорошо было извѣстно, что Россіи не прочь подчиниться Грузія, что къ этому стремятся Молдавія и Валахія: что же однако будетъ, если Россія, подчинивъ себѣ эти земли политически, чего желалъ и самъ Досиѳей, въ тоже время подчинитъ ихъ себѣ и въ церковномъ отношеніи? Не усилится-ли тогда безмѣрно власть и значеніе московскаго патріарха въ ущербъ его собратьямъ — восточнымъ патріархамъ, и не падетъ-ли тогда значеніе послѣднихъ въ цѣломъ православномъ мірѣ? Эти опасенія и были причиною того, что Досиѳей противился, рѣшительно неодобрялъ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху, почему онъ усиленно старался доказывать и царямъ и патріарху Іоакиму, что имъ никакъ не слѣдовало подчинять кіевскую митрополію московскому патріарху, такъ какъ подобное дѣяніе—желаніе чужихъ епархій, и незаконно и опасно для всего православія.

Протестъ Досиѳея относительно подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху имѣлъ, впрочемъ, чисто академическій характеръ, такъ какъ практически онъ вполнѣ призналъ совершившійся фактъ и всѣ вытекающія отсюда послѣдствія. Онъ самъ послалъ свою грамоту къ епископамъ и ко всѣмъ благочестивымъ, живущимъ въ Литвѣ и Польшѣ, въ которой, вопреки дѣйствительному ходу событій, увѣрялъ, что Гедеонъ

поставленъ въ кіевскіе митрополиты московскимъ патріархомъ „по воли и мысли блаженнѣйшихъ и святѣйшихъ патріарховъ, си есть: вселенскаго и прочихъ трехъ востока великихъ архіереевъ“, и потому молитъ всѣхъ подчиняться во всемъ Гедеону, какъ истинному и законному митрополиту кіевскому. Мало того: въ той же самой грамотѣ къ царямъ, въ которой Досиѳей доказываетъ незаконность подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху, онъ уже спѣшитъ, признавая неизбѣжность и безповоротность совершившагося, преподать московскому правительству рядъ наставленій, какъ ему слѣдуетъ держать себя относительно кіевской митрополіи. Эти наставленія очень характерны и лучше всего доказываютъ, что кіевская митрополія, въ интересахъ церкви и православія, должна была быть подчинена именно московскому патріарху. Досиѳей заявляетъ *во первыхъ*, чтобы кіевскій митрополитъ избиралъ и поставлялъ во епископы подчиненныхъ ему каѳедръ обязательно только съ согласія и одобренія московскаго патріарха и собора при немъ. *Во вторыхъ*, „въ нынѣшней, по той сторонѣ Днѣпра, называемой казацкой землею, суть нѣкіе въ Римѣ и въ Польшѣ отъ латинъ наученные архимандриты и игумены монастырей, не по чину совершаютъ послѣдованіе церковныхъ службъ и носятъ іезуитское ожерелье“. Митрополитъ кіевскій долженъ позаботиться, чтобы во всѣхъ монастыряхъ служба была одинаковая, поелику не раздѣлился Христосъ, и чтобы отложены были ожерелья, какъ знаменіе иномудрствующихъ. *Въ третьихъ*, да будетъ издано царское повелѣніе, чтобы по смерти предреченныхъ архимандритовъ и игумновъ впредь священника, который пойдетъ въ папежскія мѣста учиться, архимандритомъ, игуменомъ и епископомъ не поставлять, а если будетъ

мірянинъ, не дѣлать его іереемъ, ибо довлѣетъ православная вѣра ко спасенію и не подобаетъ вѣрнымъ прельщаться чрезъ философію и суетную прелесть. „Великій князь Александръ (Невскій) не былъ философомъ, но отвѣтъ, который онъ далъ посламъ папинымъ, равняется символу вѣры". Посовѣтовавъ затѣмъ правительству открыть школу въ Кіевѣ, чтобы православнымъ не было нужды обращаться за наученіемъ въ латинскія школы, Досиѳей пишетъ далѣе: „о, еслибы, благочестивѣйшіе, и тамъ въ Москвѣ сохраненъ былъ древній уставъ: да небываютъ (на Москвѣ) игумены и архимандриты отъ рода казацкаго, но москали и на Москвѣ и въ казацкой землѣ, а казаки только въ казацкой землѣ, ибо не подобаетъ запрягать вкупѣ коня и осла, ниже ткать вкупѣ руно и ленъ, глаголетъ Писаніе. Далеко да будутъ казаки священники отъ игуменства московскаго и отъ инаго достоинства. Хотя и исповѣдуемъ казаковъ быть православными, однако многіе изъ нихъ имѣютъ нравы растлѣнные, и нравы сіи неподобаетъ отъ нихъ перенимать тамошнимъ (т. е. московскимъ) православнымъ". *Въ четвертыхъ*, правила запрещаютъ хиротонисать архіерею на одной литургіи многихъ священниковъ и діаконовъ, почему кіевскій митрополитъ „епископамъ изъ казаковъ, сіе творившимъ безотмѣнно въ казацкой землѣ, да повелѣваетъ никакъ сего впредь не творить, ибо по невѣденію такъ поступали, какъ мнится; если же и впредь сіе творить будутъ, неотложно да извержетъ ихъ. Обрѣтаются тамъ и архіереи изъ грековъ, которые также хиротонисали многихъ іереевъ и діаконовъ на одной литургіи; поелику же они вѣдѣніемъ и ради денегъ согрѣшили и злой показали примѣръ, то таковыхъ неотложно низвергнуть и никакого прощенія не удостоивать, и нѣкоего изгнан-

наго архіепископа ахридонскаго, притомъ же и бѣглеца, украшающаго себя именемъ патріарха, какъ лицемѣра оплевать и эпитиміи подвергнуть". *Въ пятыхъ*, кіевскому митрополиту подобаетъ правильно и по правиламъ „судить сущихъ казаковъ, сущихъ въ послушаніи державнѣйшаго и святаго вашего царствія; къ православнымъ же, находящимся въ Польшѣ, да снисходите нѣсколько, доколѣ привлечете ихъ въ мрежи вѣдѣнія", какъ въ подобныхъ случаяхъ и поступали многіе великіе и святые мужи. *Въ шестыхъ*, кіевскій митрополитъ да созываетъ ежегодно у себя соборъ изъ епископовъ и архимандритовъ и обсуждаетъ на немъ все, что требуетъ церковнаго исправленія, причемъ о трудномъ пусть всегда доноситъ въ Москву патріарху и собору при немъ. „Такъ же и на Москвѣ, добавляетъ къ этому Досиѳей, священный соборъ, если что ему покажется сомнительнымъ, дабы и тамошняя церковь соборная сохранилась чистою и безъ всякихъ погрѣшностей, какъ непорочная Христова невѣста, долженъ доносить высшимъ церквамъ и сущимъ въ нихъ патріархамъ, и отъ нихъ принимать наставленіе и толкованіе, чтобы тамъ сохранялся союзъ любви и соединеніе духа мира и достоинство апостольской каѳолической вѣры неумаленнымъ, но обновленнымъ и непоколебимымъ". *Въ седьмыхъ*, если кіевскій митрополитъ или въ вѣрѣ православной или въ законахъ и вообще будетъ дѣйствовать вопреки разуму и мысли восточной церкви, то да будетъ подлежать суду, осужденію и запрещенію московскаго патріарха и сущаго при немъ священнаго собора. Пусть онъ поставляется отъ московскаго патріарха, но съ тѣмъ, чтобы объ этомъ, прежде-ли или послѣ поставленія, давалось знать константинопольскому патріарху, и чтобы на службахъ воспоминалось имя константинопольскаго

патріарха и кіевская митрополія считалась его областію, а московскій патріархъ намѣстникомъ константинопольскаго". Сіе просимъ и совѣтуемъ, да не пренебрегаются безъ всякой нужды уставы св. отецъ и не прогнѣвается Богъ" [1].

Очевидно Досиѳею хорошо были извѣстны многіе безпорядки и нестроенія, которые царили въ кіевской церковной іерархіи, въ церковной практикѣ и жизни, вслѣдствіе полнаго отсутствія всякаго надзора со стороны константинопольскаго патріарха, власть котораго въ кіевской митрополіи уже давно сдѣлалась чисто номинальною. Чтобы привести жизнь кіевской митрополіи въ надлежащій порядокъ, необходимъ былъ надъ нею постоянный и бдительный надзоръ высшей церковной власти, стоящей съ нею въ постоянныхъ, близкихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ. Такою самою ближайшею и естественною властію и былъ именно московскій патріархъ. Слѣдовательно подчиненіе ему кіевской митрополіи, не только не имѣло въ себѣ ничего незаконнаго или вреднаго для церкви, а совершенно наоборотъ: вызывалось и настоятельно требовалось интересами самой церкви и всего православія.

Участіемъ Досиѳея въ дѣлѣ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріарху и закончились всѣ его сношенія съ московскимъ правительствомъ во время правленія царевны Софіи, такъ какъ затѣмъ начались извѣстные крымскіе походы, во время которыхъ сами собою прекратились у насъ всякія сношенія съ Турціей, которые бы дали возможность Досиѳею или оказать

[1] Грамата государей къ константинопольскому патріарху о кіевской митрополіи, отпустительная грамата константинопольскаго патріарха и граматы Досиѳея къ царямъ, п. Іоакиму, малороссійскому духовенству и народу напечатаны въ пятомъ томѣ Архива Юго-зап. Россіи. См. греч. дѣла 7195 г. № 3.

услуги нашимъ посламъ, или послать съ ними въ Москву граматы. Кромѣ того въ это время случилось еще одно обстоятельство, изъ котораго подозрительный Досиѳей убѣдился, что честолюбивый московскій патріархъ подчиненіемъ себѣ кіевской митрополіи не удовлетворился, а идетъ по этому пути далѣе, стремится подчинить своей власти уже область подлежащую вѣдѣнію самаго іерусалимскаго патріарха. Дѣло тутъ заключалось въ слѣдующемъ.

Въ Сентябрѣ 1682 года въ Москву прибылъ синайскій архіепископъ Ананія, присутствовавшій на московскомъ соборѣ 1667 года. Жалуясь на крайне бѣдственное положеніе синайской обители и испрашивая помощи, Ананія молилъ государей: „пожалуйте излейте на насъ милосердіе, благоволите нашу святую обитель взять въ свое государское попеченіе, и не дайте той святой и православной обители отъ скудости пріити въ римскія руки, потому если мы, государи, отъ великіе скудости то святое мѣсто оставимъ, то римляне всячески о томъ потщатся, чтобъ имъ тѣмъ святымъ мѣстомъ завладѣть, и буде вашей царской милости не будетъ—не изволите святыя нашей обители взять въ ваше попеченіе, то конечно папа римскій потщится тѣмъ мѣстомъ завладѣть". Государи дали милостыню Ананіи, но о взятіи монастыря на особое государское попеченіе отвѣта отъ нихъ не послѣдовало. Тогда Ананія подалъ государямъ новую челобитную, въ которой просилъ, ради царскаго здравія и поминовенія ихъ родителей „не оставить во дни свои царскую ихъ богозданную обитель и не дать ей впасть въ руки еретиковъ на поруганіе православнымъ, ибо сіи святыя мѣста, многіе западные государи желаютъ присвоить себѣ и назвать своимъ моленіемъ, и, еслибы возможно было, и съ великими даяніями, не потому,

чтобы у нихъ не было своихъ обителей и церквей, но потому, что сія гора называется богоходною многихъ ради бывшихъ и бывающихъ на ней отъ Бога пророками и святыми его страшныхъ безчисленныхъ чудесъ, и во истину и нынѣ благодать Божія живетъ въ ней. Примите, государи, ту обитель въ свое царское попеченіе, какъ новые строители, вмѣсто первостроителя Юстиніана царя благочестиваго, дабы вашимъ царскимъ призрѣніемъ и помощію могла та святая обитель съ прочими святыми мѣстами держаться за православными христіанами, ибо такая царская обитель только и можетъ держаться царскимъ вспоможеніемъ". Но на этотъ разъ домогательства синаитовъ не имѣли успѣха. Тогда въ 1687 году въ Москву прибылъ синайскій архимандритъ Кириллъ съ особыми полномочіями отъ синайскаго архіепископа Іоанникія и всѣхъ синайскихъ иноковъ. Въ соборной граматѣ, привезенной архимандритомъ и подписанной архіепископомъ Іоанникіемъ и 72 синайскими иноками говорилось: „вся братія отъ первыхъ даже до послѣднихъ приходитъ къ высокому маестату христіаннѣйшему и православнѣйшему пресвѣтлыя державы царствія вашего, и много иже во смиреніи поклоненіе сотворяемъ и припадаемъ до лица земли съ плачемъ, и многими слезами челомъ бьемъ, и приносимъ и отдаемъ ту знаменитую и убогую обитель горы синайскія вамъ, великимъ государемъ и великодержавнымъ и пресвѣтлымъ монархомъ, да будете великіе государи тому святому и богопроходному мѣсту строители и обладатели, яко новіи и блаженніи вмѣсто царя Юстиніана ктиторы". Далѣе архіепископъ пишетъ: „пришлите отъ себя иноковъ (разумѣется русскихъ) въ святую обитель, да будутъ они молиться вмѣстѣ съ нами за васъ, а другіе опять придутъ къ намъ и лучше из-

вѣстятъ то, что видѣли сами въ нашей пустынѣ, каково наше житіе—зло или добро... Не отриньте нашего моленія и посланныхъ нашихъ, примите обитель подъ державу своего царствія и имѣйте къ ней ревность, ибо мы не имѣемъ гдѣ главы подклонить, да не опустѣетъ сіе поклоненіе всѣхъ православныхъ христіанъ". На этотъ разъ домогательства синаитовъ имѣли успѣхъ. Отъ государей велѣно было изготовить грамату къ синайскому архіепископу съ извѣщеніемъ, что они, по челобитью его, синайскую гору въ призрѣніе свое принять изволили, изъ русскихъ монастырей монаховъ по два человѣка послать туда указали, жалованья имъ посылается на 150 р. соболями, да еще 100 золотыхъ червонныхъ, да сверхъ того велѣно было устроить серебряную раку для мощей великомученицы Екатерины и наконецъ, особою жалованною граматою, синаитамъ дозволялось пріѣзжать въ Москву за милостынею чрезъ каждые два года.—Такимъ образомъ Синай въ 1687 году былъ принятъ подъ особое русское покровительство и долженъ былъ сдѣлаться съ этого времени русскимъ царскимъ монастыремъ, отчасти заселеннымъ присылаемыми въ него русскими монахами. Понятно, какое непріятное впечатлѣніе все это дѣло должно было произвести на Досиѳея, который естественно увидѣлъ въ этомъ новый незаконный захватъ со стороны властолюбиваго московскаго патріарха. Въ граматѣ уже не къ Іоакиму, а его преемнику Адріану онъ пишетъ: „синаиты отверзаютъ монастырь свой пять мѣсяцевъ и заключаютъ его пять лѣтъ, и всегда живутъ въ Египтѣ и наслаждаются благами его; потомъ же неимѣющіе попеченія ни о какой вещи святыя церкви, ниже кто отъ нихъ злостраждетъ, но о единомъ токмо пекутся, во ежебы собрати имѣнія, каковымъ либо образомъ могутъ". Далѣе Досиѳей

свидѣтельствуетъ, что синаиты отдавали свой монастырь самому папѣ, и если сначала Ананія, а потомъ „злѣжительный и скаредожительный“ архимандритъ Кириллъ представилъ писанія, „яко поддаетъ монастырь свой Москвѣ,—вещь беззаконна и посмѣянна: беззаконна убо, яко подлежащее другому патріаршескому престолу отъ времени третіего синода, како подлежати будетъ иному безъ изреченія вселенскому собору? Посмѣянна же двухъ ради нѣкіижъ (причинъ): первое яко како можетъ московскій патріархъ правити Синайскую гору? Второе, яко монастыри всего міра поминаютъ православныхъ патріарховъ и начальниковъ православныхъ и по образу сему вся суть всѣмъ поддана, и како тіи тое, еже есть сущее, глаголютъ, яко будетъ суще? Третіе, яко тіи ищутъ языческимии внѣшними властьми, да будутъ самоглавами церкви и како покарятся вамъ? Тѣмъ же явно есть, яко лгутъ, токмо да соберутъ сребро“. Въ заключеніе Досиѳей пишетъ Адріану: „егда пріидутъ къ вамъ отцы синаитяне, и въ граматахъ ихъ наречется архіепископъ синайскій, или въ писаніихъ своихъ подписуетъ титло, или въ великихъ или въ малыхъ нѣкіихъ писаніяхъ, то да раздираете и отцы да изгоняете со срамомъ и стыдомъ, яко преступники божественныхъ каноновъ и наипаче, яко нечестивѣйшія, понеже презираютъ обычай и изрѣченіе церкви“. Досиѳей однако волновался совершенно напрасно, такъ какъ въ Москвѣ вовсе и не думали покушаться на его верховныя права надъ Синаемъ и подчинять послѣдній власти московскаго патріарха [1].

[1] Подробнѣе объ этомъ см. нашу статью: Русская благотворительность Синайской обители въ XVI—XVIII столѣтіяхъ (Чтен. общ. люб. духовн. просв. 1881 г. окт.—ноябрь).

VI

Сношенія патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ при Петрѣ Великомъ.

Съ 1690 года положеніе дѣлъ въ Москвѣ сильно измѣнилось. Царевна Софья была окончательно устранена отъ управленія государствомъ и власть перешла въ руки Петра, который и сталъ теперь управлять единолично (больной царь Іоаннъ не имѣлъ никакого значенія). И на московской патріаршей каѳедрѣ произошла также въ это время перемѣна: патріархъ Іоакимъ не особенно, какъ мы видѣли, пріятный Досиѳею, умеръ и его преемникомъ сдѣлался Адріанъ, съ которымъ Досиѳей вошелъ въ добрыя и частыя сношенія. Съ другой стороны и въ положеніи Досиѳея или, точнѣе, въ положеніи св. мѣстъ въ Іерусалимѣ произошли такія важныя и печальныя для православныхъ перемѣны, которыя заставили Досиѳея съ 1690 года усиленно искать защиты и покровительства у московскаго правительства, и ради этого войти съ нимъ въ еще болѣе близкія и частыя сношенія, на сколько это было возможно при тогдашнихъ враждебныхъ отношеніяхъ Россіи къ Турціи, начавшихся еще съ 1686 года.

Какъ мы уже не разъ выше говорили, въ Іерусалимѣ постоянно велась упорная борьба между греками, латинянами и армянами изъ-за обладанія святыми мѣ-

стами. Греки, какъ представители всего православія, считали себя исконными, единственно законными обладателями всѣхъ святыхъ мѣстъ, чего однако никогда не хотѣли признать латиняне и армяне, при всякомъ удобномъ случаѣ стремившіеся отнять у грековъ тѣ или другія св. мѣста, и занять вмѣсто нихъ первенствующее положеніе при святомъ Гробѣ. Вслѣдствіе этого патріархамъ іерусалимскимъ приходилось вести какъ съ армянами, такъ, и особенно, съ латинянами неустанную энергичную борьбу, чтобы удержать за собою св. мѣста и первенство при святомъ Гробѣ. Предшественники Досиѳея вели борьбу успѣшно, и хотя іерусалимскій престолъ принужденъ былъ расходовать на это большія суммы, вслѣдствіе чего на патріархіи накоплялись иногда огромные долги, но за то св. мѣста и первенство при св. Гробѣ оставались всегда въ рукахъ православныхъ. И Досиѳею пришлось вести ту же борьбу главнымъ образомъ съ католиками, какъ и его предшественникамъ, только результатъ ея въ концѣ былъ уже иной. Борьба Досиѳея съ католиками началась уже съ перваго года его вступленія на патріаршій престолъ (т. е. съ 1669 г.), возобновилась потомъ въ 1673 году и закончилась благопріятно для грековъ въ 1675 году, несмотря на всѣ усилія и происки латинянъ, находившихъ себѣ сильную поддержку у французскихъ пословъ при Портѣ. Въ 1683 году притязанія латинянъ снова потерпѣли неудачу и Досиѳей было успокоился, но ненадолго. Противъ Турціи, въ это время образовалась коалиція изъ христіанскихъ государствъ: Австріи, Венеціи и Польши; къ нимъ въ 1686 году примкнула и Россія, предпринявшая два извѣстныхъ похода въ Крымъ подъ предводительствомъ князя Василія Голицына. Турція терпѣла пораженія отъ союз-

никовъ—австрійцевъ и венеціанъ, и находилась поэтому въ очень затруднительномъ положеніи. Тогда французское правительство стало обѣщать туркамъ свою помощь противъ союзниковъ подъ тѣмъ между прочимъ условіемъ, чтобы турки признали и формально укрѣпили за латинянами первенство въ св. мѣстахъ, и чтобы тѣ св. мѣста, которыми когда либо владѣли латиняне, а теперь владѣютъ греки, снова отданы были латинянамъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній турецкое правительство, опасавшееся, какъ бы и Франція не примкнула съ союзникамъ, согласилась на требованіе французовъ. Въ Апрѣлѣ 1689 года въ этомъ смыслѣ изданъ былъ султанскій указъ, который и былъ приведенъ въ исполненіе. Самъ Досиѳей въ своей Исторіи патріарховъ іерусалимскихъ говоритъ: „сколь много и сколь жестокія бѣдствія причинили паписты Іерусалиму когда пришли туда съ фирманомъ и съ царскимъ чиновникомъ, и похитили съ коварствомъ и съ насиліемъ первенство при св. мѣстахъ, требуетъ особаго повѣствованія. А здѣсь кратко упомянемъ о слѣдующихъ ихъ дѣйствіяхъ: во первыхъ, чтобы показать себя закоренѣлыми и непримиримыми врагами православныхъ, разрушили темплеонъ въ храмѣ виѳлеемскомъ, который впродолженіи четырехъ лѣтъ выстроили намъ хіосскіе художники. Осмѣивали и презирали честной крестъ и святыя иконы греческой живописи. Въ отдѣленіе св. Гроба, гдѣ патріархи раздѣляли святый свѣтъ, раскопали святой престолъ, и нашедъ въ основаніяхъ его ковчегъ съ святыми мощами, взяли его себѣ. Потомъ разнесли ложный слухъ, будто правительство повѣсило патріарха, и чрезъ то привели православныхъ въ великую печаль и смущеніе, такъ что когда пришло отъ насъ туда извѣстіе, то христіане

отъ радости сдѣлали въ эту ночь освѣщеніе въ домахъ своихъ. Оклеветали предъ правительствомъ и намѣстника нашего въ томъ, будто онъ сдѣлалъ обиду царскому чиновнику, и придумывали и другія ковы, чтобъ сдѣлать отцамъ зло, почему и принуждены они были удалиться въ Дамаскъ, и были тамъ дотолѣ, доколѣ мы изъ Адріанополя не прислали туда фирмана, поставлявшаго ихъ въ безопасность, и только тогда они возвратились въ Іерусалимъ. Во вторыхъ, напрасно и ложно повсюду разглашаютъ латиняне, будто святыя мѣста въ ихъ власти, ибо хотя въ нѣкоторыхъ изъ сихъ мѣстъ и получили они первенство, но не полную совершенно власть, потому что и мы свѣтло, торжественно и, какъ и прежде, несравненно съ большею свободою, чѣмъ паписты, совершаемъ въ нихъ всѣ церковныя службы, не опасаясь со стороны ихъ власти никакого препятствія". Затѣмъ въ утѣшеніе и ободреніе православныхъ Досиѳей заявляетъ: „да и то, что латиняне говорятъ, будто св. Гробъ и св. Пещера въ ихъ власти, показываетъ только то, что они одни тамъ служатъ, между тѣмъ какъ и мы, если захотимъ, можемъ служить безпрепятственно, но не дѣлаемъ сего по многимъ и различнымъ причинамъ, а особенно потому, чтобы не подумалъ народъ, будто мы отъ нихъ неразличаемся. Сверхъ сего сколько мы имѣемъ св. мѣстъ, монастырей и церквей въ самой соборной церкви св. Гроба и въ самомъ святомъ градѣ и внѣ его, вблизи и въ отдаленности; то паписты и все сборище еретиковъ не имѣютъ и половины того, чѣмъ, по милости Божьей, мы владѣемъ и распоряжаемся съ полною властью и произволомъ" [1].

[1] Кн. XII, гл. 13.

Но хотя Досиѳей утѣшалъ себя и православныхъ тѣмъ, что они и теперь какъ и прежде могутъ безпрепятственно совершать всѣ церковныя службы и при св. Гробѣ и въ св. Пещерѣ и въ другихъ св. мѣстахъ, и что они владѣютъ въ святой землѣ столькими церквами и монастырями, „что паписты и все сборище еретиковъ не имѣютъ и половины того“, однако уступка латинянамъ нѣкоторыхъ и притомъ важнѣйшихъ св. мѣстъ и главное: признаніе ихъ первенства въ св. мѣстахъ, было такимъ ударомъ для Досиѳея, что онъ съ 1689 года до самой своей смерти уже ни разу не былъ больше въ Іерусалимѣ, гдѣ теперь первенствовали и хозяйничали латиняне. Правда Досиѳей постоянно думалъ возвратиться въ Іерусалимъ, но только тогда, когда прекратится господство латинянъ, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что ему скоро удастся возвратить грекамъ первенство въ св. мѣстахъ, причемъ онъ разчитывалъ на помощь и содѣйствіе русскаго правительства, которое онъ и постарался подробно познакомить съ вопросомъ о св. мѣстахъ въ Іерусалимѣ.

Въ Ноябрѣ 1690 года Досиѳей отправилъ государямъ особую грамату о св. мѣстахъ, которая доставлена была въ Москву 28 Апрѣля 1691 года слугою молдавскаго воеводы Маркомъ Константиновымъ. Въ ней Досиѳей кратко излагалъ исторію обладанія св. мѣстами въ Іерусалимѣ со времени завоеванія его арабами, стараясь доказать исторически, что законными всегдашними обладателями св. мѣстъ были только православные, а не армяне и католики. Въ древнее время, именно въ 636 году, повѣствуетъ Досиѳей, когда Омаръ взялъ Іерусалимъ, хотя арабы и учинили великія бѣды церквамъ православнымъ, однако же во всѣхъ мѣстахъ православные монастыри и церкви „имяше первенство

*

и честь", благодаря заботамъ и особымъ ходатайствамъ византійскихъ императоровъ. Такъ продолжалось до 1097 года, когда франки овладѣли Іерусалимомъ, изъ котораго они были изгнаны чрезъ 85 лѣтъ, а потомъ въ теченіи нѣкотораго времени Іерусалимъ попеременно переходилъ то въ руки арабовъ, то въ руки франковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Іерусалимомъ овладѣвали арабы, византійскіе императоры посылали арабамъ дары, ради которыхъ арабы „давали покой святымъ мѣстамъ и церквамъ и православнымъ христіанамъ". Такъ продолжалось до 1350 года, „когда всеконечно изгнали французовъ арабы отъ всея Палестины и Финикіи. Въ 1350 году, когда франки окончательно были изгнаны изъ Палестины, византійскій императоръ Андроникъ Палеологъ „посылалъ къ арабамъ скорое посольство съ великими дарами", благодаря чему „православные въ Іерусалимѣ паки держали святыя мѣста, монастыри и церкви съ великимъ покоемъ". Точно также и прочіе Палеологи, даже до 1453 года, „всегда тѣшили салтановъ вавилонскихъ, Египта и Дамаска", благодаря чему православные въ Іерусалимѣ держали церкви свои съ миромъ. Послѣ же взятія Константинополя турками „ослабѣли христіане православные въ Іерусалимѣ, не имѣюще никого заступника и помощника", чѣмъ поспѣшили воспользоваться франки, которые „взяли лукавствомъ и подарками церковь святой Сіонъ и поселились тамъ". Когда султанъ Селимъ въ тысяча пятьсотъ двадцатыхъ годахъ отнялъ Іерусалимъ у египтянъ и передѣлалъ въ мечеть сіонскую церковь, отнявъ ее отъ франковъ, то послѣдніе обманули грузинцевъ множествомъ денежнымъ и взяли отъ нихъ, внутри Іерусалима, монастырь св. Іоанна Богослова и поселились тамъ. Однако по взятіи Іерусалима Селимомъ „паки

почали оживати греки", особено при патріархѣ Германѣ, при которомъ султанъ Сулейманъ построилъ нынѣшнія іерусалимскія стѣны, опредѣлилъ по скольку денегъ платить христіанамъ, приходящимъ поклониться св. Гробу, „и далъ паки честь и власть патріарху греческому киръ Герману". При патріархѣ Софроніѣ король французскій прислалъ 12,000 червонныхъ золотыхъ и взялъ св. Голгоу, чему не могъ воспротивиться патріархъ Софроній ради своей бѣдности. Хотѣлъ было онъ отправиться въ Москву, когда тамъ былъ константинопольскій патріархъ Іеремія, но, пришедши въ мултянскую землю, отъ тамошняго воеводы получилъ 6000 червонныхъ, которыми и откупилъ половину Голгоѳы. Послѣ французы, благодаря новому подкупу, захватили св. Пещеру въ Виѳлеемѣ, но патріархъ Ѳеофанъ, побывавъ въ Москвѣ и получивъ тамъ довольную милостыню, „осилилъ французовъ при салтанѣ Муратѣ и взялъ всѣ св. мѣста отъ французовъ въ 1631 году". Правда въ 1633 году визиръ Байрамъ паша взялъ съ французовъ 80,000 ефимковъ и опять отдалъ имъ всѣ св. мѣста, но патріархъ Ѳеофанъ въ 1635 году „къ тому же салтанъ Мурату вышелъ и билъ челомъ имянно", почему султанъ „далъ патріарху судъ съ французы въ диванѣ, въ царскомъ судилищѣ, и оправдалъ патріарха, и отдалъ ему ихъ (св. мѣста) съ крѣпкимъ правиломъ". Въ этомъ судьбищѣ помогъ Ѳеофану волошскій воевода Василій, который далъ Ѳеофану милостыни сначала 45,000 ефимковъ, а потомъ послалъ еще въ Іерусалимъ 42,000 червонныхъ золотыхъ. Послѣ этаго хотя православные въ Царьградѣ и Іерусалимѣ „многіе обиды терпѣли повсядневно", однако св. мѣста всегда оставались за греками, не смотря на всѣ старанія армянъ и особенно латинянъ завладѣть ими. Па-

тріархъ Паисій въ 1657 году судился въ царскомъ диванѣ съ армянами и побѣдилъ ихъ. Въ 1663 году, когда турки были побѣждены на рѣкѣ Рабѣ, посолъ „паповѣнчаннаго цесаря“ просилъ св. мѣста, но турки отказали ему. Въ 1673 году прилежно просилъ св. мѣстъ посолъ французскій, но и ему отказали и даже „съ укоризною“. Но тотъ же „проклятый посолъ“ пошелъ въ Іерусалимъ, чтобы силою завладѣть св. Гробомъ, а такъ какъ православные ему противились, то онъ убилъ одного греческаго старца, вслѣдствіе чего турецкое правительство вызвало его въ Константинополь, гдѣ визирь далъ ему судъ съ греками, послѣ котораго издалъ крѣпкій указъ и утвердилъ, чтобы всѣ святыя мѣста были за греками. Это рѣшеніе состоялось въ 1675 году. Послѣ приходили въ Константинополь послы отъ французовъ, венеціанъ, генуэзцевъ, отъ поляковъ и всѣ въ совокупности просили св. мѣстъ, но турки отстранили эти притязанія, не смотря на то, что послы французскіе не разъ предлагали туркамъ и подарки и помощь противъ венеціанъ и нѣмцевъ за уступку св. мѣстъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ грекамъ необходимо приходилось тратить большія суммы денегъ, вслѣдствіе чего іерусалимскій престолъ впалъ въ большіе долги, но они утѣшались тѣмъ, что св. мѣста находятся въ рукахъ православныхъ. Но вотъ въ прошломъ 1689 году снова явился въ Константинополѣ французскій посолъ и заявилъ, что французы всячески будутъ помогать туркамъ въ ихъ войнѣ съ нѣмцами и не положатъ оружія до тѣхъ поръ, пока нѣмцы не заключатъ съ турками миръ и не возвратятъ имъ всѣхъ отнятыхъ у нихъ земель. Визирь, по выраженію Досиѳея, „обои уши свои къ слышанію словъ посланника приклонилъ“, однако турки и теперь еще не рѣшались отдать св. мѣста французамъ по двумъ

причинамъ: „чести ради государства своего, потому что всѣ народы били челомъ имъ, чтобъ пропускали поклонитися св. мѣстамъ; а вторая причина, что боялися, буде возмутъ тѣ святыя мѣста отъ православныхъ, чтобъ неустремилося ваше державнѣйшее и святое царство на нихъ войною“, такъ какъ всякій разъ, когда западные просили себѣ св. мѣстъ, „всегда совѣтывали здѣшніе турскіе вельможи и говорили: что смотрите, не разбудите москалей, которые спятъ добро“. Однако нынѣ турки всетаки отдали наконецъ св. мѣста французамъ по совѣту крымскаго хана. Впрочемъ французы не взяли всего, токмо св. Гробъ и Пещеру рожденія Христова и половину Голгоѳы, чѣмъ они по временамъ владѣли и ранѣе. Но кромѣ этого они еще теперь взяли: „всю церковь св. Виѳлеема и одинъ сводъ внутри св. Гроба, гдѣ мы подавали святой свѣтъ, и обрѣтеніе честнаго креста“. При этомъ французы причинили грекамъ такія бѣды, „что когда персы и арабы взяли Іерусалимъ, столько бѣды не учинили“.

Разсказавъ исторію владѣнія св. мѣстами и доказавъ историческое право православныхъ на обладаніе св. мѣстами и первенство въ нихъ, Досиѳей пишетъ затѣмъ, что такъ какъ онъ узналъ о намѣреніи государей заключить миръ съ турками, къ которымъ ради этого отправляется русскій посолъ, то онъ и послалъ настоящую грамату государямъ, „дабы ваша держава вы разумѣли сіе дѣло подлинно и, буде пріѣдетъ посолъ, чтобы было и сіе дѣло между иными нужными предложеніями и запросъ о тѣхъ св. мѣстахъ, и чтобы писано было на письмѣ особно“. Досиѳей выражаетъ надежду, что турки могутъ отнять св. мѣста у французовъ, такъ какъ послѣдніе неисполнили тѣхъ многихъ обѣщаній, какія они ранѣе надавали туркамъ. Въ виду

этого Досиѳей обращается съ такимъ воззваніемъ къ царямъ: „понеже преблагій Богъ, Царь царствующихъ, поставилъ васъ на землѣ божественнымъ своимъ промысломъ единыхъ православныхъ царей и самодержцевъ, вамъ убо и подобаетъ подвизатися въ настоящемъ дѣлѣ всякимъ образомъ, яко же и Великій Константинъ съ Сиваромъ царемъ персидскимъ, и потомъ Малый Ѳеодосій, и Левъ Великій, и Анастасій, и Устинъ, и Устиніанъ, и Маврикій и иные многіе учинили великія и многія войны православныхъ ради“. По примѣру ихъ Досиѳей совѣтуетъ и русскимъ государямъ „покинуть миръ съ турками“, буде они не послушаютъ ходатайства царей о передачѣ св. мѣстъ грекамъ, и турки въ виду такой угрозы уступятъ, такъ какъ цари „будутъ просить дѣла правдиваго, въ которомъ и самой ихъ вѣры ученые люди будутъ васъ оправдать“. Что же касается того, въ какой формѣ слѣдуетъ сдѣлать объ этомъ дѣлѣ представленіе турецкому правительству, то Досиѳей прилагаетъ къ своей граматѣ къ царямъ и письменный образецъ того, въ какомъ родѣ должна быть послана грамата отъ государей къ турецкому правительству относительно св. мѣстъ.

Государи отвѣчали Досиѳею особою граматою, въ которой писали: „слышавъ о отлученіи отъ восточнаго нашего благочестія св. мѣстъ и раззореніи вашемъ по премногу и жалостно поскорбѣли есмы, и имѣемъ попеченіе неотмѣнное и молимъ Господа Бога, дабы изволилъ отъ такихъ бѣдъ и печалей милостиво васъ освободити и паки тѣ св. мѣста вашему блаженству вручити. А когда у насъ великихъ государей, нашего царскаго величества. дойдетъ съ Портою и Крымомъ до мирныхъ переговоровъ, и тогда мы великіе государи наше царское величество, при помощи Божіей о тѣхъ

о всѣхъ въ Іерусалимѣ св. мѣстахъ, чтобъ попрежнему вашему блаженству отданы были, говорить и въ запросы писать и притомъ стоять повелимъ, по письменному желанію блаженства вашего". [1]

Между тѣмъ въ Сентябрѣ 1691 года, съ грекомъ Дмитріемъ Юрьевымъ Дракo, Досиѳей прислалъ государямъ новую грамату о св. мѣстахъ, писанную отъ 18 Марта 1691 года и представляющую изъ себя воспроизведеніе предшествующей граматы, относительно которой Досиѳей опасался, что она могла не дойти до государей. Любопытно и характерно заключеніе этой второй граматы Досиѳея о св. мѣстахъ. Сказавъ, что визирь по той причинѣ отдалъ св. мѣста французамъ, „что москали пришли воевать Крымъ", Досиѳей пишетъ: „вы нынѣ, божественные самодержцы, будучи такіе заступители православныя христіанскія вѣры, и оставите святую церковь попратися, какая вамъ похвала будетъ? Буде хочете послать сюда своего посла, то надобно просить прилежно и такимъ обычаемъ: буде васъ не послушаютъ, то и миру не для чего чинити, и нетокмо миръ чинити, но и войну надобно и не малую, потому что Ѳеодосій и Устиніанъ и прочіе цари великіе войны вчиняли на персовъ для ради православія, и самъ Ираклій взялъ изъ Персиды и привезъ честнаго креста древо. Кольми паче вамъ надобно творити подобное, которые во всемъ подобны тѣмъ и силою и благочестіемъ. А буде станете предлагать о св. мѣстахъ и они васъ не послушаютъ, а вы тогда умолчите и миръ съ ними учините, то лучше ничего не предлагайте, потому что они станутъ разумѣти, что нѣтъ у васъ о Іерусалимѣ попеченія, и тогда во вѣки св. мѣстами завла-

[1] Греч. дѣла 7199 г. № 31; 7201 г. № 4; Сношн. іер. п. Досиѳ. съ рус. прав. прил. № 1.

дѣютъ французы и мы впредь не возможемъ никакое челобитье на французовъ подавати. Токмо буде хочете предложити о Іерусалимѣ и буде они не послушаютъ, и вы миру не чините, но еще и войну начните, а буде вы о томъ предложите и они васъ не послушаютъ, и вы умолчите, лучше нынѣ ваше молчаніе... Александръ Великій не для ради Бога, но для ради однородныхъ своихъ на персовъ великую войну сочинилъ,—а вы для ради св. мѣстъ и единаго православія, для чего не бдите и не труждаетеся и не отгоняете злыхъ сосѣдей, которые современемъ будутъ вамъ великіе враги?.. Досаждая вамъ отдали Іерусалимъ французамъ и васъ ни во что не ставятъ. Смотрите, какъ смѣются вамъ: ко всѣмъ государямъ послали граматы, что учинился новый салтанъ, а къ вамъ не пишутъ ничего; раззорили Украйну и учинили съ вами миръ и ни въ чемъ постоянства не показали; они думаютъ, какъ умножатся въ Подоліи, поднять на васъ поляковъ и татаръ и воевать васъ день и ночь. Татарове горсть людей, а похваляются, что имѣютъ у васъ дань; сего ради, какъ татарове подданные туркамъ, такъ и вы потомужъ подданные имъ. Многажды вы хвалилися, что хотимъ сдѣлать то да другое, а всегда являлись только слова, а дѣло не являлось ничего. Нынѣ время, когда всѣ христіанскіе государи возстали... бдите, труждайтесь, радѣйте... А вы молчите и не дѣлаете ни Богу ни человѣкомъ годное, а какъ станете дѣлати и миръ царству вашему причините и во всемъ мірѣ славу и честь получите, а народу православному великую помощь окажете и наконецъ въ царствіи небесномъ будете равноапостольніи“ [1].

[1] 7200 г. № 1.

Эта грамата очень характерна какъ для самаго Досиѳея, такъ и для его отношеній къ московскому правительству. Въ ней Досиѳей очень рѣшительно вмѣшивается въ международныя отношенія московскаго правительства и смѣло не только совѣтуетъ, но и прямо настаиваетъ, при какихъ условіяхъ русское правительство должно заключить миръ съ турками и при какихъ начать войну. Какъ іерусалимскій патріархъ и притомъ грекъ, онъ смотритъ на міровыя событія и думаетъ опредѣлять самый ихъ ходъ съ точки зрѣнія тѣхъ маленькихъ событій, тѣхъ вѣчныхъ ссоръ грековъ съ папистами, какія происходили тогда въ Іерусалимѣ. Тамъ грековъ осилили тогда латиняне; значитъ русскіе, по убѣжденію Досиѳея, обязательно должны, не смотря ни на что, двинуть свои войска противъ турокъ, съ единственною цѣлію снова доставить грекамъ первенство въ Іерусалимѣ. Иначе, думалъ Досиѳей, и быть не можетъ: вѣдь извѣстные ему благочестивые греческіе цари Ѳеодосій, Юстиніанъ, Ираклій и другіе „великія войны вчиняли на персовъ для ради православія“, почему же такъ не поступать и благочестивымъ царямъ московскими, единымъ теперь православнымъ царямъ въ цѣломъ мірѣ? То обстоятельство, что благочестивые греческіе цари воюя съ персами, въ дѣйствительности воевали не только „для ради православія“, но и ради защиты и огражденія провинцій своего собственнаго государства, которыя раззоряли персы своими вторженіями, и что подобнаго условія для русскихъ государей, если бы они вздумали воевать изъ за іерусалимскихъ грековъ, вовсе не существуетъ,—это обстоятельство совершенно было опущено изъ вниманія пылкимъ и увлекающимся Досиѳеемъ, когда онъ совѣтывалъ государямъ начать съ турками войну „и не малую“, чтобы заста-

вить турокъ возвратить грекамъ отнятыя у нихъ латинянами св. мѣста и первенство въ Іерусалимѣ. Самый тонъ граматы Досиѳея тоже очень характеренъ: въ немъ слышится самомнѣніе грека, вообразившаго, что онъ лучше и тоньше можетъ судить и понимать истинное положеніе дѣлъ, нежели малообразованное и варварское, на взглядъ истаго грека, московское правительство, неумѣющее внушить къ себѣ даже у турокъ уваженія и почтенія. Досиѳей какъ бы стыдитъ его за слабость, недѣятельность и малодушную уступчивость предъ турками, за то, что оно на словахъ похваляется сдѣлать то-то и то-то, а на дѣлѣ ничего не дѣлаетъ...

Досиѳей прислалъ въ Москву и еще двѣ граматы относительно св. мѣстъ, одну, писанную 2 Сентября 1691 года и другую отъ 28 Іюня 1692 года. Въ первой изъ нихъ Досиѳей доводитъ до свѣдѣнія царей, что многіе изъ здѣшнихъ вельможъ удивляются и говорятъ: „какъ терпитъ о Іерусалимѣ Москва и ни въ чемъ не подвигнется ни моленіемъ, ниже силою?... Святое державное ваше царствіе, будучи и страшно и грозно и крѣпко, для чего терпите такое безчестіе въ православной церкви, наипаче когда здѣшняя страна трепещетъ и боится единаго вашего честнаго имени? Мы исполнили намъ должное, а Богомъ вѣнчанныя и преславныя и святыя ваши главы, имѣя о томъ извѣстіе, сотворите полезное, какъ все могущіе съ Богомъ совершить“. Во второй граматѣ Досиѳей извѣщаетъ, что онъ получилъ отвѣтную царскую грамату, посланную къ нему съ Маркомъ Константиновымъ, и заявляетъ, что онъ „и прочихъ великихъ престоловъ великія каѳолическія церкви предсѣдатели“ убѣждены, что о св. мѣстахъ „всеконечно радѣти будетъ святая ваша держава, имѣя прикладъ приснопамятныхъ самодержцевъ право-

славныхъ, которые и словами, и дѣлами, и великими многолѣтными войнами потщалися, во еже держатися св. мѣстамъ у православныхъ, — каторыхъ ни въ чемъ не менѣе вы, но наипаче превосходитъ святое ваше царствіе, понеже боятся васъ и трепещутъ изычные и, на себя вашего нашествія бояся, шатаются“ [1].

Въ Мартѣ 1691 года писалъ Досиѳей особую грамату и новому московскому патріарху Адріану. Въ ней онъ, поздравляя Адріана со вступленіемъ на московскій патріаршій престолъ, дѣлаетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ надлежащимъ образомъ выполнять свои архипастырскія обязанности. „Молимъ Господа Бога, пишетъ онъ Адріану, да дастъ тебѣ просвѣщеніе и силу: едино убо—да испытуеши святая писанія и святые отцы ко знанію совершенному евангельскаго ученія; силу же, да поживеши по житію апостоловъ въ образѣ священнолѣпномъ, во одежди смиреннѣй, свящи худой, въ попеченіи не сродниковъ и друговъ, но всего христоименитаго люда, бдя и труждаяся о всякомъ благочиніи церковнѣмъ, не опредѣляя патріаршескаго достоинства и патріаршескаго промышленія внутрь твоего великаго града, но простирая тое въ митрополіи же, въ епископіяхъ, въ монастырѣхъ, во градѣхъ же и весѣхъ“... Указывая затѣмъ рядъ примѣровъ, какъ греческіе императоры, побуждаемые патріархами, заботилися и обратили къ христіанству многіе народы, какъ они, побуждаемые патріархами, освобождали нападствуемыхъ отъ нечестивыхъ православныхъ христіанъ, говоритъ: „сице подобаетъ и вамъ творити, сирѣчь, пещися о паствѣ о дальнемъ и ближнемъ, прирадѣти же образы всякими, да окружніи языцы по можному приложатся во благочестіе. Папежницы, аще и вельми грѣшатъ во благо-

[1] 7201 г. № 1 и 13.

честіи, но, видимъ, монаси ихъ во всемъ мірѣ обходятъ и превращаютъ цѣлые народы въ папежство. Толико же подобаетъ братіи нашей—тамошнимъ (т. е. русскимъ) монахомъ, имѣющимъ ослабу и правленіе, пещися таковымъ же образомъ о спасеніи многихъ". Указывая потомъ на то обстоятельство, что православные всего болѣе страдаютъ въ Польшѣ отъ папежниковъ, Досиѳей сурово замѣчаетъ по адресу московскихъ патріарховъ „и вящшая страдаютъ братія наша, иже суть въ Польшѣ, и вы храните, яко же Іона въ корабли: и гдѣ есть, еже возлюбити ближняго своего яко тя самаго?" Сказавъ затѣмъ, что стремленіе синаитовъ подчинить свой монастырь Москвѣ несправедливо и незаконно, Досиѳей обращаетъ вниманіе Адріана на нѣкоторые безпорядки, существовавшіе въ кіевской митрополіи. „У васъ архіереи и архимандриты, пишетъ онъ, носятъ митры, яко же и оный Гедеонъ кіевскій содѣла златыя короны, хотя и той въ Кіевѣ величатися, яко же патріархъ, и сіе неправедно есть... Къ казакомъ приходятъ отселѣ нѣціи архіереи и хиротонисуютъ на единой хиротоніи многія діаконы и іерей—и чесо ради не возбраните таковаго нелѣпаго дѣла, чесо ради не повелѣваете митрополиту кіевскому не попущати быти таковымъ беззаконіемъ?" Въ заключеніе Досиѳей пишетъ о пресуществленіи въ таинствѣ евхаристіи, „ему же противоборствуютъ наипаче еретицы" и доказываетъ, что православная церковь приняла и принимаетъ именно пресуществленіе, а не премѣненіе или преложеніе, хотя въ то время въ русской церкви вопросъ шелъ не осамомъ пресуществленіи, о чемъ у насъ никто не спорилъ, а только о времени пресуществленія [1].

[1] Рукоп. сборн. спб. синод. библ. № 473, л. л. 146–153.

Посылкой однихъ граматъ въ Москву Досиѳей не ограничился. Онъ рѣшился отправить въ Москву свое довѣренное лицо, которое бы лично и обстоятельно разъяснило въ Москвѣ положеніе дѣлъ о св. мѣстахъ, побудило бы русское правительство на болѣе скорый и энергичный образъ дѣйствій предъ турками. Такимъ довѣреннымъ лицомъ Досиѳея, отправившимся въ Москву, былъ его родной племянникъ, архимандритъ Хрисанѳъ, сдѣлавшійся потомъ преемникомъ своего дяди на патріаршей іерусалимской каѳедрѣ.

13 Ноября 1692 года въ Москву прибылъ племянникъ и посланецъ Досиѳея архимандритъ Хрисанѳъ, съ которымъ Досиѳей прислалъ грамату государямъ. Въ ней онъ писалъ, что съ тѣхъ поръ какъ приходилъ въ Москву блаженнѣйшій патріархъ іерусалимскій киръ Паисій, уже лѣтъ сорокъ тому назадъ, только два архимандрита св. Гроба были присылаемы въ Москву, хотя и случались великіе мятежи отъ еретиковъ и многія обновленія церквей св. града и хотя великіе отъ того происходили расходы, однако никогда не посылали просить о помощи. Нынѣ же не могъ патріархъ умолчать долѣе, хотя бы и произошло отъ того какое бѣдствіе и, по нуждѣ, разсудилъ послать кого-либо къ ихъ царскому величеству. *Первое* потому, что пришли они въ такую крайность, что если неучинится помощи отъ ихъ святаго царствія св. граду, то дойдетъ до послѣдняго раззоренія, ибо всѣ мѣста, откуда притекала къ нему помощь, раззорились и онъ лишился всякой помощи. *Второе*, такъ какъ случилась отъ еретиковъ напасть и взяты у православнаго народа святыя поклоняемыя мѣста, то нѣтъ иной надежды на исправленіе сихъ дѣлъ, какъ отъ царской державы, ибо цари, послѣ Бога, суть главы и отмстители всѣхъ пра-

вославныхъ. *Третіе*, есть и иныя нужныя дѣла, касающіяся пользы всей каѳолической вѣры и церкви и благосостоянія святѣйшихъ патріаршихъ престоловъ и, просто сказать, греческихъ народовъ. По сему посылалъ патріархъ племянника своего Хрисанѳа, чтобы онъ донесъ царскому величеству о всѣхъ дѣлахъ, которыя для памяти ему записаны собственною патріаршею рукою, но вкратцѣ, а не пространно, ради многихъ случаевъ; онъ же, какъ вѣрный своему владыкѣ и Богу, изъяснитъ и объявитъ все, что ему приказано, по всякой статьѣ. Въ виду этого патріархъ просилъ, чтобы государи приняли Хрисанѳа какъ бы посланнаго отъ Бога и Христа, и спросили бы его пространно, и даровали бы ему свое блаженное слушаніе, воспріявъ ревность, какая подобаетъ ихъ державѣ, о состояніи Христовой церкви и всей полноты христіанства.

Досиѳей прислалъ грамоту и царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, умоляя ея оказать всякое содѣйствіе посланному имъ архимандриту Хрисанѳу. „Молимся прилежно, пишетъ онъ, преклоняя умственныя колѣна наша предъ вашимъ царскимъ величествомъ, дабы приняли и выслушали его и приложили радѣніе, чтобы все, что донесетъ посланный, совершилось бы добрымъ исполненіемъ. Всѣ православные христіане имѣютъ обязанность подавать помощь матери всѣхъ церквей св. Іерусалиму— наипаче же православные и великіе цари и самодержцы“.

Писалъ Досиѳей особую грамоту и патріарху Адріану, въ которой проситъ его принять архимандрита Хрисанѳа „яко моего человѣка и сущаго у насъ святѣйшаго и апостольскаго престола лице носящаго, яко честна и мудра“, и затѣмъ переходитъ къ обсужденію положенія церковныхъ дѣлъ въ кіевской митрополіи. „Россы на Украйнѣ, пишетъ Досиѳей, аще и хранятъ православіе

неколебленно, обаче многіе обычаи православныхъ растлиша, отъ нихъ же суть нѣцыи и до нынѣ держаще сія, въ нихъ же и еже хиротонисати архіерею многи діаконы и іереи въ единѣй и той же литургіи. Еще же и нѣцыи архіерее, бѣгающе отселѣ на Украйну, отъ нихъ же большіи суть извержени за ихъ злобы, творятъ таяжде во мѣстѣ тамо приходяще, еже яко есть дѣло неподобно и весьма пребезаконно,—вопіютъ и законы и уставы и каноны и самое каѳолическія Христовы церкве преданіе. Сущая же при васъ святая и каѳолическая церковь, не вѣмы за что терпитъ бывати таковымъ... Надобно убо твоему блаженству пещися, еже бы имъ исправитися во беззаконной хиротоніи и во иныхъ нѣкихъ тамо беззаконно бывающихъ". Далѣе Досиѳей указываетъ и тѣ способы, съ помощію которыхъ, по его мнѣнію, можно исправить недостатки, вкравшіеся въ церковную жизнь кіевской митрополіи. Онъ рекомендуетъ именно увеличеніе числа архіерейскихъ каѳедръ, и выражаетъ желаніе, чтобы епископы и архимандриты избирались изъ москвичей, какъ чуждые „новосѣченій, яже имѣютъ нѣцыи козаки". „И аще есть мысль нѣкихъ архіереевъ, продолжаетъ Досиѳей, яко аще поставятся и иніи епископи, умалятся нынѣшнихъ епископовъ приходы, глаголемъ: яко да сохранятся предѣлы, узаконенія и преданія св. церкви восточныя, имѣемъ нужду, за не преступленіе аще и мало, но имѣетъ велико мученіе,—и еже имѣти архіереемъ великія приходы, ненужно есть. Второе, яко архіерее святыхъ апостоловъ суть преемницы, яко же апостоли ничесого имѣша, и архіереи да имѣютъ мало. Третіе. за церковь пролилъ есть Сынъ Божій кровь свою, и не есть праведно архіереемъ лишшеимства ради умаляти или стужати церкви Божіи, ея же ради Христосъ умре.

Четвертое, не есть праведно взирати онсицы на прибытокъ, но на пользу и прибытокъ общій. Пятое, соборъ коеяждо каѳолическія церкве незритъ, что глаголетъ онсица и что хочетъ онсица и что годно онсицѣ, но что пользуетъ церковь и что годно Богу. Аще же кто любопрится, глаголемъ тому съ Павломъ, мы сицеваго обычая неимамы, ниже церковь Божія. И аще кто или нѣцыи противоглаголютъ или преслушаютъ церковь, убо имѣетъ тыя яко язычники и мытари, власть же наказуетъ, не бо суетно мечь носитъ, но да добрыя снабдѣваетъ, тако противоглаголющія извергаетъ и низлагаетъ".

Архимандритъ Хрисанѳъ подалъ отъ себя нашему правительству докладную записку, въ которой, согласно съ данною ему Досиѳеемъ письменною инструкціею, старался выяснить всѣ обстоятельства, благодаря которымъ и при которыхъ совершилось отнятіе св. мѣстъ у грековъ латинянами. Именно онъ заявлялъ: 1. Французы подарили нынѣшнему хану (крымскому) 10,000 червонныхъ и дорогаго сукна 2,000 арш., рейсъ-ефендію — 25,000 ефимковъ, кегаю или дворецкому визиря — 15,000 ефимковъ и ближнему его человѣку — 10,000, а самому визирю и инымъ великимъ людямъ, хотя и невѣдомо сколько, однако гораздо больше вышереченнаго. 2. Турки отдали французамъ первенство въ кувукліи св. Гроба Господня, и по сему паписты служатъ тамъ мшу свою, и намъ никоимъ образомъ послѣ нихъ на томъ мѣстѣ литургисать нельзя. Кромѣ первенства при св. Гробѣ турки отдали латинянамъ половину св. Голгоѳы, также св. мѣсто Снятія со креста и еще св. Пещеру и кромѣ того всю церковь св. Виѳлеема. 3. Какъ совершилось самое отобраніе св. мѣстъ у грековъ и какія они бѣды при этомъ потерпѣли отъ латинянъ,

подробно описано въ донесеніи патріаршаго въ Іерусалимѣ намѣстника, которое Хрисанѳъ и представилъ. 4. Турки потому отдали св. мѣста католикамъ, что французскій король обѣщалъ имъ свою помощь противъ нѣмцевъ. 5. Хотя католическіе государи и въ отдѣльности и вмѣстѣ не разъ домогались и прежде отнять св. мѣста у православныхъ, но турки не допускали этого. Теперь же они уступили настояніямъ французскаго короля и потому, что чаяли и чаютъ, что тѣ св. мѣста держатъ святые самодержцы; сего ради когда просили св. мѣста разные короли, то никогда не учинили по ихъ волѣ, какъ потому что это было противъ закона ихъ вѣры, такъ и потому, что боялись великихъ государей. А нынѣ какъ пришли въ нужду и притомъ войска самодержцевъ пришли въ Крымъ, нашли годную причину французы и говорили: видите, что и москали ваши непріятели, а мы вамъ помощники. И такъ какъ они (французы) имѣли къ тому же помощниками себѣ близкихъ людей визиря и самаго хана, то и склонились турки учинить по волѣ французской. Если бы войска православныя вовсе не приходили подъ Крымъ или бы пришедши одержали побѣду, не были бы отданы св. мѣста, потому что боялись сего дѣла нечестивые, а какъ увидѣли, что два раза возвратились, не совершивъ ничего, тогда ни во что ихъ вмѣнили и потому отдали. 6. Учинили это турки и по ненависти къ православнымъ, которыхъ всячески желаютъ искоренить, подозрѣвая ихъ въ симпатіяхъ къ Москвѣ. Послѣ нашествія православныхъ войскъ на Крымъ, турки наложили тяжкую дань на монастыри и на старцевъ.

Изложивъ причины и обстоятельства при которыхъ произошло отнятіе св. мѣстъ у грековъ, Хрисанѳъ въ слѣдующей статьѣ (весь докладъ Хрисанѳа, сообразно

данной ему Досиѳеемъ инструкціи, былъ раздѣленъ на четырнадцать статей) излагаетъ бѣдственное современное положеніе св. мѣстъ и необходимость для нихъ царской помощи. 7) Св. Гробъ имѣетъ ежегодно расходовъ болѣе 25,000 рублей, и кромѣ того расходы временные: паши іерусалимскіе и визирь берутъ сколько хотятъ, особенно въ послѣднія смутныя времена въ виду ссоръ съ католиками. Однако св. Гробъ всегда могъ справиться съ тѣми расходами милостынею тамошнихъ грековъ, а наипаче — волошскаго и мултянскаго государства, потому что имѣемъ тамъ многіе монастыри, богатые вотчинами, а наипаче милостынею господарей молдовлахійскихъ, изъ которыхъ одинъ, Василій воевода, послалъ вдругъ въ Іерусалимъ 42,000 червонныхъ при патріархѣ Паисіѣ, когда тотъ имѣлъ споры изъ за св. мѣстъ съ армянами. Да и при нынѣшнемъ патріархѣ нѣкто торговый грекъ Монолаки далъ 25,000 рублей и обновилъ церковь виѳлеемскую и, кромѣ того, многія св. ризы тому мѣсту сдѣлалъ. Такъ и покойный Щербанъ, воевода мултянскій и Дука, воевода воложскій, прислали въ Іерусалимъ болѣе 15,000 ефимковъ. И нынѣшній господарь мултянскій и нѣкоторые греки, сербы и болгары давали большую милостыню, кромѣ того, что самъ блаженнѣйшій патріархъ ходилъ межъ ними. А нынѣ мы всего того лишены отъ войны турецкой, нѣмецкой, польской и татарской. Сего ради молитъ блаженнѣйшій патріархъ, дабы явлена была ему нѣкая царская милость, достойная ихъ величествъ, которая бы могла пособить св. Гробу. Во первыхъ для того, что когда прежде сего было откуда получать милостыню, то и не просили ея отъ здѣшняго мѣста; а другая причина, что малою милостынею ничего не пособляется, а притомъ то дѣло учинить есть и обязанность ваша

христіанская, какъ Ап. Павелъ къ римлянамъ пишетъ (гл. XV, 24). Старцевъ папистовъ, которые живутъ въ Іерусалимѣ, не болѣе человѣкъ двадцати, а ежегодно приходитъ имъ милостыня отъ короля испанскаго по 6,000 рублей на кормленіе, которые имъ самъ присылаетъ кромѣ иныхъ. А нечестивые турки для гроба ложнаго ихъ пророка расходуютъ ежегодно болѣе 500,000 рублей, и хотя дѣло сіе кажется невѣроятнымъ, однако весь свѣтъ о томъ вѣдаетъ. При семъ молитъ святѣйшій патріархъ, чтобы святые цари приказали сдѣлать четыре лампады серебряныхъ, дабы одна была надъ св. Гробомъ, другая — надъ снятіемъ со креста, третья — надъ св. Голгоѳою и четвертая — надъ св. Пещерою, и проситъ о томъ наипаче для того, чтобы слышано было во всемъ мірѣ и во всѣхъ королевствахъ, что есть попеченіе православныхъ царей о св. Гробѣ Господнемъ. Притомъ и господарь Тифлиса, дядя здѣшнихъ царевичей грузинскихъ, и тотъ болѣе 40,000 ефимковъ подалъ милостыни въ Іерусалимъ, кромѣ множества ризъ святыхъ, которыя при семъ патріархѣ устроилъ.

Въ слѣдующей статьѣ (8-я) Хрисанѳъ говоритъ о тѣхъ способахъ, которые слѣдуетъ употребить государямъ для возвращенія св. мѣстъ. Если государи думаютъ продолжать войну съ турками, то статью о св. мѣстахъ между иными статьями слѣдуетъ предложить послѣ побѣды, когда турки несомнѣнно уступятъ требованіямъ царей. Если рѣшено окончить войну, то слѣдуетъ просить у турокъ св. мѣстъ подъ угрозою возобновленія войны, если бы они отказались возвратить ихъ, хотя бы всѣ другія статьи мирнаго договора и приняли, причемъ слѣдуетъ поспѣшить этимъ дѣломъ, чтобы предупредить цесаря, который тоже будетъ про-

сить св. мѣстъ при заключеніи мира съ турками. Угроза войны несомнѣнно подѣйствуетъ на турокъ и они уступятъ: „первое отъ того, что святое величество проситъ о дѣлѣ древнемъ и праведномъ, а не новомъ, ниже не праведномъ; второе, ибо и сами знаютъ, что напрасно отняли у насъ св. мѣста; третіе, сами говорятъ, какъ не явился никто изъ Москвы о томъ дѣлѣ ходатайствовать; четвертое же, если миръ заключится съ цесаремъ, французы уже не будутъ имѣть приступа къ туркамъ о томъ же; а пятое наипаче и то, что Богъ намъ помощникъ“. Въ заключеніе статьи Хрисанѳъ заявляетъ, что вопросъ о возвращеніи св. мѣстъ есть главный и существенный, ради котораго онъ собственно и прибылъ въ Москву и что по этому вопросу онъ ждетъ немедленнаго царскаго отвѣта, чтобы сообщить его патріарху, другія же статьи менѣе важны, хотя тоже нужны.

Въ девятой статьѣ Хрисанѳъ заявляетъ, что молдавское и воложское господарства всегда были полезны и оказывали великую помощь патріархамъ, архіереямъ и монастырямъ, а нынѣ сами крайне бѣдствуютъ, почему проситъ Константинъ, мултянскій господарь, чтобы святое величество промыслъ учинить изволили надъ городками турецкими, на Днѣпрѣ стоящими, и ихъ взять, дабы и бѣлгородскую орду раззорить; тогда тѣ два господарства поддадутся царскому величеству безъ всякаго замедленія и въ этой надеждѣ будетъ выжидать время господарь мултянскій, который платитъ двѣ дани: одну туркамъ явно, другую нѣмцамъ тайно, чтобы не раззорили его государства. За два года передъ тѣмъ, будучи принуждаемъ нѣмцами къ ихъ подданству, господарь бѣжалъ изъ своей столицы и нѣмцы пришли въ его господарство. Но онъ, призвавъ татаръ, выбилъ

нѣмцевъ вонъ и потомъ, чрезъ тайныя мѣста мултянскія, провелъ татаръ и турокъ въ седмиградскую землю, гдѣ они одержали ту побѣду, которою турки опять ожили. Дѣло сіе двухъ ради причинъ учинилъ господарь: первая, чтобы папежское дѣло не распространялось, другая же та, что постоянно надѣется, да будетъ господарство его во владѣніи у православныхъ, а не у еретиковъ; если же захотѣлъ бы съ нѣмцами согласиться, то уже по сіе время нѣмцы завладѣли бы всѣми тѣми странами даже до Дуная. При семъ и то приказалъ господарь: если войско пойдетъ на бѣлгородскую орду, то больше пятидесяти тысячъ казаковъ не надобно и въ одинъ мѣсяцъ могутъ всю орду раззорить; когда же та орда раззорится и городки, что на Днѣпрѣ, взяты будутъ, тотчасъ и онъ возстанетъ противъ поганыхъ и съ нимъ премножество христіанъ совокупится, для сего далъ господарь и чертежъ бѣлгородской орды, который я (Хрисанѳъ) объявилъ въ Посольскомъ приказѣ". Далѣе Хрисанѳъ заявлялъ: „мнѣ приказывали святѣйшій патріархъ и господарь, дабы и то я объявилъ, что турки и всѣ короли папежскіе и самъ цесарь суть великіе враги царскому величеству: турки, ибо вѣдаютъ, что сіе православное царство весьма пространно и есть у нихъ пророчества, что отъ сего царства будетъ взятъ Царьградъ и имѣютъ они здѣсь множество подданныхъ магометанской вѣры; и такъ, если могутъ въ чемъ вредить Москвѣ, то великая имъ мзда отъ Бога. Паписты враждуютъ какъ еретики и къ тому завистливые, а поляки хотя притворяются, что друзья будто они государству московскому, однако радѣютъ, какъ бы учинить миръ съ турками, и между иными статьями одна имъ необходима, въ чемъ они единомысленны и съ цесаремъ: дабы когда Москва начнетъ

воевать поляковъ или поляки Москву, тогда бы полякамъ дать отъ себя помощь туркамъ и татарамъ. Сего ради подобаетъ царскому величеству радѣть о томъ, чтобы татаръ смирить въ нынѣшнее время, или промышлять такъ, что буде цесарь и поляки учинятъ миръ съ турками, то бы царскому величеству предупредить этотъ миръ, дабы не посмѣялись еретики, но сами осмѣяны были; о чемъ проситъ господарь мултянскій совершеннаго отвѣта отъ меня, чтобы и онъ зналъ, какъ себя управить и какъ дерзать, или явно склониться къ одной сторонѣ и вручить себя на волю Божію".

Въ десятой статьѣ Хрисанѳъ пишетъ: „святѣйшіе патріархи и всѣ церкви восточные православные молятъ, чтобы въ такія времена устремилось православное царство къ отмщенію враговъ христовыхъ, поелику нынѣ время учинить то, что хочетъ, ибо если не учинится миръ между турками и папистами, то поганцы, будучи въ такомъ состояніи, истребятся, а поднимется папежская вѣра".

Въ одиннадцатой статьѣ говорится: „проситъ блаженнѣйшій, чтобы царское величество приказали типографію еллинскую устроить, дабы въ ней нѣсколько книгъ на латиновъ напечатать, которыя привезъ я въ Москву. А книги суть древнихъ разныхъ мудрецовъ и съ великою трудностію собралъ ихъ блаженнѣйшій. Хотя есть у него новая типографія въ мултянской землѣ, однако не имѣетъ силы всѣ напечатать, а паписты не только не печатаютъ ихъ, но если гдѣ сыщутъ — жгутъ. А потомъ можно бы тѣ книги и на русскій языкъ перевести, отчего будетъ польза православнымъ, а еретикамъ посрамленіе, а царскому величеству всемірная слава".

Въ статьяхъ двѣнадцатой и тринадцатой говорится о нѣкоторыхъ недостаткахъ церковной жизни въ кіевской митрополіи, о чемъ Досиѳей уже подробно писалъ въ грамотѣ патріарху Адріану. Здѣсь же находится и такая просьба: „молятъ вообще всѣ патріархи и соборъ: буде случится заключить миръ съ турками, то предложить бы между статьями и сію, дабы константинопольскій патріархъ не смѣняемъ былъ съ престола своего, какъ и прочіе патріархи, даже до смерти своей, и тогда лишь поставлять иного, когда умретъ, или самъ волею своею патріаршество оставитъ, или когда вообще всѣ патріархи или соборъ его низвергнутъ, и такъ какъ иные патріархи не перемѣняются, то чтобы и онъ не смѣнялся, развѣ только по симъ вышеписаннымъ статьямъ. Сверхъ сего дѣла надобно предложить и о томъ, чтобы ни монастыри, ни старцы дани не платили, какъ и прежде сіе было. Такія предложенія не трудны, потому что царское величество однимъ словомъ можетъ дѣло сіе совершить, и къ тому же запросы сіи совершенно правильны, ибо церковь константинопольская всегда помощію своею содѣйствовала церкви великія Москвы словомъ и дѣломъ и честію, и никогда никакой помощи не просила и нынѣ только по нуждѣ проситъ и то на словахъ. Персіяне посылали прошлаго года къ салтану посла и между иными прошеніями предложили и нѣкоторыя новыя статьи о своихъ армянахъ; турки приняли ихъ и все исполнили, а святымъ царямъ для чего не заступиться за православныхъ?“ Въ послѣдней, четырнадцатой статьѣ, заключалась просьба, чтобы все, о чемъ ходатайствуетъ патріархъ, осталось въ тайнѣ, никому неизвѣстнымъ, въ противномъ случаѣ, если про ходатайства патріарха кто либо изъ имѣющихся

многихъ враговъ провѣдаетъ, имъ грозитъ конечное раззореніе.

5 Марта 1693 года великіе государи приказали объявить свой указъ архимандриту Хрисанѳу и сказать ему, призвавъ въ Посольскій приказъ, что о всемъ они извѣстились изъ его донесеній и изъ писемъ святѣйшаго патріарха, и слыша объ отлученіи св. мѣстъ іерусалимскихъ отъ восточнаго благочестія и о тамошнемъ разореніи христіанства, не мало о томъ поскорбѣли и имѣютъ о томъ свое государское попеченіе и Господа Бога молятъ, дабы избавилъ отъ такихъ бѣдъ и печалей святѣйшаго патріарха и освободилъ тамошнихъ благочестивыхъ христіанъ и тѣ св. мѣста опять ему патріарху и христіанамъ вручилъ. А когда у ихъ царскихъ величествъ дойдетъ съ турскимъ султаномъ и съ крымскимъ ханомъ до мирныхъ договоровъ, тогда великіе государи, при помощи Божіей, о всѣхъ тѣхъ въ Іерусалимѣ св. мѣстахъ говорить и въ запросахъ писать повелятъ, чтобы по прежнему отданы были святѣйшему патріарху и грекамъ. Архимандриту государи внушали написать патріарху о попеченіи ихъ великихъ государей о св. мѣстахъ и чтобы онъ, патріархъ, съ своей стороны всѣми способами домогался у тамошнихъ властей, сколь возможно будетъ, о возвращеніи ему всѣхъ св. мѣстъ іерусалимскихъ, какъ и прежде о нихъ промышляли и о иныхъ дѣлахъ тамошніе христіане греческіе, и своебъ онъ радѣніе приложилъ при помощи Божіей, сколько воля Божія въ томъ ему поможетъ. Жалованье свое посылали къ святѣйшему патріарху соболями на 1,000 рублей и, по его желанію, приказали устроить въ Іерусалимъ ко Гробу Господню лампаду золотую въ 250 червонныхъ, и три лампады серебряныхъ, въ томъ числѣ одну во св. Пещеру, другую ко снятію со креста

св. Тѣла Спасителя нашего І. Христа, третію на св. Голгофу, вѣсомъ въ десять фунтовъ каждая. Мултянскаго воеводу Іоанна Константина за его радѣніе о дѣлахъ, предложенія и предостереженія великіе государи жалуютъ и милостиво похваляютъ; служба его и то предложеніе у нихъ въ забвеніи не будетъ, и чтобы онъ, архимандритъ, царскую сію милость воеводѣ объявилъ, когда къ нему возвратится изъ Москвы и чтобы впредь великихъ государей извѣщалъ о всѣхъ дѣлахъ, какія въ тамошнихъ странахъ будутъ происходить. Касательно просьбы святѣйшаго патріарха объ устроеніи еллинской типографіи въ Москвѣ и напечатаніи присланныхъ имъ книгъ, великіе государи будутъ совѣщаться съ отцемъ своимъ богомольцемъ святѣйшимъ киръ Адріаномъ, патріархомъ московскимъ, и ему же указали разсмотрѣть о церковныхъ дѣлахъ на Украйнѣ и послать о томъ свои граматы митрополиту кіевскому и архіепископу черниговскому, чтобы въ ихъ епархіяхъ церковное дѣло во всемъ исправлялось по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ и по соборному уложенію. Касательно того, что просятъ святѣйшіе вселенскіе патріархи о неизмѣнномъ пребываніи константинопольскаго на его престолѣ и чтобы убогіе монастыри и старцы греческіе не платили дани, великіе государи, когда послы ихъ царскаго величества для мирнаго договора къ турецкому султану посланы будутъ, то повелятъ имъ домогаться о константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ, чтобы въ такой же былъ свободѣ, какъ и прочіе и чтобы не брали дани съ монастырей“.

Этотъ отвѣтъ государей, вмѣстѣ съ царскою милостынею, Хрисанѳъ въ Маѣ того же 1693 года послалъ къ Досиѳею съ своимъ старцемъ Аѳанасіемъ, который по происхожденію былъ малороссъ, ранѣе взятъ былъ

въ плѣнъ турками, а потомъ выкупленъ изъ плѣна однимъ іерусалимскимъ старцемъ и постриженъ въ монахи въ Іерусалимѣ.

Архимандритъ Хрисанѳъ пробылъ въ Москвѣ болѣе года и за все это время не переставалъ получать письма отъ Досиѳея, который сильно былъ заинтересованъ успѣхомъ посольства въ Москву своего племенника.

Патріархъ Досиѳей задумалъ собрать и напечатать всѣ вообще сочиненія греческихъ православныхъ церковныхъ писателей, по преимуществу полемическаго характера, чтобы, съ одной стороны, противопоставить трудамъ западныхъ ученыхъ труды ученыхъ православныхъ; съ другой, чтобы дать въ руки православныхъ сильное и надежное орудіе въ ихъ борьбѣ съ латинянами и протестантами. Съ этою цѣлію Досиѳей открылъ греческую типографію въ Яссахъ, въ которой и началъ печатать сочиненія греческихъ православныхъ авторовъ. Но средства ясской типографіи были слишкомъ недостаточны, чтобы осуществить грандіозное предпріятіе Досиѳея: напечатать по возможности сочиненія всѣхъ греческихъ православныхъ писателей. Тогда Досиѳей пришелъ къ мысли хлопотать предъ русскимъ правительствомъ, чтобы оно открыло греческую типографію въ Москвѣ, благодаря чему греческія книги стали бы печататься уже въ двухъ типографіяхъ одновременно — въ Москвѣ и въ Яссахъ. Въ этихъ видахъ Досиѳей, какъ мы видѣли, поручилъ архимандриту Хрисанѳу сдѣлать отъ его имени представленіе русскому правительству о необходимости открыть въ Москвѣ греческую типографію и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ съ Хрисанѳомъ и тѣ греческія рукописи, какія онъ намѣревался печатать въ Москвѣ въ первое время. Досиѳей сильно интересовался успѣхомъ этого дѣла. Въ письмѣ къ Хри-

санѳу Досиѳей пишетъ: „о книгахъ, чтобъ печатати, зѣло радѣй, понеже есть дѣло апостольское, и не только спасительное, но и славу великую вѣрѣ нашей причиняетъ, зане западные схизматики и еретики говорятъ, что послѣ Фотія патріарха никто не былъ мудрый человѣкъ у грековъ, а буде напечатаны будутъ толикіе книги, тогда увидятъ множество премудрыхъ и святыхъ мужей, того ради радѣй ты и труждайся“. Въ другомъ письмѣ къ Хрисанѳу Досиѳей пишетъ: „отпиши къ намъ вѣдомость скоро, чтобы прислать къ тебѣ и прочіе печатные и непечатные (книги), чтобъ собралось то число книгъ. Сіе дѣло превосходитъ и седмь прехвальныхъ дивъ, и сія библіотека превосходитъ зѣло честію Птоломѣова“. Еще въ письмѣ къ Хрисанѳу Досиѳей пишетъ: „потщися крѣпко о печатаніи книгъ, и буде напечатаютца, надписаніе такое надъ ними надпиши: Вивліотека списавшихъ православныхъ на обновленія латиновъ, книга 1—2-я и прочая... Здѣсь принесли печать и печатаемъ на латиновъ книгу ту, о которой вѣдаешь, потомъ господарь хочетъ печатать книгу Іоанна Дохтора“. Въ Маѣ 1693 года Досиѳей пишетъ Хрисанѳу: „про книги, которыя послали въ Россію печатати, радѣй накрѣпко, чтобы они приказаны были печатать, и буде не могутъ они выбрать изъ нихъ, чтобъ ихъ прислать сюда и мы здѣсь изъ нихъ выберемъ, что надобно и напишемъ. А буде тѣхъ книгъ къ намъ послать невозможно, и мы пришлемъ сюда къ вамъ такого человѣка, который возможетъ изъ тѣхъ книгъ выбрать и написать, что къ печатанію годно и исправить ихъ совершенно“.

Согласно съ инструкціей и письмами Досиѳея Хрисанѳъ „радѣлъ“ въ Москвѣ о напечатаніи привезенныхъ имъ греческихъ рукописей, списокъ которыхъ онъ пред-

ставилъ въ Посольскій приказъ. 27 Марта 1693 года государи приказали отослать привезенныя архимандритомъ Хрисанѳомъ книги къ патріарху Адріану съ указомъ, „чтобы всѣ тѣ книги велѣлъ принять и освидѣтельствовать, нѣтъ-ли въ нихъ какого пороку". 3 Апрѣля состоялся новый царскій указъ, въ которомъ говорилось, что іерусалимскій патріархъ Досиѳей чрезъ своего архимандрита Хрисанѳа просилъ государей „на Москвѣ устроить типографію еллиногреческую и нѣсколько книгъ на противниковъ церкви Божіей латиновъ напечатать, а тѣ де латинскіи паписты тѣхъ книгъ нетокмо печатаютъ, но гдѣ сыщутъ для искоренѣнія всѣ жгутъ; а по напечатаніи возможно тѣ книги и на словенскій языкъ перевесть, отъ чего будетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ многая и великая польза, а имъ, великимъ государемъ, отъ Господа Бога мзда, а отъ народовъ всемірная слава",—въ виду чего государи указали привезенныя Хрисанѳомъ восьмнадцать книгъ и росписи ихъ отдать въ патріаршій Казенный приказъ, и „принявъ тѣ книги освидѣтельствовать и совѣтовавъ съ ними, великими государи, великому господину святѣйшему киръ Адріану архіепископу московскому и всеа Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, велѣть тѣ книги напечатать, сколько ихъ будетъ надобно и пристойно на греческомъ языкѣ на печатномъ дворѣ, выправя по достоинству, какъ подобаетъ такимъ книгамъ въ печатномъ тиснѣніи быти, и для той выправки тѣхъ книгъ и подлиннаго объ нихъ объявленія, указали великіе государи быть у того дѣла тому присланному іерусалимскаго патріарха архимандриту Хрисанѳу, да съ нимъ учителемъ еллиногреческаго языка іеромонахомъ Іоанникію и Софронію Лихудіемъ. Да и на словенскій языкъ тѣ книги, какъ будутъ напечатаны на Москвѣ съ гре-

ческаго письма, указали великіе государи перевесть на печатномъ же дворѣ по разсмотрѣнію евожъ великаго господина киръ Адріана московскаго и всеа Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, кому доведетца и кому пристойно".

Получивъ отъ Хрисанѳа извѣстіе, что московское правительство готово напечатать присланныя имъ книги, Досиѳей отъ 10 Августа 1693 года посылаетъ московскому патріарху Адріану благодарственную грамату, въ которой пишетъ: „благодарствуемъ яко благоволилъ еси почтити патріаршескій божественный санъ, понеже попекся еси о всѣхъ церквахъ Божіихъ и подвигъ совершилъ еси яко добрый пастырь, еже напечататися книгамъ, церквамъ Божіимъ нужнѣйшимъ, яже отцы наша святіи списаша ко отверженію утвержденій и во всю высоту возносимыхъ на разумъ Божій, зане чрезъ тыя книги состоится благочестіе, и свидѣтельствуютъ древнюю и отеческую и апостольскую мысль православныя святыя вѣры нашея, и отвергается безбожный папежства догматъ; сія православніи, яко оружія употребляюще, заключаютъ уста глаголющихъ хульная, и, наконецъ рещи, благочестіе держится и нечестіе отвергается яже вмалѣ не погибоша, яко иногда погибоша драхма. И вы, богопочтенніи, полагаете тыя въ свѣтъ, почитающе Христа и общую матерь и питательницу святую Христову церковь. Сія ваша честь, сія ваша слава, сіе царства высота, враговъ низложеніе и, наконецъ, жребій освященный, яко да сподобитися стоянія въ горнемъ Іерусалимѣ сущаго апостоловъ и пророковъ"...

Отъ 22 Октября 1693 года прислалъ Досиѳей благодарственную грамату и государямъ. „Прославляется глава церковная, пишетъ онъ, Христосъ Богъ нашъ,

державнѣйшіе и святые владыки наши, что сохраняемое въ длани Его сердце ваше источило слово благое, повелѣвъ напечатать книги благочестивыхъ писателей на нечестивыхъ папистовъ, дабы церковныхъ догматовъ богословіе сохранилось во вѣки истинно и непоколебимо. Ибо какъ священныя главы ваши вѣнчаны златомъ и блестящими камнями, такъ и умы ваши украшаются евангельскимъ и отеческимъ ученіемъ; ибо вы явили себя учениками и сопричастниками тѣхъ, коихъ вѣщаніе протекло во всю землю, и вождями всего народа христіанскаго ко благочестію, изъяснивъ слова истины, нѣкоторымъ образомъ утаенныя; ибо вы раскрыли благочестіе и живописали православіе, и какъ свѣтила, сіяющія всѣмъ вѣрнымъ, возсіяли и церквамъ, обуреваемымъ ложною мудростію и прелестями папежскими; руку помощи подали и истинные догматы въ напечатанныхъ книгахъ истиннаго богословія утвердили. Слово сіе, когда мы пришли сюда (грамата писана изъ Адріанополя, куда Досиоей прибылъ изъ Молдавіи) дошло до слуха святѣйшаго вселенскаго цареградскаго патріарха и блаженнѣйшаго папы и патріарха александрійскаго и всего великаго и святаго собора константинопольскаго, и всѣ здѣсь обрѣтающіеся учители, архимандриты и игумены и весь клиръ и весь народъ православный похваляютъ и ублажаютъ васъ, божественнѣйшіе самодержцы, и говорятъ всѣ они и мы вмѣстѣ съ ними, чрезъ сіе смиренное наше донесеніе, съ дерзновеніемъ и единогласно: что благоволеніемъ Божіимъ чрезъ благовѣнчанныхъ благочестивыхъ царей нашихъ Іоанна и Петра, поборниковъ православія и отмстителей благочестія, все сіе совершилось. Исполняются радости уста наша и языкъ нашъ радованія, что чрезъ посредство пространнаго оглашенія печатной хартіи, языки право-

славныхъ возглаголютъ оправданія Божіи. Что можетъ быть лучше, какъ соблюсти древнюю красоту церковныхъ дѣлъ и что болѣе исполнено радостію? Поелику губительные паписты вняли оклеветанію вавилонскихъ жрецовъ, которыхъ обличаетъ и пророчество: изыде беззаконіе отъ іереевъ вавилонскихъ, ибо, вмѣсто христіанскаго дѣйствованія, поддерживаютъ начало папежское, римское, и чрезъ то дѣлаются изобрѣтателями злочестивыхъ догматовъ и, имѣя уста свои исполненными клятвы и горести, славу себѣ снискали побѣждать только въ злыхъ дѣлахъ, имѣя языкъ хульный и перо имъ служащее и печати многія, чтобы печатать свои беззаконныя писанія, противящіяся истиннымъ глаголамъ Божіимъ, чѣмъ возмутили многія православныя церкви и погубили ихъ, посѣявъ куколь вмѣсто пшеницы на церковныхъ нивахъ и вино смѣшавъ съ водою; они помыслили ближняго своего напоить мутнымъ питіемъ; какъ настоящіе аравійскіе волки, медвѣди и леопарды кожу овчюю носить притворились и истину въ ложь притворили, по слову пророческому: яйца аспидовъ растерзали и паутинную ткань соткали, и кто будетъ яйца ихъ сокрушать и ѣсть, змѣя въ нихъ обрѣтетъ — василиска, наполненнаго ядомъ и смертоноснымъ дыханіемъ, поелику такъ все беззаконные паписты извратили и едва ложь не побѣдила истины. Сего ради и не потерпѣли вы, благочестивѣйшіе и кротчайшіе и храбрѣйшіе наши государи, чтобы въ ваше время такая губительная прелесть пребывала во дворѣ Господнемъ, но вы благоволили истребить ее, чтобы благосостояніе церковное пребывало непоколебимо. Вы указали великое сіе дѣло: напечатать богословскія священныя книги, дабы, сотканное беззаконными изъ терновыхъ нитей гнойное лжеученіе,

разорвать и истребить, хитонъ же православія распространить“ [1].

Такъ радовался Досиѳей, такъ горячо благодарилъ онъ царей и патріарха Адріана за рѣшеніе напечатать въ Москвѣ присланныя имъ греческія книги, придавая этому дѣлу обще-православное значеніе, видя въ немъ залогъ крѣпости и даже будущей побѣды православія надъ латинствомъ. Но на дѣлѣ печатаніе греческихъ книгъ въ Москвѣ несостоялось и, между прочимъ, по винѣ самаго Досиѳея. Для веденія этого небывалаго дотолѣ въ Москвѣ дѣла требовались свѣдующіе люди, которые бы могли исправить привезенные Хрисанѳомъ списки греческихъ книгъ, заключавшіе въ себѣ разныя ошибки. Правда такіе люди въ Москвѣ нашлись, это были извѣстные учители славяно-греко-латинской академіи греки братья Лихуды, присланные ранѣе въ Москву для учительства самимъ Досиѳеемъ. Но Лихуды поссорились въ Москвѣ съ Хрисанѳомъ, который нажаловался на нихъ своему дядѣ [2]. Тогда Досиѳей на-

[1] Греч. дѣла 7201 г. № 4 и 38; 7202 г. № 20; Греческіе статейные списки № 12, л.л. 1028 — 1030, 1070. — [2] По пріѣздѣ въ Москву Хрисанѳъ остался недоволенъ тѣмъ положеніемъ, въ какое его поставили въ Москвѣ, какъ патріаршаго посланнаго, по какому поводу онъ и обратился къ патріарху Адріану съ особою челобитною. Въ ней онъ прежде всего молилъ патріарха «перво, да простиши мя за дерзость и второе, да благоволиши мя съ тихостію послушати и изреку дѣло вкратцѣ, не съ намѣреніемъ яко бы знати мнѣ предъ вашимъ святѣйшествомъ какія либо обычаи церковныя, но токмо объявити оправданіе блаженнѣйшаго моего владыки и патріарха» (т. е. Досиѳея). Затѣмъ Хрисанѳъ разсуждаетъ, что мірской чинъ измѣняется, «духовный же чинъ, яко даръ пресвятаго Духа, присно пребываетъ недвижимъ и не премѣняется ниже отъ благополучія, ниже отъ злополучія; и понеже всякій чинъ имѣетъ степени, ими же состоится, имѣетъ и духовный чинъ разныя степени». Соотвѣтственно этимъ чинамъ святые отцы и древніе «мѣста и стоянія» утвердили и между ними и такой обычай: «егда кой пархіархъ пошлетъ къ иному патріарху и патріаршескому престолу о какомъ либо дѣлѣ нужномъ и дастъ ему такой прономіи, яко носити лице патріаршеское, аще случится при немъ нѣкій церковный соборъ, сидитъ той, который носитъ лице патріаршеское, выше и митрополитовъ, и под-

стоялъ предъ московскимъ правительствомъ, чтобы Лихуды, какъ люди очень не благонадежные, были удалены нетолько отъ книжнаго дѣла, но и отъ учительства въ школѣ, вслѣдствіе чего все это такъ много обѣщавшее было дѣло—печатаніе въ Москвѣ древнихъ греческихъ рукописей, заглохло потомъ само собою.

1-го Января 1694 года государи послали, съ возвращавшимся изъ Москвы Хрисанѳомъ, особую грамату, въ которой извѣщали его, что исполнятъ разныя прошенія патріарха, заявленныя чрезъ его архимандрита, что они посылаютъ молостыню и лампады къ св. Гробу и когда у нихъ, великихъ государей, дойдетъ съ тур-

писываетъ по чину своего патріарха, аще и іеромонахъ токмо будетъ. На прочихъ же повсядневныхъ собраніяхъ не точно выше тѣхъ, которіи тогожде чина, но и выше епископовъ, яко же частый обычай константинопольскій являетъ». Выяснивъ эту мысль Хрисанѳъ говоритъ, что и его Досиѳей послалъ въ Москву не просто «граматоносца, но самое свое лицо, понеже явно пишетъ въ грамотѣ вашему святѣйшеству сице: да пріимеши его яко сущаго при насъ святѣйшаго и апостольскаго престола лице носящаго». Въ виду этаго Хрисанѳъ заявляетъ, что онъ проситъ отъ патріарха Адріана ничего нибудь особаго, «точію предпочтенія всѣхъ архимандритовъ святѣйшаго сего престола и сіе вмѣнихъ за удобѣшее, яко же и отъ святѣйшаго вашего повелѣнія дадеся ми сицевый входъ, послѣди же, невѣмъ чесо ради, иначе послѣдова чинъ». Проситъ онъ этого ради того, что носитъ лице патріарха іерусалимскаго, онъ не проситъ и не ищетъ чести для себя лично, а ради св. Гроба и апостольскаго патріаршаго престола, проситъ вещи не новыя и не обычныя, «но точно древнія и отъ церкве утвержденныя и святыя»; ищетъ онъ этаго не по своей волѣ, но въ силу слѣдующаго собственноручно даннаго ему Досиѳеемъ предписанія: «яко убо архимандритъ престола, подобаетъ тебѣ просити, да будеши сидѣти выше всѣхъ архимандритъ мѣста, еще же и выше епископовъ на трапезахъ и собраніяхъ; аще кій соборъ будетъ мѣстный, яко мое лицо, и выше епископовъ по древнему обычаю святыя Христовы кѳолическія церкве; аще же возмнятъ иначе, невходи въ таковая собранія. Сія приказанія, заявляетъ Хрисанѳъ, вся суть владыки моего святѣйшаго. Егда услышитъ владыка мой: угодно-ли явится ему, яко повелѣніе пріяхъ отъ вашего блаженства сидѣти подъ чудовскимъ архимандритомъ, или подъ инымъ которымъ, яко же слово бѣ?» Въ заключеніе челобитной Хрисанѳъ говоритъ: «къ сему ино не глаголю, токмо яко повинуюся, повелѣнію вашего святѣйшества, яко повелѣнію божественному, и не токмо ниже архимандритовъ, но буду нижайшій и малыхъ твоихъ рабовъ, понеже толико имѣю быти подъ единымъ, елико и

*

скимъ салтаномъ до договоровъ, тогда о св. мѣстахъ, чтобы они святѣйшему патріарху и грекамъ были опять отданы, своимъ посламъ о томъ говорить повѣлятъ.

Посольство Хрисанѳа въ Москву и взятое на себя обязательство нашимъ правительствомъ исполнить предъявленныя къ нему Досиѳеемъ разныя требованія, и, особенно, обѣщаніе хлопотать предъ турецкимъ дворомъ о возвращеніи грекамъ отнятыхъ у нихъ св. мѣстъ, побуждало Досиѳея, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, вытекавшія изъ враждебныхъ отношеній Россіи къ Турціи, поддерживать съ Москвою постоянныя близкія сношенія. Такъ отъ 20 Іюня 1698 года

ниже всѣхъ, и къ тому ничесо имамъ рещи, ниже ходатая имамъ представити къ твоему блаженству».

Впрочемъ указываемое Хрисанѳомъ недоразумѣніе не помѣшало ему войти съ патріархомъ Адріаномъ въ близкія и даже дружескія отношенія, которыя продолжались и по выѣздѣ Хрисанѳа изъ Москвы въ 1694 году, когда онъ прожилъ въ Батуринѣ цѣлый годъ, откуда и посылалъ Адріану разныя письма. Такъ письмомъ отъ 20 Мая 1894 года изъ Батурина, гдѣ Хрисанѳъ захворалъ, онъ сообщаетъ патріарху Адріану, что Досиѳей прислалъ къ нему грамату, въ которой «новыхъ вѣстей не пишетъ», только извѣщаетъ, что новый визирь «бѣснуется противу христіанъ; онъ же, окаянный, разрушилъ и церковь нѣкую, стоящую близь патріаршаго двора цареградскаго, а создана была отъ древнихъ царей, священниковъ же тоя на каторгу посадилъ. Нѣкто же изъ православныхъ устремился на обличеніе его, и обличалъ явленно предъ всѣми нечестіе его; визирь же повелѣ его жестоко мучити, дабы отрекся Христа спасителя нашего и вѣровалъ бы въ Мохомета ихъ. Добродѣтельный же Христовъ воинъ весьма не покорился имъ, наконецъ мечемъ кончину прія и въ морѣ ввергоша его, дабы его тѣла христіане невзяли. Еще во градѣ Критѣ оклеветали врази нѣкоего епископа туркамъ, что будто онъ къ венецыйскому князю отписывалъ вѣсти турскія, и за то того епископа безъ всякаго испытанія нечестивіи люто замучиша. И больше сего патріархъ іерусалимскій ко мнѣ не писалъ».—Отъ 8 Августа 1694 г. Хрисанѳъ писалъ изъ Батурина Адріану: «сицевое дерзновеніе (т. е. переписка съ Адріаномъ) имать вину, за не пріемляй отъ тебе послѣднее благословеніе, повелѣлъ еси дати мнѣ вѣсть вашему блаженству, егда уготоваюся изыти отселѣ, сирѣчь, изъ малороссійскихъ городовъ», почему теперь извѣщаетъ, что рѣшается выѣхать въ Сентябрѣ, ибо нашелъ многочисленныхъ и надежныхъ попутчиковъ грековъ, и затѣмъ пишетъ: «молю же и прошу о сихъ двухъ ваше святѣйшество: о единомъ—да имать всегда попеченіе ваше блаженство о дѣлѣ св. Гроба живопріемнаго вѣчныя ради мзды пренебесныя и всемір-

онъ пишетъ государю грамату, въ которой говоритъ прежде всего о томъ впечатлѣніи, какое произвело на востокѣ всюду разнесшееся извѣстіе о путешествіи московскаго государя за границу. „Вопреки всякаго чаянія, пишетъ Досиѳей, услышали мы здѣсь о отшествіи вашемъ въ иностранное государство, а причины тому мы не вѣдаемъ, вѣдаетъ одинъ только Богъ и святая душа ваша, въ которой дѣйствуетъ преестественно самъ Господь. Однако мы и весь соборъ церковный нашего народа съ его старѣйшинами приложили молитвы къ молитвамъ, частыя эктеніи, колѣнопреклоненія на божественныхъ литургіяхъ и прочее, чѣмъ благо-

ныя славы; о второмъ же, яко да и во грядущее изъ вашего благоутробнаго залога мою смиренность неизвержеши. Знаменованія новыхъ вѣстей нѣсть, но токмо патріархъ Діонисій константинопольскій премѣнися и паки Каллиникъ патріархъ возведеся. Святѣйшій же мой владыка живетъ нынѣ въ Царѣградѣ... О печати книгъ ваше святѣйшество вѣмъ, яко печется, сего ради и недокучаю паки». Получивъ грамоту отъ патріарха Адріана, Хрисанѳъ отъ 20 Августа 1894 года пишетъ: «азъ па мнозѣ недоумѣваяся и размышляя: кто есмь азъ и яковый ко мнѣ пишай? Весь недоумѣніи быхъ, содержимъ отъ нечаяннаго и не вѣровахъ очесемъ моимъ, яко бы неправо зрѣти имъ и глаголахъ: кто возвѣститъ мнѣ, яко прислася священное писаніе отъ вашего святѣйшества архипастырскаго... Новаго вашему святѣйшеству достойнаго неимамъ возвѣстити, но токмо молю паки, яко да будетъ мое смиренность подъ покровомъ вашего благопріятнаго архипастырскаго благоутробія». Отъ 24 Октября 1694 года изъ Батурина Хрисанѳъ извѣщалъ патріарха Адріана, что и вторую патріаршую къ нему грамату онъ получилъ, получилъ и даръ—Евангеліе для Гроба Господня, «дѣло достолѣпное и даръ достодолжный», и затѣмъ пишетъ «благодарствіе да будетъ святому Богу, яко пріиде и печать, тако же и прочее совершенство пріиде же ко Архагенгельскому городу, яко же на знамена мнѣ приралнвый рабъ вашъ Николай Спаѳарій. И въ семъ Божіемъ дѣлѣ вашего всесвятѣйшества имя безсмертно имать быти и честь всемірная, мзда отъ самаго Бога несравненная. Сего ради и лѣпо есть вашему все святѣйшеству радостію одержиму быти, яко же Соломону о совершеніи храма его: Давидъ нача созидати храмъ, но услыша, яко иному дѣло то ведеся; нача и блаженной памяти святѣйшій патріархъ Киръ Іоакимъ учинити школу и печать, но Богъ благоволи симъ воспріяти совершеніе благо и полезно при братѣ и преемникѣ того, при вашемъ, глаголю, всесвятѣйшествѣ. И аще препятія видятся многи, обаче аще добрая и полезная дѣла были бы скороудобно, не достохвальны бы были. Радуйся прочее духомъ всесвятѣйшая моя главо, яко обрѣтеся храмина отъ

угождается и умоляется Богъ, чтобы даровалъ вашему христолюбивому державству благое исполненное спасеніе во свояси. Поганцы здѣшніе чаяли, что пришествіе вашей священной особы будетъ здѣсь въ Византію для разузнанія о всякихъ дѣлахъ, а наипаче потому, что печетеся о художникахъ и иныхъ потребныхъ вещахъ, дабы устроить надлежащее приготовленіе и начать войну для избавленія грековъ. Англичане сказали намъ иное слово, сладостное нетолько для слуха, но и по самому дѣлу т. е. божественный самодержецъ сѣверныхъ странъ сказалъ королю аглицкому, что въ лѣто 1700-е будетъ пѣть молебенъ въ храмѣ св. Софіи. Мы, слышавъ сіе, и первенствующіе съ нами святители, не могли иное что учинить, какъ воздать славу

Бога составити сицевое и полезное дѣло всему православному роду. Будетъ все совершенно печися блаженнѣйшій мой владыко, яко же благоволилъ еси, еже бы человѣка довольнаго во ученіи прислати, который могъ бы и школу держати и книги исправляти, и будетъ вашему всесвятѣйшеству рабъ и подножіе ногъ вашихъ И присланъ будетъ такимъ поведеніемъ, что въ маломъ времени Божіею помощію совершенныхъ учителей поставитъ изъ первыхъ учениковъ, и потомъ паки возвратится восвоя. И присланы съ нимъ будутъ граматы имянно къ великимъ государямъ и къ вашему святѣйшеству. На послѣдокъ же о дву твое блаженство молю: перво, что если сіи проклятіи волцы (т: е. Лихуды) избавятся, еже небуди, въ школу бы паки не входили, за то что злый всегда золъ и добра отъ него не будетъ. И о второмъ молю, чтобы школа не праздна была, но чтобъ прежде реченніи ученицы ученіе давали (разумѣетъ учениковъ академіи Николая Семенова и Ѳедора Поликарпова), сколько сами пріяли и доволенъ есть рабъ вашъ Николай таковое дѣло управляти, дай Боже и другимъ только научитися, елико словесность его знаетъ. И аще ваше святѣйшество о иныхъ учителяхъ сумнѣвается, благоволи спросити Николая Спаѳарія, яко ученаго человѣка и правдиваго, за что и блаженнѣйшему владыкѣ крайній другъ и не учинитъ лицепріятства предъ вашимъ лицомъ крайнимъ ни о сихъ (т. е. Лихудахъ), ни о хотящихъ быти. И о прочихъ тако имать совершитися, яко же благоволилъ еси во священныхъ вашихъ писаніяхъ назнаменати. Азъ же закоснѣхъ здѣ ради преяснаго господина гетмана, обаче нынѣ взяхъ волю отъ него и вашими святѣйшими молитвами на сихъ дняхъ изыду въ Молдавію, откуда паки вашему святѣйшеству чрезъ смиренное мое писаніе поклонюся».—Хрисанеъ исполнилъ свое обѣщаніе. Отъ 25 Сентября, но уже 1696 года изъ Волохъ, онъ пишетъ Адріану: «новыхъ вѣстей, достойныхъ вашему святѣйшеству, мало, токмо что у цесаря съ турецкимъ султаномъ былъ бой и неучини-

имени Божію предъ Богомъ и Отцемъ Господа нашего Іисуса Христа, да видимъ исполненіе такихъ рѣчей. Но между тѣмъ опять облакъ мрачный скрылъ солнце надежды нашей и сдѣлалъ дни наши днями темноты, скорби и печали, потому что пріѣхали сюда посланные изъ аглицкой и голандской земли, возвѣщая здѣшнему властительству, что римскій тираннъ чрезъ нѣкоторыхъ своихъ іезуитовъ писалъ здѣшнимъ папистамъ, что преславный царь великой Россіи поѣхалъ съ немногими людьми въ Англію, а оттуда будетъ и у него; а иные иначе говорили, а другіе и написали, возвѣщая какъ нѣкогда инописменники съ идолами своими противное на израиля, суемудрствуя и ожидая нѣчто отъ вашей

лася толико великая тщета между ними, однакожъ на томъ бою убито турковъ съ пятьнадесять тысящь, а нѣмцовъ съ четыре тысячи... Да благодарствуютъ нѣмцы вашу святую Богомъ вѣнчанную державу для того что если бы не было препятія татарамъ, цезарь былъ бы разоренъ отъ агарянъ, и праведно есть вашему величайшему царству что восхощетъ, да проситъ у цесаря».

Съ своей стороны и патріархъ Адріанъ посылалъ отъ себя письма къ Хрисанѳу. Въ одномъ изъ нихъ онъ такъ пишетъ Хрисанѳу: «о святомъ Дусѣ сынѹ и сослужителю нашея мѣрности святаго и живопріемнаго Гроба преподобному архимандриту Хрисанѳу здравія, спасенія и благопоспѣшеніе о Господѣ желаемъ. Наша мѣрность елижды слышащи отъ писаній вашихъ всякаго благосердія и благожелательства къ намъ исполненныхъ, купно же и о вашемъ здравіи и мирномъ пребываніи знаменательныхъ, толижды паче духомъ порадовахомся, сугубая самому Спасителю нашему благодаренія, яко вѣдущему благочестивыя своя отъ напасти избавляти, и яко Ноя проповѣдника правды въ ковчезѣ божественныя своя благодати отъ потопа воды не постоянныя соблюдати, на нечестивыя же абіе мечь ярости навести, исповѣдающе, яко тако есть, по апостолу, воля Божія благотворящимъ обуздывати безумныхъ (или нечестивыхъ паче) человѣкъ невѣжество. Къ симъ же изряднѣ блаженнѣйшаго патріарха св. града іерусалима господина Досиѳея, нашея мѣрности любезнаго брата и сослужителя, сладцѣ и братственнѣ цѣлуемъ, молящеся Богу святому, во Троицѣ славимому, да сохранитъ его здрава... Присланная же прежде и со отцы сущими изъ обители св. Іоанна Богослова, еже есть лѣствицы іерусалимскія, лагалище съ гребнями, пріяхомъ и не хотяще, и благодарствіе творимъ его блаженству и твоей святынѣ, яко сущу таковому разстоянію и таковымъ обстояніемъ, благонзрадная его память сущія о Христѣ къ намъ братственныя любве апостольски хранима есть».... Не переплетенный сборникъ Москов. синод. библіотеки № IV, № 10, 20, 22, 23, 25, 26, 28.

поклоняемой державы [1]. А верховныя всѣ власти восточныя церкви и мы сами... были въ такой печали, что отъ созданія міра еще не видало солнце такихъ печальныхъ, съ рыданіями воздыхающихъ изъ глубины сердца. Но посѣтилъ насъ Господь Богъ и пріѣхалъ къ намъ въ Тарговистъ Родіанинъ, называющій себя вѣрнымъ рабомъ вашего святаго царствія, который сказалъ намъ болѣе утѣшительныя вѣсти о вашемъ величествѣ и правдоподобныя причины, ради коихъ изволили путешествовать, и при томъ извѣстилъ о здравіи и спасеніи вашемъ. По сему утѣшились мы и христолюбивый Господарь и чрезъ грамоты наши утѣшили иныхъ и умножили моленія къ Богу о вашемъ величествѣ".

Въ той же граматѣ Досиѳей пишетъ, что имъ получены извѣстія, будто между турками съ одной стороны, австрійцами, венеціанами и поляками съ другой, рѣшено заключить миръ и говорятъ, „что будто и ваша божественная держава содержится въ томъ же договорѣ о мирѣ", чему Досиѳей рѣшительно отказывается вѣрить. „Мы чаемъ, пишетъ онъ, что все сіе басни и вымыслы, далекіе отъ истины, ибо вѣдаемъ, что священная глава ваша исполнена разума, мудрости и любви,— и можно ли, пріуготовивъ толикія дѣла для избавленія рода нашего, что бы ты искалъ примириться?.. Не теряемъ надежды и ожидаемъ чрезъ ваше сильное царство

[1] Здѣсь Досиѳей намекаетъ на распространившіеся тогда за границей слухи, которые особенно усердно разносили повсюду іезуиты, что будто бы Петръ Великій рѣшился соединиться съ римскою церковію. Относительно этихъ слуховъ Ѳеофанъ Прокоповичъ замѣчаетъ, что они съ 1700 г. распространены были іезуитами и другими католическими духовными въ разныхъ иноземныхъ странахъ «и тѣмъ ложнымъ слухомъ, какъ греческимъ такъ и русскимъ восточнаго изповѣданія людямъ, не малое чинили въ вѣрѣ сумнительство». (И. Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 430).

спасенія нашего". Досиѳей старается доказать, что русскій царь и одинъ, помимо союзниковъ, одними только собственными силами вполнѣ успѣшно можетъ окончить войну съ турками и даже совсѣмъ уничтожить послѣднихъ. „Не опасайся поганцевъ, убѣждаетъ Досиѳей царя, но воспоминай Моиссевское рѣченіе: како гонитъ единъ тысячу, а сто гонитъ тьмы. Да будетъ достовѣрна ваша святая душа, что имѣешь поборникомъ Господа нашего Іисуса Христа: аще Богъ съ нами, кто на ны?" Досиѳей думаетъ, что царскіе союзники въ войнѣ съ турками: поляки, австрійцы и венеціане, нетолько не надежны, но въ дѣйствительности даже прямо враждебны православной Россіи. Союзники, рѣшительно заявляетъ Досиѳей, „ваше священное высочество уважаютъ, просятъ и восхваляютъ только для того, чтобы помощію вашею побѣдить непріятеля или избѣжать его нашествія; а буде увидятъ, что возстаете или распространяете предѣлы ваши, тогда позавидуютъ и будутъ навѣтовать, хотя и не явно, но тайно, по обычаю еретическому. Сего ради ваша пречестная душа, имѣя свѣдѣнія о ихъ любви къ намъ, не вѣрь имъ, ниже преклоняй святыя уши свои къ совѣтамъ ихъ, но держись настоящаго святаго дѣла (т. е. совѣтуетъ продолжать войну съ турками), а мы по обязанности сіе пишемъ, и уповаемъ на вашу божественную державу, что всѣми средствами будешь держаться настоящаго святаго дѣла, и ни какой человѣкъ не возможетъ ни какими мѣрами удержать васъ отъ святаго предпріятія". И чтобы еще болѣе убѣдить царя продолжать войну съ турками, Досиѳей дѣлаетъ въ концѣ граматы такую приписку: „Христіаннѣйшій и божественнѣйшій владыко! вспомни, что Вседержитель Богъ невосхотѣлъ, что бы Гедеонъ побѣдилъ мадеонитовъ со многими, но съ небольшимъ чи-

сломъ для того, чтобы видно было, что это дѣло Божіе, И такъ, если и помирятся еретики, довлѣетъ вашей державѣ, чтобы побѣдить непріятелей. Смотри какъ мы умалены: дань за данью непрестанно отъ насъ требуютъ, и въ скоромъ времени не останется ни патріаршества, ни монастыря, ни христіанъ. Не оставь дѣло, на которое вызвалъ тебя Богъ, а если, попущеніемъ Божіимъ, не получимъ избавленія, то хотя во время мира порадѣй, чтобы намъ были отданы назадъ св. мѣста, какъ было прежде сего“ [1].

Понятно почему Досиѳей такъ усиленно настаивалъ, чтобы русскіе, даже помимо союзниковъ, продолжали войну съ турками. Русскій царь въ это время уже отнялъ у турокъ Азовъ и укрѣпилъ его, онъ построилъ Таганрогъ и усиленно строилъ флотъ, который скоро долженъ былъ появиться на Черномъ морѣ. Досиѳей, вмѣстѣ съ другими греками, думалъ, что русскіе возмутъ Крымъ и, опираясь на свой флотъ, пойдутъ на Константинополь, куда на помощь русскимъ обязательно двинуться и всѣ православные народы, возставъ противъ своихъ притѣснителей турокъ. Казалось, что часъ освобожденія для грековъ и другихъ покоренныхъ турками православныхъ народностей уже наступилъ, стоило только еще сдѣлать нѣсколько усилій и агарянское царство рухнетъ окончательно, древнее наслѣдіе благочестивыхъ греческихъ царей законно перейдетъ въ руки благочестивыхъ царей русскихъ. И вотъ въ такое то время до Досиѳея доходятъ слухи, что не только западные государи, такъ успѣшно воевавшіе въ послѣднее время съ турками, хотятъ съ ними помириться, но что будто бы и русскій царь тоже хочетъ заключить съ турками миръ. Досиѳей нехочетъ вѣрить послѣднему

[1] Греч. дѣла 7206 г. № 31.

слуху, считая его за басни и вымыслы, но въ то же время рѣшается писать царю, что бы убѣдить его продолжать войну съ турками и въ томъ случаѣ, если бы всѣ союзники его заключили съ ними миръ, такъ какъ пособникомъ царю будетъ самъ Богъ, всегда помогающій ратующему за святое и богоугодное дѣло, какимъ является война царя съ невѣрными. При этомъ Досиѳей прекрасно понялъ и оцѣнилъ истинный характеръ дружскихъ отношеній западныхъ государствъ къ Россіи. Западные государи тогда только дружатъ съ русскими, когда видятъ въ нихъ пригодное оружіе для достиженія своихъ какихъ либо своекорыстныхъ цѣлей и только тогда они просятъ, уважаютъ и восхваляютъ русскихъ. Какъ же скоро обстоятельства измѣняются, и особенно когда Россія выразитъ стремленіе разширить свои предѣлы и могущество, они сейчасъ же являются врагами Россіи, какими въ душѣ они бываютъ всегда, и стараются всячески вредить ей, если и не явно, то тайно, почему царю ни какъ не слѣдуетъ вѣрить своимъ союзникамъ, дорожить ими и полагаться на нихъ, ему одному слѣдуетъ продолжать войну съ турками.

Царь рѣшилъ однако поступить иначе, нежели какъ желалъ и совѣтывалъ Досиѳей. Вмѣстѣ съ своими союзниками онъ приступилъ къ мирнымъ переговоромъ съ Турками, и въ Константинополь (1699 г,), для окончательнаго заключенія мира, отправленъ былъ посолъ Украинцевъ. Русское правительство не забыло ранѣе даннаго Досиѳею обѣщанія: при заключеніи съ турками мира хлопотать предъ турецкимъ правительствомъ о возвращеніи грекамъ отнятыхъ у нихъ латинянами св. мѣстъ въ іерусалимѣ. Въ тайномъ наказѣ, данномъ правительствомъ послу Украинцеву предписывалось ему

ходатайствовать предъ портою „въ пристойное время“, чтобы „вселенскимъ патріархомъ и всѣмъ благочестивымъ христіаномъ греческаго закона была въ вѣрѣ свобода, и Гробъ бы Господень и церковь іерусалимская была отдана по прежнему имъ грекамъ, какъ бывало изстари, да и дань бы съ нихъ новонакладная, а наипаче съ монастырей, была бы сложена, и вольно бъ было русскимъ людямъ и бѣльцамъ ходить ко святымъ мѣстамъ въ Іерусалимъ и въ Синайскую и во Аѳонскую горы, и говорить о томъ повозможности, смотря по дѣлу“. Въ то же время въ наказѣ послу говорилось, что если бы турецкое правительство ради возвращенія грекамъ св. мѣстъ потребовало, что бы русскіе возвратили за это отнятые ими у турокъ города, то подобной уступки послу не дѣлать.

Въ наказѣ послу Украинцеву говорилось между прочимъ и слѣдующее: „буди миръ по данному ему, посланнику, указу великаго государя несостоитца и ему, видѣвся съ святѣйшимъ патріархомъ (Досиѳеемъ), говорить и совѣтовать тайно о начинаніи войны у царскаго величества съ турки, и какими образы то дѣло наилутчѣе дѣйствіе свое показати можетъ, и какъ возможно приступить къ Дунаю и къ Киліи и народомъ христіанскимъ которые въ той войнѣ обѣщаютца вспомогати, о чемъ многажды писалъ онъ, патріархъ, и протчіе къ великому государю; и говорить о томъ довольно пространными разговоры и записывать у себя самому, и о томъ потомужъ писать тайно, чтобъ сего прочіе не увѣдали“.

Согласно полученному отъ правительства наказу, Украинцевъ, по прибытіи въ Константинополь, вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Досиѳеемъ, который, во все время пребыванія Украинцева въ Турціи, присылалъ

ему чрезъ извѣстныхъ лицъ всевозможныя свѣдѣнія, какія только, по его мнѣнію, были полезны и нужны для нашего посла, или же обстоятельно отвѣчалъ на тѣ запросы, съ какими обращался къ нему самъ посолъ.

При заключеніи мирнаго договора съ турками Украинцевъ, исполняя данную ему правительствомъ инструкцію, въ проектъ договора внесъ двѣ спеціальныхъ статьи: одна требовала, чтобы турецкое правительство возвратило грекамъ всѣ отнятыя у нихъ латинянами см. мѣста, въ другой же говорилось: „церквамъ Божіимъ и монастырямъ, греческую вѣру имущимъ, также и разныхъ народовъ людемъ, тоежъ вѣру употребляющимъ, во владѣніи его салтанова величества пребывающимъ, да будетъ въ вѣрѣ всякая свобода и вольность безовсякаго отягченія, и чтобъ церкви Божіи духовные и мірскіе люди починивать и покрывать и съизнова строить и чины свои изстари обыклые творить могли, и никомубъ допущено небыло, противно священнымъ статьямъ и противо закона Божія, досадою или денежнымъ прошеніемъ тѣхъ же духовныхъ и мірскихъ озлоблять“.

Такимъ образомъ русское правительство постаралось исполнить данное ранѣе Досиѳею обѣщаніе: при заключеніи мира съ турками хлопотать о возвращеніи св. мѣстъ и первенства въ нихъ грекамъ. Но этимъ оно не ограничилось. Въ проектъ мирнаго договора внесена была статья, въ которой Россія въ первый разъ открыто и рѣшительно выступила предъ турецкимъ правительствомъ въ качествѣ покровительницы и защитницы всѣхъ православныхъ народностей, покоренныхъ турками, оффиціально потребовала отъ турецкаго правительства, чтобы оно даровало своимъ православнымъ подданнымъ полную религіозную свободу, оказы-

вало имъ во всемъ справедливость и освободило ихъ отъ вновь введенныхъ денежныхъ налоговъ.

Но домогательства нашего посла предъ турецкимъ правительствомъ, по указаннымъ статьямъ, не имѣло успѣха. Турецкій уполномоченный, грекъ Александръ Маврокордато, рѣшительно заявилъ носламъ, что въ мирномъ договорѣ „статья о Гробѣ Господни и о св. мѣстахъ іерусалимскихъ, также и о вольностяхъ грекамъ, написана не будетъ, потому что греки живутъ въ подданствѣ у салтанова величества, и никогда иной государь въ другомъ государствѣ иному государю въ дѣлахъ неуказываетъ, и всякой де государь надъ подданными своими воленъ, и чтобы они посланники о тѣхъ грекахъ больше неупоминали, и тѣмъ салтана на гнѣвъ не приводили“. Что же касается Гроба Господня, то объ этомъ, заявлялъ Маврокордато, царь можетъ ходатайствовать предъ султаномъ особо, послѣ заключенія мира, такъ какъ онъ убѣжденъ, что султанъ исполнитъ царское ходатайство, особенно если объ этомъ будутъ промышлять и сами патріархи, которымъ дѣятельно будетъ помогать и онъ, Маврокордато. Посланники сдались на эти убѣжденія и статьи о Гробѣ Господнемъ и религіозной свободѣ православныхъ въ Турціи не были внесены въ заключенный съ турками мирный договоръ.

Досиѳей былъ крайне недоволенъ такимъ исходомъ дѣла о св. мѣстахъ. „Паче мѣры опечалились мы душею, говорилъ онъ посланникамъ, что дѣло святаго и живопріемнаго Гроба Спаса нашего І. Христа, купно съ настоящимъ его царскаго величества мирнымъ дѣломъ, конца не воспріяло и оставлено на договариваніе послѣ окончанія его мирнаго дѣла; знатно де ихъ, посланниковъ, Александръ Маврокордатъ какими нибудь

словами наговорилъ, чтобъ того не просить, или будто отъ того и миръ не стоялся бы". Досиѳей настаивалъ предъ посланниками, чтобы они заручились хотя бы словеснымъ согласіемъ визиря и муфтія, что св. мѣста будутъ возвращены грекамъ, если царь обратится объ этомъ съ особою просьбою къ султану при окончательномъ подписаніи мирнаго договора. Посланники дѣйствительно говорили объ этомъ и съ визиремъ и съ муфтіемъ и тѣ обѣщали имъ оказать свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, что немало утѣшило и успокоило Досиѳея [1].

Съ посломъ Украицевымъ Досиѳей прислалъ государю граматы, писанныя отъ 2 Августа 1700 года. Въ первой изъ нихъ Досиѳей даетъ совѣтъ царю крѣпче привязать къ себѣ казаковъ и позаботиться о поддержаніи у нихъ стараго воинственнаго духа, причемъ вдается въ подробныя разсужденія о превосходствѣ военныхъ качествъ казаковъ, которыхъ по преимуществу боятся и турки и татары. „Держи ихъ, пишетъ Досиѳей, подъ кровомъ своимъ, понеже суть стѣна нерушимая и адаманская на турки и на татары и прочихъ зломысленныхъ сосѣдовъ. Султанъ Османъ, когда пошелъ воевать Каменцы, хотя и сыскалъ тамъ войско польское многочисленное, однакожде имѣлъ надежду, что совершитъ свою волю; но когда видѣлъ, что пришли сорокъ тысячъ казаковъ и совокупилися съ польскимъ войскомъ съ пещальми своими, тогда призвалъ бывшаго съ нимъ мултянскаго воеводу Радула, и велѣлъ ему быть посредникомъ и учинилъ миръ съ поляками, и отступилъ назадъ въ турскую землю". Въ

[1] Турецкія дѣла 1699 г. св. 24; Турецкіе статейные списки № 27 (Статейный списокъ посла Украинцева) лл. 279—282, 787, 827, 1047, 1064, 1081, 1176, 1182, 1198, 1220, 1250.

заключеніе своего длиннаго разсужденія о казакахъ Досиѳей совѣтуетъ царю такъ поставить казаковъ, „чтобы они знали вся потребная и полезная и къ Богу и къ святому и Богомъ почтенному вашему царствію, а наипаче, дабы были такіе, яко же мнятъ ихъ быти турки и татары, понеже слышимъ о нихъ (казакахъ), что стали боязливые и лѣнивые отъ праздности и покоя и бездѣлья, и не такъ какъ прежде сего любятъ бѣдства и воздержаніе, которое есть растлѣніе воинскаго состоянія, почему и потребно отъ царскаго промысла, чтобы казаки опять получили прежнюю свою воинскую славу“.

Во второй граматѣ Досиѳей прежде всего хвалитъ посла Украинцева какъ человѣка добраго и разумнаго, который „приостро увѣдалъ дѣла и состояніе“ турокъ, „стоялъ крѣпокъ и твердъ во всѣхъ статьяхъ, яко же нѣкій левъ юный“, говоритъ о своихъ услугахъ послу, указываетъ на свое самоотверженное служеніе интересамъ русскаго правительства, на то обстоятельство, что если послу удавалось улаживать съ турками тѣ или другія спорныя дѣла къ выгодѣ и чести русскаго государя и государства, то это во многомъ было и дѣломъ его, Досиѳея. Затѣмъ Досиѳей, посовѣтовавъ царю получше укрѣпить Азовъ и содержать въ немъ постоянное хорошо обученное войско, переходитъ къ вопросу о св. мѣстахъ.

Онъ указываетъ государю на то обстоятельство, что въ ветхомъ завѣтѣ особенно прославились тѣ цари, которые пеклися о сооруженіи, сохраненіи и возобновленіи святилища, каковы Давидъ, Соломонъ, Осія и Зоровавель, что и православные греческіе цари вседушно пеклись о чести, созданіи и сохраненіи Господня Гроба и прочихъ честныхъ поклоняемыхъ мѣстъ,

и покровительствомъ „матери церквей почитахуся христіанстіи самодержавцы больше, нежели почитахуся скиптрами и діадимами“. Когда же палъ Константинополь „остался христіане въ Іерусалимѣ сиротами и пренебрежены и отъ еретиковъ неусыпно навѣтуемы, но всегда побѣждаху о Господѣ. Только въ самое послѣднее время „пришли нѣмцы до града Софіи, случися же и визирь глупъ и гордъ, султанъ непотребный“, а французы обѣщали туркамъ дѣятельную помощь на морѣ и на сушѣ, почему турки и отдали имъ св. мѣста. Въ такихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ у православныхъ христіанъ осталась одна надежда на русскаго царя, который „пресловущь по всему міру въ разумѣ, въ бранехъ и побѣдахъ, въ гражданскихъ дѣлахъ и церковномъ установленіи“, и который особою граматою къ нему, Досиѳею, извѣщалъ, что онъ печется о возвращеніи св. мѣстъ грекамъ. Сами турки ждутъ царскаго ходатайства о возвращеніи св. мѣстъ, такъ что когда въ Турцію прибыли царскіе послы, то всѣ турки говорили, „что московскіе будутъ просить и пріяти поклонные мѣста“. И французы сильно этого опасались, „неблагоговѣйнства ради, понеже предалися мірскимъ страстемъ, но да не отпадетъ честь ихъ и не вознесется наша во всемъ мірѣ, понеже аще будетъ въ рукахъ православныхъ св. Гробъ—православныхъ же первѣйшій есть державное твое и Богомъ нареченное царствіе, явлено, что величайшую честь у всѣхъ христіанъ имѣетъ ваше царствіе, и св. Іерусалима царь есть безпрекословно ваше великое царствіе, и есть и говорится первый царь у христіанъ безсумнѣнно“. Упомянувъ затѣмъ, что визирь и муфтій дали царскимъ посламъ благопріятный отвѣтъ относительно св. мѣстъ, Досиѳей однако считаетъ этотъ отвѣтъ не-

удовлетворительнымъ, такъ что государю нужно будетъ показать особое радѣніе и теплѣйшее прошеніе предъ турками, чтобы дѣло о св. мѣстахъ приняло желанный конецъ. Объ этомъ государя проситъ не одинъ онъ—Досиѳей, но вся восточная, каѳолическая, апостольская церковь, такъ какъ русскій государь есть „мѣстникъ ея, защититель православныя вѣры, другій равноапостольный новый Константинъ, и сый и глаголемый крайній благодѣтель и опасатель и отецъ и утѣшеніе всего православнаго рода“. Практическія мѣры, которыя, по мнѣнію Досиѳея, государь долженъ предпринять въ видахъ окончательнаго возвращенія св. мѣстъ грекамъ, заключаются въ слѣдующемъ: во первыхъ, государь, утверждая мирныя статьи съ турками, долженъ написать и о томъ, что онъ принимаетъ ихъ только подъ условіемъ, „чтобы поклонныя св. мѣста, которыя побрали у грековъ французы въ Іерусалимѣ, отдати бы назадъ грекамъ беззамотчанья“. Во вторыхъ, когда государь отправитъ посла въ Турцію, чтобы о св. мѣстахъ написаны были три особыя граматы: одна къ султану, другая къ визирю и третья къ муфтію, причемъ Досиѳей предлагаетъ отъ себя и образецъ, какъ должны быть написаны граматы, предоставляя усмотрѣнію государя что либо измѣнить въ предложенномъ образцѣ. Въ третьихъ, государь долженъ крѣпко наказать послу, „дабы онъ сотворилъ подобающій подвигъ и словомъ и дѣломъ, имѣя сію яко нужную и первую статью мирную“. Если это будетъ выполнено, то, по мнѣнію Досиѳея, „подлинно есть и несумнительно, яко поклоненія отдадутъ турки православнымъ въ вѣчное повиновеніе и всемірную похвалу и честь при всѣхъ христіанскихъ государехъ царехъ вашея богомудрыя свѣтлости и въ прибавленіе православныя вѣры“.

Съ посломъ Украинцевымъ Досиѳей прислалъ еще просительныя граматы къ царскому наслѣднику Алексѣю Петровичу, къ боярину и государственному канцлеру Ѳедору Алексѣевичу Головину и къ московскому патріарху Адріану.

Въ граматѣ къ наслѣднику престола Досиѳей просилъ его ходатайствовать предъ своимъ державнымъ отцемъ объ исполненіи просьбы патріарха относительно возвращенія св. мѣстъ, такъ какъ если государь „попроситъ сію святѣйшую вещь притужно и крѣпко“, то св. мѣста непремѣнно возвращены будутъ православнымъ; а если теперь не будетъ крѣпкаго радѣнія и попеченія со стороны русскаго правительства о св. мѣстахъ, то они навсегда останутся у папежниковъ „и будетъ стыдъ всемірный роду православныхъ“.

Въ граматѣ къ канцлеру Головину Досиѳей молилъ его съ духовнымъ дерзновеніемъ, поближе познакомиться съ дѣломъ о св. мѣстахъ въ Іерусалимѣ чрезъ распросы посла Украинцева и чтеніе его, патріаршихъ, граматъ, а также ходатайствовать предъ государемъ, чтобы „когда будетъ писать его божественное величество сюда, къ здѣшнимъ владѣтелямъ, яко принимаетъ и отверждаетъ мирные статьи, писати и сіе: принимаетъ миръ съ симъ опредѣленіемъ, чтобы отданы были св. мѣста, которыя взяли французы, православнымъ“.

Въ граматѣ къ патріарху Адріану Досиѳей говоритъ, что патріархи, какъ преемники св. Апостоловъ, должны имѣть особое попеченіе о всѣхъ церквахъ. Если какое нибудь церковное дѣло требуетъ помощи со стороны царя, то „патріаршаго достоинства есть дѣло, еже напоминати и молити ихъ (царей) и поощряти“, какъ это всегда было при прежнихъ благочести-

*

выхъ греческихъ царяхъ. А такъ какъ нынѣ св. мѣста отняты у православныхъ французами и у православныхъ есть теперь только одинъ защитникъ и покровитель—русскій царь, то именно онъ и долженъ заботиться „о призрѣніи и управленіи святыхъ церквей матере“. Подвигнуть же государя на дѣло освобожденія св. мѣстъ долженъ патріархъ, который однако ничего не писалъ объ этомъ съ посломъ Украинцевымъ къ нему, Досиѳею, „сего ради, замѣчаетъ онъ, опечалихомся и наипаче много плакахомъ“. Досиѳей выставляетъ на видъ Адріану то обстоятельство: „видимъ еретиковъ и пекутся всѣми равнѣ и единогласно противо православныхъ, православныхъ же нерадѣющи и лѣнивы сущи, во еже пещися и помогати церквамъ, а наипаче святый церкви матери“. И далѣе Досиѳей съ горечью пишетъ: „аще о чести и исправленіи матере церквей нерадиши божественнѣйшій, како хощеши показати ревность и свойственная патріаршескому твоему достоинству? Опечалихомся убо, зане отбѣже вашея памяти святый Сіонъ, и рыдахомъ и плакахомъ паче сыновъ израилевыхъ въ Вавилонѣ, наипаче же яко за нерадѣніе Богъ огорчевается и негодуетъ“. Досиѳей умоляетъ Адріана „припасти, притещи, умолити, упросити и ходатайствовати къ Богомъ хранимому самодержцу, да происходатайствуетъ честь и славу каѳолическія церкве, и притяжетъ его великое его царство имя и славу и честь равноапостольну и въ присутствующемъ вѣцѣ и въ будущемъ“ [1].

Такъ въ своихъ граматахъ патріархъ Досиѳей рѣшался поучать самого государя Петра Алексѣевича

[1] Греч. дѣла 1700 г. № 1; наша книга: Снош. Дос. съ рус. правит. прил. №№ 5 и 23.

какъ ему слѣдуетъ поставить себя относительно казаковъ, какими средствами слѣдуетъ ему крѣпче привязать ихъ къ себѣ, съ помощію какихъ средствъ надлежитъ ему поддерживать въ казакахъ старый ихъ воинскій духъ, столь страшный для татаръ и турокъ, какъ внимательно ему нужно заботиться, чтобы войско его было хорошо обучено, обладало всѣми лучшими боевыми качествами и постоянно было готово сразиться съ непріятелемъ. Досиѳей рѣшался на эти поученія государю въ виду того убѣжденія, что заключенный царемъ миръ съ турками непрочень, что онъ будетъ разорванъ турками при первомъ удобномъ случаѣ, что всѣ бывшіе царскіе союзники ненадежны и скорѣе враги, чѣмъ друзья царя, почему русскому православному царю слѣдуетъ полагаться только на свои собственныя силы, чтобы ихъ однѣхъ было достаточно для нанесенія рѣшительнаго удара туркамъ и, въ концѣ, для освобожденія грековъ изъ подъ турецкаго ига, что всегда было завѣтною мечтою всякаго грека вообще и въ частности Досиѳея. Съ другой стороны Досиѳей въ своихъ грамотахъ молилъ всѣхъ: царя, наслѣдника, патріарха и канцлера Головина энергично хлопотать предъ турецкимъ правительетвомъ о возвращеніи св. мѣстъ грекамъ. Онъ былъ убѣжденъ, что онѣ будутъ имъ возвращены, если только русскій царь возьмется за это дѣло и поведетъ его какъ слѣдуетъ, т. е. энергично и настойчиво, такъ какъ турки уступятъ необходимо предъ твердо заявленными требованіями царя. Въ то же время Досиѳей былъ убѣжденъ, что настоящій моментъ есть самый удобный для возвращенія грекамъ отнятыхъ у нихъ св. мѣстъ, и что если этотъ моментъ теперь будетъ опущенъ, то впослѣдствіи уже трудно будетъ исправить разъ испорченное положеніе дѣлъ, что и за-

ставляло дѣйствовать Досиѳея предъ русскимъ правительствомъ съ особою энергіею и настойчивостію.

Но хотя Досиѳей предпринялъ повидимому всѣ мѣры, чтобы подвигнуть русскаго государя дѣйствовать въ пользу возвращенія св. мѣстъ грекамъ и не смотря на то, что онъ далъ въ своихъ граматахъ самыя опредѣленныя указанія, какъ слѣдуетъ вести это дѣло предъ турками, однако сомнѣніе въ успѣхѣ всетаки закрадывалось въ его душу. Въ Москвѣ могли въ какомъ либо отношеніи неправильно понять и истолковать его граматы, могли, не имѣя постояннаго поощренія, отнестись къ дѣлу или равнодушно или не такъ внимательно, какъ требовалось; могли вопреки указаніямъ Досиѳея, руководствуясь какими либо сторонними соображеніями, избрать ложный путь для достиженія цѣли и испортить все дѣло. Чтобы избѣжать всего того Досиѳею казалось необходимымъ послать отъ себя въ Москву довѣренное лицо, которое бы снова подкрѣпило и усилило прежнія ходатайства Досиѳея и лично могло повліять въ Москвѣ тамъ, гдѣ это нужно и такъ, какъ это нужно. Племянникъ Досиѳея архимандритъ Хрисанѳъ уже разъ былъ въ Москвѣ съ порученіями Досиѳея хлопотать о возвращеніи св. мѣстъ; его, какъ знающаго Москву и знаемаго въ ней, Досиѳей рѣшилъ снова отправить къ русскому царю, чтобы ходатайствовать предъ нимъ о возвращеніи православнымъ Іерусалимскихъ св. мѣстъ. Хрисанѳъ прибылъ въ Москву 5 Января 1701 года и привезъ отъ Досиѳея граматы государю, патріарху, канцлеру Головину.

Въ граматѣ государю Досиѳей пишетъ, что хотя государю и хорошо уже извѣстно изъ прежнихъ доношеній патріарха о случившемся за десять лѣтъ отнятіи французами у грековъ св. мѣстъ, но такъ какъ слово

Божіе говоритъ: „просите и дастся вамъ“, то онъ снова посылаетъ своего племянника Хрисанѳа ходатайствовать предъ царемъ о возвращеніи св. мѣстъ. Досиѳей какъ и ранѣе, выражаетъ увѣренность, что турки теперь готовы будутъ исполнить просьбу царя о св. мѣстахъ, такъ какъ они уже недовольны господствомъ въ Іерусалимѣ французовъ: „видятъ бо неправду, видятъ бездѣльства французскія во святой землѣ, идѣже городы созидаютъ подъ именемъ монастырей и иныя безчинства творятъ, какія небывали, егда имѣли мы службу у честныхъ поклоненій“. Досиѳей сообщаетъ царю, что въ этомъ дѣлѣ онъ расчитываетъ на содѣйствіе муфтія, который „намъ зело помощникъ“, онъ уже помѣшалъ латинянамъ починить сводъ надъ св. Гробомъ. Точно также когда послы шаха персидскаго хлопотали предъ турецкимъ правительствомъ, подкупая начальныхъ людей порты, чтобы армяне имѣли въ Іерусалимѣ одинаковое старѣйшинство съ греками, то муфтій „вопіялъ и говорилъ: не довольно ль сколько зла учинилосъ грекамъ со стороны французскія, но быть еще больше и чрезъ ходатайство шахово; а потомъ какъ царь московскій будетъ просить ключей св. мѣстъ, какъ быть и какую отповѣдь дадимъ, или какъ поступимъ?“ Когда пришло въ Адріанополь, повѣствуетъ Досиѳей, письмо гетмана казацкаго къ хану съ нѣсколькими статьями, между которыми было и прошеніе о св. мѣстахъ, тогда турки вопіяли: „се царь московскій проситъ ключей и всегда сіе говорили съ того времени“. Въ виду всего этого, думаетъ Досиѳей, теперь самое удобное время просить царю у турокъ возвращенія грекамъ св. мѣстъ, турки несомнѣнно исполнять просьбу царя.

Въ граматѣ къ патріарху Адріану Досиѳей, извѣ-

щая его о посылкѣ въ Москву своего племянника архимандрита Хрисанѳа, просилъ его „да ваша святыня посредствуетъ къ Богомъ прославленному самодержцу не отъ насъ точію, но отъ всея восточныя церкви, да печется о освобожденіи и чести града и изряднаго дома Божія“.

Съ такою же просьбою обращался Досиѳей и къ канцлеру Головину. „Порадѣйте и дѣйствуйте, пишетъ онъ боярину, совѣтами, увѣщаніями, умоляя всѣми средствами христолюбиваго и Богомъ вѣнчаннаго царя, дабы изволилъ пещись о возвращеніи св. мѣстъ въ руки православныхъ, ибо если не будетъ радѣнія нынѣ и исправленія, тѣ св. мѣста навсегда останутся въ рукахъ еретическихъ, и не только намъ будетъ отъ сего безчестіе, но послѣдуетъ отъ сего и то, что угаснетъ апостольскій престолъ и большая часть православныхъ приложится къ папистамъ... Не видите-ли, сколько протари имѣютъ язычники гроба ради Мехмета своего? Кольми паче подобаетъ трудитися намъ Гроба ради Господа нашего І. Христа, Который есть честь и похвала всѣмъ православнымъ. Нѣкогда разными средствами заботились блаженные самодержцы греческіе о св. Гробѣ и прочихъ св. мѣстахъ; нынѣ же благочестія и самодержавнаго царствія величества наслѣдникъ, храбрѣйшій и тишайшій царь, государь Петръ Алексѣевичъ,—его величеству есть свойственное дѣло учинить подобающее о возвращеніи св. мѣстъ“.

На просьбы Досиѳея хлопотать предъ турецкимъ правительствомъ о возвращеніи грекамъ св. мѣстъ въ Іерусалимѣ государь отвѣчалъ ему отъ 23 Января (1701 г.) особою грамотою, въ которой писалъ: „къ намъ великому государю, нашему царскому величеству, писали вы отецъ нашъ и богомолецъ, святѣйшій и всеблажен-

нѣйшій патріархъ, съ нашимъ царскаго величества посланникомъ съ думнымъ совѣтникомъ съ Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцевымъ, да съ архимандритомъ своимъ Хрисанѳомъ, изъ которыхъ писаней вашихъ выразумѣли есмы предложеніе ваше о разныхъ дѣлехъ и увѣщаніе духовное, мудро изображенное, и архипастырскою вашею молитвою и благословеніемъ исполненное. И мы великій государь, наше царское величество, вамъ, всесвятѣйшему и всеблаженнѣйшему крайнему архипастырю, за толикое и душеполезное посѣщеніе и увѣщаніе сыновне благодарствуемъ и впредь желаемъ, дабы всегда благоугодныя молитвы ваши о насъ были непрекращены". Затѣмъ государь извѣщаетъ патріарха, что онъ указалъ своему великому послу, Дмитрію Михаиловичу Голицыну, „будучи у салтана турскаго на посольствѣ, чрезъ великаго визиря и муфтія и иныхъ ево ближнихъ людей домогатца радѣтельно во всѣхъ мѣрахъ и поступкахъ такъ, какъ вы, всесвятѣйшій и блаженнѣйшій и крайнѣйшій архипастырь, въ томъ ему усовѣтуете и прикажете. А наши великаго государя, нашего царскаго величества, грамоты о томъ съ нимъ къ салтану турскому и къ везирю и къ муфтію противъ предложеннаго вами образца посланы, и о всемъ ему блаженству вашему объявить наказано; а архимандрита вашего Хрисанѳа, пожаловавъ нашимъ царскаго величества жалованьемъ, указали къ блаженству вашему отпустить безъ замедленія" [1].

Такимъ образомъ русское правительство рѣшилось, согласно съ просьбами Досиѳея, настаивать предъ высокою портою о возвращеніи св. мѣстъ въ Іерусалимѣ

[1] Греч. дѣла 1701 г. № 1; наша книга: Сношен. Дос. съ русск. прав. прил. № 7 и 24.

грекамъ, и въ этомъ смыслѣ дало наказъ своему чрезвычайному послу князю Голицыну, отправившемуся въ 1701 году въ Константинополь для ратификаціи заключеннаго Украинцевымъ мирнаго договора съ турками. Въ правительственномъ наказѣ послу Голицыну говорилось именно: „ему жъ, чрезвычайному послу, будучи у султана и у везиря, въ пристойное время при иныхъ дѣлехъ, говорить, чтобъ вселенскимъ патріархамъ и всѣмъ благочестивымъ христіанамъ греческаго закона была въ вѣрѣ свобода, и Гробъ бы Господень и церковь Іерусалимская была отдана по прежнему имъ грекамъ, какъ бывало изстари, да и дань бы съ нихъ новонакладная, а наипаче съ монастырей, была бы сложена". Въ другой статьѣ наказа говорилось: „и по совершеніи и по подкрѣпленіи дѣла своего, объ отдачѣ грекамъ Гроба Господня говорить пространно съ салтановыми ближними людьми, приводя на сіе: дабы для нынѣшняго постановленія мира, указалъ салтаново величество отдати Гробъ Господень грекамъ. И о томъ святѣйшему патріарху объявить тайно, что указъ великаго государя онъ имѣетъ ближнимъ салтанскимъ людямъ говорить объ отданіи Гроба Господня, и потому его, великаго государя, указу говорить онъ будетъ". Кромѣ того государь отправилъ съ посломъ, какъ того желалъ Досиѳей, особыя грамоты къ султану, визирю и муфтію съ просьбою возвратить грекамъ отнятыя у нихъ латинянами св. мѣста [1].

Досиѳей долженъ былъ остаться доволенъ дѣйствіями русскаго правительства: государь, согласно его желанію, послалъ къ султану, визирю и муфтію особыя грамоты о св. мѣстахъ, составленныя по тому образцу,

[1] Турецкія дѣла 1700—1701 г. св. 1, № 5.

какой прислалъ Досиѳей; чрезвычайному послу наказано было говорить и домогаться возвращенія св. мѣстъ грекамъ предъ ближними султановыми людьми, причемъ ему предписывалось дѣйствовать въ этомъ случаѣ согласно съ совѣтами и указаніями Досиѳея. Правда послу вовсе не было наказано, какъ на томъ настаивалъ Досиѳей, чтобы статья о возвращеніи св. мѣстъ грекамъ была поставлена въ переговорахъ первою, и чтобы съ принятіемъ или непринятіемъ ея связано было окончательное заключеніе или разорваніе мира съ турками. Но такъ ставить дѣло наше правительство тогда никакъ не могло, такъ какъ начавшаяся шведская война ни подъ какимъ видомъ не дозволяла ему ссориться съ турками. Оно съ своей стороны сдѣлало для Досиѳея все, что только могло сдѣлать при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Послу Голицыну неудалось однако выхлопотать у турокъ возвращенія св. мѣстъ грекамъ: и султанъ, и визирь, и муфтій одинаково рѣшительно отказали ему въ его домогательствахъ по этому дѣлу и самъ Досиѳей долженъ былъ признать, что русское правительство съ своей стороны сдѣлало все возможное для успѣха дѣла, что причина неудачи заключается не въ равнодушіи или не надлежащихъ и ошибочныхъ дѣйствіяхъ русскаго правительства, а единственно въ упорномъ сопротивленіи турокъ, побуждаемыхъ къ тому особыми обстоятельствами. Въ грамотѣ государю отъ 5 Января 1702 года, присланной съ посломъ Голицынымъ, Досиѳей пишетъ, „по истинѣ что довелося говорити и что нужно было творити (по дѣлу возвращенія грекамъ св. мѣстъ), великое ваше царствіе вся рече и сотвори.... Препочтенныя ваши грамоты поданы суть и султану и везирю и муфтію и, сверхъ того, преславный посолъ ва-

шей божественнѣйшей державы говорилъ всѣмъ троимъ, что было нужно, и сотворилъ достойные подвиги многообразне и многовидно. И учинилось бы абіе и дѣло послѣ отданія пречестныхъ грамотъ, но смотрятъ здѣшніе на короля французскаго", котораго „почитаютъ быти крѣпкаго и боятся его"...

Но если посольство князя Голицына въ Турцію и кончилось рѣшительною неудачею по дѣлу о возвращеніи грекамъ св. мѣстъ, за то оно еще тѣснѣе сблизило Досиѳея и съ русскимъ правительствомъ вообще и въ частности съ самимъ государемъ, высоко цѣнившимъ преданность и услуги Досиѳея Россіи. Уже въ наказѣ послу Голицыну было сказано: „и видатца ему (послу) съ нимъ патріархомъ (Досиѳеемъ) почасту и о всѣхъ великаго государя дѣлехъ съ нимъ совѣтывать и провѣдать у него подлинно: поставленные мирные договоры съ великимъ государемъ, съ его царскимъ величествомъ, салтанъ турской содержать хочетъ-ли, и въ дружбѣ и любви съ его царскимъ величествомъ быть желаетъ-ли, и не мыслитъ-ли чево къ нарушенію тѣмъ мирнымъ договоромъ?" И въ другомъ наказѣ послу говорится: „ему жъ (послу), будучи въ Константинополѣ, имѣть со святѣйшимъ іерусалимскимъ Досиѳеемъ патріархомъ тайные обсылки, и о всякихъ дѣлехъ съ нимъ разговаривать, и о вѣдомостяхъ спрашивать..." Мало того, самъ государь послалъ отъ себя къ Досиѳею особую грамоту, въ которой писалъ: „мы блаженство ваше имѣемъ паче прочихъ всѣхъ о Христѣ возлюбленнаго отца и пастыря и великодушнаго мужа, и тѣмъ паки призываемъ блаженство ваше, дабы какъ прежде сего въ богоугодныхъ молитвахъ своихъ насъ никогда запомнилъ, и въ дѣлахъ нашихъ приключающихся всегда пособника имѣли есмы; такъ и нынѣ по-

томужъ отъ блаженства вашего желаемъ, яко отъ возлюбленнаго отца и пастыря, яко да во всякихъ дѣлехъ нашихъ, покамѣсть нашъ великій посолъ въ тѣхъ краяхъ пребудетъ, былъ бы ему блаженство Ваше совѣтникъ истинный, а мы великій государь, наше царское величество, къ тебѣ, возлюбленному отцу и пастырю нашему, поелико возможно не только словомъ, но и дѣломъ и во всѣхъ богопроходимыхъ мѣстахъ святыхъ склонны есмы щедрою рукою способляти, токмо и блаженство ваше, какъ и прежде сего, всегда честными грамотами своими насъ посѣщать благоволиши и молитвою неоставляй".

И Досиѳей ревностно и вѣрно служилъ въ Константинополѣ нашему послу Голицыну, сообщая ему необходимыя свѣдѣнія по разнымъ предметамъ и вопросамъ, подавая ему нужные совѣты и указанія, предостерегая его отъ ошибочныхъ дѣйствій. Въ грамотѣ къ государю Досиѳей такъ говоритъ о своихъ услугахъ послу Голицыну: „преславный великій посолъ боговѣнчанной великой вашей державы, господинъ Дмитрій Михаиловичъ, въ нужныя дѣла съ нами совѣтывалъ и, какъ насъ Богъ просвѣтилъ, ему совѣтъ подали, и въ какое дѣло у насъ потребовалъ, мы служили ему по нашей силѣ... Пребывалъ здѣсь преразумно и превеликолѣпно, и во всѣхъ дѣлехъ, что онъ просилъ и говорилъ, истинствовалъ и извѣствовалъ... Всѣ люди вашего боговѣнчаннаго царствія, которыя посылаются сюды, похваляются и почитаются отъ всякаго рода и языка и отъ самаго салтана".

Получивъ грамоты Досиѳея, посланныя съ княземъ Голицынымъ, государь немедленно отправилъ къ Досиѳею свою грамоту, въ которой писалъ: „двѣ грамоты блаженства вашего, съ великимъ нашимъ посломъ кня-

земъ Дмитріемъ Голицынымъ приняли: одну, въ которой пишете о дѣлахъ св. Гроба и что тамъ ему случилось, а въ другой — отвѣтъ противъ грамоты нашей, что мы съ Георгіемъ Кастріотомъ къ вамъ писали. Выразумѣвъ изъ оныхъ здравое пребываніе вашего блаженства, весьма обрадовались,—дай Боже слышать намъ и впредь, что въ добромъ состояніи сохранилъ васъ Вышній и о благословенныхъ за насъ молитвахъ вашихъ просимъ блаженство ваше, дабы воспоминали насъ всегда во своихъ патріаршескихъ къ Богу заступительныхъ молитвахъ. А о дѣлехъ нашихъ, что пишешь, что послу нашему и дѣломъ и словомъ совѣтами вашими сколько возможно способствовалъ, какъ и самъ посолъ нашъ извѣстилъ насъ о томъ, весьма благодарствуемъ, что блаженство ваше творите дѣло доброе, какое приличествуетъ такой высокой особѣ, достойной своего имени, какъ и вездѣ блаженство ваше прославляется паче всѣхъ иныхъ архипастырей православныхъ. Нынѣ мы, великій государь, разсудили, что для нашихъ дѣлъ, которые предстоятъ межъ нами и портою оттоманскою, доведется посылать посла нашего, который бы жилъ нѣсколько времени при той портѣ, какъ и отъ иныхъ христіанскихъ государей тамъ живутъ. И такъ посылаемъ туда посломъ ближняго нашего стольника и намѣстника алатырскаго, Петра Андреевича Толстаго, которому указали, чтобы совѣщался съ блаженствомъ вашимъ, какъ и прежніе наши послы дѣлали. А отъ блаженства вашего желаемъ, чтобы къ послу нашему былъ во всякихъ приключающихся ему дѣлахъ пособникомъ и дѣломъ и словомъ, сколько возможно, и посему пространнѣе о томъ не пишемъ, поелику указали ему про всякія дѣла объявлять вамъ словесно и совѣтовать о нихъ, какъ лучше

можетъ быть и какъ Богъ наставитъ блаженство ваше, такъ и творите противъ святаго обычая. Мы въ томъ не только не сумнѣваемся, но надѣемся, что блаженство ваше послу нашему будете во всѣхъ дѣлахъ совѣтникомъ и искреннимъ помощникомъ, и о дѣлахъ тамошнихъ желаемъ отъ блаженства вашего, чтобы всегда, чрезъ посла нашего, изволили къ намъ писать. А у нашего царскаго величества сіе радѣніе и прилежаніе блаженства вашего весьма пріятно и незабвенно будетъ“ [1].

Такъ высоко цѣнилъ Петръ Великій политическія услуги Досиѳея нашимъ посламъ въ Турціи, желалъ, чтобы Досиѳей и впредь ревностно продолжалъ свое служеніе интересамъ Россіи, видя въ этомъ одну изъ важныхъ причинъ успѣха нашихъ пословъ въ ихъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Царь рѣшительно и оффиціально приглашалъ іерусалимскаго патріарха вести совмѣстно съ нашимъ посломъ всѣ посольскія дѣла и обо всемъ писать государю. Досиѳей горячо отозвался на призывъ царя, горячо и усердно сталъ служить, помогать и совѣтывать во всемъ нашему послу въ Турціи Толстому. „Вашей любви работаемъ, пишетъ онъ Толстому отъ 10 Декабря 1702 г., когда Толстой уже находился въ Адріанополѣ, гдѣ былъ турецкій дворъ, — за любовь почтеннаго самодержавнаго лица, и работающе православной державѣ, самому Богу служимъ, отъ Него же и чаемъ воздаянія“. Въ другомъ письмѣ къ Толстому (въ Февралѣ 1703 г.) Досиѳей пишетъ: „мы вамъ работаемъ безъ всякой надежды, за едину токмо любовь Божію и ради честнаго имени свя-

[1] Турецкія дѣла 1700—1702 г. св. 1, № 5; св. 2, № 1; Греческія дѣла 1701 г. № 1; 1702 г. № 1.

таго величества, и служимъ вамъ въ послѣдней бѣдѣ души нашея и живота и чести нашея, и въ семъ паки благодарствованія отъ Бога ищемъ, а отъ васъ ничего не просимъ".

Толстой высоко цѣнилъ политическія услуги Досиѳея и въ своихъ донесеніяхъ не разъ указывалъ на нихъ русскому правительству. Въ донесеніи канцлеру Ѳедору Андреевичу Головину отъ 4 Іюня 1703 года Толстой пишетъ: „прошу у тебя, государя моего, милости, чтобы отъ лица великаго государя писать ко святѣйшему іерусалимскому патріарху благодареніе за многое его къ великому государю усердіе; истинно, государь, презирая смертныя страхи, работаетъ великому государю во всякихъ случаяхъ". Отъ 7 Іюля (1703 г.) Толстой сообщаетъ Головину, что Досиѳей прислалъ къ нему, Толстому, грамату къ государю, съ просьбою перевести ее на русскій языкъ и переслать въ Москву цифирью, причемъ замѣчаетъ: „какъ прежде сего къ вамъ писалъ, такъ и нынѣ доношу, что трудовъ ево (Досиѳея) въ дѣлахъ великаго государя много, и усердіе къ великому государю имѣетъ великое". 22 Мая 1704 года Толстой пишетъ Головину: „извѣстно милости твоей государя моего чиню: святѣйшій іерусалимскій патріархъ Досиѳей изъ Константинополя выѣхалъ въ мултянскую землю, таможъ бывши нѣкоторое время, пріѣдетъ и въ волошскую землю. И во время бытности своей въ Андріанополи и Константинополи, зѣло усердствовалъ въ дѣлахъ великаго государя, и мнѣ многіе чинилъ вѣдомости о всякихъ дѣлехъ... Прошу у тебя, государя моего, милости, чтобъ къ нему отписать и возблагодарить за ево многое усердіе; обаче какъ о томъ воля великаго государя и твое, государя моего, разсмотрѣніе будетъ". 16 Іюля 1705 года

Толстой пишетъ Головину: „письма мои святѣйшій іерусалимскій патріархъ началъ принимать по прежнему, и въ дѣлехъ великаго государя усердствуетъ вельми; обаче страха ради отъ сихъ поганцевъ не можетъ мнѣ часто подавать потребныхъ вѣдомостей чрезъ писанія, какъ чинилъ напредъ сего, однакожъ усердіе являетъ изрядное чрезъ единаго грека словесно“. 24 Февраля 1706 года Толстой пишетъ Головину: „онъ, святѣйшій патріархъ, вельми радѣетъ о дѣлехъ великаго государя и заплаты никакой не требуетъ; обаче хотя бы малымъ чѣмъ ево потѣшить, чтобъ прислать отъ лица великаго государя, зѣло бы онъ тѣмъ увеселился; воистинно забывъ страхъ усердствуетъ, въ чемъ можетъ“. Отъ 4 Августа того же года Толстой пишетъ: „святѣйшій іерусалимскій патріархъ пребываетъ въ Константинополѣ и ко мнѣ милостивъ, подаетъ мнѣ всякія вѣдомости, что можетъ, и нынѣ приказывалъ ко мнѣ, чтобъ я къ милости твоей отписалъ о многихъ ево расходахъ, которые чинятся во Іерусалимѣ; и воистинно, государь, неизреченные нынѣ ему во Іерусалимѣ чинятся убытки отъ тамошнихъ мятежей; и о семъ какъ изволеніе великаго государя и твое, государя моего, разсмотрѣніе будетъ“.

Патріархъ Досиѳей дѣйствительно „вельми радѣлъ о дѣлехъ великаго государя“: онъ давалъ совѣты и указанія послу какъ ему поступать и дѣйствовать въ томъ или другомъ случаѣ, сообщалъ ему всѣ необходимыя свѣдѣнія, какія только посолъ отъ него требовалъ, служилъ посредникомъ при пересылкѣ бумагъ нашего правительства къ послу и отъ посла къ правительству, успѣвалъ тайно добывать султанскія граматы къ иностраннымъ государямъ и передавалъ ихъ Толстому; разъ добылъ даже чертежъ турецкой крѣпо-

сти. Самъ Досиѳей такъ говоритъ о своей службѣ послу Толстому въ граматѣ государю отъ 31 Августа 1703 г.: „изволитъ святое твое царствіе, что какъ даже до нынѣ, такъ и впредь совѣтывалъ бы я и способлялъ честному вашему послу въ нуждныхъ дѣлехъ; и о семъ изволь вѣдати царское твое величество: что въ семъ всегда обрѣтаемся, какъ и прежде сего писахъ, и нѣсть такого дѣла, которое бы мы вѣдали, что оно нужно послу вашему знати, и необъявляхомъ ему, ниже отлучаемся когда, чтобъ ему не совѣтывати въ нуждныхъ дѣлехъ. И тако будемъ дѣйствовать покамѣсть живемъ, понеже нетокмо есмы богомольцы теплѣйшія вашея державы, но и работники усердніи, а наипаче указъ твой имѣемъ, яко слово святое и гласъ Божій“ [1].

Но службою нашимъ посламъ въ Константинополѣ Досиѳей неограничивался, а посылалъ еще къ нашему правительству особыя граматы съ разными политическими вѣстями. Такъ отъ 29 Января 1702 г. Досиѳей пишетъ канцлеру Головину: „вѣдомости сихъ странъ въ нынѣшнемъ времени таковы суть: султанъ турскій во всю зиму, даже до рамазана или поста своего, гулялъ на ловляхъ между Цареградомъ и Адріанополемъ. Изъ Царяграда пишутъ и человѣкъ, который туда былъ посланъ нарочно, извѣщаетъ и всѣ подлинно говорятъ, что съ великимъ радѣніемъ готовятъ флотъ морской, и не только старыя суда починили, но и многія вновь прибавили и безпрестанно прибавляютъ и съ такою скоростію, что никогда такое дѣло не совершалось такъ прежде, да и никакой плотникъ корабельный не остался, котораго бы они не взяли для работы сего флота... А какое ихъ намѣреніе и что съ тѣмъ караваномъ дѣлать,

[1] Подробнѣе объ этомъ см. нашу книгу: Сношенія Досиѳея съ русскимъ правительствомъ стр. 218 — 237.

еще никто не можетъ знать... Сверхъ того извѣщаемъ, что посланъ капиджи-баши, еще около праздниковъ св. Димитрія, и начавъ отъ самаго устья Дуная тамо, гдѣ онъ впадаетъ въ Черное море, прошелъ весь берегъ дунайскій и осматривалъ всѣ города, даже до Бѣлграда, также оружія и людей ихъ и прочее, что надобно къ оборонѣ ихъ. Сверхъ того привезли многія пушки и раздѣлили по крѣпостямъ, гдѣ не было ихъ довольно для обороны... Отъ страны италійскія слышимъ: папа римскій избралъ достойныхъ людей и послалъ ихъ послами — одного къ цесарю, другаго къ королю французскому, а третьяго въ Испанію съ такою цѣлію, чтобы они домогались всѣми мѣрами привести ихъ къ дружбѣ и миру въ ссорахъ, которыя между ними возникли...“ Отъ 2 Іюня 1702 года Досиѳей пишетъ государю: „владѣющіе надъ нами въ тихости пребываютъ, намѣренія войны неимѣютъ, ибо начальники многихъ ради винъ всякое воинское движеніе ненавидятъ и гнушаются имъ. Однако начальствующій скиѳами, изъ таврискаго острова, писалъ въ послѣднихъ числахъ Марта къ Портѣ, что Москвитяне намѣрены воевать, ибо столько кораблей спустили на море донское, почему приказали въ Константинополѣ и въ иныхъ мѣстахъ сдѣлать тридцать галіоновъ невеликихъ и изготовить двадцать семь, которыя уже существуютъ, и иныя суда, чтобы могли до будущаго года имѣть въ готовности сорокъ галіоновъ великихъ и малыхъ, двадцать четыре каторги и пятьдесятъ баркасовъ, и чтобы имъ начать собирать двадцать тысячъ молодцовъ. Султанское повелѣніе сіе прочтено въ Константинополѣ всенародно и начались приготовленія; но когда притекли священныя граматы вашего величества и узнали, что пріѣзжаетъ посолъ, то что начало дѣлаться — дѣлается, однако скиѳоначальствующаго слово

*

лживымъ явилось. Наипаче писалъ онъ и то, что казаки запорожскіе ищутъ соединиться съ нимъ, но ему писали отъ Порты удаляться отъ такихъ дѣлъ и взирать на свое, ибо зло постраждетъ, ежели дерзнетъ на такія начинанія. Въ нынѣшнемъ году посылаютъ нѣкоторыя суда на Черное море не для того, что имѣютъ намѣреніе войны, но ради охраненія по обычаю, а нѣкоторые говорятъ, что приготовленіемъ столькихъ кораблей намѣреваются воевать Венетовъ и отнять у нихъ Пелопонисъ. Однако то истинно, что неимѣютъ намѣренія кого-либо воевать, только слыша о корабляхъ и приготовленіи въ Азовѣ, видя и въ Италіи великую войну между германцами и французами, сами находятся въ подозрѣніи и приготовляются, чтобы имъ предупредить, если гдѣ либо случилось какое смущеніе. Въ настоящее время ничего больше не обрѣтается здѣсь и если случится развѣдать что либо яснѣе, пошлемъ человѣка къ честнымъ стопамъ вашего тишайшества".

20 Іюня 1704 года Досиѳей въ граматѣ государю сообщаетъ, что между цесаремъ и ракоціанами идетъ борьба, и хотя турки сочувствуютъ ракоціанамъ, однако не рѣшаются помочь имъ, между прочимъ и по слѣдующей причинѣ: „если будетъ подозрѣніе, что ваша держава имѣетъ придти на нихъ (чего они сильно опасаются), то ни съ какимъ инымъ игемономъ христіанскимъ не будутъ начинать войны; однако то несомнѣнно, что не останутся въ тишинѣ, но какимъ бы то ни было образомъ, или моремъ или сухимъ путемъ, будутъ чинить походъ на васъ. Оттого нынѣ тайно созываютъ въ Царьградъ отовсюду военачальниковъ и начальниковъ войсковыхъ, приказывая имъ, чтобъ всякъ имѣлъ людей своихъ готовыми и когда имъ повѣстятъ, чтобъ все уже готово было. Припасаютъ пушки, гранаты,

мѣхи, торбы, веревки и прочее потребное для завоеванія городовъ. Притворяются предъ всѣми, что будто дѣлаютъ то для иныхъ причинъ, но намѣреніе ихъ сіе, а не иное. Починиваютъ крѣпости Кафы и окрестности ея, строятъ у Керчи крѣпости, на пристаняхъ Чернаго моря готовятъ деревья для фрегатовъ....". Отъ 10 Октября того же года Досиѳей, въ присланной имъ граматѣ, совѣтуетъ государю учинить одно изъ двухъ: или смирить шведовъ и укрѣпить на польскомъ престолѣ саксонскаго, или заключить съ шведами миръ и укрѣпить въ Польшѣ саксонскаго. „Я прежде сего писалъ, заявляетъ далѣе Досиѳей, къ благородію твоему, чтобъ не печалился, что умираютъ воины, если это полезно, а наипаче когда время позоветъ, потому что много разъ ни во что ставя время, трудно въ другой разъ дождаться удобнаго момента. Господинъ Димитрій (кн. Голицынъ) нынѣ какъ пришелъ въ Польшу, слѣдовало ему ударить со своими на шведа, и хотя бы не учинилъ и побѣды великой, однако умалялась бы сила шведская, такъ какъ хотя бы московитяне и казаки и были побиты, на ихъ мѣсто пришли бы иные; а если бы убиты были шведы, стало бы ихъ меньше, тѣмъ болѣе, какъ нынѣ слышимъ, подъ Львовомъ ихъ было немного. Дѣла саксонскаго не покажутся храбрыми, потому что хитростію ищетъ побѣды безъ трудовъ, а между тѣмъ воинскія дѣла требуютъ не только хитрости, но и дѣла, понеже Аристотель пишетъ въ нравоучительной своей философіи, что добродѣтель не въ томъ состоитъ, что вѣдати, а въ томъ, что дѣлати. Богомъ утвержденный мой! что жалѣешь казаковъ, буде умрутъ? зане, буде умрутъ, есть мученики. Въ Львовѣ была одна горсть шведовъ и казаки могли бы поглотити ихъ живыхъ. Воинское дѣло нѣсть для какого

упрямства, но для православія, и безъ бѣдства какъ можетъ получить конецъ, который ему доведется? Есть и стыдъ отъ людей, что вышло столько тысячъ казаковъ съ гетманомъ своимъ, и обратятся назадъ безъ дѣла. А есть и иное: когда воюютъ, сколько живы останутся, научаются воинскому дѣлу, а какъ сидятъ, такъ и не воюютъ, и во время нужды ни къ чему негодны. А буде есть такіе люди, каторые чаютъ, что исправленіе воинское дѣлается безъ бѣды, безъ труда, безъ смерти, — они бы сдѣлали себѣ по камилавкѣ и пошли бы жить въ монастырь и четки свои перевертывали бы".

Присылалъ Досиѳей политическія вѣсти въ Москву и въ послѣдующее время. Такъ въ Январѣ 1705 года онъ писалъ государю, что новый турецкій визирь, „безчеловѣчный и христіаноборецъ", сталъ раздавать государственныя должности своимъ сторонникамъ; когда ѣхалъ къ султану, „то ѣхалъ всегда съ великою помпою", и всѣмъ этимъ навлекъ на себя подозрѣніе султана, который и велѣлъ его утопить. На мѣсто его визиремъ поставленъ человѣкъ молодой, ничтожный и весьма непотребный. Когда турки услыхали, что въ Каменцы вошелъ Дмитрій Голицынъ съ двѣнадцатью тысячами войска, „то устрашился весь синклитъ, хотя не явно, но тайно. Въ виду этого опять рѣшили войну противъ васъ и стали дѣлать къ тому разныя приготовленія". Свои сообщенія Досиѳей заключаетъ: „три вещи недостаетъ нынѣ въ семъ царствѣ: разума, единомыслія и денегъ". Въ 1706 году Досиѳей пишетъ боярину Головину: „мы пишемъ токмо нужнѣйшее и подлиннѣйшее всего,—что и малыя и великія (въ Турціи), и вельможи и подданные отъ альфы и до омеги, всякъ тщится есть и пить, роскошить, хитить, загра-

бить, а попеченія никакого иного, и походу, или ссоръ, или войны ни есть, ни разумѣется, но совершенный миръ и тишина". Отъ 18 Октября Досиѳей пишетъ преемнику умершаго Головина Головкину: „здѣсь за нѣсколько дней слышно стало, что послалъ ханъ татарскій вѣдомость, будто калмыки и астраханцы, ваши подданные, желаютъ союза съ Портою и позволенія быть вашими непріятелями, однако люди хана крымскаго ихъ отвергнули; и хотя послѣ ходилъ господинъ Петръ (Толстой) къ визирю и доносилъ, что дѣло сіе будетъ причиною соблазна, однако еще до отъѣзда его къ султанскому намѣстнику, визирь и сенатъ слова хана уже отвергли.... Если ханъ татарскій писалъ сюда истину, что измѣняютъ подданные ваши, можете послать провѣдать и къ намъ ваше письмо, какъ и наши, пришлетъ съ любовію и безопасно мултянскій владѣтель. И такъ справедливо, когда пріѣзжаютъ къ вамъ люди его, принимайте ихъ съ великою любовью и честію, и жалуйте ихъ и довольствуйте, а наипаче потому, что владѣтель бѣдствуетъ отъ здѣшней власти и убыточится повсядневно, обличаемъ будучи отъ многихъ христіанъ и язычниковъ, что служитъ священному величеству, и при всемъ томъ пребываетъ на службѣ безлѣностно и понынѣ". Отъ 15 ноября того же 1706 года Досиѳей прислалъ грамату государю, въ которой заявляетъ: онъ такъ долго не писалъ государю потому, что ранѣе писалъ обо всемъ боярину Головину, а недавно сообщилъ всѣ вѣсти въ письмѣ къ боярину Гавріилу Головкину, „и нынѣ, добавляетъ Досиѳей, новаго отсюду донесть неимѣемъ ничего". Правда онъ имѣетъ въ виду написать въ будущемъ государю „многая и нуждная о церковныхъ дѣлахъ", но теперь пишетъ и проситъ государя только объ одномъ, чтобы

онъ строго и рѣшительно запретилъ продавать плѣнныхъ шведовъ въ Турцію, чего никогда не дѣлаетъ никакое другое христіанское государство; если же найдутся ослушники его повелѣнія, то они пусть подвергнутся смертной казни. Въ заключеніе граматы Досиѳей замѣчаетъ: „мы здѣсь не токмо имѣемъ, елико возможно намъ, попеченіе о послѣ твоего царскаго величества, но и о людяхъ его, и много о томъ писать недоводитца“. Это была послѣдняя грамата Досиѳея въ Москву, такъ какъ 7 Февраля 1707 года онъ умеръ въ Константинополѣ.

Въ Москвѣ были въ высшей степени благодарны Досиѳею за присылаемыя имъ политическія вѣсти. На его граматы ему отвѣчали или бояринъ Головинъ или же, иногда, и самъ государь. Такъ 27 Сентября 1704 года Головинъ пишетъ Досиѳею: „по неотложной моей къ блаженству твоему должности и раболѣпному благоговѣнію разсудихъ, во объявленіе къ вамъ благоговѣнія моего, симъ писаніемъ отдати блаженству вашему раболѣпное и земное поклоненіе, моля Вышняго, дабы сохранилъ васъ на пользу всего православнаго жительства зѣло здраво и благоденствующе отъ всякаго противнаго случая. Увѣдали есмы крайнее попеченіе и радѣніе, которое имѣетъ блаженство ваше о дѣлахъ державнѣйшаго самодержца, государя моего милостиваго, толико отъ окончанія дѣлъ, елико изъ доношеній посла нашего, что подавая совѣты и наученія въ дѣлехъ царскаго священнаго величества, наставляетъ и научаетъ его отечески, яко же и самъ онъ пишетъ, пребывая благодаренъ наученіями и совѣты блаженства вашего; и то я, по рабской моей должности, тотчасъ донесъ пресвѣтлѣйшему моему самодержцу, что спознавъ, его величество порадовался не мало, и воздастъ всякими

своими царскими, Богу изволившу, пришедъ къ Москвѣ, благодареніи блаженству вашему. Подобательно и впредь желаетъ величество его, дабы попеченіе имѣлъ блаженство ваше о дѣлехъ его величества какъ прежде такъ и нынѣ, и посла его наставлялъ, о чемъ онъ проситъ ваше блаженство. . . . При семъ же, яко есмь обязанный и чадо ваше, за отеческое блаженства вашего благословеніе и письменное посѣщеніе, колѣнопреклоннѣ кланяюся, желая, дабы и впредь меня содержалъ во своей отеческой любви, яко служителя вашего усерднаго и послушнаго". Въ письмѣ отъ 28 Февраля 1705 года Головинъ пишетъ Досиѳею: „писанныя вашего блаженства въ Яссахъ въ Генварѣ мѣсяцѣ настоящаго 1705 года и присланныя съ знаменьщикомъ молдавскаго воеводы, какъ ко всемилостивѣйшему моему самодержцу, такъ и ко мнѣ письма, пріяхомъ любезно и дружески, и содержаніе ихъ любезно и подлинно выразумѣли, наипаче и радовахомся о частыхъ перемѣнахъ язычниковъ, которое объявилъ намъ блаженство ваше. Даждь Господи и большую напасть нечестивымъ ко освобожденію благочестивыхъ, котораго вседушно и искренно желаемъ, яко единовѣрніи и чада восточныя церкве. А за объявленіе намъ выше имянованныхъ радованій, вашему блаженству зѣло благодарствуемъ и оныя, когда объявлены и донесены были чрезъ мене священному и приснопочитаемому величеству, принялъ ихъ живаго гласа словеса ваша милостиво, яко же и прочія ваши совѣты настоящія же и прежде учиненныя . . .". Отъ 4 Іюля 1706 года Головинъ между прочимъ пишетъ Досиѳею: „благодаримъ блаженство ваше, что отъ своего добраго и отеческаго произволенія изволишь припоминать полезное величеству его; просимъ и опять писать то, что находишь

полезнымъ". Когда Головинъ умеръ и его мѣсто занялъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, то онъ немедленно обратился съ письмомъ къ Досиѳею, въ которомъ заявляетъ: „просимъ ваше блаженство дабы и впредь какъ прежде при господинѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, и съ нами имѣли чрезъ писанія свои собесѣдованія и несомнѣваемся, что блаженство ваше, по обычной своей ко всѣмъ отеческой склонности, соизволитъ на сіе непремѣнно; мы же, по возможности нашей, не пренебрежемъ явить подобающую вамъ службу нашу и знаки истиннаго послушанія нашего".

Писалъ Досиѳею благодарственныя за его службу граматы и самъ государь. Такъ въ Ноябрѣ 1704 года изъ Нарвы государь пишетъ Досиѳею: „граматы вашея святости, писанные къ намъ изъ Яссъ и присланные чрезъ гетмана нашего, мы воспріяли въ цѣлости и выслушали оныхъ любовно", и затѣмъ проситъ Досиѳея: „подобное и впреть чинити изволите, мы же никохта, яко доброму нашему о святомъ Дусѣ отцу и ревнителю православія, милостивно воспоминати присно не отрицаемся" и въ заключеніе проситъ еще присылать „подлинно" вѣсти о всемъ, что узнаетъ относительно вооруженія турокъ. Отъ 28 Февраля 1705 года изъ Москвы государь пишетъ Досиѳею: „блаженнѣйшій и премудрѣйшій владыко, господине, господине Досиѳее, святаго града Іерусалима и всея Палестины патріархо! Писаніе вашего блаженства, писанное въ Генварѣ 1705-го году, принялъ любезно, видя въ немъ исполненно доброжеланіе намъ и православнымъ. . . . Желаемъ и паки тожде попеченіе имѣйте о дѣлахъ нашихъ. Присемъ да дастъ Всемогущій блаженству вашему лѣта многа и спасительна. Сый по духу сынъ вашъ Петръ" [1].

[1] Книга наша: Сношенія Іер. патр. Досиѳея съ русск. прав. стр. 262—280.

Служа вѣрою и правдою, не жалѣя живота своего, русскому царю и правительству, какъ самый довѣренный и ревностный политическій агентъ, Досиѳей въ то же время не забывалъ внимательно слѣдить по прежнему и за ходомъ русскихъ церковныхъ дѣлъ, чтобы преподать, гдѣ нужно, совѣты, указанія, наставленія. Когда въ Іюлѣ 1700 года нашъ константинопольскій посолъ Украинцевъ, при возвращеніи въ Москву, былъ на прощаніи у патріарха, тотъ между прочимъ говорилъ послу, „чтобъ для дальняго разстоянія отъ царствующаго града Москвы поставленъ былъ епископъ въ Азовъ того ради, чтобъ христіанство распространялось и воспріимали отъ того епископа христіанское наученіе и имѣли въ сердцахъ своихъ страхъ Божій. А епископъ бы тотъ, живучи тамъ, ни въ какіе роскоши не вдавался и служителей у себя многихъ не имѣлъ, а поступалъ такъ, какъ подобаетъ епископу, и, ревнуя апостольскимъ слѣдованіемъ, пяче же распростирался ученіемъ своимъ и смиреномудріемъ“. Но этимъ словеснымъ наказомъ послу Досиѳей неудовольствовался. Отправляя въ томъ же 1700 году въ Москву своего племянника архимандрита Хрисанѳа, онъ писалъ съ нимъ государю: „уповаемъ слышати и уже слышали, что въ Азовъ святое и благомудрое царство ваше повелѣлъ быти митрополиту; а ведется быти и епископомъ по городамъ, потому что много епископовъ бываетъ причина, чтобъ были добрые и богомудрые, и дабы не учинили тягости царской казны, житіе ихъ чтобы было по древнему обычаю каѳолической церкви, сирѣчь, смиренные, а наипаче понеже суть сосѣди наши, чтобы было и житіе ихъ, якоже наше,—патріархи и здѣсь въ Царѣградѣ наипаче пѣши ходятъ. Архіереи суть нищіе и прежъ сего были, какъ познается отъ исторіяхъ и отъ собранія вселен-

скихъ соборовъ, что такъ нищіе были, что цари ихъ кормили, платья дорогія духовнымъ людемъ не пристойно, а носили такія платья иконоборцы. И буде изволить, прочтите правило шестое на десять вселенскаго седьмаго собора, которое весьма низвергаетъ. Тѣмъ же кратчайшій и Богомъ почтенный святый самодержче, мѣсто, которое взялъ мечемъ своимъ, почти апостольски, чтобы были и архіерей много, и чтобы были нищіе, якоже и апостоли, для правленія добраго тамошнихъ христіанъ". Это предложеніе Досиѳея было принято государемъ, который писалъ ему: „вашего блаженства по предложенію требуемъ того, чтобъ былъ въ томъ нашемъ градѣ Азовѣ престолъ митрополитанскій и къ тому подвластные епископіи изъ области вашего архипастырства изъ архіереевъ или священномонаховъ, которые бъ словенскаго языка и реченія знали, и могли бы тамошней странѣ нетолько что живущихъ христіанъ ко спасенію приводить, но и пограничныхъ бы народовъ изъ поганства въ благочестивую православную каѳолическую вѣру греческаго закона навращать и въ оной утверждати были довольни суть, и подъ властію своего по градомъ, гдѣ належати будетъ съ нашего повелѣнія, тѣ епископіи ученіемъ утверждати. И сего бы ради ваше блаженство, воспріявъ сего нашего царскаго величества граматою извѣстіе, въ тамошнихъ вашихъ странахъ избравъ житіемъ искусныхъ и въ свободныхъ наукахъ ученыхъ и въ словенскомъ реченіи знаемыхъ, изъ архіереевъ или архимандритовъ или изъ священномонаховъ, епископскаго сана достойныхъ, на тую именованную азовскую митрополію и для иныхъ епископій россійскихъ къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, отпустили бъ двухъ или трехъ человѣкъ; а мы великій государь, наше царское

величество, такихъ архіереевъ или архіерейскаго сана достойныхъ особъ и постояннаго житія всеисполненныхъ, когда присланы будутъ, съ премногою нашею милостію воспріяти и по достоинству удоволити ихъ будемъ". На это предложеніе государя вызвать съ православнаго востока образованныхъ, знающихъ славянскій языкъ лицъ, для занятія архіерейскихъ каѳедръ въ Россіи, Досиѳей отвѣчалъ: «въ еллинскихъ мѣстахъ таковыхъ нѣтъ: въ Сербіи и Булгаріи и въ окрестныхъ мѣстахъ сербы много зла терпятъ отъ іезуитовъ, и здѣсь въ Ерделіи называемый кесарь и августъ даетъ указы и повелѣваетъ православнымъ христіанамъ свободнымъ быти, но является лживымъ и лицемѣрнымъ, ибо иное говоритъ и иное творитъ; и сіе такъ должно быть вездѣ, гдѣ Римъ и гдѣ тотъ ложный царь римскій, имѣющій титло отъ лживаго епископа римскаго безъ всякой благословной вины и такъ онъ иное пишетъ и повелѣваетъ для православныхъ, а іезуиты иное творятъ, однако все съ его изволенія. Сербы же въ Ипеки находящіеся отъ нищеты, отъ войнъ, отъ податей какъ бы несуществуютъ. Только въ римлянахъ (т. е. грекахъ) обрѣтаются мудрые и истинно добродѣтельные люди, и изъ нихъ попечемся послать нѣкіихъ учителей младыхъ возрастомъ школы ради и мѣста. Когда они туда придутъ и услышится, что обрѣли милость вашего величества, пріидутъ послѣ нихъ и другіе и научатся удобно словенскому діалекту и употребитъ ихъ ваша боговѣнчанная и богоутвержденная держава гдѣ и какъ укажетъ" [1].

Когда умеръ патріархъ Адріанъ и мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола сдѣлался Стефанъ Яворскій, Досиѳей отнесся къ этому крайне подозрительно, опа-

[1] Турецкіе статейные списки № 27, л. 1252; Греч. дѣла 1700 г. № 1; 1702 г. № 1.

саясь какъ бы южно-руссъ Яворскій не былъ поставленъ въ московскіе патріархи, въ чемъ онъ видѣлъ угрозу чистотѣ московскаго православія, такъ какъ южноруссы, и между ними самъ Яворскій, были заражены, по его мнѣнію, латинскими воззрѣніями, воспринятыми ими въ латинскихъ школахъ. Въ виду этого Досиѳей въ 1702 году шлетъ царю очень настойчивый совѣтъ ни подъ какимъ видомъ неизбирать въ митрополиты, а тѣмъ болѣе въ патріархи изъ выходцевъ иностранцевъ, а только изъ природныхъ москвичей. „Если придутъ отъ сюда, пишетъ онъ царю, сербы, или греки, или отъ инаго народа къ вамъ, хотя бы случайно были мудрѣйшіе и святѣйшіе особы, ваше державное царствіе ни когда да не поставитъ митрополитомъ или патріархомъ грека, серба, или русянина, но москвитянъ, и не просто москвитянъ, а природныхъ многихъ и великихъ ради винъ, хотя бы и не мудрые были: по елику если патріархъ и митрополитъ добродѣтельны и мудры—великое добро; если же и не суть мудры, довлѣетъ имъ добродѣтельными быть, и да имѣютъ мудрыхъ клириковъ и въ иныхъ чинахъ. Наипаче же москвитяне суть хранители и хвалители своихъ догматовъ, но грекамъ и сербамъ и русянамъ не подобаетъ имѣть власть въ Московіи, ибо могутъ быть они и добры, но можетъ быть и противное. Къ тому же москвитяне хранятъ отеческую вѣру неизмѣнно, будучи не любопытательны и не лукавы; но тѣ странники, которые ходятъ здѣсь и тамъ, могутъ привнести нѣкія новости въ церковь, юже да сохраняя добрѣ, знаетъ великое ваше царствіе, какіе труды понесъ приснопамятный и присноблаженный, величайшій автократоръ, государь Алексій Михаиловичъ, отецъ вашего святаго царствія. Внемли убо святѣйшій и божественнѣйшій владыко, чтобы не возвести на великій

архіерейскій престолъ какого либо страннаго; и многоразумно сотворило великое ваше царствіе, что изъ Азова выслало онаго грека: да будетъ тамъ митрополитъ москвитянинъ природный, не лукавый и не любопытательный, и да имѣетъ русяновъ, грековъ и сербовъ учителями".

Обращеніемъ къ царю, чтобы въ патріархи и митрополиты на Руси не избирались греки, сербы, русяны и вообще иностранцы выходцы, а только одни природные москвичи, причемъ Досиѳей имѣлъ въ виду главнымъ образомъ подозрительнаго въ его глазахъ Стефана Яворскаго, онъ однако неограничился, а отъ 15 Ноября 1703 года онъ обратился съ граматою къ самому Яворскому. Въ ней онъ укоряетъ Яворскаго въ томъ, что онъ „на нѣкоторой трапезѣ со многими прохлаждаяся", причемъ присутствовали и нѣкоторые греки, „опорочилъ восточную церковь о совершеніи святѣйшія тайны благодаренія", что своимъ знаніемъ латинскаго языка онъ пользуется не для обличенія „латинскихъ басней", а чтобы смѣло и дерзостно писать противъ восточной церкви, какъ это видно изъ его сочиненій, которыя теперь находятся въ рукахъ Досиѳея; что Яворскій, еще будучи учителемъ въ кіевской школѣ, „положенія общая издалъ еси, противныя явно совершенію святыя тайны божественнаго благодаренія и иныхъ нѣкихъ". Далѣе Досиѳей объясняетъ, что онъ писалъ уже государю, чтобы не ставилъ въ Москвѣ патріархомъ ни грека, ни кого либо изъ Малой и Бѣлой Россіи, учившагося въ странахъ и школахъ латинскихъ, а только природнаго москвича. Грекъ не удобенъ для московскаго патріаршества уже по тому одному, что онъ иноязыченъ, а малороссы потому, что живя съ латинами „пріемлютъ многіе нравы и догматы оныхъ", чему живымъ примѣ-

ромъ служитъ самъ Яворскій. По этому московскій патріархъ долженъ быть природнымъ москвичемъ, такъ какъ патріархи московскіе всегда были строго православны, ни когда не уклонялись „ниже на право, ниже на лѣво“. Между тѣмъ, съ переходомъ церковнаго управленія въ руки Стефана, въ церквахъ уже объявились вѣянія, которыя восточная церковь, сирѣчь каѳолическая церковь, всегда отметала и отгоняла, а онъ, Стефанъ, боится обличать нововводителей, что смѣло дѣлалъ патріархъ Іоакимъ. По этому-то московскимъ патріархомъ и долженъ быть только москвичъ, „хотя бы и не мудрый въ церковныхъ дѣлахъ, довольно есть и то, что бы былъ разумный и смиренный и житія благочестиваго, и имѣя окрестъ себя мудрыхъ, сирѣчь, вѣдомыхъ церковныхъ нравовъ и догматовъ“. Въ заключеніе Досиѳей пишетъ Яворскому, что если онъ воистину исправится и докажетъ и словомъ и дѣломъ свое строгое православіе, „будешь и отъ насъ и отъ прочихъ братій (признанъ какъ) искренній архіерей и превозлюбленнѣйшій братъ“, но, прибавляетъ Досиѳей, подъ условіемъ удовольствоваться „токмо тѣмъ чиномъ, каторый нынѣ получилъ еси, нежелая ничего большаго“, т. е. патріаршества; въ противномъ случаѣ, т. е. еслибы Стефанъ и сдѣлался патріархомъ, „то, говоритъ Досиѳей, хотябы и казался во всемъ православнымъ, ниже мы, ниже прочіе святѣйшіе патріархи безъ церковнаго негодованія и полезной епитеміи будемъ терпѣти (тебя) во пристойномъ (до удобнаго) времени“.

Не смотря на эти граматы Досиѳея Яворскій по прежнему оставался мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, и казалось даже вѣроятнымъ, что царь сдѣлаетъ его московскимъ патріархомъ. Въ виду этого Досиѳей въ 1705 году снова обращается къ государю

съ настойчивымъ требованіемъ отрѣшить Яворскаго отъ занимаемой имъ должности мѣстоблюстителя патріаршаго престола. „Списокъ посланія, пишетъ Досиѳей царю, каково послали мы прежде къ господину Стефану, намѣстнику патріаршаго престола, да изволитъ прочести великое твое царствіе, выразумѣвъ укорителя и хульника восточныя, тажде рещи, каоолическія церкве, ругателя и хульника отцевъ и праотцевъ нашихъ, ругателя и хульника святыхъ, да сотворитъ отмщеніе блаженныхъ отцевъ и праотцевъ вашихъ и всѣхъ православныхъ, и да не понесетъ тое, еже оставити его въ такой чести, хотя и вспокается и напишетъ противная въ книгахъ хуленія своего, въ тѣхъ же да умолчаетъ и отъ чести пречестныя да лишается. А какія суть хулы его, объемлетъ книга, которая напечатана въ мултянской землѣ и написана на имя вашея великія и самодержавныя державы.“ Затѣмъ Досиѳей преподаетъ царю совѣты, кого ему слѣдуетъ избрать въ Московскіе патріархи. „Аще великое твое царствіе, пишетъ Досиѳей. имѣетъ намѣреніе учинити избраніе патріарха, да повелить, чтобъ не учинилося избраніе особы изъ казаковъ и (мало) россіянъ и сербянъ и грековъ, за не суть много смѣшени и сплетени съ схизматиками и еретиками, тѣмъ же ниже имутъ не лестна и чиста во всемъ православнаго догмата, но да повелите быти избранію особы изъ самаго москвича; а чтобъ былъ старъ и добраго гражданства (житія), за не москвитяне патріархи покамѣстъ были, хранили цѣлу православія проповѣдь; и чтобъ былъ такой человѣкъ, который смотрѣлъ бы одну токмо церковь, а отъ политичныхъ былъ бы отлученъ и не писался бы господинъ и патріархъ, но токмо архіепископъ и патріархъ; и хотя не будетъ филосовъ, довольно ему знати церковная, и можетъ

имѣти архіереевъ или клириковъ мудрыхъ, служащихъ ему. Есть и другое: что москвитяне патріархи какъ церкве, такъ и царства не бываютъ навѣтники и предатели. Есть и еще: да не явится въ мірѣ, что не оставалося потребныхъ людей изъ москвитянъ и возводятся странные на патріаршеской престолъ". Послѣ этого Досиѳей проситъ царя, чтобы онъ повелѣлъ патріарху: „елика новоуставившася (послѣ смерти царя Алексѣя Михаиловича) въ церкви яко же ваянная (шествіе патріарха на осляти въ Вербное воскресенье) и оныя комидіи, которыя составлены отъ нѣкоторыхъ въ праздники, игры папежскія, отъ сердца дьявольскаго произведенныя, или что иное причинилося, хотя велико, хотя не велико, дабы имѣлъ власть и указъ святѣйшій патріархъ истребить тая изъ церкви, и токмо бы оставилъ оная, яже бѣша древняя и отечественная". Въ то же время Досиѳей преподаетъ наставленія и о томъ, какъ слѣдуетъ самому царю относиться къ церковнымъ дѣламъ и правильно вести ихъ, именно онъ даетъ совѣтъ, „дабы имѣлъ великое и святое твое царствіе попеченіе единаго токмо государства и церковь бы всегда была мирна и безмятежна. Да повелитъ доблестно и твердо, за не если случится какое взысканіе церковное, да небудетъ рѣшеніе въ тамошнихъ странахъ, чтобъ не причинилися пренія и сумнительства и главолюбія царей, но дабы писана была грамата къ четыремъ святѣйшимъ патріархамъ, и потомъ да взыскуется рѣшеніе. Сіе, всеблагій государь, нѣсть новое и новоуставленное, но древнее и отечественное, потому что тако творили блаженные и приснопамятные отцы и праотцы святаго твоего царствія". Въ заключеніе своей граматы Досиѳей снова возвращается къ вопросу, ранѣе имъ не разъ уже предлагавшемуся вниманію русскаго правительства,

именно къ вопросу объ увеличеніи въ Россіи количества архіерейскихъ каѳедръ, причемъ онъ настаиваетъ что бы въ большихъ городахъ устроены были митрополитанскія каѳедры, съ зависящими отъ нихъ каѳедрами простыхъ епископовъ. „Молимъ, пишетъ Досиѳей, понеже великое и святое твое царствіе взялъ много мѣстъ у шведовъ, да не поставитъ архіерея тамо, но да поставитъ архіерея въ Петрополѣ, а другаго въ Нарвѣ, чтобы было удобнѣйшее церковное поученіе. Наипаче и сіе полезнѣйше есть, дабы былъ митрополитъ въ большихъ городахъ, а въ иныхъ епископы, подлежащіе митрополиту, и тако да возрастаетъ преданіе православные вѣры. И аще будетъ какое нибудь препятіе въ тамошнихъ странахъ—архіереевъ украшеніе и расходы многія, тогда сотворитъ власть вашего царскаго величества меньши, какъ имѣли то въ Царьградѣ архіерее во время святыхъ самодержцевъ, и яко же творимъ и мы, что расходы наши суть равны съ единымъ игуменомъ наименьшаго монастыря, и на одежды наши всѣ неизойдетъ пятисотъ копѣекъ. При семъ молимъ и просимъ о сихъ, добавляетъ Досиѳей, со всякимъ духовнымъ дерзновеніемъ вашу почтеннѣйшую и божественнѣйшую державу, и тмищно молимъ, да неотлучимся отъ того, понеже взыскуются, яко же речеся, отъ страны Божія и ради Бога“.

Не задолго до своей смерти, именно отъ 15 Ноября 1706 года, Досиѳей прислалъ государю грамату, въ которой заявляетъ, что онъ имѣетъ въ виду въ будущемъ нарочно писать государю „многая и нуждная о церковныхъ дѣлехъ“, но смерть помѣшала ему выполнить это намѣреніе [1].

Почти сорокъ лѣтъ патріархъ Досиѳей находился

[1] Греческія дѣла 1702 г. № 1; 1703 г. № 1; 1705 г. № 1; 1706 г. № 1.

въ постоянныхъ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Россіей, принимая самое живое и дѣятельное участіе въ ея церковной, государственной и общественной жизни. Если онъ, какъ выдающійся борецъ за православіе, какъ выдающійся писатель и ученый, какъ правитель-іерархъ, принадлежитъ православному востоку, то въ значительной степени онъ принадлежитъ и русской исторіи, какъ ея видный дѣятель.

Широки и постоянны были въ XVII вѣкѣ сношенія Россіи со всѣмъ православнымъ востокомъ: изъ разныхъ его мѣстъ шли въ Москву представители всѣхъ общественныхъ положеній и ранговъ,—шли патріархи, архіепископы, митрополиты, епископы, настоятели знаменитыхъ и незнаменитыхъ на востокѣ монастырей, шли простые иноки и разные бѣльцы; одни — чтобы испросить у русскаго царя милостыню на уплату долговъ своей епархіи или обители, другіе на выкупъ своихъ родныхъ, третьи для полученія милостыни на удовлетвореніе личныхъ нуждъ; иные шли въ Москву съ торговыми цѣлями, чтобы выгодно продать здѣсь привезенные ими по преимуществу „узорочные“ товары, иные шли чтобы временно пожить въ Москвѣ на даровыхъ царскихъ хлѣбахъ и питьяхъ, иные навсегда оставались въ Москвѣ или въ качествѣ царскихъ богомольцевъ, или въ качествѣ служилыхъ людей. Многіе изъ просителей милостыни старались стать къ русскому правительству въ возможно близкія отношенія: они вызывались быть тайными русскими политическими агентами въ Турціи, обязуясь разузнавать о всемъ, что въ ней дѣлается и доносить объ этомъ въ Москву. Русское правительство, неимѣвшее тогда въ Турціи своихъ постоянныхъ пословъ и, слѣдовательно, не могшее получать прямыхъ и постоянныхъ свѣдѣній о происходящемъ въ Турціи,

очень дорожило всѣми вѣстями изъ Турціи „о государевыхъ дѣлехъ“, и потому охотно принимало къ себѣ на службу разныхъ „гречанъ“, какъ тайныхъ политическихъ агентовъ. Послѣдніе по мѣрѣ силъ исполняли свою рискованную службу, въ видахъ полученія за нея платы отъ московскаго правительства, а также и въ видахъ послужить и своему угнетенному турками отечеству, такъ какъ на православномъ востокѣ все болѣе и болѣе распространялась и укрѣплялась та мысль, что московскій православный царь, единый теперь въ цѣломъ мірѣ, призванъ самимъ Промысломъ освободить всѣ православные народы отъ турецкаго ига, почему служить московскому царю, значитъ служить дѣлу освобожденія всѣхъ православныхъ народовъ. Но служба нашихъ политическихъ тайныхъ агентовъ въ Турціи обыкновенно не шла далѣе пересылки разныхъ случайныхъ политическихъ вѣстей, иногда очень мелочныхъ, неважныхъ или запоздалыхъ, и непровѣренныхъ. Кромѣ того большинство агентовъ служило Россіи по большей части очень недолго, прекращая всѣ сношенія съ московскимъ правительствомъ при первой малѣйшей опасности.

Совершенно иное положеніе относительно русскаго правительства занялъ въ этомъ отношеніи патріархъ Досиѳей. Онъ также былъ собственно тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Турціи, но былъ имъ непрерывно почти цѣлые сорокъ лѣтъ и не просто, какъ другіе агенты, только сообщалъ въ Москву, что узналъ и слышалъ, былъ не простымъ передатчикомъ вѣстей, а всегда сопровождалъ, какъ русскій государственный дѣятель, сообщаемое имъ своими разъясненіями и соображеніями, давалъ нашему правительству свои совѣты и указанія и, иногда, очень настойчиво и

рѣшительно, стремился направить внѣшнюю политику русскаго правительства по тому пути, который онъ считалъ лучшимъ, стремился заставить ее дѣйствовать тѣми способами и средствами, на которые онъ указывалъ, причемъ выражалъ очень мало охоты одобрять тѣ шаги русской политики, которые расходились съ его собственными планами и указаніями. Какъ политическій агентъ Досиѳей представляетъ изъ себя рѣдкій въ православномъ мірѣ типъ верховнаго іерарха церкви, погруженнаго въ политическія дѣла, ревностно и съ увлеченіемъ служащаго политическимъ интересамъ державы, подданнымъ которой онъ не состоитъ, при чемъ свою службу Россіи ему приходилось нести крайне осторожно, при постоянномъ опасеніи потерять не только свое патріаршее достоинство и честь, но и самую жизнь, такъ какъ при малѣйшей оплошности съ его стороны турецкое правительство предало бы его позорной казни какъ государственнаго измѣнника.

Патріархъ Досиѳей служилъ русскому правительству потому, что видѣлъ въ русскомъ царѣ преемника и продолжателя дѣятельности прежнихъ греческихъ благочестивыхъ царей, единственнаго теперь въ цѣломъ мірѣ защитника и поборника вселенскаго православія, которое неимѣетъ, помимо русскаго царя, другой опоры и другаго покровителя, который бы могъ стоять на стражѣ его интересовъ. Служить русскому царю, не щадя даже живота своего, служить ему беззавѣтно, даже до послѣдняго дыханія своей жизни, значило, по мнѣнію Досиѳея, служить вселенскому православію, значило содѣйствовать его преуспѣянію и процвѣтанію,— это обязанность такъ сказать религіозная, которая лежитъ на всякомъ православномъ человѣкѣ, отъ выполненія которой никто не можетъ уклониться — даже

самые верховные представители церкви — патріархи. Кромѣ того Досиѳей былъ горячій патріотъ, видѣвшій въ Россіи орудіе для освобожденія грековъ отъ турецкаго ига, такъ что служить Россіи, содѣйствовать развитію и укрѣпленію ея могущества, такъ или иначе помогать ей преодолѣвать своихъ враговъ, значило, по мнѣнію Досиѳея, подготовлять и содѣйствовать освобожденію своего народа. Этими воззрѣніями Досиѳея на призваніе русскаго царя и Россіи и объясняется, почему Досиѳей такъ горячо и дѣятельно занимался всѣми политическими дѣлами Россіи, почему онъ желалъ иногда дать имъ тотъ, а не другой ходъ и направленіе, почему онъ преподавалъ русскому правительству совѣты не только въ церковной и дипломатической сферахъ, но и поучалъ царя, какъ ему слѣдуетъ относиться къ казакамъ, давалъ совѣты относительно обученія войска, порицалъ воеводу Голицына за его военную недѣятельность въ Польшѣ противъ шведовъ, презрительно отзывался о тѣхъ, которые боятся бѣдствій войны, совѣтуя такимъ надѣть на себя монашескія камилавки и заниматься перевертываніемъ четокъ. И чѣмъ долѣе Досиѳей служилъ Россіи, чѣмъ глубже проникался онъ русскими интересами, тѣснѣе сливался съ ними, тѣмъ шире, разнообразнѣе и вліятельнѣе по отношенію къ Россіи становилась его дѣятельность, тѣмъ большее значеніе она получала въ глазахъ русскаго правительства. Въ Москвѣ не только дорожили тѣми вѣстями, которыя сообщалъ Досиѳей, но и внимательно прислушивались къ его политическимъ совѣтамъ и указаніямъ; всѣ наши послы, бывшіе въ Турціи во время патріаршества Досиѳея, такіе государственные мужи, какъ канцлеры Головинъ и Головкинъ, высоко цѣнили политическія услуги Досиѳея, считали его

своимъ благодѣтелемъ, всегда выражали ему свое глубокое уваженіе и почтеніе. Но этого мало. Самъ государь, Великій Петръ, признавалъ Досиѳея большимъ знатокомъ турецкихъ дѣлъ, умѣющимъ и получить о нихъ вѣрныя свѣдѣнія и хорошо понять ихъ смыслъ и значеніе въ приложеніи къ отношеніямъ Турціи къ Россіи; видѣлъ въ немъ человѣка тонко знавшаго политическія пріемы и тактику турецкаго двора, почему онъ и приказывалъ своимъ посламъ въ Турціи находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Досиѳеемъ и о всемъ съ нимъ совѣтываться, а Досиѳея просилъ во всемъ помогать нашимъ посламъ, подавать имъ свои совѣты и руководить ими въ затруднительныхъ случаяхъ. Въ то же время царь просилъ Досиѳея неопустительно писать къ нему въ Москву обо всемъ, что дѣлается въ Турціи, причемъ на граматы Досиѳея отвѣчалъ ему посланіями, въ которыхъ заявлялъ Досиѳею, что имѣетъ его „паче прочихъ всѣхъ о Христѣ возлюбленнаго отца и пастыря и великодушнаго мужа“, заявлялъ, „что его блаженство прославляется паче всѣхъ иныхъ архипастырей православныхъ“. Эти царскія посланія, которыми такъ дорожилъ Досиѳей, побуждали его еще ревностнѣе и беззавѣтнѣе предаться службѣ русскому царю, слово котораго онъ принималъ какъ слово самого Бога.

Но политическая дѣятельность не заслоняла собою въ Досиѳеѣ верховнаго іерарха церкви. Онъ, какъ одинъ изъ вселенскихъ патріарховъ, постоянно стоялъ на стражѣ всего вселенскаго православія, вездѣ и всюду наблюдая за его состояніемъ, за отношеніемъ къ нему иновѣрцевъ, за грозящими ему напастями и бѣдами, всѣмъ и всюду готовый помочь и словомъ и дѣломъ. По мнѣнію Досиѳея, „дѣло святыхъ патріарховъ есть—

имѣть попеченіе о всѣхъ церквахъ“ и что такъ какъ патріархи „господственная часть суще соборныя церкви“, то и обязаны „говорить о соборной церкви на всякомъ мѣстѣ и во всемъ мірѣ“. Особенно же къ этому призваны патріархи іерусалимскіе, которые, ради сбора милостыни, принуждены бываютъ посѣщать всѣ православныя страны и здѣсь лично знакомиться съ положеніемъ православія у разныхъ народовъ. „Проповѣдь евангельская, ученіе христіанъ благимъ нравамъ, утвержденіе ихъ въ православіи, обличеніе еретиковъ и вообще трудъ для общаго блага православной церкви“, составляетъ, по мнѣнію Досиѳея, преимущественное призваніе патріарховъ іерусалимскихъ, которые по преимуществу призваны быть стражами православія повсюду, борцами съ иновѣріемъ, учителями и наставниками всѣхъ православныхъ, ревностными охранителями во всемъ православномъ мірѣ древнихъ церковныхъ чиновъ и обычаевъ, такъ какъ, по заявленію Досиѳея, въ іерусалимской церкви по преимуществу сохраняется доселѣ ненарушимо все каноническое и церковное право и содержится древній чинъ и обычай православной церкви какъ неизмѣняемый образецъ. Но свою высокую миссію относительно всего вселенскаго православія іерусалимскіе патріархи могутъ выполнить только подъ условіемъ тѣснаго постояннаго единенія и общенія между частными православными церквами, когда ихъ представители будутъ находиться между собою въ непрерывныхъ постоянныхъ сношеніяхъ, когда всѣ, сколько нибудь важные и значительные вопросы, возникающіе въ той или другой помѣстной церкви, будутъ обсуждаться и рѣшаться съ согласія и голосомъ всѣхъ вселенскихъ православныхъ патріарховъ, такъ какъ только подъ условіемъ этого единенія и постояннаго

взаимообщенія разныхъ помѣстныхъ церквей между ними сохранится „союзъ любви и единеніе въ духѣ мира“, а „достоинство апостольской каѳолической вѣры останется не только не умаленнымъ, но и обновленнымъ и непоколебимымъ“. Самъ Досиѳей весь былъ проникнутъ этой идеей необходимости тѣсной связи и взаимообщенія всѣхъ помѣстныхъ православныхъ церквей, въ этомъ духѣ онъ всегда и дѣйствовалъ. Почти всѣ помѣстныя православныя церкви испытали на себѣ архипастырскую заботливость Досиѳея, но русская церковь привлекала къ себѣ его особенное вниманіе. Почти во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ и замѣтныхъ явленіяхъ русской церковной жизни послѣдней четверти XVII столѣтія и первыхъ годовъ XVIII, Досиѳей принималъ болѣе или менѣе живое и дѣятельное участіе. Возникъ у насъ вопросъ о возвращеніи патріаршаго достоинства Никону при посредствѣ восточныхъ патріарховъ, — Досиѳей является главнымъ устроителемъ и рѣшителемъ этого дѣла. Нужно было нашему правительству уладить съ константинопольскимъ патріархомъ дѣло о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху,—посредникомъ и въ этомъ дѣлѣ является Досиѳей. Пожелали въ Москвѣ открыть настоящую правильно устроенную школу,—къ Досиѳею обращаются съ просьбою подыскать для нея на востокѣ подходящихъ учителей, что онъ и исполняетъ. Возникаетъ у насъ вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ и возбуждаетъ горячіе споры,—Досиѳей присылаетъ въ Москву нѣкоторыя произведенія греческихъ церковныхъ писателей, которыя помогаютъ русской церкви прочнѣе и строже утвердить православное ученіе о времени пресуществленія св. даровъ. Доходятъ до Досиѳея вѣсти, что въ южно-русскую церковь вкра-

лись нѣкоторые непорядки, подъ вліяніемъ сожительства православныхъ съ латинами, — онъ немедленно обращаетъ вниманіе нашего правительства на эти непорядки и настаиваетъ, чтобы предприняты были рѣшительныя мѣры къ ихъ искорененію. Слышитъ Досиѳей, что на Руси появились раскольники, возмущающіе миръ церкви, стремящіеся порвать связи русской церкви съ греческою вселенскою, — онъ обращается къ государямъ (въ 1686 г.) съ наставленіемъ, чтобы они по примѣру своего отца „разрушили еретиковъ безграмотныхъ и бездушныхъ и даже убили ихъ“, такъ какъ, увѣряетъ Досиѳей, „хотя древніе и не убивали ересеначальниковъ“, но теперь другое время: „нынѣ сіе подобаетъ“. Досиѳей не разъ поучалъ нашихъ государей, какъ они должны относиться къ дѣламъ вѣры и церкви, какъ и какимъ путемъ должны рѣшать разные возникающіе церковные вопросы, поучалъ какихъ людей имъ слѣдуетъ избирать въ патріархи, настаивалъ, чтобы они въ интересахъ вѣры увеличили на Руси количество архіерейскихъ каѳедръ и т. под. Съ московскими патріархами Досиѳей желалъ поддерживать постоянную переписку, чтобы совмѣстно обсуждать текущія церковныя дѣла, улаживать возникающіе церковные вопросы и недоумѣнія, причемъ поучалъ ихъ относительно надлежащаго исполненія ими лежащихъ на нихъ патріаршихъ обязанностей, давалъ имъ нѣкоторые частные совѣты и указанія, такъ, напримѣръ, совѣтуетъ патріарху Адріану усилить миссіонерскую дѣятельность среди сосѣднихъ невѣрныхъ народовъ по примѣру папежниковъ, „монаси которыхъ во всемъ мірѣ обходятъ и превращаютъ цѣлые народы въ папежство“, совѣтуетъ позаботиться о защитѣ православныхъ въ Польшѣ, гдѣ ихъ тѣснятъ латиняне и т. под. Вообще Досиѳей

изъ своего далека внимательно наблюдалъ за всѣмъ ходомъ нашей церковной жизни, близко къ сердцу принималъ все происходившее у насъ въ церкви, всегда готовъ былъ преподать полезный совѣтъ, сдѣлать нужное указаніе, замѣтить неправильность и непорядокъ, при случаѣ предостеречь, наставить и обличить. Онъ хотѣлъ, чтобы не только русское государство было сильнымъ и могучимъ, но чтобы и русская церковь въ ученіи, во всемъ своемъ строѣ и жизни до послѣднихъ мелочей, была вѣрна ученію и обычаямъ вселенскаго православія, чтобы она ни въ чемъ, даже самомъ малѣйшемъ, не измѣнила завѣтамъ своихъ отцовъ. Если по отношенію къ русскому государству Досиѳей является его ревностнымъ слугою, готовымъ на всякую услугу и жертву ради его успѣховъ и усиленія среди другихъ народовъ, то относительно русской церкви онъ является попечительнымъ заботливымъ отцомъ, ревниво оберегающимъ свое любимое дѣтище отъ всякой малѣйшей опасности, желающимъ. чтобы ея жизнь шла настоящимъ правильнымъ путемъ въ интересахъ славы и процвѣтанія всего вселенскаго православія.

Наконецъ нельзя не указать еще на одну характерную сторону въ отношеніяхъ патріарха Досиѳея къ Россіи.

Досиѳей все время своего патріаршества провелъ въ борьбѣ съ иновѣрцами и особенно съ латинами, въ которыхъ онъ видѣлъ самыхъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ православія. Свою вѣроисповѣдную ненависть къ латинству и всему иновѣрному западу Досиѳей перенесъ и на все западное: на науку, нравы, обычаи,— не только западныя вѣроученія, но и западная наука, нравы и обычаи, казалось ему, могутъ гибельно и развращающимъ образомъ дѣйствовать на православныхъ.

Въ виду этого Досиѳей напрягалъ всѣ свои усилія оберечь русскую церковь, русское государство и общество отъ всякаго вліянія злотворнаго запада: не хотѣлъ, чтобы русскіе усвояли себѣ западную науку, чтобы они перенимали западные нравы и обычаи, чтобы они находились съ западными народами въ какихъ либо близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ, такъ какъ все это, по его мнѣнію, поведетъ въ концѣ концовъ или къ гибели православія на Руси или, по меньшей мѣрѣ, къ его искаженію особенно латинствомъ. Въ своихъ граматахъ къ нашему правительству Досиѳей не разъ настаивалъ на томъ, чтобы выходцевъ изъ южной Руси, воспитанниковъ латинскихъ школъ, въ которыхъ они, по его мнѣнію, необходимо заразились латинствомъ, не допускать въ московскомъ царствѣ до занятія іерархшихъ каѳедръ, а тѣмъ болѣе каѳедры патріаршей. Пусть патріархъ московскій, поучалъ Досиѳей, будетъ всегда природный москвичъ и даже человѣкъ неученый, лишь бы только не выходецъ и воспитанникъ латинскихъ школъ, каковъ былъ, напримѣръ, Стефанъ Яворскій. Досиѳею казалось, что при Стефанѣ Яворскомъ, мѣстоблюстителѣ московскаго патріаршаго престола, въ русскую церковь будто бы уже проникли нѣкоторыя латинскія новшества, какихъ въ ней не было при прежнихъ московскихъ патріархахъ. Но особенно Досиѳей боялся, чтобы въ московскую Русь, когда тамъ рѣшено было устроить правильную постоянную школу, не проникъ латинскій языкъ и вмѣстѣ съ нимъ еретическія западныя книги. Досиѳей крайне рѣшительно и настойчиво возставалъ противъ преподаванія въ московской школѣ латинскаго языка, доказывая, что русскимъ слѣдуетъ изучать только греческій языкъ, на которомъ писаны и св. писаніе и постановленія соборовъ и оте-

ческія произведенія и пр. Когда онъ узналъ, что посланные имъ въ Москву для учительства въ тамошней школѣ братья Лихуды преподаютъ тамъ и латинскій языкъ, то настоялъ предъ нашимъ правительствомъ объ устраненіи Лихудовъ отъ преподаванія и объ изгнаніи изъ московской школы латинскаго языка. Какъ сильно Досиѳей боялся за русскихъ, если они будутъ знакомиться съ западною литературою, видно изъ его наставленій патріарху Іоакиму, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не дозволялъ своимъ пасомымъ имѣть у себя и читать книги западныхъ писателей, такъ какъ въ нихъ содержится „скверное и безбожное ученіе папиныхъ поклонниковъ, или безбожное и скверное ученіе лютеровъ и кальвиновъ, понеже наполнены суть лести и лукавства и въ притвореніи благочестія имѣютъ ученіе безбожства". Досиѳей даже прямо совѣтуетъ Іоакиму розыскивать, отбирать и сожигать латинскія книги у всѣхъ кто ихъ имѣетъ, а владѣльцевъ и чтецовъ этихъ книгъ—казнить. Очевидно далѣе идти въ этомъ направленіи было уже некуда...

Но латинскій языкъ, западная наука и книги составляли еще далеко не всѣ тѣ пути, съ помощію которыхъ ересческій западъ могъ проникнуть въ православную Русь: оставалась еще возможность непосредственнаго соприкосновенія и общенія русскихъ съ западными народами, благодаря путешествіямъ русскихъ за границу и т. под. Съ удивленіемъ, „вопреки всякаго чаянія" услыхалъ Досиѳей объ отъѣздѣ самого русскаго царя въ западныя государства, но порицать этотъ шагъ царя конечно не смѣлъ. Но вотъ Досиѳей получаетъ извѣстіе, что царь посылаетъ своего сына—наслѣдника престола, въ Вѣну для обученія западнымъ наукамъ. Тутъ Досиѳей уже не выдержалъ и пишетъ

царю: „внемли божественнѣйшій и величайшій владыка не посылать изъ Москвы пресвѣтлѣйшаго сына вашего, да не пойдетъ въ чужія мѣста и научится не образованію, но иностраннымъ нравамъ, ибо не ложный сказалъ апостолъ: портятъ благія нравы злая сообщества. Приснопамятные отцы и праотцы святаго вашего царствія и богоутвержденное ваше царствіе ни отъ какихъ франковъ не учился обычаю и наукамъ, а владѣли и владѣете едва не всею вселенною, будучи крѣпки, велики, страшны и непобѣдимы. А оные франки, знающіе и образованные, что управили? только что ядятся и воюютъ между собою". Но и этимъ дѣло не кончилось. На православномъ востокѣ распространилась вѣсть, что будто бы русскій царь хочетъ женить своего сына на иновѣрной западной принцессѣ. Тогда, вѣроятно не безъ вліянія Досиѳея, подвигся даже самъ вселенскій константинопольскій патріархъ, чтобы предохранить царя отъ задуманнаго имъ гибельнаго шага и вообще отъ сближенія съ иновѣрнымъ западомъ, отъ чего окончательно могло погибнуть православіе на Руси. Патріархъ тайно послалъ къ нашему послу въ Константинополѣ Толстому довѣренное лицо, которое заявило послу, что патріарху „слышно учинилось", будто мѣстоблюститель патріаршаго престола въ Москвѣ — Яворскій „мудрствуетъ купно съ латыни и уже де нѣкоторые догматы утвердилъ согласно съ латынскимъ". Патріарху учинилось слышно и о томъ, „что нынѣ въ Москвѣ заведены школы латинскіе и многіе де есть езувиты и по домамъ честныхъ и благородныхъ людей учатъ дѣтей ихъ, такожде сообщились съ латыни платьемъ и прочимъ". Для устраненія этихъ непорядковъ на Руси, „отъ чего можетъ благочестію быть умаленіе", патріархъ уже думалъ было послать въ Москву

„архіереевъ двухъ или трехъ“, и только изъ боязни подозрительныхъ къ нему турокъ не могъ доселѣ исполнить этого своего намѣренія. Носится и еще одинъ слухъ, которому однако патріархъ и вѣрить отказывается: „говорятъ де въ народѣ, будто царское величество изволяетъ сына своего сочетать законнаго брака на сестрѣ цесаря римскаго? и ежели де сіе учинитъ, конечное де латинское мудрованіе въ россійскомъ государствѣ возрастетъ, а благочестіе умалится. И вельми де ему патріарху о томъ удивительно: чего ради царское величество въ государствѣ своемъ сыну своему не изволитъ изобрать невѣсту? или де мало въ Москвѣ благородныхъ честныхъ дѣвицъ избранныхъ и благочестивыхъ? и какія ради причины сопрящися крайнимъ свойствомъ со иновѣрными?“

Получалась, такимъ образомъ, очень характерная и любопытная картина: могучій геній Петра напрягалъ всѣ усилія шире и прочнѣе связать умственно-культурную жизнь Россіи съ образованнымъ западомъ, всячески заботился пересадить на Русь западную науку, западную образованность, болѣе утонченные западные нравы и обычаи. Въ сближеніи съ образованнымъ западомъ, въ усвоеніи русскими западной науки и всѣхъ знаній, онъ справедливо видѣлъ самое главное и дѣйствительное средство сдѣлать Россію сильною и цвѣтущею; наоборотъ: въ разобщеніи съ западомъ, въ отсутствіи на Руси научныхъ знаній и образованія, онъ видѣлъ настоящую причину ея сравнительной слабости, ея неспособности играть подобающую ей выдающуюся роль среди образованныхъ народовъ запада. Руководимый этимъ взглядомъ на необходимость для дальнѣйшаго развитія Россіи науки и образованія, Петръ вездѣ искалъ свѣдущихъ и образованныхъ въ западномъ

смыслѣ людей, поощрялъ всякое сближеніе русскихъ съ западомъ, всякое усвоеніе ими западнаго образованія и знаній, хотѣлъ имѣть и самихъ іерарховъ церкви изъ людей прошедшихъ настоящую школу, усвоившихъ западную науку, въ надеждѣ, что такіе іерархи будутъ у насъ насадителями образованія въ народѣ. Между тѣмъ въ это же самое время беззавѣтно преданный царю и Россіи ученый патріархъ Досиѳей напрягалъ всѣ усилія преградить на Русь доступъ западной наукѣ, западному образованію, западнымъ нравамъ и обычаямъ, хотѣлъ, на почвѣ вѣроисповѣдныхъ опасеній, построить между западомъ и Россіею прочную, непроницаемую стѣну, которая бы навсегда сдѣлала невозможнымъ всякое общеніе между православною Русью и иновѣрнымъ западомъ. Досиѳей хотѣлъ и настаивалъ, что если уже русскіе непремѣнно желаютъ учиться, то пусть они всѣ свои знанія черпаютъ изъ одного только греческаго источника, а такъ какъ у тогдашнихъ грековъ источники истинно научныхъ знаній уже давно пересохли и сами греки за научными знаніями обращались въ западныя школы, то Досиѳей и хотѣлъ низвести всю будущую русскую науку на одно усвоеніе церковно-богословскихъ греческихъ произведеній, находя такую образованность вполнѣ достаточною и пригодною для русскихъ; желалъ самихъ іерарховъ русской церкви видѣть лучше немудрыми и неучеными, нежели умудрившимися отъ изученія западной науки, такъ какъ онъ не могъ себѣ представить западной науки въ отвлеченіи отъ вѣроисповѣдныхъ особенностей, которыя, по его мнѣнію, невольно и необходимо усвояются всякимъ изучающимъ науку.

Очевидно патріархъ Досиѳей вовсе не понялъ и даже не замѣчалъ того переворота, который, подъ мо-

гучимъ воздѣйствіемъ Петра, уже видимо для всѣхъ, совершался тогда въ цѣлой русской жизни, очевидно онъ не понималъ тѣхъ культурныхъ, государственныхъ и общественныхъ задачъ и цѣлей, какія преслѣдовалъ геній Петра, стремившійся, чрезъ усвоеніе русскими западной науки и образованія, придать Россіи новую силу и мощь. Досиѳей воспитался на почвѣ библейско-византійскихъ воззрѣній на государство и царскую власть, его идеалъ правителя государства — это или библейскіе благочестивые цари или благочестивые цари греческіе, защитники и поборники всего вселенскаго православія, цари вмѣстѣ и архіереи, интересы вѣры и церкви ставившіе выше интересовъ гражданскихъ и государственныхъ, тѣ цари, которые въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе полагались на помощь Божію и которые за свое благочестіе и попеченіе о благочестіи прославляются церковію какъ святые. Только такихъ царей зналъ и признавалъ Досиѳей, только такого царя хотѣлъ онъ видѣть и въ Петрѣ. Очевидно Досиѳей, постоянно сносившійся съ Петромъ, не зналъ съ какимъ человѣкомъ онъ имѣетъ дѣло, незналъ того, что въ глазахъ царя Петра греческая нація была уже отжившею и выродившеюся, ея исторія правда очень поучительна для русскихъ, но не въ смыслѣ подражанія и заимствованія, а только какъ предостереженіе, какъ печальный опытъ, который русскимъ нелишне имѣть предъ глазами, чтобы избѣгнуть разныхъ ошибокъ, которыя окончательно погубили грековъ [1]. Досиѳей ни какъ не подозрѣ-

[1] Опредѣляя обязанности сената Петръ писалъ, что презрѣніе указовъ ничѣмъ не разнится съ измѣной, «такъ какъ въ концѣ оно приводитъ государство къ конечной гибели, какъ то въ греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ». «Должно всѣми силами благодарить Бога, говорилъ Петръ, при поднесеніи ему сенатомъ названія Великаго, Отца Отечества Императора всероссійскаго,—но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ во-

валъ и того, что побуждая царя, и довольно настойчиво, руководствоваться въ своей государственной дѣятельности исключительно примѣрами древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей, убѣждая его и всѣхъ русскихъ всячески устраняться отъ всякихъ связей и сближенія съ иновѣрнымъ западомъ, бѣгать западной науки и образованія, какъ крайне гибельныхъ для русской церкви и государства, что тѣмъ самымъ онъ достигалъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Изъ этихъ разсужденій, совѣтовъ и указаній безкорыстно и всецѣло преданнаго русскимъ интересамъ іерусалимскаго патріарха, человѣка во многихъ отношеніяхъ выдающагося и при томъ довольно ученаго, царь Петръ долженъ былъ убѣдиться, что при обновленіи всей русской государственной и общественной жизни—главной задачи его правительственной дѣятельности, греческій востокъ уже ничего не можетъ дать, что совершаемыя царемъ преобразованія въ русской жизни не найдутъ болѣе на востокѣ ни пониманія, ни вѣрной оцѣнки, ни тѣмъ болѣе содѣйствія и помощи, что необходимыя для этого силы и средства нужно искать уже не на православномъ востокѣ, а на иновѣрномъ западѣ, гдѣ теперь процвѣтаютъ необходимыя для Россіи науки и всякія знанія. Конечно въ церковно-религіозной сферѣ прежняя связь съ православнымъ востокомъ должна продолжаться въ прежней силѣ, русская церковно-религіозная жизнь должна служить только продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ древне гре-

енномъ дѣлѣ, дабы непмѣть жребія монархіи греческой». Въ одномъ изъ писемъ къ своему сыну Петръ писалъ: «не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равновѣрныхъ намъ грековъ: не отъ сего-ли пропали, что оружіе оставили и единымъ миролюбіемъ побѣждены и, желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ нескончаемую работу тиранамъ отдалъ». (Ист. Сол. XVI, 185; XVII, 166,390).

*

ческой церковно-религіозной жизни и идти далѣе, всегда въ тѣсной и не разрывной связи съ нею; но за то вся остальная русская жизнь: государственная, общественная и умственно-культурная, по скольку она не нарушаетъ основъ православія, должна уже идти инымъ путемъ, указываемымъ ей образованнымъ западомъ, такъ какъ въ этихъ сторонахъ нашей жизни, греки уже не могли быть, какъ въ жизни церковно-религіозной, нашими руководителями, наставниками и пособниками.

И въ виду того, что разные церковно-религіозные вопросы, въ XVII вѣкѣ такъ сильно занимавшіе и волновавшіе нашихъ предковъ и заставлявшіе ихъ обращаться къ грекамъ, какъ болѣе русскихъ компетентнымъ и авторитетнымъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ,—въ XVIII столѣтіи почти совсѣмъ не возбуждались, а на очередь выдвинулись совсѣмъ другіе вопросы, не имѣвшіе непосредственной связи съ церковно-религіозною жизнію, то, начиная почти съ самаго начала XVIII столѣтія, участіе грековъ въ русской жизни окончательно прекращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ вообще наши сношенія съ православнымъ востокомъ въ XVIII столѣтіи становятся уже не такъ обширны и часты, какими они были въ XVIII вѣкѣ. Даже самыя политическія услуги грековъ, которыми ранѣе такъ дорожило московское правительство и ради которыхъ оно старалось поддерживать возможно частыя и постоянныя сношенія съ православнымъ востокомъ, со-времени Петра, послѣ того какъ въ Константинополѣ стали жить постоянные русскіе послы, потеряли теперь всю свою прежнюю цѣну и значеніе, потому что постоянные русскіе послы въ Турціи, по выраженію одного указа государыни Елизаветы Петровны, наши дѣла „прямо портѣ чинимыми предложеніями въ лучшее и въ несравненное съ преж-

ними, когда грекамъ посредникамъ платили не малыя суммы, поведеніе приведены". Это конечно было справедливо. Такимъ образомъ случилось, что если патріархъ Досиѳей былъ самымъ преданнымъ, дѣятельнымъ и вліятельнымъ слугою русскаго правительства, воплотившемъ въ себѣ, такъ сказать, всѣ лучшія стороны и черты преданнаго интересамъ Россіи политическаго агента грека, то вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ собственно и послѣднимъ такого рода агентамъ, такъ какъ уже его племянникъ и преемникъ на іерусалимской каѳедрѣ— Хрисанѳъ сталъ къ русскому правительству въ иныя отношенія.

VII

Сношенія патріарха Хрисанѳа съ русскимъ правительствомъ.

Преемникомъ Досиѳея на іерусалимской патріаршей каѳедрѣ сдѣлался его родной племянникъ Хрисанѳъ, ранѣе два раза, въ качествѣ посла Досиѳея, побывавшій въ Москвѣ и потому хорошо уже извѣстный московскому правительству.

Отъ 17 Марта 1707 года новопоставленный патріархъ Хрисанѳъ прислалъ государю извѣстительную грамату о смерти своего дяди Досиѳея и о своемъ поставленіи на Іерусалимскій патріаршій престолъ. Въ ней онъ писалъ: „настоящаго писанія причина есть донесть высочайшему вашему самодержавному святому величеству, что, яко же мню, и отъ иныхъ донесено давно царскимъ вашимъ ушесамъ (да будетъ же здравіе и долгоденствіе священнѣйшей и самодержавной вашей главѣ), сирѣчь отъ привременныхъ въ вѣчное блаженство преставленіи истинно блаженнѣйшаго, всесвятѣйшаго и премудраго патріарха св. града Іерусалима господина, господина Досиѳея, дяди моего, богомольца теплаго и раба всегдашняго и мыслію и сердцемъ и душою вашего боговѣнчаннаго царскаго величества, которое дѣло, уповаю, опечалило и благоуробнѣйшее сердце святыя вашея державы, понеже былъ оный, приснопа-

мятный, въ любви и благоговѣніи вашея милости, понеже и блаженство его преклоняше колѣна его, моляся къ Богу и Отцу о жизни, побѣдѣ и благоденствіи самодержавнаго вашего святаго величества, и вовремя болѣзни его, даже и до послѣдняго его воздыханія, молитвы возсылалъ Господу нашему І. Христу паки о здравіи и на враги побѣдѣ вашей. Почи убо о Господѣ величайшее блаженство его въ 7 день прошедшаго Февраля мѣсяца, болѣзновавъ отъ претяжкаго катара 15 дней и погребенъ здѣ (т. е. въ Константинополѣ, откуда Хрисанѳъ и пишетъ государю) благолѣпно въ единой церкви, именуемыя Св. Параскевы. А между болѣзнованіемъ его, цѣлъ имѣя разумъ, повелѣ что надобно было ко управленію апостольскаго престола, о которомъ зѣло трудился, яко же и о всей восточной и апостольской церкви, а большее и съ бѣдою и самаго живота своего". Затѣмъ Хрисанѳъ переходитъ къ разсказу о томъ, какъ совершилось его собственное избраніе и поставленіе въ патріархи. „А по скончаніи его (Досиѳея), разсказываетъ онъ, понеже не належало (яко же знаетъ богопросвященная душа святаго вашего царствія) что бъ не былъ апостольской престолъ безъ правителя, учинивъ приговоръ правильный, подъ предсѣдательствомъ всесвятѣйшаго, почтеннѣйшаго вселенскаго патріарха и священнаго и святаго собора при немъ, и въ то время прилучившихся монаховъ и братіи всесвятаго Гроба и всему причту, общею мыслію, а наипаче по повелѣнію онаго во блаженномъ успеніи, судьбами, ими же вѣсть всѣхъ Богъ, возведенъ я на апостольскій и святѣйшій патріаршій престолъ святаго града престола, въ которомъ возведеніи, дабы не слѣдовалъ какой соблазнъ и возмущеніе, а потомъ убытокъ св. Гроба, зѣло радѣли — высочайшій и христолюбивый господарь мунтянскій,

вѣрнѣйшій, усерднѣйшій и истиннѣйшій рабъ святыя вашея державы, такъ что, еслибы небыло помощи высочества его, учинилось бы великое возмущеніе и было бы убытку втрое и вчетверо противъ того, что стало, за не и до отшествія отъ сего свѣта онаго блаженнѣйшаго превеликаго патріарха, писалъ высочество его всесвятѣйшему и достопочтенному вселенскому патріарху и къ другимъ лицамъ, которые имѣютъ мочь у здѣшней порты, зане, по представленіи блаженнаго дяди моего, иной да невозведется на патріаршескую сію власть, кромѣ кесарійскаго (т. е. Хрисанѳа, который былъ предъ избраніемъ въ патріархи кесарійскимъ митрополитомъ). Повелѣлъ такожде и здѣшнимъ господамъ своимъ, чтобъ предстательствовали о семъ дѣлѣ прилежно, что бы получило полезное окончаніе, какъ и учинилось Божіею милостію; но какъ учинилось возведеніе и воспріялъ онъ о томъ вѣдомость, паки со усердіемъ великимъ представилъ меня чрезъ писанія свои ко всякой персонѣ, гдѣ належало, и такимъ способомъ мирно окончилось сіе дѣло. Возведеніе учинилось здѣсь въ апостольскомъ и патріаршескомъ константинопольскомъ престолѣ, понеже ради случаевъ времене невозможно было ѣхать мнѣ во св. градъ Іерусалимъ, чтобъ было посвятиться отъ своего тамошняго святаго собору, которое такъ учинилось и когда совершилось возведеніе и онаго блаженныя памяти". Затѣмъ Хрисанѳъ опредѣляетъ тѣ отношенія, въ какія онъ желалъ бы стать къ русскому правительству и самому государю. „И такъ благополучнѣйшій и священнѣйшій превеликій самодержецъ, пишетъ Хрисанѳъ, учинился наслѣдникъ святѣйшаго престола патріаршаго давно знаемый и вѣрный рабъ и теплый богомолецъ божественныя вашея державы, и молю колѣнопреклонно

дабы имѣть изволилъ меня въ царской своей милости въ христолюбивомъ милосердіи и во оборонѣ своей, зане и я на всякое время обрѣтаюся и молитвенникъ теплый вашего царскаго величества и рабъ вѣрный, яко же былъ и блаженныя памяти дядя и государь мой, а наипаче и съ большею должностію, понеже сподобилъ царствующихъ Царь и поклонился самолично превеликой вашей державѣ, и имѣю царскую вашу персону не живописану предъ очами своими, но изображену въ незабытной моей памяти и разумѣніи всегда, понеже не токмо азъ, но и весь здѣшній православный родъ, по Бозѣ, къ вашему превеликому царскому величеству и живемъ и дыхаемъ, и Божественный промыслъ да сподобитъ и намъ видѣть день оный, котораго желалъ видѣть и блаженнѣйшій оный, а не сподобился". Въ заключеніе грамоты, сказавъ о томъ, что онъ собирается ѣхать въ разныя страны для сбора милостыни на помощь св. Гробу, пишетъ: „съ духовною дерзостію писать буду царской и святой вашей державѣ".

Вмѣстѣ съ грамотою государю Хрисанѳъ прислалъ еще грамоты къ царевичу Алексѣю Петровичу съ прошеніемъ о содержаніи его, патріарха, въ своей милости и къ Гавріилу Ивановичу Головкину съ увѣдомленіемъ о смерти дяди, патріарха Досиѳея, о своемъ вступленіи на патріаршій престолъ, о распечатаніи имъ писемъ, адресованныхъ прежнему патріарху и о своей готовности поступать по нимъ такъ, какъ поступалъ дядя его.

Самъ государь отвѣчалъ Хрисанѳу на присланную имъ грамоту:

„Блаженнѣйшій и святѣйшій господине, господине святаго града Іерусалима и всея Палестины патріархъ, господине Хрисанѳъ!

„Возвѣстительное намъ отъ вашего блаженства о возведеніи вашемъ на святый и апостольскій престолъ іерусалимскій писаніе съ немалою сердца нашего радостію выразумѣли, и благодаримъ вышняго Творца, аще и по предвѣчному своему промыслу изволилъ воспріять въ вѣчныя обѣщанныя своя обители его приснопамятное и нами достойно почитаемое блаженство господина, господина и отца киръ Досиѳея, патріарха іерусалимскаго, а вашего блаженства вселюбезнѣйшаго дядю, о чесомъ по человѣчеству, ради преизрядныхъ его качествъ и христіанскія къ намъ и государству нашему ревности, по премногу соболѣзнуемъ (ему же да будетъ вѣчная и блаженная память). Обаче не оскудѣла надежда въ достойномъ управленіи, яко по наслѣдію возведеннаго вашего блаженства на святый іерусалимскій престолъ, паки въ томъ утѣшаемся, радуемся прочее и благопривѣтствуемъ вашему блаженству, дабы въ дарованной вамъ свыше святой духовной власти всемогущій Творецъ и Богъ даровалъ и во управленіи вашемъ святыя апостольскія церкве силу, крѣпость и утверженіе съ приращеніемъ стада вашего.

„Извышеимянованнаго вашего блаженства писанія съ веліимъ удовольствіемъ выразумѣли мы подражательную склонность, которую по наслѣдію воспріяли есте отъ приснопамятнаго и блаженнѣйшаго отца и дяди вашего, желаемъ убо дабы и ваше блаженство, яко наслѣдникъ престола его блаженства, тако по обѣщанію и ревности своей христіанской, подражая стопамъ его, въ дѣлехъ нашихъ изволилъ прилагать всякое свое тщаніе и радѣніе, яко уже какъ прежде сего, такъ и по возведеніи на сей святый престолъ достойнохвально началъ еси, еже мы въ незабвенной и доброй памяти содержать обѣщаемъ и всякое церковное вспомо-

женіе подавать готовы есмы. Въ чемъ надѣемся, что блаженство твое, яко намъ самоличнѣ знаемый, паче и паче потщишися приложить благоподражательную свою къ намъ склонность и о дѣлехъ нашихъ попеченія неоставиши. При семъ молитва и благословеніе вашего блаженства да будетъ съ нами.

По духу сынъ вашъ
Петръ.

Апріль 30 день 1707 году.

Вмѣстѣ съ государевой послалъ Хрисанѳу грамату отъ себя и Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, къ которой изъявляетъ сожалѣніе о преставленіи дяди Хрисанѳа—Досиѳея, поздравляетъ его съ восшествіемъ на патріаршій іерусалимскій престолъ, благодаритъ его за предложеніе своихъ услугъ въ пользу Россіи, причемъ пишетъ: „несумнѣваемся убо, яко ваше блаженство изволите тожъ тщаніе и радѣніе прилагать въ дѣлехъ монарха нашего, подражая блаженнѣйшему патріарху и дядѣ вашему, а мы, по должности нашей, его царскому величеству, государю нашему милостивѣйшему, доношеніе въ томъ чинить обѣщаемся".

Получивъ грамату государя отъ 30 Апрѣля, Хрисанѳъ незамедлилъ прислать (отъ 28 Сентября) государю отвѣтную благодарственную грамату, въ которой прежде старается выразить свою великую радость и благодарность по поводу полученія имъ царской граматы. „Толикую радость, пишетъ онъ, принялъ я въ тотъ день, которой, какъ началъ жить, не имѣлъ никогда, а ни потомъ не получу больше сія, потому что въ тое самое время и изъ той граматы выразумѣлъ двѣ вещи: первое, доброе и преблагополучное здравіе и благоденствіе священнаго вашего величества, котораго хоті желаютъ и хотятъ и иныя нѣкоторыя по особливому

желанію изъ нихъ есмь и я, богомолецъ и рабъ вашъ, не давая никому не токмо первенства, но едва и равенства въ томъ. Второе, что выразумѣли изъ оной покланяемой граматы, въ коликую глубину смиренства достизаетъ высота самодержавныя и священныя вашея царскія души, понеже всякое реченіе оныя граматы иного неявляло, кромѣ крайняго благоутробія и жалованья царскаго. Конечное и священное ваше царское величество не имѣетъ въ божественномъ своемъ тѣлеси и иныя души, токмо нѣкую изъ оныхъ душъ древнихъ храбрыхъ и богоподражательныхъ людей; и знатно есть, что Божественный промыслъ восхотѣлъ показать въ сія времена такую изрядную и сицевую персону въ мірѣ семъ, дабы показалъ, что еще пребываютъ въ натурѣ своей особливыя сѣмена древнихъ оныхъ храбрыхъ мужей, которымъ весь свѣтъ удивлялся и удивляетца. Того ради отъ сихъ божественныхъ дарованій склонялось царское величество писать ко мнѣ такъ милостиво, такъ царски, того ради не могій я принесть инымъ способомъ достойнаго благодаренія съ крайнимъ молчаніемъ молю изъ глубины души и сердца Господа господствующихъ и Царя царствующихъ, да подастъ боговѣнчанной вашей главѣ долгую жизнь, долгое благоденствіе, и да покоритъ подъ ноги ваша всякаго врага и супостата видимаго и невидимаго, да подастъ мнѣ царское величество прощеніе, что я вскорѣ не отвѣтствовалъ на благопочитаемое ваше и священное писаніе, а причина, чтобъ неотяготить вашего царскаго ушеса. Писалъ я къ сіятельнѣйшему вашему ближнему боярину господину Гаврилу Ивановичу Головкину. А инако весьма есмь готовъ къ службѣ вашаго царскаго величества, и сіе обѣщаю сохранить во всю мою жизнь истинно и вѣрно; и о семъ радуюсъ и веселюся, что

Богъ святый сподобилъ меня видѣть и поклонитись пресвѣтлому вашему царскому лицу самоличнѣ и сочислятися между вѣрными и ближними вашими и богомольцы и рабы".

Послѣ этихъ выраженій радости, по случаю полученія царской граматы, послѣ увѣренія неизмѣнно служить государю всю свою жизнь, Хрисанѳъ далѣе пишетъ государю: „благочестивѣйшій превеликій самодержецъ! готовлюсь я ѣхать во св. градъ Іерусалимъ для посѣщенія апостольскаго и святѣйшаго онаго престола и для утѣшенія тамъ обрѣтающихся православныхъ; то поелику отдаляюсь отъ сихъ странъ и отъ Царьграда, то, что казалось мнѣ нужнымъ объявить вашему величеству, подробно писалъ я въ письмѣ сіятельнѣйшаго ближняго вашего боярина господина Головкина, и если изволите, благоволите выслушать. Только сіе объявляю вашему царскому величеству, что весь православный народъ, подъ владѣніемъ тиранскимъ обрѣтающійся, пребываетъ въ великой бѣдности, скорби и нуждѣ, и иного необрѣтаетъ утѣшенія и отрады, кромѣ что по Бозѣ уповаетъ безъ замедленія видѣть освободителя своего, новаго Моисея, ваше непобѣдимое и державное величество (которое ради сего родилось и прислано въ міръ по божественному предвидѣнію) отъ рукъ не фараонскихъ и мучительскихъ, но чувственныхъ діаволовъ и звѣрей, и дабы показалъ великосильный Богъ часъ оный, когда примутъ въ земли свои православныя освободителя ихъ и воспѣлибъ и воскликнули: благословенъ грядый во имя Господне царь израилевъ, что, съ единой стороны, имѣя оное за подлинное радуемся и утѣшаемся, а съ другой стороны, видя замедленія отъ причинъ времени сего, которыя такъ принуждаютъ бывать дѣламъ, отъ

немощи человѣческой печалимся. Едино токмо утѣшеніе осталось въ сихъ странахъ, — мунтянская земля, ибо имѣетъ правителей благочестивыхъ и разумныхъ, а наипаче вѣрныхъ рабовъ самодержавныя вашея державы, хотя весьма ихъ нудятъ мучители разными образами; но если бы были иные, была бы и та земля какъ и волошская, которая пришла въ послѣднее разореніе".

Вмѣстѣ съ граматою Хрисанѳъ прислалъ государю Св. мощи: часть отъ священныя главы Св. Іакова Персянина, ради апостольскаго благословенія, четыре плата шитые волоченымъ золотомъ, воду іорданскую въ мѣдномъ сосудѣ и другія вещи. Царевичу Алексѣю Петровичу Хрисанѳъ прислалъ образъ Богоматери рѣзной съ алмазами и жемчугами и золотомъ кругомъ въ ящикѣ серебряномъ, церковь св. Христова Воскресенія и церковь св. Виѳлеема съ раковиннами, описаніе храма св. Воскресенія и св. града Іерусалима и окружныхъ мѣстъ и прочихъ монастырей, которые обрѣтаются нынѣ за городомъ Іерусалимомъ.

Прислалъ патріархъ Хрисанѳъ особую грамату изъ Яссъ, тоже отъ 28 Сентября, и боярину Гавріилу Ивановичу Головкину, въ которой прежде всего такъ опредѣляетъ свои отношенія къ русскому правительству: „вѣдай высочество ваше, что какъ насъ сподобилъ Господь Богъ самоличнѣ поклонитись божественной державѣ дважды въ царствующемъ градѣ Москвѣ, всего себя мы по Бозѣ отдали въ службу священныя державы истиною и правдою, елика силы нашея есть и время зоветъ, какъ оное познали всѣ разумные люди священнаго самодержавнаго величества, иные, которые были въ Константинополѣ и въ Адріанополѣ, а иные суть нынѣ присутствуя. И сколько жилъ блаженный владыко дядя нашъ, купно служили мы въ потребныхъ

дѣлехъ, а какъ оный блаженной отъиде ко Господу, однѣ мы паки тожъ дѣйствуемъ во всѣхъ потребахъ, которые имѣлъ вельможный вашъ посолъ въ Царьградѣ, не токмо въ отдачѣ и пріемѣ писемъ, но и въ иныхъ тайныхъ вѣдомостяхъ, которыя всегда объявляли помянутому вельможному послу, какъ самъ онъ то знаетъ. И сіе чинено сколько времени мы обрѣтались въ Царьградѣ, а какъ отъѣжали въ сія страны, оставили мы человѣка вѣрнаго тамъ, къ которому посылатца имѣютъ отъ знаемыхъ друзей и ваши письма, а онъ будетъ отдавать въ руки послу и паки пріимать отповѣди и посылать до рукъ ихъ же безопасно, какъ и по нынѣ дѣлаетца. Иного хотя мы не писали къ высочеству вашему, однако чаемъ, что есть вѣдомо".

Сказавъ о своихъ отношеніяхъ къ русскому правительству, Хрисанѳъ разсказываетъ затѣмъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ: „Какъ мы призваны были, пишетъ онъ, къ многопопечительному бремени апостольскаго онаго престола, имѣли потребу ѣхать во святой градъ Іерусалимъ, посѣтить тамошнихъ православныхъ христіанъ по правильному закону, но невозмогли тотъ-часъ, какъ для исправленія нѣкоторыхъ дѣлъ у порты, такъ и отъ того, что намъ учинилися харчи по обыкновенію, какія бываютъ при перемѣнѣ особъ патріаршихъ; также расходы по построенію лавры Св. Саввы, на которое пошло по нынѣ 70 мѣшковъ; имѣютъ быть намъ иждивенія превеликія, когда поѣдемъ туда къ бусурманамъ, а наипаче наростъ стараго долгу. Хотимъ начать и нѣкое новое строеніе нужное въ Іоппіи, которое необходимо для сохраненія въ немъ православныхъ богомольцевъ, пріѣзжающихъ повсягодно во св. Іерусалимъ, отъ нападеній арабскихъ; а если бы не начали починять, то впредь богомольцы

туда ѣздить не будутъ и остановится доходъ св. Гроба. Для исправленія всего этого едва довольно будетъ 100 мѣшковъ левовъ, изъ котораго числа иные имѣемъ въ готовности, а иные не имѣемъ. Сего ради принуждены мы пріѣхать въ сіи страны какую либо помощь получить, а именно: отъ благочестивѣйшаго господаря мултянскаго и христолюбиваго онаго господарства. Здѣшнее же господарство, волошское, почитай пришло къ совершенному раззоренію и не имѣетъ силы управить себя, не только помогать другимъ. Сего ради съ Богомъ Святымъ имѣемъ намѣреніе тотчасъ, какъ пріѣдетъ нынѣшній новый господарь сюда, (который еще не выѣхалъ изъ Царяграда), безъ замедленія поѣдемъ въ мултянскую землю, а оттуда въ Царьградъ для приготовленія пути въ св. градъ Іерусалимъ. Если возможемъ быть тамъ на св. Пасху или не возможемъ отъ какихъ либо временныхъ причинъ, то, взявъ св. Пасху въ Царѣградѣ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ поѣдимъ сухимъ путемъ. Поелику имѣемъ удалиться отъ сихъ странъ, за благо показалось намъ написать о всѣхъ сихъ дѣлахъ къ вашему высочеству, чтобы донесли священному величеству, не будто онѣ безвѣстны были его величеству, но для того, чтобъ и мы отдали должность свою склоняясь христіанскою любовію и духовною дерзостію, которую, надѣемся, что имѣемъ у васъ".

Затѣмъ патріархъ извѣщалъ боярина: 1, что оставляетъ по отъѣздѣ своемъ въ Царьградѣ вѣрнаго секретнаго человѣка, „который бы чинилъ ту службу всегда и разумно и вѣрно, чрезъ тѣхъ же старыхъ и вѣрныхъ друзей"; 2, о послѣ у порты, Петрѣ Андреевичѣ Толстомъ, какъ вѣрномъ старательномъ человѣкѣ, привыкшемъ уже къ обычаямъ турецкимъ и людямъ тамошнимъ, чтобъ его не перемѣняли. 3, проситъ не вѣрить

въ искренность намѣреній турокъ о сохраненіи мирнаго договора: „хотя они притворяются, что хранятъ договоръ съ царскимъ величествомъ, однако сіе дѣлаютъ понеже непозволяетъ ихъ время поступать инако, ради междоусобной ихъ брани и другихъ причинъ. А какъ имъ время послужитъ, первое намѣреніе ихъ есть начать противъ васъ войну". 4, О истребленіи, прежде войны съ турками, татаръ, если только царь желаетъ войны съ ними, чрезъ такой образъ дѣйствій онъ получитъ себѣ много союзниковъ и успѣхъ въ борьбѣ, „въ маломъ времени получитъ держава ваша приращеніе дивное и преславное, и приметъ подъ владѣніе свое всю ту страну, которою владѣютъ турки въ землѣ турской; и сіе говоримъ по человѣческому разсужденію, надѣяся, что и Богъ Святый будетъ спомощникъ". 5, О необходимости храненія мира съ Портою во время войны государя съ Швеціею и Польшею. 6, „Когда Богъ благоволитъ и учинится посолъ въ странахъ, если провинціи оныя русскія, гдѣ суть православные русаки въ державѣ короля польскаго, первая и особая статья въ договорѣ чтобъ была, дабы впредь неименоватися уніи проклятой, но жили бы православные безъ препятствія въ вѣрѣ своей, и треклятый Шумлянскій, который учинилъ толико мятежа въ церкви Христовой, явився новый предатель Іуда, чтобъ былъ сосланъ въ дальнія страны сибирскія, и тамъ или бъ спасался, если покается, или, если останется въ ереси своей, еще живъ будучи чтобъ отвѣдалъ начатки вѣчнаго мученія, что, дай Боже, чтобъ услышали мы безъ мотчанія. И сіе есть главнѣйшее дѣло доношенія нашего....". 7. Патріархъ проситъ неоставить, послѣ отъѣзда его, находящагося при русскомъ послѣ въ Царградѣ нѣкоего скорняка, вѣрнаго и рачительнаго че-

ловѣка, служащаго для принятія и отдачи царскихъ граматъ патріарху.

Въ заключеніе граматы патріархъ, увѣдомляя боярина о подаркахъ посланныхъ имъ государю и чертежѣ Св. града Іерусалима, котораго просилъ у него царевичъ Алексѣй Петровичъ, говоритъ: „а что бы намъ чаще писать къ великому государю и къ вашему высочеству (т. е. Головкину) и безопасно, сдѣлали мы сію цифирь, посылаемъ и образъ печати. И какъ придетъ къ вамъ какое письмо, въ которомъ есть та печать, вѣдомо буди, что есть наше писаніе, а съ лица печать какая нибудь, только бы что была сія внутри, къ тому жъ: которое письмо имѣетъ съ лица кругъ, тое къ великому государю, а которое имѣетъ треугольный знакъ, есть къ высочеству вашему, и сіе всегда да будетъ за подлинное“.

Получивъ это письмо, Головкинъ поспѣшилъ отвѣтить Хрисанѳу особымъ отъ себя посланіемъ, въ которомъ благодаритъ его за доброе желаніе и расположеніе къ московскому государству и затѣмъ пишетъ: „впредь прошу вашего отеческаго наставленія, аще что благоусмотрите на пользу въ дѣлехъ монаршихъ, сообщать намъ по божественной ревности благоволите, что имѣть будемъ за особливую вашего блаженства высокую склонность. А о прочихъ дѣлехъ, какъ намъ ваше блаженство мудро и свято предлагаетъ, письмено доносимъ царскому величеству, и какое его величества о оныхъ рѣшеніе будетъ, впредь блаженству вашему для извѣстія донесемъ“. А такъ какъ Головкинъ въ донесеніи Хрисанѳа обратилъ особенное вниманіе на его сообщеніе, что турки готовятся разорвать миръ съ Россіей, то и проситъ его въ особенности наблюсти за этимъ обстоятельствомъ и все нужное сообщить ему въ Мос-

кву. Отвѣчая на это послѣднее предложеніе Головкина, Хрисанѳъ пишетъ ему изъ Бухареста отъ 13 Января 1708 года: „сіе объявляемъ, что конечно турки усмотряютъ времяни и способу поднятца противъ васъ, однако нынѣ не видитца явнаго приготовленія, которое какъ наименьшее належитъ объявлено быть во всемъ ихъ государствѣ за годъ, потому что зѣло добрѣ знаютъ съ кѣмъ имѣютъ всчать войну. И естьлибъ они признавали, что легко было бъ имъ такое дѣло, давно бъ объявили мысль свою и не посмотрѣлибъ на договоры, ни на присяги, ни на дружбу, по природному и древнему ихъ обыкновенію. Того ради нынѣ молчатъ и по неволѣ и притворяются будто хранятъ дружбу и договоры, а тѣмъ только время усматриваютъ; а наипаче усматривая, къ какому окончанію имѣютъ придти и нынѣшнимъ лѣтомъ поступки великаго государя и шведскія и поляковъ Лещинскаго, и тогда паки имѣютъ поступать, какъ время ихъ научаетъ. Однако подлинно есть, что непрестаютъ всегда укрѣплять городы свои порубежныя, разсуждая, что можетъ приключиться внезапно, что ни есть, и имъ. Однако такъ или инакъ, зѣло полезно и прибыльно есть, буде есть способъ и возможно какъ нибудь, дабы великій государь помирился съ сими странами какъ скорѣе, понеже хотя, какъ выше писали есмы, и сами турки не видитца, чтобъ имѣли какое приготовленіе нынѣ, однако могутъ дать позволеніе татарамъ, чтобъ учинили они какое возмущеніе, гдѣ время ихъ позоветъ, и слышно есть сіе...“. Затѣмъ Хрисанѳъ извѣщаетъ Головкина, что ѣдетъ въ Іерусалимъ чрезъ Константинополь, „и въ чемъ повелите намъ и возможно намъ, будемъ радѣть о всякомъ дѣлѣ великаго государя и будемъ давать всякую вѣдомость и совѣтъ вельможному вашему послу,

*

чтобъ онъ доброе око имѣлъ во всемъ, какъ бывало и мы прежде сего обрѣтались въ Царьградѣ, а уѣзжая во Св. градъ Іерусалимъ оставимъ тамъ человѣка разумнаго и вѣрнаго въ службѣ великаго государя для пріему и отдачи писемъ". Въ заключеніе Хрисанѳъ пишетъ: „буди и сіе увѣдомленіе, что переѣхавъ за Дунай, по старому нашему обыкновенію безъ великой нужды часто писать не будемъ ни къ великому государю, ни къ вашему высочеству, понеже если что приключитца ко объявленію отъ насъ, дадимъ знать послу вашему и общимъ пріятелямъ, и такъ будетъ отправлятись всякое дѣло и легче и безопаснѣе".

Отъ 15 Марта 1708 года самъ государь такъ отвѣчалъ Хрисанѳу на присланныя имъ граматы:

Блаженнѣйшій и святѣйшій владыко, святаго града Іерусалиме и всея Палестини патріархо господине, господине Хрѵсанѳъ!

Всесвященное и пречестное вашего блаженства писаніе, даное предшедшаго 1707 году Сентября въ 28 день къ намъ донесено, котораго мы содержаніе и обстоятельства охотно выслушали, премного радуяся отеческой вашего блаженства къ намъ склонности и о дѣлѣхъ нашихъ попеченіи, того ради великое благодареніе отдаемъ вашему блаженству. Прочее что изволили вы къ господину графу Головкину (писать), все подробну и подлинно прочли и выразумѣли. О усердіи блаженства вашего къ намъ давно мы нзвѣстны, и о семъ аниже сумнѣваемся, но имѣемъ блаженство ваше яко прежелаемаго нашего отца и православія ревнителя. О путьшествіи блаженства вашего во святой градъ Іерусалимъ выразумѣли, и дай Боже дабы было на пользу и утѣшеніе тамо обрѣтающихся православныхъ христіянъ. А на вспоможеніе настоя-

щаго путьшествія вашего повелѣли мы послать къ блаженству твоему нѣсколько соболей, и да изволите блаженство ваше оныя принять въ доброй склонности, ибо и паки не оставимъ во благопристойное время вспомогать, яко же христіанская наша должность требуетъ. Святыню и дары блаженства вашего, какъ роспись явствуетъ, а именно: главу Іакова Персянина якожъ многоцѣнное сокровище, такожъ и прочія дары приняли и благодарствуемъ отеческіи.

При семъ по духу сынъ вашъ

П.

Марта въ 15 день 1708 году.

Съ своей стороны и графъ Головкинъ отъ 15 Марта 1708 года писалъ патріарху Хрисанѳу: „превеликую радость и веселіе сочинило мнѣ священнѣйшее и мнѣ всечестнѣйшее вашего блаженства писаніе, писанное въ день прошедшаго Февраля (Января?) 1708 году, въ которое двѣ вещи мнѣ объявляютца: первое, прежелаемое мнѣ здравіе блаженства вашего; второе, на требованіе мое подлинная отповѣдь и рѣшеніе на сумнительства, намъ отъ иностранныхъ дворовъ заданные, сообщено есть, которое охотно прочетъ, веліе благодареніе воздаемъ вашему блаженству, что изволилъ воспріять толикій трудъ—возвѣщеніе намъ мысли нечестивыхъ турокъ и изъявленіи всего подробну, о которомъ, уповая на отеческую вашу любовь, вопросилъ я, понеже разсѣялось слово, хотя и ложно было, однакожъ имѣя блаженство ваше и другихъ нашихъ друзей яко вѣрнѣйшихъ, того ради благословно показалось намъ открыти вамъ оное, какъ слово огласилось и писано къ намъ изъ нѣкоторыхъ странъ. И такъ рѣшеніе и отповѣдь вашу на вопрошенныя отъ меня дѣла пред-

ставилъ и объявилъ его царскому величеству, такожъ и совѣтъ вашъ о настоящей войнѣ съ шведами. И сіе все его царское величество изволилъ принять зѣло благопріятно, какъ въ собственномъ своемъ къ вашему блаженству листѣ отвѣтствуетъ, а наипаче, что блаженство ваше, отъѣхавъ въ Константинополь, обѣщаетца послу его царскаго величества подавать всякій совѣтъ и мнѣніе къ лучшему исправленію дѣлъ монаршескихъ, о чемъ ниже сумнѣваемся, но всегда благонадежны пребываемъ, что блаженство ваше, божественною ревностію подвиженъ и подражая блаженныя памяти дяди своему ревностнымъ поступкамъ и любви ко благочестію, всегда не оставитъ предлежащаго своего намѣренія исполнить".

На эти граматы государя и Головкина Хрисанѳъ отвѣчалъ особою граматою государю отъ 19 Сентября того же 1708 года, въ которой онъ извиняется предъ государемъ за свое долгое молчаніе. „Прошу божественнѣйшій самодержецъ, пишетъ Хрисанѳъ, непостави во гнѣвъ, что не учинилъ отповѣди на разстояніи толикаго времени, а наипаче что не благодарилъ за посланное ко мнѣ жалованье отъ богатодарныя десницы вашея, которое принялъ въ цѣлости отъ истиннаго христолюбца и вѣрнаго вашего раба, мултянскаго господаря. Причина той мѣшкости слѣдовала отъ страха нынѣшняго султана и визиря, которые такое нынѣ гоненіе воздвигли на св. мѣста и просто на православныхъ, что давно въ царскія ваши ушеса донесено. Но о томъ ниже теперь пространнословлю, ниже о иныхъ дѣлахъ, поелику, что надлежало, писалъ я изъ волошской земли. Турки, лицемѣрствуя дружбою, домогалися многообразно иною дорогою опять взять подъ власть свою Азовъ, но вышняя сила, помогая и въ семъ вашей царской державѣ,

осуетены стали. Однакожъ о сихъ и прочихъ дѣлехъ, понеже мню, что пишетъ господарь мунтянскій, а къ тому и посолъ вашъ, то уже нетреба царской вашей державѣ иного доносити, окромѣ токмо, во первыхъ, что благодарю царскому величеству за посланную ко мнѣ милость; второе, что завтра, въ 20 день сего мѣсяца, отъѣзжаю отсюды во Іерусалимъ, гдѣ за Божіею милостію пріѣхавъ, всегда и особно и обще совсѣмъ честнымъ священствомъ апостольскаго онаго престола будемъ приносити безкровныя жертвы Богу и Отцу во всѣхъ честныхъ и поклоняемыхъ мѣстахъ о здравіи, державѣ, побѣдѣ и пребываніи боговѣнчанныя вашея главы, воинства и всего христоименитаго народа. Третіе же и послѣднее: колѣноприпадательно молю, да обрѣтаюся всегда въ царской вашей благоувѣтливой и христоподражательной любви, которую паки и множицею да соблюдетъ вышній промыслъ благополучно, щастливо, пресвѣтла, преславна, ревнителя и грознаго врагамъ побѣдоносца отъ востока солнца даже до западъ [1].

Въ 1711 году встрѣчается еще одна грамата Хрисанѳа, присланная имъ къ графу Головкину. Но такъ какъ она была писана условною цифирью и непереведена, то содержаніе ея остается совсѣмъ неизвѣстнымъ. Затѣмъ всякая переписка Хрисанѳа непосредственно съ московскимъ правительствомъ окончательно прекращается вплоть до 1728 года.

Такимъ образомъ оказывается, что Хрисанѳъ, занявъ патріаршій іерусалимскій престолъ по смерти своего дяди Досиѳея, и ранѣе уже находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ, постарался на первыхъ же порахъ стать къ нему въ тѣже самыя отношенія, въ какихъ къ нему находился

[1] Греческія дѣла 1707 г, № 1 и 1708 г. № 1.

Досиѳей. Онъ вступаетъ въ непосредственную переписку съ царемъ и канцлеромъ „какъ рабъ вѣрный“ государя, заявляетъ, что весьма есмь готовъ къ службѣ вашего царскаго величества и сіе обѣщаю сохранить во всю мою жизнь истинно и вѣрно“, и въ подтвержденіе этого присылаетъ въ Москву разныя политическія вѣсти о турецкихъ дѣлахъ. Наше правительство, уже ранѣе хорошо знавшее Хрисанѳа, охотно принимаетъ его предложеніе служить въ Турціи русскимъ интересамъ,— самъ царь пишетъ ему отъ себя особыя граматы и вызываетъ и поощряетъ его на дальнѣйшую службу русскому правительству, къ тому же приглашаетъ его и канцлеръ Головкинъ, такъ что между Хрисанѳомъ и русскимъ правительствомъ сразу устанавливаются тѣже самыя близкія отношенія, какія ранѣе установились при Досиѳеѣ. И вдругъ эти отношенія совершенно неожиданно и безъ всякой видимой причины прекращаются.

Чтобы хотя отчасти понять, какимъ образомъ могло произойти это совершенно неожиданное обстоятельство, мы обратимся къ отпискамъ нашихъ пословъ въ Турціи, такъ какъ въ этихъ отпискахъ есть нѣкоторыя указанія, служащія къ разъясненію интересующаго насъ вопроса.

Подобно Досиѳею Хрисанѳъ, сдѣлавшись патріархомъ, вошелъ въ близкія и постоянныя сношенія съ нашими послами въ Турціи, помогая имъ своими свѣдѣніями и совѣтами, служа посредникомъ при передачѣ бумагъ отъ нашего правительства посламъ и наоборотъ, такъ что въ этомъ отношеніи онъ, казалось, вполнѣ замѣнилъ собою умершаго Досиѳея. Такъ именно смотрѣлъ на него и нашъ тогдашній посолъ въ Турціи— Петръ Андреевичъ Толстой. 9 Февраля 1707 года Хрисанѳъ прислалъ Толстому письмо, въ которомъ извѣщаетъ

его о смерти своего дяди Досиѳея, о своемъ избраніи въ патріархи и затѣмъ пишетъ: „зѣло изрядно знаетъ о семъ превосходительство ваше, что еще будучи архимандритомъ и митрополитомъ, всегда обрѣтался въ служеніяхъ божественнѣйшаго повелѣніемъ блаженнѣйшаго владыки, о чемъ и нынѣ вамъ объявляю, что въ чемъ нибудь будетъ потребовать превосходительство ваше, со усердіемъ мнѣ тое да объявляетъ, какъ и оному блаженныя памяти; и когда изволятъ посылать письма ко божественнѣйшему чрезъ пріятелей, да присылаеши ихъ ко мнѣ и со всякимъ радѣніемъ пошлются, зане имѣю особливый долгъ служить божественнѣйшему въ чемъ могу, понеже сподобился поклонитися и видѣть очевидно самодержавное и святое его лице“. Въ отвѣтномъ письмѣ (отъ 10 Февраля) Толстой, поздравляетъ Хрисанѳа со вступленіемъ на патріаршій престолъ, выражаетъ глубокую скорбь и печаль по поводу смерти Досиѳея, а вмѣстѣ и увѣренность, что и онъ, Хрисанѳъ во всемъ и всегда будетъ помогать ему — послу. 28 Февраля Хрисанѳъ пишетъ Толстому, который „стужалъ“ его объ отсылкѣ писемъ: „мы и во время онаго блаженные памяти споспѣшествовахомъ въ чемъ могли есмы, и отнынѣ впредь со всяческимъ усердіемъ и любовію вящею имѣемъ желаніе служить божественнѣйшему и вашему превосходительству“, и затѣмъ просить у посла совѣта, слѣдуетъ ли ему письменно извѣстить царя о своемъ вступленіи на патріаршество или нѣтъ, и если слѣдуетъ, то съ кѣмъ послать грамату: съ монахомъ или съ свѣтскимъ патріаршимъ человѣкомъ или чрезъ пріятелей и т. п. 25 Февраля Толстой отвѣчаетъ Хрисанѳу: „несумнѣваемся владыко святый, что ваше блаженство воистину усерднѣйшій доброхотъ божественнѣйшему величеству и намъ яко отецъ“ и затѣмъ со-

вѣтуетъ ему писать отъ себя грамату государю и послать ея съ чернецомъ. 11 Марта Толстой пишетъ Хрисанѳу, чтобы онъ разузналъ про нѣкоторыя дѣйствія турецкаго правительства, про которыя ходятъ слухи, но онъ ничего достовѣрнаго про нихъ не знаетъ. Хрисанѳъ разузнаетъ, что слѣдуетъ, и о результатахъ сообщаетъ послу. Вообще между Толстымъ и Хрисанѳомъ устанавливается правильная постоянная переписка, какая ранѣе существовала между Толстымъ и Досиѳеемъ, и Толстой былъ очень доволенъ службою и раденіемъ о государевыхъ дѣлахъ со стороны Хрисанѳа, когда послѣдній былъ въ Константинополѣ. Отъ 19 Іюня Толстой пишетъ въ Москву къ канцлеру Головкину: „святѣйшій іерусалимскій патріархъ обрѣтается въ мултянской землѣ и когда здѣсь былъ, усердно великому государю работалъ, также и нынѣ усердствуетъ, и оставилъ здѣсь опредѣленіе чрезъ кого мнѣ къ вамъ посылать письма. Такъ же надѣюся и ваши письма (еже изволите ко мнѣ посылать) будетъ ихъ онъ, патріархъ, съ пріятелями ко мнѣ управлять сохранна“. Отъ 12 Августа Толстой пишетъ Головкину: „еще вамъ доношу: іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ трудится въ дѣлехъ великаго государя съ великимъ усердіемъ, и достойно и праведно объявляю, что весьма усердствуетъ въ потребныхъ дѣлехъ“.

Въ виду великаго усердія Хрисанѳа къ государевымъ дѣламъ и расположенія его къ послу Толстому, послѣдній задумалъ сдѣлать для Хрисанѳа особенно пріятное—хлопотать предъ турецкимъ правительствомъ о возвращеніи грекамъ отнятыхъ у нихъ латинянами св. мѣстъ въ іерусалимѣ. Явившись 14 Апрѣля 1709 года къ визирю Толстой между прочимъ говорилъ ему: „Явно всѣмъ, что де порта оттаманская имѣла вели-

кую прежде сего славу отъ того, что де во Іерусалимѣ святые поклонные мѣста держали подданные ихъ греки и вельми де удивительно, еже де какъ порта оную славу изволила уступить постороннему государю; и не для какой иной причины сіе чинится, токмо де по щастію пословъ французскихъ, здѣсь пребывающихъ, понеже де оные за то отъ своего государя пріемлютъ многую милость. И можетъ де быть, что крайней визирь изволитъ о семъ сказать, что де и прежде сего такъ бывало чинено; и то де подлинно такъ бывало, обаче де сіе чинилось по любви крайнихъ визирей къ посламъ французскимъ; а когда который посолъ французской не любовно здѣсь къ которымъ либо крайнимъ визиремъ поступалъ, тогда самымъ дѣломъ крайніе визири оныхъ наказывали, еже де оные поклонные мѣста, изъ рукъ католицкихъ отнимая, отдавали своимъ подданнымъ грекамъ во одержаніе. И отъ того де король французскій явно познавалъ, что де посолъ его, сдѣсь пребывающій, не ласково съ портою поступаетъ и вскорѣ де такого посла своего отсюду перемѣнялъ, и такимъ образомъ послы французскіе за неласковые съ портою поступки отъ крайнихъ визирей зѣло преразумно были наказываемы. Обаче де нынѣ видится все вышереченному противное и къ тому де не пристойно вельми, чтобы де во области салтанова величества имѣть власть другому постороннему государю, понеже де всей имперіи единъ самовластный императоръ—его салтаново величество. Обаче де все сіе въ воли крайняго визиря, какъ де изволитъ, такъ со всѣми здѣсь пребывающими послами поступаетъ". На эту рѣчь посла визирь отвѣчалъ: „а что де онъ, посолъ, говоритъ о поклонныхъ во Іерусалимѣ мѣстахъ, о томъ де онъ, визирь, желаетъ вѣдать, по указу-ли де царскаго величества о томъ го-

ворить, или де отъ себя?“ На это Толстой заявилъ, что о поклонныхъ мѣстахъ говоритъ отъ себя, но ранѣе отъ государя была объ этомъ просьба къ султану Мустафѣ, къ визирю и муфтію и порта тогда обѣщалась со временемъ исполнить просьбу государя, хотя де до сего дня ничего не сдѣлала, „а нынѣ крайній визирь что изволитъ, да учинитъ“. На это визирь сказалъ: „аще ли де нынѣ желаетъ царское величество, чтобы де оные поклонные іерусалимскіе мѣста по желанію его величества отданы были во одержаніе грекамъ, то де подобаетъ царскому величеству отъ своея страны показати къ сторонѣ салтанова величества крайнюю любовь и увѣрить де потребно, чтобы де явно показались знаки ненарушимаго содержанія мирныхъ договоровъ“. Посолъ увѣрялъ визиря въ крайней любви государя къ султану и просилъ, что бы и визирь, съ своей стороны, показалъ свою любовь и пріятельство уступкою Св. мѣстъ грекамъ. Визирь соглашался дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, если отъ государя будетъ прислана одна грамата съ подтвержденіемъ неизмѣнно соблюдать мирный договоръ, а другая съ просьбою о возвращеніи грекамъ Св. мѣстъ: „Когда де оные граматы сюда достигнутъ, увѣряетъ де онъ, визирь, что оные поклонные мѣста, по желанію царскаго величества, отдадутся грекомъ немедленно, ибо де желаетъ онъ, визирь, что бы де оную славу, которую нынѣ имѣетъ отъ порты король французскій, лучше бы имѣлъ царское величество, понеже де оный король не почитаетъ любви по достоинству“. Толстой обѣщалъ визирю немедленно писать объ этомъ государю. И дѣйствительно, письмомъ отъ 16 Апрѣля, онъ извѣщаетъ графа Головкина о своемъ разговорѣ съ визиремъ и проситъ его прислать

[1] Турецкія дѣла, связка 8, 1707 г., №№ 2—3.

царскую грамату о Св. мѣстахъ, такъ какъ де моментъ теперь для этаго дѣла очень удобный. Въ отвѣтъ на представленіе Толстаго государь послалъ къ султану особую грамату, въ которой увѣряетъ его о своемъ твердомъ держаніи мирнаго договора съ портою и проситъ, чтобы и султанъ прислалъ такую же свою грамату о держаніи имъ мирнаго договора и чтобы свою любовь къ миру заявилъ особымъ дѣломъ: передачею Св. мѣстъ отъ латинянъ грекамъ. „Ваше салтаново величество, писалъ царь, распространите тѣмъ свою славу самодержавія и милости къ подданнымъ своимъ, намъ покажите ясно доводъ пріязни своей и истиннаго намѣренія къ содержанію постановленнаго между нами и обоими государствы нашими мирныхъ договоровъ“. Въ посланной въ то же время (26 Іюня 1709 г.) инструкціи послу Толстому повелевается о Св. мѣстахъ: „домогаться тебѣ, чрезвычайному послу нашему, при дворѣ салтанова величества съ прилежаніемъ“ относительно возвращенія грекамъ Св. мѣстъ и обо всемъ, что онъ успѣетъ сдѣлать по этому дѣлу, писать въ Москву.

Писалъ посолъ Толстой о Св. мѣстахъ и патріарху Хрисанѳу въ тотъ же самый день (т. е. 14 Апрѣля), какъ имѣлъ разговоръ съ визиремъ. „Неимѣю времени писать довольно, едино возвѣщаю, что дѣла божественнѣйшаго изрядно исправляются и уже непріятели принуждены желать примиренія. Измѣнникъ Мазепа въ конечномъ отчаяніи пребываетъ. Мои дѣла здѣсь изрядно отправляются помощію Божіею и вашими молитвами. Аще бы я могъ самъ писать по гречески, объявилъ бы вамъ нѣкоторое обрадованіе, обаче хотя и не могу ясно объявить только жъ молю васъ: молите Бога, да совершитъ дѣло, которое началось о поклонныхъ мѣстахъ вскорѣ, какъ я и уповаю, и тако молю да будетъ сія

тайна хранима съ великимъ опасеніемъ воеже бы ни кто могъ познати до совершенія“ [1]. Но эти благія намѣренія нашего посла и правительства относительно возвращенія грекамъ Св. мѣстъ не были приведены въ исполненіе, потому что въ это время, послѣ Полтавской битвы, шведскій король и гетманъ Мазепа бѣжали въ Турцію и все вниманіе нашего посольства при турецкомъ дворѣ было исключительно сосредоточено на этихъ лицахъ.

Такимъ образомъ патріархъ Хрисанѳъ сразу сталъ и къ нашему послу въ Турціи въ тѣ же самыя отношенія, какія установились при его дядѣ Досиѳеѣ. Подобно Досиѳею онъ находится съ нашимъ посломъ въ постоянной перепискѣ, сообщаетъ ему нужныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Турціи, служитъ посредникомъ при передачѣ разныхъ бумагъ отъ посла къ нашему правительству и обратно; нашъ посолъ, съ своей стороны, видитъ въ Хрисанѳѣ человѣка вполнѣ вѣрнаго преданнаго интересамъ русскаго правительства, человѣка, на котораго онъ можетъ въ своей посольской дѣятельности вполнѣ положиться. Но такія отношенія между Хрисанѳомъ и нашимъ посольствомъ въ Турціи продолжались однако очень не долго. Еще въ Іюлѣ 1708 года Толстой писалъ канцлеру Головкину: „святѣйшій іерусалимскій патріархъ пребываетъ въ Константинополи, однако жъ со мною зѣло рѣдко изволяетъ корреспондовать, и можетъ быть что имѣетъ опасеніе отъ визиря, понеже сей визирь человѣкъ вельми суровъ и ко христіяномъ люто не ласковъ, а наипаче ко всѣмъ иноземцомъ, здѣсь пребывающимъ, поступаетъ великою жестокостію“ [2]. Въ этихъ словахъ посла уже слышится нѣкоторый упрекъ Хрисанѳу въ равнодушіи

[1] Тур. дѣла связка 10, 1709 г. № 1.—[2] Тур. дѣла, связка 9, 1708 г. № 1.

къ дѣламъ государя, хотя посолъ и старается оправдать поведеніе патріарха его боязнію предъ суровымъ къ христіанамъ визиремъ. Затѣмъ случились и другія обстоятельства, которыя должны были значительно понизить степень довѣрія нашего правительства къ преданности іерусалимскаго патріарха русскимъ интересамъ.

Нѣкто грекъ Лука Кириковъ, бывшій тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Константинополѣ, между прочимъ, отъ 11 Декабря 1711 года, писалъ канцлеру Головкину, что турки желаютъ мира съ царемъ, „для того говорили патріарху іерусалимскому, дабы онъ персонально поѣхалъ на дворъ господъ пословъ московскихъ и говорилъ бы имъ съ добрымъ раціямъ какъ христіанинъ, дабы Азовъ отдали и миръ ненарушимъ. Онъ же, патріархъ, *хотя чаю и мало доброжелательный христіанинъ*, просилъ у визиря и отказалъ, что онъ за подозрѣніе московскимъ посломъ пойти не можетъ, токмо будетъ имъ писать, которой и писалъ съ немалымъ раціемъ, на што господа послы отвѣтствовали“, что Азовъ невозвращается туркамъ единственно потому, что турки не высылаютъ изъ своей страны шведскаго короля. Эту отписку Кириковъ послалъ съ грекомъ Георгіемъ Эргакіемъ, который, прибывъ въ С.-Петербургъ 22 Февраля 1712 года, секретно заявилъ здѣсь канцлеру Головкину слѣдующее: „ѣхалъ онъ изъ Царяграда въ мултянскую землю и когда былъ въ Бухарестѣ, тогда ночью приходилъ къ нему одинъ человѣкъ, закрывъ лице свое, только очи свои показалъ и говорилъ: вѣдаетъ онъ, что Эргакій ѣдетъ къ его царскому величеству и сего ради объявляетъ ему подъ присягою, что бы увѣдомилъ его царское величество, что по повелѣнію салтана турскаго, по наущенію ко-

роля шведскаго, велѣно господарю мултянскому (валахскому) послать нарочно двухъ человѣкъ изъ греческихъ купцовъ въ россійское государство, подъ именемъ купеческимъ, будто для торговаго промысла, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы они всякими мѣрами промышляли высокую персону его царскаго величества чрезъ отраву умертвить (отъ чего всемогущій Богъ да сохранитъ), за что ему, мултянскому господарю, отъ порты обѣщано вѣчно имѣть господарство и его наслѣдникамъ. Господарь, по тому повелѣнію и по своимъ злымъ поступкамъ, двухъ грековъ послалъ для сихъ злыхъ промысловъ; а какъ тѣхъ грековъ зовутъ, когда и въ какія мѣста отправлены, о томъ ему Эргакію не объявилъ. Потомъ ѣхалъ онъ чрезъ седмиградскую землю и Польшу, а когда пріѣхалъ во Львовъ, то грекъ Евѳимій о томъ же дѣлѣ ему подъ присягою объявилъ и сверхъ того сказалъ, что дядя графа Ѳомы Кантакузина, Михаило Кантакузинъ, послалъ съ письмами вѣрнаго своего человѣка ко двору его царскаго величества и къ нему Ѳомѣ, Георгія Мирузинана, что бы наскоро секретъ сей Георгій объявилъ ему для донесенія о томъ его царскому величеству, дабы тѣхъ посланныхъ грековъ поймать, ибо Георгій ихъ знаетъ. Съ тѣми греками посланы весьма богатыя серьги алмазныя, будто для продажи, и нѣсколько тысячь червонныхъ золотыхъ, а именно въ алмазахъ и въ червонныхъ на сто пятьдесятъ тысячь ефимковъ, и притомъ маленькая скляночка съ отравою. Георгій уже былъ во Львовѣ у Евѳимія и хотѣлъ ѣхать въ тотъ же день, какъ и Эргакій поѣхалъ, только за худыми лошадьми остановился. Да онъ же объявилъ за высшій секретъ подъ присягою, что отъ многихъ своихъ друзей слышалъ, что господарь мултянскій (валахскій) поступаетъ неправедно и

во всемъ дѣлаетъ великому государю противное, и что всякія вѣдомости къ турецкой портѣ посылаетъ чрезъ патріарха іерусалимскаго Хрисанѳа, который не христіанинъ, но атеистъ и сущей турецкой шпегъ отъ древнихъ лѣтъ. Когда визирь прошлаго года былъ въ Адріанополѣ, то онъ у визиря почти по цѣлымъ ночамъ бывалъ инкогнито, и когда турки пошли изъ Адріанополя въ походъ, то онъ послалъ съ визиремъ вѣрнаго своего чернеца, который былъ инкогнито въ турецкомъ платьѣ при визирѣ, и почти повсядневно отъ мултянскаго господаря давалъ вѣдомости визирю о войскахъ государевыхъ и состояніи противника. А для большаго увѣренія, сказывалъ Георгій, что сей секретъ слышалъ и нѣкоторую часть видѣлъ, а все подлинно дозналъ и провѣдалъ чрезъ секретаря вышеписаннаго патріарха, турчанина, именемъ Абдиръ-Кади, который на турецкомъ языкѣ по визирскому повелѣнію писалъ, по слову патріаршему, всякія вѣдомости и визирю передавалъ".

Оговоренные Эргакіемъ два грека: Дементій и Петръ, были розысканы, привезены въ Петербургъ, подвергнуты пыткѣ, но ни въ чемъ не сознались [1].

Донесеніе грека Луки Кирикова, одного изъ преданнѣйшихъ нашихъ политическихъ агентовъ въ Константинополѣ, что іерусалимскій патріархъ „чаю мало доброжелательный христіанинъ" и рѣшительный оговоръ грека Эргакія, что валахскій господарь, другъ и пріятель Хрисанѳа, „во всемъ дѣлаетъ великому государю противное", что онъ, вмѣстѣ съ Хрисанѳомъ, во время царскаго похода на Прутъ, былъ турецкимъ шпіономъ, необходимо должно было произвести впечатлѣніе на русское правительство, тѣмъ болѣе, что валахскій гос-

[1] Тур. дѣла 1711 г. № 13; Греч. дѣла 1712 г. № 5.

подарь Бранкованъ отказался тогда пристать къ русскимъ, между тѣмъ какъ господарь молдавскій Кантемиръ принялъ русское подданство. Подканцлеръ Шафировъ, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, оставленный, послѣ прутской катастрофы въ Турціи для окончательнаго заключенія мира съ Турками, съ своей стороны предостерегалъ наше правительство, чтобы оно недовѣряло ни господарю валахскому, ни патріарху іерусалимскому, потому что оба турецкіе пріятели и Хрисанѳъ уже былъ назначенъ казацкимъ патріархомъ. „Изъ всѣхъ грековъ, доносилъ Шафировъ, ни мы, ни Петръ Андреевичъ (Толстой) не сыскали пріятеля, ни добраго человѣка, и бѣгутъ отъ насъ какъ отъ чумы“ [1]. И снова, уже отъ 5 Апрѣля 1713 года, Шафировъ опять пишетъ Головкину: „на сдѣшнихъ людей весьма надѣятца невозможно, хотя и явитца сперва усердный; а паче всего—за деньги и Бога и вѣру и душу и государя своего продать готовы, и все что пишутъ и подаютъ вѣдомости, надлежитъ вѣсить на вѣски алмазные, а хотя что явитца правдивое, то больше притомъ примѣшено будетъ разсказовъ, пахнетъ все деньгами. Мы истинно, государь, съ господиномъ Толстымъ не нашли здѣсь больши сего голландскаго переводчика Тейлса въ нынѣшній случай никого, ктобъ похотѣлъ послужить усердно за полученную царскаго величества милость“. Затѣмъ Шафировъ говоритъ, что арцыбискупъ и папежскій викарій въ Константинополѣ, родомъ рагузинецъ, всею душою и со всякимъ усердіемъ служитъ, чѣмъ можетъ, великому государю „и дай Богъ, хотябъ и единовѣрные наши вполъ таковы были, но отъ нихъ ни малаго добра нѣтъ, — не знаю, нѣтъ-ли зла, какъ видится изъ того, что іерусалимскій тотчасъ пріѣхалъ

[1] Соловьевъ, т. XVI, стр. 114.

за салтаномъ сюды и нынѣ здѣсь въ добромъ почтеніи, можетъ быть, что тщится получить при семъ случаѣ прошлаго году назначенную себѣ патріархію казацкую. Однакожъ я для лица (т. е. для виду) и съ нимъ сочиняю здѣсь тайную пересылку. Увижу, что изъ того будетъ“ [1].

Между тѣмъ и самъ государственный канцлеръ Головкинъ имѣлъ случай убѣдиться, что не слѣдуетъ особенно довѣряться валахскому владѣтелю Бранковану, а вмѣстѣ и его пріятелю Хрисанѳу. Въ Декабрѣ 1711 года и въ началѣ 1712 года изъ Константинополя были посланы нашими послами къ Головкину чрезъ Бранкована четыре письма „о нужнѣйшихъ дѣлехъ“ по поводу заключенія мира съ турками. Всѣ эти важныя четыре письма пропали и Головкинъ пишетъ послу Толстому, чтобы онъ попросилъ патріарха Хрисанѳа побудить его пріятеля, валахскаго господаря, возвратить эти письма. „Я бы самъ, заключаетъ Головкинъ свое письмо къ Толстому, желателенъ былъ имѣть корреспонденцію съ его святѣйшествомъ, но понеже не удостоенъ чести писанія и благословенія его здѣсь, кромѣ одного письма, по указу порты къ намъ писаннаго, со увѣщаніемъ объ отдачѣ Азова“, то и не дерзаетъ лично обратиться къ патріарху [2].

Хрисанѳъ отлично понялъ, что его отношенія и къ русскимъ посламъ въ Турціи и къ самому русскому правительству значительно измѣнились, и потому старался оправдать и себя и своего пріятеля—валахскаго воеводу. Отъ 13 Августа 1712 года Хрисанѳъ пишетъ послу Толстому, что онъ „по своей мочи и по своему разуму служилъ вѣрно и добре къ пользѣ православія

[1] Тур. дѣла, св. 14, 1713 г., № 7. — [2] Тур. дѣла, св. 13/с, 1712 г.; статейный списокъ Шафирова, л.л. 1050—1055.

и святаго вашего начальника, дабы вседержавная его сила отъ всякаго зла и нужды свободила. А которые учинили, или чинятъ, или будутъ чинить противное, сирѣчь, или пріятель (т. е. валахскій воевода) или иной кто, то да воззритъ на того Божія справедливость и да погубитъ отъ привременной и будущей жизни. Смотрю съ одной стороны, что почтеннѣйшіи твои товарищи праведно поступаютъ о письмахъ (пропавшихъ); но съ другой стороны разсуждаю, для чего бы пріятелю (т. е. валахскому воеводѣ) учинить такую лесть, и послѣ, ежели имѣлъ злое намѣреніе, то для чего бы прислать и сіи послѣдніе письма? Обаче къ нему пишу съ прилежаніемъ и како прядетъ отвѣтъ — увѣдомлю, да реку, что пріятель не былъ правый, но лукавый и на вѣки... Объявляютъ почтеннѣйшій твои товарищи, что я не писалъ до нихъ особно, — но да вѣдятъ, что я ихъ честность не имѣю особливыми отъ честности твоей, но едино-душу и единъ смыслъ. Второе, отъ многихъ лѣтъ съ честностью твоею я обыклъ. Третіе, что есть бѣдства много простиратися письмамъ, а подлинно, что ни по какому образу не есмь извѣстенъ въ ихъ переводчикахъ, понеже суть западные и честность твоя изволишь знать вельми изрядно непрестанную брань, которую имѣю". Въ заключеніе Хрисанѳъ заявляетъ: „зѣло я нынѣ испужался... ибо вижу устремленіе гнѣва и что другимъ намѣреніямъ разсуждаютъ пишемое, хотя я всегда молю Святаго Бога о здравіи и мирномъ вашемъ состояніи, якоже я былъ, есмь, буду елико возможно всегда въ нелестной и чистой совѣсти вашъ" [1].

Добрыя отношенія между нашими послами въ Турціи и Хрисанѳомъ стали было возстановляться. „Вѣ-

[1] Ibid. л.л. 1041—1049.

домо буди, пишетъ Хрисанѳъ Шафирову (1713 г.), что здѣшнее все есть неизвѣстно, непостоянно, перемѣшано, въ единой сентенціи нестоятъ... Студеность, которая было воспослѣдовала между честностію твоею и между пріятелемъ (валахскимъ воеводою) уже прошла, понеже я не допустилъ оной вкоренятися, зане здѣсь нѣтъ прибыли въ томъ, но надобно предпочитать паче всѣхъ вѣру и презирать всѣ иные вещи, хотябъ были вредительны, хотябъ полезны, ради приращенія и утвержденія оныя вѣры". Хрисанѳъ особымъ письмомъ просилъ нашихъ пословъ, чтобы они исходатайствовали у нашего правительства освобожденія грековъ Петра и Дементія, которые Эргакіемъ были оговорены въ томъ, что они хотѣли отравить государя, почему были арестованы и подвергнуты пыткѣ. По этому поводу Шафировъ отъ 19 Іюля 1713 года пишетъ канцлеру: „понеже, государь, какъ онъ святѣйшій патріархъ и помянутой пріятель нынѣ поступаютъ повидимому пріятно и письма наши для отсылки въ Кіевъ во время нужное примали, такожъ и о нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ насъ увѣдомляютъ, нынѣ и впредь то чинить обѣщаются; того ради просимъ ваше сіятельство: изволите для удовольства его, святѣйшаго патріарха, такожъ и для примиренія съ тѣмъ господаремъ, хотя для лица (для виду), исходатайствовать его царскаго величества указъ" объ оовобожденіи арестованныхъ грековъ, совѣтуетъ посланныхъ господаря по обычаю одарить и всѣмъ удоволить, и въ заключеніе замѣчаетъ: „а не худо бы, государь, еслибъ изволили отозваться къ господарю и къ патріарху за то и съ благодареніемъ на письмѣ, *ибо хотя на нихъ вовсе надѣятся и немочно, однакожъ лучше, чтобъ не были явными непріятелями*". На это доношеніе канцлеръ Головкинъ отвѣчалъ: „о

мултянцахъ, что писалъ къ намъ іерусалимскій патріархъ, о Петрѣ и Дименті̀и, и я милости вашей о томъ объявляю, что оные взяты на Украйнѣ въ шпіонствѣ, по доношенію о томъ вѣрныхъ людей и здѣсь пытаны, только не гораздо жестоко. И хотя правда въ томъ не винились, *однако по всѣмъ признакамъ оные были посланы въ шпіонахъ*, того ради отосланы были отсюды въ Знаменской монастырь, откуды ушли и, можетъ быть, что сами они уже заявились въ мултянской землѣ".

Въ письмѣ къ Шафирову отъ 11 Мая 1713 года Хрисанѳъ между прочимъ извѣщалъ, что онъ готовъ пересылать всѣ письма посла по принадлежности и затѣмъ пишетъ: „болѣзненно мнѣ, что, какъ вижу, не знаете, какія намъ вещи воспослѣдовали прошлаго году о прощеніи вашихъ отступниковъ (т. е. бѣжавшихъ въ Турцію казаковъ) и какой подвигъ и трудъ мы подъяли и сколько противностей, чтобъ не дать имъ прощенія, къ чему насъ многообразно принуждали господа наши, и чтобъ иному не быть хиротонисану вмѣсто старой обители, о чемъ зѣло пріискивали. И я самъ говорилъ прежде бывшему іконому (Юзуфъ-пашѣ), чтобы насъ въ томъ не принуждали, понеже есть противно вѣры нашей и ни по какому образу учинить того невозможно, кромѣ только ежели похотятъ, то насъ да умертвятъ. Для того честность ваша нынѣ изволите писать, чтобы тому не быть, и да будетъ увѣдомленіе, что ниже было, ниже будетъ. Однакожъ, ежели придутъ или въ церковь или къ намъ (казаки), то невозможно, чтобъ ихъ не принять, какъ и учинилось, понеже они пришли съ указомъ, то мы не можемъ учинить иначе, кромѣ того только, аще похощемъ безъ нужды быть жертвою, которыхъ чтобъ обратить къ соборному ихъ пастырю". Въ отвѣтномъ письмѣ на это

сообщеніе Шафировъ проситъ Хрисанѳа склонить бѣжавшихъ въ Турцію казаковъ, возвратиться въ Россію, обѣщая имъ отъ имени государя полное помилованіе. Хрисанѳъ взялся за это дѣло и повелъ его успѣшно. Въ письмѣ изъ Адріанополя къ канцлеру отъ 14 Августа 1713 года Шафировъ пишетъ: „нѣкоторые изъ измѣнниковъ казаковъ знатныхъ отозвались къ нему (патріарху Хрисанѳу), что желаютъ паки возвратиться подъ его царскаго величества руку, но токмо опасаются за вины свои отмщенія, а имянно: просятъ нынѣ того прощенія бывшей полковникъ прилуцкой Горленко, писарь Максимовичъ, да булавничей, и для того онъ, святѣйшій патріархъ, желалъ отъ меня на то обнадеживанія: изволитъ-ли его величество указать принять и въ винахъ ихъ простить, и дабы въ томъ его обнадежилъ, что они приняты будутъ и въ житіи своемъ будутъ безбѣдны и возымѣютъ свои худобы, и требовалъ у меня въ томъ христіянскаго увѣренія“. Это увѣреніе посолъ далъ и теперь проситъ канцлера, чтобы устроено было безпрепятственное возвращеніе измѣнниковъ, въ чемъ ихъ уже обнадежилъ патріархъ Хрисанѳъ.

3 Ноября 1713 года наши послы въ Турціи пишутъ государственному канцлеру Головкину: „понеже, государь, какъ онъ, святѣйшій патріархъ, такъ и мултянской господарь повидимому нынѣ являются къ намъ склонны и увѣдомляютъ о нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ, такожъ посылаютъ письма чрезъ людей своихъ на Вѣну и оттуда привозятъ къ намъ почту“, и такъ какъ патріархъ проситъ у государя милости, „пожаловать во іерусалимскую церковь сосуды золотые“, то послы и даютъ отъ себя совѣтъ исполнить эту просьбу патріарха.

Въ 1713 году патріархъ Хрисанѳъ писалъ отъ себя

и къ кіевскому губернатору князю Голицыну, заявляя, что писаніе Голицына отъ 20 Января онъ получилъ и выразумѣлъ, но такъ какъ условной цифири для переписки у него нѣтъ, то онъ и отказывается впредь продолжать переписку. Затѣмъ Хрисанѳъ пишетъ Голицыну: „а понеже изволилъ напомнить, что вѣчныя памяти въ Бозѣ упокойный мой дядя былъ ревнитель по благочестіи и вашему народу россійскому доброжелатель и его царскому величеству горячій богомолецъ, и то есть истинная правда. Но и мы послѣдовали тѣмъ же его стопамъ съ тишайшимъ благоговѣніемъ и истинною любовію и бѣдствованіемъ не точію о моемъ житіи, но и о всемъ сродствѣ, для умноженія православія и славы ради службы пресвѣтлѣйшаго царскаго величества, и какъ во всемъ обрѣтаюся, такъ и до конца живота моего неоставлю и Бога святаго представляю въ томъ; а понеже не послѣдовали дѣла по нашему желанію, и то отъ воли Божіей и для причинъ намъ неизвѣстныхъ. И послѣ сего многая нечаемая словеса услышалъ о подозрѣніи не токмо на меня, но и на иныхъ пріятелей давныхъ и праведныхъ и вѣрныхъ къ его царскому величеству, которые не малое терпѣніе и бѣдство принимали за его величествія имя. И сіе бысть мнѣ отъ всѣхъ скорбей наибольшая скорбь, что оставляю всевидящему Богу, чего и въ мысли моей не было. И за какую мнѣ причину то учинить? Или не есть мы христіане, или не памятуемъ на Божій судъ и на воздаяніе? По дѣломъ сія бысть: первая причина, что не писали мы въ то время до вашей свѣтлости, понеже отъ вашей стороны подъ зазоромъ были есмы; вторая причина была — небезпечность дороги; третье, понеже что случилось царскаго величества посломъ и то не было утаено, и чаю отъ иныхъ многихъ

то было слышно. Нынѣ убо, пріемше ваше честное писаніе, порадовался видя, *яко еще имянуете насъ христіанами и свойственными, а не продателей благовѣстія*, — слава буди Богу Святому!“ Сообщивъ затѣмъ нѣкоторыя турецкія вѣсти, Хрисанѳъ говоритъ, что турки желаютъ теперь мира, а если они усиленно и готовятся къ войнѣ, то потому единственно, что думаютъ, будто царь не согласится на миръ. „А по моему разсужденію, замѣчаетъ Хрисанѳъ, въ сихъ времянахъ для пользы и благосостоянія православнаго народа мнится лутчи быти и разсуждати о мирѣ нежели о войнѣ или безчестіи“, и только покончивши борьбу съ сосѣдями, слѣдуетъ потомъ обратиться противъ турокъ. Патріархъ проситъ князя Голицына: „прошу, дабы никтоже отъ тѣхъ, которые обрѣтаются при васъ отъ сихъ сторонъ, не вѣдали, что имѣемъ корресподенцію съ вами чрезъ писаніе“, говоритъ, что въ Августѣ или Сентябрѣ онъ пріѣдетъ къ валахскому воеводѣ и если государь захочетъ, пусть пришлетъ туда довѣренное лицо, знающее греческій и латинскій языкъ, „съ которымъ бы могли разговоритца“. Но посылки такого лица отъ нашего правительства къ патріарху въ Валахію не послѣдовало и всякія дальнѣйшія сношенія нашего правительства съ Хрисанѳомъ, какъ политическимъ агентомъ, окончательно прекратились [1].

Такимъ образомъ патріархъ Хрисанѳъ, занявъ мѣсто дяди своего Досиѳея на іерусалимской каѳедрѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ и при русскомъ правительствѣ тоже самое положеніе, какое ранѣе занималъ при немъ Досиѳей. Это совершилось тѣмъ скорѣе и легче, что Хрисанѳъ ранѣе два раза лично побывалъ въ Москвѣ и при тайныхъ сношеніяхъ съ русскимъ правитель-

[1] Тур. дѣла, св. 14, 1713 г. №№ 4, 7; св. 14/6, 1713 г. № 22.

ствомъ Досиѳея былъ его довѣреннымъ лицомъ, вслѣдствіе чего наше правительство видѣло въ немъ прямого продолжателя дѣла Досиѳея,—служить всѣми силами и средствами интересамъ Россіи, и сразу отнеслось къ нему съ полнымъ довѣріемъ. На предложеніе Хрисанѳа такъ же служить Россіи, какъ служилъ его дядя, сейчасъ же отозвались особыми письмами не только канцлеръ и посолъ въ Турціи Толстой, но и самъ государь. Однако близкія, основанныя на полномъ довѣріи отношенія нашего правительства къ Хрисанѳу продолжались очень недолго. Съ одной стороны самъ Хрисанѳъ не выразилъ на дѣлѣ особой охоты посылать свои политическія отписки непосредственно русскому правительству: послѣ посылки въ Москву двухъ-трехъ грамотъ его непосредственная переписка съ нашимъ правительствомъ прекращается навсегда; съ другой стороны и русское правительство, въ лицѣ своихъ тогдашнихъ пословъ въ Турціи: Шафирова, Шереметева и Толстаго, отнеслось скоро къ Хрисанѳу съ недовѣріемъ, такъ какъ заподозрило его преданность и вѣрность Россіи. Шафировъ, въ своихъ донесеніяхъ канцлеру, довольно рѣшительно обвинялъ Хрисанѳа и его пріятеля, валахскаго воеводу Бранкована, въ измѣнѣ Россіи и въ преданности туркамъ, и если считалъ нужнымъ поддерживать съ нимъ сношенія и даже переписку, то только „для виду“, чтобы не имѣть его „явнымъ непріятелемъ“. Хрисанѳъ скоро замѣтилъ эту перемѣну въ отношеніяхъ къ нему русскаго правительства, узналъ о ея причинѣ и поспѣшилъ оправдать предъ русскими послами и себя и Бранкована. Послы показали видъ, что вѣрятъ этимъ оправданіямъ патріарха, даже снова вступили съ нимъ въ переписку, по прежнему стали давать ему порученія, получали отъ него нѣко-

торыя свѣдѣнія, пересылали чрезъ него свои отписки правительству, но разъ разрушенное довѣріе къ нему уже болѣе не возстановлялось. Хрисанѳъ долженъ былъ убѣдиться, что хотя русскіе еще и признаютъ его „христіаниномъ и свойственнымъ, а непродателемъ благовѣрія“, однако на дѣлѣ по прежнему смотрятъ на него очень подозрительно и не вѣрятъ болѣе въ искренность его преданности интересамъ Россіи. Тогда Хрисанѳъ окончательно прекратилъ свое служеніе Россіи, въ качествѣ ея тайнаго политическаго агента въ Турціи.

Въ лицѣ Хрисанѳа іерусалимскіе патріархи навсегда отказались отъ дальнѣйшихъ политическихъ услугъ Россіи. Прекращеніе этого рода службы іерусалимскихъ патріарховъ, которую они такъ ревностно исполняли болѣе столѣтія и которая въ послѣдующее время никогда уже болѣе не возобновлялась, зависѣло не отъ того только обстоятельства, что наше правительство заподозрило искренность преданности патріарха Хрисанѳа интересамъ Россіи, — это повело-бы только къ разрыву сношеній съ самимъ Хрисанѳомъ, но не съ его преемниками. Причины этаго явленія въ дѣйствительности лежали глубже и заключались въ слѣдующемъ.

Россія до начала XVIII вѣка не имѣла при иностранныхъ правительствахъ своихъ постоянныхъ пословъ, а между тѣмъ потребность знать все, что дѣлается у ближайшихъ сосѣдей, особенно въ Польшѣ, Крыму, Турціи, становилась съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе настоятельною. Этой потребности отчасти удовлетворяли различные просители милостыни, являвшіеся въ Москву съ различныхъ концовъ православнаго востока, которые обязательно давали въ Посольскомъ приказѣ показанія о тѣхъ странахъ, чрезъ которыя они проѣзжали на пути въ Москву, и о всѣхъ политическихъ

событіяхъ, которыхъ они были или сами очевидцами, или о которыхъ слышали отъ другихъ. Понятно, что получаемыя такимъ путемъ свѣдѣнія были очень отрывочны, часто не вполнѣ достовѣрны, а въ большинствѣ всегда не новы, почему наше правительство и постаралось набрать изъ просителей милостыни цѣлый особый штатъ тайныхъ политическихъ агентовъ, которые бы, проживая въ Турціи, съ одной стороны, особыми отписками своевременно извѣщали наше правительство о всемъ, что дѣлается въ Турціи, съ другой — своими свѣдѣніями, совѣтами, указаніями и возможными связями при турецкомъ дворѣ помогали-бы нашимъ посламъ, отправляемымъ въ Турцію. Послѣднее было особенно важно въ глазахъ нашего правительства. Наши послы, время отъ времени посылаемые въ Турцію, содержались тамошнимъ правительствомъ какъ бы подъ арестомъ: они жили подъ бдительнымъ надзоромъ окружавшей ихъ почетной стражи, до окончанія всѣхъ своихъ посольскихъ дѣлъ не могли входить въ сношенія ни съ какими посторонними лицами и потому, живя гдѣ нибудь въ Константинополѣ или Адріанополѣ, часто совсѣмъ не знали, что дѣлается кругомъ ихъ, не знали какъ имъ слѣдуетъ поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Совѣты, указанія и разныя свѣдѣнія, тайно сообщаемыя имъ хорошо знакомыми „съ турецкими поведеніями“ мѣстныхъ агентовъ изъ грековъ, были поэтому для нихъ очень важны, а часто и рѣшительно необходимы, почему всѣ наши послы въ Турціи крайне дорожили услугами этихъ агентовъ, а наше правительство и даже сами государи всячески старались поощрять особенно ревностныхъ и опытныхъ изъ нихъ, какимъ, напримѣръ былъ патріархъ Досиѳей. Но понятно само собою, что положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи должно было рѣ-

шительно измѣниться, когда, съ начала XVIII вѣка, при турецкомъ дворѣ учреждено было постоянное русское посольство, которое находилось въ постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ и представителями при немъ другихъ державъ, получало всѣ свои свѣдѣнія уже изъ первыхъ рукъ, и потому самому перестало нуждаться въ посредничествѣ и руководствѣ разныхъ случайныхъ гречанъ, тѣмъ болѣе, что о политическихъ агентахъ-грекахъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ ними на мѣстѣ, у нашихъ пословъ составились очень невыгодныя представленія. Подканцлеръ Шафировъ, какъ мы видѣли, доносилъ въ Москву, что грекамъ довѣряться нельзя, такъ какъ „за деньги—и Бога, и вѣру, и душу, и государя своего продать готовы“, что сообщаемыя ими вѣсти „надлежитъ вѣсить на вѣски алмазные“, что все у нихъ „пахнетъ деньгами“, что въ трудныя времена они „бѣгутъ отъ пословъ какъ отъ чумы“, и между ними не находится „ни пріятеля, ни добраго человѣка“. Съ своей стороны и посолъ Толстой писалъ въ Москву канцлеру: „а грековъ, государь, по приказу твоему отнюдь отпускать къ Москвѣ не буду, понеже, государь, воистинно отъ мала до велика все лгутъ и вѣрить имъ отнюдь не мочно“. Нашъ резидентъ въ Константинополѣ Неплюевъ, въ реляціи отъ 14 Сентября 1723 г., доносилъ государю: „о патріархѣ константинопольскомъ вашему величеству чрезъ сіе всеподданнѣйше доношу: ко интересамъ вашего величества пользы отъ него никакой быть не можетъ!“ [1]. Это полное разочарованіе нашихъ пословъ въ Турціи въ полезности для нашего правительства политическихъ услугъ со стороны тайныхъ агентовъ-грековъ, вмѣстѣ съ признаніемъ, что

[1] Тур. дѣла, св. 7, 1706 г. № 3; св. 24 а, 1723 г. № 5.

эти услуги, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, уже болѣе и ненужны, само собою должно было повести къ тому, что служба какъ іерусалимскихъ патріарховъ, такъ и всѣхъ вообще грековъ, въ качествѣ тайныхъ политическихъ агентовъ Россіи въ Турціи, естественно и необходимо, начиная съ XVIII вѣка, должна была постепенно прекратиться, а вмѣстѣ съ этимъ и іерусалимскіе патріархи, въ теченіе столѣтія занявшіе въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ особое исключительное положеніе, неизбѣжно должны были теперь снизойти, при своихъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ нашимъ правительствомъ, на степень обычныхъ просителей милостыни. Это случилось съ самимъ патріархомъ Хрисанѳомъ.

Съ 1713 года Хрисанѳъ прекратилъ свою службу русскому правительству въ качествѣ его тайнаго политическаго агента въ Турціи, а вмѣстѣ съ этимъ сами собою прекратились и всякія другія его сношенія съ русскимъ правительствомъ. Такъ продолжалось до послѣднихъ лѣтъ патріаршества Хрисанѳа, когда нужда заставила маститаго патріарха не только вспомнить о Россіи, но и искать въ ней помощи бѣдствующей іерусалимской патріархіи. Но теперь Хрисанѳъ съ просьбою о помощи обращается уже не непосредственно къ государю, какъ это было ранѣе, а чрезъ посредство Св. Синода, который онъ умоляетъ ходатайствовать предъ верховною властію о помощи Св. Гробу.

Въ Мартѣ 1728 года Хрисанѳъ изъ Константинополя прислалъ въ Св. Синодъ слѣдующую просительную грамоту о помощи бѣдствующему Св. Гробу:

„Писалъ нѣкогда Стефанъ, папа римскій, къ константинопольскому самодержцу Василію Македону о милости и помощи къ храму Св. Апостола Петра, который

есть въ Римѣ, не употребляя многословія, но токмо— яко Святый Петръ лишается елея ради вожженіа. Посылающе убо и мы сего преподобнѣйшаго духовника и архимандрита, суща подъ нами апостольскаго престола, господина Германа къ стопамъ еже отъ Святаго Бога православнѣйшаго самодержавнаго державства, иного необъявляемъ священному и святому вашему братству, токмо просимъ, дабы было внушено и извѣщено чрезъ васъ отъ всего сердца благовѣнчанному и самодержавнѣйшему Верху о святѣмъ и поклоняемомъ Гробѣ Господа нашего, имъ же свободу и спасеніе бысть всему человѣческому роду, не токмо просто лишене сущемъ елеа, но и углублени въ тягчайшія и несносныя долги, да покажетъ благоутробіе самодержавныя помощи на облегченіе и свободу долга чрезъ щастливое посредство и ходатайство божественное вашея братскія любве. Къ сему же просимъ, да покажете и иное всякое снисходительство и помощь святѣйшее ваше братство и отъ васъ самихъ и отъ прочихъ благоговѣйныхъ и боголюбезныхъ православныхъ христіанъ, да будутъ причтены благочестивыя всѣхъ имена въ поминовеніе, якоже въ земномъ Іерусалимѣ, такожъ и въ вышнемъ — небесномъ въ славу и полученіе блаженства вѣчнаго.

„Съ симъ же архимандритомъ посылаемъ благопрославленному державству едину краткую исторію и описаніе святыя земли и прежняго изданія и потомъ бывшихъ возобновленій божественнѣйшаго храма Господня Воскресенія съ преисполенною надеждою, что имѣетъ преведена быти на вашъ россійскій діалектъ тщаніемъ вашего благочестія и объявлена самодержавству.

„Болѣе не пишемъ вамъ времени не допускающу, обаче приказали мы сему архимандриту, да будетъ живое посланіе наше въ прочихъ нуждахъ, о которомъ

просимъ, дабы соизволили благопріятно предлагаемая отъ него выслушать и принять за вѣроятіе совершенное. Сице паки молимъ, или истиннѣе рещи: тако молитъ чрезъ насъ (братія возлюбленная) на Святѣй Голгофѣ Распятый, Упразднивый имущаго державу смерти, и во Святѣмъ Гробѣ Погребыйся и изъ него Воскресый, и на горѣ Святѣй Елеонстѣй Вознесшійся на небеса и Обоживый естество наше, сѣде одесную славы Отчи, показавъ насъ наслѣдники убо Бога и Отца своего, снаслѣдники же Его, иже и да сохранить боговѣнчанную высоту, якоже и ваше священное братство, многолѣтны и всеблагополучны на земли, на небеси же прославлены".

Въ другой грамотѣ Св. Синоду отъ 29-го Сентября 1730 года Хрисанѳъ послѣ вступленія, въ которомъ онъ заявляетъ, что настоящія времена „непопущаютъ простирати намъ пера ширше и обильнѣ", пишетъ, что Св. мѣста „обрѣтаются въ великой нуждѣ отъ тяжкихъ долговъ, тѣмъ же и помощи ко облегченію сихъ и иныхъ нѣкіихъ нуждныхъ дѣлъ посылаемъ ради поклоненія стопамъ Богомъ прославленныя и православнѣйшія державы" архимандрита Германа, „и просимъ братскія вашея любве показать къ святынѣ его утробы щедротъ и человѣколюбія, и дабы объявленъ былъ ради поклоненія благочестивѣйшему самодержавству и удостоенъ всякаго защищенія и помощи обще и особливо и, просторѣщи: да возвратится яко лоза полодовита во Святый градъ Іерусалимъ, ово убо ради облегченія тяжчайшаго долга Св. Гроба, оваже ради и утѣшенія тамо обрѣтающихся святыхъ отецъ, иже неусыпно и непрестанно храняще даже до крове честная оная мѣста и подвизающеся на сопротивныя вѣтры еретическія, сирѣчь, и внѣшнихъ и иныхъ языковъ, молятъ прилежно всегда

и обще и особь, якожъ и мы, о здравіи, державѣ и побѣдѣ на враги видимыя и невидимыя, о распространеніи предѣловъ, о разширеніи Богомъ прославленныя державы, такожде и о святѣйшемъ священномъ Синодѣ и о протчемъ святыя церкви состояніи.“ Въ заключеніе патріархъ снова проситъ св. Синодъ о всемъ выслушать посланнаго архимандрита и оказать ему во всемъ помощь и содѣйствіе [1].

Такимъ образомъ уже самъ патріархъ Хрисанѳъ, въ концѣ своего патріаршества, долженъ былъ въ отношеніи къ русскому правительству низойти на степень обычнаго просителя милостыни, долженъ былъ обращаться къ верховной русской власти не непосредственно, какъ это было съ нимъ ранѣе, а при посредствѣ св. Синода, въ рукахъ котораго съ этого времени постепенно и начинаютъ сосредоточиваться всѣ сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ нашимъ правительствомъ. Этотъ измѣнившійся характеръ сношеній Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, низведшій ихъ въ рядъ обычныхъ просителей милостыни, начавшись съ послѣднихъ годовъ патріаршества Хрисанѳа, неизмѣнно продолжался и при преемникахъ Хрисанѳа до конца XVIII столѣтія.

[1] Архивъ св. Синода № 215—1731 г., Окт. 8 дня.

VIII

Сношенія патріарховъ Мелетія, Парѳенія и Авраамія съ русскимъ правительствомъ.

Въ Ноябрѣ 1731 года въ Россію прибылъ за милостынею посланный іерусалимскаго патріарха Мелетія архимандритъ Германъ. Онъ привезъ съ собою свидѣтельствованную и проѣзжую грамату турецкаго султана и просительную грамату патріарха къ государынѣ о милостынѣ Св. гробу.

Въ граматѣ султана ко всѣмъ турецкимъ правителямъ говорилось: „по полученіи сей нашей высочайшей граматы, да будетъ вамъ извѣстно, что подданный нашъ іерусалимскій греческій патріархъ высочайшему суду нашему доносилъ, что іерусалимскіе монахи ни откуда себѣ доходовъ не имѣютъ, кромѣ того, что въ государствѣ нашемъ подданные греки по обѣщанію своему подаютъ имъ милостыни, а прочіе пожитки: огороды, сады, мельницы, лошадей и прочее имѣніе свое послѣ смерти своей іерусалимскимъ неимущимъ монахамъ оставляютъ. Сего ради и нынѣ греки били намъ челомъ, дабы для сбора въ вышеписанныхъ провинціяхъ податей, которыя по обѣщанію своему имъ, монахамъ, греки давали, вышеписанный патріархъ іерусалимскаго же архимандрита Германа со стороны своей повѣреннымъ и при немъ нѣсколько человѣкъ людей для того сбора отпра-

вить могъ, представляя, что нѣкоторые архимандриты безъ повелѣнія вышепомянутаго патріарха, назвавъ себя іерусалимскими архимандритами, ложно и обманомъ съ обывателей деньги сбирали. А нынѣ ежели кто обѣщалъ, послѣ смерти своей, іерусалимскимъ монахамъ свое имѣніе оставить, и умеръ, а помянутаго патріарха повѣренный пожелаетъ взять тѣ обѣщанные пожитки, для отданія іерусалимскимъ неимущимъ монахамъ, свойственники же, не исполняя умершихъ обѣщанія, такіе пожитки архимандриту отдать не захотятъ, то пусть по суду такіе пожитки безъ задержанія архимандриту отданы будутъ. Также, если помянутый архимандритъ поѣдетъ въ нѣмецкую землю для полученія у тамошнихъ народовъ денегъ, которые они послѣ смерти своей неимущимъ іерусалимскимъ монахамъ обѣщали и оставили, а, по собраніи, опять сюда возвратится, то чтобы вездѣ его безъ задержанія пропускали, а съ вещей, которые при немъ будутъ и съ коихъ не надлежитъ взимать пошлинъ, въ пути его такихъ пошлинъ небрать. Также и на Дунаѣ *поголовныхъ* денегъ, а именно: *по червонному золотому со всякаго монаха* нетребовать... Также, по прошенію его, повелѣвается всѣмъ сборщикамъ казны отъ іерусалимскаго патріарха, при церквахъ опредѣленнымъ, по старому обыкновенію, чтобы такимъ неимущимъ монахамъ нигдѣ никакихъ обидъ и налоговъ не дѣлали. И для сего мы нынѣ, по восшествіи нашемъ на высочайшій престолъ, по прошенію помянутаго, повелѣли, чтобы, по полученіи сей нашей граматы, все вышеписанное учинено было и сей данной грамотѣ нашей вѣра подана была".

Въ граматѣ къ государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ, присланной съ архиминдритомъ Германомъ, патріархъ Мелетій писалъ:

„Понеже, о всепресвѣтлѣйшая императрица, всесвятый и живоносный Гробъ едва не всегда обрѣтается въ долгахъ тягчайшихъ и несносныхъ, какъ всѣмъ явно есть, ибо отъ того времени, какъ родъ нашъ подвергнутъ подъ варварское иго, почитай всѣ мѣста пришли въ великіе пагубные несчастія подъ владѣніемъ руки тиранской. А мѣсто Св. града Іерусалима подвергнуто еще въ наигоршіе несчастія—за развратность и непостоянность тамо обитающихъ араповъ, которые, яко юртовые и степные, стужаютъ непрестанно и братію всесвятаго Гроба, кое, стуженіе, инымъ способомъ утолить невозможно, развѣ точію всегдашнею денежною платою, ибо иначе и бьютъ и ограбляютъ, часто и до смерти убиваютъ идущихъ отцовъ въ окрестные монастыри и мѣста поклонные—и сіе чинится отъ юртовыхъ язычниковъ. Старшіе же ихъ никогда неуспокоеваются наносить обиды и просить подарки многіе и различные, ажь неотмѣнно принуждены мы исполнять ихъ запросы, ибо иначе они творятъ ложные извѣты ко владѣющимъ, клевещуще на насъ, будто мы строимъ церкви безъ государева указа, отъ чего слѣдуетъ, что имѣютъ быть посланы розыщики, и пока мы отъ ихъ неправедныхъ рукъ возможемъ освободитца, уже причиняется конечное разореніе, потому что за маленькое злонаношеніе (т. е. за малѣйшій доносъ) надлежитъ весьма оныхъ успокоивать; и отъ такихъ агарянъ араповъ мы претерпѣваемъ непрестанные убытки, нищеты, оскорбленія и злоключенія“.

Описавъ бѣды и злоключенія, причиняемыя окрестными бедуинами, патріархъ переходитъ затѣмъ къ жалобамъ и на христіанъ-иновѣрцевъ, отъ которыхъ тоже приходится много терпѣть православнымъ во Іерусалимѣ. „Но и отъ тамошнихъ христіанъ, пишетъ патрі-

архъ, едва-ли менѣе имѣемъ зла и хлопотъ, наипаче отъ того времени, какъ проявленіе папежской злобы разлилось въ тѣ страны, которая, злоба, принудила насъ платить подати и харачи почитай за всѣхъ христіанъ араповъ, какъ за іерусалимскихъ, такъ и за другихъ во окрестныхъ поселеніяхъ. Иначе же оные папежницы платить подати за нихъ охотно готовы, только чтобы привесть ихъ въ западную славу, еже вмѣняютъ себѣ мздовоздаянія больше, какъ-бы обратить христіанина отъ восточныхъ догматовъ на западные, нежели язычника невѣрнаго учинить христіаниномъ. И дабы мы ихъ (православныхъ) могли соблюсти въ отеческихъ догматахъ, то надлежитъ намъ ускорять въ податяхъ и харачахъ, и такимъ способомъ содержимъ. Все управлялось до времени отъ самодержавной милостыни святѣйшихъ вашихъ прародителей, государей царей всепресвѣтлѣйшаго самодержавнаго россійскаго величества, такъ же и отъ милостыни приходящихъ для поклоненія во святый градъ благочестивыхъ и христолюбивыхъ христіанъ, но все сіе оскудѣло. Наипаче же посреди столь многихъ заключеній и по страху оклеветанія предъ владѣтелями, находимъ препятствіе— отцевъ и братію всесвятаго Гроба послать къ всепресвѣтлѣйшимъ стопамъ самодержавнымъ поклонитися и святѣйшему величеству донесть о нашихъ бѣдствіяхъ, дабы отцы сіи могли получить въ увеселеніе государскую и святую обыкновенную милостыню; съ другой же стороны, умалилась милостыня и отъ приходящихъ христіанъ во святый градъ для поклоненія, частію отъ злоношенія тиранскаго ига, что бѣдные христіане не могутъ снести повседневныхъ даней, налагаемыхъ отъ начальниковъ, частію же и отъ злобы арапской, понеже какъ выгрузятся во Іопію, и сколько чего у кого

идущихъ ко Св. гробу имѣется, то со всего берутъ поплину, только чтобы степные арапы въ прохожденіи ихъ не трогали, столько же даней берутъ и владѣльцы арапскіе за провожаніе до Св. града. Послѣди, когда пойдутъ на поклоненіе Св. Іордана, то надобно заплатить начальнику Св. града, чтобъ ихъ проводилъ съ войскомъ до Іорданя и назадъ паки привесть, понеже иначе безъ начальствующаго невозможно пройти за страхомъ между арапами. Сего ради бѣдные христіане, въ толикомъ злоключеніи обрѣтающіеся, возмогутъ-ли что дать тѣмъ и что дать на милостыню Св. гробу? Между симъ, къ столь великому несчастію, случился и пожаръ здѣсь въ Константинополѣ—едва не всѣ церкви погорѣли, тамъ купно погорѣло и подворье всесвятаго Гроба, которое хотя и построено по указу государеву, однакожъ со иждивеніемъ почитай чрезъ силу. И въ такое время никакой помочи отъ здѣшнихъ христіанъ нечаемъ, понеже погорѣли всѣ церкви и построены со многимъ иждивеніемъ, посему каждый изъ прихожанъ церкви долженъ стараться учинить своему приходу вспомоществованіе. И дабы было облегченіе въ толикихъ злоключеніяхъ и несносныхъ долгахъ сущему Всесвятому гробу, прежде бывшій насъ блаженнѣйшій и премудрѣйшій вѣчно достойныя памяти патріархъ, господинъ Хрисанѳъ, колико могъ учинилъ различныя распоряженія и, собирая иногда меньше, иногда больше, устранялъ нужды всесвятаго гроба. Когда же состарѣлъ и изнемогъ, тогда во время его старости воспослѣдовали и вящшіе нужды, толико въ строеніи свода Всесвятому гробу, толико въ размноженіи злобы арановой, яко, напослѣдокъ, и въ потребахъ къ строенію здѣшняго нашего подворья. Мудрымъ своимъ промысломъ разсудилъ (Хрисанѳъ) двѣ вещи къ управленію

всесвятаго гроба: первое, писалъ во Святой градъ, объявляя болѣзнь и старость свою, назначилъ меня своимъ преемникомъ, тогда какъ я былъ вмѣсто его во Святомъ градѣ, потомъ же съ назначеніемъ и нареченіемъ всего собранія тамошнихъ архіереевъ и протчаго братства, позвалъ меня, чтобъ прибыть въ Константинополь и быть съ его блаженствомъ для преемства. Второе, самъ себѣ разсудя, внятно священному собранію общаго братства, заявилъ, что тяжкій долгъ всесвятаго гроба иначе невозможетъ видѣть никакого облегченія, какъ ежели кто изъ братіи будетъ посланъ къ милосердію святѣйшаго вашего величества и, притекши ко пресвятѣйшему вашему благоутробію, испроситъ облегченіе толикой тягости. И по общему разсмотрѣнію опредѣленъ ко святому вашему величеству преподобнѣйшій архимандритъ и духовный мужъ киръ Германъ съ его братіею, который посланъ также по общему братіи согласію и по опредѣленію его блаженства, всю надежду на Бога и на святѣйшее ваше величество полагая. Но понеже воспослѣдовала болѣзнь его блаженства тягчае, нежели прежде, для того призвавъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ—и патріарха и архіереевъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, сообщилъ избраніе и общее нареченіе о преемствѣ нашемъ и, еще живъ будучи, насъ возвелъ на апостольскій свой престолъ тихо и немятежно, милостію святаго Бога и премудрѣйшимъ предвѣдѣніемъ блаженныя оныя души; по малыхъ же дняхъ успокоился въ Господѣ, отшедъ премудро и зѣло христіански отъ здѣшнихъ въ нѣкая небесная, исправивъ пристойное и престолу и священно-начальнической своей душѣ. Итакъ мѣрность наша, воспріявъ правительство патріаршества и будучи возведены на апостольское патріаршее достоинство,

усмотрѣли за благословное и полезнѣйшее дѣло съ симъ писаніемъ, во первыхъ, послать къ всепресвѣтлѣйшему и августѣйшему вашему самодержавному величеству, отъ всесвятаго и живоноснаго гроба освященіе и апостольское благословеніе, потомъ въ удостовѣреніе донести и о послѣднихъ словахъ блаженной оной и вѣчно памятной души, и о посланномъ отъ общаго священнаго собранія преподобнѣйшемъ архимандритѣ киръ Германѣ съ его братіею, также подтвердить отъ вѣчно памятныя оныя души письма и наши и прочаго священнаго братства. Сего ради по Бозѣ надежду облегченія святому оному дому имѣюще положенную въ державу святѣйшаго и христіаннѣйшаго самодержавства вашего, просимъ подать руку помощи дому Божію— Всесвятому живоносному Гробу, въ немъ же погребенъ самъ Господь нашъ, и богатодаровитою государскою вашею милостію будете новый созидатель, понеже надежды не откуда нечается, токмо отъ святѣйшаго вашего государства. И яко святѣйшее ваши прародители (которыхъ діадима царская пребываетъ навѣки непоколебимо) наблюдали царскою милостію святыя и почитаемыя поклоненія; сице и держава ваша будете новый созидатель и охранитель почитаемаго и поклоннаго гроба".

Это ходатайство патріарха Мелетія о милостынѣ Св. гробу имѣло успѣхъ, какъ это видно изъ благодарственной граматы того же патріарха отъ 6-го Іюля 1732 года, присланной имъ государынѣ. Въ этой граматѣ Мелетій пишетъ: „кое благодареніе долженствуемъ воздати августѣйшему и самодержавнѣйшему вашему величеству за милостыню, какову, въ бытность посланнаго нашего архимандрита Германа ваше величество пожаловали Святому и животодательному гробу

Господню и намъ[1]. Наипаче, что всесвятый Богъ, хотя показати, что та ваша государская милостыня пріятна есть и угодна во святое его жилище, благоволилъ ей дойти и препорученной быти отъ вѣрнаго вашего раба резидента Ивана Неплюева (которому мы и своеручную росписку въ полученіи дали) въ самое то время, когда уже мы возъимѣли предготовленіе къ путешествію во Святой градъ Іерусалимъ, чтобъ всей братіи нашего пастырства объ оной вашей государской милостынѣ предъявить, дабы и они, возблагодаря, молили Бога о приращеніи державы вашей, по принятіи себѣ нѣкоей отрады въ великомъ пламени нужды, какову несчастливое время нанесло на все пастырство и на насъ. Ибо какъ по премного жаждущій, когда коимъ либо образомъ получитъ нѣчто отъ воды студеныя, то крайнее увеселеніе и отраду къ охлажденію изсохшаго своего языка воспріемлетъ; подобнымъ образомъ и пребѣдное Пресвятаго и животодательнаго гроба Господня пастырство, сгорающее отъ жажды великаго долгу и нужды (о которой и напредъ сего святому вашему величеству мы доносили) какъ получимъ нѣкое орошеніе пламени, т. е. милостыню богоутвержденнаго вашего величества, къ облегченію тяжкихъ налоговъ, вси воздвигнули руки на молитву къ Богу, и купно съ нами будутъ молити въ пресвятѣмъ гробѣ погребеннаго Господа, да ущедритъ самое ваше императорское величество безвредность здравіемъ и всѣмъ пожеланіемъ, а державу вашу даже до конца земли разширитъ. Сіе-то есть благодареніе, еже отъ насъ державнѣйшимъ пресвѣтлѣйшимъ и православнѣйшимъ царемъ воздается, которое имѣемъ отъ апостольскаго узаконенія возда-

[1] Съ архимандритомъ Германомъ Мелетію было послано 2000 рублей.

вати милостыню подающимъ и помогающимъ Пресвятому и животодательному Гробу Господню: что бо имѣю, говоритъ апостолъ Павелъ, сіе даю. Но что ино имѣетъ священныхъ чинъ къ возблагодаренію подающимъ милостыню, токмо молитвы и моленія о душевномъ и тѣлесномъ спасеніи, сему взаимно изначала вѣка достохвальніи цари и весь христоименитый народъ, апостольскому повелѣнію и донынѣ послѣдующе, что имѣли, то и подавали, сирѣчь, благодѣянія, милостыни и вспоможенія. И понеже сію вашего императорскаго величества милостыню не мы, но Святой и животодательный гробъ, наипаче рещи, самъ воспріялъ Господь нашъ, котораго домъ и жилище и почтеннѣйшее препокоеніе есть. Онъ, яко богатодарованный Владыка и Царь царствующихъ, воздастъ мѣру благодати независтную отъ своей десницы, яко же вѣсть самъ, сохраняя васъ, аки зѣницу ока, подъ кровомъ своимъ. При семъ же, по благодареніи за оную къ Пресвятому и животодательному гробу Господню и къ намъ милостыни, паки доносимъ, пресвѣтлѣйшая и православная императрица, державнѣйшему вашему величеству о несчастіи и о долгахъ Господня гроба, о которыхъ свидѣтельствуемъ Богомъ, что ежедневно умножаются и возрастаютъ, а не умаляются. Не непризнаваемъ мы, что ваше величество симъ утруждаемъ, но кому иному имѣемъ доносить о нуждахъ пресвятаго гроба Господня, который милостынею сначала и до днесь благочестивѣйшіе цари снабдѣвали, едина надежда есмь и отрада въ различныхъ долгахъ священнѣйшее ваше величество, и вамъ доносимъ о нуждахъ того, отъ кого и мы и державство ваше спасеніе получили. Едина еси, священнѣйшее величество, тѣ крылѣ орли, о нихъ же евангелисте Іоаннъ упоминаетъ во Апокалипсисѣ, которыми Св. градъ

Іерусалимъ облетаеши. И хотя разстояніе мѣста и страхъ отъ владѣющихъ препинаютъ намъ помощь златыхъ вашихъ крилъ, однако же съ горячестію просимъ самодержавство ваше, да якоже Господь нашъ къ побѣжденію діавола и къ освобожденію насъ отъ рукъ его, премудростію своею изобрѣлъ различные образы; такъ и священнѣйшее ваше величество, егда изыщите способъ, можете и долги и препятствія, которыя суть искушенія и дѣйства діавольскія на Св. гробъ ухищренныя, преодолѣть и намъ въ тягчайшемъ долгѣ облегченіе учинить. Иное же ничто неможетъ, кромѣ державной руки вашего величества, ко освобожденію такого поклоняемаго и прославляемаго Св. мѣста отъ тягости вспомоществовать: сіе бо есть то мѣсто, гдѣ Христосъ родился; сіе то мѣсто, гдѣ Христосъ распялся и погребся, находится въ бѣдствѣ отъ долговъ и отъ противныхъ латиновъ, которые, какъ напредъ сего мы писали, чрезъ многую дачу домогаются оное отъ рукъ нашихъ различными образы отобрать. А мы, безсчастніи, терпимъ тиранства и презрѣнія, какъ о томъ обстоятельно свѣдомы обрѣтающіеся здѣсь вѣрные ваши подданные, а причина тому, что неимѣемъ никого заступника. О сихъ нашихъ великихъ печаляхъ съ сокрушеніемъ сердца доносили державству вашему и просимъ подать руку помощи, и не для насъ, но ради самаго Владыки и Избавителя нашего Христа и ради державнѣйшаго вашего величества (просимъ) государскимъ вашимъ предъувѣдѣніемъ изобрѣсти способъ ко вспоможенію. А мы едино сіе предъявляемъ, что варварская власть деньгами только умягчавается и что мы оной власти подлежимъ, о томъ вашему величеству небезъизвѣстно; и тако о Пресвятѣмъ Господни гробѣ и насъ доносить прекращая, желаемъ вашему величеству...“

Въ 1734 году патріархъ Мелетій писалъ въ Константинополь къ резиденту Неплюеву греческое письмо, которое Неплюевъ препроводилъ, для исполненія его, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ письмѣ этомъ патріархъ писалъ: „чрезъ сіе наше патріаршеское писаніе, съ молитвою и благословеніемъ вашему превосходительству, объявляемъ, что получили мы письмо отъ повѣренныхъ нашихъ, обрѣтающихся въ Нѣжинѣ, господина капитана Параскевы и Ѳомы Георгіева, писанное въ 1733 году Октября 17, въ которомъ объявляютъ намъ, что въ 1732 году въ Декабрѣ представилась покойная генеральша Марья Кантакузина, которая при смерти своей завѣщала отослать ко гробу Господню денегъ 500 р. и одну пару подсвѣчниковъ серебряныхъ, въ чемъ учинила душа прикащикомъ брата своего Матѳея Андреева сына Дерескула. Но онъ милостыни сей переслать неуспѣлъ, ибо вскорѣ умеръ и самъ, а завѣщанное осталось у жены его именемъ Анны, дочери князя Данилы Друцкаго, московскаго жителя, которая осталась наслѣдницею, и хотя къ ней упомянутые наши повѣренные объ отдачѣ такой милостыни писали, однако она никакого отвѣта не учинила. Сего ради просимъ ваше превосходительство, чтобы послано было извѣстіе въ Святѣйшій правительствующій Синодъ, по которому бы повелѣно было означенной Аннѣ завѣщанную милостыню отдать, чтобъ не лишился Святой гробъ Господа нашего такаго вспоможенія, ибо обрѣтается нынѣ въ тягчайшихъ долгахъ и иждивеніяхъ. И когда получимъ вспоможеніе сей милостыни, то возъимѣете мзду ваше превосходительство, также и прочіе благочестивые православные христіане, милостинею помогающіе, а наипаче: дабы не лишилася и покойная Марья Кантакузина поминовенія своего, ибо она для поминовенія и

душевнаго своего спасенія ту милостыню завѣщала..." Вслѣдствіе сего письма велѣно было отобрать отъ Анны Дерескулы свѣдѣніе о наслѣдствѣ и завѣщаніи [1].

Приведенными нами посланіями патріарха Мелетія и ограничиваются всѣ тѣ свѣдѣнія, какія только мы имѣемъ о сношеніяхъ его съ русскимъ правительствомъ. Очевидно патріархъ Мелетій, занявъ мѣсто Хрисанѳа на Іерусалимской патріаршей каѳедрѣ, рѣшился возобновить сношенія съ русскимъ правительствомъ; но эти возобновляемыя имъ сношенія носятъ уже совершенно иной характеръ, нежели какой онѣ имѣли при цѣломъ рядѣ его предшественниковъ. Тѣ были, и всячески усиливались быть, не простыми только просителями милостыни, но вмѣстѣ и политическими агентами Россіи, служившими въ Турціи ея интересамъ, исполнявшими при случаѣ тѣ или другія политическія порученія и требованія нашего правительства. Теперь же Іерусалимскій патріархъ является простымъ просителемъ милостыни, ничѣмъ существенно неотличающимся отъ другихъ подобныхъ же просителей. Свои просьбы, обращенныя къ русскому правительству о милостынѣ, онъ неподкрѣпляетъ уже, какъ его предшественники, ссылкою на свою службу интересамъ Россіи или на свою готовность всячески послужить имъ, — эта очень важная сторона прежнихъ сношеній Іерусалимскихъ патріарховъ съ нашимъ правительствомъ, придававшая имъ особенный характеръ, устанавливавшая между ними такія близкія, непрерывныя и разнообразныя сношенія, теперь окончательно и навсегда изчезаетъ. Теперь патріархъ проситъ у русскаго правительства помощи только во имя того, что его патріархія, вслѣдствіе разныхъ не-

[1] Греч. дѣла 1731 г. № 3; 1732 г. № 3; 1734 г. № 2.

благопріятныхъ обстоятельствъ, обременена громадными долгами, которыхъ выплатить она не въ силахъ, а потому русское правительство, какъ православное, и обязано помочь имъ въ этомъ дѣлѣ ради тѣхъ Святыхъ мѣстъ, которыя столь дороги для каждаго православнаго христіанина, но которыя, при неуплатѣ долговъ, могутъ перейти въ руки иновѣрцевъ. Русское правительство, уже цѣлыя столѣтія признававшее свою обязанность помогать и всегда ранѣе помогавшее бѣдствующей Іерусалимской патріархіи, неотказывалось, конечно, помогать ей и теперь. Но, очевидно, подобнаго рода отношенія, заявляющія себя съ одной стороны только въ просьбахъ о помощи, а въ другой — только въ обязанности удовлетворять эти просьбы, естественно должны были съ теченіемъ времени привести наше правительство къ мысли — провѣрить справедливость вѣчныхъ жалобъ іерусалимскихъ патріарховъ на долги Св. гроба, должны были вызвать въ нашемъ правительствѣ—стремленіе ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Іерусалимѣ, уяснить себѣ вопросъ: въ чемъ заключается истинная причина постоянной тяжелой задолженности іерусалимской патріархіи, и слѣдуетъ-ли нашему правительству и на будущее время также безотчетно посылать деньги въ Іерусалимъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ? Этими вопросами дѣйствительно и задалось наше правительство, когда въ 1743 году преемникъ Мелетія, патріархъ Парѳеній, обратился къ нему съ просьбою о помощи бѣдствующему отъ неоплатныхъ долговъ Св. гробу.

Нашъ резидентъ въ Константинополѣ Вешняковъ отъ 21 Мая 1742 года въ своей реляціи писалъ къ государынѣ:

„Вашему Императорскому Величеству всеподдан-

нѣйше имѣю честь донести, что въ послѣднемъ Мартѣ мѣсяцѣ требовалъ отъ меня святѣйшій Парѳеній патріархъ Іерусалимскій пропуску во область Вашего Императорскаго Величества, даже до высочайшаго двора посылаемаго отъ него архимандрита, для всеподданнѣйшаго поздравленія Вашего Императорскаго Величества и для представленія нуждъ того святѣйшаго престола.

„А понеже оный престолъ имѣетъ жалованныя грамоты отъ всѣхъ предковъ Вашего Императорскаго Величества, а паче отъ высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества родителей, съ поздравленіемъ въ Россію пріѣзжать и прежде, въ бытность мою здѣсь, имѣлъ указъ пропускать, того ради не смѣю возбранить, такой проѣздъ дозволилъ, давъ ему рекомендательныя письма и послалъ. Мнѣже слабѣйше разсудилося, что толь менѣе имъ возбранить пристойно, яко святѣйшіе патріархи Іерусалимскіе, а паче всѣхъ предокъ сего, блаженной памяти святѣйшій Хрисанѳъ, патріархъ Іерусалимскій, себя несказанно отмѣнилъ въ вѣрномъ служеніи съ пользою высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества интересамъ въ прежнюю мою бытность и особенно при Неплюевѣ, который чрезъ Хрисанѳа получалъ нужныя ему свѣдѣнія о турецкихъ дѣлахъ, и могъ зѣло задобривать всегда оныхъ министровъ, духовныхъ и ближнихъ въ сералѣ“. Затѣмъ Вешняковъ даетъ свой отзывъ и о тогдашнемъ Іерусалимскомъ патріархѣ Парѳеніѣ, „что онъ человѣкъ житія и званія своего предостойный и ревнительнѣйшій въ службѣ святой православной церкви, также и къ высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества интересамъ, соединяя оныя по православію со своими церковными, потомъ и ко мнѣ зѣло благосклоненъ“.

Къ приведеннымъ заявленіямъ Вешняковъ, въ интересахъ славы и пользы государыни, присоединяетъ совѣтъ „высочайшее милосердіе и щедрость сему престолу явить“, потому что, поясняетъ посолъ, „здѣсь немалая въ томъ слава состоитъ, яко единая высочайшая покровительница всего нашего православнаго исповѣданія, кто иной сему престолу воспособствовать будетъ? ибо всѣ прочія: турки и христіане — ихъ непріятели, первые грабежемъ, ябедою и нападками, а паписты подаяніемъ и нуженіемъ ко издержкамъ, якоже они ото всѣхъ своего исповѣданія многія получаютъ доходы и тѣмъ силу содержатъ и нашихъ превозмогаютъ, а нашимъ никто не подаетъ опричь набожества и ревности бѣдныхъ нищихъ. Того ради, ежели бъ хотя какимъ зѣло умѣреннымъ расположеніемъ подъ какимъ другимъ имянемъ для тайны учинить накладъ на епархіи, монастыри и главныя приходскія церкви съ ихъ ежегоднаго доходу“, что для нихъ, думаетъ Вешняковъ, было бы не чувствительно, для царской казны не убыточно, а между тѣмъ „не малой ежегодной доходъ могъ быть для содержанія и искупленія онаго престола отъ великихъ долговъ, какъ оный патріархъ самъ всеподданнѣйше доноситъ“. Чтобы болѣе расположить государыню оказать помощь Іерусалимскому патріаршему престолу, Вешняковъ свидѣтельствуетъ предъ государыней, что Іерусалимскіе патріархи „живутъ и правятся розно отъ другихъ, ибо всѣ (другіе патріархи) живутъ всякой для себя и доходы для своей персоны берутъ сего жъ престола патріархи по обычаю имѣя привилегію всякой своего наслѣдника назначивать, выбираютъ лучшаго житія и предостойныхъ людей, они же особливыхъ доходовъ не берутъ, но живутъ въ монастыряхъ обществомъ съ великою тишиною, безъ пыхи“.

Въ заключеніе посолъ, указавъ на то обстоятельство, что всѣ тамошнія православныя народы имѣютъ къ Іерусалимскому престолу особое почтеніе, замѣчаетъ, что поэтому и милостыня государыни Іерусалимскому патріарху только увеличила бы большую славу государыни, а вреда не принесла бы.

Такимъ образомъ нашъ резидентъ въ Константинополѣ Вешняковъ явился предъ русскимъ правительствомъ ревностнымъ ходатаемъ за интересы Іерусалимской патріархіи, онъ всячески старался убѣдить государыню оказать щедрое пособіе Іерусалимскому патріарху и даже предлагалъ обложить всѣ русскія епархіи, съ ихъ монастырями и главными приходскими церквами, опредѣленнымъ ежегоднымъ налогомъ, который бы правильно поступалъ на содержаніе Іерусалимской патріархіи и на уплату ея долговъ. Но на этомъ Вешняковъ не остановился. Онъ предложилъ нашему правительству ходатайствовать предъ визиремъ о томъ, чтобы грекамъ возвращено было при Святомъ гробѣ первенство, нѣкогда отнятое у нихъ латинянами.

На послѣднее предложеніе Вешнякова правительство отвѣчало ему секретнымъ рескриптомъ, въ которомъ говорилось: „что вы доносили о Іерусалимской церкви: коимъ образомъ во охраненіи во оной Гроба Христова о первенствѣ передъ греками паписты предъ нѣкоторымъ временемъ салтанской указъ получили, и представляете вы, чтобъ о томъ писать къ везирю, но отъ кого то письмо отсюду писано быть имѣетъ, о томъ, такожъ и о прежнихъ привилегіяхъ, данныхъ отъ Порты о гробѣ Христовѣ Іерусалимскимъ патріархамъ, и какое оные къ тому основательное право имѣютъ, ничего вы не доносили, безъ чего формальнаго съ нашей стороны въ пользу грековъ заступленія учинено быть не можетъ,

и для того потребно вамъ о всемъ томъ сюда обстоятельное изъясненіе прислать". Вешняковъ отъ 17 Августа 1743 года въ короткой релязіи отвѣчалъ правительству, что писать о первенствѣ грековъ при св. Гробѣ нужно къ визирю „отъ господина вицеканцлера, однакожъ онъ, получа о томъ дѣлѣ отъ патріарха Іерусалимскаго пространное извѣстіе, пришлетъ оное впредь".

Между тѣмъ, когда происходила эта переписка между нашимъ правительствомъ и нашимъ посломъ въ Константинополѣ, въ Москву, въ Іюнѣ 1743 года, прибыло посольство отъ Іерусалимскаго патріарха Парѳенія, о которомъ въ предшествующемъ году писалъ правительству Вешняковъ. Посольство состояло изъ архимандрита Никандра, іеромонаха Рафаила и іеродіакона Прокопія. Никандръ тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву умеръ и на его мѣсто вскорѣ присланъ былъ другой архимандритъ — Агапій. Патріархъ Парѳеній прислалъ письмо къ государственному вицеканцлеру, въ которомъ писалъ: „понеже святый градъ Іерусалимъ исповѣдуется быти матерію всѣхъ христіанъ и вси христіани чада суть и питомцы ея, яко отъ нея свѣтъ богознанія воспріявшія и млекомъ благочестія воспитавшіяся, то праведно и достойно долженствуетъ къ ней сыновнюю любовь и крайнее усердіе имѣти, о содержаніи котораго вашимъ высокосіятельствомъ, яко сыномъ ея роднымъ и общія сія матери питомцемъ, мы не сумнѣваемся. И того ради возбудилися отписать сіе къ вашему высокосіятельству, во первыхъ, яко сыну ея для принесенія высокой вашей главѣ апостольскаго благословенія и преисполненнѣйшаго освященія; потомъ же, яко питомцу, для объявленія вамъ о пребѣдномъ общея и питательницы и матери состояніи, и для при-

влеченія васъ къ достойному милосердію и сожалѣнію и сильному словомъ и дѣломъ вспоможенію. И тако да будетъ вашему высокосіятельству извѣстно, что святый градъ Іерусалимъ, т. е. пресвятый Гробъ въ претяжкомъ и пребезмѣрномъ долгѣ находится, въ который онъ впалъ (ими же вѣсть судьбами всѣхъ Богъ) отъ разновременныхъ обстоятельствъ, отъ ежедневныхъ и непрестанныхъ издержекъ, отъ грабленій живущихъ тамъ свирѣпыхъ араповъ, отъ ненасытства здѣшнихъ владѣтелей и прочихъ неминуемыхъ расходовъ, особливо же отъ нападеній еретиковъ армянъ и латино-папистовъ, которые, понеже суть люди пребезмѣрно гордые и пребогатые и Св. нашей восточной церкви враги неукротимые, то стараются о похищеніи изъ рукъ нашихъ Св. мѣстъ и о изгнаніи насъ изъ Св. Іерусалима, употребляя къ тому и другія многія способы, а наипаче денежную дачу ко владѣющимъ и арапомъ. И сіе токмо разсуждаютъ сильнымъ доводомъ къ изгнанію насъ оттуда, потому что, не имѣя мы уже способа къ платежу, остаются они совершенными св. мѣстъ господами, которые мѣста служатъ намъ похвалою и вѣнцемъ похвалъ нашихъ. Сего ради со многими слезами и безмѣрнаго сердца нашего горестію, принуждены давать и мы, ради своего защищенія, отъ чего многіе и непрестанно текущіе расходы произошли и до того долгъ превозшелъ, что никакъ уже исправно выплаченъ быть не можетъ, ибо онаго съ 350,000 левковъ состоитъ съ превеликимъ процентомъ. Съ другой же стороны приходу у насъ ниже на повсядневныя издержки довольно, отъ сего всегда процентъ остается въ наличности и находимся мы въ великой нуждѣ и другаго не можемъ имѣть (средства), кромѣ того что переѣзжаемъ съ мѣста на мѣсто съ великимъ трудомъ, съ весьма бѣдственными

*

обстоятельствами и крайнею осторожностію, чтобъ можно что нибудь ко уплатѣ долга собрать. Однако такая пребезмѣрность (долга) не получаетъ пользы и съ подаемой по 10 и по 20 левковъ милостыни, да и по толикому числу кто даетъ? ибо отъ временныхъ обстоятельствъ въ крайнее убожество здѣшніе христіане пришли и не можемъ ничего собрать, и хотя бы что и собрали, то и на поденныя издержки недостаточно. И такъ иной надежды послѣ Бога не осталось, кромѣ многощедрой ея императорскаго величества милости. Того ради приняли мы смѣлость послать къ императорскимъ ея стопамъ сего подателя, преподобнѣйшаго духовника и архимандрита гроба Господня киръ Никандра съ соборомъ его, во первыхъ, для поклоненія святому ея императорскому величеству, а притомъ и для изустнаго донесенія о пребѣдномъ общія матери Св. града Іерусалима состояніи. И просимъ ваше высокосіятельство о показаніи достойнаго сожалѣнія ко общей матери со всякимъ усерднымъ стараньемъ и при вспомоществованіи словомъ и дѣломъ такой великой нуждѣ“.

Отъ пріѣхавшихъ Іерусалимлянъ правительство потребовало объяснить, какимъ образомъ могъ накопиться такой громадный долгъ на патріархіи. Въ отвѣтъ на это требованіе уполномоченные патріарха представили письменное объясненіе, въ которомъ говорилось слѣдующее: „понеже Св. градъ Господа нашего Іисуса Христа т. е. имянуемый патріаршій престолъ въ Іерусалимѣ въ нынѣшнихъ временахъ не только крайне и вовсе оскудѣлъ, но, и что плачевнѣе, столь одолжалъ, что никакой возможности и надежды тамошнею милостынею отъ онаго освободиться и выкупиться болѣе не осталось. А отъ чего въ такой раззорительный долгъ

вшелъ, причины явны суть: ибо какъ сначала латины поселилися во Святой градъ Іерусалимъ, согласясь съ находящимися тамо во многомъ числѣ пребогатыми армяны, непрестанные свои хитрости и великую денежную сумму (видя насъ въ бѣдности ко завладѣнію Св. гробомъ Господнимъ и всѣми Св. мѣстами) употребляли и нынѣ употребить же неоставляютъ, хотя насъ православныхъ отнюдъ того неоцѣненнаго сокровища лишить и вовсе изъ Іерусалима изгнать. Мы же инаго оружія во оборону противъ армянъ, гонителей вѣры нашей и крайнихъ ненавистниковъ православія, неимѣемъ, кромѣ великіе суммы денежные, что принуждены занявъ дать злочестивымъ туркамъ, и на нѣсколько время оные успокоеваемъ. А тамошней арапской народъ свирѣпъ сущь и безпокоенъ, немалые ежегодные смущеніи и раззореніи намъ причинствуетъ, чего для отъ Св. гроба повсягодно дается туркамъ около 15,000 левковъ и болѣе, кромѣ случающіяся частыя христоненавистныхъ армянъ гоненій, неупоминая здѣсь ни должное содержаніе тамошнихъ 14 монастырей, ниже живущихъ архіереевъ, архимандритовъ, священномонаховъ, діаконовъ и монаховъ, всѣхъ около 300 человѣкъ, а кромѣ того другіе церкви, да гошпитали. Святый же гробъ — патріаршій престолъ доходовъ иныхъ неимѣетъ, какъ подаяніе милостины пріѣзжающихъ православныхъ поклоненія ради и собираніе милостиныхъ посылаемыми отъ Іерусалима по всему свѣту, и хотя до нынѣ тѣмъ содержались, да отъ обыкновеннаго нападенія христоборныхъ армянъ выкупались, однакожъ недавные двѣ армянскіи нападеніи великой и несносной убытокъ приключили. А что послѣдніе двѣ жъ французскіе обще съ армянами нападеніи, — желая у насъ вовсе отнять какъ Іерусалимъ, такъ и всѣ прочія Св. мѣста, то въ такой

раззорительный долгъ оный святѣйшій престолъ — Гробъ Спаса нашего ввели, что нынѣ уже находится долгъ 353,000 левокъ съ великими и тяжкими процентами, которые отъ часу умножаются. И никогда еще въ такое разореніе и безнадержной опасности къ потерянію Св. Іерусалима необрѣтались, отъ чего насъ, кромѣ сильной руки священнѣйшія и православнѣйшія государыни нашей и православнаго государства, инъ освободить и выкупить неможетъ. Латины же, съ которыми и армяня согласуются, отъ всѣхъ патентатовъ папежской церкви помочь имѣютъ, а мы, кромѣ сей православной имперіи, куда прибѣгать не имѣемъ. И тако святѣйшій іерусалимскій патріархъ, находясь въ такомъ крайнемъ утѣсненіи, презирая всѣ отъ турокъ опасности, а наипаче слыша о нынѣшнемъ благополучномъ ея императорскаго величества государствованіи, непостижимымъ промысломъ Всевышняго ко защищенію всего православнаго народа избранною и на отеческой всероссійской престолъ возстановленною великою государынею, отважился прибѣгать ко природнымъ щедротамъ ея императорскаго величества и благоутробію вашему, прося слезно чрезъ меня смиреннаго, да благоизволите ко искупленію того святаго мѣста (на которомъ всѣ мы пречистою кровію Господа нашего Іисуса Христа искуплены, Его-же гробъ Святой иновѣрцы у насъ нетокмо отнять усиливаются, но и вовсе такого бисера лишить затѣваютъ) яко вождѣленные дѣти восточной церкви, святаго Іерусалима, ради несравненной славы имперіи вашей, ради чаемыхъ воздаяній въ верхнемъ Іерусалимѣ, ускорить и недопустить насъ изгнаннымъ и посрамленнымъ отъ злочестивыхъ супостатъ нашихъ быти, да не рекутъ борящія насъ православныхъ: гдѣ есть Богъ ихъ, на него же уповали?“

Но этими разъясненіями присланныхъ іерусалимлянъ наше правительство не удовлетворилось. Оно задумало разъяснить себѣ истинное положеніе дѣлъ въ іерусалимской патріархіи инымъ путемъ и въ этихъ видахъ обратилось къ нашему резиденту въ Турціи Вешнякову съ слѣдующимъ очень любопытнымъ и характернымъ рескриптомъ:

„Во время пришествія нашего (т. е. императрицы) сюда въ Москву явился здѣсь присланный отъ іерусалимскаго патріарха Парѳенія (архимандритъ) Никандръ съ письмомъ отъ васъ къ нашему вицеканцлеру, тотъ, о которомъ вы прошлаго году въ разныхъ вашихъ реляціяхъ и коимъ образомъ отъ васъ рекомендаціи и пропускъ внутрь границъ нашихъ упрашиваемы были, доносили. Посему вамъ и предписано было обстоятельное и вѣрное извѣстіе прислать о древнихъ о гробѣ Господнемъ отъ Порты Іерасалимскимъ патріархамъ данныхъ привиллегіяхъ и о нынѣшнемъ помянутаго восточнаго престола состояніи. Но вы, за отъѣздомъ патріаршимъ въ Молдавію, отъ котораго о тѣхъ обстоятельствахъ подробное изъясненіе по возвращеніи его въ Константинополь, взять намѣрены, сослався на изустное помянутаго сюда присланнаго объявленіе, и мы въ прежнемъ почти невѣдѣніи о прямомъ всего того основаніи остаемся и понынѣ пребываемъ, понеже оный архимандритъ согласно письмамъ патріаршимъ доноситъ, токмо что они по разнымъ папистовъ и армянъ противу ихъ происканъ, на раздачу туркамъ въ разныя времена 353,000 левковъ употребили, и тою суммою будучи должны, о заплатѣ оной нашего подаянія просятъ.

„И хотя мы подлинно неменьше предковъ нашихъ. а особливо блаженной памяти вселюбезнѣйшихъ родите-

лей нашихъ, неточію имѣющіяся у оныхъ патріарховъ жалованныя, о позволеніи съ поздравленіемъ въ государства наши пріѣзжать и добровольную отъ подателей милостыню собирать, грамоты вновь подтвердить, но, по благочестію нашему, и къ оказанію всякаго возможнаго вспомоществованія всемилостивѣйше склонны находимся. Однако нежелаемъ притомъ, дабы наше подаяніе втунѣ и для тщеславія и какого-либо переможенія у турокъ и чтобъ благодѣяніе наше для произведенія какихъ при Портѣ межъ духовенствомъ происковъ служило, а потому всему, прежде поступленія на то, какъ уже выше упомянуто, о прямомъ всего того состояніи извѣстіе имѣть хотѣлибъ.

„Сколько жъ здѣсь вѣдомо, гробъ Христовъ ни у грековъ, ни армянъ, ни у папистовъ въ рукахъ ни находится, но турки оной сами для корысти и собиранія отъ каждаго богомольника, которой дѣйствительно поклониться поусердствуетъ, 5 левковъ или 3 рублевъ нашихъ денегъ, держутъ, и бывшіе у греческихъ благочестивыхъ съ оными папистами и армянами тяжбы, происходили о привиллегіи притомъ гробѣ Господни Божію службу отправлять, которая и до днесь въ самыхъ внутреннихъ соборнаго храма предѣлахъ и у гроба Господня благочестивая отправляется, а въ зданіи, кое около церкви отъ прежнихъ темпліеровъ, а послѣ кавалеровъ Іерусалимскихъ называемыхъ осталось, неточію въ случаѣ присутствія патріаршаго онъ самъ и весь греческій тамошній монастырь, но и армянскіе и папистскіе епископы, вмѣстѣ съ главноначальствующимъ турецкимъ пашею, по великости онаго не только умѣщаются, но и для поклонниковъ каждаго изъ трехъ сихъ христіанскихъ законовъ, а наипаче для греческихъ, довольно жилищь остается. А патріархи уже отъ дав-

няго времени непрестанно или въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ немалое число приписныхъ монастырей имѣютъ, или для престереженія при Портѣ древнихъ своихъ привиллегій и въ службѣ Божіи при гробѣ Господнемъ преимущества, такожъ для избавленія отъ низверженія, дабы кто того мѣста не перекупилъ, въ Константинополѣ обыкновенно жительство свое имѣютъ, сохраняя чрезъ разныя туркамъ дачи поднесь право послѣ наслѣдника въ патріаршество назначивать, которой обыкновенно отъ Порты и подтверждается.

„Прежде 730 года интересованіемъ за папистовъ французскихъ при портѣ резидующихъ пословъ, а наипаче по заключеніи съ ними мира, по старанію Марка Вилленева (который обще съ тогдашнимъ ему весьма дружнымъ Рейсъ-Оффендіемъ не малые денежные дачи за то получилъ) армянамъ католицкимъ нѣсколько предѣловъ, самыхъ ближнихъ къ гробу Господню, показано, да и нѣкоторая починка дозволена была (яко турки вновь церквей Божіихъ строитъ не допускаютъ, и за деньги починку оныхъ позволяютъ); но вскорѣ по докладу отъ грековъ министромъ турецкимъ, что въ указѣ султанскомъ нѣкоторые слова, коими благочестивые весьма утѣснялись, скребены, и вновь по ихъ армянскому произволу внесены, помянутый указъ отъ армянъ турками отнятъ, а грекамъ всѣ прежнія свободы и преимущества, коими и нынѣ пользуются въ Іерусалимѣ, акордовары и понынѣ, сколько здѣизвѣсно, хранятся.

„Натурально, такія христіанъ межъ собою у турокъ переможенія безъ иждивенія учинены быть не могутъ, а чтобъ до 353,000 левковъ къ тому употреблено, сіе сумнительно по всему, ибо кромѣ что: какимъ бы образомъ толь великая сумма собрана и въ процентахъ

состоять могла? неимовѣрно. Но притомъ извѣстно, что тамошніе греки на такія подаянія весьма мало денегъ употребляютъ, очевидно зная, что возвращеніе оныхъ весьма ненадежно по непостоянству турецкому отъ главноначальниковъ духовныхъ, кои всѣ, безъ изъятія одного, мѣста свои у тамошняго министерства покупаютъ и другъ друга ссаживаютъ. А что сіе неоспоримо въ себѣ есть, о томъ вамъ, по долговременному въ туркской области пребыванію, самому еще лучше вѣдомо, нежели кому иному: ибо и къ нашимъ министрамъ о такомъ другъ друга низверженіи не стыдились адресоваться, и по показанію отъ тѣхъ нашихъ министровъ, сколь то предъ Богомъ отвѣтственно и грѣшно, другіе для достиженія своего намѣренія всякіе непозволительные способы употребляли. Но какъ бы сіе въ существѣ нибыло, они одни предъ страшнымъ судомъ отвѣтствовать въ томъ имѣютъ, а мы, сколь съ одной стороны по закону къ подаянію суще неимущимъ всемилостивѣйше склонны, столь, съ другой — весьма не хотимъ вышеозначенному грѣху милостынею своею содѣйствовать. И такъ вамъ всемилостивѣйше повелѣваемъ о всемъ томъ намъ поистинѣ обстоятельствъ донесть и точно показать: въ чемъ состоятъ греческимъ благочестивымъ въ Іерусалимѣ утѣсненія, и какой порядокъ нынѣ въ службѣ Божіей тамъ отправляется и сколько долговъ съ выкупомъ долга Христова, и не разумѣется ли тѣмъ, чтобъ всѣхъ другихъ законовъ службы изъ соборнаго храма, съ привиллегіей одной благочестивой греческой быть, выключить? еже какимъ-бы способомъ учинено быть могло, нимало непонятно, потому что никогда невѣроятно, дабы турки получаемый ежегодной толь немалой отъ поклонниковъ прибыли лишиться похотѣли. А хотябъ

настоящій визирь чрезъ какіе чрезвычайные дачи на то склонился, но по перемѣнѣ онаго (еже у турокъ нерѣдко бываетъ) сукцессоръ его вскорѣ тожъ получить, или на старомъ основаніи (ибо отъ начальнаго въ Іерусалимѣ паши взятки получаютъ) собираніе той дани возобновитъ. При томъ же вамъ въ наставленіе сіе упомянуть за благо разсуждаемъ, что вамъ по единовѣрію буде безъ наибольшаго православныхъ въ Турціи находящихся притѣсненія, то учинить лзя — удобно за нихъ при портѣ дружескимъ образомъ отъ времени до времени заступленіе (безъ предосужденія однако другимъ нашимъ дѣламъ) производить можете, только бы для сего въ дачу тамошнимъ патріархамъ казны отнюдь недержать и напрасно нетратить, толь наипаче, что еще посольство Толстаго показало, какіе по тогдашнимъ обстоятельствамъ и по непрестаннымъ ихъ докукамъ, и хотя можетъ быть по истинному, но безпомощному доброжелательству, немалыя суммы потеряны, отъ которыхъ издержекъ бывшіе послѣ него — Толстаго наши при портѣ министры воздержався, дѣла наши, настоящими и прямо Портѣ отъ нихъ чинимыми предложеніями, въ лутчее и въ несравненное съ прежними поведеніе приведены.“

Приведенный высочайшій рескриптъ нашему резиденту въ Константинополѣ Вешнякову интересенъ и характеренъ въ томъ отношеніи, что въ немъ наше правительство въ первый разъ заявило свое желаніе поближе познакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Іерусалимѣ, не чрезъ самихъ приходящихъ въ Москву просителей милостыни, а чрезъ резидента въ Константинополѣ. Указанное желаніе возникло у нашего правительства потому, что оно, не отказываясь помогать дѣйствительнымъ нуждамъ бѣдствующей Іерусалимской

патріархіи, не хотѣла бы однако, чтобы подаваемая имъ милостыня была употреблена тамошними духовными или ради „тщеславія“, или ради „переможенія“ у турокъ, или для произведенія какихъ либо „происковъ“ предъ Портою. Въ Іерусалимѣ, сколько знаетъ правительство, между разными христіанскими вѣроисповѣданіями происходитъ борьба не за Св. гробъ собственно, а за первенство при немъ, и что эта борьба со стороны православныхъ требуетъ извѣстныхъ издержекъ; но чтобы эти издержки на указанный предметъ могли дойти до той чрезмѣрно крупной суммы долга, какую приводитъ просительная патріаршая грамата, это кажется правительству „сумнительнымъ по всему“. Собрать такую крупную сумму, хотя бы и подъ большіе проценты, патріархія едва ли могла, такъ какъ тамошніе греки такихъ денегъ ей не дадутъ, хорошо зная, что возвратить ихъ невозможно въ виду особенно того, что греческіе іерархи свои мѣста обыкновенно покупаютъ у турокъ „и другъ друга осаживаютъ“, прибѣгаютъ съ тою цѣлію и къ другимъ непозволительнымъ средствамъ. Правительство не желаетъ „вышеозначенному грѣху милостынею своею содѣйствовать“ и потому предписываетъ резиденту, съ одной стороны, собрать точныя и вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Іерусалимѣ, причемъ разрѣшается ему, если тамъ православнымъ дѣйствительно бываютъ какія притѣсненія, оказать имъ возможную поддержку; съ другой стороны „въ дачу тамошнимъ патріархамъ казны нашей отнюдь не держать и напрасно не тратить“.

Такимъ образомъ наше правительство, цѣлые двѣсти лѣтъ посылавшее болѣе или менѣе крупныя суммы на помощь и уплату долговъ бѣдствующей іерусалимской патріархіи, до самой половины XVIII столѣтія пови-

димому ни разу не задавалось вопросомъ: дѣйствительно-ли Іерусалимская патріархія испытываетъ всѣ тѣ бѣды и нужды, про которыя постоянно твердятъ просительныя патріаршія грамоты? Посылаемыя на уплату долговъ Св. гроба суммы дѣйствительно-ли расходуются только на этотъ предметъ, или-же истрачиваются еще и на что либо другое? Вѣчная и крупная задолженность Іерусалимской патріархіи есть-ли неизбѣжное и неотвратимое слѣдствіе варварскаго господства турокъ и вражды непримиримыхъ къ православнымъ иновѣрцевъ или-же и результатъ неправильнаго веденія своихъ дѣлъ и хозяйства самою патріархіею? Только въ половинѣ XVIII столѣтія наше правительство пришло къ мысли о необходимости съ его стороны—провѣрить справедливость идущихъ изъ Іерусалима заявленій о испытываемыхъ тамъ тяжелыхъ и постоянныхъ нуждахъ и притѣсненіяхъ, о необходимости болѣе точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, куда и какъ расходуются деньги, получаемыя изъ Россіи на нужды Св. гроба.

Резидентъ Вешняковъ, получивъ высочайшій рескриптъ, обратился за требуемыми отъ него правительствомъ свѣдѣніями относительно истиннаго положенія дѣлъ въ Іерусалимѣ къ Іерусалимскому патріарху Парѳенію, который и прислалъ отъ себя резиденту „Краткое вѣдѣніе о древнихъ вольностяхъ патріарховъ іерусалимскихъ и причинъ распрей между греками, римлянами и армянами“, которое резидентъ немедленно отослалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Въ своемъ „Краткомъ вѣдѣніи“, къ которому приложены были расположенныя по алфавиту копіи съ жалованныхъ граматъ разныхъ султановъ патріархамъ Іерусалимскимъ, патріархъ Парѳеній писалъ:

„Іерусалимъ взятъ Омеромъ, сыномъ Хатаповымъ,

бывшемъ по Моамефѣ третіимъ начальникомъ, съ пятьнадесятъ лѣтъ по Моамефѣ, было тогда въ Іерусалимѣ патріархъ Софроній. Сей Омеръ далъ патріарху жалованную грамату на пергаминѣ со многими вольностями, какъ является въ переводѣ реченныхъ граматъ (коіи съ которыхъ патріархъ прислалъ). Подобныя же и отъ египетскихъ и вавилонскихъ магометанскихъ царей даны были, изъ которыхъ семьнадесять въ Константинополѣ хранимы обрѣтаются, прочія же въ Іерусалимѣ, и всѣ въ той же силѣ, какъ Омерова грамата.

„Во время взятья Константинополя султаномъ Моамефомъ, Іерусалимъ тогда былъ подъ египетскими салтанами, однакожъ тогдашній Іерусалимскій патріархъ Аѳанасій, предусмотря разширеніе ѳѳоманскаго царствія, пріѣхалъ въ Константинополь и объявилъ салтану всѣ даванныя отдревле царствовавшихъ надъ ними хатеширифы или жалованныя грамоты. Потому онымъ салтаномъ былъ принятъ зѣло благосклонно, отъ него же не толику на Омерову грамату, но и всѣхъ прочихъ египетскихъ владѣтелей граматы подтвержденіе получилъ, и по такимъ граматамъ дозволяемыми вольностями пользовался дондеже салтанъ Селимъ, при Ѳеодосіи патріархѣ іерусалимскомъ, взялъ Іерусалимъ у египтянъ, и далъ подтвердительный его тѣхъ же древнихъ вольностей хатишерифъ, какъ въ переводѣ *А* явствуетъ.

„По смерти султана Селима наслѣдовалъ сынъ его Сулейманъ, который, во время патріарха Досиѳея, не только раззоренныя стѣны Іерусалимскія починилъ, но и всѣ данныя вольности отцемъ его подтвердилъ, какъ въ переводѣ *В* явствуетъ. При томъ же султанѣ Сулейманѣ была наложница, стипіомъ по турецки, Гасюка султанша, оная установила тогда въ Іерусалимѣ одну

богадѣльню, и доходъ на содержаніе оной опредѣлила порученіемъ ключей великаго храма Воскресенія Христова, гдѣ Св. гробъ обрѣтается, начальнику, по турецки зовомому мутевеню, тоя богадѣльни, который приходящимъ на поклоненіе двери отворяетъ и опредѣленный ему со оныхъ доходъ собираетъ, а имянно: съ православныхъ и съ армянъ по семи левковъ, а съ латинъ по четырнадцати. Въ прочее же время всѣ монахи и священники: греки, армяне и паписты въ церкви запираются, только по случающимся нуждамъ того надзирателя призываютъ для отворенія и паки имъ заключаются. Ключи оный же къ себѣ беретъ и ему сверхъ того еще отъ правленія власть дана такая, какъ и другимъ командирамъ надъ подчиненными ихъ.

„Издревле греческія привиллегіи состояли въ начальствованіи и предпочтеніи предъ всѣми другими народами. Но нынѣ, по особливому нѣкоему пріятству, предпочтеніе дано папистамъ. Однакожъ грекамъ оставлено право начальствованія предъ всѣми другими законами, опричь папистовъ, какъ на крестохожденіяхъ, бываемыхъ на Святыя страсти, по древнему обычаю: армяне, абиссаніи, яковитяне, сиріяне, мароніты, получаютъ позволеніе по обыкновенію и предшествующимъ грекамъ послѣдуютъ. Греческое же предначаліе предъ всѣми общедругими законами ненарушимо содержалося до дней патріарха Германа, перваго изъ грековъ, яко до него всегда патріаршествовали арави. Но во время сего патріарха, въ лѣто отъ Адама 7085, францысканя первый опытъ соблазненной тому учинили, яко во отсутствіе патріарше, сдѣлавъ алтарь, служили въ мѣстѣ снятія со креста Господа нашего, о чемъ увѣдавъ патріархъ, по возвращеніи своемъ, вошедъ во святой храмъ гроба Господня, оной ихъ францысканской ал-

тарь разрушилъ и вонъ извергъ, чѣмъ паки въ прежнее состояніе привелъ. По кончинѣ же Германовой и по возшествіи по немъ на патріаршій престолъ патріарха Софронія, паки латинскіе старцы чрезъ великія деньги въ 1600 году, въ самое время пребыванія тамо посла французскаго, паки овладѣли какъ святымъ Вертепомъ Христова Рождества, такъ и Святою Голгофою. Но по отъѣздѣ посольскомъ патріархъ паки челобитье возобновилъ и, по многомъ иждивеніи, полчасти Св. Голгофы удержалъ, а другая половина Голгофы и Св. Вертепъ остался въ силѣ старцовъ францысканскихъ даже до дней Ѳеофана патріарха, Софроніева послѣдователя, понеже Ѳеофанъ, во владѣніе султана Амурата, въ самомъ салтанскомъ диванѣ челобитіе произвелъ предъ всѣми присутствовавшими судіями и, по показаніи права своего, паки одержалъ новую салтанскую жалованную грамоту, съ подтвержденіемъ грекамъ отправленія молитвы ихъ тамо по силѣ прежнихъ жалованныхъ грамотъ, какъ явствуетъ въ переводѣ оныхъ. Токмо по двухъ лѣтехъ латинскіе старцы чрезъ многое иждивеніе одержали было какъ Св. гробъ, такъ и прочія Св. мѣста. Но патріархъ паки въ диванѣ челобитіемъ, по доказаніи своего права, одержалъ второй имянной салтанской подтвердительный хатишерифъ, на всѣ ему принадлежащіе поклонные мѣста. Съ того времени латинскіе старцы пребыли въ молчаніи до дней патріарха Досиѳея, т. е. до 1689 года. Въ семъ году и при томъ же салтанѣ во время ссоръ у вышереченнаго патріарха Ѳеофана съ латинами, армяня начала ихъ первое челобитье о двухъ вещахъ: первое, дабы въ крестномъ хожденіи грекамъ предшествовать; второе, дабы имъ отданы были церкви ависинянъ, яковитянъ и сиріянъ, яко подобныя въ догматѣхъ ихъ еретичества, понеже

оніи народи суть монофелиты, т. е. едино естество исповѣдующіе такъ, какъ и они — армяне. Токмо такое ихъ челобитье въ диванѣ отвергнуто и имяннымъ салтанскимъ указомъ подтверждено грекамъ сими монастырями и церквами владѣть, какъ явствуетъ въ переводѣ онаго — *С.* Но по смерти Ѳеофановой, во время наслѣдовавшаго по немъ Паисія, арменя выше помянутыя два прошенія свои возобновили и къ онымъ еще третіе прибавили — объ отдачѣ имъ грузинскаго монастыря Св. Іакова, въ которомъ они уже давно жили отъ грековъ нанимая, а по прошествіи многаго времени не токмо найма платить не стали, но еще своимъ издавна бывшимъ называть начали. Сіи три прошенія ихъ произведены были въ диванѣ при салтанѣ Мегеметѣ, токмо по доказаніи греками права своего, армянамъ паки отказано было, и данъ былъ грекамъ новый имянной указъ на полученіе подлежащихъ вышепомянутымъ народамъ монастырей и того самаго Св. Іакова грузинскаго монастыря. Но по смерти сего патріарха настоятели тотъ монастырь Св. Іакова грузинской армянамъ отдали, а прочія за ними остались. И до нынѣ таковыя отъ толь многихъ лѣтъ ссоры между греками и армянами настоятъ, какъ явствуетъ въ переводѣ грамоты султана Магомета — *Д.*

„Съ того времени, даже до дней патріарха Досиѳея, латини и армяня утихли, и такъ по ряду патріархи у каждаго султана указы поновляли. Но во время бывшей войны турецкой съ императоромъ Леопольдомъ, французы представили туркамъ ихъ алканцію и помощь и за то, между прочимъ, требовали, дабы имъ уступить поклоненія тѣхъ Святыхъ мѣстъ, то, по тогдашнимъ нужнымъ обстоятельствамъ, и дозволено имъ преимущество предъ всѣми прочими народами и предъ самими

греками: служить токмо однѣмъ имъ подъ сводомъ (по гречески кувукліонъ) при гробѣ Господни (къ чему и греки право хотя и неоскудное имѣли, однакожъ никогда во Св. гробѣ не служили за тѣснотою мѣста и по невозможности исполненія по чину священныя литоргіи), также владѣть Святымъ мѣстомъ Снятія со креста, половиною Голгофы, Обрѣтеніемъ креста, церковію Св. Виѳліема и Вертепа, въ немъ же родися Господь нашъ, яже вся и до нынѣ обдержатъ. Однако паки осталась у грековъ большая часть Св. гроба, ибо будучи весьма церковь велика — въ ней есть многія святые престолы и жилищи, вмѣщающіи множество христіанъ православныхъ, латинянъ и армянъ, зане греки владѣютъ великою церковію каѳедральною, т. е. соборною, одни до Голгоѳы — чудо величества и красоты, половиною святыя Голгоѳы, гдѣ Господь нашъ распяся, трапезою архангельскою, трапезою же, гдѣ возложися терновъ вѣнецъ Господу нашему, престоломъ Честнаго Предтечи, престоломъ Пресвятыя Богородицы, предѣломъ преподобной Маріи и иными мѣстами для жительства въ срединѣ огражденія церковнаго. Армяне же имѣютъ токмо одинъ престолъ, а латини одну малую церковь, въ ней же живуще служатъ, и во Св. гробѣ, во Обрѣтеніи креста, въ Снятіи и въ получасти Св. Голгоѳы. Въ самомъ же городѣ Іерусалимѣ греки имѣютъ многіе монастыри и — первый Воскресенской, гдѣ Господь явился Маріи и рече: не прикасайся мнѣ; (2) церковь Св. Іакова брата Божія, гдѣ и престолъ его; (3) церковь Св. 40 мученикъ, (4) Св. Константина, (5) св. Ѳеклы — сіи церкви обрѣтаются среди патріарша дома. И еще внѣ его имѣютъ монастырь Аврааміевъ, честнаго Предтечи, Пресвятыя Богородины, Архангеловъ, Св. Георгія въ жидовской улицѣ. Внѣ же Іеру-

салима: Св. Саввы великій монастырь, на которой дана жалованная грамота милостыни ради отъ россійскаго государства; Св. Назаретъ, которому дана вторая грамота оттуда же, при блаженныя памяти царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; пророка Иліи, Честнаго Креста и Святой Виѳліемъ, которыми всѣми владѣютъ греки. Армяня же во Св. гробѣ имѣютъ церковь малую едину, токмо и въ дальности отъ священнаго кувуклія, а внѣ соборныя церкви еще церковь Св. Іакова Алфеова, монастырь Иверскій и Св. Георгія монастырь женскій, а внѣ Іерусалима домъ Каіафинъ глаголемый.

„По сему описанію внутрь и внѣ имѣютъ греки болѣе, нежели всѣ другіе народы, понеже за ними не токмо свои собственныя, но и грузинскія владѣнія и доплатили долги ихъ, бѣжавшихъ отъ нестроенія, болѣе ста тысячь левковъ, и даже до днесь монахоначальники греческіе имѣютъ долговыя оныхъ записи во Іерусалимѣ; и христоименитыхъ людей довольно, хотя и убогихъ, и архіереевъ довольныхъ, какъ въ чиновникахъ патріаршихъ престоловъ зрится; и монаховъ многихъ во Іерусалимѣ и внѣ, ходящихъ для милостыни отъ убогихъ христіанъ бѣднаго рода.

„Латинскихъ же старцовъ перво въ Іерусалимѣ было весьма немного такъ, какъ въ переводѣ граматы явно. Но нынѣ многіе, понеже тамъ они свое прибѣжище имѣютъ и присылаются всегда миссіонаріи или проповѣдники для прельщенія простыхъ, а епископовъ совсѣмъ неимѣютъ, кромѣ только поповъ и монаховъ, хотя гвардіянъ и епископскую силу имѣетъ, токмо достоинства несподобленъ. Они получаютъ пропитаніе свое отъ милостыни, токмо начальное основаніе свое имѣютъ въ Гишпаніи, которая имъ даетъ во всякій годъ семдесять тысячь сивиліянъ, еже все расходится,

а многажды и занимаютъ, понеже много даютъ тамо живущимъ армянамъ и тамошнимъ властелинамъ, мня тѣмъ обезсилить грековъ, яко ввели во обычай, что елико платитъ одинъ народъ, то и другой долженъ тому соотвѣтствовать. И при семъ еще неостаются, но приступаютъ разными нападками тѣ турки и арапы на грековъ, и то введенное за право почитаютъ, что латиня и армяня даютъ; насильство ихъ—токмо единъ законъ и салтанскимъ указомъ нимало не повинуются. Будучи люди бездомныя и въ поляхъ живущія, армяня содержатся какъ и греки милостынями и поклонниками. Но понеже народъ ихъ большій и богатѣйшую получаютъ милостыню и приходъ, какъ напротивъ греки, будучи нищи и злополучны, съ великимъ утѣсненіемъ и печалію души, совсѣмъ тѣмъ что имутъ произволеніе, даютъ малую нѣкую милостыню. И сего ради патріархъ греческій и монастыри, подлежащіе ему, имутъ великую нужду и утѣсненіе, армяне-же богатѣютъ, и яко богатіи происходятъ въ домахъ господскихъ. И въ 1732 году съ помощію французовъ, премногіе дары давше, учинили два хатишерифа въ поновленіе древнихъ своихъ требованій, сирѣчь, о монастыряхъ абиссинскихъ, коптскихъ и сирійскихъ—о Св. Іаковѣ и о равночестіи съ греками, и хотя получили тѣ указы, но по нимъ нетокмо дѣйствовали, но и не объявляли; и армяня никакаго отмѣннаго хатишерифа неимѣли какъ точно такой же, какъ греческій, и другой отмѣны небыло, опричь что греческое имя ромеи премѣнено въ армянское имя арменіи, и по оному никакого дѣйства небыло, и тотъ же указъ греки въ 1735 году чрезъ великія издержки отмѣнить преуспѣли, въ яко самомъ диванѣ изодранъ былъ. Однакоже недано тогда грекамъ никакой новой граматы, но остались паки съ старыми безъ лишенія

ни единой пяди земли. Въ 1739 году съ помощію французовъ же подвиглись армяня поновляти раздранныя граматы и поновили. Однако паки разрушены ихъ предпріятія, понеже грекамъ данъ новый имянной указъ, котораго намъ и копія дана, изъ неяже видны древнія и новыя грековъ привиллегіи, такожъ и изъ перевода нѣкоторыхъ другихъ указовъ. Безъ продолженія времени подвиглись французы на зданіе отъ основаніи Святыя главы и гроба Святаго, для чего и каменіе изъ Генувы привезли, нынѣ въ Іопіи находящіеся, дабы всѣ старые матеріалы во Францію увезти. Токмо греки чрезъ наисильнѣйшія домогательства и великіи иждивеніи до того недопустили и опровергли, и то дѣло и до нынѣ въ препятствіи.

„По такимъ и подобнымъ случаямъ патріархія іерусалимская подвержена толикой тяжести долговъ, ибо хотя и монастыри довольны имѣетъ во обладаніи и милостыню собираютъ, но по убожеству народовъ весьма малую помощь имъ даютъ, яко едва становится на годовые расходы и на плату процентовъ съ долговъ своихъ тяжкихъ, зане всякій годъ занимаютъ, а лихвы прибавляются, и слѣдуетъ годовая прибавка долга около 35,000 левковъ, хотя патріархъ полученіемъ нѣкія помощи изъ Молдавіи и уплатилъ до 50,000 левковъ долгу константинопольскаго. Однако въ Іерусалимѣ еще примножился вновѣ займомъ для платы лихвы съ долговъ своихъ. Сихъ ради тягчайшихъ долговъ и нужды патріархъ трудится и ѣздитъ когда въ Валахію, когда въ Молдавію, а иногда и въ Константинополь для предостереженія своего состоянія чрезъ деньги, также и наслѣдника утвердить, когда наречь пожелаетъ.

„Патріархъ іерусалимскій денегъ при портѣ не тратитъ для своего утвержденія, ниже для преемника или

послѣдователя, сихъ ради винъ: 1. что приходу особливаго не имѣетъ, кромѣ единой милостыни, которая можетъ пресѣчена быть совершенно, когдабъ патріархъ житіемъ внѣ епархіи оныя не собиралъ; 2. что патріархъ и монахи живутъ во общежительствѣ и неимѣютъ нужды, кромѣ любви и братскаго совѣта и согласія съ братіею. А сверхъ же сего еще: уже узаконено отъ салтановъ, чтобъ іерусалимскому патріарху небытъ пришельцу изъ другаго патріаршества, какъ то и время показало и салтанскія граматы являютъ. Когда же патріархъ іерусалимскій поставляется, на то зѣло мало издержекъ бываетъ, и другихъ никакихъ нѣтъ окромя что 75 левковъ древней платы въ государственную казну, и еще отъ шести до семи сотъ левковъ раздается въ канцеляріи за обыкновенные указы и подтвердительныя граматы.

„Іерусалимскій патріархъ настоящей, когда воспріемлетъ намѣреніе воспреемника или наслѣдователя учинить, то происходитъ это слѣдующимъ образомъ: прежде его посвятитъ митрополитомъ въ Іерусалимъ и представитъ Синоду аки преемника, и когда его признаютъ и изберутъ, тогда беретъ его съ собою въ Константинополь и во все путешествіе неотлучно съ нимъ бываетъ для смертнаго случая, тогда же дѣлаютъ и духовную, объявляя оную преемникамъ, хотя часто и то случается, что между избраніемъ и преложеніемъ престола на избраннаго, проходитъ лѣтъ по десяти. Но когда приходитъ время къ приложенію, то безъ всякаго предыдущаго увѣдомленія портѣ, настоящій чинящій оставленіе престола патріархъ, призываетъ константинопольскаго совсѣмъ его соборомъ и знатныхъ лицъ. Тогда при всемъ собраніи чинитъ оставленіе и предлагаетъ избраніе іерусалимскаго синода, слѣдуя сему и кон-

стантинопольскій синодъ избираетъ, и потомъ бываетъ на избраннаго преложеніе престола, послѣ чего уже портѣ доносится объ оставленіи первымъ и о избраніи преемника, и сей портою безпрекословно подтверждается немедленно дачею грамотъ и нужныхъ указовъ. А то неправда, какъ обычайно слышно, что будто патріархъ іерусалимскій для того живетъ въ Константинополѣ, но истинныя вины того жительства суть сіи: 1. что будучи въ Константинополѣ или близко, свободнѣе препятствуетъ и предваряетъ покушающихся на похищеніе вольностей и вещей своего престола и монастырей; 2. въ отсутствіи же патріаршемъ изъ Іерусалима тамъ меньше расходу бываетъ; 3. будучи внѣ патріархіи свободнѣе и болѣе милостыни собираетъ и въ нуждахъ патріаршествъ лучше опасаетъ. Сіе есть содержаніе привилегіи и чина древняго и нынѣшняго состоянія въ Іерусалимѣ.—Отъ нихъ произошли тягчайшіе долги и всегодныя прибавки недовлѣющей помощи и приходамъ, которыхъ облегченіе можетъ учинить благоутробіе и милость чадъ къ матери, понеже иной къ тому надежды нѣтъ въ настоящемъ состояніи, кромѣ сія единыя, аще восхотятъ безсумнѣнную вѣру дать, и едино токмо есть безопасное средствіе соблагоутробнымъ того выслушаніемъ и милостивымъ сердцемъ къ погибающему роду православной церкви“.

Приведенное „Краткое вѣдѣніе“ патріарха Парѳенія резидентъ Вешняковъ переслалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, которая осталась недовольна присланнымъ „вѣдѣніемъ“ патріарха, почему резиденту „вновь изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ предопредѣлено: о подлинной причинѣ—въ какое время, за что и кому іерусалимскій престолъ долженъ, наиточнѣйше развѣдавъ, обстоятельнѣе донести“. На это новое тре-

бованіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, резидентъ Вешняковъ въ реляціи отъ 31 Мая 1745 года отвѣчалъ, „что ему о томъ лучше, справедливѣе и подробнѣе вышеписаннаго прежняго извѣстія никакимъ подобіемъ отъ инуды получить невозможно, того ради, что никто посторонній подлинно о томъ не вѣдаетъ“. Тогда Коллегія иностранныхъ дѣлъ передала дальнѣйшее веденіе этого дѣла Св. Синоду.

Въ журналѣ Св. Синода Октября 4 дня 1745 г. написано: „по учиненному въ синодальной канцеляріи экстракту о имѣющемся на патріаршемъ Іерусалимскомъ престолѣ долгу приказали: взять у пребывающаго здѣсь Іерусалимскаго архимандрита Агапія извѣстіе: кому, какою имянно суммою тотъ патріаршій престолъ долженъ и какое на то имѣетъ свидѣтельство, и то извѣстіе предложить къ разсужденію“. Архимандритъ Агапій былъ приглашенъ въ Св. Синодъ и здѣсь словесно заявилъ: „долгъ всесвятаго Гроба имѣется въ Іерусалимѣ 300,000 левковъ, а въ Константинополѣ 53,000, которыя должны туркамъ, евреямъ и христіанамъ. О количествѣ оной суммы архимандритъ извѣстенъ потому, что онъ того престола секретарь, а кому имянно порознь оной долгъ надлежитъ, о томъ извѣстіе имѣется (можетъ быть получено) отъ святѣйшаго Парѳенія патріарха Іерусалимскаго, и онъ, архимандритъ, такого извѣстія при себѣ неимѣетъ и показать о томъ не можетъ“. Тогда Св. Синодъ 11 Ноября 1745 г. постановилъ, взять у архимандрита Агапія письменное изъясненіе: „отъ коихъ временъ долговая сумма на Іерусалимскомъ патріаршемъ престолѣ имѣется, и святѣйшіе патріархи Досиѳей и Хрисанѳъ давно-ль скончались, и при нихъ на ономъ престолѣ долгъ былъ-ли и сколько суммою? и то изъясненіе предложить къ разсмотрѣнію“.

Въ силу приведеннаго требованія Св. Синода, архимандритъ Агапій уже 15 Ноября того же года представилъ въ Синодъ свое письменное изъясненіе, въ которомъ заявлялъ, что патріархъ Досиѳей вступилъ на патріаршество въ 1668 году и престолъ его тогда долженъ былъ около 150,000 левковъ, но Досиѳей поѣхалъ за сборомъ милостыни въ Грузію и оплатилъ долгъ. „И хотя нападки иновѣрныхъ и чинимыя вредности отъ араповъ и обиды тогдашнихъ турецкихъ правителей", попрежнему продолжались, однако благодаря „достоинству и старательству и экономическому правленію" Досиѳея, долгъ при немъ на Св. гробѣ долгое время былъ „малочисленнымъ". Но въ послѣднее время своего патріаршества, Досиѳей захотѣлъ перестроить пять іерусалимскихъ монастырей—Авраамовъ, Св. Николая, Св. Василія, Св. Ѳеодора Тирона и Св. Саввы. „На таковыя строенія (за проходящими великими въ турецкихъ краяхъ на таковыя церковныя строенія расходами) издержено многое число денегъ и наипаче на монастырь Св. Саввы; а по окончаніи оныхъ строеній представился и покойный Досиѳей въ 1707 г., и тако остался паки престолъ въ долгу около ста тысячъ левковъ".

Преемникъ Досиѳея Хрисанѳъ усердно собиралъ милостыню; самъ два раза объѣхалъ всю Грецію, много разъ бывалъ въ Молдовлахіи, посылалъ достойныхъ лицъ за сборомъ милостыни въ Грузію и такимъ образомъ не давалъ увеличиваться долгу, лежавшему со временъ Досиѳея на Св. Гробѣ. Но Хрисанѳу пришлось перестраивать обветшавшій большой сводъ храма Воскресенія, выстроить гостинницу для богомольцевъ въ Іоппіи, на что было издержено около ста тысячъ левковъ. Къ этому присоединились еще два несчастныхъ

случая, имѣвшихъ при Хрисанѳѣ большое вліяніе на увеличеніе долга Св. гроба, именно: корабль нанятый патріархомъ въ Константинополѣ для переправы въ Іерусалимъ богомольцевъ, между которыми находилось и шесть Іерусалимскихъ монаховъ съ собранною ими милостынею, разбился и потонулъ со всѣми на немъ находившимися. Іерусалимскій престолъ, ради этого несчастнаго случая, не только потерялъ собранную монахами на Св. гробъ милостыню, но, что особенно важно, напуганные этимъ несчастіемъ богомольцы на слѣдующій годъ совсѣмъ не поѣхали въ Іерусалимъ и Св. гробъ лишился поэтому 40,000 левковъ, которые пришлось занять. Другой случай. Въ Константинополѣ произошелъ огромный пожаръ, во время котораго сгорѣло 13 христіанскихъ церквей и между ними Іерусалимское подворье съ церковію. То и другое пришлось строить вновь, на что было израсходовано около 60,000 левковъ. Всѣ усилія Хрисанѳа заплатить долгъ даже распродавая „излишнія того престола серебряныя и другихъ металловъ сосуды“, не имѣли успѣха. Послѣ смерти Хрисанѳа, случившейся въ 1730 году, на Св. гробѣ осталось долгу около 200,000 левковъ.

Преемникъ Хрисанѳа Мелетій, уже семидесятипятилѣтній старикъ, не имѣлъ возможности уменьшить долгъ. Въ его время случилось нападеніе армянъ на православныхъ, что стоило Іерусалимскому престолу болѣе 70,000 левковъ, вслѣдствіе чего долгъ Св. гроба, вмѣстѣ съ прежними процентами, возросъ до 300,000 левковъ. „Видя Мелетій такой неоплатный долгъ и достигши притомъ и до крайней старости, такъ что уже и чувства слышанія не имѣлъ, уступилъ самопроизвольно правленіе свое нынѣшнему святѣйшему патріарху Парѳенію“, который теперь всячески и старается

объ уплатѣ долга. А такъ какъ однихъ процентовъ платится до 30,000 левковъ въ годъ, „да на нужные расходы издерживается еще больше, да къ томужъ и въ бытность его учинили паки нападеніе армяне съ одной, а французы съ другой стороны; того ради не токмо не можетъ уменьшится долгъ, но еще повседневно умножается, такъ что со времени отбытія моего отъ его святѣйшества было долгу 353,000 левковъ въ Іерусалимѣ и въ Царьградѣ, котораго долгу иная сила и другая рука не можетъ облегчить кромѣ руки самодержавной, каковою есть Ея Императорское Величество“.

Въ засѣданіи 20 Февраля 1756 года Св. Синодъ призналъ тяжесть лежащаго на Іерусалимскомъ патріаршемъ престолѣ долга, „коего всего или нѣкоторой части облегченіе состоитъ въ Высочайшей Ея Императорскаго Величества воли“.

Между тѣмъ патріархъ Парѳеній отъ 20 Февраля 1746 года писалъ архимандриту Агапію: „зѣло и душевно опечаливаетъ насъ замедленіе твое, ибо повсядневно, какъ тебѣ извѣстно, долги возрастаютъ по причинѣ безпокойства вексельныхъ процентовъ. Монахи, а особливо въ Іерусалимѣ, занять у кого себѣ не имѣютъ и токмо отъ владѣющихъ тамо занимаютъ и ежедневно на насъ векселя даютъ, такъ что ни единаго дни имѣть мы покоя не можемъ ко отдохнутію хотябъ на единъ часъ“. Патріархъ проситъ Агапія: „упомяни токмо для Бога братіямъ и друзьямъ, чтобъ о насъ сожалѣніе возымѣли и подали милостыню Господню Гробу ко искупленія его отъ тягчайшаго долга, каковъ на немъ находится; да преклонятся они на слезы наша, на прошенія наша, да помилуютъ печальную и въ нуждѣ сущую братію, яко да сами отъ Бога въ нынѣшнемъ и будущемъ вѣкѣ помилованы будутъ“. Патріархъ про-

ситъ Агапія поскорѣе взять милостыню, какая бы она ни была, такъ какъ прибытія въ Іерусалимъ его—патріарха требуютъ тамошнія монахи, не могущія болѣе жить отъ долга, и что если онъ—патріархъ не поѣдетъ въ Іерусалимъ, то они „разбѣгутся, оставя все впустѣ, или яснѣе и истиннѣе сказать: что выгонятъ ихъ отгуда заимодавцы, которые пограбивъ все, что тамъ найдутъ и отдавъ церкви армянамъ и папистамъ, деньги свои возмутъ". Въ заключеніе патріархъ опять проситъ Агапія поскорѣе возвратиться и затѣмъ пишетъ: „попроси тамошнихъ христіанъ, пролей слезы, раскажи имъ о нуждѣ, дабы они пришли въ сожалѣніе и подали въ милостыню то, чѣмъ ихъ Богъ вразумитъ и безъ дальняго замедленія къ намъ пріѣзжай".

Архимандритъ Агапій 25 Іюня 1746 года заявлялъ Св. Синоду, что онъ уже столько времени живетъ въ Петербургѣ, а между тѣмъ дѣло его совсѣмъ не двигается, почему онъ и проситъ Св. Синодъ ускорить своею помощію бѣдствующей іерусалимской патріархіи, такъ какъ „если вспомоществованіе не предваритъ, то гибель оной неизбѣжимая будетъ,—сіе-то я паки съ горячими слезами покорнѣйше прошу".

На это заявленіе архимандрита Агапія Св. Синодъ отъ того же 25 Іюня 1746 года отвѣчалъ слѣдующимъ постановленіемъ: „по доношенію Іерусалимскаго архимандрита о учиненіи всевозможнаго въ настоящей нуждѣ Гроба Господня вспоможенія, объявить ему, что Св. Синодъ сколько могъ стараніе свое прилагалъ, и для того ему архимандриту самому пристойнымъ образомъ домогательство и стараніе имѣть, гдѣ надлежитъ".

23 Марта 1747 года Св. Синодъ выдалъ архимандриту Агапію положенную Іерусалимскому патріарху по такъ называемымъ палестинскимъ штатамъ ежегодную

дачу въ сто рублей,—впередъ за пять лѣтъ, всего 500 рублей, и затѣмъ разрѣшилъ ему собирать по книжкѣ милостыню въ Петербургѣ и въ тѣхъ городахъ Россіи, чрезъ которые онъ поѣдетъ, направляясь заграницу.

Коллегія иностранныхъ дѣлъ отъ 16 Ноября 1747 года доносила въ Св. Синодъ, что архимандритъ Агапій въ выданной ему сборной книжкѣ записалъ, „будто господинъ фелтмаршалъ князь Трубецкой триста рублевъ, а его вдовствующая дочь княгиня Гессенгомбургская 500 рублевъ, и господинъ вицеканцлеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Воронцовъ 500 рублевъ дали. А по отъѣздѣ его — архимандрита — отсюда весьма инако въ томъ явилось, ибо по учиненномъ освѣдомленіи изъ обоихъ домовъ какъ помянутаго господина генерала фелтмаршала, такъ и дочери его вдовствующей княгини токмо сто рублевъ, да отъ разныхъ лицъ подаяніе другое сто, и того всего 200, а не 800 рублевъ, и отъ господина вицеканцлера токмо пятьдесятъ, а не 500 рублевъ ему дано; то весьма побудительною причиною было онаго архимандрита въ Кіевѣ остановить и данную отъ Синода книгу, для лучшаго усмотрѣнія скрытаго въ томъ обманства, у него отобрать и сюда прислать велѣть, еже и учинено“. Осмотръ книги, говоритъ донесеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, подтвердилъ обманъ при записяхъ пожертвованій архимандритомъ Агапіемъ, который нарочно увеличивалъ цифру пожертвованій нѣкоторыми лицами „дабы тѣмъ и другихъ подаятелей къ большимъ денежнымъ дачамъ поощрить“. О такомъ обманѣ было-де доложено Государынѣ и, по ея повелѣнію, Св. Синоду поручается архимандриту Агапію „жестокой выговоръ учинить, а въ протчемъ его за границу выслать велѣть“.

Архимандритъ Агапій былъ высланъ изъ Кіева за границу, собранныя имъ деньги (8745 р.) были у него отобраны и отосланы къ Іерусалимскому патріарху съ прописаніемъ проступка Агапія и съ предоставленіемъ патріарху поступить съ Агапіемъ по своему усмотрѣнію [1].

Въ 1768 году въ Петербургъ прибылъ іеромонахъ Серафимъ, назвавшійся протосинѳеломъ Іерусалимскаго патріарха Ефрема. По поводу его прибытія 18 Іюля 1768 года состоялось синодское опредѣленіе, чтобы Серафимъ далъ письменнное извѣстіе „для какихъ надобностей онъ сюда пріѣхалъ и имѣетъ-ли о томъ своемъ пріѣздѣ письмянный видъ и отъ кого, и притомъ обязать ево—Серафима подпискою, чтобъ онъ ко двору Ея Императорскаго Величества не ходилъ и Ея Императорское Величество и Его Императорское Высочество и никого изъ знатныхъ особъ просьбою не утруждалъ и милостыню не просилъ“. Въ тотъ же день въ канцеляріи Св. Синода Серафимъ заявилъ, что Іерусалимскій патріархъ далъ ему порученіе собирать милостыню въ Италіи у православныхъ, что онъ и дѣлалъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Послѣ онъ попалъ въ Лондонъ, гдѣ русскій резидентъ Мусинъ Пушкинъ допустилъ его въ домовой посольской церкви до священнодѣйствія и исправленія требъ церковныхъ, что онъ и дѣлалъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Отъ Мусина Пушкина онъ получилъ пачпортъ на проѣздъ въ Россію, куда и прибылъ съ цѣлію испросить у Св. Синода разрѣшеніе на допущеніе къ рукѣ Ея Императорскаго Величества и на сборъ милостыни въ Петербургѣ. Онъ-де имѣетъ отъ Іерусалимскаго патріарха разрѣшеніе собирать ми-

[1] Греч. дѣла 1743 г.; № 5. 1747 г. № 4. Архивъ Св. Синода 1744 г. № 342.

лостыню, „и кто что ему Серафиму даетъ, то равно какъ бы самъ патріархъ получилъ“. Серафиму указано было на то странное обстоятельство, что въ пачпортѣ, выданномъ ему Мусинымъ-Пушкинымъ, онъ названъ іеромонахомъ „изъ Аѳонскихъ горъ“, а не Іерусалимскимъ. Серафимъ призналъ это ошибкою. Тогда Св. Синодъ сдѣлалъ по этому дѣлу такое постановленіе: такъ какъ Серафимъ „къ бытію здѣсь въ Россіи, а особливо для испрошенія милостыни правильнаго резона не имѣетъ, потому наипаче, что съ нимъ ниже каковыхъ жалованныхъ о томъ грамотъ, также и вѣроятію достойнаго свидѣтельства не находится, того ради приказали: онаго протосингела Серафима съ имѣющимся при немъ іеродіакономъ Софроніемъ, яко подъ сумнѣніемъ состоящихъ, для надлежащаго разсмотрѣнія, а паче для отправленія за границу, отослать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ при указѣ“. Серафимъ опять уѣхалъ въ Лондонъ и по прежнему сталъ служить въ посольской церкви нашего лондонскаго резидента Чернышева, причемъ два раза обращался въ Св. Синодъ съ просьбою, чтобы онъ выхлопоталъ ему у Государыни какое либо вознагражденіе за его службу при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ [1].

Въ Сентябрѣ 1776 года Іерусалимскій патріархъ Авраамій прислалъ съ архимандритомъ Гедеономъ въ Св. Синодъ грамоту, въ которой послѣ привѣтствій пишетъ: „мы представляя вамъ злоключенія наши, какъ преискреннимъ нашимъ, съ сокрушеніемъ сердца объявляемъ, что въ прошедшія предъ симъ годы общее, ваше и наше поклоненіе, всечестный гробъ Господень отяготился многочисленными неоплатными долгами, съ

[1] Архивъ Св. Синода 1768 г., № 293.

прочими Святыми мѣстами, здѣсь поклоняемыми, что все вмѣстѣ требуетъ благоусерднаго вашего вспоможенія и защиты, особливо для облегченія столь несносныхъ долговъ, для уплаты которыхъ подаянія здѣшнихъ христіанъ никакъ недостаточны. Въ семъ случаѣ снѣдемые жалостію и горестію, прибѣгаемъ къ вашему великодушію и просимъ о милостивомъ намъ вспомоществованіи, въ недопущеніи къ разоренію благоговѣйно поклоняемыхъ мѣстъ Святаго града Іерусалима. Вслѣдствіе чего и посылаемъ отъ нашей мѣрности и отъ всего Іерусалимскаго священнаго собранія къ христолюбію вашему сего преподобнѣйшаго архимандрита отца Гедеона, мужа честнаго и просвѣщеннаго, который отъ младыхъ ногтей облеченъ во образъ ангельскій. Сего, возлюбленные нами сослужители, воспріимите яко пришедшаго отъ святѣйшаго и животдательнаго гроба Господня, и споспѣшествуйте ему словомъ и дѣломъ въ облегченіи столь благоговѣйно вами и нами поклоняемыхъ здѣшнихъ мѣстъ, участвуя по великодушію каждый изъ васъ подаяніемъ отъ щедрыя и милостивыя вашея десницы, да всѣ вы тысячекратно воспріимите воздаяніе отъ мздовоздателя Господа нашего, Его же благодать и неизреченныя щедроты да будутъ со всѣми вами".

Архимандритъ Гедеонъ, находясь въ Москвѣ, просилъ Св. Синодъ разрѣшить ему прибыть въ Петербургъ, но Св. Синодъ, въ виду того что Іерусалимскій патріархъ въ грамотѣ своей объ этомъ не говоритъ, а проситъ только о милостынѣ, отказалъ ему въ просьбѣ посѣтить Петербургъ, а далъ ему разрѣшеніе, по выданной отъ Синода книжкѣ, собирать милостыню только въ московской епархіи.

Гедеонъ обратился въ Св. Синодъ съ новою просьбой

бою: выдать ему за прежніе годы и за пять лѣтъ впередъ жалованье, положенное Іерусалимскому патріарху по палестинскимъ штатамъ. Но московская синодальная контора, въ которую поступило это заявленіе Гедеона, не нашла возможнымъ его исполнить, такъ какъ самъ патріархъ въ своей грамотѣ объ этомъ не проситъ и вручить деньги Гедеону, только полагаясь на его собственныя увѣренія, было бы рискованно. Въ виду этого состоялось такое постановленіе: архимандрита Гедеона отправить за границу, а слѣдующія по палестинскимъ штатамъ Іерусалимскому патріарху деньги переслать къ нему чрезъ русскаго посла въ Константинополѣ.

Между тѣмъ патріархъ Авраамій отъ 14 Декабря 1782 года изъ Яссъ писалъ въ Св. Синодъ: „по великой необходимости и бѣдному состоянію всесвятаго Гроба Господня будучи мы принуждены, еще 1777 года послали къ вамъ нашего архимандрита Гедеона, съ тѣмъ, чтобъ принять обыкновенную милостыню, которую самодержавнѣйшая государыня (ея же царство да будетъ неподвижно) опредѣлить соизволила на вспомоществованіе нашему апостольскому патріаршему Іерусалимскому престолу. Помянутый архимандритъ Гедеонъ возвратившись объявилъ намъ, что имянный уѣазъ данъ получить намъ милостыню отъ полномочнаго россійскаго посла, въ оттоманской портѣ находящагося. Однако мы даже до днесь не видали ни одной малой монеты, почему, чтобъ облегчить долги вовсесвятаго Гроба по причинѣ безпрестанныхъ набѣговъ (?), не въ силахъ будучи просить за весьма труднымъ путемъ, сами уже пришли въ предѣлы волошскіе, гдѣ скитаемся, претерпѣвая нужду, для облегченія помянутыхъ долговъ. Того ради хотя не очень близко, но не преминули принести вашему святѣйшеству братское наше поздравленіе и

просимъ братолюбно васъ, Святѣйшій Синодъ, благоразсмотрѣть наше дѣло и объявить благочестивѣйшей, самодержавнѣйшей великой государынѣ нашей (которой жизнь да будетъ непреложна), угнетающую насъ великую крайность и бѣдность, чтобъ выдана намъ была обыкновенная отъ ея величества милостина, хотя къ малому облегченію долговъ всесвятаго Гроба, дабы какъ мы, такъ и прочіе всесвятаго Гроба старцы, отъ великихъ крайностей въ разныхъ мѣстахъ скитающіеся, получили нѣкоторую отраду."

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ 1778 г. Св. Синодъ отослалъ въ московскую контору иностранныхъ дѣлъ 2800 руб. ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы контора отослала ихъ въ Константинополь къ нашему послу, который долженъ былъ передать деньги Іерусалимскому патріарху. Но московская контора иностранныхъ дѣлъ, получивъ деньги изъ Синода, вмѣсто отсылки ихъ въ Константинополь къ послу, записала ихъ въ расходъ и деньги ею „употреблены были обще съ прочими на окладныя дачи и расходы." Тогда Св. Синодъ предписалъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ посланныя ранѣе въ ея московскую контору 2,800 руб. немедленно отослать въ Яссы Іерусалимскому патріарху и увѣдомить объ этомъ Синодъ. Но такъ какъ коллегія иностранныхъ дѣлъ молчала, то Св. Синоду пришлось еще два раза писать объ этомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, которая наконецъ отвѣтила, что по этому дѣлу былъ докладъ государынѣ, которая приказала 2,800 руб. чрезъ константинопольскаго посла отослать Іерусалимскому патріарху, взявъ эти деньги „изъ казначейства, для остаточныхъ суммъ учрежденнаго" [1].

[1] Архивъ Св. Синода 1777 г., № 300.

Въ 1784 году кіевскій митрополитъ Самуилъ доносилъ въ Св. Синодъ, что Іерусалимскій патріархъ Авраамій письменно просилъ его дозволить посланному имъ архимандриту Варѳоломею съ старцами собирать милостыню на Св. гробъ въ кіевской епархіи, а самимъ жить въ Нѣжинѣ, что митрополитъ и разрѣшилъ. Св. Синодъ постановилъ принять донесеніе митрополита Самуила къ свѣдѣнію [1].

Этимъ и закончились сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ Русскимъ правительствомъ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, какъ мы видѣли, начались въ первый разъ въ половинѣ XVI вѣка при первомъ іерусалимскомъ патріархѣ изъ грековъ — Германѣ, который обратился къ Русскому правительству съ просьбою помочь бѣдствующему Св. гробу. Разъ начавшіяся сношенія были продолжены преемниками Германа, причемъ двое изъ нихъ, Ѳеофанъ и Паисій, и лично побывали въ Москвѣ въ санѣ патріарховъ и получили отъ Русскаго правительства богатую милостыню. Завязавшіяся прочныя и постоянныя сношенія съ Москвою, дали возможность Іерусалимскимъ патріархамъ увидѣть и признать въ Россіи такую православную страну, которая не только можетъ оказывать Іерусалимской патріархіи денежную помощь, но которая, какъ крупная политическая сила, притомъ все болѣе и болѣе развивающаяся, можетъ сдѣлаться съ теченіемъ времени и орудіемъ освобожденія грековъ отъ турецкаго ига. Въ виду этого, Іерусалимскіе патріархи стали не просто только про-

[1] Архивъ Св. Синода 1784 г., № 230.

сить милостыню у Русскаго правительства, но настойчиво и постоянно разъяснять русскимъ царямъ, что они призваны самимъ Божественнымъ промысломъ освободить православныхъ отъ господства надъ ними безбожныхъ агарянъ, что русскіе православные цари, ради освобожденія православныхъ народовъ, должны въ удобное время вступить въ рѣшительную борьбу съ турками, причемъ на сторону русскихъ не замедлятъ стать всѣ покоренные турками православные народы, при содѣйствіи которыхъ побѣда русскихъ надъ агарянами вполнѣ возможна. При всякой военной неудачѣ турокъ, при всякихъ внутреннихъ смутахъ у нихъ, патріархи спѣшили извѣстить русское правительство, что царство агарянъ ослабѣваетъ, что ему приходитъ скорый конецъ и чтобы московскій царь былъ готовъ принять наслѣдіе древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей. Патріархи внимательно слѣдили за доступными ихъ наблюденію международными сношеніями и всѣми войнами Россіи, всячески желали, а гдѣ возможно и содѣйствовали присылаемыми свѣдѣніями, а иногда совѣтами и указаніями, ея торжеству надъ врагами, радовались всякому увеличенію ея силы и могущества, такъ какъ видѣли въ этомъ залогъ своего будущаго освобожденія. Такъ образовалась въ XVII вѣкѣ очень тѣсная и прочная связь между Іерусалимскими патріархами и русскимъ правительствомъ, на основѣ главнымъ образомъ сознанія съ одной стороны (патріарховъ), что Россія, усилившись, освободитъ грековъ отъ турецкаго ига, съ другой (нашего правительства), что Іерусалимскіе патріархи могутъ быть очень полезными русскому правительству въ качествѣ его тайныхъ политическихъ агентовъ въ Турціи, и что посылаемая имъ изъ Москвы милостыня есть актъ не религіозной только благотворительности, но,

въ извѣстной степени, и актъ государственной мудрости.

На указанной главной основѣ и въ связи съ нею естественно и сами собою развились и другія стороны сношеній Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ.

Русская церковная жизнь, съ половины XV вѣка и до конца XVI, замкнувшаяся было сама въ себѣ и обособившаяся отъ жизни тогдашней греческой церкви, оказалась однако въ концѣ концовъ неспособною порѣшить собственными силами и средствами возникавшіе въ ней разные вопросы, недоумѣнія, и потому почувствовала необходимость въ помощи и содѣйствіи церкви вселенской греческой. Іерусалимскіе патріархи, ближе познакомившись съ Россіей и съ особенностями ея церковной жизни, пошли навстрѣчу этой народившейся у насъ потребности, и въ теченіи всего XVII столѣтія, принимая живое и дѣятельное участіе въ рѣшеніи возникавшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ, оказывали на нашу церковную жизнь очень замѣтное воздѣйствіе, устанавливая болѣе тѣсную связь между русскою и греческою церквами, устраняя съ ихъ пути все, что препятствовало ихъ полному единенію и взаимообщенію. Благодаря по преимуществу Іерусалимскимъ патріархамъ греческое вліяніе на нашу церковную жизнь принимаетъ, съ половины XVII вѣка, столь широкіе размѣры, что даже вызываетъ у насъ открытое противодѣйствіе себѣ сначала со стороны крайнихъ и одностороннихъ приверженцевъ русской старины, а потомъ, позднѣе, и со стороны приверженцевъ такъ называемаго латинскаго (т. е. западнаго) ученія.

И на другія стороны нашей общественной жизни Іерусалимскіе патріархи стремились оказать свое воз-

дѣйствіе и вліяніе. Когда царь Алексѣй Михаиловичъ задумалъ было основать въ Москвѣ школу, то онъ поручилъ пріѣхавшему въ Москву Іерусалимскому патріарху Паисію пріискать на востокѣ православнаго учителя, который бы „не имѣлъ никакого пороку, въ благочестивой вѣрѣ и былъ-бы далече отъ еретиковъ.“ Въ устройствѣ въ Москвѣ первой настоящей школы—славяно-греко-латинской Академіи, живое и дѣятельное участіе принималъ Іерусалимскій патріархъ Досиѳей, который прислалъ въ Москву учителей для школы — извѣстныхъ братьевъ Лихудовъ, и потомъ внимательно слѣдилъ за характеромъ и направленіемъ преподаванія Лихудами въ московской школѣ. Патріархъ же Досиѳей всячески усиливался помѣшать всякому сближенію Россіи съ иновѣрными народами западной Европы, воспрепятствовать проникновенію на Русь западной науки, западныхъ знаній, нравовъ и обычаевъ.

Но всѣ, эти повидимому, такія прочныя и разнообразныя связи Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ и со всею русскою жизнію, какъ-то вдругъ и, повидимому, совершенно неожиданно прерываются уже въ самомъ началѣ XVIII столѣтія и опять сводятся только на обычныя и заурядныя просьбы со стороны патріарховъ о милостынѣ Св. гробу, причемъ всѣ другія стороны сношеній, такъ было широко и разнообразно развившіяся въ XVII вѣкѣ, окончательно изчезаютъ, какъ будто ихъ никогда и небыло.

Причина указаннаго явленія заключается въ томъ, что тѣ разнообразныя связи, какія существовали въ XVII вѣкѣ между нашимъ правительствомъ и Іерусалимскими патріархами, возникли и развились исключительно на почвѣ особыхъ условій тогдашняго времени.

Іерусалимскіе патріархи XVII вѣка видѣли въ Рос-

сіи не только такую православную страну, которая можетъ давать имъ богатую милостыню, но и будущую освободительницу грековъ отъ турецкаго ига, почему они и считали нужнымъ находиться съ русскимъ правительствомъ въ постоянныхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, чтобы въ удобное время подвигнуть его на рѣшительную борьбу съ турками ради освобожденія грековъ. Съ своей стороны наше правительство XVII вѣка видѣло въ Іерусалимскихъ патріархахъ своихъ преданныхъ, вѣрныхъ и очень полезныхъ для него слугъ, которыхъ слѣдуетъ всячески поощрять въ ихъ служеніи интересамъ Россіи. Съ начала XVIII вѣка обстоятельства въ этомъ отношеніи измѣняются: русское правительство перестало нуждаться въ политическихъ услугахъ Іерусалимскихъ патріарховъ и даже, въ лицѣ Хрисанѳа, заподозрило самую искренность ихъ расположенія къ Россіи; а Іерусалимскіе патріархи, съ своей стороны, перестали видѣть въ Россіи ту единственную силу, которая готова служить на православномъ востокѣ исключительно греческимъ національнымъ интересамъ. Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ, необходимо измѣнились и самыя ихъ взаимныя отношенія.

Въ XVIII вѣкѣ ослабѣли, а потомъ и совсѣмъ прекратились и прежнія тѣсныя церковныя связи, вызывавшія ранѣе такой живой и энергичный обмѣнъ мнѣній по разнымъ церковнымъ вопросамъ между Іерусалимскими патріархами и нашимъ правительствомъ. Если въ XVII вѣкѣ русская церковь, неимѣвшая въ своей средѣ научно образованныхъ іерарховъ, принуждена была, для рѣшенія возникавшихъ въ ней вопросовъ и недоумѣній, обращаться къ содѣйствію и помощи болѣе образованныхъ греческихъ іерарховъ, которые ради этого получали у насъ руководящее значеніе въ рѣ-

шеніи разныхъ церковныхъ вопросовъ; то въ XVIII в. этой нужды въ помощи пришлыхъ ученыхъ іерарховъ болѣе не существуетъ. У насъ явилась цѣлая чреда собственныхъ высокообразованныхъ іерарховъ, у насъ были заведены различныя школы, а съ ними постепенно стали развиваться въ русскомъ обществѣ наука и образованіе, которыя дѣлали ненужными дальнѣйшую опеку и вмѣшательство греческихъ іерарховъ въ русскія церковныя дѣла. Русская церковь стала теперь справляться съ возникавшими въ ней вопросами своими собственными силами и средствами.

Оставалось, слѣдовательно, въ полной силѣ въ XVIII в. только одно звѣно, по прежнему связывавшее Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ — это милостыня, посылаемая изъ Россіи Св. гробу. На этой именно почвѣ и продолжались всѣ послѣдующія сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ нашимъ правительствомъ. Но и здѣсь произошли нѣкоторыя перемѣны. До второй половины XVIII вѣка Іерусалимскіе патріархи съ своими просьбами о милостынѣ обыкновенно обращались непосредственно къ самимъ государямъ, отъ которыхъ и получали ту или другую милостыню. Со второй половины XVIII вѣка Іерусалимскіе патріархи обращаются съ просьбами о милостынѣ уже не непосредственно къ самимъ государямъ, а въ Святѣйшій правительствующій Синодъ, который теперь и завѣдуетъ всѣми дѣлами о милостынѣ православному востоку. Точно также съ этого времени прекращаются и непосредственныя посылки милостыни Іерусалимскимъ патріархамъ отъ лица самихъ государей, исключая какихъ-нибудь особыхъ случаевъ. Въ 1735 г. составлены были такъ называемые палестинскіе штаты, которыми назначалась ежегодная пятитысячная сумма

на дачу милостыни всѣмъ просителямъ съ православнаго востока, причемъ Іерусалимскимъ патріархамъ назначена была ежегодная дача милостыни въ сто рублей, за которою они должны были чрезъ каждые пять лѣтъ въ шестой присылать въ Россію довѣренныхъ лицъ. Эти посланные Іерусалимскихъ патріарховъ обыкновенно обращались въ Св. Синодъ съ просьбою дозволить имъ производить сборъ милостыни въ различныхъ городахъ Россіи по книжкѣ, выдаваемой изъ Св. Синода, на что всегда получали разрѣшеніе отъ Синода и этимъ способомъ собирали немалыя суммы.

Въ XVIII столѣтіи наше правительство въ первый разъ выразило довольно рѣшительно свое сомнѣніе въ правильности расходованія святогробскимъ братствомъ идущихъ изъ Россіи суммъ и потому пожелало познакомиться съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Іерусалимѣ чрезъ своего посла въ Константинополѣ. Но эта попытка нашего правительства неимѣла успѣха, такъ что ему, уже въ текущемъ столѣтіи, пришлось прибѣгнуть, для достиженія той-же цѣли, къ особымъ мѣрамъ, о которыхъ мы скажемъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

Указатель собственныхъ именъ

Абазъ-паша (1634 г.).—71, 75.

Абдиръ-Кади, секретарь патріарха Хрисанѳа (1712 г.). —401.

Абиссинскіе монастыри, въ Іерусалимѣ.—452.

Абиссинцы, см. Хабези.

Августъ II, Саксонскій король, 1697—1704 г.—341.

Аверкій, Веррійскій митрополитъ (1628—1630 г.).—59, 61—69, 113.

Авиронъ, поглощенный землею.—175.

Ависиняне, см. Хабези.

Авлонъ, городъ.—86.

Австрійскій императоръ, см. Леопольдъ.

Австрійцы, народъ. — 273, 312, 313.

Австрія, страна.—272.

Аврааміевъ монастырь, въ Іерусалимѣ.—450, 457.

Авраамій, Іерусалимскій патріархъ, 1775—1787 г. — 463, 467.

Агапій, архимандритъ Іерусалимскій (1743—1747 г.). —434, 456, 457, 459—462.

Агаряне, см. Арабы, Турки.

Агарянское царство, см. Турція.

Адамъ, праотецъ. Память 1-го Марта.—447.

Адріанополь, Едринъ, Ядринскій городъ. — 75, 76, 82, 180, 222, 253, 274, 304, 327, 335, 336, 338, 382, 401, 407, 412.

Адріанъ, патріархъ Московскій, 1690—1700 г.—269-271, 285, 288, 297, 299, 302, 303, 306—311, 323, 324, 327, 349, 363.

Азовское, Донское море. — 339.

Азовъ, городъ.—76, 82, 314, 320, 340, 347, 348, 351, 390, 399, 403.

Академія, славяно-греко-латинская, см. Греческая школа.

Акакій, діаконъ, келарь Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана (1625—1630 г.). — 46, 68.

Акила Босой, клирикъ (1649 г.) —148.

Аккерманъ, см. Бѣлградъ.

Александрійскіе патріархи, см. Герасимъ, Іоакимъ, Іоанникій, Кириллъ, Мелетій, Митрофанъ, Никифоръ, Паисій.

Александрія, городъ. — 45, 218.

Александръ Великій, царь Македонскій, 339—327 г. до Р. Х.—282.

Александръ Невскій, великій князь, † 1263 г. Память 23 Ноября.—264.

Александръ, воевода Молдавскій, 1401-1432 г.—45, 65.

Алексѣевъ, Никита, подъячій, Русскій гонецъ въ Константинополѣ (1685 г.). — 253—256, 258.

Алексѣй Михаиловичъ, царь Русскій, 1645—1676 г.— 119, 124, 125, 128, 129, 136, 148, 157, 159, 161, 172, 212, 218, 235, 236, 350, 354, 470.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра Великаго, † 1718 г.—323, 377, 382, 386.

Алексѣя митрополита мощи, въ Москвѣ.—126.

Амфилохій, архимандритъ Константинопольскій, † 1653 г. —87.

Амфилохій, архимандритъ Крушедолова монастыря (1650 г.) —182.

Амуратъ IV, Муратъ, турецкій султанъ, 1623-1640 г.— 70, 72, 75, 85, 277, 448.

Ананія, архіепископъ Синайскій (1682 г.).—267, 270.

Анастасій Дикоръ, Византійскій императоръ, 491-518 г. —280.

Анастасій, епископъ Роудицкій (1645 г.).—117.

Анастасіи монастырь, въ Ѳессалоникійской митрополіи.— 63.

Анастасія Романовна, Русская царица, жена Іоанна IV, † 1560 г.—94.

Анастасовъ, Иванъ, грекъ, (1658 г.).—179.

Анатолѣйская земля, Анатолія, страна.—75.

Ангелина, сербская царица.— 182.

Англійскіе короли, см. Вильгельмъ, Іаковъ.

Англія, страна.—56, 100, 311.

Англичане, народъ.—310.

Андрей, служитель Ѳеофана, (1630 г.).—107.

Андроникъ III Палеологъ, Византійскій императоръ, 1332—1341 г.—105, 276.

Анна Іоанновна, Русская императрица, 1730-1740 г.— 419.

Анна Михаиловна, царевна,

дочь Михаила Ѳеодоровича, † 1692 г.—144.

Антакіэ, см. Антіохія.

Антіохійскіе патріархи, см. Аѳанасій, Кириллъ, Макарій, Христофоръ.

Антіохія, *Антакіэ*, городъ.—46.

Аѳима священномученика мощи.—18.

Аѳимъ, архимандритъ Іерусалимскій (1643-1644 г.).—87—91, 118.

Арабы, Бедуины, Агаряне, Арапляне, Арапы, Сарацыны, народъ. — 1, 6, 16, 17, 19, 22—24, 48, 58, 70, 91, 102, 104, 275, 276, 420—422, 435, 447, 452, 457.

Арапляне, см. Арабы.

Арапы, см. Арабы.

Аристотель, греческій философъ.—341.

Арій, ересіархъ, † 336 г.—64.

Армяне, народъ.—11, 57, 58, 74, 75, 77, 78, 80, 83, 111, 112, 120, 133, 177—180, 185, 187, 210, 220, 271, 272, 277—279, 292, 297, 327, 435, 437—441, 445, 447—453, 458—460.

Арсеній, архіепископъ Суздальскій.—33, 41.

Арсеній Глухой, старецъ, монахъ Троице-Сергіевой лавры.—36, 41, 43.

Арсеній, инокъ.—8, 9.

Арта, городъ.—166, 167.

Архангеловъ монастырь, см. Михаила.

Архангельскъ, городъ. — 56, 309.

Архангельскій игуменъ, въ Іерусалимѣ.—55, 56.

Астраханцы, татары, народъ. 343.

Ахамашуковъ - Черкасскій, Василій, князь, окольничій. —135.

Ахридонскій архіепископъ. —265.

Аѳанасій, архимандритъ Іерусалимскій (1629 г.).—58.

Аѳанасій, келарь Іерусалимскій (1657 г.).—178.

Аѳанасій, митрополитъ Виѳлеемскій (1625—1644 г.).—46, 49, 51, 55, 56, 58, 59, 63—65, 67, 93.

Аѳанасій, митрополитъ Иконійскій (1664 г.).— 192—195, 202, 204.

Аѳанасій, митрополитъ Трансильванскій.—224.

Аѳанасій, монахъ (1693 г.).—299.

Аѳанасій III, патріархъ Іерусалимскій, 1453—1457 г.—446.

Аѳанасій, патріархъ Антіохійскій, съ 1618 г. — 25, 27, 46.

Аѳанасій III, патріархъ Константинопольскій, † 1654 г. —165.

Аѳанасія лавра, на Аѳонѣ.—103.

Аѳонъ, Аѳонская гора. — 121, 316, 463.

Аѳонскіе монастыри. — 7, 103.

Багдадъ, см. Богдатъ.

Байрамъ-паша, визирь (1633-1638 г.).—83, 85, 277.

Баніасъ, см. Кесарія.

Бассараба, Константинъ Іоаннъ, воевода Волошскій (1654, 1693 г.). — 179, 294, 296, 299.

Бассараба, Матвѣй, воевода Волошскій, 1633—1654 г. —149, 157, 172.

Батуринъ, городъ.—308, 309.

Бегичевъ, Иванъ, Русскій посолъ въ Константинополѣ (1624 г.).—55.

Бедуины, см. Арабы.

Бѣт-Лахмъ, см. Виѳлеемъ.

Благовѣщенія церковь, въ Москвѣ.—135.

Благой, Борисъ, Русскій посолъ въ Константинополѣ (1584—1585 г.).—11.

Богданія, см. Молдовлахія.

Богдановъ, Михаилъ, сербъ (1672 г.).—235.

Богдатъ, Багдадъ, городъ.—85.

Богородица Святая, на Синайской горѣ.—1.

Богородицкій монастырь, въ Халкидонской области.—92.

Богородицы гробъ, въ Геѳсиманіи.—15.

Богородицы монастырь, въ Іерусалимѣ.—450.

Богородицы, см. Успенскій.

Богородицы образъ. — 89, 105, 382.

Богородицы придѣлъ, въ храмѣ Воскресенія.—450.

Богоявленскій монастырь, на Синаѣ.—95.

Богоявленія праздникъ, 6-го Января.—36.

Болгары, народъ.—292.

Болгарская земля, Булгарія, Болгарія, страна.—3, 349.

Борисоглѣбскій монастырь, въ Полоцкѣ.—188.

Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, Русскій царь, 1598—1605 г.— 15, 16, 18—20, 22, 23, 25, 182.

Борисъ, переводчикъ (1630 г.) —66.

Бормосовъ, Тихонъ, подъячій, Русскій посолъ въ Константинополѣ, 1622 г. — 70, 72.

Боярчиковъ, Иванъ, переводчикъ (1649 г.). — 139, 151, 152.

Бранкованъ, Константинъ, Валахскій господарь (1711—1712 г.)—402, 403, 410.

Бруса, городъ.—85.

Булгарія, см. Болгарская земля.

Бурновскій воевода, въ Молдавіи.—93.

Бухарестъ, городъ. — 387, 399.

Бѣлая Россія, область.—351.

Бѣлградъ, Аккерманъ, городъ.—339.

Бѣлгородская орда. — 294, 295.

Вавилонъ, городъ.—324.

Валахи, Волохи, Мултянцы, народъ.—45, 406.

Валахія, Волоская, Мутьянская, Мултянская земля, страна.—45, 46, 131, 156, 172, 173, 185, 203, 208, 209, 223, 256, 262, 277, 292, 294—296, 310, 336, 353, 375, 382, 384, 390, 394, 399, 400, 406, 409, 441, 453, 465.

Варлаамъ, митрополитъ Молдавскій (1645 г.).—117.

Варнавы апостола мощи.—18.

Варѳоломей, архимандритъ Іерусалимскій (1784 г.).—467.

Василій Великій, † 379 г. Память 1 Января.—117.

Василій I Македонянинъ, Византійскій императоръ, 867—886 г.—414.

Василій Лупулъ, воевода Молдавскій, 1634—1654 г. — 88, 92, 93, 117, 157, 172, 277, 292.

Василій II Васильевичъ, великій князь Московскій, 1425—1462 г.—1, 8.

Василій III Іоанновичъ, великій князь Московскій, 1505—1533 г.—94, 182.

Василія Великаго монастырь, въ Іерусалимѣ.—457.

Василія Великаго монастырь, въ Молдавіи.—117.

Ватопедскій монастырь, на Аѳонѣ.—103.

Венеты, см. Венеціане.

Венеціане, Венеты, народъ.—157, 273, 278, 312, 313, 340.

Венеція, городъ.—272.

Веницѣйская земля.—85.

Веницѣйскій агентъ.—85.

Веницы, Винница, городъ.—121, 130.

Вербное воскресеніе.—354.

Веррійскій митрополитъ, см. Аверкій.

Вешняковъ, Алексѣй Андреевичъ, резидентъ въ Константинополѣ, 1735—1745 г. — 430—434, 439, 443, 445, 455, 456.

Византійскіе императоры. — 7, 261, 276, 285, 320, 328, 358, 370, 371, 468.

Византійскіе императоры, см. Анастасій, Андроникъ, Василій, Ираклій, Левъ, Маврикій, Палеологи, Устиніанъ, Устинъ.

Византія, см. Константинополь.

Вильгельмъ III, Англійскій король, 1689—1702 г. — 310.

Вилленевъ, Маркъ (Людовикъ Совёръ, маркизъ дё Вильнёвъ), Французскій посланникъ въ Константинополѣ, 1728—1740 г.—441.

Винница, см. Веницы.

Виѳлеемскій митрополитъ, см. Аѳанасій.

Виѳлеемскій храмъ, см. Рождества.

Виѳліемъ, Виѳліомъ, *Бет-Лахмъ*, городъ. — 9, 49, 70—74, 81, 83, 86, 88, 134, 143, 213, 230, 277, 290, 451.

Владиміръ I, великій князь Кіевскій, 980—1015 г. Память 15 Іюля.—3, 152.

Владиміръ Мономахъ, великій князь Кіевскій, 1113—1125 г.—159.

Вознесенія монастырь, въ Молдавіи. = 117.

Возницынъ, Прокофій, дьякъ, Русскій посолъ въ Турціи, 1681 г. — 241—247, 252.

Волконскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, князь, окольничій.—135, 138.

Волоская земля, см. Валахія.

Волошениновъ, Михаилъ, дьякъ.—129, 144, 146, 151.

Волошскіе воеводы, господари, см. Бассараба, Бранкованъ, Дука, Михна, Радулъ, Щербанъ.

Воронцовъ, графъ, Михаилъ Ларіоновичъ, вице-канцлеръ, † 1767 г.—461.

Воротынскій, Иванъ Михаиловичъ, князь, бояринъ, † 1627 г.—49.

Воскресенія Христова образъ. — 89.

Воскресенскій монастырь, патріархія въ Іерусалимѣ.—450.

Воскресенскій монастырь, Новый Іерусалимъ, близъ Москвы.—188, 213.

Воскресенія храмъ, въ Іерусалимѣ.— 2, 8, 9, 20, 55, 56, 58, 133, 382, 415, 447, 457.

Вѣна, городъ.—366, 407.

Гавріилъ, старецъ Іерусалимскій, (1550 г.).—8.

Гавріилъ, архимандритъ Никольскаго монастыря въ Македоніи (1649 г.).— 135.

Гавріилъ Власій, митрополитъ Навпакта и Арты, (1652—1653 г.). — 166—171, 184.

Гавріилъ, митрополитъ Назаретскій (1650—1654 г.).—158—160, 164, 165, 174, 184.

Гагара, Василій, паломникъ-писатель, 1634—1637 г.—133.

Газскій митрополитъ (1634 г.).— 72.

Газскій митрополитъ, см. Лигаридъ.

Галата, см. Калата.

Гасанъ-паша (1658 г.). — 180.

Гасюка, султанша, жена Сулеймана II.—446.

Гедеонъ, архимандритъ Іерусалимскій (1776—1777 г.). —463—465.

Гедеонъ, вождь Израильскій. —313.

Гедеонъ Четвертинскій, митрополитъ Кіевскій, 1685—1690 г. — 252—254, 256, 257, 262, 263, 286, 299.

Гедеонъ, митрополитъ Молдавскій (1656 г.).—161.

Геннадій, Софійскій архидіаконъ (1559 г.).—10.

Геннадій, архимандритъ Андропниковскій(1625г.)—51.

Генрихъ IV, Французскій король, 1589—1610 г.— 99, 277, 291.

Генува, Генуя, городъ.—453.

Генуезцы.—278.

Генуя, см. Генува.

Георгіевскій Іерусалимскій монастырь, въ Константинополѣ. — 177.

Георгіевъ, Ѳома, повѣренный патріарха Мелетія (1733 г.).—428.

Георгія Зографскій монастырь, на Аѳонѣ. — 121, 123.

Георгія монастырь, въ Іерусалимѣ.—450.

Георгія монастырь, женскій армянскій въ Іерусалимѣ.— 451.

Георгія Побѣдоносца мощи. —51.

Герасимъ I, Спарталіотъ, патріархъ Александрійскій, 1621—1636 г.—46, 52.

Германцы, см. Нѣмцы.

Германъ, митрополитъ (1371 г.).—1.

Германъ, митрополитъ Кесарійскій, 1590 г.—18, 21, 22.

Германъ, архимандритъ Іерусалимскій (1657 г.).— 178.

Германъ, архимандритъ Іерусалимскій (1728—1732 г.). —415, 416, 418, 419, 423—425.

Германъ, инокъ Виѳлеемскій (1625 г.).—49.

Германъ II, патріархъ Іерусалимскій, 1534—1579 г.— 7—12, 16, 113, 247, 447, 448, 467.

Геронтій, митрополитъ Московскій, 1473—1489 г.— 4, 5.

Годунова, Оксинья, Ксенія, дочь Бориса, 1581—1622 г. —15.

Гессенъ-Гомбургская княгиня, Анастасія Ивановна, † 1755 г.—461.

Гетманы, см. Игнатовъ, Мазепа, Самойловичъ, Хмельницкій.

Геѳсиманія, близь Іерусалима.—9, 15.

Гишпанія, см. Испанія.

Голландская земля, Голландія, страна.—311.

Голгоѳа, Лобное мѣсто. — 9, 10, 14, 47, 55, 56, 111, 134, 213, 277, 279, 290, 293, 298, 416, 448, 450.

Голицынъ, Василій Васильевичъ, князь, † 1713 г. — 258, 272.

Голицынъ, князь, Димитрій Михаиловичъ, Русскій посолъ въ Турціи, 1701 г., Кіевскій губернаторъ, 1702-1723 г. — 329—334, 341, 342, 359, 408, 409.

Головинъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, графъ, государственный канцлеръ, † 1706 г.— 323, 325, 326, 328, 336—338, 342—346, 359.

Головкинъ, Гавріилъ Ивановичъ, государственный канцлеръ, 1709—1734 г.—343, 346, 359, 377, 379, 380, 382, 386—391, 394, 396, 398, 399, 402, 403, 405, 407.

Горленко, полковникъ Прилуцкій (1713 г.).—407.

Города, см. Авлонъ, Адріанополь, Азовъ, Александрія, Антіохія, Арта, Архангельскъ, Батуринъ, Богдатъ, Бруса, Бухарестъ, Бѣлградъ, Вавилонъ, Венеція, Веницы, Виолеемъ, Вѣна, Генуя, Дамаскъ, Ипеки, Іерихонъ, Іерусалимъ, Іоппія, Калуга, Каменцы, Кафа, Керчъ, Кесарія, Килія, Кіевъ, Константинополь, Коринѳъ, Критъ, Ларса, Лондонъ, Львовъ, Москва, Навпактъ, Назаретъ, Нарва, Нѣжинъ, Палеопатра, Петербургъ, Путивль, Рашковъ, Римъ, Родосъ, Смоленскъ, Сѣвскъ, Таганрогъ, Тифлисъ, Торговище, Тула, Филиппъградъ, Черниговъ, Чигиринъ, Шаръ, Яссы.

Горы, см. Аѳонъ, Елеонская, Синай, Сіонъ, Хоривъ.

Господари, см. Волошскіе, Молдавскіе, Трансильванскій.

Господень гробъ.—2—4, 7—12, 14—22, 24, 25, 28, 47—49, 51, 53, 55, 56, 58, 60, 63, 64, 66, 68, 71—75, 77—79, 81, 83, 86—89, 93, 112—114, 118, 120, 130—134, 136, 137, 143, 145, 150, 151, 154, 173—175, 180, 196, 213, 219, 229, 230, 258, 272, 273, 275, 277—279, 287, 290—293, 298, 307—309, 311, 316, 318, 320, 327, 328, 330, 334, 375, 377, 384,

414, 416, 420—428, 430, 433—441, 444, 445, 447, 448, 450, 451, 456—460, 463—467, 470, 472.

Господень свѣтъ, благодатный огонь въ Великую Субботу.—74.

Господня Гроба часовня, см. Кувуклія.

Господня риза, Христова срачица.—61.

Господня Гроба монастырь, въ Іерусалимѣ.—25.

Господня Гроба подворья, въ Валахіи.—46, 66, 93, 172.

Господня Гроба подворье, въ Константинополѣ.—422.

Грамотинъ, Иванъ, посольскій думный дьякъ (1625 г.). —50—52.

Греки, Гречане, Эллины, Ромеи, народъ.—6, 7, 31—34, 38, 39, 42, 62, 68, 75, 80, 96, 97, 107, 112, 114, 119, 122, 124, 127, 133, 152, 156, 157, 162—166, 170, 175—179, 184—186, 189—191, 200, 207, 210, 211, 214, 230, 231, 236—238, 240, 243, 261, 264, 271—273, 275, 277—280, 283, 284, 290, 292, 298, 301, 308, 310, 314—319, 321, 322, 325—328, 330—332, 337, 349—351, 353, 357, 359, 369—373, 394—400, 402, 405, 412—415, 418, 433, 440—442, 444, 445, 447—453, 467, 471.

Гречане, см. Греки.

Греческіе императоры, см. Византійскіе.

Греческій, эллинскій языкъ. —248, 249, 251, 302, 365.

Греческая школа, славяно-греко-латинская академія въ Москвѣ.—248, 251, 362, 365, 366, 470.

Греція, Греческая земля, страна.—3, 60, 61, 99, 457.

Григорій Богословъ, † 389 г. Память 25 Января.—117.

Григорій, архимандритъ греческій.—68.

Григорій, архимандритъ греческій (1630 г.).—106.

Григорій, архимандритъ монастыря Св. Саввы (1603 г.). —15.

Григорій, архимандритъ монастыря Саввы Освященнаго (1625 г.). — 46, 50—52, 54—56.

Григорій, митрополитъ Ларсскій (1645 г.).—117.

Григорій Русинъ, купецъ, паломникъ ранѣе 1480 г.— 4, 5.

Григорій, ученикъ Исидора. —4.

Гробы, см. Богородицы, Господень.

Грузинскіе царевичи.—293.

Грузинцы, народъ.—276.

Грузія, см. Иверская земля.

*

Грязевъ, Мина, дьякъ (1649 г.).—135.

Давидъ, царь Іудейскій, пророкъ. Память 26 Декабря.—137, 173, 198, 309, 320.

Дамаскинъ, келарь Саввинскаго монастыря (1590—1604 г.).—14, 20—22.

Дамаскъ, городъ.—274, 276.

Даніилъ, Халкидонскій митрополитъ (1644 г.).—92.

Даніилъ, архіепископъ Ѳессалійскій (1651 г.).—173.

Даніилъ, игуменъ Синайскій (1519 г.).—94.

Даніилъ, келарь (1635 г.).—81.

Даніилъ, пророкъ. Память 17 Декабря.—137.

Даніилъ, старецъ Іерусалимскій (1550 г.).—8.

Даудовъ, Василій, Русскій посолъ въ Константинополѣ, 1679 г.—238, 240.

Дашковъ, Яковъ Оксентьевичъ, Русскій посолъ въ Константинополѣ, 1633 г.—70, 72, 79.

Даѳанъ, поглощенный землею.—175.

Девора, пророчица. Память въ недѣлю праотецъ.—227, 234.

Дементій, купецъ, грекъ, (1630 г.).—65.

Дементій, грекъ (1712—1713 г.).—401, 405, 406.

Дерескулъ, Анна Даниловна, дочь князя Друцкаго (1733 г.).—428, 429.

Дерескулъ, Матѳей Андреевъ. † 1733 г.—428.

Димитрій, патріаршій человѣкъ (1657 г.).—178.

Димитрій Алексѣевичъ, царевичъ, сынъ Алексѣя Михаиловича, † 1651 г.—128.

Димитрія святаго праздникъ 26 Октября.—339.

Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіевой лавры, †1633 г. Память 12 Мая.—28, 34, 36—38, 40—43, 110.

Діонисій III, патріархъ Константинопольскій, 1660—1665 г.—190—194, 203, 207.

Діонисій IV, патріархъ Константинопольскій, 1672—1694 г.—255, 256, 260, 309.

Діонисій, архидіаконъ (1625 г.).—51.

Діонисій, Спасскій дьяконъ (1619 г.).—31.

Дмитріевъ, Кондратъ, грекъ (1664 г.).—203.

Дмитріевъ, Савелій, грекъ (1664—1666 г.).—199 201, 202, 207, 214.

Донское море, см. Азовское.

Досиѳей, Іерусалимскій патріархъ?—446.

Досиѳей II Нотара, Іеруса-

лимскій патріархъ, 1669—1707 г.—9, 123, 172, 173, 199, 200, 219, 222—231, 233—238,240—259,261—263, 265—267, 269—275, 278—281, 283—290, 292, 297, 299—304, 306—309, 311—328, 330—333, 335—349, 351—355, 357—367, 369, 373, 374, 377—379, 391—394, 398, 409, 410, 412, 448, 449, 456, 457, 470.

Днѣпръ, рѣка. — 263, 294, 295.

Драко, Дмитрій Юрьевъ, грекъ (1691 г.). —281.

Друцкой, Данила, князь. — 428.

Дука, Іоаннъ, воевода Волошскій (1669—1692 г.).—229, 234, 236, 292.

Дунай, рѣка. — 76, 82, 161, 229, 295, 316, 339, 388, 419.

Евгеній, архіепископъ Синайскій (1571 г.).—94.

Евгеній, келарь Синайскій (1629 г.). — 102.

Евдокимовъ, дьякъ при Русскомъ послѣ въ Турціи, 1629 г. —59.

Евдокія Лукьяновна, царица, жена Михаила Ѳеодоровича, † 1645 г.—53, 58, 88.

Евреи, см. Іудеи.

Европа.—470.

Евстафьевъ, см. Остафьевъ.

Евѳимій, архимандритъ (1651 г.).—182.

Евѳимій, грекъ (1712 г.). — 400.

Евѳимій, клирикъ (1649 г.).—148.

Египтяне, народъ.—276, 446.

Египетъ, страна. — 4, 269, 276.

Едринъ, см. Адріанополь.

Езекія, Іудейскій царь.—137.

Езоповы басни.— 234.

Екатерина, Португальская королева, 1638—1705 г.—98.

Екатерины мощи, на Синаѣ.—94, 269.

Елена, Равноапостольная, царица. Память 21 Мая.—9, 58, 73, 143, 150, 151, 173.

Елеонская гора, *Джебель ет-Тӯръ*.—143, 416.

Елизавета Петровна, Русская императрица, 1741—1761 г. —372.

Епифаній Кипрскій, † 403 г. Память 12 Мая.—233.

Епифаній Славинецкій, іеромонахъ, духовный писатель, † 1675 г.—188.

Ерделія (?).—349.

Ериха, см. Іерихонъ.

Ерусалимъ, см. Іерусалимъ.

Ефремъ II, Іерусалимскій патріархъ, 1766—1771 г. — 462.

Жигимунтъ, Сигизмундъ III,

король Польскій, 1587 — 1632 г.—28, 68.

Жидовская улица, въ Іерусалимѣ.—450.

Жиды, см. Іудеи.

Захарій Копистинскій, архимандритъ Печерской лавры, 1624 г.—43.

Запорожцы, см. Казаки.

Зиновьевъ, Осипъ, грекъ (1636 г.).—79.

Знаменскій монастырь. — 406.

Зографскій монастырь, см. Георгія.

Зоровавель, строитель стѣнъ Іерусалимскихъ. — 320.

Ибрагимъ, султанъ Турецкій, 1640—1649 г.—92, 172.

Ивановъ, Андрей, подъячій, посолъ, 1592 г.—14.

Ивановъ, Василій, грекъ (1664 г.).—203.

Ивановъ, Захарій, Софиръ, грекъ (1684 г.).—252, 254.

Ивановъ, Ѳеофилъ, грекъ, (1645 г.).—119.

Ивановъ, Ѳома, грекъ (1641-1650 г.).—86, 91, 92, 156, 158.

Иванъ, Сербскій король. — 182.

Иванъ Гавриловъ, Русскій посолъ въ Турціи (1625 г.). —47.

Иванъ Юрьевичъ, приставъ (1649 г.).—148.

Иверская земля, Грузія, страна. — 181, 224, 262, 457.

Иверскій монастырь, см. Іакова.

Игнатій, архіепископъ Тобольскій, † 1667 г.—217.

Игнатій Іевлевичъ, архимандритъ Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря.—188.

Игнатовъ, Демьянъ Многогрѣшный, Малороссійскій гетманъ, 1669—1672 г.—235

Иконійскій митрополитъ, см. Аѳанасій.

Иліи монастырь, *Мар-Еліасъ*, близъ Іерусалима.—451.

Илія, пророкъ. Память 20-го Іюля.—96.

Илья, игуменъ Богоявленскій (1625 г.).—51.

Илья Михаиловичъ, бояринъ, 1658 г.—179.

Императоры, см. Австрійскій, Византійскіе, Римскіе, Русскій.

Императрицы, см. Анна, Елена, Елизавета.

Индія, страна.—98.

Ипатьевскій Костромской монастырь.—69.

Ипеки, *Печъ*, городъ въ Албаніи.—349.

Ираклій, Византійскій императоръ, 610—641 г.—281, 283.

Ирина Ѳеодоровна, русская царица, жена Ѳеодора Іоанновича, † 1603 г.—13.

Ирина Михаиловна, царевна дочь Михаила Ѳеодоровича, † 1679 г.—144.

Исаія, архимандритъ монастыря Св. Саввы (1629 г.).—58.

Исаія, архимандритъ Синайскій (1629 г.).—102.

Исидоръ, митрополитъ Московскій, 1437—1441 г.—4.

Испанія, Гишпанія, страна. 98, 99, 339, 451.

Испанскій король, см. Филиппъ.

Италія, страна. — 339, 340, 462.

Іакова, брата Господня, образъ.—89.

Іакова, брата Господня, церковь, въ Іерусалимѣ.—450.

Іакова Алфеова церковь, Иверскій монастырь, въ Іерусалимѣ.—449, 451, 452.

Іакова Персянина мощи. — 382, 389.

Іаковъ, патріархъ Константинопольскій, 1679-1682 г.—244, 245, 252—255.

Іаковъ I, Англійскій король, 1603—1625 г.—99.

Іезуиты.—189, 207, 263, 311, 312, 349, 367.

Іеремія, архимандритъ Морейскаго Успенскаго монастыря (1644 г.).—105.

Іеремія, митрополитъ Синайскій (1604—1623 г.). — 95—102.

Іеремія I или II, патріархи Константинопольскіе, 1520-1543, 1572-1579, 1580-1584, 1586-1594 г.—92.

Іеремія II, патріархъ Константинопольскій, 1572—1594 г.—277.

Іерихонъ, *Ерихa*, городъ. — 135.

Іерусалимскіе кавалеры, см. Темпліеры.

Іерусалимскіе монастыри.—72.

Іерусалимскіе архимандриты, см. Агапій, Анѳимъ, Аѳанасій, Варѳоломей, Гедеонъ, Германъ, Григорій, Іоасафъ, Кириллъ, Никандръ, Прохоръ.

Іерусалимскіе патріархи. — 1, 4—7, 26, 27, 45, 132, 134, 148, 165, 223, 411, 414, 417—419, 429—433, 438—440, 444, 445, 453—456, 459, 460, 462—473.

Іерусалимскіе патріархи, см. Авраамій, Аѳанасій, Германъ, Досиѳей, Ефремъ, Іоакимъ, Мелетій, Нектарій, Паисій, Пароеній, Софроній, Хрисанѳъ, Ѳеодосій, Ѳеофанъ.

Іерусалимскій Синодъ.—454.

Іерусалимское подворье, въ Константинополѣ.—458.

Іерусалимъ, Ерусалимъ, Святой градъ.—1, 2, 4—6, 10, 14, 16, 18, 47, 48, 56—60, 63, 72, 73, 80, 84, 89, 91, 93, 101, 117, 120, 123, 124, 129—131, 133—135, 144, 145, 147, 148, 172, 173, 187, 222, 227, 229, 232, 240, 258, 260, 271, 273—284, 287, 288, 291—293, 298, 300, 303, 315, 316, 321, 323, 326—329, 337, 346, 374—377, 381—384, 386—388, 391, 394, 395, 415, 416, 420—423, 425, 427, 430, 434—438, 441—446, 450, 451, 453—456, 458—460, 464, 473.

Іерусалимъ, Новый, см. Воскресенскій монастырь.

Іоакимъ, келарь Іерусалимскій (1603 г.).—16.

Іоакимъ, патріархъ Александрійскій, 1529—1566 г.—94.

Іоакимъ, патріархъ Іерусалимскій? — 1—5.

Іоакимъ, митрополитъ Силистрійскій (1622 г.).—46, 99.

Іоакимъ, патріархъ Московскій 1674—1690 г.—235, 237, 238, 240—243, 248, 249, 253, 256, 257, 259, 262, 266, 269, 271, 309, 352, 366.

Іоанна Предтечи образъ.—89.

Іоанна Златоуста мощи.—51.

Іоанна Богослова монастырь, латинскій въ Іерусалимѣ.—276.

Іоанна Богослова монастырь.—311.

Іоанникій, архіепископъ Синайскій (1687 г.).—268.

Іоанникій, Новоспасскій келарь, грекъ (1619—1630 г.).—60—63.

Іоанникій, патріархъ Александрійскій, 1643—1653 г.—168, 169.

Іоанникій II, патріархъ Константинопольскій, 1646—1655 г.—169.

Іоаннъ, Богословъ, Евангелистъ. Память 26 Сентября.—426.

Іоаннъ Златоустый, † 407 г. Память 14-го Сентября.—117, 233.

Іоаннъ Дохторъ, писатель.—301.

Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь Московскій, 1462—1505 г.—6, 7, 10.

Іоаннъ, Іванъ IV Васильевичъ, царь Русскій, 1533—1584 г.—12, 16, 18, 24, 25, 94.

Іоаннъ V Алексѣевичъ, царь Русскій, 1682—1696 г.—271, 304.

Іоасафъ, архимандритъ Іерусалимскій (1586 г.).—13, 14.

Іоасафъ, архимандритъ Іерусалимскій (1652—1658 г.).—171, 176, 177, 180.

Іоасафъ, архимандритъ Синайскій (1605 г.).—23.

Іоасафъ, архіепископъ Синайскій (1625 г.).—101, 102.

Іоасафъ, іеродьяконъ (1631 г.).—62.

Іоасафъ I, патріархъ Московскій, 1634-1641 г.—71, 80.

Іоасафъ II, патріархъ Московскій, 1667—1672 г.— 216.

Іовъ, патріархъ Московскій, 1589—1605 г.—19.

Іона, митрополитъ Крутицкій (1619 г.).—32.

Іона Маленькій, паломникъ писатель, 1652 г. — 133, 148, 173.

Іона, пророкъ. Память 22 Сентября.—286.

Іоппія, *Яфа*, городъ. — 383, 421, 453, 457.

Іорданская вода.— 51, 382.

Іорданская пустыня.—48.

Іорданъ, рѣка.—19, 51, 134, 143, 213, 422.

Іосифъ, Московскій патріархъ, 1642—1652г.—138—141, 149, 154, 157, 163, 183.

Іосифъ бѣлецъ, патріаршій человѣкъ (1625 г.).—46.

Іосифъ, архимандритъ лавры Св. Аѳанасія, на Аѳонѣ, (1641 г.).—103.

Іосифъ, архимандритъ Спаса Новаго монастыря (1625 г.). —51.

Іосифъ, архимандритъ Чудовскій (1625 г.).—51.

Іосифъ, архіепископъ Рязанскій (1619 г.).—32.

Іосифъ, Осифъ, протосингелъ Іерусалимскаго патріарха, митрополитъ Кесаріи Филипповой (1464 г.).— 2—5.

Іосифъ, митрополитъ Севастійскій (1630 г.).—61, 62.

Іосифъ, священникъ Синайскій (1559 г.).—11.

Іуда предатель. — 174, 231, 385.

Іудеи, Жиды, Евреи, народъ. — 73, 75, 167, 193. 240, 456.

Іудейскіе цари, см. Давидъ, Езекія, Осія, Соломонъ.

Казаки, Черкасы, Запорожское войско. — 130, 131, 145, 146, 147, 149, 152, 153, 155, 156, 157, 161, 179, 185, 186, 264, 265, 286, 289, 295, 319, 320, 325, 340—342, 353, 406, 407.

Казанскіе митрополиты, см. Матвѣй, Симонъ.

Казенный патріаршій приказъ.—302.

Каіафинъ домъ, въ Іерусалимѣ.—451.

Кальвинъ, † 1564 г. — 241, 249.

Калата, Галата, кварталъ въ Константинополѣ.—107.

Каллиникъ II, патріархъ Константинопольскій, 1690 — 1702 г.—297, 299, 309.

Каллистъ, Ларисскій архіепископъ (1651 г.).—183.

Калмыки, народъ. — 343.

Калуга, городъ. — 123—125.

Кальвины, см. Протестанты.

Каменецъ-Подольскъ, см. Каменцы.

Каменцы, *Каменецъ - Подольскъ*, городъ. — 319, 342.

Кантакузина, Марія, генеральша, † 1732 г.—428.

Кантакузинъ, Михаилъ (1712 г.). — 400.

Кантакузинъ, Ѳома, графъ (1712 г.). — 400.

Кантакузинъ, см. Щербанъ.

Кантемиръ, Димитрій Константиновичъ, Молдавскій господарь (1711 г.). — 402.

Кантемиръ, Молдавскій господарь (1637 г.).—82.

Капиджи-паша, визирь (1650 г.). — 172.

Карлъ XII, король Шведскій, 1697-1718 г.—398—400.

Кастріотъ, Георгій (1702 г.). —334.

Католики, см. Латиняне.

Кафа, Ѳеодосія, городъ. — 2, 3, 5, 76, 341.

Керчь, городъ. — 341.

Кесарійскіе митрополиты, см. Германъ, Іосифъ.

Кесарія Филиппова, *Баніасъ*, городъ. — 2, 3, 4, 5, 17.

Кизылбашская земля, см. Персида.

Килія, городъ. — 316.

Кипріанъ, митрополитъ Крутицкій (1625 г.). — 51.

Кирика великомученика мощи. — 89.

Кириковъ, Лука, грекъ (1711 г.). — 399, 401.

Кирилловское подворье, въ Москвѣ. — 130, 135.

Кириллъ IV, патріархъ Антіохійскій (1621 г.). — 46.

Кириллъ, архимандритъ Іерусалимскій (1625 г.). — 46, 48, 50—58, 68, 72, 73, 78, 81.

Кириллъ, архимандритъ Синайскій (1687 г.). — 268, 270.

Кириллъ, архимандритъ Чудовскій (1644 г.). — 126.

Кириллъ Лукарисъ, Александрійскій патріархъ, 1602—1621 г.—27.

Кириллъ I Лукарисъ, патріархъ Константинопольскій, † 1638 г. — 45, 65, 69, 84, 85, 87.

Кіевская митрополія. — 237, 252—259, 261—263, 266, 267, 286, 288, 289, 297, 362.

Кіевскіе митрополиты, см. Гедеонъ, Самуилъ.

Кіевъ, городъ. — 122, 130,

150, 152, 154—156, 234, 254, 259, 264, 286, 405, 461, 462.

Кіевляны, жители Кіева.—45.

Кондыревъ, Иванъ Гавриловичъ, бояринъ, Русскій посолъ въ Константинополѣ, 1622 г.—55, 76.

Константина и Елены образъ.—89, 90.

Константина церковь, въ Іерусалимѣ.—450.

Константиновъ, Мануилъ, грекъ (1655 г.).—161.

Константиновъ, Маркъ, слуга молдавскаго воеводы (1691 г.).—275, 284.

Константинопольскіе патріархи, см. Аѳанасій, Діонисій, Іаковъ, Іеремія, Іоанникій, Каллиникъ, Кириллъ, Парѳеній, Рафаилъ, Тимоѳей, Фотій.

Константинопольскій Синодъ.—454, 455.

Константинополь, Царьградъ, Византія, городъ.—8, 45, 59, 60, 64, 65, 70, 72, 73, 75—79, 81, 82, 85—87, 89, 92, 100, 107, 110, 111, 115, 120, 132, 157, 158, 166, 172, 173, 187, 190, 191, 194, 198, 200, 204, 208, 221, 222, 231, 238, 242, 243, 252—254, 261, 276—278, 295, 309, 310, 314—316, 321, 330, 332, 333, 336—340, 344, 347, 355, 367, 372, 375, 381—385, 387, 388, 390, 394, 398, 399, 401—403, 412—414, 422, 423, 428, 430, 433, 434, 439, 441, 443, 446, 453—456, 458, 459, 465, 466, 473.

Константинъ Равноапостольный, Римскій императоръ, 306—337 г. Память 21 Мая.—9, 18, 73, 137, 138, 143, 149—151, 182, 249, 280, 322.

Константинъ, грекъ, серебряный мастеръ (1630 г.).—107.

Константинъ Ларевъ, грекъ (1630 г.).—68.

Коптскіе монастыри.—452.

Кориноъ, городъ.—105.

Коробьинъ, Иванъ, Русскій посолъ въ Константинополѣ, 1634 г.—72, 73.

Короли, см. Англійскіе, Испанскіе, Польскій, Саксонскій, Сербскіе, Французскій, Шведскій.

Креста Честнаго монастырь, *дѣр-ел-Муссалабе*, близъ Іерусалима.—451.

Крестовая палата, въ Москвѣ.—51.

Критъ, городъ (?).—308.

Кросодолъ, Крушедоловъ Благовѣщенскій монастырь, въ Сербіи.—182.

Крутицкіе митрополиты, см. Іона, Кипріанъ.

Крымскій ханъ.— 157, 160, 179, 279, 290, 298, 343.

Крымъ, Таврискій островъ, полуостровъ.—82, 272, 280, 281, 291, 314, 339, 411.

Кувуклія, Господня Гроба часовня.—9, 290, 450, 451.

Кудринъ, Васька, подъячій (1649 г.).—148.

Лаврентій, епископъ Косандрійскій (1645 г.).—117.

Лавры, см. Монастыри.

Лазаревъ, подъячій (1634 г.). —70.

Ларивонъ Ивановичъ, думный дьякъ посольскаго приказа (1682 г.).—244.

Ларса, городъ.—117.

Ларсскіе митрополиты, см. Григорій, Каллистъ.

Латиняне, Римляне, Паписты, Католики. — 57, 58, 70, 72, 78, 111, 120, 185, 187, 210, 211, 228, 238, 248—250, 263, 267, 271—277, 283—285, 290—293, 295, 296, 300—302, 304, 305, 311, 315, 317, 323, 327, 328, 330, 351, 363—365, 367, 394, 397, 421, 427, 432, 433, 435, 437—441, 445, 447—450, 452, 460.

Латинскій языкъ.—251, 351, 365, 366.

Левкій, архимандритъ Симоновскій (1625 г.).—51.

Левъ I Великій, Византійскій императоръ, 427—474 г. Память 20 Января. — 280.

Леонтій, архимандритъ (1668 г.).—209.

Леопольдъ, цесарь, Австрійскій императоръ, 1658—1705 г. — 293, 295, 296, 310, 311, 339, 340, 349, 368, 449.

Лещинскій, Станиславъ, Польскій король, 1704—1709 г.—387.

Лже-Дмитрій, самозванецъ. Разстрига, 1605—1606 г. —24, 26, 28.

Лигаридъ, Паисій, митрополитъ Газскій (1650, † 1678 г.).—166, 189—191, 193, 199, 200, 207—212, 215—219, 226—228, 231, 232—236.

Лидскій архіепископъ (1634 г.).—72.

Лисица, Иванъ, посолъ отъ малороссійскаго гетмана въ Константинополѣ, 1685 г.—253, 256.

Литовскій посолъ.—71.

Литва, Литовская земля, страна.—45, 57, 76, 77, 98, 121, 146, 247, 262.

Лихуды, Іоанникій и Софроній, іеромонахи, греки (1693 г.). — 302, 306, 307, 310, 366, 470.

Лобное мѣсто, см. Голгофа.

Лондонъ, городъ.—462, 463.

Лукьянъ, іеромонахъ Чудовскій (1649 г.).—148.

Львовъ, Григорій, дьякъ (1649 г.).—152.

Львовъ, городъ.—341, 400.

Львовъ, Алексѣй Михаиловичъ, бояринъ и дворецкій (1649 г.).—146.

Лука, Евангелистъ. Память 18 Октября.—105.

Людовикъ XIV, Французскій король, 1643—1715 г. — 332, 339, 395, 396.

Лютеры, см. Протестанты.

Лютеръ, † 1546 г.—241, 249.

Ляхи, см. Поляки.

Ляхія, см. Польша.

Маврикій, Византійскій императоръ, 582—602 г. Память 28 Ноября.—280.

Маврокордато, Александръ, турецкій уполномоченный, (1699 г.).—318.

Магметъ-паша, каймаканъ, (1637 г.).—84.

Магометъ, Моамефъ, Мохометъ, лжепророкъ, 569—632 г.—308, 328, 446.

Магометъ II, Моамефъ, Турецкій султанъ, 1451—1481 г.—446.

Магометъ IV, Турецкій султанъ, 1649—1693 г.—449.

Мадеониты, Мадіонитяне, народъ.—313.

Мадіонитяне, см. Мадеониты.

Мазепа, Иванъ Степановичъ, гетманъ Малороссійскій, † 1709 г.—397, 398.

Макарій, патріархъ Антіохійскій, 1648—1672 г.—134, 162, 212—215, 219.

Македонія, область.—135.

Македонскій царь, см. Александръ.

Максимовичъ, писарь (1713 г.).—407.

Максимъ Грекъ, † 1556 г. Память 21 Января.—8, 40—42, 110.

Максимъ, архіепископъ Сербскій.—182.

Малахія, архимандритъ Синайскій (1625 г.).—57, 101.

Малороссія, Украйна, Черкаская земля, область. — 83, 160—162, 209, 238, 252, 253, 258, 262, 282, 288, 289, 299, 351, 406.

Манентъ, ересіархъ, † 274 г. —249.

Мāр-Еліасъ, см. Иліи монастырь.

Мāр-Сāбā, см. Саввы монастырь.

Маріи придѣлъ, въ храмѣ Воскресенія.—1.

Марія Магдалина. Память 22 Іюля.—450.

Марія Григорьевна Годунова, царица, жена Бориса, † 1605 г.—15, 21.

Марія Ильинична, Русская царица, жена Алексѣя Ми-

хаиловича, † 1669 г.—173, 175, 229.

Марко, митрополитъ Синайскій (1376 г.).—1.

Марониты, секта.—447.

Марѳа Ивановна, Русская царица-инокиня, мать Михаила Ѳеодоровича, † 1631 г.—30, 53, 55, 56, 58.

Матвѣевъ, Семенъ, дьякъ при Русскомъ послѣ въ Турціи, 1634 г.—72, 73.

Матвѣй, архимандритъ Халкидонскій (1654 г.).—177.

Матвѣй, митрополитъ Казанскій (1619 г.).—31, 32

Мелекъ ел-Дагеръ Абу Саидъ Копкадамъ, султанъ Египетскій, 1461—1467 г. —2, 3.

Мелекъ ел-Ашрафъ Каитбай, султанъ Египетскій, 1468—1496 г.—4, 6.

Мелентій, инокъ Іерусалимскій (1630 г.).—66.

Мелетій, іеродіаконъ, грекъ (1662-1669 г.).—190, 191, 193—196, 200, 203, 204, 215, 235.

Мелетій, патріархъ Александрійскій, 1590—1601 г. — 167.

Мелетій, патріархъ Іерусалимскій, 1732—1737 г.—418, 419, 424, 425, 428—430, 458.

Меркурія мученика мощи.—18, 51, 134.

Милославскій, Илья Даниловичъ, боярин, 1651 г.—160.

Мирузинанъ, Георгій, посланный графа Кантакузина, (1711 г.).—400, 401.

Митрополиты, см. Веррійскій, Виѳлеемскій, Газскій, Иконійскій, Казанскіе, Кесарійскіе, Кіевскіе, Крутицкіе, Ларсскіе, Молдавскіе, Московскіе, Навпактскій, Назаретскій, Севастійскій, Селунскій, Сербскіе, Силистрійскій, Синайскій, Трансильванскій, Халкидонскій.

Митрофанъ, патріархъ Александрійскій, 1636 — 1638 г.—85.

Митрофанъ, дьяконъ Іерусалимскій (1625 г.).—46.

Михаила Архангела образъ. —89.

Михаила Архангела монастырь, въ Іерусалимѣ.—1, 16, 450.

Михаила архистратига церковь, въ Москвѣ.—126.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, Русскій царь, 1613—1645 г.—28, 39, 44, 50, 52, 61, 71, 80, 81, 84, 96, 101, 117, 119, 451.

Михаилъ, митрополитъ Сербскій (1653 г.).—133, 134.

Михна, Михаилъ Злой, воевода Волошскій, 1508—1510 г.—45.

Михна II, воевода Волошскій, 1578—1583, 1585—1591 гг.—45.

Моамефъ, см. Магометъ.

Моисеева жезла древо.—19.

Моисей, пророкъ. Память 4-го Сентября.—137, 313, 381.

Молдавскіе воеводы, господари, см. Александръ, Василій, Кантемиръ, Петръ, Стефанъ.

Молдавскіе митрополиты, см. Варлаамъ, Гедеонъ.

Молдовлахія, Молдавская земля, Богданія, область.—6, 65, 66, 83, 88, 92, 106, 108, 117, 121, 123, 131, 156, 158, 160—162, 164, 167, 172, 173, 176, 184—186, 194, 200, 203, 204, 220, 222, 262, 292, 294, 304, 310, 439, 441, 453, 457.

Монастыри, Лавры, см. Абиссинскіе, Авраамьевъ, Анастасіи, Аѳанасія, Аѳонскіе, Богородицы, Богоявленскій, Борисоглѣбскій, Василія, Ватопедскій, Вознесенія, Воскресенскій, Георгія, Господня Гроба, Знаменскій, Иверскій, Иліи, Ипатьевскій, Іерусалимскіе, Іоанна, Коптскіе, Креста. Кросодолъ, Михаила, Назаретскій, Николая, Пагоянинскіе, Предтечи. Саввы, Синайскій, Сирійскіе, Соловки, Троице-Сергіева, Успенья, Филоѳеевъ, Чудовъ, Ѳеодора.

Монолаки, грекъ (1692 г.).—292.

Моря, см. Азовское, Черное.

Москали, см. Русскіе.

Москва, городъ. — 2, 5—8, 14—16, 19, 20, 22, 23, 27—30, 33—36, 38—40, 43, 44, 46, 54, 55, 57—63, 65, 69, 72, 73, 78—81, 83, 87, 91—96, 98, 101—104, 106—111, 113, 114, 116, 119—127, 129, 133, 148, 150, 152, 154—158, 160, 162—167, 170—173, 175, 177—184, 186, 188—196, 199—209, 211—214, 217, 219, 220, 226, 231, 233, 235—237, 248, 249, 251—258, 260, 262, 264, 265, 267—271, 277, 284, 286, 287, 291, 294—297, 299—302, 306—308, 326, 328, 336, 342, 344—347, 351, 356, 357, 359, 360, 362, 366—368, 374, 382, 386, 392, 394, 397, 409—411, 413, 434, 439, 443, 464, 467, 468, 470.

Москвитяне, см. Русскіе.

Московія, см. Россія.

Московскіе митрополиты, см. Геронтій, Исидоръ, Ѳеодосій.

Московскіе патріархи, см. Адріанъ, Іоакимъ, Іоасафъ,

Іовъ, Іосифъ, Никонъ, Филаретъ.

Мощи, см. Алексѣя, Анѳима, Варнавы, Георгія, Екатерины, Іакова, Іоанна, Кирика, Меркурія, Нассона, Николая, Пантелеймона, Прокопія, Сергія, Ѳеклы.

Мстиславскій, Ѳеодоръ Ивановичъ, князь, бояринъ, † 1622 г.—47.

Мужеловскій, Силуянъ, казацкій полковникъ (1649 г.). —155.

Мултянская земля, см. Валахія.

Мултянцы, см. Валахи.

Муратъ, см. Амуратъ.

Мусинъ-Пушкинъ, Алексѣй Семеновичъ, графъ, Русскій резидентъ въ Лондонѣ (1768 г.)—462, 463.

Муссалабе, дѣр ел-, см. Креста монастырь.

Мустафа II, султанъ Турецкій, 1695—1703 г.—396.

Мутьянская земля, см. Валахія.

Мучениковъ 40 церковь, въ Іерусалимѣ.—450.

Мышецкій, Евѳимій, князь (1649 г.).—126—128, 145.

Мякининъ, Ѳедоръ.—124—128.

Навпактскій митрополитъ, см. Гавріилъ.

Навпактъ, городъ.—166, 167.

Назаретскій митрополитъ, см. Гавріилъ.

Назаретскій монастырь, въ Палестинѣ.—451.

Назаретъ, городъ.—165, 213.

Нарва, городъ.—346, 355.

Народы, см. Австрійцы, Англичане, Арабы, Армяне, Астраханы, Болгары, Валахи, Греки, Грузинцы, Египтяне, Іудеи, Калмыки, Мадеониты, Нѣмцы, Персы, Поляки, Римляне, Румыны, Русскіе, Сербы, Скиѳы, Татары, Турки, Французы, Хабези, Шведы.

Нассона апостола мощи.—51.

Насѣдка, Иванъ, священникъ Клементьевскій.—36.

Наталья Кирилловна, Русская царица, жена Алексѣя Михаиловича, † 1694 г. — 288.

Нащокинъ, Григорій Аѳанасьевичъ, Русскій посолъ въ Константинополѣ, 1592 г.—14.

Нектарій, патріархъ Іерусалимскій, 1661—1669 г. — 187, 188, 190—192, 194—217, 219—222, 226—228, 232, 233, 235.

Неофитъ, архимандритъ Саввинскій (1649 г.).—135.

Неофитъ, архидіаконъ Іерусалимскій (1643—1644 г.)— 87, 89.

Неофитъ, архидіаконъ Синайскій (1625 г.).—97.

Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ, резидентъ въ Константинополѣ, 1721—1735 г.—413, 425, 428, 431.

Нестеровъ, Аѳанасій, стольникъ, Русскій посолъ въ Константинополѣ, 1667—1668 г.—208, 216, 220.

Никандръ, архимандритъ Іерусалимскій, † 1743 г.—434, 436, 439.

Никифоръ, патріархъ Александрійскій, 1638—1643 г.—92, 134.

Никодимъ, діаконъ Іерусалимскій (1603 г.).—16.

Никодимъ, игуменъ Ватопедскаго монастыря (1623 г.).—103.

Николай, Мирликійскій чудотворецъ. Память 6 Декабря.—104.

Николая монастырь, въ Іерусалимѣ.—457.

Николая чудотворца мощи.—51.

Николая чудотворца образъ.—134.

Николаевъ, Исаія, грекъ, (1637 г.).—81.

Никольскій монастырь, въ Македоніи.—135.

Никольскій Пагоянинскій монастырь, въ Македоніи.—104.

Никонъ, патріархъ Московскій, 1652—1658 г.—111, 141, 150, 163—165, 170, 171, 178, 183—185, 188—208, 211—215, 219, 220, 235, 242—244, 246, 252, 362.

Нифонтъ, архимандритъ Михайловскаго монастыря въ Іерусалимѣ (1376 г.).—1, 5.

Новгородцы, жители Новгорода.—2, 3.

Ноевъ ковчегъ.—197, 311.

Нѣжинъ, городъ.—428. 467.

Нѣмецкая земля.—419.

Нѣмцы, Германцы, народъ.—70, 83, 86, 157, 278, 291, 294, 295, 310, 321, 340.

Области, см. Бѣлая Россія, Македонія, Малороссія, Молдовлахія, Подолія, Сибирь, Трансильванія, Халкидонская.

Обрѣтенія креста мѣсто, въ Іерусалимѣ.—279, 450.

Оладьинъ, Тимоѳей, приставъ (1625 г.).—49, 50.

Оловенниковъ, подъячій (1665 г.).—203, 204.

Омеръ, Омаръ, калифъ, 634—644 г.—445, 446.

Осифъ, см. Іосифъ.

Осія, царь Іудейскій.—320.

Османъ I, султанъ Турецкій, 1618—1631 г.—319.

Остафьевъ, Евстафьевъ,

Исаія, грекъ (1644—1664 г.).—93, 160, 179, 202, 203.

Оттоманская Порта, см. Турція.

Оѳонасьевъ, Порфирій, грекъ (1637 г.).—83.

Павелъ, апостолъ. Память 29 Іюня.—240, 241, 247, 249, 290, 293, 426.

Павелъ V, Римскій папа, 1605—1621 г.—99.

Пагоянинскій монастырь, см. Никольскій, Петропавловскій.

Паисій, архимандритъ Синайскій (1636 г.).—102.

Паисій, см. Лигаридъ.

Паисій, митрополитъ Селунскій (1631 г.).—61—63.

Паисій, келарь Синайскій (1623 г.).—97.

Паисій, патріархъ Александрійскій, 1663—1665 г. — 212—215, 218, 219.

Паисій, патріархъ Іерусалимскій, 1645—1661 г.—78—81, 93, 108, 116—126, 129, 133—135, 139—152, 154—167, 169—176, 178—187, 203, 208, 210, 220, 222, 278, 287, 292, 449, 467, 470.

Палеопатра, городъ.—105.

Палеологи, Византійскіе императоры, 1261—1453 г. — 276.

Палестина, Святая Земля, страна.—1, 2, 5, 6, 23—25, 71, 95, 111, 117, 129, 139, 236, 275, 276, 327, 346, 377, 388.

Паломники, см. Гагара, Іона, Поздняковъ, Сухановъ.

Палладій, монахъ Зографскаго монастыря, на Аѳонѣ (1648 г.).—121, 123.

Пантелеймона великомученика мощи.—18, 88, 134.

Паписты, см. Латиняне.

Параскева, капитанъ (1733 г.).—428.

Параскевы церковь, въ Константинополѣ.—375.

Парѳеній, архимандритъ Никольскаго Пагоянинскаго монастыря (1630 г.).—104.

Парѳеній, патріархъ Іерусалимскій, 1737—1766 г. — 430, 431, 434, 439, 445, 455, 456, 458, 459.

Парѳеній II, патріархъ Константинопольскій, 1644 — 1650 г.—92, 117, 134, 148, 172, 173, 176, 180.

Парѳеній IV, патріархъ Константинопольскій, 1657 — 1685 г.—213, 214, 227—229.

Патріархи, см. Александрійскіе, Антіохійскіе, Іерусалимскіе, Константинопольскіе, Московскіе.

Патріаршая палата, въ Москвѣ.—51.

Пахомій, келарь Веррійскаго митрополита (1630 г.).—65.

Пахомій, клирикъ (1649 г.). —148.

Пахомій, старецъ Чудова монастыря (1650 г.).—173.

Пелопонесъ, полуостровъ. — 340.

Персидскіе цари.—49.

Персидскій царь, см. Сиваръ.

Персида, Персія, Кизылбашская земля, страна.— 83, 84, 281.

Персидскій шахъ.—61, 327.

Персы, народъ.—279, 281—283, 297.

Петербургъ, Петрополь, городъ.—355, 399, 401, 460—462, 464.

Петра храмъ, въ Римѣ.—414.

Петропавловскій Пагоянинскій монастырь, въ Македоніи.—106.

Петровъ, Дементій, грекъ, (1659 г.).—181.

Петровъ, Иванъ, грекъ (1634-1636 г.).—76—79, 84, 86, 87, 108.

Петроній, монахъ Зографскаго монастыря, на Аѳонѣ (1648 г.).—121, 123.

Петрополь, см. Петербургъ.

Петръ, апостолъ. Память 29-го Іюня.—415.

Петръ Рарешъ, воевода Молдавскій, 1527—1538, 1540—1546 г. — 93.

Петръ I Великій, Русскій императоръ, 1682—1725 г. —226, 270, 304, 312, 324, 328, 335, 346, 360, 368, 370—372, 379, 389.

Петръ, грекъ (1711 г.). — 401, 405, 406.

Печь, см. Ипеки.

Плещеевъ, воевода Путивльскій (1648 г.).—122, 124.

Подолія, область.—282.

Поздняковъ, Василій, купецъ, паломникъ, 1558 г. —10.

Покровское, село.—147.

Поликарповъ, Ѳедоръ, ученикъ греческой школы въ Москвѣ (1694 г.).—310.

Полтавская битва, 27 Іюня 1709 г.—398.

Польскіе короли, см. Жигимунтъ, Лещинскій.

Польша, Польская земля, Ляхія, страна. — 24, 25, 56, 57, 130, 146, 153, 156, 258, 262, 263, 265, 272, 286, 341, 359, 363, 385, 400, 411.

Поляки, Ляхи, народъ.—29, 70, 71, 76, 130, 131, 145, 149, 152—155, 161, 185, 278, 282, 295, 296, 312, 313, 319.

Порфирій, еретикъ, † 304 г.—249.

Послы, гонцы, резиденты русскіе въ Турціи, см. Алексѣевъ, Бегичевъ, Благой, Бормосовъ, Васильевъ, Вешняковъ, Возни-

цынъ, Гавриловъ, Голицынъ, Даудовъ, Дашковъ, Евдокимовъ. Кондыревъ, Коробьинъ, Лисица, Матвѣевъ, Нащокинъ, Неплюевъ, Нестеровъ, Прончищевъ, Сергѣй Матвѣевичъ, Сомовъ, Толстой, Украинцевъ, Чириковъ, Шафировъ, Шереметевъ, Яковлевъ.

Посольская палата, въ Москвѣ.—49, 50.

Посольскій приказъ, въ Москвѣ.—50, 55, 80, 91, 92, 108, 121, 122, 127, 140—142, 144, 145, 147, 151, 157, 158, 160, 179, 202, 244, 246, 295, 298, 302, 411.

Предтечи монастырь, въ Іерусалимѣ.—450.

Предтечи престолъ, въ храмѣ Воскресенія. — 450.

Прокопій, іеродіаконъ Іерусалимскій (1743 г.).—434.

Прокопія мученика мощи.—18.

Прончищевъ Аѳанасій, Русскій посолъ въ Турціи, 1632 г.—70, 72.

Пророки, см. Давидъ, Даніилъ, Илія, Іона, Моисей.

Протестанты, Лютеры, Кальвины.—300, 366.

Прохоръ, архимандритъ Іерусалимскій (1669 г,).—226, 229, 231—233.

Прутъ, рѣка.—401.

Псковичи, жители Пскова.—2, 3.

Птоломеева библіотека. — 301.

Путивль, городъ. — 56, 79, 122, 124, 149, 150, 152, 162, 172, 173, 177, 178, 237.

Раба, *Раабъ*, притокъ Дуная. —278.

Радулъ V Владица, воевода Волошскій, 1510—1513 г. —45.

Радулъ, сынъ Михны, воевода Волошскій, 1611 — 1616, 1619—1623 г.—45.

Радулъ, воевода Волошскій, 1700 г.—319.

Ракоцій, Георгій II, господарь Трансильванскій, 1648-1657 г. († 1660 г.).—179.

Ракоціане, приверженцы Ракоція.—340.

Распятія придѣлъ, въ храмѣ Воскресенія въ Іерусалимѣ. —55, 56, 72.

Рафаилъ, іеромонахъ Іерусалимскій (1743 г.).—434.

Рафаилъ II, патріархъ Константинопольскій, 1601—1608 г.—98.

Рашковъ, городъ на Днѣстрѣ. —202.

Римляне, народъ.—293.

Римляне, см. Латиняне.

Римскіе императоры, см. Константинъ, Ѳеодосій.

Римскіе папы, см. Павелъ, Стефанъ.

Римъ, городъ.—97—99, 263, 349, 415.

Родіанинъ, житель Родоса.—312.

Родосъ, городъ.—95.

Родосъ, островъ.—98, 100.

Рождества пещера, въ Виѳлеемѣ. — 70, 72, 73, 111, 274, 275, 277, 279, 290, 293, 298, 448, 450.

Рождества церковь, Виѳлеемскій храмъ.—56, 273, 279, 290, 292, 382, 450.

Романовъ, Иванъ Никитичъ, бояринъ (1625 г.).—49.

Ромеи, см. Греки.

Россійскій синодъ. — 414, 416. 417, 428, 456, 457, 459—467, 472, 473.

Россія, Русь, Московія, Московское государство, страна.— 1—7, 17, 19, 20, 25, 28, 29, 34, 35, 37, 39, 42, 43, 50—54, 62, 71, 80, 81, 84, 96, 97, 101, 117, 124, 125, 128, 129, 136, 157, 159—162, 183, 185, 190, 204, 218, 225, 231, 237, 238, 246, 250, 252, 256, 261, 262, 271, 272, 295, 301—303, 311, 313, 315, 317, 332, 335, 350, 351, 355—357, 359, 360, 363—371, 373, 379, 386, 400, 407, 410, 411, 414, 417, 418, 429, 431, 445, 451, 461—463, 467—473.

Румыны, народъ.—224.

Русскіе, Москвитяне, Москали, Россы, Русаки, Русяне, Русы, народъ.— 27, 29, 32—35, 38, 39, 42, 43, 163—167, 170, 183—185, 211, 247, 264, 268, 269, 279, 281, 283, 286, 288, 291, 314—316, 339, 341, 350—354, 365, 366, 368—371, 385, 402, 410, 468.

Русскіе цари, см. Алексѣй, Борисъ, Іоаннъ, Михаилъ, Петръ, Ѳеодоръ.

Русскіе епископы.—2, 3.

Русскій императоръ, см. Петръ.

Русское, Московское правительство.— 1, 5, 7, 11, 45, 55, 59—61, 69, 87, 93, 94, 101, 102, 108—111, 113—115, 119—121, 130, 155, 160—162, 164, 181, 183, 185, 187, 188, 191, 195, 201—205, 207, 211, 212, 214, 219—221, 225, 226, 235—238, 241, 250—252, 255—257, 266, 271, 275, 283, 284, 287, 300, 303, 307, 308, 315, 317, 320—323, 326, 329—332, 336, 354, 356—359, 372—374, 376, 382, 383, 391, 392, 398, 401, 403, 409—412, 414, 417, 429, 430, 433, 434, 436, 439, 443—445, 467—473.

Рѣки, см. Днѣпръ, Дунай, Іорданъ, Прутъ, Раба, Терекъ.

Рязанское подворье, въ Москвѣ.—16.

Савва, келарь Чудова монастыря.—207.

Савельевъ, Романъ, грекъ (1637 г.).—81.

Саввы Освященнаго монастырь, *Мāр-Сабā*. — 15, 16, 20, 46, 48, 50—53, 135, 383, 451, 457.

Саксонскій король, см. Августъ.

Самойловичъ, Иванъ, гетманъ малороссійскій, 1672—1687 г.—252, 253.

Самуилъ Мирославскій, митрополитъ Кіевскій, 1786—1796 г.—467.

Сапоръ, см. Сиваръ.

Сарацины, см. Арабы.

Святая земля, см. Палестина.

Святогробское братство. — 473.

Святые, см. Адамъ, Александръ, Василій, Владиміръ, Григорій, Діонисій, Епифаній, Іоаннъ, Константинъ, Лука, Максимъ, Николай, Павелъ, Петръ, Сергій, Софроній, Фотій.

Святыя, см. Девора, Елена, Марія.

Святый градъ, см. Іерусалимъ.

Святыя мѣста. — 6, 8—10, 15, 17, 23, 25, 57, 58, 70, 77, 83, 93, 100, 111—113, 115, 118, 133—135, 141, 143, 144, 158, 171, 172, 175, 185, 207, 252, 271, 272—282, 284, 285, 287, 290—294, 298, 308, 314—332, 390, 394—398, 435, 437, 438, 448, 449, 464.

Севастійскій митрополитъ, см. Іосифъ.

Седмиградская земля, см. Трансильванія.

Селиванъ, ученикъ Максима Грека.—40.

Селимъ I, султанъ Турецкій, 1512—1520 г.—276, 446.

Селунскій митрополитъ, см. Паисій.

Семеновъ, Николай, ученикъ греческой школы въ Москвѣ (1694 г.).—310.

Семеновское, село.—126.

Серафимъ, іеромонахъ Іерусалимскій (1768 г.),— 462, 463.

Сербская земля, Сербія, страна.—3, 7, 349.

Сербскіе короли, см. Иванъ, Стефанъ.

Сербскіе митрополиты, см. Михаилъ, Симонъ.

Сербы, народъ. — 157, 292, 349—351, 353.

Сергій, чудотворецъ Радонежскій, † 1391 г. Память 25 Сентября.—40, 96—98.

Сергій Ладыженскій, казначей (1625 г.).—51.

Сергія мощи.—36, 37.

Сергѣй Матвѣевичъ, Русскій посолъ (1634 г.).—76.

Сибирь, область.—235, 385.

Сиваръ, Сапоръ II, царь Персидскій, 309—379 г.—280.

Сигизмундъ, см. Жигимунтъ.

Силистрійскій митрополитъ, см. Іоакимъ.

Сильвестръ, монахъ Аѳонскій (1648 г.).—121.

Симеонъ Алексѣевичъ, царевичъ, сынъ Алексѣя Михаиловича, † 1669 г.—229.

Симонъ, Симеонъ, митрополитъ Сербскій, потомъ Казанскій, 1644 г.—93, 116.

Симонъ Азарьинъ, келарь Троицкой лавры, писатель, XVII в.—28, 40.

Синай, Синайская гора. — 1, 7, 10, 72, 94—102, 268—270, 316.

Синайская обитель, монастырь.—24, 93—97, 102, 267—270.

Синайскіе митрополиты, см. Іеремія, Марко.

Синаиты, монахи.—286.

Синодъ, см. Іерусалимскій, Константинопольскій, Россійскій.

Сирійскіе монастыри.—452.

Сиріяне, секта.—447, 448.

Сіонская церковь, въ Іерусалимѣ.—276.

Сіонъ, гора.—4, 276, 324.

Скиѳы, народъ.—339.

Славянскій языкъ. — 230, 348, 349.

Смоленскъ, городъ.—130.

Снятія со креста мѣсто, въ храмѣ Воскресенія въ Іерусалимѣ. — 290, 293, 298, 447, 450.

Соловки, Соловецкій монастырь.—62, 150, 162, 211.

Соломонъ, царь Іудейскій. — 120, 136, 309, 320.

Сомовъ, Матвѣй Михаиловичъ, дьякъ, Русскій посолъ въ Константинополѣ, 1633 г.—70, 72, 79.

Софиръ, см. Ивановъ.

Софіи церковь, въ Кіевѣ. — 152.

Софія Святая, храмъ въ Константинополѣ. — 102, 147, 310, 321.

Софроній, архіепископъ Македонскій (1630 г.).—106.

Софроній, іеродіаконъ Іерусалимскій (1768 г.).—463.

Софроній I, патріархъ Іерусалимскій, 634—644 г. Память 11 Марта.—446.

Софроній V, патріархъ Іерусалимскій, 1579—1607 г.—11—16, 18, 20—25, 27, 113, 132, 277, 448.

Софья Ѳоминишна Палеологъ, жена Іоанна III, † 1503 г.—7.

Софья Алексѣевна, Рус-

ская царевна-правительница, † 1704 г.—252, 266, 271.

Спаса на престолѣ образъ. —89.

Спаѳарій, Николай, грекъ переводчикъ.— 309, 310.

Стефанъ, чудотворецъ.— 96.

Стефанъ, Сербскій король.— 182.

Стефанъ VI, папа Римскій, 885—891 г.—414.

Стефанъ, Георгица, господарь Молдавскій, 1654—1658 г. —179.

Стефанъ Яворскій, мѣстоблюститель патріаршаго престола, 1700—1721 г. — 349—353, 365, 367.

Страны, см. Австрія, Анатолія, Англія, Болгарія, Валахія, Голандія, Грецція, Египетъ, Иверская, Индія, Испанія, Италія, Литва, Нѣмецкая, Палестина, Персида, Польша, Россія, Сербія, Турція, Финикія, Франція, Швеція, Этолія.

Сулейманъ II, султанъ Турецкій, 1520—1566 г. — 277, 446.

Сухановъ, Арсеній, паломникъ-писатель, 1649—1653 г.—133, 148—150, 156—159, 162, 164—167, 173—176.

Сѣвскъ, городъ.—151.

Таврискій островъ, см. Крымъ.

Таганрогъ, городъ.—314.

Тарговистъ, см. Торговище.

Татарскій ханъ.—343.

Татары, народъ.—6, 83, 130, 131, 153, 155, 159, 282, 294—296, 311, 319, 320, 325, 385, 387.

Татьяна Михаиловна, царевна, дочь Михаила Ѳеодоровича.—144.

Тейлсъ, голландскій переводчикъ въ Константинополѣ (1713 г.).—402.

Темпліеры, Іерусалимскіе кавалеры, рыцарскій орденъ. —440.

Терекъ, рѣка.—87.

Тимоѳей, іеромонахъ, начальникъ типографскаго училища въ Москвѣ (1682 г.).—249.

Тимоѳей II, патріархъ Константинопольскій, 1614—1621 г.—45.

Тихонъ Васильевъ, Русскій посолъ въ Турціи (1625 г.). —47.

Тифлисъ, городъ.— 293.

Толстой, Петръ Андреевичъ, стольникъ, Русскій посолъ въ Турціи, 1702—1714 г.— 334—338, 343, 367, 384, 392—398, 402, 403, 410, 413, 443.

Торговище, Тарговистъ, городъ.—160, 312.

Трансильванія, Седмиградская земля, область.— 224, 295, 400.

Трансильванскій митрополитъ, см. Аѳанасій.

Троице-Сергіева лавра. — 28, 31, 36, 38, 40, 42, 97, 140, 148.

Трубецкой, князь, Иванъ Юрьевичъ, фельдмаршалъ, † 1750 г.—461.

Тула, городъ.—123.

Турецкіе султаны, см. Амуратъ, Ибрагимъ, Магометъ, Мустафа, Османъ, Селимъ, Сулейманъ.

Турки, Турскіе люди, Агаряне, народъ.— 6, 25, 56, 80, 100, 106, 107, 127, 132, 133, 137, 138, 143, 144, 147, 153, 155, 156, 161, 162, 177, 179, 181—183, 186, 191, 193, 195, 209, 238, 242, 261, 273, 276, 278—280, 282—284, 287, 290, 291, 293—297, 300, 308, 311—314, 316, 317, 319—322, 325, 327, 330, 331, 340, 342, 357, 359, 368, 385—390, 399, 401—403, 409, 410, 432, 437—445, 449, 452, 456, 468, 471.

Турція, Турецкая имперія, Агарянское царство, Оттоманская Порта.—6, 45, 47, 55, 59, 70, 71, 73, 87, 113, 115, 170, 172, 177, 180, 214, 220, 221, 225, 241, 246, 252, 261, 262, 266, 271—273, 278, 280, 308, 315—318, 321, 322, 327—329, 332, 334, 335, 339, 340, 342—344, 356—360, 372, 382, 384, 392, 394—396, 398, 400—407, 410—414, 429, 439—441, 443, 444, 446, 453, 454, 455, 465, 468.

Тӯръ, джебел-ет-, см. Елеонская.

Украинцевъ, Емельянъ Игнатьевичъ, дьякъ, Русскій посланникъ въ Константинополѣ, 1699 г. — 315—320, 323, 324, 329, 330, 347.

Украйна, см. Малороссія.

Успенія монастырь, въ Молдавіи.—123.

Успенія церковь, въ Москвѣ.—135, 138.

Успенскій соборъ, въ Москвѣ.—31, 38, 206.

Успенскій, великой пещеры, Богородицы монастырь, близь Калавриты.—105.

Устиніанъ, Юстиніанъ I, императоръ Византійскій, 527—565 г. — 102, 249, 268, 280, 281, 283.

Устинъ, Юстинъ I, императоръ Византійскій, 518—527 г.—280.

Филаретъ Никитичъ, патріархъ Московскій, 1619—1633 г.—27, 30, 34—36, 39, 43—46, 51—53, 56—63, 65—67, 69—73, 77, 96, 100, 101, 106, 110, 113, 114, 183.

Филипповъ, Димитрій, грекъ (1638 г.).—83.

Филиппъ III, Испанскій король, 1598—1621 г. — 99, 293.

Филоѳеевъ Благовѣщенскій монастырь, на Аѳонѣ.—104.

Филиппъ-градъ, Филиппополь, городъ.—229.

Финикія, страна.— 276.

Флорентійскій соборъ, 1439 г.—4.

Фотій, патріархъ Константинопольскій, 857—867 г., 877—886 г., † 891 г. Память 6 Февраля.—301.

Францискане, латинскій монашескій орденъ.— 447, 448.

Французскіе короли, см. Генрихъ, Людовикъ.

Французскіе послы, въ Турціи.—272, 395, 441, 448.

Французы, Франки, народъ.— 273, 276—279, 281, 282, 290, 291, 294, 321—324, 326, 327, 340, 367, 449, 452, 453, 459.

Французская земля, Франція.—99, 100, 273, 453.

Хабези, Абиссинцы, Абиссаніи, Ависиняне, народъ.— 11, 447, 448.

Халкидонская область.— 92.

Халкидонскій митрополитъ, см. Даніилъ.

Хатанъ, Хаттабъ, отецъ калифа Омара.— 445.

Хилковъ, Андрей Васильевичъ, князь, бояринъ (1625 г.).—51.

Хіосскіе художники.— 273.

Хіосъ, островъ.— 209.

Хмельницкій, Богданъ, Малороссійскій гетманъ, 1647—1657 г. — 121, 125, 130, 131, 145, 152—156, 158—161, 164, 170, 185, 186, 220.

Хмельницкій, Тимоѳей, сынъ Богдана Хмельницкаго. — 202.

Хоривъ, гора.—96.

Храмы, см. Церкви.

Хрисанѳъ, патріархъ Іерусалимскій, 1707—1730 г. — 287, 288, 290, 291, 293—296, 298—303, 306—311, 326—329, 347, 373—377, 379, 381—383, 386—394, 397, 398, 401—411, 414, 416, 417, 422, 429, 431, 456—458, 471.

Христофоровъ, Константинъ, переводчикъ (1682 г.).—247.

Христофоръ, патріархъ Антіохійскій (1621 г.).—46.

Царевичи, см. Алексѣй, Грузинскіе, Димитрій, Симеонъ.

Царевны, см. Анна, Ирина, Софія, Татьяна.

Цари, см. Іудейскіе, Македонскій, Русскіе, Персидскіе.

Царицы, см. Анастасія, Ангелина, Евдокія, Ирина, Марія, Марѳа, Наталья.

Царьградъ, см. Константинополь.

Церкви, храмы, см. Благовѣщенія, Воскресенія, Іакова, Константина, Михаила, Мучениковъ, Параскевы, Петра, Рождества, Сіонская, Софіи, Успенья, Ѳеклы.

Цесаревъ посолъ.—45.

Цесарь, см. Леопольдъ.

Черкаская земля, см. Малороссія.

Черкасскій, Иванъ Борисовичъ, князь, бояринъ (1625 г.).—48.

Черкасы, см. Казаки.

Черниговскій архіепископъ. —299.

Черниговъ, городъ.—16.

Черное море.—75, 155, 181, 314, 339—341.

Чернышевъ, Петръ Григорьевичъ, графъ, Русскій резидентъ въ Лондонѣ (1768 г.).—463.

Чигиринъ, городъ.—159.

Чириковъ, Русскій посолъ въ Турціи, † 1681 г.—241.

Чистого, Назарій, дьякъ (1649 г.).—152.

Чудовъ монастырь, въ Москвѣ.—126, 129, 148, 172, 207.

Шаисъ-паша, Турецкій посолъ въ Литвѣ (1634 г.).—76.

Шаптамъ-ага, грекъ (1658 г.).—179.

Шаръ, городъ.—130.

Шафировъ, Петръ Ивановичъ, баронъ, Русскій посолъ въ Константинополѣ, 1711—1714 г.—402, 405—407, 410, 413.

Шведскій король, см. Карлъ.

Шведы, народъ.—341, 344, 355, 359, 390.

Швеція, страна.—385.

Шереметевъ, Михаилъ Борисовичъ, графъ, Русскій посолъ въ Константинополѣ, 1711—1714 г.—402, 410.

Шереметевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, бояринъ (1625 г.). —49.

Шумлянскій, Іосифъ, Львовскій епископъ уніатъ, 1672 г.—254, 385.

Щербанъ, Кантакузинъ, воевода Валашскій (1692 г.).—292.

Эллины, см. Греки.

Эргакій, Георгій, грекъ (1711 г.). —399—401, 405.

Этолія (Италія), страна.—167.

Юрьевъ, Димитрій, грекъ (1659 г.).—181.

Юрьевъ, Иванъ, грекъ (1659 г.).—181.

Юрьевъ, Стефанъ, грекъ (1665 г.).—203, 204.

Юстиніанъ, см. Устиніанъ.
Юстинъ, см. Устинъ.
Юсуфъ-ага (1658 г.). — 180.
Юсуфъ-паша (1658 г.).—180, 406.
Юсуфъ-паша, 1713 г.—406.
Ядринскій городъ, см. Адріанополь.
Яковитяне, секта.—447, 448.
Яковлевъ, Семенъ, Русскій посолъ въ Турціи, 1629 г. —59.
Яновъ, Василій Ѳедоровичъ, патріаршій бояринъ (1649 г.).—140.
Яссы, городъ.—93, 117, 156, 172, 187, 194, 195, 202, 203, 300, 345, 346, 382, 465, 466.
Яфа, см. Іоппія.
Ѳеклы церковь, въ Іерусалимѣ.—450.
Ѳеклы мощи.—18, 134.
Ѳеодора Тирона монастырь, въ Іерусалимѣ.—457.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь Русскій, 1584—1598 г. — 11, 16—18, 24, 25, 67, 94.
Ѳеодоръ Годуновъ, сынъ Бориса, † 1605 г.—15, 18, 21.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь Русскій, 1676—1682 г. — 236, 239, 252.
Ѳеодосій Великій, Римскій императоръ, 379 — 395 г. Память 17 Января.—249.
Ѳеодосій II Младшій, Византійскій императоръ, 408—450 г. Память 29 Іюля.—280, 281, 283.
Ѳеодосій, дьяконъ Іерусалимскій (1603 г.). — 16.
Ѳеодосій, митрополитъ Московскій, 1461—1465 г. — 2—4.
Ѳеодосій, патріархъ Іерусалимскій (1517 г.).—446.
Ѳеодосія, см. Кафа.
Ѳеофанъ IV, Іерусалимскій патріархъ, 1608—1644 г.—16—23, 26—39, 42—46, 48—60, 62, 63, 65, 67, 69—73, 75—81, 83—89, 91—96, 98, 100—108, 110—116, 120, 121, 123, 131, 140, 163, 181, 183, 185, 220, 277, 448, 449, 467.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, † 1736 г.—312.
Ѳомина недѣля. — 74.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Предисловіе I

I. Сношенія патріарховъ Германа и Софронія съ русскимъ правительствомъ (1534—1607 г.). 1

II. Сношенія патріарха Ѳеофана съ русскимъ правительствомъ (1608—1644 г.) 27

III. Сношенія патріарха Паисія съ русскимъ правительствомъ (1645—1661 г.) 116

IV. Сношенія патріарха Нектарія съ русскимъ правительствомъ (1661—1669 г.) 187

V. Сношенія патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и царевнѣ Софьѣ (1669—1690 г.) 222

VI. Сношенія патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ при Петрѣ Великомъ (1690—1707 г.) . . . 271

VII. Сношенія патріарха Хрисанѳа съ русскимъ правительствомъ (1707—1730 г.) 274

VIII. Сношенія патріарховъ Мелетія, Парѳенія и Авраамія съ русскимъ правительствомъ (1731 — 1766, 1775—1787 г.). 418

Указатель собственныхъ именъ 475

Оглавленіе 509